

ДК
56
В42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

V

1952

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ДК
56
В42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННИК

Том V

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА—1952

Г И И Б
ОБМЕН. ФОНД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *Б. Д. Греков*, академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пуглевская*, член-корреспон-
дент АН СССР *В. Н. Лазарев*, *М. В. Левченко*, *К. Р. Симон*,
Э. В. Удальцова (отв. секретарь)

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧН.
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОДАЧЕНО
1956

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Д. ДМИТРЕВ

ДВИЖЕНИЕ СКАМАРОВ

С конца V в. н. э., одновременно с массовыми вторжениями славянских племен в пределы Восточно-Римской империи, начавшимися в это время, в восточно-римских пограничных провинциях развивалось широкое народное движение, известное из источников под названием движения скамаров. Скамары оказывали могучую поддержку вторгавшимся славянам и вместе с последними принимали активное участие в разрушении рабовладельческих порядков Восточно-Римской империи.

Таким образом, в период распада единой Римской державы на Востоке происходили события, аналогичные тем, которые имели место на Западе: мощные народные движения сливались здесь с вторжениями славянских племен и наносили совместно с ними сокрушающие удары Восточно-Римской рабовладельческой империи.

Состояние наших источников не позволяет воссоздать более или менее полно картину событий, связанных с движением скамаров. Мы имеем только самые скудные и отрывочные сведения о скамарах и притом относящиеся почти исключительно к северной римской провинции — Норике. Поэтому для того, чтобы ознакомиться с предпосылками движения скамаров, с его характером и с социальным составом участников, необходимо изложить события, происходившие в Норике в 60—70-е годы V в.

К этому времени римское господство в Галлии, Испании и Африке уже пало. Среди „варварских“ владений там оставались только небольшие островки, за которые еще цеплялась обесиленная и обескровленная римская власть. Не менее беспомощным оказывалось в это время римское правительство и в северных дунайских провинциях — Редии, Норике и Паннонии. После смерти Атиллы и распада гуннского союза на территорию этих провинций начали наступать различные „варварские“ племена, почти не встречая никакого сопротивления со стороны пограничных римских войск.

Остготы вторглись в Паннонию и прочно утвердились там. Оттуда они часто производили нападения на Норик и, вероятно, в качестве федератов империи сделались фактическими хозяевами *Noricum mediterraneum*¹. Руги, расположившиеся на левом, северном берегу Дуная, вдоль всей границы Норика, мало-помалу распространяли свое

¹ *Jordani Getica*, 50: *accipientes Pannoniam, quae in longo porrecta planitiae habet ab oriente Moesiam superiorem, a meridie Dalmatiam, ab occasu Noricum, a septentrione Danubium; ср. Eugippii. Vita Severini*, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1898, 5, 1. *Jord. Get.*, 52.

господство на *Noricum ripense*, облагая его города данью¹. Аламаны и свевы утверждались в различных частях Реции². Кроме того, в эти провинции часто вторгались отдельные отряды герулов, гепидов, скиров, славян и других народностей, пришедших в движение после распада гуннского союза.

Одновременно с вторжениями „варваров“ в самой провинции Норик происходило движение так называемых скамаров, которое отсюда распространялось в Паннонию и далее — в пограничные провинции Восточно-Римской империи.

Об этом движении мы узнаем из „Жития св. Северина“, составленного его учеником Евгиппием в 511 г.³ Если не считать весьма кратких надписей и лаконичных известий хроник, это житие — наш единственный источник для ознакомления с внутренней жизнью небольшого района на Дунае в период 453—483 гг. Но и этот источник не является полноценным. Составленный в обычном житийном стиле, он содержит крайне скудные данные для характеристики социальных отношений в Норике; автор жития сосредоточивает свое внимание исключительно на личности Северина и его деяниях.

Местности, которые проходят перед нами в „*Vita Severini*“, — это города на римской границе по Дунаю, от Верхней Паннонии, через *Noricum ripense* — вверх до слияния Инна (*Aenus*) с Дунаем, а также близлежащие города Реции. „*Vita Severini*“ называет Комагену, Фавиану, Лавриак, Астуру, Йовиак, Бойодур, Батаву, Квинтану и некоторые другие, менее значительные города.

Когда-то, во II—IV вв., эти города представляли собой сильные крепости, в которых стояли многочисленные римские гарнизоны, охранявшие эту часть территории Римской империи от вторжения внешних врагов. Тогда римское господство в Норике казалось несокрушимым; Рим подавлял своей мощью всякое сопротивление поработенных народных масс. Вместе с тем в тот период многие из этих городов являлись важными экономическими центрами.

Торговля Норика и Паннонии со странами Средиземного моря во II—IV вв. была очень интенсивна. Из Норика в изобилии вывозили сельскохозяйственные продукты, особенно вино и масло; большую роль играла торговля железом, скотом, кожами, а также изделиями местного ремесленного производства⁴. Особенно оживленной была торговля гончарными изделиями. В городах Реции, Норика и Паннонии, как видно из новейших археологических раскопок, керамическое производство достигло значительного развития. Этим ремеслом добывало себе средства к существованию весьма большое число жителей городов. Об этом свидетельствует множество надписей, обнаруженных на глиняных изделиях, в подавляющем большинстве — с туземными именами: *Agesilus, Amio, Aper, Anno, Attus, Bellus, Callo, Cillus, Cingges, Fortis, Luppo, Luccejus, Majanus, Matto, Matuga, Muscella, Nassa, Pona, Saciro, Ursio, Udlugesus* и т. д.⁵ Простые имена и прозвища мастеров, изготовлявших эти несложные изделия, показывают, что ими были простые люди — свободные бедняки, вольноотпущенники и рабы, работавшие в мастерских своих владельцев.

¹ *Eugip. Vita Sever.* 5, 1; 8, 1; 31, 4.

² *Ibid.*, 19; 22, 4; 27, 1 ff; 25, 3.

³ *Ibid.*, p. VII.

⁴ *Expositio totius mundi*, с. 57, ed. Riese (*Geogr. lat. min.*), p. XXIX; *Solin.*, 21, 3.

⁵ *Steiner. Codex inscriptionum romanorum*, 2526, 2677, 2679, 2636, 2665, 2635, 2680, 2668; *ep. Register zum Codex*, S. 62—79, 94, 110—112, 194, 205.

Кроме того, в некоторых больших городах Норика существовали мастерские для изготовления шерстяных, суконных, льняных и пурпурных тканей, каменотесные, скульптурные, меднолитейные, кузнечные, ювелирные мастерские, а близ городов находились золотые и железные рудники. Последние, доставлявшие много высококачественного материала¹, имели для империи большое значение в военном отношении: в больших городах Норика и соседней Паннонии были организованы императорские оружейные мастерские, в которых применялся почти исключительно труд рабов².

Во всех этих мастерских и в рудниках было занято большое количество рабов и свободных бедняков, имевших мизерные средства для существования.

С другой стороны, в экономике провинции важное место занимало сельское хозяйство. Альпийские предгорья и равнины Норика были очень плодородны, имели прекрасные пастбища, луга и виноградники. Норик называли страной мелкого крестьянского хозяйства по преимуществу³. Большая часть жителей городов и местечек занималась одновременно и сельским хозяйством: они имели за пределами города небольшие участки пахотной земли, пастбища, виноградники и фруктовые сады и возделывали их на правах государственных арендаторов⁴. По словам источника, жители городов жили скромно от трудов своих на этих полях и в этих садах и большую часть своих дней проводили вне городских стен, занимаясь сельскохозяйственными работами⁵.

Иная картина встает перед нами из „Жития св. Северина“, рисующего положение в этой провинции во второй половине V в. В это время цветущие города и местечки Норика резко изменили свой вид. Торговля и сельское хозяйство пришли в упадок, ремесленные мастерские почти прекратили свое существование, и жизнь трудящегося населения стала еще более тяжелой. Простые люди переживали крайне бедственные времена.

Как видно из многих мест „Жития“, постоянные вторжения „варваров“, сопровождавшиеся опустошениями и общей хозяйственной разрухой, совершенно подорвали призрачное экономическое благополучие сельского Норика. Крестьяне разорялись, нищали и голодали⁶. В результате прекращения ремесленного производства и закрытия мастерских огромное количество рабов и бедняков утратило какие бы то ни было средства к жизни и также влачило голодное нищенское существование.

Евгиппий рассказывает, что многократные вторжения и опустошения совершенно уничтожили сельское хозяйство в областях прибрежного Норика, и эти когда-то очень плодородные местности во второй половине V в. были не в состоянии обеспечить хлебом даже своих жителей. Нужно было доставлять продовольствие из внутренних областей, лучше защищенных от постоянных вторжений „варваров“.

¹ Древняя слава железа Норика, высокое качество и твердость которого вошли в поговорку, сохранялась до конца империи. Plin. i. Naturalis historia, XXXIV, 145; Rutil. Namatian., Itin., I, 351 ff.

² Notitia dignitatum называет большие императорские оружейные мастерские в Лавриаке и в паннонских городах Карнунте, Аквинкуме и Сирмие, см. Not. dign., occ., VIII, 43.

³ Claudiani. De bello Gethica, 365: Norica rura.

⁴ Eugip. Vita Sever., 12, 4; ager segetis... seges exigua, multis vicinorum circumdata frugibus.

⁵ Ibid., 4, 1; extra muros — homines pecudesque.

⁶ Eugip. Vita Sever., 40,5: haec quippe loca nunc frequentata cultoribus in tam vastissimam solitudinem rediguntur.

Но доставка хлеба и других продуктов не была налажена и часто задерживалась вследствие расстройств римского правительственного и военного аппарата.

Обанкротившиеся римские власти не могли уже не только возродить экономическую жизнь прибрежных городов Норика, но даже создать видимость прочности римских порядков в провинции. Они заботились лишь о собственном благополучии и были глухи к страданиям и бедствиям народа. В страхе перед „варварами“ и оказывавшими им поддержку массами эксплуатируемого населения Норика римская гражданская и военная администрация спешила покинуть угрожаемые местности и спасалась бегством во внутренние области провинции или в Италию, оставляя на произвол судьбы местное население.

Большинство регулярных римских войск, стоявших в пограничных городах, было отозвано для защиты Италии, а оборона Норика была фактически передана наемным „варварским“ дружинам, которые еще более отягощали разоренное население постоянными реквизициями и поборами в счет государственной анноны.

При таком положении вещей в городах и местечках прибрежного Норика часто наступал голод, во время которого знатные и богатые жители обнаруживали свою алчность и свое бессердечие по отношению к голодающим беднякам, сами предаваясь всем наслаждениям богатой и сытой жизни¹. Они имели в своих амбарах и складах большие запасы хлеба и, не чувствуя нужды за стенами своих вилл, не видели и не слышали страданий и воплей голодного народа.

Евгиппий рассказывает, что в городе Фавиане многие знатные и богатые римские колонисты во время голода стремились лучше скрыть свои запасы хлеба, чтобы, пользуясь бедствием, дороже продавать его, когда голод и нужда еще более усилятся. В числе таких алчных извергов была одна римская вдова знатного происхождения, по имени Прокула, которая зарыла в своем имении большое количество зерна². На почве голода в городе начались народные волнения.

Не видя спасения и изнемогая от нужды, голодные люди закипали гневом и ненавистью к богачам. Бедняки толпами ходили по городу, насильственно отбирали хлеб у богачей, громили закрытые продовольственные магазины и бежали к повсюду бродившим „варварам“, становясь на путь вооруженной борьбы против своих угнетателей.

„Вот к чему, — пишет Энгельс, — привело римское государство с его мировым господством: свое право на существование оно основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне; но его порядок был хуже злейшего беспорядка, а варваров, от которых оно бралось защищать граждан, последние ожидали как спасителей“³.

Крестьяне покидали свои участки земли, рабы и городской плебс оставляли города и уходили в горы. Здесь, в отрогах Альп они объединялись с отрядами наступавших „варваров“, снабжавших их оружием, и вместе с ними выступали против безмерно угнетавшего их государства. К ним присоединялись и солдаты, несшие гарнизонную службу в городах и состоявшие в большинстве из варварских наемников. Они также были обречены на голод, так как вследствие разрыва коммуникаций с центральным правительством и общего расстройства римского

¹ Eugip. Vita Sever., 1, 2: animi contumaces ac desiderii carnalibus inquinati; 22, 3: aperta scurrilitas.

² Eugip. Vita Sever., 3, 2: quendam viduam nomine Proculam fruges plurimas occultasse, quam productam in medium arguit.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 125.

государственного аппарата на местах, почти не получали ни продовольствия, ни положенного жалованья¹.

Так образовались в Норике вооруженные отряды, состоявшие из порабощенного населения провинции и пришлых „варваров“. Скрываясь в горах, одетые в звериные шкуры, вооруженные по образцу „варваров“, эти отряды заполнили собой все горные проходы Альп и, спускаясь в долины Норика, нападали на римские виллы и на слабо укрепленные города, избивали и уводили в плен римских колонизаторов-рабовладельцев. В глазах последних это были страшные и неуловимые *latrones*, *latrunculi*. В дунайских провинциях они получили название скамаров, — так называет их и Евгиппий².

Происхождение слова *scamares* объяснить весьма трудно. П. И. Шафарик, первый обративший внимание на термин „скамары“, неправильно, однако, полагал, что скамарами назывался некий народ, который появился на Дунае с востока вместе с гуннами и аварами³. Вслед за Шафариком русские дореволюционные историки видели в скамарах остатки гуннов, очутившихся среди болгар после заселения последними Балканского полуострова. Так Д. Иловайский, приводя замечание Иордана о том, что „потомки гуннов, перешедших на Балканский полуостров, назывались сакромонтизиями и фозатизиями“⁴, совершенно искусственно сближает сакромонтизиев со скамарами. „Упомянутые Иордановы сакромонтизии, — пишет он, — по всей вероятности, суть не что иное, как переименованное название скароманты или скамары. Мы (вслед за Шафариком) сближаем с этим названием славянское слово скамрах или скоморох. Это одно из многих народных имен, обратившихся в бранное или насмешливое нарицательное имя“⁵.

Ближе к истине стоял В. Брукнер, который считал, что слово *scamares* происходит от лангобардского *scamar(a)*, *scamer(a)* — (мн. ч. — *scamaras*), что значит шпион, вор, разбойник. По его мнению, слово *scamar* есть прилагательное, образованное посредством суффикса *-ro* от корня *scam-* со значением покрываться, закутываться⁶.

Бесспорно, что термин „скамар“ имел социальный смысл. Античные писатели под скамарами разумели разбойников, — этим словом, отражавшим их классовую ненависть к порабощенным массам, они называли тех, кто выступал с оружием в руках против римских порядков. В таком смысле слово „скамар“ употребляют Евгиппий⁷, Иордан⁸, Менандр⁹ и хронограф VIII в. Феофан Византийский¹⁰.

В частности, Евгиппий прямо называет скамаров разбойниками и, описывая опустошительные набеги *latrones*, *praedones*, очевидно, разумет под этими терминами тех же скамаров¹¹. В таком смысле слово

¹ Eugip. Vita Sever., 20, 1: qua consuetudine desinent simul militares turmae... sunt deletae cum limite, Batavino utcumque numero perdurante... multorum milites oppidorum pro custodia limitis publicis stipendiis alebantur.

² Ibid., 10, 2: Histri fluenta praetermeans latrones properanter insequitur (Severinus), quos vulgus scamaras appellabat.

³ П. И. Шафарик. Славянские древности, перев. с чешского О. Бодянского, т. I, кн. 2, М., 1847, стр. 84.

⁴ Jord. Get., 50.

⁵ Д. Иловайский. Разыскания о начале Руси, М., 1876, стр. 373.

⁶ W. Bruckner. Die Sprache der Langobarden, Strassburg, 1895, S. 42, 179, 211; ср. Schade. Altdeutsches Wörterbuch, II Aufl., 1872, S. 776.

⁷ Eugip. Vita Sever., 10, 2.

⁸ Jord. Get., 58, 12—18.

⁹ Menander, fr. 35. Fragm. hist. graec. (FHG), t. IV, p. 237.

¹⁰ Theophani Chronographia, ed. Bonn., p. 673.

¹¹ Eugip. Vita Sever., 4, 2: *latrunculi*; 4, 4: *latrones*; 5, 3: *turba latrocinantium barbarorum*; 5, 3: *praedones*.

скамары встречается в лангобардских законах¹ и даже позднее — в некоторых средневековых латинских грамотах².

Конечно, движение скамаров в Норике началось не внезапно. Нам известно из источников, что освободительное движение порабощенного населения происходило здесь и ранее. Из слов Клавдиана можно заключить, что во время похода Алариха в Италию в 401 г., когда вестготы приближались к области верхнего Дуная, в Реции и Норике вспыхнуло народное восстание, благодаря которому Аларих, при поддержке восставших, без большого сопротивления перешел через Юлийские Альпы в Венецию и дошел до Медиолана³. Точно так же нам известно, что борющийся против багаудов в Галлии римский полководец Аэций подавлял в 430—431 гг. большое народное восстание в Норике⁴. Эти глухие, отрывочные известия показывают, что с началом „варварских“ вторжений в Норике часто происходили народные движения.

Теперь, в обстановке почти непрекращавшихся вторжений „варваров“ и полного бессилия центральной власти движение скамаров усилилось, проявляясь, впрочем, не в виде массовых восстаний, а в форме повстанческого движения, своего рода партизанской войны. Во многих местах своего „Жития“ Евгиппий упоминает о внезапных опустошительных набегах скамаров (*latrones*)⁵. Их отряды прорывались с левого берега Дуная через границы, спускались внезапно с гор и рассыпались по всей провинции — не только в прибрежных, но и во внутренних областях, — поднимая народ на освободительную борьбу. По своему характеру это движение ничем не отличалось от выступлений багаудов, буколов, агонистиков и других подобных им стихийных освободительных движений порабощенных Римской империей народных масс.

Скамары опустошали и жгли поля, громили виллы и дворцы богатей, беспощадно убивали тех, кто им сопротивлялся, а сдававшихся в плен частью обращали в рабов, частью же освобождали за большой выкуп⁶. Они нападали и на большие города, где укрывались римские колонизаторы, стекавшиеся со всех сторон под защиту городских стен. Скамары производили свои набеги по большей части ночью. Скрываясь в течение дня в лесах и горных ущельях, ночью они выступали на бой, имея при себе особые приставные лестницы, по которым быстро взбирались на стены городов⁷. Все дороги в провинции сделались небезопасными, и богатых путников, римских чиновников и солдат часто ожидали плен или смерть от бродивших отрядов скамаров⁸. Малая война против римлян шла непрерывно, и римские колонисты, вследствие бессилия местных властей и не доверяя мятежным дружинам „варварских“ наемников, должны были сами организовывать самооборону и охрану городов.

¹ *Lex Langobard.*, lib. I, tit. I, § 4 (Roth., 5): *si quis Scamaram intra provinciam celaverit aut annonam dederit, animae incurrat periculum.*

² *Capit. Sicardi principis Benevent.* art. I: *hoc promittimus ut si quis hostis aut Scamaras per nostros fines ad laesionem contra vos venire tentaverint. . . Epist. Stephani papae ad Pipinum regem*, ed. Baron., *Annal.* 755: *Scamaras atque depraedationes seu devastationes. . .*

³ *Claudiani. De bello Gethica*, 363—365; 380—384.

⁴ *Hydat.*, *Chron.* ad anno 431: *Aetius Noros edomat rebellantes; Sidonii Apollinarii Carmina*, VII, 233.

⁵ *Eugip. Vita Sever.*, 4, 4: *aviditas praedandi; 31, 4: praedonum vastatione creberrima.*

⁶ *Ibid.*, 22; 24; 27.

⁷ *Ibid.*, 30: *scalae, quas ad urbis excidium praeparantes.*

⁸ *Ibid.*, 20; 37.

Евгиппий подробно рассказывает об одном набеге скамаров (*latrones*) на окрестности Фавианы. Отряд скамаров был многочисленен и хорошо вооружен¹. Он появился внезапно в двух милях от Фавианы и стал опустошать поля, угонять скот, а жителей обращать в рабство. Начальник гарнизона трибун Мамертин долгое время не осмеливался выступить против скамаров, так как у него было мало солдат и все они были плохо вооружены².

Только после настойчивых просьб жителей, со слезами умолявших спасти их и их имущество от грозных врагов, Мамертин, по совету Северина, начал действовать. После тщательной разведки он выследил скамаров и напал на них в тот момент, когда они после набега беспечно отдыхали на берегу небольшой речки Тигундии.

Повстанцы (*latrunculi*) были застигнуты врасплох и частью бежали, оставив оружие, а частью были захвачены в плен.

Подобные столкновения, как это можно заключить из краткого рассказа Евгиппия, были довольно частыми.

В то же время из Реции и из-за Дуная в *Noricum ripense* вторгались аламаны, тюринги, руги, герулы и другие племена, с которыми сливались отряды скамаров, действуя совместно с ними против сохранявшихся еще очагов римского господства в северных дунайских провинциях. Перед лицом объединившихся внутренних и внешних врагов, наносивших последние удары римскому владычеству в Норике, римская администрация и римские колонисты бежали из одного укрепленного города в другой, а оставленные города попадали в добычу „варварам“ и их союзникам — скамарам.

Наконец, около 475 г. пал последний оплот римского господства в Норике — город Лавриак. Римские колонизаторы вынуждены были отдаться под защиту короля ругов Фелефея, который в интересах расширения своего влияния охотно согласился быть „союзником“ римлян и выступил против аламанов и скамаров³. Но под маской союзника он утверждал свое владычество на развалинах дунайской крепости империи и фактически превращался в нового хозяина Норика.

Как можно видеть из кратких сообщений других источников, движение скамаров не ограничивалось только провинцией Норик. В течение долгого времени оно происходило в Паннонии и особенно во Фракии, где, так же как и в Норике, рабы, колонны и другие поработанные бедняки бежали от римского гнета в малодоступные и непроходимые местности, а затем объединялись с вторгавшимися „варварскими“ народностями и совместно с ними выступали с оружием в руках против безмерно угнетавших их рабовладельцев и рабовладельческого государства. Эти повстанцы и здесь получили название скамаров. Таким образом от Норика и до Фракии в течение весьма продолжительного времени за борцами против рабовладельческой империи сохранялось название скамаров. Это показывает, как широко и мощно было движение скамаров, о котором, к сожалению, наши источники сохранили только отрывочные данные.

В трудно доступных и необитаемых местностях Паннонии и Фракии возникали целые поселения скамаров. Их жители были свободны и не знали римской неволи и римского гнета; они не знали тяжкого

¹ *Ibid.*, 4, 2: *hostium turba... arma omnium sustulerunt.*

² *Ibid.*, 4, 2: *milites habeo paucissimos, sed non audeo cum tanta hostium turba confligere... inermes sunt milites.*

³ *Ibid.*, 31, 6: *Romani de Lauriaco discedentes pacificis dispositionibus in oppidis ordinati benivola cum Rugis societate vixerunt.*

подневольного труда и были избавлены от ига террористического режима гибнущей цивилизации. Поэтому притягательная сила этих вольных поселений была велика и число их с течением времени все более и более увеличивалось. Они сыграли весьма большую роль в падении римского господства в восточно-дунайских пограничных провинциях и в окончательном утверждении там славян.

Иордан рассказывает, что в начале VI в. скамары были полными хозяевами в запустевших и оставленных римлянами местностях северного Иллирика. В 505 г. их вождем сделался некий Мундо, которого Иордан называет гунном, родственником Аттилы¹, Марцеллин считает готом², а Малада — гепидом из царского рода. Последнее является наиболее вероятным³.

Спасаясь от преследования короля гепидов Тразариха, Мундо вместе с группой близких людей перешел Дунай и нашел убежище на римской территории у скамаров, которые за храбрость и смелые набеги на римские города избрали его своим вождем. После этого множество скамаров из соседних местностей объединились вокруг него, и в Иллирике началась настоящая война против римских колонизаторов. Скамары захватили крепость Герту, лежавшую в области Сирмия и господствовавшую над Дунаем, сделали ее своим главным оплотом и, опираясь на нее, вели успешную войну против войск восточно-римского императора Анастасия (491—518)⁴.

В это время магистром армии в Иллирике был Сабиниан. Чтобы подавить восстание скамаров, он двинулся против них во главе десяти тысячного войска, привлекая на свою сторону бродившие в Иллирике отряды болгар. Одновременно отправил свои войска против скамаров и король гепидов Тразарих, претендовавший на восточно-римскую область Сирмия и заинтересованный в уничтожении своего врага Мундо.

Гепиды и войска Сабиниана осадили Герту. Теснимые врагами и истощенные голодом, главные силы скамаров решили уже сложить оружие, но к ним неожиданно подоспела помощь и они спаслись от разгрома. Как раз в это время остготы враждовали с гепидами из-за владений в дунайских областях, и остготский король Теодорих решил использовать восстание скамаров в своих интересах, чтобы утвердить свою власть в области Сирмия. Он отправил к крепости Герта свое войско под начальством Петцы, который завязал сношения с Мундо и заключил союз с восставшими скамарами⁵.

С помощью скамаров Петца разбил соединенные войска гепидов и Сабиниана и освободил защитников Герты, после чего Мундо признал власть Теодориха и вступил к нему на службу⁶. Сражение

¹ Jord. Get., 58, 14.

² Marcell., Chron. ad annum 505.

³ Malala, XVIII, ed Bonn., p. 450: ...Μουνδος ὁ ἐκ γένους τῶν Γηπέδων καταγόμενος, υἱὸς ἄν ῥήγος...

⁴ Jord. Get., 58, 14—16: fugiens ultra Danubium in incultis locis sine ullis terrae cultoribus divagatus et plerisque abactoribus scamarisque et latronibus undecumque collectis turrem quae Herta dicitur super Danubii ripam positam occupans ibique agresti ritu praedasque innectens vicinis regem se suis grassatoribus fecerat.

⁵ Ennod. Paneg., 12. Monumenta Germaniae historica (MGH), Auctores antiquissimi, t. VII, p. 210—211.

⁶ Jord. Get., 58, 18: Petza subveniens e manibus Sabiniani eripuit, suoque regi Theodorico cum gratiarum actione fecit subjectum. Позднее Мундо перешел на службу к императору Юстиниану I, принял христианство, был назначен магистром армии в Иллирике, где успешно сражался против славян. Он же во главе герулов принял участие в подавлении восстания „Ника“.

остготов с восточно-римскими войсками, в котором принимали участие и скамары, происходило, по Марцеллину, на реке Марге (Мораве) у крепости *Norgea Margi* (Хлебные амбары Марга). Сабиниан был разбит и потерял весь свой обоз. Много солдат его утонуло в Марге, а сам он успел бежать с немногими приближенными в крепость Нато¹.

Таким образом, императору Анастасию не удалось разгромить скамаров. Напротив, движение приобретало все больший размах, так как к скамарам бежало, вливаясь в их ряды, истощенное и голодающее население Паннонии, Мезии и Фракии, ненавидевшее своих поработителей. Движение скамаров (*latrones*) особенно усилилось в правление Юстиниана I (527—565), когда, как известно, для земледельческого населения Восточно-Римской империи наступили чрезвычайно тяжелые времена.

Как видно из многих новелл Юстиниана, провинциальные власти и сборщики налогов позволяли себе неслыханные злоупотребления, а крупные собственники безнаказанно применяли насилия по отношению к свободным крестьянам, захватывая их участки и обращая самих владельцев в своих зависимых колонов, положение которых ничем не отличалось от положения рабов². „Ибо, — говорит одна из статей закона Юстиниана, — какое может быть различие между рабами и колонами, если и те и другие находятся во власти своего господина“³. Городские и сельские власти жестоко грабили крестьян, развитие патроната только усугубляло их тяжелое положение, ибо, — как указывает Энгельс, — „патрон ставил им условие, чтобы они передавали ему право собственности на их участки“⁴; таким путем целые общины теряли последние остатки земли и воли, попадая в хищные лапы магнатов.

Ростовщики и кредиторы, пользуясь трудными временами, высасывали все соки из крестьян. В новелле XXX „О дающих заем земледельцам“ говорится о жадности кредиторов, использующих трудные обстоятельства и захватывающих земельные участки несчастных крестьян, и за малое количество хлеба „все их имущество“, причем характерно, что самый закон, из которого мы узнаем об этих жадных кредиторах, „прежде всего имеет отношение к Фракии и ко всем ее провинциям, а в настоящее время распространяется и на иллирийские провинции“⁵. В XXIV новелле Юстиниан также пишет о ростовщиках, за ничтожные хлебные ссуды захватывавших землю и имущество должников — мелких земледельцев Иллирика⁶. В XXXII новелле, обращенной к наместнику Гемимонта, снова речь идет о „безбожном корыстолюбии“ кредиторов, которые, „используя голодное время, за ничтожное количество хлеба забрали всю землю нуждающихся, так что одни земледельцы бежали, другие погибли от голода, произошла страшная убыль людей, ничем не меньшая, чем при варварском вторжении“⁷.

¹ Marcell. Chron., ad annum 505: multis suorum militibus in hoc conflictu perditis et in Margo flumine enecatis, amissis praeterea plaustris in castellum, quod Nato dicitur, cum paucis fugit.

² Codex Justiniani, IV, 65, 35; Nov., XVII, 13, 14.

³ Cod. Just., XI, 47, 21.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 127.

⁵ Цит. по работе: М. В. Левченко. Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв. „Византийский сборник“, 1945, стр. 52.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ Там же, стр. 52.

Все эти бедствия вызвали массовое бегство обезземленного, разоренного и голодающего сельского населения. Никакие законодательные и суровые административные мероприятия Юстиниана не помогли. Народ бежал толпами. Во Фракии люди скрывались в предгорьях и горах Гема, покрытых густыми буковыми лесами, и становились скамарами (*latrones*). Из многих новелл и эдиктов Юстиниана видно, что в его время движением *latrones* была охвачена вся Фракия, а также и другие восточные провинции¹. Строгие предписания Юстиниана ставили одной из важнейших задач неустанную и беспощадную борьбу местных гражданских и военных властей против *latrones*, которые во многих местах вступали в открытые вооруженные столкновения с полицейскими отрядами². Во Фракии скамары почти свободно, вооруженными толпами бродили по провинции и нападали на поместья богачей. В трактате о постройках Прокопий говорит, что каждое поместье на Балканах приходилось превращать в мощный замок, либо помещать возле него укрепленные военные посты. Однако разбросанные на далеком расстоянии друг от друга, войска не могли подавить выступления скамаров, тем более, что „варварские“ солдаты, из которых составлялись эти охранительные посты, часто оказывались ненадежными или даже враждебными по отношению к римлянам.

В то время, когда во Фракии и Иллирии развертывалось движение скамаров, происходили массовые вторжения в эти восточно-римские провинции славянских племен. „С того времени, — пишет Прокопий, — как Юстиниан принял господство над римлянами, гунны, склавины и анты почти ежедневно опустошали Иллирию и всю Фракию... и наносили жителям этих стран неисправимые бедствия“³. Однако эти „неисправимые бедствия“ обрушивались в основном только на господствующий класс рабовладельцев.

Конечно, грабежи „варваров“ и их жестокость по отношению будто бы ко всему населению провинций весьма сильно преувеличены византийскими писателями. Нельзя доверять рассказам Прокопия о том, что славяне обращали города и селения в пепел, что они „предавали лютой смерти всех без разбора попадавших к ним римлян и усеяли весь Иллирик и Фракию непогребенными трупами“, что весь Иллирик и вся Фракия были превращены в „скифскую пустыню“⁴.

В действительности ничего подобного не происходило.

Опустошительная сила славянских вторжений хотя и была велика, но развертывалась она под знаком уничтожения римской рабовладельческой империи. Вместе с храмами и дворцами, вместе с избиением рабовладельцев и разгромом их вилл славяне разрушали рабовладельческие порядки, рабовладельческий строй, причинявший неисчислимые страдания народным массам. Славяне несли с собой новые порядки, новый общественный строй, правда, более примитивный, но приводивший к несомненному улучшению быта поработанного населения восточно-римских провинций.

Славяне приносили с собой свободную общину и демократическое политическое устройство. Прокопий говорит: „Эти племена — склавины и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в демо-

¹ Nov. Just. XXIV, 4; XXV, 2, 5; XXVI, 1; XXVIII, 6; XXIX, 5; XXX, 7.

² Just. edict. VIII: in provinciis hisce homines habitare latrocinii et caedibus innutritos, et homines ferentes semper congregantes et armis utentes et his affugiuntque in has res constitutas poenas.

³ Procopii Anecdota, 18, ed. Haury, p. 114.

⁴ Procop. De bello Gothico, III, 38; Anecd., 18.

кратии, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается общим делом¹, а Маврикий Стратиг присовокупляет, что „племена славян и антов сходны... по своей любви к свободе“².

Вот почему опустошительные славянские вторжения находили широкий отклик в сердцах порабощенных масс. Они отвечали собственным чаяниям и надеждам этих масс, и в то время как знатные и богатые люди перед лицом вторгавшихся славян зарывали в землю свои сокровища, хватали из своих пожитков все, что могли, и бежали от врага либо в укрепленные города, либо в глубокий тыл, — угнетенные массы с чувством радости ожидали и встречали пришельцев с того берега реки, не видя в них своих врагов.

В этом была сила славян и слабость империи. Прокопий, говоря о времени Юстиниана, пишет: „Народ большими толпами убежал не только к варварам, но и к римлянам, живущим далеко за римскими пределами, и в каждой области, в каждом городе можно было видеть все большее количество пришлых (ξένους). Чтобы только скрыться от родной земли, каждый из них охотно менял ее на любую чужую землю, как будто бы их родина была захвачена врагами“³.

Движение скамаров, сочетавшееся со вторжениями славян, облегчило последним утверждение на византийской территории. Вот почему никакие преграды не могли обезопасить империю от славянских вторжений. Мы знаем, какое большое строительство укреплений на Дунае и в горных проходах Балканского полуострова предпринял Юстиниан. Прокопий в „Тайной истории“ называет эти постройки „безумными“ и указывает, что они поглотили огромное количество средств и сил, но так и не достигли цели. Никакие крепости не могли остановить славян, действовавших в контакте с порабощенными массами восточно-римских провинций.

Из отрывочных данных наших источников можно заключить, что это взаимодействие славян с скамарами в борьбе против византийской империи продолжалось весьма долгое время.

Так, Менаандр рассказывает, что в 570 г., после заключения мира между аvaraми и византийским императором Юстином II, скамары опустошали местности, смежные с Гемом, где они имели свои поселения. Они напали на большой обоз аварского кагана Баяна, послы которого возвращались из Константинополя. Обратив конвой обоза в беспорядочное бегство, скамары захватили лошадей, повозки, серебро и все, что находилось в обозе⁴. Это не был простой грабёж. Мы знаем, что славяне в это время находились во враждебных отношениях с аvaraми, поселившимися в 568 г. в Паннонии и пытавшимися покорить славян. С своей стороны император Юстин II, не имея достаточно войска, заключил союз с аварским каганом, чтобы совместными усилиями напасть на славян⁵. В такой ситуации скамары, выступая против послов Баяна, договорившегося о союзе с Юстином II, несомненно действовали как союзники славян.

¹ Procop. De bello Gothico. III, 14.

² Mauricii Strategicon, XI, 5.

³ Procop Anecd., II, 38—39.

⁴ Menander, fr. 35. FHG, t. IV, p. 237: "Ὅτι τῶν Ἀβάρων σπειραμένων καὶ ἐς τὰ οἰκεῖα ἀπερχομένων, οἱ Σκαμαρεῖς ἐγχωρίως ὀνομαζόμενοι ἐνεδρεύσαντες ἀφείλοντο ἵππους τε καὶ ἀργυρον καὶ ἕτεραν ἀποσκευήν."

⁵ L. Hauptmann. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VI-e siècle, Byzantion., t. IV (1927—1928), p. 154; E. Stein, Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II. Stuttgart, 1919, S. 46, 53.

И позднее, в VIII в. при императоре Константине V (741—775) скамары выступают в наших источниках как союзники болгар и славянских племен в борьбе против деспотического византийского государства. Известно, что Константин V вел ожесточенные войны с болгарами. В это время славянское государство — Болгария, проводя объединительную политику, добивалось у византийского правительства подтверждения своих прав на владение некоторыми городами и местечками Верхней Мезии. Однако Константином V частью интригами, частью непрерывными военными действиями стремился максимально ослабить военную и политическую мощь Болгарии, чтобы подчинить своей власти все славянские племена¹.

Хроника патриарха Никифора сообщает, что во время этих византийско-болгарских войн на стороне болгар сражались многочисленные славянские племена², а хронограф Феофан Византийский упоминает о скамарах как союзниках славян. Он рассказывает, что в 764 г. во время мирных переговоров с болгарским царем Баяном (Паганом) тайные агенты Константина V в Болгарии по его приказу „захватили вождя славян-северян, который причинил византийцам много зла во Фракии“. „Задержан был, — продолжает Феофан, — вместе с ним также и Христин, переметчик из христиан, предводитель скамаров, которому в пристани св. Фомы отсекали руки и ноги, потом отдали врачам и они его, еще живого, взрезали от пупа до грудной полости для наблюдения внутреннего устройства человека, а затем предали его сожжению“³.

Из этих сохранившихся до нашего времени весьма отрывочных сведений мы все же можем сделать вывод, что скамары как борцы против римского, а затем и византийского гнета в течение продолжительного времени выступали в союзе с вторгавшимися на Балканский полуостров и утверждавшимися там славянскими и другими племенами.

Эта совместная борьба внутренних и внешних сил, враждебных рабовладельческому строю, наносила разрушительные удары Восточно-Римской рабовладельческой империи, подтачивая самые основы рабовладельческого общества.

¹ Н. С. Державин. История Болгарии, т. II, М.—Л., 1946, стр. 6; N. Jorga. Histoire de la vie byzantine, t. II, Bucarest, 1934, p. 28 ss.

² Nicephori Chron. Migne, Patrologia graeca, t. C, col. 980: Τελέσιος ἐξέρχεται ἔχων εἰς συμμαχίαν καὶ Σκλαβητῶν οὐκ ὀλίγα πλῆθη.

³ Theoph. Chronogr., I. c.: Χριστίνος, ἀπὸ Χριστιανῶν μαγαρίτης, καὶ πρῶτος τῶν Σκαμάρων.

З. В. УДАЛЬЦОВА

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ ПРИ ЮСТИНИАНЕ

Восстания рабов, с особой силой потрясавшие Римскую империю в последние века ее существования, расшатали рабовладельческий строй. Сочетаясь с грозными вторжениями соседних с империей племен и народов, эти восстания ускорили его гибель. В V в. рабовладельческая империя на западе перестала существовать.

Борьба эксплуатируемых масс, теснейшим образом переплетавшаяся с ударами извне, ускорила падение рабовладельческого строя и на востоке — в Восточно-Римской, или Византийской, империи. Но здесь в силу особенностей социально-экономического развития этот процесс не только растянулся на более долгий срок (до начала VII в.), но и принял несколько своеобразные формы. В частности, именно здесь, в Византии V—VI вв., с наибольшей отчетливостью проявилась реакционная роль рабовладельческой надстройки, судорожно пытавшейся сохранить старый, изживший уже себя базис, — рабовладельческую систему производственных отношений. Больше того, мобилизуя все силы старого мира, византийское правительство предпринимало попытки реставрировать рабовладельческие отношения и на Западе, на территориях, некогда принадлежавших Риму. Особенно показательным в этом отношении является период правления Юстиниана I (527—565) — апогей рабовладельческой реакции.

Подобная политика византийского государства является ярким проявлением активной роли надстройки по отношению к базису, о которой говорит И. В. Сталин в своей гениальной работе „Марксизм и вопросы языкознания“. Надстройка порождается базисом не для того, чтобы пассивно „отражать“ его, а для того, чтобы активно служить и помогать ему. „Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой“¹.

Однако борьба народных масс и в Восточно-Римской империи явилась той непосредственной активной силой, которая остановила наступление реакции и в конечном счете свела на нет ее временные успехи.

Одну из наиболее ярких страниц этой борьбы представляет революционное движение в Северной Африке, развернувшееся в 30—40-х годах VI в., тотчас же после ее завоевания войсками Юстиниана.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

В буржуазной историографии эти революционные события чаще всего замалчивались или изображались в намеренно искаженном виде. Так, например, известный панегирист Юстиниана, французский буржуазный историк Ш. Диль в самых мрачных тонах рисует народное движение в Африке, представляя его как „страшный военный мятеж“, принесший „невиданные“ бедствия населению провинции. Диль всячески восхваляет энергию и мужество византийских полководцев — Велизария, Германа, Соломона и Иоанна Троглиты, подавлявших восстание¹. По стопам Диль идут и многие другие буржуазные ученые².

Между тем, источники VI в. — труды Прокопия Кесарийского³, Новеллы Юстиниана, хроники Комита Марцеллина⁴ и Виктора Тоннененского⁵, поэма африканского грамматика и поэта Флавия Крескония Кориппа — „Иоаннида“⁶, сочинение историка готов Иордана „Romana et Getica“⁷, и др., несмотря на крайнюю тенденциозность, обусловленную классовой принадлежностью их авторов, содержат ценнейший материал для выяснения подлинного характера социальной борьбы в Северной Африке в первой половине VI в. Особенно важны по полноте изложения труды Прокопия. Подобно тому, как его „Война с готами“ рисует яркую картину народно-освободительной борьбы в Италии под руководством Тотилы против восстановления власти рабовладельческой империи, вся вторая книга его сочинения „О войне с вандалами“ фактически посвящена подробному описанию революционного движения в Северной Африке, возглавленного солдатом византийской армии Стотзой⁸.

Эти источники неоспоримо свидетельствуют о том, что движения под руководством Стотзы и Тотилы принадлежат к числу однотипных народных движений, весьма сходных как по своим причинам, так и по характеру, целям и задачам. И то и другое движение представляют собой народно-освободительную войну больших масштабов, охватившую целые провинции — Северную Африку и Италию — и направленную против попытки реставрации рабовладельческих порядков.

* * *

Для конкретного уяснения особенностей народных движений в Северной Африке в VI в. необходимо хотя бы коротко охарактеризовать политику, проводившуюся византийским правительством на завоеванных территориях, как в ходе самой войны с вандалами, так и после их

¹ См. Ch. Diehl. Justinien et la civilisation byzantine au VI-e siècle, Paris, 1901; Его же. L'Afrique byzantine, Paris, 1896, p. 75—83; 333—382.

² Ernest Stein. Histoire du Bas-Empire. t. II, Paris — Bruxelles — Amsterdam, 1949, pp. 318—328; 547—560.

³ Procopius Caesariensis. Opera omnia, De bellis libri I—IV, ed. J. Haury, v. I, Lipsiae, 1905; Historia que dicitur arcana, ed. J. Haury, vol. III, Lipsiae, 1906.

⁴ Marcellinus Comes. Chronicon (Auctarium). Monumenta Germaniae historica, Scriptores, auctores antiquissimi, vol. XI, pars I, Berolini, 1894.

⁵ Victor episcopus Tonnennensis (Tunnennensis). Chronicon. Monumenta Germaniae historica, vol. XI, pars I, Berolini, 1894.

⁶ Corippus. Johannidos seu de Bellis Libycis, libri I—VIII, (MGH), vol. III, pars II, Berolini, 1878.

⁷ Jordani. Romana et Getica, MGH, vol. V, pars I, ed. Berolini, 1882.

⁸ Такое внимание Прокопия к революционным событиям в Северной Африке является важным свидетельством силы и размаха движения, внушавшего страх господствующему классу Восточно-Римской империи. Вместе с тем, особый интерес Прокопия к этому и другим движениям отражает оппозиционные взгляды автора по отношению к правительству Юстиниана.

разгрома¹. Обильный материал по этому вопросу содержат новеллы Юстиниана, некоторые данные имеются также и в нарративных источниках.

Первоначально византийское правительство очень старательно пыталось завуалировать свои реакционно-реставраторские цели. Основной своей задачей Юстиниан провозгласил отмщение „обид и оскорблений“, нанесенных вандалами официальной церкви и „освобождение народа столь большой провинции от ярма рабства“ (*ecclesiae suae iniurias vindicare dignatus est, et tantarum provinciarum populus a iugo servitutis eripere*)². И хотя внимательное изучение источников совершенно определенно показывает, что, несмотря на всю эту демагогию, византийские войска не встретили активной поддержки со стороны широких слоев населения провинции³ — их поддерживали лишь представители знати, „ортодоксального“ духовенства⁴ и купечества североафриканских городов⁵, — некоторую роль в первоначальных успехах византийской армии эта демагогическая политика все же сыграла⁶.

Однако уже в ходе войны трудовое население Северной Африки увидело истинное лицо завоевателей. Прокопий рисует поистине потрясающую картину бесчинств византийских солдат после победы над вандалами в битве при Трикамаре в декабре 533 г. По его словам, солдаты „в течение целой ночи избивали мужчин, с которыми сталкивались, а детей и женщин обращали в рабство“⁷. Они рассеялись по всей округе и занялись охотой за рабами, обезумев от жадности и стремясь захватить как можно большее число пленников⁸. Они бродили всюду, и ими овладело лишь одно чувство — жажда добычи⁹. Особенно много рабов захватили военачальники, приближенные Велизария, отправлявшие захваченных пленников в сопровождении своих подчиненных в Карфаген¹⁰. Подобные картины, повидимому, можно было

¹ Подробному рассмотрению этого вопроса, а также тех изменений в социально-экономическом и прежде всего в аграрном строе Северной Африки, которые произошли после византийского завоевания, будет посвящена специальная работа автора данной статьи.

² *Codex Justiniani*, I, 27, praef.

³ Даже Прокопий, в своем труде „О войне с вандалами“ всячески стремившийся скрыть истинное отношение трудового населения Африки к войскам Велизария, не мог умолчать о том, что „многие ливийские земледельцы“, жившие вокруг Карфагена, ушли активную борьбу с захватчиками и приносили головы убитых ими врагов вандалскому королю Гелимеру (*De bello Vandalico*, lib. I, cap. XXIII, § 1—4). Более того, мы располагаем данными о том, что после захвата Велизарием Карфагена в городе был раскрыт заговор против византийцев. Во главе этого заговора стоял карфагенянин по имени Лавр, выданный предателем Велизария и по приказу византийского полководца посаженный на кол перед стенами Карфагена (*Ibid.*, lib. II, cap. I, § 8).

⁴ *Ibid.*, lib. I, cap. XVI, § 9—11; lib. II, cap. XXIII, § 18—29.

⁵ Еще до византийского вторжения „восточные купцы“ в Карфагене поддерживали византийское правительство и вызвали даже преследования со стороны вандалов. Они обвинялись в том, что „побудили даря (Юстиниана. — З. У.) к войне“, были брошены Гелимером в тюрьму, приговорены к смертной казни и освобождены после прибытия византийского флота (*ibid.*, lib. I, cap. XX, § 4—9). Это объясняется, повидимому, тем, что купцы восточных стран, а также часть африканского купечества, связанная торговыми интересами с Византией, особенно с ее восточными провинциями, были также заинтересованы в восстановлении власти византийского правительства.

⁶ *Procop. De bello Vandalico*, lib. I, cap. XVI, § 1—8; cap. XVII, § 6—7; cap. XX, § 18—20.

⁷ *Ibid.*, lib. II, cap. III, § 24.

⁸ *Ibid.*, cap. IV, § 3—4.

⁹ *Ibid.*, § 4—5.

¹⁰ *Ibid.*, § 8.

наблюдать и в других местах завоеванной области. Рабство стало уделом большинства вандалов.

Вместе с тем под прикрытием пышных фраз и многообещающих деклараций правительство Юстианиана немедленно после разгрома вандалов начало фактически восстанавливать в Северной Африке старые порядки римского рабовладельческого государства. Прежде всего, Юстиниан позаботился о восстановлении и укреплении гражданской и военной администрации, — этого мощного рычага в руках правительства для проведения его антинародной политики в африканской провинции. Законом 534 г., изданным на имя Велизария, в Северной Африке была организована преторианская префектура, во главе с префектом претория Африки, который пользовался широкими полномочиями¹. Вся Африка делилась на семь провинций, во главе четырех из них стояли ректоры, другими тремя управляли президы².

Вслед за тем византийское правительство приступает к восстановлению аграрных отношений, господствовавших в Северной Африке в римские времена. Особой, так называемой прагматической санкцией, изданной в 534 г., устанавливалось, что все земли, потерянные прежними собственниками во времена владычества вандалов, должны быть отобраны у незаконных держателей (*iniustus detentatoribus*) и возвращены их старым владельцам³ — императорскому фиску⁴, церкви, а также потомкам римских посессоров и местной африканской романизированной знати (афрам). В 535 г. основные положения прагматической санкции получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в особых новеллах⁵.

Осуществляя эту программу, византийская администрация особенно заботилась о передаче конфискованных у вандалов земель в распоряжение фиска, не останавливаясь даже перед некоторым ущемлением интересов частных лиц. Недаром Прокопий, представитель оппозиционных групп сенатской аристократии, осуждает Юстиниана за то, что после завоевания Африки он „не заботился о том, чтобы закрепить власть над страной и охрану собственности (новых) подданных заслужить неизменное их расположение“, но „... лучшие земли присвоил себе“⁶.

Особым покровительством правительства пользовалась „ортодоксальная“ церковь — важнейшая идеологическая опора реакции, активно способствовавшая укреплению власти рабовладельческой империи⁷. В одной из уже упомянутых новелл 535 г. — *De Africana Ecclesia* — Юстиниан особо подчеркивал, что все движимое и недвижимое имущество церкви, захваченное у нее в период господства вандалов, подлежало немедленному возвращению⁸. В этой новелле, кроме того, подтверждалось распространение на африканские владения церкви общего закона о цер-

¹ Cod. Just., I, 27; I, § 1.

² Ibid., § 2. Перечисляются следующие провинции: Зевгитана, Карфаген, Бизанна, Триполи, Нумидия, Мавритания и Сардиния.

³ *Novellae Justiniani (Nov.) ed. E. Osenbrüggen, Lipsiae, 1872; Nov. XXXVI, col. 225—226; Cod. Just., I, 27.*

⁴ *Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 9—10; Nov. XXXVI.*

⁵ *Nov. Just. XXXVI и XXXVII.*

⁶ *Procop. Historia arcana, cap. XVIII, § 10.*

⁷ Византийское завоевание было восторженно встречено африканским „ортодоксальным“ духовенством. Так, на соборе африканских епископов, созванном в 534 г. в Карфагене, духовенство африканских „православных“ церквей выразило свою радость по поводу установления в Африке власти византийского императора (*La b b e. Sacrosancta Concilia, lib. IV, col. 1755.*)

⁸ *Nov. Just., XXXVII, col. 226—227.*

ковных имуществах, изданного в том же 535 г.¹ Согласно этому закону запрещалось отчуждать каким-либо способом, путем ли продажи, дарения или обмена церковное имущество, движимое и недвижимое, в том числе сельских рабов (*ἢ ἀνδράποδα ἀγροικῶν*) и колонов (*ἢ γεωργόν*)². Церкви африканского диоцеза получали разрешение отбирать у „незаконных“ владельцев как *res proprias*, так и *possessiones*³. Карфагенской церкви предоставлялись все права, которыми пользовались церкви метрополии⁴. Одновременно все инаковерующие, т. е. ариане, донатисты, иудеи, язычники, подвергались преследованиям; им запрещалось отправлять церковные обряды, занимать какие-либо общественные и административные должности и т. п.⁵

Но рабовладельческая знать и духовенство, наряду с требованием возврата земель, претендовали также и на возвращение зависимого населения, обрабатывавшего эти земли. Поэтому политика византийского правительства была направлена не только на реставрацию крупной земельной собственности, но и старых форм эксплуатации непосредственных производителей. Дело шло именно о реставрации, поскольку и в Северной Африке процесс ликвидации рабовладения, уже мешавшего развитию производительных сил, был значительно ускорен вторжением вандалов (в 30-х годах V в.), которые совместно с восставшими народными массами бывшей римской провинции разгромили политические органы рабовладельческого государства. Даже в источниках, составители которых были явно заинтересованы в извращении истинного характера социальных изменений, происшедших во времена господства вандалов, отмечается, что в этот период многие рабы (*servi rustici*) и колоны „бежали“ из имений своих бывших хозяев и сделались свободными⁶.

Освобождение значительной части рабов и колонов во время вандалского завоевания означало серьезное улучшение положения широких слоев непосредственных производителей африканской провинции. И хотя в дальнейшем, по мере роста классовой дифференциации в самом вандалском обществе и расширения крупного землевладения вандалской знати, последняя начинает широко пользоваться трудом местного населения, стараясь поставить его в зависимое от себя положение, потомки многих из освободившихся рабов и колонов сохранили свою свободу вплоть до конца существования вандалского государства. Об этом со всей определенностью сообщает рескрипт Юстиниана от 552 г. В нем говорится о „колонах, которые во времена вандалов бежали из поместий и жили среди свободных“⁷. О бегстве и освобождении колонов, рустиков и их детей⁸, „которые до прихода счастливейшего войска (т. е. до византийского завоевания. — З. У.) покинули свои места жительства“, говорится и в постановлении 558 г.⁹

¹ Nov. Just., VII, col. 44—54.

² Nov. Just. VII, praef., col. 46; cap. I, col. 49; cap. VI, col. 54.

³ Nov. Just., XXXVII.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. О гонениях, которым подвергались в Африке ариане после победы Юстиниана над вандалами, см. также Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 13, 14, 15; Id. Historia arcana, cap. XVIII, § 10.

⁶ Nov. Just., ed. Schoell. App. VI и IX.

⁷ Ibid., App. VI.

⁸ Имеются в виду *servi rustici*.

⁹ Nov. Just., ed. Schoell, App. IX. Это обстоятельство вынужден признать даже Ш. Диль. Впрочем в полном соответствии со своими реакционными политическими взглядами он изображает бегство колонов и сельских рабов из имений своих господ

Их возвращение и потребовали в первую очередь представители светской и церковной рабовладельческой знати, устремившейся в Африку вслед за византийскими войсками.

Соответствующее постановление, предписывавшее возврат всех сельских рабов на земли их прежних хозяев, и было издано Юстинианом после разгрома вандалов¹. Таким образом, здесь речь шла о реставрации старых форм эксплуатации непосредственных производителей.

Подобная же политика проводилась правительством Юстиниана и в других завоеванных провинциях. Так, например, после окончательного завоевания Италии Юстиниан прагматической санкцией 554 г. предписал возвратить старым владельцам не только движимое и недвижимое имущество, но и рабов и колонов² и закреплял их за хозяевами на будущие времена³. В особой главе прагматической санкции говорилось, что „рабов или колонов (*servas vel colonos*), если окажется, что они удерживаются какими-либо другими лицами, мы приказываем возвратить их прежним господам, вместе с родившимся в течение этого времени потомством“⁴.

Трудовое население как деревни, так и города, сразу же после византийского завоевания испытало на себе „прелести“ „освобождения“ еще и в другом отношении⁵. В Африке, как позднее в Италии и в других завоеванных провинциях, Юстиниан тотчас после завоевания ввел чрезвычайно тяжелые для населения налоги. По словам Прокопия, император, желая „высосать все соки из Ливии и ограбить ее целиком“, „тотчас же послал земельных оценщиков и стал устанавливать невыносимые налоги, которых прежде не было“⁶. О введении в Северной Африке тяжелых налогов Прокопий говорит и во второй книге своего труда „О войне с вандалами“: „Ввиду того, что в казначейских архивах нельзя уже было найти списков податей, установленных в областях Ливии, которыми в прежние времена обложили их римляне, так как Гензерих с самого начала отменил, а затем и совсем их уничтожил, то императором были посланы Трифон и Евстратий, чтобы они назначили им налоги, каждому по его силам. Но ливийцам они показались неумеренными и невыносимыми“⁷.

Такую же налоговую политику византийское правительство проводило и в других завоеванных областях. Так, например, захватив у вандалов Сардинию и Корсику, византийский полководец Кирилл „оба эти острова... вернул в состав римского государства и обложил их налогом“⁸. Позднее, завоевав области Заба (так называемую Первую Мавританию), правитель Африки Соломон „наложил на них уплату податей“⁹.

Кроме того, трудовое население областей, завоеванных империей, должно было на свой счет содержать огромный штат военных и гра-

и превращение их в свободных людей как результат тех „беспорядков“ (!), которыми якобы „сопровождалось правление вандалов“. Ch. Diehl. *L'Afrique byzantine*, p. 396.

¹ Nov. Just., ed. Schoell, App. IX.

² Pragmat. Sanct. 554 г.; cap. VIII — (*res moventes* — рабы и стада), ed. Oserbrüggen, col. 736; cap. XVI, col. 737.

³ Ibid., cap. VIII.

⁴ Ibid., cap. XVI.

⁵ Cod. Just. I, 27, praef.

⁶ Procop. *Historia arcana*, cap. XVIII, § 10.

⁷ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. VIII, § 25.

⁸ Ibid., lib. II, cap. V, § 4.

⁹ Ibid., cap. XX, § 30.

жданских чиновников¹, подвергаясь постоянным вымогательствам и грабежу с их стороны, о чем Прокопий подробно рассказывает в своей „Тайной истории“.

Подлинный характер политики византийских завоевателей очень скоро почувствовали и все те туземные племена Северной Африки, которых Прокопий объединяет общим названием маврусиев.

Еще со времен Мария эти племена вынуждены были почти непрерывно вести борьбу за свою независимость. Пользуясь разобщенностью и межплеменными столкновениями маврусиев, неизбежными в условиях разложения родового строя, римляне оттеснили их от моря, захватили у них лучшие земли и частью силой, частью подкупом вождей поставили многие из этих племен в зависимое от себя положение. С приходом вандалов маврусии добились на короткий срок независимости, но вскоре вновь вынуждены были обороняться, на этот раз — от посягательств вандалской знати. Источники, в частности Прокопий, сообщают о целом ряде войн между вандалами и маврусиями².

Византийцы умело использовали эти противоречия и щедрыми обещаниями добились того, что во время вторжения войск Велизария в Африку вожди маврусиев заняли выжидательную позицию³. На помощь Гелимеру пришли лишь немногие маврусии, „и те без разрешения начальников“⁴. Но после победы над вандалами обещания были забыты, и византийцы, подобно римлянам, начали стремиться к подчинению туземных племен⁵.

Таким образом, вся деятельность византийских завоевателей в Северной Африке с самого начала была направлена на возрождение порядков рабовладельческой империи, существовавших в провинции во времена римского господства. Эта деятельность являлась проявлением той же реакционной политики византийского правительства, которую оно проводило и на других завоеванных территориях, в частности в Италии.

В Северной Африке, так же, как и в Италии, эта политика явилась непосредственным толчком, вызвавшим новую волну широкого народно-освободительного движения, в котором приняли участие самые различные слои населения провинции, но силу и размах которому придало активное участие в нем народных масс.

Первыми подняли оружие против византийского правительства племена маврусиев⁶. Большинство этих племен уже вступило в период разложения первобытно-общинного строя, но, несмотря на то, что у маврусиев уже имела место значительная социальная дифференциация, их военная организация во многом сохраняла еще особенности народного ополчения — его массовость и мобильность. В этом отношении маврусии несомненно имели преимущества перед рабами и колоннами, распыленными по провинции, и поэтому нет ничего удивительного в том, что именно они первыми начали вооруженную борьбу с византийцами.

Восстание носило массовый характер. По данным Прокопия, на борьбу поднялись десятки тысяч маврусиев⁷. О большом размахе и

¹ Организации военной и гражданской администрации в Северной Африке посвящен специальный закон, изданный в 534 г. на имя Велизария (см. *Cod. Just.* I, 27, I, § 1).

² *Procop. De bello Vandalico*, lib. I, cap. VIII, § 5, 7; 14—29, cap. IX, § 3.

³ *Ibid.*, cap. XXV, § 3.

⁴ *Ibid.*, § 2.

⁵ *Ibid.*, lib. II, cap. XI, § 40, 55 и др.

⁶ *Ibid.*, lib. II, cap. VIII, § 9.

⁷ *Ibid.*, cap. XII, § 13. В другом месте говорится о восстании 50 тысяч маврусиев, cap. XI, § 23. Сравни. *Coripp. Johannidos...*, lib. II, 28—161.

серьезной опасности, которую представляло восстание для Византии, свидетельствует и то обстоятельство, что на подавление восстания Велизарий (к этому времени уже возвратившийся в Византию) отправил в Африку большую часть войск под командованием одного из своих приближенных — Соломона¹. Вскоре и сам император вынужден был послать на подкрепление Соломону другое войско во главе с Феодором из Каппадокии и Ильдигером².

Прокопий, вообще крайне враждебно и высокомерно относящийся к „варварам“, старается скрыть действительные причины восстания. Он утверждает, что маврусии восстали „внезапно“ и „безо всякой причины“³. Однако даже из его тенденциозного описания становится совершенно ясно, что основной целью восстания была борьба против гнета рабовладельческой империи, который несли новые завоеватели туземному населению Северной Африки. Из речи, вложенной Прокопием в уста вождей восставших маврусиев, это явствует с полной определенностью: „... борьба сейчас идет о самых важных делах, быть ли нам владыками всей Ливии или рабами у этих наглых людей“⁴. И если для „варварской“ знати „рабство“, быть может, свелось бы всего лишь к потере ею политической независимости, к подданству империи, то для большей части рядовых маврусиев речь шла о рабстве в самом прямом смысле этого слова. Действительно, византийцы, нанеся поражение восставшим, начали в массовом масштабе обращать побежденных в рабов. Так, например, после того как маврусии в одном из сражений были разбиты византийским полководцем Соломоном, „все их жены с детьми попали в рабство“⁵. Особенно страшную картину массового пленения и обращения в рабство рисует Прокопий, рассказывая о поражении маврусиев на горе Бургеон. По его словам, римляне здесь „взяли в плен такое количество женщин и детей, что желающим купить ребенка из маврусиев отдавали за цену овцы“⁶.

О других причинах восстания Прокопий проговаривается, излагая ответ вождей маврусиев на письмо командующего византийскими войсками Соломона, обвинявшего маврусиев в предательском нарушении мира и предлагавшего им „раскаяться“ и заключить с ним соглашение. Маврусии утверждали что сами „римляне“ нарушили с ними договор и стали их притеснять. „Велизарий, обойдя нас широко-вещательными обещаниями, убедил стать подданными императора Юстиниана, а римляне, не предоставив нам никаких выгод, требовали,

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. VIII, § 23.

² Ibid., § 24. Массовый характер восстания подтверждается также следующим сообщением Прокопия: „Только что Соломон прибыл в Карфаген, как пришло известие, что варвары в большом числе появились в Бизакии (= Бизацене. — Э. У.) и грабят все, что находится в этой области. И вот он, спешно поднявшись всем войском, двинулся против них“ (Ibid., cap. XII, § 2). В движении не приняли участие лишь некоторые вожди маврусиев, и среди них Антала, который пользовался рядом привилегий, дарованных ему императором; во время этого первого восстания он сохранил „верность“ византийцам (Ibid., lib. II, cap. XII, § 30), но впоследствии стал одним из наиболее ожесточенных и упорных врагов империи.

³ Ibid., lib. II, cap. VIII, § 9.

⁴ Ibid., cap. XI, § 40.

⁵ Ibid., § 55.

⁶ Ibid., lib. II, cap. XII, § 27. Необходимо отметить, впрочем, что и сами маврусии, нападая на города и местечки Бизацены и Нумидии, брали в плен и обращали в рабство местных жителей (ibid., cap. VIII, § 20—22, cap. X, § 5, cap. XII, § 1 и др.). Однако гнев обращался все же прежде всего на „римских воинов“ и чиновников (ibid., cap. X, § 2).

чтобы мы, мучаясь голодом, были их друзьями и союзниками...¹. В ответе указывалось далее на „несправедливости“ и „насилия“ со стороны римлян², выражавшиеся в „захвате чужого“³. Едва ли можно сомневаться, что речь шла прежде всего о захватах византийцами земель, которыми пользовались маврусии в Нумидии, Бизацене и других областях Северной Африки. В своем ответе Соломону маврусии подчеркивали, что они восстали для того, чтобы „вернуть себе свое“⁴. Под „насилиями“ римлян, видимо, следует также иметь в виду и обложение маврусиев наряду с другими жителями провинции тяжелыми налогами и опустошение византийцами их полей, приведшее к голоду среди маврусиев⁵.

Таким образом, широкое движение туземных племен Северной Африки являлось открытым протестом против захвата византийцами земель, которыми пользовались маврусии, против реставрации римской налоговой системы, против грабежей и притеснений византийских военных и гражданских властей.

Восстание началось в 534 г. в Нумидии и Бизацене (схема № 1), вскоре после окончательной победы византийских войск над вандалами, захвата в плен Гелимера и отъезда Велизария в Византию⁶.

Византийские войска, немногочисленные в отдаленных пограничных районах этих областей, застигнутые врасплох, были наголову разбиты повстанцами⁷ и почти целиком истреблены. Погибли при этом командиры конных отрядов в Бизацене — Айган и Руфин, известные своей храбростью, — что произвело сильное впечатление на командование византийской армии в Карфагене⁸. Маврусии, во главе со своими вождями Кутзиной, Эсдиласой, Юрфугой и Медисиниссой⁹ опустошили значительную часть Нумидии и Бизацены. Тогда против них был отправлен, как уже упоминалось, полководец Соломон со значительной армией. Учитывая размах восстания, он попытался склонить маврусиев к миру посулами, но получил категорический отказ¹⁰.

Первое крупное сражение между византийским войском и маврусиями произошло в области Маммы, где расположен был лагерь восставших¹¹.

Победу одержали византийцы, жестоко отомстившие повстанцам за их мужественное сопротивление¹². По данным Прокопия, в этом

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XI, § 9.

² Ibid., § 10—11.

³ Ibid., cap. XI, § 12.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid. В труде Прокопия есть совершенно конкретные данные о причинах голода, на который жалуются маврусии. Прокопий сообщает о том, что византийские войска, предводительствуемые Соломоном, опустошали поля маврусиев, уничтожая посеы (ibid., cap. XIX, § 20). Прокопий говорит о маврусиях-левафах, также жалующихся на то, что византийцы опустошают их поля (ibid., cap. XXI, § 5).

⁶ Ibid., cap. VIII, § 20. Эти указания Прокопия дают возможность установить дату восстания. Гелимер сдался в плен в марте 534 г., Велизарий уехал из Северной Африки вскоре после этого, т. е. весной 534 г., восстание же началось немного спустя после его отъезда.

⁷ Ibid., § 21.

⁸ Ibid., cap. X, § 3—11.

⁹ Ibid., § 6.

¹⁰ Ibid., lib. II, cap. XI, § 1—14.

¹¹ Ibid., cap. XI, § 14—16.

¹² Ibid., § 17—51.

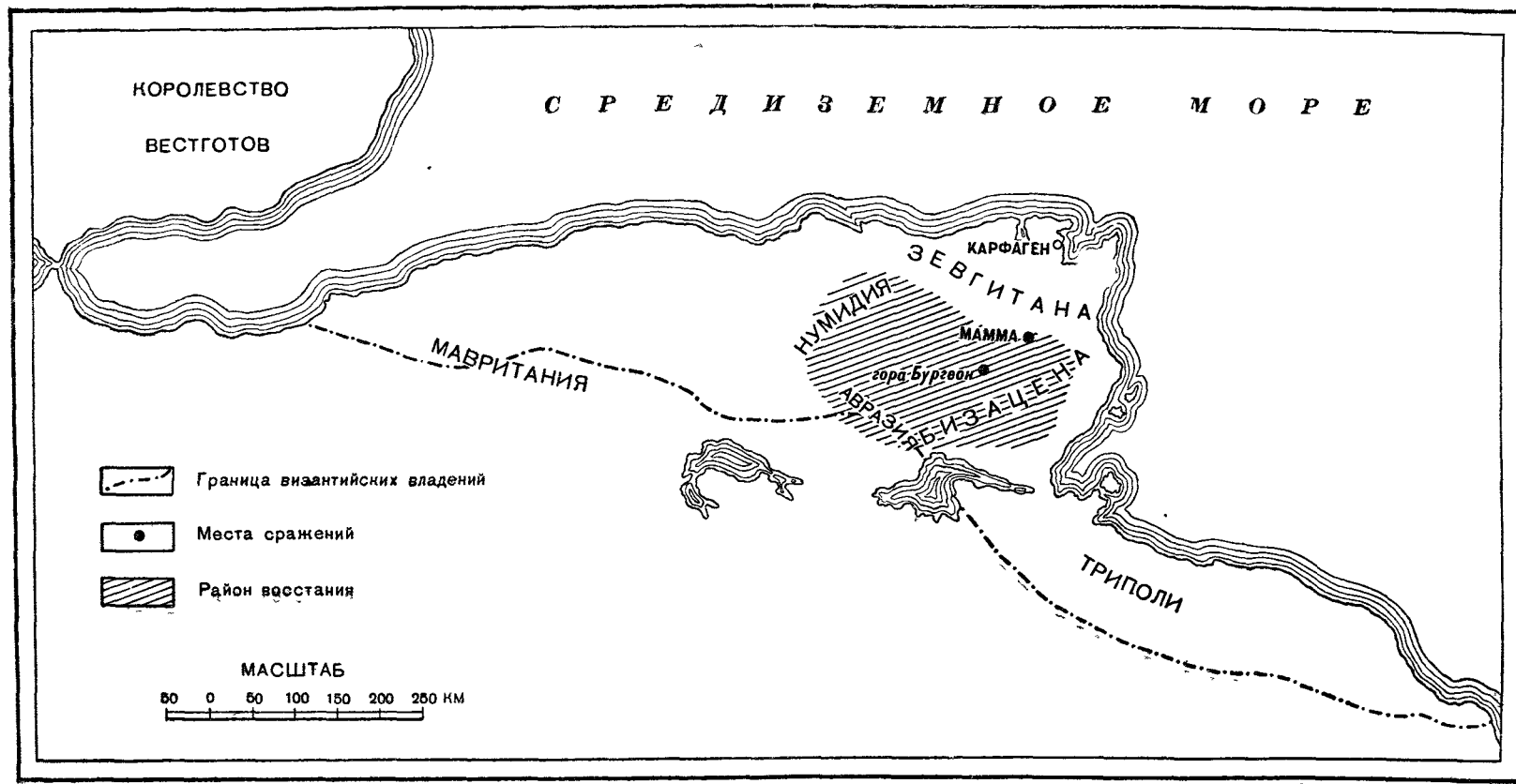

Схема 1.

бою было убито около 10 тысяч маврусиев, а все женщины и дети, находившиеся в их лагере, попали в рабство¹.

Жестокость византийцев вызвала страшное негодование среди мавританских племен. „Пылая гневом, варвары вновь всем народом, не принимая во внимание ни пола, ни возраста, пошли войной против римлян и начали производить набеги на населенные места в Бизакии, не щадя никого, кто попадался им навстречу“². Соломон вынужден был со всем войском опять двинуться в эту область. Маврусии, не желая вступать в сражение с византийцами на открытом месте, расположились лагерем на горе Бургеон³. Здесь Соломону удалось разбить маврусиев, пустив в ход военную хитрость. Он направил в тыл противника отряд, который ночью по отвесным скалам пробрался на вершину горы Бургеон и внезапно напал на повстанцев. В то же время Соломон с главными силами атаковал их с равнины⁴. Маврусии были разбиты и обращены в бегство⁵.

Остатки разбитых повстанцев отступили в Нумидию и обратились за помощью к Иауде, вождю мавританских племен, живших в Авразии⁶, горной области на юге Нумидии. Иауда встал во главе мавританских племен, поднявших оружие против захватчиков в Нумидии и Авразии⁷. Под его знамена собралось более 30 тысяч „воинственных мужей“⁸.

Однако некоторые вожди мавританских племен, как, например, Массонас, Ортанас и Мастина, из-за личной вражды к Иауде не прикнули к этому движению, а, наоборот, оказали помощь византийским войскам⁹.

Воспользовавшись этим, Соломон перешел в наступление и даже попытался захватить Авразию. Однако эта попытка закончилась безуспешно. Прокопий объясняет эту неудачу неустойчивой позицией союзников Соломона — мавританских вождей¹⁰. Поспешно отведя свои войска из Авразии и оставив значительную их часть для охраны Нумидии, Соломон отступил в Карфаген¹¹.

Таким образом, хищническая политика византийского правительства в Северной Африке вызвала вооруженное сопротивление туземных племен Бизацены и Нумидии и привела к кровопролитным столкновениям между византийской армией и восставшими племенами маврусиев. Борьба шла с переменным успехом, восставшие, имея численное превосходство, не раз наносили тяжелый урон византийским войскам, но неорганизованность и стихийность движения, вражда между вождями отдельных племен привели к тому, что византийскому полководцу Соломону удалось подавить восстание и вытеснить восставших маврусиев из Бизацены. На этом движение маврусиев временно затухает.

Однако уже в начале следующего, 536 г. в Северной Африке вспыхнуло новое и грозное для византийского правительства восстание, известное по имени его вождя, как восстание Стотзы. На этот

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XI, § 53—55. Впрочем, число погибших маврусиев Прокопием скорее всего преувеличено.

² Ibid., cap. XII, § 1.

³ Ibid., cap. XII, § 3—4.

⁴ Ibid., § 17—20.

⁵ Ibid., § 22—28.

⁶ Ibid., § 29.

⁷ Ibid., cap. XIII, § 1.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., § 19.

¹⁰ Ibid., §§ 37—38.

¹¹ Ibid., § 39.

раз центром движения явилась сама византийская армия. Прокопий сообщает, что „с наступлением весны 536 г., когда христиане справляли праздник, который они называют пасхалией, в Ливии произошло восстание солдат“¹.

Восстания в византийской армии, особенно в период общего кризиса рабовладельческой системы, были частым явлением. В правление Юстиниана они вспыхивали и среди воинских частей, посланных на Восток сражаться с персами, и в частях, стоявших на Балканском полуострове и особенно во время длительных и тяжелых войн с остготами в Италии. Движение в Северной Африке по своим масштабам, целям и задачам далеко выходит за рамки „солдатских мятежей“ и, сливаясь с восстаниями рабов, колоннов и других угнетенных, перерастает в народно-освободительную войну против византийского владычества, аналогичную тому широкому народному движению, которое развернулось в Италии на втором этапе войны с остготами.

Массовое восстание в византийской армии в Северной Африке было вызвано целым комплексом причин. Важнейшими и решающими среди них были причины социально-экономического характера, прежде всего — борьба за землю. В Северной Африке после византийского завоевания первостепенное значение получил вопрос о переделе земель. Земли, конфискованные у вандалов, как уже упоминалось, передавались по решению правительства фиску, церкви и крупным землевладельцам. Однако солдаты, участвовавшие в разгроме вандалов, также претендовали на получение земельных участков в завоеванной провинции. Прокопий рассказывает о том, что византийских солдат якобы побуждали требовать землю их жены — вдовы, сестры и дочери погибших вандалов, — на которых женились солдаты армии Велизария после победы над вандалами при Трикамаре. Вандалки убеждали своих мужей требовать себе те земельные участки, которыми владели ранее их мужья, отцы или братья². Соломон же, главнокомандующий византийской армией в Северной Африке, хотел „записать земельные участки вандалов (τὰ Βανδύλων χωρία) или на счет государства, или в личную собственность императорского дома“³. Он говорил солдатам: „... Земля должна принадлежать императору и римскому государству, которое их (т. е. солдат. — Э. У.) вскормило и позволило стать воинами не с тем, чтобы они сами для себя приобретали участки земли (τὰ χωρία), которые они отняли у варваров (подчеркнуто нами. — Э. У.), незаконно вселившихся в римскую империю, но для того, чтобы все они (земли. — Э. У.) стали государственным достоянием...“⁴.

Огромное недовольство в армии, вызванное передачей земель, отобранных у „варваров“, казне, церкви, крупным землевладельцам, и послужило одной из важнейших причин восстания.

При этом весьма важно подчеркнуть, что борьба за землю, правда, временно, но все же объединила различные социальные группировки в самой византийской армии. Наряду с простыми солдатами, в захвате земель была заинтересована и более привилегированная часть армии — личная гвардия главнокомандующего Соломона и других военачальников. Прокопий прямо говорит об этом. Он рассказывает о том, что „много телохранителей и щитоносцев Соломона и даже многие из его

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 7.

² Ibid., § 8—9.

³ Ibid., § 10.

⁴ Ibid.

приближенных приняли участие в этом заговоре вследствие желания получить имена¹.

Борьба за землю являлась насущнейшей задачей не только для армии. Этот вопрос волновал особенно сильно народные массы провинции, сельское население Африки, страдавшее от реставрации старых аграрных отношений и передачи земли фиску и прежним владельцам. Следовательно, борьба за землю создавала общую почву для совместного выступления византийских солдат и народных масс Северной Африки.

Другая важнейшая причина восстания заключалась в тяжелом экономическом и правовом положении рядового состава византийской армии, коренившемся в ее имущественном и социальном расслоении. О глубине последнего имеются прямые указания в труде Прокопия. Прокопий сообщает о том, что среди солдат были бедняки, составлявшие основной контингент армии. Так, о войнах Велизария он говорит, что они были „людьми бедными“². Еще с большей определенностью он пишет об этом в другом месте, указывая вместе с тем и на социальную принадлежность этих солдат-бедняков. Так, он вкладывает в уста византийского полководца Германа следующие слова, обращенные к солдатам: „Вас, пришедших из деревни с сумой и в одном рваном плаще, он (император. — Э. У.) собрал в Византии и сделал вас такими, что все счастье римского государства находится в ваших руках“³. Эти слова чрезвычайно важны для понимания вопроса о социальном составе византийского войска, основную массу в котором представляют бедняки, выходцы из деревни⁴.

Положение рядовых солдат было весьма бедственным. Прокопий в „Тайной истории“ говорит, что „условия жизни для солдат при нем (при Юстиниане. — Э. У.) были тяжелы“⁵. По словам византийского историка, вследствие притеснений со стороны правительства, в частности, финансового ведомства, „... воины, как люди, из которых всякими способами вытянули жилы, оказались из всех в самом нищенском положении, и не было уже у них охоты воевать“⁶. В речи, обращенной к восставшим солдатам перед битвой у Мембресы, вождь повстанцев Стотза сравнивал положение солдат византийской армии с положением рабов⁷. Конечно, это относилось в первую очередь к рядовым солдатам, страдавшим от бедности, полного беспорядка и произвола начальников.

Но в армии Юстиниана была и привилегированная прослойка, составлявшая в ней, бесспорно, лишь незначительное меньшинство. Как уже отмечалось, то были в первую очередь, военачальники — командный состав армии, а так же их гвардия — телохранители, личная охрана и приближенные. Считалось большой честью попасть в число телохранителей полководца, и служба эта приносила значительные материальные выгоды⁸. В гвардию полководца попадали лишь те

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 23.

² Ibid., cap. IV, § 3.

³ Ibid., cap. XVI, § 13.

⁴ О том, что солдат набирали из крестьян, недавно потерявших землю, Прокопий говорит и в сочинении „О войне с персами“, lib. I, cap. XVII, § 38—39.

⁵ Procop. Historia arcana, cap. XVIII, § 11.

⁶ Ibid., cap. XXIV, § 8.

⁷ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 30—34, 36.

⁸ Ibid., cap., XVIII, § 7. Обычно крупные военачальники содержали отряды телохранителей на свой счет и щедростью стремились привязать их к себе. Об организации византийской армии см. Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 150—178; L. Brehier. Les institutions de l'empire byzantine, p. 334—352.

солдаты, которые считались вполне благонадежными¹. Командиры и их приближенные всячески грабили и притесняли рядовых солдат. Даже сам Юстиниан принужден был признать, что командиры войск, расквартированных в Северной Африке, присваивали себе деньги и провиант, предназначенные на содержание солдат². Злоупотребления командиров приняли в Африке, так же, как и в других провинциях, такие размеры, что правительство вынуждено было принять против этого особые меры³, не принесшие, впрочем, каких-либо реальных результатов. Невыплата солдатам жалования как командирами, так и казначейством, стала хроническим явлением в правление Юстиниана. Об этом многократно упоминают Прокопий⁴ и Корипп⁵.

Среди рядовых солдат все сильнее росло недовольство притеснениями и грабежами командиров и правительства. Большое возмущение солдат вызвало в частности то, что добыча, захваченная после победы над вандалами и маврусиями, досталась лишь небольшой кучке командиров и их телохранителей. Об этом говорит Прокопий, передавая речь Стотзы к солдатам: „победив вандалов и маврусиев, вы на войне насладились только трудами, другие же оказались господами всего остального, всей доставшейся вам добычи“⁶. Оставаясь солдатами императора, продолжал Стотза, „вы опять попадете в то же рабство“ и „получите себе не умеренных и сочувствующих господ, но испытаете невыносимые мучения“⁷.

В другой речи, обращенной к солдатам, оставшимся верными правительству, Стотза говорил: „... вы поднимаете оружие против тех, которые, негодую на постигшие вас беды и несправедливости по отношению к вам, решили вести войну с императором и римлянами. Что же, вы не помните, как вы были лишены давно полагающегося вам жалованья, как у вас была отнята добыча, взятая вами у врагов, которую закон войны отдает как награду за опасности в боях? И всеми благами победы другие считают себя вправе наслаждаться в течение всего времени, вы же живете, поставленные в положение рабов“ (подчеркнуто нами.—Э. У.)⁸. Слова Стотзы были, как рассказывает Прокопий, восторженно приняты солдатами, которые перешли на сторону восставших.

Привлекает особое внимание утверждение Прокопия, что восставшие солдаты борются за свободу, за освобождение от рабства. Разумеется, рабство здесь следует понимать не в прямом смысле слова, и освобождение от рабства означает в данном случае лишь избавление от политического бесправия и произвола властей. Однако сравнение положения солдат, — конечно, солдатской бедноты, — с положением рабов вряд ли можно считать лишь пустым риторическим приемом. Бесправные бедняки, недавние выходцы из деревни, из рядов разоренного и обезземеленного крестьянства, солдаты византийской армии находили общий язык с угнетенными и обездоленными рабами, колонами, крестьян-

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVIII, § 6.

² Cod. Just., I, 27, II, § 9. Деньги и продукты эти получались в качестве налогов с населения.

³ Cod. Just., I, 27; II, 9a, 9b.

⁴ Procop. De bello Vandalico, lib. I, cap. XIII, § 12—17; lib. II, cap. XVI, § 4; cap. XVIII, § 9, cap. XXVI, § 1—12.

⁵ Coripp. Johannidos. . . , lib. VIII, 81.

⁶ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 33.

⁷ Ibid., § 36.

⁸ Ibid., cap. XV, § 54—56.

ской беднотой и вместе с ними плечом к плечу, боролись против ненавистой рабовладельческой империи.

Острые социальные конфликты проявлялись также в усилении религиозной борьбы между арианами и православными, которая в свою очередь давала повод для восстания. Прокопий сообщает о том, что „в войске римлян было не менее тысячи солдат арианского вероисповедания“¹. Подстрекаемые вандалскими священниками, солдаты-ариане приняли самое активное участие в восстании². Причиной их недовольства являлись религиозные преследования со стороны правительства Юстиниана, и, в частности, запрещение арианам выполнять религиозные обряды³. Число ариан было велико как в самой армии, так и среди населения Африки. Поэтому религиозные гонения, со своей стороны, создавали почву для сближения восставших солдат с местным арианским населением.

Другие причины движения в Северной Африке были аналогичны тем, которые, по данным источников, вызвали восстания в византийской армии, сражавшейся в Италии против остготов. Усиление революционных настроений в войске было тесно связано с его „варваризацией“. Как и в Италии, византийские войска, посланные в Северную Африку для борьбы с вандалами, имели пестрый этнический состав. По данным Прокопия, в армии Велизария в Северной Африке были гунны (массагеты)⁴, герулы (эрулы)⁵ и представители других народов. „Варварские“ племена, служившие на положении федератов, составляли значительную часть экспедиционного корпуса, отправленного в Африку. Они, видимо, являлись основным ядром конницы Велизария⁶. Во флоте же служили преимущественно египтяне, ионийцы и киликийцы⁷. Среди командиров преобладали, однако, греки и фракийцы, хотя встречались и „варвары“—герулы (Фара) и массагеты (Синнион и Бала)⁸.

„Варваризация“ армии, бесспорно, способствовала сближению „варваров“—солдат с „варварами“—рабами, колонами, населявшими провинции Римской империи, а также с „варварскими“ племенами, вторгавшимися в ее пределы и завоевывавшими ее территории. Так, Прокопий сообщает о сочувствии гуннов, служивших в армии Велизария, вандалам. Гунны, по словам Прокопия, не выказывали большой преданности делу римлян и по приезде в Африку заключили тайный союз с вандалами, обещав им свою помощь⁹. И в дальнейшем солдаты—„варвары“ приняли активное участие в восстании против правительства. Так, среди солдат-ариан, наиболее решительно выступавших против империи, „большинство было варваров, некоторые же из племени эрулов“¹⁰.

Известную роль в подготовке восстания и в ходе его сыграли и вандалы, уцелевшие после разгрома их Велизарием¹¹. По словам Прокопия, отряд вандалов, численностью около 400 человек, бежал из

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 12.

² Ibid., § 21.

³ Ibid., § 13, 15; Nov., XXXVII.

⁴ Ibid., lib. I, cap. XI, § 10—11; cap. XII, § 8—22; lib. II, cap. I, § 5—6; 9—11; cap. II, § 3—10.

⁵ Ibid., lib. I, cap. XI, § 11, lib. II, cap. XIV, § 12.

⁶ Ibid., lib. I, cap. XI, § 10—13 говорит о 400 герулах и 600 массагетах, которые все являлись конными стрелками.

⁷ Ibid., § 14.

⁸ Ibid., § 11—12.

⁹ Ibid., lib. II, cap. I, § 5—6, 9—11.

¹⁰ Ibid., lib. II, cap. XIV, § 12.

¹¹ Ibid., lib. II, cap. XIV, § 17—20.

плена с острова Лесбоса; эти вандалы вернулись в Северную Африку и приняли деятельное участие в подготовке восстания против византийского правительства¹. „Солдаты, которые были заинтересованы в восстании, подстрекаемые ими, еще более настаивали на своих требованиях“². К ним присоединились и те вандалы, которые оставались в самой провинции и не были отосланы в Византию из-за непригодности к военной службе или те, которым удалось скрыться от преследования византийских солдат³. Таковы причины восстания, вспыхнувшего в византийской армии в 30-х годах VI в.

Однако движение захватило не только армию. Социальный состав восставших был весьма пестрым.

Бесспорно, что основным ядром восставших являлись рядовые солдаты, солдатская беднота. Но особый размах движению придало участие в нем широких масс трудового населения Африки и, в первую очередь, — сельских рабов и колонов.

Говоря о составе повстанческой армии Стотзы, Прокопий сообщает, что в долину Буллы, куда Стотза стягивал свои войска, „собралась к нему огромная масса рабов“ (*ἀφίκετο δὲ οἱ καὶ δοῦλων πολὺς τις ὄμιλος*)⁴. В прямой связи с участием рабов в восстании находится и то, что именно Бизацена, где в более широких масштабах применялся труд рабов и колонов на землях крупных землевладельцев⁵, стала важнейшим центром народного движения. Известно, что в войске Тотилы также было много рабов, сражавшихся совместно с остготами и восставшими солдатами византийской армии против владычества рабовладельческой империи⁶.

Социальный гнет, полнейшее бесправие и крайнее обнищание создавали общую почву для совместной борьбы против византийского правительства рядовых солдат, рабов, колонов и всех угнетенных и обездоленных.

Кроме прямых указаний об участии большой массы рабов в движении Стотзы⁷, у нас имеются еще некоторые косвенные данные, свидетельствующие о социальном характере движения и об участии в нем угнетенных масс Северной Африки. Прокопий часто говорит о том, что повстанцы грабили местное население — ливийцев⁸. Но кто были эти ливийцы? Из повествования Прокопия делается очевидным, что это была местная знать. Так, повстанцы грабят имения ливийцев, расположенные близ Карфагена⁹. В самом Карфагене восставшие расправлялись с римлянами и ливийцами — сторонниками Соломона¹⁰. Затем восставшие стали грабить дома тех, „у кого были деньги“, т. е. дома богачей, — римской и местной карфагенской знати¹¹.

Прокопий, в силу своей общей политической тенденции, все время стремится подчеркнуть, что восставшие грабят и убивают местное население. Но и он должен признать, что население африканской про-

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 18—19.

² Ibid., § 20.

³ Ibid., cap. XV, § 3.

⁴ Ibid., § 4.

⁵ Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 399—400.

⁶ Procop. De bello Gothico, lib. III, cap. XVI, § 14—15; 25—26; cap. XXV, § 16; lib. IV, cap. XXX, § 2. Pragm. Sanct. (Nov., App. VI), § 2, 4, 8, 15, 16.

⁷ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 4.

⁸ Ibid., cap. XIV, § 28, 29, 36 sq., cap. XV, § 20.

⁹ Ibid., cap. XIV, § 29.

¹⁰ Ibid., § 36.

¹¹ Ibid.

винции поддерживало восставших, а против них выступала лишь местная рабовладельческая знать и „ортодоксальное“ духовенство. Так, жители Карфагена явно склонялись к тому, чтобы сдать город войскам Стотзы¹.

Особенно ясно расстановка классовых сил проявилась при взятии повстанцами города Гадрумета в 545 г. во время второго восстания Стотзы. Повстанцы берут этот город хитростью и, видимо, с помощью его жителей². Стотза и его союзники-маврусии очень мягко обошлись с населением города³. „Желавшим бежать от маврусиев это было не трудно сделать; но многие из них (т. е. жителей Гадрумета. — З. У.) добровольно остались со Стотзой“⁴. Против повстанцев выступила лишь знать города, „почтенные граждане“ и духовенство, составившие вскоре заговор и передавшие город византийцам⁵. Таким образом, можно предположить, что в Гадрумете, как и в других местах, повстанцев поддерживают народные массы; против них выступают рабовладельческая знать и духовенство. Это делается особенно ясным из того факта, что расправа, учиненная восставшими после предательской сдачи Гадрумета византийским войскам, обрушивается в первую очередь на туземную рабовладельческую знать, которая бежит из Африки и ищет себе спасения в Византии⁶.

Известия Прокопия о разгроме имений и домов местной знати, сведения о том, что в армию Стотзы входили рабы, данные о поддержке восставших со стороны населения, — все это говорит о социальном характере движения. Однако сведений о какой-либо определенной программе восставших источники нам не сохранили. По словам Прокопия, целью, которую ставили себе восставшие, было „... изгнав всех начальников, поставленных императором, завладеть всей Ливией“.

Таким образом общей целью восстания, объединявшей различные социальные группировки, принимавшие в нем участие, было уничтожение гнета рабовладельцев и власти византийского правительства, стоявшего на страже интересов рабовладельческой знати.

Следствием пестроты социального и этнического состава византийской армии, в которой наряду с солдатской массой имелась более привилегированная и обеспеченная верхушка, явилось то, что в рядах повстанцев нашлись не только отдельные предатели, но и целые группировки, лишь временно примкнувшие к движению в своих корыстных целях⁷.

Эти группировки, примкнувшие к восстанию, оказались в дальнейшем наиболее неустойчивыми и склонными к компромиссу. Именно среди привилегированной части армии имела наибольший успех демагогическая политика Велитария⁸, а затем Германа⁹, политика подкупа и привлечения на свою сторону щедрыми посулами.

Командный состав армии и небольшая группа телохранителей, щитоносцев и приближенных командиров захватила в свои руки после

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 8 sq.

² Ibid., cap. XXIII, § 11—16.

³ Ibid., § 17.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., § 18—25.

⁶ Ibid., § 27—29. Разумеется, наличие среди восставших различных авантюристических элементов приводило к тому, что от грабежей могло страдать и все местное население, а не только знать.

⁷ Ibid., cap. XIV, § 23.

⁸ Ibid., cap. XV, § 11.

⁹ Ibid., cap. XVI, § 4.

победы над вандалами львиную часть добычи¹, в том числе и рабов². Владея большими богатствами и значительным числом рабов, эти привилегированные слои армии не могли иметь общий язык с восставшими рабами и колонами африканской провинции, а также и с рядовыми солдатами. Часть из них сохраняла верность императору, другие если и примкнули к восстанию, движимые корыстными побуждениями (вспомним, что они не имели земли, которая была передана старым владельцам), то только для того, чтобы использовать его в своих интересах, а затем предать восставших.

Ярким примером такой предательской политики служит поведение одного из командиров африканского экспедиционного корпуса Феодора Каппадокийского и его приближенных. В начале восстания Феодор примкнул к движению и был даже избран вождем восставших солдат карфагенского гарнизона³. Однако с первых же шагов он действует предательски. Он тайно помогает Соломону и самому Прокопию бежать из Карфагена в Сиракузы к Велизарю⁴. Ему же Соломон поручает охрану Карфагена⁵, — это поручение он выполняет весьма усердно. На предложение повстанцев во главе со Стотзой сдать Карфаген, Феодор отвечает отказом, решив сохранить Карфаген для императора⁶. Среди сторонников Феодора Каппадокийского мы находим некоего Иосефия, „секретаря царской стражи, человека видного, бывшего одним из домочадцев Велизария“⁷. Этого Иосефия Феодор отправляет в лагерь Стотзы для переговоров, предлагая заключить соглашение⁸. В дальнейшем Феодор Каппадокийский и его сторонники играют самую активную роль в борьбе с повстанцами.

Классовое лицо Феодора Каппадокийского и его приближенных достаточно ясно: это были представители именно той верхушки армии, которая хотела возглавить движение лишь для того, чтобы обезглавить его.

Немало было в армии и авантюристических элементов, примкнувших к движению с целью грабежа и наживы; были и весьма неустойчивые группировки, переходившие то на сторону повстанцев, то на сторону правительства, в зависимости от того, кому в данный момент улыбалось военное счастье.

Однако наличие авантюристических и социально-чуждых народу элементов отнюдь не меняет общего революционного характера движения в целом.

Обратимся теперь к самому ходу восстания.

Как уже указывалось, восстание началось весной 536 г.⁹ По данным Прокопия, восстание было заранее подготовлено и восставшие имели своих вождей¹⁰. Еще до открытого выступления среди византийских солдат велась широкая агитация. „ . . И много было разговоров об этом (т. е. восстании. — З. У.) в лагере и взаимных клятв“¹¹.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XV, § 54—56.

² Ibid., cap. IV, § 3—4, 8; cap. XIV, § 10.

³ Ibid., cap. XIV, § 34.

⁴ Ibid., § 37—39.

⁵ Ibid., § 40—42.

⁶ Ibid., cap. XV, § 6.

⁷ Ibid., § 7.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid., cap. XIV, § 7; Marcell. (Chronicon, col. 104) относит восстание к 535 г. Ср. Jord. Romana et Getica, col. 48.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico. cap. XIV, § 22.

¹¹ Ibid., § 21.

Большую активность проявили ариане¹, а арианские священники прямо призывали солдат к восстанию².

Вождями движения был составлен заговор, целью которого являлось убийство Соломона, главнокомандующего византийской оккупационной армией в Северной Африке. Заговорщики решили убить Соломона на первый день пасхи (23 марта 536 г.), во время торжественной службы в храме³. Однако по неизвестным причинам замысел заговорщиков не был осуществлен⁴, и многие из них, боясь, что заговор будет открыт, „ушли из города (Карфагена. — Э. У.) и стали грабить близлежащие имения ливийцев“⁵.

Узнав о заговоре, Соломон был сильно напуган и решил привлечь на свою сторону оставшихся в Карфагене солдат „лаской“ и „убеждением“. Сперва, казалось, он имел некоторый успех. Но на пятый день оставшиеся в городе солдаты, „... собравшись на ипподроме, без стеснения стали поносить Соломона и других вождей“⁶. Началось открытое возмущение. Характерно, что центром движения явился ипподром; туда устремились восставшие солдаты, быть может, в поисках поддержки со стороны народных масс Карфагена. Соломон пытался повести с восставшими переговоры через Феодора Каппадокийского, но безуспешно. Более того, восставшие солдаты избрали Феодора Каппадокийского своим вождем (они знали о личной вражде Феодора с Соломоном) и, схватив оружие, стремительно двинулись ко дворцу, резиденции Соломона. Захватив дворец, они убили начальника дворцовой стражи и начали громить дома знати⁷.

Соломон, в страхе перед восставшими, бежал в один из храмов и скрылся там. Ночью, при помощи Феодора Каппадокийского, занявшего явно предательскую позицию по отношению к восставшим, Соломон, вместе с Мартином, Прокопием (историком) и пятью другими приближенными, сев на корабль, тайно отплыл из Карфагена. Беглецы вскоре пристали к небольшому приморскому городу Мисуа, откуда Соломон послал Мартина в Нумидию собирать силы для борьбы с повстанцами. Оттуда же он отправил письмо к Феодору Каппадокийскому и поручил ему охрану Карфагена, сам же с Прокопием направился в Сиракузы, к Велитарю⁸.

Из дальнейшего рассказа Прокопия делается очевидным, что после бегства Соломона и победы восставших в Карфагене среди повстанцев произошел раскол. Наиболее революционная часть восставших ушла из города. В самом Карфагене власть захватили „умеренные“ элементы во главе с предателем Феодором Каппадокийским, тайно связанным с Соломоном.

Ушедшие из Карфагена повстанцы собрались на равнине Буллы и избрали себе начальником Стотзу, „человека смелого и предприимчивого“⁹.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 21.

² Ibid., cap. XIV, § 13.

³ Ibid., § 22.

⁴ Ibid., § 25—28 Прокопий говорит, что заговорщики не убили Соломона „или стыдясь столь прославленного вождя, или, может быть, какое-либо божественное наитие помешало им в этом“ (§ 25). Возможно, автор сознательно умалчивает о причинах неудачи заговора.

⁵ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XIV, § 29.

⁶ Ibid., § 31.

⁷ Ibid., § 35—36.

⁸ Ibid., § 38—42.

⁹ Ibid., cap. XV, § 1. Coripp. Johannidos... lib. III, 305. Корипп крайне враждебно настроен к Стотзе и дает чрезвычайно тенденциозное описание восстания в Африке. См. также Theophani Chronographia, ed. de Boor, p. 203. 12.

Под знаменами Стотзы собралась большая по тому времени и неплохо вооруженная армия, численностью около 8 тыс. человек. К этой армии вскоре присоединились отряд вандалов, состоящий из 1000 воинов, и „огромная масса рабов“¹.

Повстанческая армия под командованием Стотзы двинулась к Карфагену, надеясь взять город без боя², с помощью восставших в самом городе. Однако Феодор Каппадокийский на предложение Стотзы открыть ворота города ответил отказом. Более того он посылал к повстанцам Иосефия³, одного из приближенных Велизария, с предложением „прекратить насилия“⁴. Очевидно, что для „умеренной“ части восставших, засевших в Карфагене, революционная армия Стотзы представляла большую угрозу: интересы тех и других окончательно разошлись с момента присоединения к армии Стотзы рабов и других угнетенных и обездоленных слоев местного населения.

Происходит открытый разрыв. Стотза начинает осаду Карфагена⁵. В самом городе еще были сильны сторонники Стотзы, ему явно сочувствовало беднейшее население Карфагена, да и многочисленная повстанческая армия, стоявшая у стен Карфагена, навела страх на колеблющиеся элементы в городе. Осажденные готовы были сдать Карфаген Стотзе⁶.

В это время из Сицилии прибыл Велизарий⁷. Прокопий утверждает, что одно только появление Велизария, притом лишь с небольшим отрядом в 100 человек личной охраны, привело к тому, что армия Стотзы, насчитывающая свыше 9 тысяч вооруженных и обученных воинов и большое число рабов, колонов, бедноты из местного населения, якобы обратилась в бегство⁸. Рассказ Прокопия совершенно неправдоподобен. Скорее всего, Велизарий, тайно прибыв в Карфаген и проникнув в город при помощи своих сторонников из числа приближенных Феодора Каппадокийского, умело использовал внутренние разногласия в лагере восставших, пустив в ход подкуп и заманчивые обещания. Таким путем ему удалось отколоть от восставших колеблющиеся элементы, собрать войско, „в количестве около двух тысяч человек и, побудив их словами быть преданными императору, подкрепив свои речи большими денежными подарками“⁹, двинуться против повстанцев. Можно предположить, что агенты правительства в войске повстанцев распространяли слухи, преувеличивающие силы Велизария. Все это, повидимому, и привело к тому, что повстанцы, предположив, что Велизарий якобы располагает большими силами, отступили от города.

Однако борьба продолжалась и достигла большого ожесточения. Еще до решительной битвы армии Стотзы с войсками Велизария, „большое количество римских воинов“ было убито повстанцами¹⁰.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 3—4.

² Ibid., § 2.

³ Ibid., § 7.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid., § 8.

⁶ Ibid.

⁷ Marcell. Chronicon, ad anno 535, col. 104; Jord. Romana et Getica, col. 48; Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 9.

⁸ Ibid., § 9—10. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 80—81) всецело поддерживает версию Прокопия.

⁹ Procop. De bello Vandalico, § 11. Это подтверждает и Марцелин. Он сообщает, что Велизарий справился с восстанием солдат как „лаской“, так и строгими мерами (partim blandiendo, partim ulciscendo). Marcell. Chronicon, ad anno 535, col. 104.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 20.

Крупное сражение между войсками Стотзы и Велизария произошло в 536 г. около города Мембресы, расположенного на расстоянии 350 стадий от Карфагена, на берегу реки Баграда¹. Перед сражением вождь повстанцев Стотза обратился к своим воинам с горячей речью. „Воины, освободившиеся вместе со мной от римского рабства! Пусть никто из вас не сочтет недостойным умереть за ту свободу, которую вы приобрели себе своим мужеством и доблестями!..“². Призывая товарищей по оружию доблестно сражаться против византийцев, Стотза в своей речи подчеркивал, что „... по численности враги далеко уступают нам, и идут против нас вовсе не с воодушевлением. Думаю, что они сами мечтают как бы стать участниками этой нашей свободы“³. Вместе с тем, по единодушному свидетельству источников, как Прокопия, так и Кориппа, повстанцы проиграли это сражение⁴. Причины поражения армии Стотзы не совсем ясны. Прокопий объясняет поражение повстанцев неблагоприятной погодой: сильный и удушливый ветер с песком, дувший в лицо восставшим, заставил их уже перед самым началом боя перестроить свои ряды. Велизарий умело использовал благоприятный момент и внезапно ударил на них с фланга. Это привело к замешательству в рядах повстанцев и обеспечило победу Велизария. Однако победа не была значительной, ибо потери повстанцев были невелики, и большая часть их отступила в Нумидию. Велизарий, не располагая достаточным количеством войск, не решился преследовать Стотзу и поспешил вернуться в Карфаген⁵. Здесь его ожидало новое тревожное известие о „мятеже“, вспыхнувшем в его войске, находящемся в Сицилии. Понимая серьезность этого восстания, „грозящего привести в беспорядок все дела“⁶, Велизарий спешно отправляется в Сицилию, поручив управление в Карфагене Ильдигеру и Феодору Каппадокийскому⁷, заслужившему это назначение своим предательским поведением по отношению к восставшим.

Вскоре революционное движение разгорается с новой силой, и повстанцы одерживают ряд блестящих побед. Близ местечка Газофилы, расположенного в двух днях пути от Константины, лицом к лицу сошлись две армии — войска правителя Нумидии Марцелла и повстанческая армия Стотзы.

„Когда два войска были близко одно от другого, — рассказывает Прокопий, — и уже вот-вот готовы были вступить в рукопашный бой, Стотза, один выйдя на середину между войсками“⁸ (эпизод, свидетельствующий о большой личной храбрости вождя восставших), произнес пламенную речь, призывая солдат Марцелла присоединиться к восстанию и обратить оружие против угнетателей. „Если вы недовольны мною, — говорил Стотза, — вы можете убить меня, ... если же вы не можете меня ни в чем упрекнуть, то время уже вам взяться за оружие в ваших личных интересах“⁹. „И солдаты, — продолжает Прокопий, — с полным сочувствием приняли его слова и приветствовали его, высказывая

¹ Ibid., § 11—12.

² Ibid., § 30.

³ Ibid., § 39.

⁴ Ibid., § 40—45. О победе Велизария в битве при Мембресе восторженно говорит Coripp. (Johannidos..., libr. III, 311—314, col. 34). См. также Theoph. Chronogr., 203, 18, 22.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 47.

⁶ Ibid., § 48.

⁷ Ibid., § 49.

⁸ Ibid., § 53.

⁹ Ibid., § 57.

ему полное расположение¹. Командиры императорского войска в панике бежали в Газофилы и скрылись в одном из храмов. „Соединив оба войска воедино“², Стотза двинулся против них, взял Газофилы и, захватив византийских военачальников, приказал всех их перебить³.

Движение Стотзы приобрело столь угрожающий для правительства характер, что Юстиниан принужден был принять экстренные меры. В Африку был послан племянник императора Герман с большими полномочиями, но с малым войском⁴. Занятый тяжелой войной в Италии, Юстиниан не располагал военными силами для посылки в Африку.

По прибытии в Африку Герман первым делом произвел перепись всех солдат, оставшихся верными империи. Итог был весьма плачевным для правительства, — выяснилось, что „только одна треть войска находится в Карфагене и других городах, все же остальные ушли и соединились с тираном (со Стотзой. — З. У.) против римлян“⁵.

Эти слова Прокопия свидетельствуют о необычайно широком размахе революционного движения в византийских войсках, расквартированных в Северной Африке.

При таких критических обстоятельствах Герман принужден был прибегнуть к демагогическим мерам и попытаться подкупом, обещаниями, „ласковыми“ речами отколоть от восставших колеблющиеся элементы и привлечь их на сторону правительства. Солдатам было полностью выплачено жалованье, а участникам восстания, вернувшимся в армию императора, гарантировалась безнаказанность и также выплачивалось жалованье, даже и за то время, „когда они воевали против римлян“⁶.

Политика Германа имела известный успех, и часть неустойчивых элементов из армии Стотзы перешла на его сторону⁷.

Тем не менее, мужественный вождь повстанцев решил встретиться с Германом лицом к лицу и в открытом бою испытать воинское счастье. Надеясь на поддержку солдат карфагенского гарнизона⁸, он вновь двинулся со всем войском к Карфагену.

Однако и на этот раз надежды Стотзы не сбылись, и он принужден был отступить в Нумидию⁹ для того, чтобы собрать новые силы. Здесь с армией Стотзы соединились отряды вновь поднявшихся на борьбу с империей маврусиев во главе с их вождями Иаудой и Ортайей¹⁰.

Решительное сражение между повстанческой армией и войсками Германа произошло в 537 г. близ местечка Скалас Ветерес¹¹. Перво-

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XV, § 58.

² Ibid., § 59.

³ Ibid., cp. Jo r d. Romana et Getica, col. 48. Ш. Диль, крайне враждебно относящийся к народному движению, осуждает Стотзу за „бесцельное“ (!) убийство командиров, преданных императору. Ch. Diehl. L'Afrique byzantine, p. 82.

⁴ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 536, col. 104.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 3.

⁶ Ibid., § 5.

⁷ Ibid., § 6—7. Marcell. (Chronicon, col. 105) говорит о „счастливым“ правлении Германа в Африке. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 83), следуя своей общей тенденции, крайне восхваляет правление Германа.

⁸ Procop. De bello Vandalico, cap. XVI, § 9. Эти надежды, в данном случае, впрочем, не оправдавшиеся, имели, однако, основание: вскоре в Карфагене действительно вспыхнуло восстание солдат под руководством Максимиана.

⁹ Ibid., cap. XVII, § 1.

¹⁰ Ibid., § 8.

¹¹ Ibid., § 3. О битве при Скалас Ветерес и победе Германа говорит также и Coripp. (Johannidos. . . , lib. III, 314—399, col. 34—35).

начально победа явно склонялась на сторону повстанцев. Отборный отряд восставших во главе со Стотзой нанес удар по правому флангу противника. Солдаты правого фланга „... не оказав никакого сопротивления, безо всякого порядка бросились бежать. Мятежники тотчас же захватили все их знамена и изо всех сил преследовали бегущих“¹. Победа Стотзы, казалось, была уже близка. Однако Герману ценой огромных усилий удалось привести в порядок часть своего войска и бросить ее в контратаку². Завязалась жестокая рукопашная схватка, в которой победу одержали императорские войска. Стотза проявил исключительное мужество и энергию. Он появлялся в самых опасных местах боя³, но превосходство сил было уже на стороне Германа, и повстанцы проиграли сражение⁴.

Одной из основных причин поражения явилось отсутствие необходимой дисциплины и строгой централизации командования. Так, еще в самом начале сражения отряд герулов не подчинился Стотзе и вынудил его „на ходу“ менять план атаки⁵. Недостаточная организованность повстанческих войск особенно пагубно сказалась во время рукопашного боя, когда воины Стотзы, не отличаясь от воинов Германа ни одеждой, ни языком, лишь с трудом узнавали друг друга⁶.

Большую роль в поражении войск Стотзы сыграла и неустойчивая, а потом и явно предательская позиция некоторых вождей маврусиев. Еще перед боем „не все они (т. е. вожди маврусиев. — Э. У.) были верны Стотзе и его товарищам“⁷, но некоторые из них вели тайные переговоры с Германом, поддавшись на его посулы. В начале сражения маврусии соблюдали нейтралитет, построив свои войска отдельно от армии Стотзы и ожидая исхода боя. Но когда победа стала клониться на сторону Германа и его войска захватили лагерь Стотзы, многие маврусии, в надежде на добычу, бросились преследовать повстанцев⁸, оказав тем самым существенную поддержку Герману⁹.

Стотза с немногими товарищами по оружию, главным образом вандалами, принужден был скрыться в Мавританию¹⁰.

Но несмотря на поражение, понесенное основными силами восставших — армией Стотзы, революционное движение в провинции продолжалось. Вскоре после сражения у Скалас Ветерес зимой 537/38 г., вспыхивает восстание солдат в самом Карфагене, под руководством некоего Максимиана¹¹. Прокопий должен признать, что Герман вынужден был во время этого восстания попытаться задобрить и привлечь на свою сторону вождя восставших, „так как дела в Ливии находились еще в шатком положении“¹². Это говорит о том, что революционное

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVII, § 17.

² Ibid., § 18—19.

³ Ibid., § 34.

⁴ Ibid. Следует отметить, что в этом бою одним из командиров византийских войск был Феодор Каппадокийский.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XVII, § 14—15.

⁶ Ibid., § 21—22.

⁷ Ibid., § 9.

⁸ Ibid., § 31.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., § 35. Marcell. Chronicon, ad anno 537, col. 105.

¹¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XVIII, § 1—18. Ch. Diehl (L'Afrique byzantine, p. 86) рисует это восстание в крайне искаженном виде. Он возхваляет Германа за энергичные меры, принятые для подавления восстания, умалчивая о его коварстве и о жестокой расправе с вождем восставших.

¹² Procop. De bello Vandalico, cap. XVIII, § 5

брожение в провинции не прекращалось. Герману лишь с трудом удалось подавить восстание Максимиана, искусно использовав раскол в среде восставших¹.

Вскоре после этого Герман был отозван императором в Византию, а наместником Африки вновь был назначен Соломон².

Для водворения „порядка“ в провинции Соломон принимает чрезвычайные меры: производит строжайшую чистку армии и всех „подозрительных“ отправляет в Византию или в Италию, „набирая на их место новых солдат“³; выселяет из Африки всех вандалов; проводит военное строительство с явным „охранительной“ целью⁴.

Вскоре возобновляются открытые военные действия между Соломоном и племенами маврусиев. Соломон вновь совершает поход в Авразию против Иауды.

Во время этого похода маврусии нанесли поражение одному из военачальников византийской армии Гонтарису⁵. Борьба достигла большой степени ожесточения; об этом свидетельствует рассказ Прокопия о затоплении маврусиями местности вокруг лагеря византийцев путем отвода течения реки Абигас⁶, что поставило византийские войска в крайне затруднительное положение. Однако в открытом бою византийцы, благодаря более совершенной организации их войск и лучшему вооружению, одерживали верх⁷, и маврусии вынуждены были скрываться в горных крепостях, используя тактику партизанской борьбы⁸. Иауда с 20 тысячами маврусиев заперся в выстроенной им крепости Зербула⁹. Войска Соломона, опустошив земли Авразии близ города Тамагуды и уничтожив жатву¹⁰, начали осаду Зербулы. Но Иауда отступил в горы и, засев в горной крепости Тумар, ожидал приближения врагов. Византийцы, взяв и разграбив крепость Зербулу¹¹, двинулись против Иауды. Началась осада крепости Тумар. Осада была крайне трудной. Осаждавшие страдали от недостатка воды и продовольствия, и в войсках Соломона началось брожение¹².

Однако крепость была взята византийцами. Раненый в бедро Иауда бежал в Мавританию. Соломон, оставив гарнизоны в Авразии, двинулся в области Заба и подчинил их власти византийцев. В 539 г. движение в провинции временно пошло на спад и было подавлено¹³.

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XVIII, § 3; 11; 13; 15.

² Ibid., cap. XIX, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 539, col. 106.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XIX, § 3.

⁴ По словам Прокопия, „каждый город он окружил стеною“ (ibid., § 3). В другом месте Прокопий прямо говорит о цели этого военного строительства Соломона. Рассказывая о восстании Гонтариса, Прокопий упоминает о том, что Соломон незадолго до этого события один из карфагенских храмов „в страхе перед солдатскими бунтами окружил стенами и сделал из него очень сильное укрепление“ (ibid., cap. XXVI, § 17). Эти известия Прокопия вполне совпадают с данными трактата „О постройках“ и являются дополнительным свидетельством того, что строительная деятельность правительства Юстиниана имела своей целью не только защиту от нападений извне, но и от народных восстаний внутри империи.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XIX, § 7, 9. Гонтарис впоследствии поднял восстание против правительства. См. ниже.

⁶ Ibid., § 14—16.

⁷ Ibid., § 17.

⁸ Ibid., § 18.

⁹ Ibid., § 19.

¹⁰ Ibid., § 23—31.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., cap. XX, § 1—4.

¹³ Marcell. Chronicon, ad anno 540, col. 106; Coripp. (Johannidos...), lib. III, 28—34; 283—292; 320—336) прославляет „благоденствие“ Африки в период после

Четыре года спустя, т. е. в 543 г., революционное движение в Северной Африке вспыхнуло с новой силой (схема № 2). Толчком к новому восстанию послужила вероломная политика наместника Триполи Сергия по отношению к одному из племен маврусиев — левафам¹. Сергий предательски перебил 80 послов этого племени, явившихся к нему в город Большой Лептис (Leptis Magna) для переговоров о возобновлении мирного договора².

Возмущенные этим вероломством маврусии-левафы тотчас подняли восстание и, вооружившись, двинулись против византийцев³. В происшедшем сражении близ Большого Лептиса маврусии, еще не успевшие собрать основные силы, были разбиты, а „большое количество их женщин и детей было обращено в рабство“⁴. Однако „спустя некоторое время варвары с большими силами двинулись против римлян“⁵. Они вторглись в Бизацену, грабя и опустошая все на своем пути. Здесь к ним присоединился Антала, ранее сохранявший верность правительству Юстиниана, теперь же ставший одним из его ожесточеннейших врагов⁶.

В 544 г. в битве у местечка Cillium⁷, расположенного близ города Тебесты (отстоящего от Карфагена на расстоянии 6 дней пути)⁸, византийские войска были наголову разбиты объединенными силами маврусиев Триполи и Бизацены, а византийский полководец Соломон убит⁹. Причиной блестящей победы восставших являлось не только

подавления восстания, в таком же духе рассказывает об этом Procop. (*De bello Vandalico*, cap. XX, § 33). Характерно, что им вторит и Ch. Diehl (*L'Afrique byzantine*, p. 92—93).

¹ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 2 sq.

² Интересно сравнить рассказ Прокопия об этом событии в его труде „О войне с вандалами“ и в „Тайной истории“. В первом сочинении Прокопий стремится найти оправдание вероломному убийству Сергием послов левафов. По его словам, „эти варвары явились в город с предательской мыслью устроить покушение и убить Сергия“ (*ibid.*, § 4). Прокопий умалчивает здесь о каких-либо клятвах и обещаниях Сергия, данных послам левафов. Само описание пира, на котором были перебиты послы, дано тенденциозно, Сергий выступает здесь как обороняющаяся сторона (*ibid.*, § 6—11). Совсем иное освещение этого события дается Прокопием в „Тайной истории“, где Прокопий прямо говорит, что Сергий убил послов „без всякого на то основания“. . . „эти люди пришли к Сергию без всякого злого умысла, и Сергий не имел против них никакого подозрения. И тем не менее, связанный клятвою, пригласив их на пир, он без всякого угрызения совести их перебил“ (*Historia arcana*, V, § 28).

³ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 12. Об убийстве послов левафов, как причине новой войны и многих „бедствий“ для населения провинции говорит и Coripp. (*Johannidos. . .*, lib. II, 36—40).

⁴ Procop. *De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 14. В 544 году.

⁵ *Ibid.*, § 16.

⁶ Procop. (*De bello Vandalico*, lib. II, cap. XXI, § 17) объясняет это тем, что Соломон отнял у Анталы „хлебные выдачи“, пожалованные ему Юстинианом и „казнил его брата, возложив на него вину за произошедшее среди живущих в Бизацене волнение“. Coripp. (*Johannidos. . .*, lib. II, 28; lib. III, 384; lib. IV, 364, 366) подтверждает это и называет имя брата Анталы — Guarizila. Это сообщение Прокопия и Кориппа привлекает внимание тем, что свидетельствует о непрекращавшихся восстаниях в Бизацене и в тот промежуток времени, который сами же эти авторы изображают как время благоденствия и процветания провинции Африки.

⁷ Название местечка Cillium, где произошла эта битва, сохранил лишь один Vict. Tonnen. (*Chronicon*, ad anno 543, col. 201). Cillium, или колония Cillitana — небольшое селение, расположенное на пути из Тебесты в Гадрумет.

⁸ Procop. *De bello Vandalico*, cap. XXI, § 19.

⁹ *Ibid.*, cap. XXI, § 25—28; Coripp. (*Johannidos. . .*, lib. III, 412—415, 428—432) обвиняет в поражении византийских войск Гонтариса, уже тогда якобы изменившего Соломону; Marcell. *Chronicon*, ad anno 541, col. 106; Vict. Tonnen. (*Chronicon*, ad anno 543, col. 201) сообщает, что Соломон был убит в битве с войсками Стотзы.

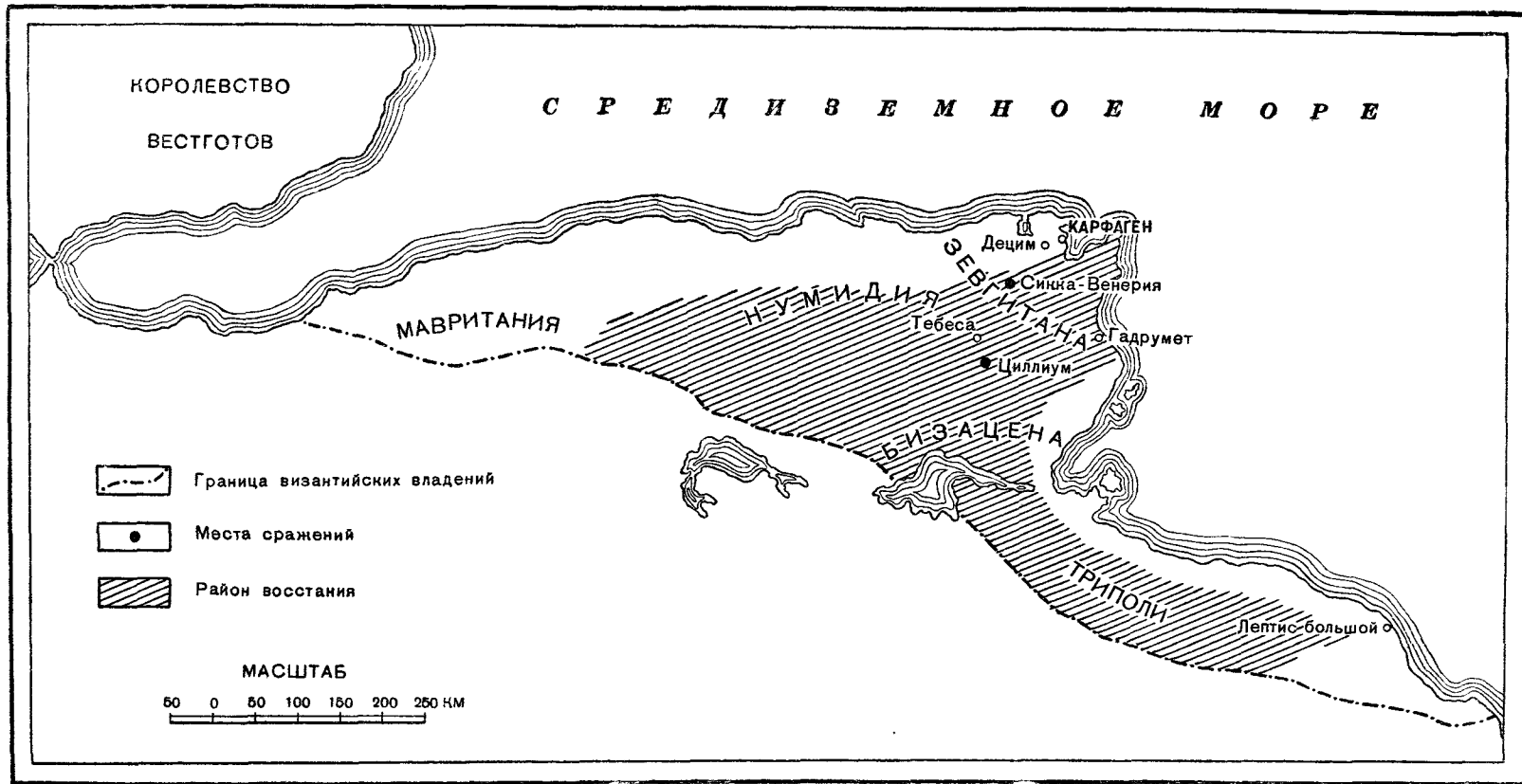

Схема 2.

их численное превосходство¹. Большую роль в победе повстанцев сыграло поведение самих византийских солдат. Солдаты, возмущенные, по словам Прокопия, тем, что Соломон не разделил между ними захваченной ранее добычи, „стали отказываться сражаться, а другие шли в бой без воодушевления“², и затем обратились в бегство³. Особо важное значение имеет известие Кориппа о том, что на сторону восставших перешли все войска, набранные из местного населения⁴. Это свидетельствует о том, что в византийских войсках вновь с новой силой началось антиправительственное движение, а недовольство и брожение среди солдат, видимо, и не прекращалось.

Поэтому вполне понятно, что весной следующего, 545 г. Стотза, прибывший из Мавритании, вновь встретил широкую поддержку и вновь возглавил массовое восстание против империи⁵. Население провинции явно сочувствовало восстанию⁶, тяготясь правлением Сергия (назначенного наместником Африки после смерти его дяди Соломона)⁷.

Центром восстания вновь стала Бизацена⁸. Повстанцы одержали ряд значительных побед. Ими был разбит и взят в плен начальник всех византийских войск в Бизацене Гимерий. Солдаты Гимерия сдались повстанцам и присоединились к войскам Стотзы, заявив, „что с большой охотой будут сражаться против римлян“ (*συλλογούντας σφίσι σὺν προθυμίᾳ πολλῇ ἐπὶ Ῥωμαίους στρατεύεσθαι*)⁹.

Затем, при помощи военной хитрости, использовав при этом захваченного в плен Гимерия, повстанцы овладели большим приморским городом Гадруметом¹⁰. Восставшие мягко обошлись с жителями города и, оставив в нем лишь небольшой отряд, удалились оттуда. Беспечность их, однако, дошла до того, что из Гадрумета без всякого труда бежали знатные пленники Гимерий и Севериан. Но многие из взятых

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXI, § 20, 26.

² Ibid., § 25.

³ Ibid., § 26.

⁴ Coripp. Johannidos. . . , lib. II, 412—415. О наборе войск в Африке, прежде всего лимитанов, из местного населения говорится в законе 534 г. Cod. Just., I, 27, II.

⁵ Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 5—6.

⁶ Ibid., § 6.

⁷ Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 1. Marcell. Chronicon, ad anno 541, col. 106. Ливийцы ненавидели Сергия, по словам Прокопия, за то, что „он был исключительным любителем чужих жен и чужой собственности“ (Procop. De bello Vandalico, cap. XXII, § 2). Сергий не пользовался популярностью и среди солдат, вследствие трусости и малодушия, а подчиненные ему начальники византийской армии ненавидели его за крайнее высокомерие и тщеславие. „Все были недовольны его правлением“, и, по словам Прокопия, он был главным виновником „огромных бед“, „поразивших племя ливийцев“ (ibid., § 2). В „Тайной истории“ Прокопий рассказывает о том, что Сергий пользовался покровительством императрицы Феодоры, поэтому „наказывать его или отрешить от должности императрица ни в коем случае не желала, хотя она видела, что Ливия шаг за шагом приближается к гибели“. Procop. Historia arcana, cap. V, § 32—33.

⁸ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 1. Эти события относятся к 545 г. Vict. Tonn. Chronicon, ad anno 541, § 2, col. 200.

⁹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 10; Corippus (op. cit., lib. IV, 41) сообщает, что отряд Гимерия сдался Стотзе в небольшой крепости Себар. Другие авторы, в частности Прокопий, не упоминают названия этой крепости.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXIII, § 11—15. Хитрость состояла в том, что несколько солдат Стотзы, во главе с Гимерием, ведя связанных маврусиев, подошли к городу и, объявив страже о большой победе византийских войск над восставшими и о скором приближении главных сил под командованием Иоанна — сына Сисиниода, потребовали открыть ворота города. Когда ворота были открыты, повстанцы вошли в город и овладели им. Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 64.

в плен повстанцами „вполне добровольно остались со Стотзой“ (*... πολλοὶ δὲ καὶ σὺν τῷ Στότζα οὖντι ἄκοντες ἐμείναν*)¹.

Между тем в Гадрумете зрел заговор духовенства и знати против повстанцев. Во главе этого заговора стоял один из местных священников по имени Павел. Он решил тайно отправиться в Карфаген и призвать в Гадрумет византийские войска. Свой план он сообщил нескольким „почтенным гражданам“, которые должны были подготовить все в городе для принятия императорского войска². Заговорщики ночью спустили Павла на веревках со стены города, и он, наняв „за большие деньги“ рыбацью лодку, бежал в Карфаген. Однако Сергей, не располагая военными силами, смог дать Павлу лишь 80 солдат, и тому пришлось собрать корабли, нанять моряков и переодеть их в одежду римских воинов. Для этого, конечно, Павел должен был располагать большими денежными средствами, что лишний раз свидетельствует о том, что заговор в Гадрумете был составлен знатью. Придя к Гадрумету, Павел послал тайно своих агентов к „известнейшим гражданам“ (*... πέρψας τινὰς λάτρᾳ τοῖς τῆς πόλεως δοκίμοις...*)³ и сообщил им о том, что якобы Герман, племянник императора, недавно прибывший в Карфаген, послал значительные войска на помощь Гадрумету. „Придав им этим мужества, он велит им этой ночью открыть одни маленькие ворота“⁴. Проникнув с помощью знатных заговорщиков в город, Павел с его воинами „...перебили всех врагов и возвратили под власть императора город“⁵. Заговорщиками же был распушен слух о приближении Германа с большой армией, слух, который должен был посеять панику среди повстанцев. Однако очень скоро выяснилось, что это известие ложно.

„Узнав правду“, повстанцы „были страшно раздражены, что, пощадив всех жителей Адрамета (Гадрумета. — З. У.), они испытали от них такую несправедливость“⁶. Поэтому они стали беспощадно расправляться с ливийцами, в первую очередь со знатью. Среди знати началась паника, особенно в самом Гадрумете, когда повстанцы второй раз овладели городом. Многие бежали в Византию, в том числе и глава заговора Павел⁷.

Повстанцы, не встречая нигде сопротивления, стали фактическими хозяевами всей области. По словам Прокопия, Стотза вновь достиг большой власти и под его знамена собралось уже большое число византийских солдат: „одни из них пришли как перебежчики, другие с самого начала были им взяты в плен и по доброй воле остались у него“⁸.

Движение в Африке приняло столь угрожающие размеры, что Юстиниан должен был послать для подавления восстания своего приближенного Ареобинда⁹. Однако он не отрешил от должности и Сер-

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIII, § 17.

² Ibid., § 18.

³ Ibid., § 23.

⁴ Ibid., § 24.

⁵ Ibid., § 25.

⁶ Ibid., § 26.

⁷ Ibid., § 28—29. Возможно, что при расправе со знатью пострадали и другие жители провинции.

⁸ Ibid., § 31.

⁹ Ibid., cap. XXIV, § 1. Coripp. Johannidos..., lib. IV, 82—86. Ареобинд происходил из знатного рода и был женат на племяннице Юстиниана Прейекте; он был совершенно неопытен в военном деле. Назначение его на столь высокий пост объясняется родственными связями с императором. Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 1—3.

гия, пользовавшегося особым покровительством императрицы Феодоры, а разделил управление провинцией между тем и другим. Сергей должен был вести борьбу с повстанцами в Нумидии, Ареобинд — в Бизацене¹.

Но между Сергием и Ареобиндом начались разногласия, приведшие к отрицательным для правительства последствиям. Сергей, не желая подчиняться Ареобинду, не присоединился к войскам Иоанна, посланного Ареобиндом против Стотзы и маврусиев².

О сражении, происшедшем между войсками Стотзы и Иоанна, а также о гибели мужественного вождя повстанцев источники сообщают несколько противоречивые данные. Прокопий³, Виктор Тонненский⁴ и Комит Марцеллин⁵ говорят об одном сражении между войсками Стотзы и Иоанна, Корипп упоминает о двух⁶. Прокопий рассказывает, что битва произошла близ города Сикка Венерия, находящегося на расстоянии трех дней пути от Карфагена⁷. Виктор Тонненский, дополняя и уточняя данные Прокопия, сообщает что войска Стотзы и Иоанна встретились у местечка Тацеа (Thasea), расположенного недалеко от города Сикка Венерия⁸. Прокопий не сообщает даты этого сражения, зато и Виктор Тонненский и Комит Марцеллин единодушно относят его к 545 г.⁹ В описании гибели Стотзы рассказ Прокопия совпадает с данными Кориппа.

По словам Прокопия, Стотза и командир византийских войск Иоанн были в давнишней, непримиримой вражде друг с другом. И вот в начале битвы между полководцами обеих армий произошел поединок, в котором Стотза был смертельно ранен стрелой Иоанна¹⁰. Однако воины Стотзы, унеся своего вождя в безопасное место, с яростью бросились на войска Иоанна, разбили их, а его самого убили¹¹.

Победа восставших была полной. И хотя смерть Стотзы была тяжелым ударом для повстанцев, они продолжали упорную борьбу под предводительством некоего Иоанна, занявшего место Стотзы¹².

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 5.

² Ibid., § 7—8.

³ Ibid., § 8—16.

⁴ Vict. Tonnen. Chronicon, ad anno 545, col. 201.

⁵ Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107.

⁶ Coripp. Johannidos..., lib. IV, col. 103 и сл. По словам Кориппа, во время первого сражения, вследствие разногласий между военачальниками Ареобиндом и Сергием римляне были побеждены и отступили, во втором сражении сперва были обращены в бегство маврусии, но подоспевший отряд Стотзы восстановил положение и повстанцы победили.

⁷ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 6.

⁸ Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201. В Tabula Pertingerana Тацеа упоминается как город, расположенный на дороге в Карфаген и находящийся на расстоянии 26 тыс. шагов от Сикка Венерия.

⁹ Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201. Marcell. Chronicon. ad anno 545, col. 107.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 11. Coripp., Johannidos..., lib. IV, 16, sq. Виктор Тонненский несколько иначе описывает этот поединок; по его словам, Стотза собственной рукой поразил своего врага и одновременно получил смертельную рану от Иоанна (Vict. Tonnen. Chronicon, col. 201). Рассказ же Комита Марцеллина совпадает с данными Прокопия и Кориппа (Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107). Иордан говорит об этом поединке в общих чертах (Jord. Romana et Getica, col. 51). Он сообщает, что Стотза и Иоанн убили друг друга в единоборстве.

¹¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 12—14; Coripp. Johannidos..., lib. IV, 200 и сл. Текст Кориппа в этом месте несколько испорчен.

¹² Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 14; cap. XXV, § 3.

Юстиниан, чрезвычайно обеспокоенный успехами повстанцев, отозвал из Африки Сергия, а всю власть над провинцией передал одному Ареобинду¹.

Через два месяца после отъезда Сергия из Африки повстанцы, объединив все свои силы, двинулись на Карфаген. Войска маврусиев из Нумидии выступили под командованием своих вождей Кутзины и Иауды вместе с маврусиями Бизацены во главе с Анталой; к ним присоединился Иоанн со следовавшими за ним римскими солдатами, которого после смерти Стотзы мятежники поставили над собой начальником (Прокопий называет его „самозванным предводителем“)².

Повстанческое войско быстро двигалось к Карфагену и дошло до местечка Децим, где и расположилось лагерем. В это время Ареобинд, по словам Прокопия, стремясь отколоть от восставших часть неустойчивых элементов, стал вести переговоры о переходе на сторону правительства с одним из вождей маврусиев — Кутзиной.

Трудно сказать, насколько эти данные Прокопия достоверны, но во всяком случае они свидетельствуют о том, что неоднородность этнического и социального состава восставших, обусловившая неустойчивость некоторых группировок в их лагере, предательство отдельных вождей маврусиев чрезвычайно осложняли обстановку и ослабляли движение.

Этим, скорее всего, объясняется то, что руководство движением вновь попадает в руки представителей привилегированной верхушки армии — в частности, одного из видных византийских военачальников — Гонтариса, поднявшего восстание против правительства.

В то время, как армия повстанцев стояла под стенами Карфагена, Гонтарис произвел в городе вооруженный переворот, опираясь на часть солдат карфагенского гарнизона, которых он привлек на свою сторону обещанием уплатить им из своих средств все жалование, не выплаченное казначейством³.

По словам Прокопия, Гонтарис ставил своей целью захват власти над всей провинцией⁴ и, подготавливая переворот в Карфагене, тайно завязал сношения с повстанцами, стоявшими под стенами города; в частности, он вел переговоры с одним из вождей маврусиев — Анталой.

Гонтарис открыл ворота Карфагена перед восставшими маврусиями, однако те, не доверяя ему, не вошли в город, а, видимо, ожидали исхода переворота, возглавленного Гонтарисом. Прокопий говорит, что и сам Гонтарис сперва не хотел, чтобы повстанцы вошли в город, но открыл перед ними ворота для устрашения Ареобинда и его сторонников, — иными словами, он боялся народных масс и принужден был апеллировать к ним в своей борьбе против правительства⁵.

Произошла битва между сторонниками Гонтариса и императорскими войсками. Гонтарис одержал полную победу, а Ареобинд, показав себя трусом, бежал и спрятался в одном из карфагенских храмов. Захватив власть в городе, Гонтарис убил Ареобинда⁶.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXIV, § 16; Marcell. (Chronicon, ad anno 546, col. 107) относит отъезд Сергия из Африки к 546 г.

² Procop. De bello Vandalico, cap. XXV, § 3. Об этом же говорят другие источники: Marcell. Chronicon, ad anno 545, col. 107; Jord. Romana et Getica, col. 51 и Theoph. Chronogr., I, 211.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVI, § 1—20.

⁴ Ibid., cap. XXV, § 1; 6—10 Coripp. Johannidos..., lib. IV, 222—226.

⁵ Procop., De bello Vandalico, cap. XXVI, § 1—5.

⁶ Ibid., § 31—33; Coripp. Johannidos..., lib. IV, 200, sq.

Весьма важен тот факт, что после победы Гонтариса наиболее революционная часть повстанческой армии перешла открыто на его сторону, в то время как некоторые вожди маврусиев, в частности Антала, его не поддержали¹. По словам Прокопия, „солдаты же Стотзы, числом не меньше тысячи, узнав о том, что происходит, перебежали под руководством Иоанна на сторону Гонтариса, который охотно принял их в Карфаген. В их числе было 500 римлян, приблизительно 80 гуннов, все же остальные были вандалы“². Поддержка Гонтариса солдатами Стотзы объясняется, повидимому, тем, что вожди основной массы союзных им маврусиев, в частности Антала, открыто перешли на сторону Юстиниана.

Правление Гонтариса Прокопий описывает в самых мрачных тонах. Прокопий относится к Гонтарису с особой ненавистью, называя его „бешеной собакой“³, „самозванцем“⁴, „тираном“⁵, „самым безбожным из людей“⁶ и т. д. Он подробно описывает, как предательски поступил Гонтарис с Ареобиндом, сперва дав ему обещание сохранить жизнь, а затем безжалостно убив⁷, и т. д. Столь же резко враждебное отношение к Гонтарису встречаем мы и со стороны Кориппа⁸.

Подобное отношение Прокопия и Кориппа к Гонтарису объясняется тем, что Гонтарис не только вынужден был пойти на союз с восставшими народными массами, но под их давлением проводил политику беспощадного террора по отношению к сторонникам правительства. Большим влиянием в период правления Гонтариса пользовался некий Пасифил, „первый человек среди мятежников в Византии“, который активно помогал Гонтарису „в насильственном захвате власти“⁹.

По совету Пасифила, Гонтарис принимает решение перейти в наступление против сил, поддерживавших правительство¹⁰.

Гонтарис решительно расправляется в Карфагене со всеми его сторонниками¹¹. „Пасифилу же, которого он намеревался поставить во главе охраны Карфагена, он поручил перебить всех греков, не принимая ничего во внимание“¹². Можно предположить, что подобная политика отражала непримиримую ненависть населения Африки ко всем византийцам, ко всем представителям гражданской и военной администрации, ненависть угнетенных и обездоленных ко всем сторонникам рабовладельческой империи.

Именно эта политика террора, проводимая Гонтарисом, объясняет столь враждебное отношение к нему Прокопия и Кориппа.

Однако сам Гонтарис, используя народное движение, был тесно связан именно с привилегированной верхушкой армии и в своей политике руководствовался прежде всего своими личными честолюбивыми целями, а также интересами этой привилегированной верхушки.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 1—6; Jord. Romana et Getica, col. 51.

² Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 7—8.

³ Ibid., § 18.

⁴ Ibid., cap. XXVIII, § 12.

⁵ Ibid., § 13.

⁶ Ibid., § 28.

⁷ Ibid., cap. XXVI, § 30—33. Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

⁸ Coripp. Iohannidos..., l. b. IV, 220—243.

⁹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 21; Vict. Tonnen. Chronicon, ad anno 546, col. 201.

¹⁰ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 36.

¹¹ Ibid., § 37.

¹² Ibid., § 38.

Так, например, он окружает себя высшими командирами византийской армии, перешедшими на его сторону, и знатными вандалами. На пир, устроенный им в карфагенском дворце накануне выступления в поход, он приглашает высших командиров и самых „знатных вандалов“, в то время как вождь героических войск Стотзы — Иоанн на этот пир не был приглашен, и его „Пасифил угощал отдельно“¹. Видимо, полного взаимного доверия между революционной частью повстанцев и Гонтарисом не было.

Затем, если верить Прокопию и Иордану, Гонтарис мягко обошелся с женой Ареобинда, племянницей Юстиниана Прейектой, намереваясь на ней жениться и, породнившись с императором, заслужить его милости². Можно предположить, что Гонтарис хотел этим добиться от Юстиниана признания его наместником Африки.

Обстановка в Африке создалась весьма сложная. К Гонтарису, захватившему власть в Карфагене и пытавшемуся использовать широкие массы повстанцев, присоединилась часть высшего командования армии, втайне преданная правительству, с изменнической целью убить Гонтариса, обезглавить и подавить движение. Прежде всего это был Артабан, командир вспомогательного отряда армян, со своими приближенными, составивший заговор против Гонтариса³, затем Афанасий, приближенный Ареобинда, перешедший на сторону Гонтариса после его победы и сумевший льстивыми словами убедить того в своей мнимой преданности⁴, кроме того, некий Петр, бывший телохранитель Соломона, тайный сторонник правительства, принявший, впоследствии, участие в убийстве Гонтариса⁵, и др. Можно предположить, что особенно большое недовольство этой части командования вызывала политика некоторых уступок солдатам, проводимая Гонтарисом.

Гонтарис, доверяя Артабану, назначил его командиром войск, посланных против вождя маврусиев Анталы, перешедшего на сторону правительства. Вместе с Артабаном отправились в поход и вождь повстанцев Иоанн, преемник Стотзы, и телохранитель Гонтариса Улитей со своими войсками и с союзными маврусиями Кутзины. Поход был неудачен, и маврусии Анталы были обращены в бегство, но Артабан, ведя себя предательски, не развил успеха, за что Улитей, заподозрив измену, хотел даже его убить. Однако Артабан сумел оправдаться и вернуться в Карфаген за подкреплениями, а в сущности для того, чтобы осуществить свое тайное намерение убить Гонтариса.

Коварный замысел Артабана был осуществлен, и Гонтарис был предательски убит во время пира приближенными Артабана⁶. После

¹ Procop. De bello Vandalico, lib. II, cap. XXVIII, § 5.

² Ibid., cap., XXVII, § 20—22. Прокопий утверждает, что Гонтарис сделал это по совету Пасифида. Ср. Jord. Romana et Getica, col. 51.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVII, § 9—19.

⁴ Ibid., cap. XXVI § 21—22.

⁵ Ibid., cap. XXVIII, § 3; 24; 28.

⁶ Ibid., § 1—34. Душой заговора против Гонтариса Корипп считает Афанасия и всячески прославляет его „славный подвиг“ — убийство „тирана“ (Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 231—242); Прокопий же называет руководителем заговора Артабана и именно его восхваляет за то, что он вернул Карфаген и всю провинцию Африку императору (Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 42—44). Однако и у Прокопия есть указания на участие Афанасия в заговоре против Гонтариса (ibid., § 35). Корипп, кроме того, сообщает, что вождь маврусиев Антала хвастался, будто лишь с его помощью Артабан смог осуществить свои планы по отношению Гонтариса (Coripp. Johannidos. . . , lib. IV, 367—370). Об убийстве Артабаном Гонтариса говорят все другие источники: Jord. Romana et Getica, col. 51; Vict. Tonnep. Chronicon, ad anno 546, col. 201; Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

этого началась расправа с восставшими. Опираясь главным образом на военный отряд армян, Артабан перебил во дворце всех сторонников Гонтариса, в том числе знатных вандалов, приглашенных на пир, а затем неожиданно напал в городе на ничего не подозревающих „мятежников“ и многих из них убил. Среди убитых был и Пасифил. Вождь повстанцев Иоанн нашел убежище в одном из храмов, но затем был взят в плен и отправлен в Византию для расправы¹. О дальнейшей судьбе Иоанна Прокопий хранит молчание, однако Иордан сообщает о его трагической гибели. Отосланный в Константинополь вождь народного движения по приказу префекта был подвергнут страшным мучениям, ему были отрублены руки, а затем „в наказание другим“ (*ad exemplum ceterorum*) он был предан жестокой казни².

Описываемые выше события произошли весной 546 г., „на 19 году единоподержавного правления императора Юстиниана“³. Движение в результате вероломства и предательства чуждых народным массам элементов, проникших в лагерь повстанцев, было обезглавлено и пошло на убыль, хотя борьба продолжалась с переменным успехом еще до 548 г.

Однако и после этого „замирение“ Африки было, повидимому, весьма относительным. Не случайно же византийское правительство в 552 г. специальным постановлением вынуждено было признать, что колонны, бежавшие из поместий во времена вандалов и живущие среди свободных, не должны были возвращаться в свое прежнее состояние, а сохраняли свободу⁴. Это была уступка, вырванная у правительства движением народных масс.

* * *

Революционное движение в Северной Африке в правление Юстиниана, то разгораясь с большей силой, то временно затухая, длилось около 15 лет, с 534 по 548 г. Оно охватило большую территорию: Бизацена, Нумидия, Авразия, самый Карфаген длительное время были ареной ожесточенной и героической борьбы народных масс.

Движение было массовым. В нем принимали участие различные социальные силы — солдаты византийской армии, рабы и колонны „варвары“ маврусии. Армия повстанцев насчитывала тысячи воинов.

Движение приобрело ярко выраженный антирабовладельческий характер. Гнев народных масс обрушился не только на правительственных военных и гражданских чиновников, но и на представителей рабовладельческой знати, римской и туземной. Народные массы проявили необычайную стойкость и героизм. Примером доблести и мужества является деятельность вождя восстания, простого солдата Стотзы, отдавшего свою жизнь борьбе за свободу.

В ходе вооруженной борьбы повстанцы одерживали блестящие победы, не раз нанося поражение византийским войскам. Многие видные византийские полководцы, — в том числе наместники Африки Соломон и Ареобинд, крупные военачальники — Иоанн, Айган, Руфин и др., — сложили свои головы во время восстания.

¹ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 37—40; Marcell. Chronicon, ad anno 547, col. 108.

² Jord. Romana et Getica, col. 51.

³ Procop. De bello Vandalico, cap. XXVIII, § 41.

⁴ Nov. Just., ed. Schoell, App. VI.

Это была, следовательно, народно-освободительная война огромных по тому времени масштабов.

Революционные события в Северной Африке в 30—40-х годах VI в. являются одним из наиболее ярких примеров слияния восстаний в армии с широким движением народных масс. Они знаменуют собой новый этап классовой борьбы в рабовладельческой империи, когда в эпоху глубочайшего кризиса рабовладельческой системы солдаты из силы, используемой господствующим классом против народа, превращаются в силу, активно поддерживающую революционную борьбу народных масс. Это объясняется глубокими социальными и этническими переменами в составе византийской армии, все более растущим расслоением внутри нее. Солдатская беднота, вербуемая из рядов обезземеленного и обездоленного крестьянства, близка теперь по своему социальному положению к угнетенному народу, поднимающемуся на борьбу с миром рабовладения. В этот период складывается союз солдатской бедноты со всеми угнетенными и обездоленными — рабами, колоннами, обезземеленным крестьянством. Борьба за землю, за социальную, политическую и религиозную свободу, общая ненависть к угнетателям объединяют их. Этот союз в ходе борьбы с общим врагом — рабовладельческой империей — упрочивается и крепнет.

Вместе с тем пестрота социального и этнического состава восставших, предательство социально-чуждых народу элементов, примкнувших к движению ради достижения своих корыстных целей, неустойчивая позиция ряда вождей „варварских“ племен, стихийность и неорганизованность, отсутствие твердой дисциплины — все это ослабляло движение, приводило к расколу в лагере повстанцев, распыляло их силы и облегчало правительству борьбу с восстанием.

Революционное движение в Северной Африке в 30—40-х годах VI в. сыграло свою исторически положительную роль. Вместе с борьбой народных масс Италии и самой Византии борьба народных масс Северной Африки ослабила натиск рабовладельческой реакции на Запад, обессилила ее и тем самым, в конечном счете, способствовала окончательной гибели рабовладельческого строя, облегчила переход к новой, более прогрессивной феодальной формации.

Е. Э. Липшиц

ПАВЛИКИАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВИЗАНТИИ В VIII
И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX вв.

I

Среди демократических движений, происходивших в Византии в период становления и развития феодальных отношений, значительное место занимали „еретические“ движения народных масс византийского востока и, в первую очередь, — движение павликиан. Павликианское движение было одним из наиболее ярких и значительных и по своему размаху, и по своим последствиям.

В византийском государстве являвшемся, по характеристике К. Маркса, „теократической империей“¹, как и в средние века на Западе, наблюдалось „верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности“. Здесь, как и на Западе, „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты имели во всяком суде силу закона“. Поэтому и в Византии „всеобщие нападки на феодализм, и прежде всего нападки на церковь, все революционные, социальные и политические учения должны были представлять из себя одновременно и богословские ереси“².

К числу подобных „ересей“, в которых в сложном переплетении с религиозно-догматической оппозицией официальной церкви сочетались социальные требования эксплуатируемых масс, принадлежало и павликианство.

Павликианское движение впервые обратило на себя внимание исследователей еще в XVIII в.; Э. Гиббон уделил ему известное место в своей „Истории упадка и гибели Римской империи“³.

С тех пор павликианам было посвящено не малое количество исследований русских и западноевропейских ученых. Однако преимущественное внимание исследователей привлекали либо чисто историко-ведческие вопросы, либо вопросы религиозной идеологии павликиан. Социальные корни движения, его место и роль в общественно-экономической и политической жизни Византии, его связи с другими народными движениями современной ему эпохи, причины необыкновенно широкого распространения павликианской „ереси“ — все эти вопросы оставались и остаются за пределами исследовательских интересов буржуазных ученых.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 440.

² Там же, т. VIII, стр. 128—129.

³ E. Gibbon. The history of the Decline and Fall of the Roman Empire, ed. J. Bury, v. IV, 1900.

⁴ Византийский временник, т. V

На эту сторону дела обратили внимание впервые лишь советские исследователи. Однако павликианское движение еще ждет своего всестороннего монографического изучения историками-марксистами. В настоящей статье вопрос о павликианском движении ставится не во всем его объеме, а в ограниченных рамках ее темы.

Сообщения об истории и идеологии павликиан содержатся в греческих, в армянских и в арабских источниках. При этом все они принадлежат перу идейных противников павликианства и потому отличаются крайней пристрастностью и тенденциозностью; авторы их стремятся обрисовать это движение в самых черных красках, имеющих весьма мало общего с действительностью.

В греческих источниках известия об отдельных моментах истории павликианского движения имеются в хрониках Феофана, Продолжателя Феофана, Генесия, Скилицы-Кедрина, в агиографических сочинениях. Важные сведения о взаимоотношениях павликиан с иконоборцами содержат полемические сочинения патриарха Никифора (806—815). Ему же принадлежал обстоятельный труд, в котором он, по свидетельству своего биографа Игнатия, подробнеем образом изложил данные об этой ереси. Этот труд¹ должен быть признан древнейшим из известных трактатов о павликианах.

Мы можем судить также о главных тезисах учения павликиан на основании формул отречения, относящихся ко времени жестоких преследований сектантов (начиная с середины IX в.); эти формулы отречения сохранились в нескольких рукописных версиях².

Кроме того, постановления, имеющие прямое отношение к павликианам, содержатся в законодательном сборнике, изданном Львом и Константином, — Эклоге (726) и в приложении к ней³.

Для изучения идеологии павликианства имеют также известное значение сочинения Иоанна Дамаскина (в частности, Диалог с манихеем)⁴.

Помимо этих документальных источников и кратких сообщений, имеющихся у греческих историков, хронистов и писателей, от IX в. дошло четыре версии истории павликианского движения. Два пространных изложения, принадлежащих Петру Сицилийцу⁵ и патриарху Фотию⁶ (они содержат, помимо истории павликианского движения, подробные опровержения основных положений вероучения сектантов) и два кратких — игумена Петра⁷ и Георгия Монаха⁸. Вопрос о взаимоотношении этих текстов друг с другом дискутируется уже на протяжении нескольких столетий — со времени Монфокона⁹ и до сих пор не решен.

В последнее время этот вопрос был вновь поставлен Грегуаром.

¹ Может быть, частью его является фрагмент, изданный Пападопуло-Керемевсом по рукописи иерусалимской библиотеки. Papadopoulos-Kerameus, 'Αρχαίτητ' Ἱερουσόλ. Σταχυολόγησις, t. I, 1891, p. 454—460

² Migne. Patrologia graeca, t. I, Ficker. Eine Sammlung von Abschwörungsformeln, Zeitschrift f. Kirchengeschichte, Bd. XXVII, 1906, S. 443 u. f.

³ Ecloga Leonis et Constantini cum appendice, ed. A. Monferratus, Athenis, 1889.

⁴ См. Migne Patr. gr., t. XCIV.

⁵ Petri Siculi Historia utilis et refutatio atque eversio haereseos manichaeorum qui et Pauliciani dicuntur, ed. Migne. Patr. gr., t. CIV, col. 1239—1380.

⁶ Photii, patriarchae Constantinopolitani, Narratio de manichaeis recens repullulantis, ed. Migne. Patr. gr., t. CII, col. 15—264.

⁷ Appendix ad Petri Siculi Hist. manich., ed. Gieseler, Göttingen, 1849.

⁸ Georgii Monachi. Chronicon, ed. de Boor, vol. 2, 1904; Эскуриальская версия, ed. Friedrich, „Sitzungsberichte d. bayerischen Akad. d. Wissenschaften“, Bd. I, München, 1896.

⁹ Bibliotheca Coisliniana, Paris, 1715, p. 349.

В докладе, посвященном обзору источников павликианского движения¹, Грегуар, подвергнув рассмотрению большую часть источников и точек зрения, высказался решительным образом в пользу приоритета Петра Сицилийца (в части вопроса о взаимоотношении первой книги Петра и Фотия), признавая в то же время подлинно Фотиевыми три следующие книги. Первая книга, известная под именем Фотиевой, была написана, по мнению Грегуара, отнюдь не Фотием, а каким-то „Псевдо-Фотием“ после 932 г. Грегуар пытается доказать, что Петр Сицилиец явился первоисточником для Георгия Монаха. Однако следует отметить, что у Георгия Монаха встречаются некоторые важные сведения, отсутствующие у Петра Сицилийца.

Что касается других источников, то Грегуар (как это ни удивительно в строго источниковедческой по своим задачам работе) рассматривает и упоминает далеко не все из них и подчас говорит вскользь даже о некоторых весьма важных источниках².

Точка зрения Грегуара, отстаивающего приоритет Петра Сицилийца, несмотря на наличие сильно уязвимых мест в его аргументации, не говоря уже об ошибочности общей концепции павликианства, выдвигаемой этим историком, некритично и безоговорочно принята на Западе, в частности, С. Рэнсименом³, автором работы, посвященной изучению павликианского и родственных ему „дуалистических“ еретических движений. Подобно Грегуару, названный исследователь далеко не во всем объеме использовал все наличные источники, в силу чего установленные им факты нуждаются в серьезном пересмотре.

Работы буржуазных исследователей не дали окончательного решения вопроса о приоритете Петра или Фотия. Можно считать выясненным лишь тот факт, что оба источника, по всей вероятности, возникли в эпоху, близкую к описываемым событиям — вернее всего, в конце IX в. Однако наряду с ними и до них уже существовали и другие тексты, которые и были использованы и Петром Сицилийцем, и Фотием. Привлечение всей совокупности данных, содержащихся в других источниках, может во многом дополнить оба названные подробные трактата, отнюдь не исчерпывающие всего, что известно о павликианцах. Рассмотрим прежде всего те известия о павликианском движении, которые мы находим в источниках.

II

Зарождение павликианского движения, повидимому, относится к VI в.

Уже тогда, — об этом свидетельствуют некоторые тексты, передающие диспуты манихеев с православными⁴, — развитие „павликианского“, или, как его часто именовали в Византии, „манихейского“, движения вызвало необходимость составления специальных „опровержений“ этой или родственной с ней ереси, что и было сделано по приказу императора Юстиниана.

Во всех наличных нарративных источниках (у Петра Сицилийца, Фотия, Петра Игумена, Георгия Монаха) и в одной из формул

¹ Доклад Грегуара опубликован в Bull. de la Classe de Lettres de l'Académie royale de Belgique, 1936, p. 98—114. О других работах того же автора по истории павликианства см. настоящий том „Византийского временника“, стр. 235 и сл.

² Подробнее см. ниже, стр. 236—237.

³ S. Runciman. The Mediaeval Manichee, Cambridge, 1947.

⁴ Изд. у A. Mai, Novae Patrum Bibliotheca, t. IV, 1847.

отречения начало движения связывается с именем некоей Каллиники, проживавшей в городе Самосате и приверженной к манихейству. По данным Петра Сицилийца¹, город этот находился в Армении, по данным Фотия² — в Сирии. Сыновья этой Каллиники — Павел и Иоанн подвизались в Армениаке.

Однако в нашем распоряжении нет более или менее точных данных об истории движения до VII в.: к этому времени, точнее — ко времени правления императора Константа II (642—668) и следует отнести начало подъема движения.

Как сообщает Петр Сицилиец, „в дни императора Константина, внука императора Ираклия, был некий армянин по имени Константин в Самосате армянской в селении Мананали, которое и донныне вскармливает манихеев“ (*ἦτις κόβη καὶ μέγρι τὸ νῦν (т. е. до IX в.) Μανυχαιοῦς ἐκτρέφει*)³.

Этот Константин, рассказывает далее Петр Сицилиец, дал приют одному пленному диакону, возвращавшемуся к себе на родину из Сирии и попавшему в селение Мананали на несколько дней. Дьякон привез с собой из Сирии две книги — евангелие и апостол и подарил их Константину в благодарность за приют. Тот же, „взяв эти книги... и видя, что его беззаконная и нечестивая ересь отвращает от себя всех и избегается ими вследствие ее дурной славы и позора, захотел ее обновить и с дьявольской энергией измыслил, чтобы совершенно не читали других книг, кроме евангелия и апостола; чтобы иметь возможность скрыть вред от этого зла и чтобы придать истине разрушительный яд, он подсластил его медом. Из упомянутых манихейских книг он взял, как исходную, каждую проклятую мысль и сумел с сатанинской помощью мысли евангелия и апостола истолковать в своем извращенном смысле... Манихейские же книги были им уничтожены, вернее всего, потому, что он видел, что многие из-за них были умерщвлены мечом. Ибо, — указывает Петр, — императоры в числе своих многих добрых дел приказали и то, чтобы манихеев и монтанистов казнить мечом, книги же, найденные у них, предавать сожжению. Если же кто-либо будет найден укрывающим их, то он карается смертью, а состояние его переходит в казну“⁴. (Здесь Петр, повидимому, имел в виду известное постановление, действительно сохранившееся в источниках византийского права и, в частности, в Эклоге⁵, изданной императорами-иконоборцами, а также в Прохироне и Василиках. Эта статья Эклоги базируется на соответствующем постановлении кодекса Феодосия о еретиках).

Так рисует Петр Сицилиец развитие ереси в это время, указывая далее, что Константин использовал еретические учения Валентина и Кубрика.

Константин, переименовавший себя в Сильвана, был признанным руководителем секты на новом этапе развития движения. Петр Сицилиец сообщает, что „ученики Манеса, ныне пребывающие, не ведают его сочинений и охотно предают анафеме Скифиана, Будду и Манеса. Константина же этого, именуемого Сильваном, а также его преемников почитают, как равных апостолам Христа и Павлу“⁶.

¹ Petri Siculi Historia manich., col. 1274.

² Photii Narratio de manich., col. 17.

³ Petri Siculi Historia manich., col. 1276.

⁴ Ibid., col. 1277.

⁵ Ecloga, tit. XVII, § 52.

⁶ Petri Siculi Historia manich., col. 1277.

Движение продолжало разрастаться. Мы узнаем, что Константин, покинув Мананали, перешел в крепость Кивоссу близ Колонеи.

Активная деятельность Константина, продолжавшаяся, по сообщению Петра, двадцать семь лет, привела к чрезвычайно большому распространению павликианского движения. „И в течение целых двадцати семи лет, — пишет историк, — проповедовал Константин, так что смутил многих из жителей (πολλοὺς τῶν ἐγχωρίων πλανήσας). Далее он говорит о конце жизни Константина, оказавшемся „достойным его учения“: „император, не зная каким образом, узнал о нем (Константине) и послал своего человека (βασιλικόν) по имени Симеона с предписанием избить Константина — виновника зла — камнями; учеников же его, как обманутых по невежеству, передать церкви для исправления и возвращения, если они остаются неисправленными. Это именно и произошло“¹.

По словам Петра (то же самое передает и Фотий), посланный императора Симеон приехал, взяв с собой одного из местных архонтов по имени Трифона. Прибыв на место, он собрал всех и направил в южную часть укрепленного района (κάστρον) Колонеи.

Однако попытка обращения „еретиков“, предпринятая Симеоном, не увенчалась успехом. Петр Сицилиец пишет: „Симеон, согласно императорскому распоряжению, передал церкви для возвращения в ее лоно учеников Константина. Но они остались невозвращенными: они предпочли лучше умереть в нечестии, чем раскаянием умиловить бога и достигнуть вечного спасения“. Более того: эффект от этой попытки оказался не только неблагоприятным, но и совершенно неожиданным для византийского императора; сам Симеон стал сторонником „ереси“. „Симеон же, — рассказывает историк, — испытывавший их, не будучи посвященным в тайны божественного учения, а еще более по легкомыслию, обучился этой гибельной ереси; возвратившись к императору, он три года оставался в Константинополе, пребывая дома. В конце же концов, побуждаемый дьяволом, (он) бросил все и тайно бежал“². Из рассказа Петра далее видно, что Симеон собрал в Кивоссе учеников Константина и стал его преемником, приняв имя Тита.

Таким образом, по согласному свидетельству всех источников, первоначальными районами распространения ереси павликиан были Сирия и Армения. О размерах движения можно судить по тому, что императору (во второй половине VII в.) пришлось снарядить специальную экспедицию для „обращения“ еретиков, закончившуюся, однако, „обращением“ посланного императором Симеона. Время деятельности Константина приходится на период от 660 до 687 г., время деятельности Симеона — на период от 687 до 690 г.

Указав, что Симеон „пробыл в Кивоссе три года и совратил многих“³, Петр Сицилиец рассказывает затем о расхождении между ним и Юстом, учеником Константина, предавшим его. Юст, по словам Петра, прибыл к епископу Колонеи и сообщил ему все, что знал о сторонниках „ереси“, в результате чего епископ донес о деятельности павликиан императору Юстиниану II⁴.

За доносом последовали суровые репрессии: они были предприняты в период от 690 до 695 г. Мы читаем у Петра Сицилийца, что „император, узнав об этом (т. е. о „ереси“. — Е. Л.), приказал произвести расследование всего дела и предать сожжению пребывающих в ереси,

¹ Petri Siculi Historia manich., col. 1280 = Photii Narratio de manich., col. 49.

² Ibid.,

³ Ibid., col. 1282.

⁴ Ibid., col. 1282—1283.

что и произошло. По соседству был разложен большой костер, и все были сожжены¹. Тем не менее, во времена Юстиниана II, т. е. в конце VII и в начале VIII в., „еретическое“ движение павликиан продолжало распространяться; новая волна репрессий, предпринятых против „еретиков“ в районе Колоней, не дала, однако, и на этот раз эффективного результата и не привела к ликвидации движения.

Из рассказа Петра Сицилийца мы узнаем далее, что одному из приговоренных к казни, некоему Павлу, родом армянину, удалось спастись: „Павел имел двух сыновей, одним из которых был Гегнезий. Он бежал с ними и прибыл в Эписпару (Фанарию)“².

Павел, отец Гегнезия, руководил сектантами в течение нескольких лет: впрочем, ни у Петра Сицилийца, ни у Фотия, ни в перечне руководителей секты в формуле отречения его имя в числе руководителей не упоминается — в последней перечисляются Павел, Сильван, Тит, Тимофей, Эпафродит и Тихик.

Далее Петр Сицилиец и Фотий сообщают об острой вражде, которая разгорелась между Гегнезией и его братом Федором.

Время деятельности этих руководителей движения совпадает с царствованием императора Льва III Исавра (717—741). В обоих источниках имеется очень любопытный рассказ о посещении руководителем сектантов столицы и императора. „Император (это был тогда Лев Исавр), услышав о нем, призвал к себе Гегнезия, или, что то же, Тимофея и послал его к константинопольскому патриарху“. Речь идет, очевидно, о патриархе Германе (11 августа 715—середина января 729 г.). Разговор Гегнезия с патриархом должен был происходить между 717 и 729 гг.; вернее всего, этот факт относится ко времени, более близкому к концу этого периода.

Тимофей был сочтен невиновным и, получив от императора печать, снова прибыл в Эписпару — Фанарию. „И, собрав всех своих учеников, (он) бежал вместе с ними в богоненавистную Мананалу, откуда появился ранее названный Константин“. Далее оба автора описывают гибель этого вождя павликиан, который после длительного пребывания в Эписпаре „был наказан опухолью (посланной богом) — так закончил свою жизнь и этот предводитель нечестия по истечении целых тридцати лет“³.

Между преемниками Гегнезия снова возникла распря, о которой сообщают и Петр Сицилиец и Фотий. Петр пишет: „Он имел сына по имени Захария, бывшего наемным козым пастухом, которого он нашел когда-то в пеленках на дороге, потому что он происходил из незаконнорожденных... Итак после смерти Гегнезия ученики его раскололись. Одни последовали за Захарией, другие же перебежали к незаконнорожденному Иосифу, ибо так его звали“⁴.

Однако появление новой группы павликиан в Эписпаре не прошло незамеченным для византийских властей. Один из местных архонтов, некий Крикорак со множеством стратиотов „окружил дом, в котором остановился этот ученик Манеса, и захватил всех его учеников. Сам же Иосиф, обратившись в бегство, прибыл во Фригию. И уйдя туда, поселился в Антиохии Писидийской“⁵.

¹ *Petri Siculi Historia manich.*, col. 1282—1283.

² *Ibid.*

³ *Photii Narratio de manich.*, col. 53 = *Petri Siculi Historia manich.*, col. 1285.

⁴ *Petri Siculi Historia manich.*, col. 1285; *Photii Narratio de manich.*, col. 58.

⁵ *Ibid.*

Деятельность Иосифа также продолжалась тридцать лет. Он закончил свою жизнь в месте, именуемом в наших источниках Хортокопейон. Фотий в данном случае точнее, чем Петр Сицилиец, локализует Хортокопейон, указывая, что он был расположен в предместье Антиохии Писидийской.

Следующими двумя руководителями павликиан были Ваян Рипар, сын одной из учениц Иосифа в Армении, и Сергей. Сергей был сыном некоего Дрюина из селения Аннии, принадлежавшего к округе города Тавии. Первый этап его деятельности относится к началу IX в.

По отношению к Сергию, переименовавшему себя в Тихика, и Петр Сицилиец, и Фотий особенно нетерпимы. Из многочисленных проклятий, направленных по его адресу этими ортодоксальными писателями, можно с уверенностью заключить, что он принадлежал к числу наиболее выдающихся вождей павликиан. Стараясь всемерно очернить Сергия в глазах читателя, Петр Сицилиец попусту касается и других руководителей павликиан, бросая при этом характерный штрих на картину всего движения: Сергей, по его словам, „был соращен некоей женщиной из манихеев еще в юном возрасте и стал предтечей антихриста. Ибо приличествует учителям этой наихудшей ереси либо примыкать к сарацинам, либо быть из рабов (οικετῶν)“¹ (разрядка наша. — Е. Л.) — слова в высшей степени примечательные.

„Этот защитник дьявола Сергей, — продолжает автор, — обученный ереси пагубной женщиной... и переименовавший себя в Тихика... бесстрашно обошел все города и местности... и многих отвратил от православной веры и привел к дьяволу; и как говорит он сам в одном из своих писем: „От востока и до запада, и до севера, и до юга я прошел, возвещая евангелие, отягощая свои ноги“, ибо, — добавляет Петр, — „в течение всех тридцати четырех лет от Ирины Августы (797—802. — Е. Л.) до времени правления императора Феофила (829—842. — Е. Л.) оставалось в силе и ныне сохраняющееся отступничество“².

Цитата из письма Сергия не является единственной у Петра Сицилийца; он и по другим поводам полемизирует с Сергием, приводя подчас буквально его высказывания. Подобные же цитаты приводит и Фотий. Отсюда можно видеть, что среди источников, которыми пользовались Петр и Фотий, были несомненно подлинные письма Сергия, из которых они, может быть, могли почерпнуть сведения не только о догматических воззрениях Сергия и его полемике с каким-то Львом-монтанистом, но и данные о предшествующей истории павликиан.

Петр Сицилиец, далее, обвиняет Сергия в том, что в результате деятельности его и его учеников многие покинули родных и последовали за сектантами: „Многие монахи и монахини ушли из монастырей“... „Многих иереев и левитов он отделил от православной веры и превратил из овец в диких зверей и людоедов, богатые стали бедняками“³. Петр приписывает Сергию и продажу многих юношей в рабство „агарянам“. Так как все в его рассказе явно преувеличено, то эту часть его, вероятно, можно толковать в том смысле, что павликиане в этот период действовали в союзе с арабами против империи. Что же касается до разорения богачей, о котором говорит историк, то этот факт находит некоторое косвенное подтверждение в том, что деятельность Сергия одновременна восстанию Фомы Славянина, когда,

¹ Petri Siculi Historia manich., col. 1287.

² Ibid., col. 1294.

³ Ibid., col. 1293.

по словам Генесия и Продолжателя Феофана, „рабы подняли руку против своих господ“¹. Об участии же павликиан в этом восстании имеются прямые указания источников (об этом речь будет ниже)².

Нужно отметить, что сведения Петра и Фотия о необычайном успехе пропаганды павликианского учения в конце VIII и начале IX в. находят свое подтверждение и в других источниках. Так, патриарх Никифор в своем третьем „Антирретике“³, направленном против императора-иконоборца Константина V, указывал, что во времена правления Ирины иконоборчески настроенные воины, удаленные ею обманчивым образом из Константинополя (так как они препятствовали работе созданного ею в 787 г. иконопочитательского собора), соединились с павликианами. Будучи удалены из Константинополя, „куда они были злокозненно и безбожно водворены собравшим их“ (речь идет о Константине V), и „блуждая подобно планетам, они искали секту, в которой не было бы икон и памятников домостроительства Христова. Так они нашли с давнего времени нравившееся им неверие и безбожие манихеев (то есть павликиан. — Е. Л.), согласное с их учением, потворствовавшее их своеволию и проповедовавшее то, что им издавна было приятно и желательно. Посему многие из них клятвенно отреклись совершенно от нашей веры и всецело стали на сторону их безумия. Уличенные в этом, некоторые из них были, согласно законам, подвергнуты казни мечом“⁴.

Важные данные, значительно дополняющие известия Петра и Фотия об истории павликиан во второй половине VIII и начале IX вв., содержат хроника Феофана⁴ и бревиарий Никифора⁵. Так Феофан (под 6247 г.) и Никифор сообщают о переселении сирийцев и армян, выведенных Константином V из Феодосополя (752) и Мелитены во Фракию. „От них, — говорят оба автора, — там (т. е. во Фракии) распространилась ересь павликиан“⁶.

Чрезвычайно важно и дальнейшее (под 6303 г. = 811 г.) сообщение о том покровительстве, которым павликиане пользовались при императоре Никифоре I. Никифор, — отмечает Феофан, — „был пламенным другом (живших во Фригии и в Ликаонии близ родины его) манихеев, которые ныне именуются павликианами, и афинганов (секта, близкая к павликианам. — Е. Л.). Манихеи получили разрешение жить в столице и беспрепятственно пользоваться всеми правами, и многие из более легкомысленных заразились их незаконным учением; в Эзаккионии появился некий пустынный по имени Николай-лжепустынный с своими последователями. Они богохульствовали против православного учения и против икон; Никифор предался им и огорчил архиепископа и всех живущих в боге, часто он радовался несогласиям их между собой“⁷.

¹ Genesii Regum liber, ed. Bonn, p. 8 sq. Theophanus Continuatus, ed. Bonn, p. 53, sq.

² Д. Ангелов в своей интересной книге о богомилстве в Византии („Годишник на Софийский Университет. Историко-Филологический факультет“, т. XLIV, 1947/48, кн. 2, стр. 25) считает, что Сергей принадлежал к „умеренной“ группировке павликиан. Д. Ангелов основывается на том, что Сергей отдавал предпочтение евангелию от Матфея, подобно „умеренным“ богомилам. Однако этот вывод трудно совместить с исключительно резкой характеристикой именно Сергея в трудах православных писателей.

³ Migne. Patr. gr., t. C, col. 501.

⁴ Theoph. Chronogr., ed. de Boor, t. I, 1883.

⁵ Nicephori patriarchae opuscula historica, ed. de Boor, Lipsiae, 1880.

⁶ Theoph. Chronogr., p. 429 = Niceph. Opusc. histor., p. 66.

⁷ Theoph. Chronogr., p. 488.

Никаких сведений об этих фактах нет ни у Петра, ни у Фотия. Следиет, однако, принять во внимание, что они относятся ко времени деятельности Сергия-Тихика, когда павликианское учение, как видно из известий обоих названных авторов, получило широкое распространение. Тогда станет ясным, что данные Феофана и Никифора хорошо согласуются с рассказами Петра и Фотия: сообщения последних о происходившем в Малой Азии они дополняют сведениями о положении в столице. Это относится и к последующим событиям из истории павликианского движения, излагаемым Петром Сицилийцем и Фотием.

Упомянув о распре между Сергием и Ваяном, прекращенной благодаря вмешательству ученика Сергия—Феодота, наши историки переходят к изложению фактов, относящихся ко времени Михаила I Рангаве (811—813): они сообщают о преследовании манихеев, происходившем в его царствование, повествуя при этом лишь о событиях, имевших место в провинции. Как бы дополняя картину, Феофан и в данном случае рассказывает о том, что происходило в столице. Дополнительные данные дает также Игнатий в жизнеописании патриарха Никифора, явившегося инициатором репрессий и обратившегося к императору со специальным обстоятельным докладом по этому вопросу¹.

У Феофана об этих событиях говорится кратко: указав, что павликиане „в самой столице вооружились на истребление православной веры“, он пишет, что „благочестивый император Михаил, сильно движимый ревностью к богу, установил по внушению патриарха Никифора смертную казнь для манихеев (павликиан) и афинганов во Фригии и Ликаонии... Приняв мудрое решение, он наказал многих сторонников новшеств немногими ударами и сослал их вместе со слепыми сыновьями Константина в Афузию. У лжепустытника и чародея Николая Экзакционита, который нечестиво расколол икону богородицы, он приказал обрезать язык, и этот умер душой и телом. Другого Николая, единомышленного с ними, который выказал раскаяние, приказал водить перед народом и всенародно каяться в своем нечестии; затем же сослал его в монастырь, чтобы он не мог действовать своевольно. На совете с воинскими частями в Магнавре он объявил свои благочестивые правила“².

Фотий и Петр Сицилиец с своей стороны сообщают о тех откликах, которые эти события имели в Малой Азии. „Михаил, благочестивый император, и его приемник в царствовании Лев, увидев, что значительная часть христиан испорчена этой ересью, разослали распоряжения во все части ромейского государства, чтобы всех, обнаруженных в приверженности к этой отвратительной ереси, предавать смерти. Предписание императора пришло и в фему Армениак к Фоме епископу Неокесарийскому и к Паракондаку, занимавшему пост экзарха. И вот, согласно приказу императора, они тех, кого нашли идущими по пути погибели и подлежащими смерти, казнили. Затем же некоторые из учеников Сергия, так называемые астаты (*ἄστατοι*), путем предательства и хитрости зарубили экзарха. А кинохориты то же сделали и с митрополитом Фомой. Итак астаты перебежали в Мелитену. Там тогда был эмир у сарацин Монохерарис. Получив у него Аргаун, астаты поселились там. И собравшись туда отовсюду, начали грабить Романию.

Этот чрезвычайно важный момент в истории движения, когда павликиане перешли от обороны к наступлению против империи, в

¹ Ignatii Vita Nicephori, Niceph. Opusc. histor., ed. de Boor, Lipsiae, 1880.

² Theoph. Chronogr., p. 496.

несколько иных выражениях, но по существу так же характеризует и Фотий.

Далее следует рассказ об убийстве Сергия, жившего в Аргаусе вместе со своими учениками, каким-то „благочестивым“ цаном из крепости Никополя. В то время как Сергий рубил доски на горе над Аргаусом, этот цан по причинам, о которых Петр не упоминает, выхватил у него из рук топор и зарубил его.

Смерть Сергия отнесена Петром Сицилийцем к 6303 г. от сотворения мира, что соответствует у Фотия 6343 г., т. е. если следовать общепринятой константинопольской эре, по Петру событие это относится к 795 г., по Фотию же — к 835 г. Последняя дата, разумеется, более правдоподобна, если принять во внимание, что Петр сам упоминает раньше о царствовании византийского императора Льва V Армянина (813—820). Так как наши авторы указывали раньше, что Сергий руководил сектантами тридцать четыре года, начало его деятельности падает, следовательно, на 801 г.

Важным моментом в истории павликианского движения, не отмеченным ни у Фотия, ни у Петра, явилось участие павликиан в восстании Фомы Славянина (821—823), на которое их толкнули предшествовавшие репрессии.

Император Михаил II, соперник Фомы, происходил из Амория — „местности, вскормившей многих афинганов“¹, что, по мнению Генесия, являлось недостатком. Фома был родом из Газиуры (Иборы), т. е. из района фемы Армениак, где, как уже указывалось, было чрезвычайно распространено павликианское движение. Об участии павликиан в восстании Фомы Славянина Генесий пишет: „И никто не оставался не вовлеченным — ни с востока, ни с запада, ни из чужеземных племен, ни из местных, ни из соседних, ни из тех, кто имел рабский удел и ненавидел господ, ни из целых народностей, которые... следовали за ним, как за новым Ксерксом. Итак, он заключил союз с агарянами, индами, египтянами, ассирийцами, мидянами, абасгами, зэхами, иберами, кабирами, славянами, гуннами, вандалами, гетами и теми, кто разделял позорное заблуждение ману, — лазами“² (подчеркнуто мною. — Е. Л.).

По Петру Сицилийцу, наиболее близкими учениками Сергия были Михаил, Канакарис и Иоанн Аорат — три мийерея, а также Феодот, Василий, Зосим. У него было много и других учеников. „И вот эти его ученики... — пишет Петр Сицилиец, — собрали весь народ в Аргаусе и после смерти своего учителя Сергия, испорченные его поучениями и указаниями, все оставались равными (*ισοτιμοι πάντες ὑπῆρχον*); они более не провозглашали кого-либо одним учителем, как это было недавно, но, — повторяет наш автор, — все были равны (*ἀλλὰ πάντες ἰσοι ὄντες*)“³. (У Фотия, как и обычно, то же самое рассказывается в иных выражениях.)

В 42-й главе своего сочинения Петр Сицилиец указывает, что в те времена появился и „предводительствовавший этим несчастным народом Карбеас“, который увеличил его (народа) численность настолько, что этот народ уже не мог жить в Аргаусе; покинув последний, он выстроил Тиврику и поселился там⁴.

В это время павликиане завоевали полную независимость от Византии и от халифата.

¹ *Genesii Regum, liber, p. 32.*

² *Ibid., p. 33.*

³ *Petri Siculi Historia manich., col. 1301.*

⁴ *Ibid., col. 1302—1303.*

По исполненным злобой словам Петра Сицилийца, Тефрика была выстроена будто бы для того, чтобы, „с одной стороны, бежать от тирании мелитенских агарян, с другой — чтобы без общения с людьми окончательно уподобиться в ней дьяволам, а также, — продолжает Петр, — с целью приблизиться к Армении и к Романии и заключить мир с теми, кто следует за ними, дабы иметь в их лице помощников для захвата людей в плен“. Далее историк отмечает другие причины основания Тефрики павликианами, освещая их в таком же враждебном павликианам тоне. По его словам, Тефрика была выстроена павликианами „для того, чтобы тех, кто не следует за ними, предавать сарацинам, грабящим ромейские границы, расположенные у Понта; . . . вместе с тем (это было сделано) и для того, чтобы подготовить верное убежище (Петр говорит о „надежности места“, т. е. расположения Тефрики. — Е. Л.) тем, кто в Романии подлежал казни за принадлежность к этой ереси, и, кроме того, чтобы привлечь к себе из пограничных, соседних с Тефрикой (Тиврикой) областей самых жадных, низких и безрассудных людей приманкой свободы позорных страстей“¹. Фотий, излагая эти же факты, считает, что целью основания Тефрики были набеги на Византию, так как Тефрика была расположена ближе к границам империи.

В заключительной 43-й главе своей истории павликиан Петр Сицилиец указывает, что после смерти Карбеаса место последнего занял его родственник и зять Хризохир (ко времени которого и относится написание Петром своего труда, посвященного архиепископу Болгарии). Петр пишет: „в его (т. е. Хризохира) времена мы посетили Тиврику, будучи посланными туда по императорской службе, чтобы выменять пленных архонтов. Это произошло на второй год царствования Василия, Константина и Льва, благочестивых и справедливых наших императоров. . . Мы провели там девять месяцев, еще при жизни Василия и Зосима нечистых, их так называемых „спутников“ (συνεχθίμων) и о прежде изложенном тщательно расследовали и постарались сделать это ясным. . . по приказу тех великих и славных императоров наших“². Фотий также указывает, подобно Петру, что его труд написан во времена Хризохира, однако он не упоминает ни о посольстве Петра, ни о его книге. Сообщив о смерти Карбеаса (историк называет его „убийцей“), последовавшей после „несносно“ долгих лет жизни, в результате болезни, Фотий продолжает: „Своим преемником в тирании и нечестии он назначил своего зятя по дочери и племянника — Хризохира. Это сочинение и описание, предпринятое нами, и продолжено до этих времен, от будущего же воздерживаемся за неимением знаний и не будучи осведомленными“³.

Последний, кратко охарактеризованный у Петра и Фотия этап в истории павликианского движения, когда павликиане перешли к открытой борьбе с империей, подняв против нее вооруженное восстание, — нашел свое отражение и в других источниках.

Так, у Продолжателя Феофана имеется сообщение, значительно уточняющее сведения Петра Сицилийца и Фотия. Из его сообщения можно почерпнуть данные и о размахе борьбы на этом этапе, и о репрессиях византийского правительства, предпринятых в целях подавления восстания. Продолжатель Феофана указывает, что „Феодора

¹ Petri Siculi Historia manich., col. 1302—1303.

² Ibid.

³ Photii Narratio de manich., col. 84.

возымела сильное желание привести к правой вере павликиан на востоке или же искоренить их из числа живых людей. Это, — замечает автор, — принесло много бед нашей стране. Ибо она послала некоторых из сановников (Аргира, Дуку и Судалу — так именовались ее посланные), которые одних распяли на дереве, других поразили мечом, третьих — бросили в морскую пучину. Так погибло, как исчисляют, до ста тысяч человек. Имущество их было привезено и передано в императорскую казну¹. Далее историк пишет: „И был у анатолийского стратига (это был Феодот из Мелиссинов) некий муж по имени Карбеас, принадлежавший к числу его служащих и исполнявший должность протомандатора: он чванился и гордился верой этих самых павликиан. Когда он услышал, что отец его был распят на дереве, то, движимый несчастьем и своей предусмотрительностью, он бежал вместе с другими пятью тысячами своих сообщников по ереси к тогдашнему эмиру Мелитены, от которого явился к амерамуну (т. е. халифу. — Е. Л.). Вскоре после того, как они были приняты с большим почетом, дали слово верности и получили такое же заверение, они выступили против ромейской державы. Имея в своем распоряжении большое число людей, они сумели выстроить города (πόλεις), так называемый Аргаун и Амару, и так как туда опять перебежало много приверженцев их ереси, они начали строить другой город, назвав его Тефрикой. Оттуда они неоднократно делали совместными силами нападения на ромейскую землю, подвергая ее страшным опустошениям, — и эмир Мелитены (которого обычно, путая буквы, называли многие Амвроном), и Али Тарсийский и сам несчастный Карбеас... Против них воевал Петрона, который занимал тогда должность domestica². Говоря о дальнейших событиях, Продолжатель Феофана упоминает, что Варда и Михаил III во главе армии дошли до Самосаты (858), но Амврон и Карбеас неожиданно напали на них, разбили их наголову и захватили в плен сотню высших (гражданских) и военных сановников¹.

Генесий, рассказывая вкратце о происхождении павликиан и их обосновании в Тефрике, также говорит о том, что Хризохир вместе с Карбеасом и Каллистом „причинили много бед христианам“; его отец своими набегами доходил не только до Никомидии и самой Никеи, но и вплоть до Фракийской фемы. Здесь павликиане, — пишет Генесий, — „дойдя до епархии Иоанна Богослова, в храм которого... (они) ввели животных и прочий обоз, ... зло оскорбили его“².

Император, по словам Генесия, обратился даже с письмом к Хризохиру, предложив ему мир. Последний, однако, поставил условием отказ империи от прав на восточные области. Может быть, с этим же Хризохиром вел переписку и патриарх Фотий.

Рассмотрение этих и последующих событий, приведших в конечном счете к гибели Хризохира и захвату Тефрики империей, выходит за рамки настоящей статьи. Однако и приведенные (весьма неполно) факты ярко показывают необычайный размах повстанческого движения, достигшего наибольшей силы к концу IX в.

Героическая борьба приверженцев „ереси“ с византийским правительством, ее ясно выраженный демократический характер создали этому повстанческому движению исключительную популярность в народных массах византийского востока. Именно события этого последнего этапа движения, когда павликиане из „еретиков“ превратились

¹ Theophanus Continuatus, p. 165—166.

² Genesis Regum, p. 121.

в настоящих повстанцев, когда „ересь“ из оппозиции против господствующей церкви перешла в открытое восстание, воспевались в народных песнях. Песни эти нам известны лишь в том сильно переработанном виде, в каком они были оформлены в эпическом сказании о Дигенисе Акрите. В своей литературно обработанной и измененной форме этот эпос возник уже в X в., но песни складывались, вероятно, еще и ранее, в период самого разгара событий или вскоре после них.

Если судить по данным Трапезундской и Гроттаферратской версий поэмы, изданных Сафой и Леграном¹, то ясно видно, что в этих песнях воспевался и Карбеас (в поэме Кароэс) — дядя героя поэмы — Василия Дигениса Акрита, и Хризохир (*Χρυσόχερος*), о котором в поэме, однако, говорится не как о зяте Карбеаса, а как об отце эмира или дяде героини поэмы — жены Василия; упоминается здесь и Амврон — союзник Карбеаса. Даже гордый ответ Хризохира императору Василию I нашел свой отклик в стихах поэмы (187—195).

Таким образом, главные этапы истории павликианского движения в общем рисуются на основании приведенных источников в следующих чертах.

Уже в середине VII в. павликианское движение получило довольно значительное распространение во внутренних областях Малой Азии и на границах Сирии. Под руководством тогдашнего предводителя павликиан Константина-Сильвана (660—687) павликианское движение стало расти; попытки византийского правительства воспрепятствовать (687—690) распространению „ереси“ привели к обратным результатам (миссия Симеона). Византийский император Юстиниан II тщетно пытался подавить движение павликиан путем репрессий.

С приходом к власти исаврийской династии, представительницы интересов светского военно-землевладельческого сословия, отношение правительства к павликианам резко меняется.

Если в первое десятилетие своего правления Лев III (717—741) придерживался обычной политики репрессий по отношению к еретикам (ср. Эклогу), то в конце 20-х годов он вступил уже в переговоры с руководителем павликиан Гегнезием, стремясь опереться на павликиан в своей иконоборческой политике. Константин V, осуществляя политику захвата церковных и монастырских земель и имуществ, с еще большей решительностью проводил эту же линию: он опирался на широкие круги городской демократии и на павликиан, переселенных им во Фракию и Константинополь.

В конце VIII в. в период временной реакции иконопочитания „союз“ иконоборцев (отброшенных в лагерь, оппозиционный по отношению к правительству Ирины) с павликианами еще более упрочился. На павликиан опирался и покровительствовал им Никифор I, сменивший Ирину на императорском престоле и продолжавший политику ограничения церкви и монашества. В этот период павликианское движение под руководством своего вождя Сергия сильно разрастается вширь.

Огромный размах павликианского движения в Малой Азии, рост влияния павликиан во Фракии, их возрастающая решительность в критике основ византийского церковного строя — важнейшего звена в политической организации византийского феодального государства — все это уже во втором десятилетии IX в. привело к резкому повороту в отношении византийского правительства к павликианам.

¹ E. Legrand. Bibliothèque grecque vulgaire, 1892, t. VI; C. Sathas et E. Legrand. Collections des monuments, Nouvelle série, t. VI, Paris, 1876.

По инициативе патриарха Никифора начинается полоса жестоких гонений на павликиан, продолжающаяся и при императоре — иконоборце Льве V. Около 820 г. павликиане впервые выступают с оружием в руках против правительства Льва V и Михаила II, объединяясь (несмотря на наличие религиозных расхождений) с различными слоями эксплуатируемых масс и оппозиционными группировками под знаменами Фомы Славянина.

С этого момента павликианское движение, начавшееся „с мистики и ереси“, переходит в форму „открытого“ вооруженного противоправительственного „восстания“¹.

Массовые репрессии и казни павликиан при Феодоре и общая иконопочитательская реакция лишь способствуют дальнейшему росту движения, появлению крупных павликианских центров (Тефрики, Аргауса, Амары). Сторонники павликианства во главе с Карбеасом и Хризохиром вступают в открытую войну с византийским правительством Михаила III и Василия I. Война эта заканчивается, однако, разгромом павликианского движения в Малой Азии: оно потерпело поражение, подобно другим стихийным крестьянским движениям эпохи феодализма.

III

Рассмотренные данные о движении павликиан, содержащиеся в современных или близких к описываемым событиям источниках, показывают, что начавшееся с религиозной „ереси“, оно вырастает к IX в. в мощное народное движение. Для расправы с „еретиками“, или на этом этапе уже точнее — повстанцами, снаряжаются целые военные экспедиции, во главе которых становится даже сам император. Несмотря на жестокие репрессии, сторонники „ереси“ сохраняли свою приверженность к ней и в последующее время.

Анализ имеющегося в наличии материала источников дает возможность не только наметить основные этапы движения, но и проследить его территориальное распространение, изучить его идеологию, а также попытаться выяснить общественно-политическую роль этого движения во внутренней истории Византии VIII—IX вв.

Обращает на себя внимание чрезвычайно широкое территориальное распространение движения. Среди провинций, „зараженных“ ересью, мы находим значительную часть Малой Азии, преимущественно ее внутренние области. Сюда относятся:

1. Фема Армениак и близлежащие области; Фанария (в источниках — Эписпарис) — место деятельности Павла — сына Калиники, основателя движения; это место упоминается и в формулах отречения. Здесь же находились и другие селения, вовлеченные в движение, что ясно видно из слов Петра Сицилийца, характеризующего Фанарию, как „первое из селений, принявших ересь“²; город Тавия и неподалеку от него — селение Анния — родина Сергия; Феодосиополь (Эрзерум) и находившаяся близ него Мананали — место деятельности Константина (660—687); крепость Саниана на восток от Галиса, стойко державшаяся во время восстания Фомы Славянина, в армии которого участвовали павликиане; по тем же основаниям к этим центрам можно причислить и Кабалу в Ликаонии.

¹ Слова, взятые в кавычки, заимствованы из работы Ф. Энгельса „Крестьянская война в Германии“. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128—129.

² Petri Siculi Historia manich., col. 1273.

2. Фема Колоней, в частности крепость Кивосса близ Колоней, где протекала деятельность Константина (660—687) и затем Симеона (687—690).

3. Антиохия Писидийская и ее предместье Хортокопейон — место деятельности Иосифа, предшественника Сергия и Ваяна.

4. Аморий — центр афинганов (Продолжатель Феофана упоминает о нем, как о родине Михаила II) и другие центры Фригии и Ликаонии, о которых сообщает Феофан.

5. Мелитена, которую Феофан упоминает наряду с Феодосиополем как пункт, откуда сирийцы и армяне были переселены во Фракию; от них же „распространилась и там ересь павликиан“.

6. Тефрика, Аргаус, Амара — селения, выстроенные павликианами и разрушенные во время экспедиции византийского войска против Тефрики; Авара (может быть идентичная с Амарой) и Спафа; обо всех этих пунктах упоминает Продолжатель Феофана.

7. Самосата на Ефрате, откуда по известиям всех источников, взяла свое начало ересь павликиан.

8. Мопсуестия (в Киликии), о которой писали Петр Сицилиец и Фотий, перечисляя центры деятельности павликиан — т. е. Кивоссу, Мананали, Аргаун (*Ἀργαούτας*), Мопсуестию и Кинохорию. Фотий именует жителей этого последнего пункта кинохоритами (*κινόχοριταις*), и противопоставляет их тем, которых он называет астатами. Может быть, это название произошло от бранной клички, заменившей собой название *κινόχοριταις*, которое мы в его более правильной первоначальной форме находим у Георгия Монаха и в эскуриальской рукописи (*Δέγουσι τὸς κινόχοριτάς*)¹. (Кстати сказать, в этом случае данный факт может явиться одним из свидетельств приоритета текста Георгия над текстом Петра Игумена и Фотия)².

9. Фракия, куда павликиане были переселены Константином V из Феодосиополя и Мелитены, и Константинополь, где павликиане при Никифоре I получили свободное право жительства.

Из этих пунктов ересь павликиан распространилась в дальнейшем на Балканах, где она сыграла важную роль в оформлении родственного ей болгарского богомилства.

Таким образом, территориальный размах движения был чрезвычайно значителен. Следует также принять во внимание и тот факт, что византийские павликиане имели прочную опору в близких к павликианству еретических движениях соседних районов Ближнего Востока. Особенно тесной была их связь с армянскими павликианами и тондракидами — единомышленниками павликиан в Армении (свое имя они получили от географического названия местности Тонрак, расположенной на вершинах гор к северу от озера Ван).

Павликианское движение впитало в себя некоторые элементы идеологии сходного с ним по целеустремленности маздакидского движения, которое также носило ярко выраженный демократический характер.

В приведенных выше данных источников неоднократно подчеркивалось не только демократическое происхождение руководителей сектантов (часто это были выходцы из рабов), но и тот факт, что центрами распространения их учения были преимущественно сельские местности, *κῆραι*. На основании этих указаний павликианское движение должно быть охарактеризовано как крестьянское по преимуществу

¹ Иначе трактует его Грегуар („*Orientalia Christiana periodica*“, t. XIII, Roma, 1947, p. 509—514).

² Подробнее об этом, см. ниже, стр. 238—239 и сл.

(хотя и не исключительно) движение, которое временами выступало в союзе с другими группами эксплуатируемых масс Византии VIII—IX вв.

Павликиане, подобно родственным им массалианам, которых Иоанн Дамаскин прямо упрекал в том, что они „охотно принимают рабов, бежавших от своих господ“¹, ориентировались преимущественно на стоявшие внизу социальной лестницы наиболее радикально настроенные слои общества.

Социальная направленность движения павликиан ясно видна из того, что они, как правило, всегда примыкали к лагерю, находившемуся в оппозиции к правительству, невзирая на свои религиозные расхождения с другими группами этой оппозиции. Такое положение имело место, в частности, во время восстания Фомы Славянина, которое объединило широкие слои населения отнюдь не по религиозному признаку (наряду с павликианами в нем участвовали и иконопочитатели) и в котором важнейшей силой являлись „рабы, поднявшие вооруженную руку против господ“². Иногда павликиане по той же причине действовали в союзе со столичными иконоборцами; так было, например, в правление Ирины. Причем павликиане, действуя совместно с иконоборцами, имели, однако, важные расхождения с ними по принципиальным вопросам.

Отдельные расхождения имели место и среди самих павликиан. Быть может, следы его можно видеть в сообщениях источников о спорах руководителей движения друг с другом, а также в сопоставлении названий двух групп павликиан — более радикальных — койнхоритов, т. е. живущих общинами, и астатов.

Так как павликианское движение явилось одной из форм борьбы угнетенных масс крестьянства и трудящихся слоев городского населения против господствующего класса и его правительственных органов, против императорской власти и церкви, — в идеологии павликиан нашли свое отражение главные социальные требования именно этих слоев населения, т. е. эксплуатируемых масс византийского государства. Характерно, что руководители движения обращались к тем слоям населения, среди которых было мало людей, получивших образование. Об этом говорит хотя бы то, что павликиане распространяли свое учение преимущественно путем устного предания и чтения одной или двух книг, написанных наиболее простым языком: письма Сергия, евангелие, апостол и книгу, именуемую ими силой (*δύναμις*) [= ср. формула отречения (§ 10);] они принимали 4 евангелия, 14 посланий апостола Павла, Иуды, Иакова, деяния апостолов, но отвергали 2 послания апостола Петра³.

Изучение идеологии павликиан представляет большой интерес. Это изучение дает возможность судить о социальной природе павликианского движения и о его взаимоотношениях с другими социальными движениями этого периода.

В формуле отречения, относящейся к IX в. и предназначенной для тех, кто под страхом репрессий желал отречься от ереси, перечисляются следующие главные пункты учения павликиан: признание бога (создателя материального мира. — *Е. Л.*) сатаной; отказ от почитания богородицы, святых, икон Христа, богородицы, от почитания ангелов,

¹ Migne. Patr. gr., t. XCIV, col. 734.

² Theoph. Cont., p. 53.

³ Petri Saeculi Historia manich., col. 1258.

креста; отрицание постов, крещения; отказ от почитания православной церкви и ее преданий, от признания канонов, постановлений вселенских и определений местных соборов.

На основании данных Георгия Монаха к этим пунктам можно присоединить следующие положения учения павликиан: отказ от причастия; от почитания пророков, святых и особенно апостола Петра, как основателя монашества¹; наименование православной церкви синедрионном; непочитание священников и прочих иереев (*ὁμοίως μὲν καὶ πρεσβυτέρους καὶ λοιποὺς ἱερεῖς τοὺς παρ' ἡμῶν ἀποβάλλονται*) и замена их нотариариями и спутниками (*καὶ τοὺς ἱερεῖς αὐτῶν συνεκδήμιους λέγουσι καὶ νοταρίους*), не отличающимися от них ни в облачении, ни в обычае, ни во всей прочей жизненной обстановке (*ἀδιαφόρους πᾶσιν αὐτοὺς ὄντας καὶ τοῖς σχήμασι καὶ ταῖς διαίταις καὶ πάσῃ τῇ τοῦ λοιποῦ βίου κατασκευῇ*) (XIV).

Первый пункт из приведенных выше по формуле отречения у Георгия Монаха разъясняется подробнее: „Они говорят, что нас отделяет от ромеев то, что мы (т. е. павликиане) говорим, что есть один бог отец небесный, которой не имеет власти над этим миром, но лишь — над будущим, и другой бог — создатель этого мира (т. е. земного, материального), который имеет власть только над этим миром. И себя они называют христианами, нас же ромеями“².

Все эти важнейшие моменты учения павликиан подтверждаются Петром Сицилийцем и Фотием, которые в дополнение к ним указывают, что павликиане после смерти Сергия жили в полном равенстве (*ἰσότητι πάντες ὑπῆρχον*); на то, что павликиане жили общинами, указывает, по всей вероятности, и топонимическое название „*κοινοχωρίται*“, переделанное позднее противниками павликиан в бранную кличку „*κοινοχωρίται*“, или жители „*τοῦ κοινοῦ χωρίου*“.

Таким образом, источники ясно показывают не только социальное лицо сторонников павликианства, вербовавшихся преимущественно из крестьян восточных областей империи, но и передают целый ряд их социальных требований, отчасти облеченных по условиям времени в религиозно-мистическую форму, отчасти же выраженных в открытом незавуалированном религиозной оболочкой виде.

В поисках выхода из тяжелых условий, когда крестьянство и беднейшие слои городского населения испытывали непосильный гнет, эксплуатируемые массы стали искать свой идеал „в мире небесном“, — подобно тому, как это наблюдалось у первых христиан, вербовавшихся первоначально из „рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов“³. Отсюда становится понятным тезис павликианского учения, приписывавший создание земного мира сатане, — тезис, сближающий воззрения павликиан с дуалистическими взглядами других еретических движений средневековья.

„Средние века, — писал Энгельс, — присоединили к богословию и подчинили ему все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать религиозную форму.

¹ „Они называют его отречшимся (*ἀρνητὴν ἀποκαλοῦντες αὐτόν*) и не признают его раскаяния и горьких слез. А также не допускают и слов, изреченных о нем, сказанных Христом после отречения: „паси овец моих“ и т. д. Не навидят его за передачу людям монашеского устройства и облачения и учат, что святая схиμα, в которую облачаются монахи, передана не богом, а дьяволом“. Эскуриальская рукопись, *Sitzungsberichte d. bayerischen Akademie d. Wissenschaften*, Bd. I, 1896. § 10, ed. Fridrich.

² *Georgii Monachi Chronicon*, ed. de Boor, 1904, p. 721.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 409.

Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, ее собственные интересы должны были представляться ей в религиозной одежде¹. Это высказывание Энгельса дает ключ к пониманию павликианства, его идеологии.

Религиозно-философское мировоззрение павликиан, вероятно, лишь постепенно сложилось в стройную систему. Она с трудом различима в сообщениях о павликианах, принадлежащих, как уже было сказано исключительно перу их идейных противников. В основе этой системы, лежало, по всей вероятности, стремление перенести центр тяжести с внешней обрядовой стороны христианства, ставившей человека в зависимость от официальной церкви и государства, на его личное поведение и совершенствование, стремление освободиться от власти церкви, связанной с правительством, ее учреждений и иерархии. Об этом свидетельствует хотя бы христологическая доктрина павликиан, согласно которой Христос стал „сыном божьим“ вследствие прощения и воздаяния за послушание богу, за бесстрашное приятие предназначенных ему богом мук и смерти.

Отвергая все внешние обряды и предметы культа, как часть материи, павликиане в аллегорическом смысле трактовали тексты евангелия, лежавшие в основе обрядов. Об этом же говорит отказ от почитания богородицы (указывающий на связь павликианства с распространенными в Сирии и Малой Азии в предшествовавший период несторианскими идеями), отрицание культа святых, ангелов, креста, постов, причастия, крещения, икон. Именно поэтому павликиане решительно отвергали и все те постановления церковных соборов, которые относились к периоду установления союза между церковью и правительством.

Паразитический рост монастырей, поглотивших значительную часть земель и доходов крестьян и нещадно эксплуатировавших последних, вызывал особую ненависть павликиан против монахов: отсюда — их отказ от почитания апостола Петра, считавшегося „покровителем монашеской схимы“.

В завуалированной религиозно-мистической пеленой идеологии павликиан мы можем видеть отражение реальных жизненных интересов значительной части византийского крестьянства и примыкавших к нему беднейших слоев общества, — интересов, которые вступали в острое противоречие с современной им действительностью. В самом деле, рассмотрим по порядку основные приведенные выше положения учения павликиан.

Павликиане, стремясь к восстановлению некогда существовавших форм организации христианских общин, подобно позднейшим еретикам XIV—XV вв., требовали, говоря словами Энгельса, „восстановления равенства, существовавшего в отношениях между членами ранней христианской общины, и признания этого равенства в качестве нормы и для гражданского мира. Из равенства сынов божьих“ они выводили „гражданское равенство и даже отчасти уже равенство имуществ“². На последнее, может быть, указывают сообщения источников об астагах, как *ισόταχοι* и особенно — о койнохоритах. Именно по этой причине павликиане отрицательно относились к Ветхому завету, так как считали, что ветхозаветные пророки проповедывали неравенство, в частности, неравенство между мужчиной и женщиной.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 674—675.

² Там же, т. VIII, стр. 130.

Лозунги павликиан получили в VIII—IX вв. широкое распространение, и это легко объясняется всей исторической обстановкой того времени.

В начале VIII в., в связи с крайне напряженным внешним положением империи и острой борьбой за власть, приводившей к частым дворцовым переворотам, тяготы, падавшие на трудящиеся массы населения, стали выше обычных.

Развитие феодальных отношений, процесс закрепощения крестьянства, усилившийся в IX в. и угрожавший существованию свободных крестьянских общин, вызывал обострение классовой борьбы — борьбы эксплуатируемых масс против знати. Павликианское движение являлось одной из форм этой борьбы.

Ненависть к официальному клиру и особенно монашеству, ведшему паразитическое существование в то время, как массы населения изнывали под бременем „узаконенных“ налогов и „незаконных“ поборов и повинностей, способствовала популярности антицерковных и антимонашеских лозунгов павликиан в широких слоях населения.

Рост влияния павликианского движения в восточных областях империи в VIII в., все шире распространявшиеся лозунги павликиан, направленные против монастырей и монастырского землевладения, заставили обратить на павликиан внимание и наиболее дальновидных политиков из числа светской военной знати и даже часть малоазийского клира. До нас дошли прямые свидетельства¹ о свидании Льва III с руководителем павликианского движения Гегнезием около 727 г.

Наиболее радикальное крыло иконоборцев в VIII в. восприняло некоторые лозунги павликиан, включив их в свою политическую программу.

Как известно, Льву III удалось захватить престол после долгих лет анархии и острого политического кризиса, отразившего слабость центральной власти. При крайней неустойчивости внешнего положения империи, которую осаждали с востока войска халифата, и которой со стороны Балканского полуострова постоянно угрожали славянские восстания и болгарские вторжения, у господствующего класса, казалось, не было никакого выхода. Политический кризис, свидетельствовавший о почти полном отсутствии у центральной власти общественной поддержки и о крайней непопулярности правительства в народных массах, мог разрешиться лишь при условии резкого изменения курса внутренней политики и устранения наиболее вопиющих недугов, имевшихся в государстве и причинявших наибольшие бедствия трудящимся массам.

В этой обстановке весьма опасным для государства было то „ненормальное“ положение, которое занимали в империи церковь и монастыри. Рост количества „спасавшихся“ в монастырях монахов, которые уклонялись таким путем от военной службы и выполнения государственных повинностей, ложился тяжелым бременем на трудовые классы населения, прежде всего на крестьянство, несшее на себе все тяготы военной службы (во время почти непрерывных войн на востоке и западе) и бесчисленных налогов и повинностей. Монахи в силу привилегированного положения покровительствуемых императорской властью церквей и монастырей пользовались многочисленными налоговыми и другими льготами.

„Правила“ пято-шестого Трулльского собора, изданные при Юстициане II в 687 г., ярко показывают облик этого монашества и клира в непосредственно предшествующий рассматриваемому период.

Из этих „правил“ мы узнаем, что епископы, пресвитеры, диаконы занимались ростовщичеством, отдавали деньги за проценты (прав. 10), брали деньги за причащение (прав. 23). Клирики и монахи принимали участие в конных состязаниях на ипподроме, в сценических представлениях (прав. 24), держали наложниц (прав. 3, 5 и 86), имели свои трактиры (прав. 9). Монахи одевались в одежды, испещренные золотом и драгоценными камнями (прав. 45), ночевали вне монастыря (прав. 46 и 47). Клирики играли в азартные игры (прав. 50), устраивали мимические представления и зрелища — звериную травлю, пляски на сцене (прав. 51): „водили медведиц и тому подобных животных на потеху и соблазн простых людей, прорицая по бредням о счастье, генеалогии“. Они же выступали иногда в роли „облакогонителей, фокусников, поставщиков талисманов, гадателей“ (прав. 61), участвовали в праздновании Календ, вот, врумаллий, в плясках (прав. 62), не ходили на церковные собрания (прав. 80). Уже Юстиниан II, который отнюдь не был иконоборцем, как показывают эти правила, делал попытки для устранения вызывавших наибольшие нападки явлений в организации церквей и монастырей. Источники рисуют яркую картину разложения клира и монашества и в более позднее время. Так, например, в *λόγος ἀποδείκτικός* Иоанна Иерусалимского говорится, что „епископы ни о чем не заботятся, кроме как о лошадях, скоте, стадах, полях... Как продать хлеб, взвесить оливковое масло, продать шерсть, шелк? Они озабочены лишь вопросом о чеканной монете“¹. С другой стороны, из сочинений Феодора Студита известно, что одним из его реформаторских требований для Студийского монастыря был отказ от пользования трудом рабов²: уже из одного этого можно заключить, что, как правило, в VIII в. в монастырях эксплуатировался рабский труд, за счет которого монахи вели праздное существование.

Наряду с церковно-монастырскими собственниками, державшими в своих руках значительную часть земельных владений в империи, в VII—VIII вв. вырастает военно-служилое сословие; выдвинувшееся в боях во время византийско-арабских войн, в боях, от исхода которых зависело самое существование государства, это сословие предьявляет свои притязания на обладание крупной земельной собственностью.

Эклога, трактуя вопрос об эмфитевзисе, дает краткие, но выразительные указания на процесс перемещения церковно-монастырских земель в руки этого военно-служилого сословия, происходивший в то время. Эклога, установления которой в цитируемой ниже статье имели целью оградить столичную церковь и императорские земли от захватов военно-служилых людей, требует, чтобы „ни гражданские архонты, ни военные не пользовались правом эмфитевзиса или мистозиса, чтобы эмфитевзис не переходил также к лицам из числа стратиггов при их преемственной смене, либо к другим частным домам, чтобы ими не захватывались ни дома, ни участки *κτῆσες*, путем осады или путем покровительства, так как они набраны в войска только с той целью, чтобы защищать империю против одних только врагов“³.

Поскольку в Эклогу, несмотря на крайнюю сжатость ее узаконений, введена специальная статья, упоминающая о фактах подобных

¹ Migne. Patr. gr., t. XCV, col. 329—332.

² Ibid., t. XCIX, col. 128—129; 245; 824—825 sq.

³ Ecl., XII, 6.

захватов и ограждающая от них (равно как и от перехода недвижимости путем вечного и переписанного вновь эмфитевзиса) церковь Константинополя (ей разрешалось обменивать эти имущества только в императорском ведомстве), то, само собой разумеется, что на практике подобные факты должны были иметь место довольно часто и казались правительству весьма опасными.

Выступая с притязаниями на те владения, которые находились в руках церквей и монастырей, представители светского, военного и служилого сословия, естественно, не могли быть довольны существовавшим в империи порядком вещей, при котором церковно-монастырское землевладение занимало привилегированное положение.

Отсюда понятно, что критика представителями угнетенных классов византийского общества церкви и монастырей (ведь именно среди народных масс вели свою пропаганду против церковного церемониала сторонники мусульманства, иудейства, здесь имели глубокие корни разнообразные „еретические“ течения) встречала полное сочувствие в рядах малоазийской военной знати. Эта критика как бы расчищала путь для осуществления ее собственных чаяний относительно церковно-монастырских владений, как бы открывала „законный“ путь для захвата земель и крестьян.

Опираясь на антиправительственные движения эксплуатируемых масс и подхватив некоторые из наиболее популярных лозунгов, разумеется выгодных с точки зрения собственных экономических интересов военно-служилого сословия, этот общественный слой выступает в начале VIII в. в качестве сторонника реформы церковного устройства. К такого рода реформе стремилась, однако, не только военно-служилая знать.

Некоторые наиболее дальновидные представители высшего клира не могли не видеть, что государство и весь общественный строй империи стоит накануне катастрофы. Чтобы сохранить существующий порядок вещей, при котором для них было бы обеспечено привилегированное положение, они также готовы были пойти на известные уступки — устранить некоторые наиболее явные и вопиющие недостатки, дискредитирующие церковно-монастырские учреждения в глазах народных масс. Они готовы были предпринять некоторые реформы в быте церквей и монастырей. На этот путь в очень осторожной форме встал уже и пято-шестой собор. Наиболее дальновидная часть клира позже заключила временный союз с иконоборцами. Характерно, что в конце VIII в. даже столь закоределый противник иконоборчества, как Феодор Студит, будучи здравым и практичным политиком, стал на путь коренной реформы монастырского быта во имя спасения самого института монашества. Он потребовал, чтобы монахи руководимых им Студийского и Саккудионского монастырей работали и отказались от эксплуатации труда рабов.

Итак, военно-служилое сословие, заинтересованное в укреплении завоеванной им в лице Льва III императорской власти и борющееся поэтому против праздного монашества, сословие, ищущее популярности в народе для упрочения своего положения и добывающееся в то же время „узаконенных“ прав на передел земель, и часть клира, признающая необходимость реформы, — заключили между собой временный союз. Страх перед народными возмущениями, перед крестьянскими восстаниями, еретическими движениями при неустойчивости внешнего положения империи толкнул часть господствующего класса на путь уступок требованиям народных масс, на путь реформы.

Эти слои господствующего класса до поры до времени заимствуют некоторые требования церковной реформы у павликиан и близких им других „еретиков“.

Правительство Константина V более смело, чем при Льве III, использовало антимонашеские лозунги, которые, наряду с иконоборческими лозунгами, были популярны в народных массах восточных областей империи, и для того, чтобы обеспечить себе их поддержку, прервало переселение сирийцев и армян из Малой Азии в Константинополь. Главной опорой правительства являлись воинские части: и Лев III, и Константин V пользовались широким признанием в военных кругах, и позднее в памяти народа они жили как талантливые полководцы.

В то же время императоры-иконоборцы искали и, повидимому, не безуспешно, поддержки в некоторых слоях городского населения. Никифор в своем „Большом апологетике“¹ дает чрезвычайно яркую характеристику социального состава иконоборческой партии, указывающую те общественные слои, на которые ориентировался Константин V. Никифор пишет (приводим полностью это описание ввиду его чрезвычайной важности): „Справедливо можно удивляться тому, как велика их (т. е. иконоборцев. — *Е. Л.*) порочность, и до какой низости дошли они, так что те, которые сливуют за священников, высокомерно восседают на священных кафедрах, как свирепейшие тираны и жестокие судьи, преисполненные гордыни и дышащие неистовством и безумием. Их окружает 1) воинская толпа меченосцев, бряцающих оружием и помогающих им более угрозами, чем рассуждениями. В качестве помощников и пособников своего учения они привлекали также 2) выдающихся представителей цирковых партий, как это достойно их бесчинного союза, ибо подобным догматам нужны такие именно учителя и защитники. Присоединяются к ним, как это бывает обыкновенно при таких настроениях и бесчинствах и 3) те из принадлежавших к церковному клиру, которые были извергнуты в наказание за канонические преступления свои, „дабы грех в них сделался крайне грешным“; нет недостатка у славного собориса этого и 4) в актерам и подвижникам сцены, которых в народе обыкновенно зовут мимами. Есть и такие, которых они набрали в помощь к себе из числа 5) мелких торговцев и бродяг с перекрестков и публичных домов, а также собрали вокруг себя толпу нищих и сброды и 6) ремесленников. А более всего их ряды украшает небольшое количество служивших некогда в воинских отрядах, из которых одни уже выслужили срок и состарились, другие — прогнаны с военной службы за какие-либо преступления и позорные поступки. Из них большинство по великому своему невежеству и неразумию держалось древнего и нечестивого учения, почему они теперь и соединились, цenia его выше всего. Лишенные царского жалования, которое вместе с вооружением доставляло им и средства к жизни, они дошли до крайней бедности и лишений в самом необходимом, так что явно нуждались решительно во всем, поддерживая жизнь собиранием милостыни и тщательно следя за тем, где бывают пиры и собрания, на которые они слетаются, как птицы, чтобы облегчить так свою нужду и стесненное положение. Все они, как мы знаем, привыкнув ко всему худшему, всегда бывают недовольны настоящим, сочувствуют нововведениям, поднимают бес-

¹ Migne, Patr. gr., t. C, col. 555.

порядки, дабы среди замешательств и смятений добиться каких-либо выгод и пропитания. Таким полководцам такие нужны и воины. Итак, епископы, димы, мимы и прочие безумцы распоряжаются церковными догматами". К перечисленным здесь участникам иконоборческого движения нужно прибавить еще и павликиан, о союзе иконоборцев с которыми вспоминает тот же Никифор в другом месте. Он прямо указывает на союз иконоборчески настроенных воинов с павликианами.

Однако между иконоборцами и павликианами имелось существенное принципиальное различие, отражавшее их различную классовую природу, принципиально отличную классовую направленность этих движений: в этом легко убедиться, сравнив требования тех и других между собою.

Если павликиане, отражая чаяния и надежды беднейших слоев населения, требовали полного уничтожения ненавистной народу церковной иерархии, то в требованиях официального правительственного иконоборчества мы отнюдь не находим этого пункта.

История иконоборческого движения показывает, напротив, что императоры-иконоборцы меняли лишь людей, занимавших церковные должности, но самый церковный строй, всю систему церковной иерархии оставляли нерушимой и неизменной. Церковный церемониал сохранялся; гонениям подвергалось лишь поклонение иконам, и одни песнопения заменялись другими.

Павликиане, в отличие от императоров-иконоборцев, требовали полного и решительного уничтожения пышности церковного церемониала, рассчитанного на имущих и богатых и как бы подчеркивавшего всю глубину социальных различий между богатыми и бедными.

Если павликиане выступали против монашества, как института, то иконоборцы (в особенности на втором этапе развития этого движения) боролись лишь против засиления монастырей. Они не собирались уничтожать институт монашества. Захватив в свои руки часть монастырских земель, они сохранили прочие монастыри, удовлетвовавшись тем, что поставили во главе их „своих“ людей.

Наиболее радикальное крыло иконоборцев требовало уничтожения культа святых, однако это было лишь одно из проходящих течений в иконоборческом движении.

Павликиане отвергали Библию, считая, что Библия узаконила неравенство. Они утверждали, что в людях нет разницы по происхождению, и женщины равны с мужчинами. Правда, ветхий завет против нас, но ветхозаветные пророки противны святому духу, — провозглашали они.

Иконоборцы же особо почитали Библию, черпая отсюда всю свою аргументацию в борьбе против иконопочитания, расценивавшегося ими, как идолопоклонство. Все законодательство императоров-иконоборцев и все известные нам из полемических произведений (например, *Νουθεσία γέροντος* и „Антирретиков“ Никифора) сочинения иконоборцев буквально пестрят ссылками на ветхозаветных пророков и Библию. Не только Эклога и Земледельческий закон воспроизводят установления Библии: иконоборческая эпоха отдала дань своему „увлечению“ Библией специальной компиляцией законов Моисея, встречающейся среди приложений к Эклоге и имеющей ряд аналогий и с Эклогой, и с Земледельческим законом.

Уничтожение неравенства, к которому стремились павликиане отнюдь не входило в программу официального иконоборчества. Оно вовсе не было заинтересовано в коренной перестройке общества.

Общими для иконоборцев и павликиан были лишь требования уничтожения икон и ограничения роли монастырского землевладения. Неудивительно поэтому, что радикальный характер требований павликиан, широта влияния и популярность в народных массах выдвинутых ими лозунгов не могли быть особенно по душе их „союзникам“ из рядов господствующего класса, преследовавших в своей борьбе за реформы принципиально иные цели.

Если павликиане добивались коренного общественного переустройства, хотя и руководствовались при этом неосуществимыми при тех условиях идеями и стремлениями, то их „союзники“ боролись в конечном счете за сохранение своего классового господства.

Неудивительно поэтому, что уже вскоре господствующий класс стал смотреть на павликиан с опаской, а с начала IX в., несмотря на продолжение иконоборческой политики, императоры превратились сначала в политических противников, а затем и в прямых гонителей павликиан.

Следует также принять во внимание, что на втором этапе иконоборческого движения земельные требования части знати, шедшей за императорами-иконаборцами, были уже удовлетворены. Об этом ярко свидетельствуют приводившиеся выше данные из *λόγος ἀποδείκτικὸς* Иоанна Иерусалимского, а также и постановления собора 787 г.

В то же время начало IX в. характеризовалось небывало высоким подъемом народных восстаний, огромным ростом павликианского движения, захватившего почти всю Малую Азию и тем более опасного, что колонии павликиан были самими же императорами в начале IX в. переселены во Фракию и в Константинополь.

Все указанные обстоятельства достаточно объясняют причины, толкнувшие господствующий класс на путь решительного поворота в сторону реакции, на путь отказа от ставших слишком опасными иконоборческих лозунгов, препятствовавших единению сил различных группировок господствующего класса перед лицом страшного классового врага — восставших народных масс.

Отныне правительство стало на путь реакции.

А. П. КАЖДАН

**КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В ВИЗАНТИИ В X в.
И АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРАТОРОВ
МАКЕДОНСКОЙ ДИНАСТИИ**

В истории Византии X век был веком роста крупного феодального землевладения, веком, когда усилившиеся феодалы вели яростное наступление на крестьянскую общину, когда монастыри и светская знать захватывали крестьянские земли¹. Немногочисленные документы, в которых получился отражение этот процесс (новеллы византийских императоров X в., а также некоторые монастырские акты того времени), являлись предметом неоднократного исследования буржуазных византистов. Этой проблеме были посвящены специальные монографии историков конца XIX в. (В. Г. Васильевского, Ж. Тесто); на ней останавливаются и современные византисты (Г. Острогорский, А. Андреадис, Э. Бах); ее касались все авторы общих работ по истории Византии. Однако буржуазная историография не разрешила этой проблемы.

Буржуазные византисты исказили характер той борьбы, которая развернулась в X в. между крестьянами и крупными землевладельцами. Буржуазная историография отвела крестьянам пассивную роль в политической борьбе X в., сузив последнюю до рамок борьбы императорской власти против крупной собственности. При этом императорская власть была представлена в идеализированном виде защитницы „младшей братии“, т. е. свободного крестьянства. Византийское государство этого периода изображалось как некая отвлеченная, надклассовая сила, защищавшая мелкое землевладение и борováвшаяся с магнатами.

Эта теория получила развитие в трудах выдающихся русских византистов конца XIX в. — В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского. Признавая наличие наступления динатов на крестьянскую общину, В. Г. Васильевский стремился изобразить этот процесс в известной мере как борьбу национального характера, как борьбу дината — „ловкого и оборотливого грека“ — „против крестьянской (славянской) общины“². Далее В. Г. Васильевский преуменьшал силу крестьянского сопротивления, старательно выдвигая на первый план добровольность крестьянского перехода под власть феодала. „Отдельный член общины, — писал В. Г. Васильевский, — охотно покидал иногда свой участок и

¹ М. В. Левченко. История Византии, М. — Л., 1940, стр. 150.

² В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV, 1930, стр. 256.

предпочитал сесть присельником на чужой земле, в поместье богатого землевладельца¹.

С другой стороны, В. Г. Васильевский считал, что в своем наступлении на крестьянство греческие династы встречали решительное сопротивление со стороны императорской власти. „Вооруженные старыми государственными преданиями византийские императоры гораздо яснее и строже (нежели франкские. — А. К.) понимали свои обязанности ко всем подданным и прямо провозглашали, что власть монарха есть общее для всех благо и что защита слабых и бедных против сильных и богатых есть ее первейший долг“².

Идеализируя византийское государство, В. Г. Васильевский, однако, приходил в противоречие с данными используемых им источников и со своими собственными выводами о гнете византийской государственной машины, которая тяжелым грузом податей и экстраординарных повинностей обрекала крестьян на нищету и принуждала их искать спасения от бремени податей на частновладельческих землях.

Воззрения В. Г. Васильевского нашли свое дальнейшее развитие в трудах Ф. И. Успенского. Если В. Г. Васильевский считал, что императорам Македонской династии не удалось, несмотря на все их попытки, защитить византийское крестьянство от разорения и подчинения феодалам, то Ф. И. Успенский полагал, что „гуманные меры правительства в защиту мелкого землевладения“³ были эффективными. По его словам, „законодательством X и XI вв. общинное землевладение поставлено было под защиту государства и ему была дана возможность вести успешную борьбу с властями и с крупным землевладением“⁴.

В западноевропейской византистике конца XIX в. получила широкое распространение так называемая „фискальная теория“, согласно которой развитие общественных отношений в Византийской империи определялось интересами и требованиями фиска. Эта теория была распространена и на аграрное законодательство X в. Дж. Бьюри утверждал, что это законодательство целиком определяется фискальными соображениями, причем Дж. Бьюри характеризовал его как „близорукую политику“, направленную на обогащение казны, а не на укрепление государства⁵.

Характерной чертой буржуазного византиноведения XX в. является идеализация византийского самодержавия, — могущественного органа подавления и эксплуатации народных масс. Эта идеализация в работах современных буржуазных византистов получила свое выражение в теории, рассматривающей византийских императоров как носителей абстрактной идеи „общего блага“. Так, Н. Бэйнс утверждает, что правители Византийской империи якобы обладали „сознанием возложенного на них долга сохранения и защиты цивилизации“ и вся их деятельность как законодателей и полководцев была обусловлена этим „высоким сознанием“⁶.

¹ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 252. (Разрядка наша. — А. К.)

² Там же, стр. 259.

³ Ф. И. Успенский. К истории крестьянского землевладения в Византии. ЖМНП, ч. ССХХV, 1883, стр. 33.

⁴ Его же. Значение византийской и южнославянской прони. Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПб., 1883, стр. 30.

⁵ J. B. Bury in: E. Gibbon. History of the Decline and Fall of Roman Empire, v. V, London, 1898, p. 533.

⁶ N. Baynes. Introduction. „Byzantium“, Oxford, 1948, p. XVIII ff.

С целью идеализации императорской власти в Византии современные буржуазные византинисты использовали оценку аграрного законодательства X в., данную В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским, и стали рассматривать императоров Македонской династии как „защитников общего блага и цивилизации“, заботящихся о сохранении византийского государства.

В наиболее примитивной форме эта теория была высказана в книге английского политического деятеля и историка С. Рэнсимена „Император Роман Лекапин и его царствование“. Рэнсимен утверждает, что император Роман Лекапин был испуган ростом крупного землевладения, так как богатства магнатов представляли собою угрозу его авторитету¹. Более подробно останавливается на этой проблеме Г. Острогорский. Он считает, что защита мелкого землевладения от феодальной аристократии была вызвана стремлением государства спасти солдат и плательщиков податей, ибо развитие центрбежных феодальных сил представляло собою угрозу для самодержавного византийского государства².

Особенно детально эта теория была развита А. Андреадисом, который указывает на четыре основные причины, породившие, по его мнению, аграрное законодательство императоров Македонской династии: 1) стремление сохранить стратиготские земли, ибо в противном случае государству пришлось бы содержать армию наемников, а это было и дорого, и опасно; 2) крупные земельные собственники („феодалы бароны“) были опасны для византийского государства, ибо часто поднимали бунты против императорского трона; 3) Восточно-Римскому государству казалось более легким собирать подати с мелких собственников, нежели с крупных; 4) правительство — под влиянием учения христианской церкви — считало „своим долгом защищать бедных и униженных“³.

Подобную же оценку деятельности императоров Македонской династии мы найдем и у других современных буржуазных византинистов: Э. Баха, Г. Ст. Мосса, Дж. Ла Монта⁴. При внешнем сходстве с концепцией В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского теория современных западноевропейских византинистов имеет, однако, и коренные отличия от этой последней. Современные буржуазные византинисты не связывают политику императоров X в. с защитой общины, и государство у них действует не в интересах экономически слабой „младшей братии“, но прежде всего — в интересах самого государства, выступающего хранителем „цивилизации“ и защитником абстрактного „общего блага“: они считают, что аграрные реформы были продиктованы соображениями финансового и военного порядка. В наиболее крайней форме эта точка зрения была развита реакционным бельгийским византинистом А. Грегуаром, который прямо считает аграрное законо-

¹ S. Runciman. Emperor Romanus Lecapenus and his reign, Cambridge, 1929, p. 225.

² G. Ostrogorsky. The peasant's pre-emption right. „Journal of Roman Studies“, XXXVII, 1947, p. 117.

³ A. Andréadès. Economic life of the Byzantine empire. „Byzantium“, Oxford, 1948, p. 56.

⁴ E. Bach. Les lois agraires byzantines du X-e siècle. „Classica et Mediaevalia“, V, 1942, p. 70—91; H. St. Moss. The History of Byzantine empire. „Byzantium“, Oxford, 1948, p. 21; J. L. La Monte. The world of the Middle Ages. New-York, 1949, p. 136, 142. Особенно подчеркивают благочестивость византийских императоров P. Charanis, Monastic properties and the state, „Dumbarton oaks papers“, IV, 1948, p. 85, 91, 99, 111 и D. Talbot Rice, „Journal of Hellenic Studies“, LXIX, 1949, p. 88.

дательство второстепенным явлением (*épiphénomènes*) и существо деятельности императоров Македонской династии видит в их военной политике¹.

Таким образом, современные западноевропейские и американские буржуазные византинисты рассматривают императоров Македонской династии не как защитников крестьянства, подобно В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому, но как носителей мистической идеи надклассового государства, идеи абстрактной цивилизации.

Методологически порочная, реакционная точка зрения буржуазных историков была подвергнута резкой и принципиальной критике в работах советских византинистов: М. В. Левченко, З. В. Удальцовой, Б. Т. Горянова². В то же время советские медиевисты, опираясь на основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма, разработали теорию средневекового государства, которая помогает определить характер и византийского государства.

Классики марксизма-ленинизма учат, что государство вообще и феодальное государство в частности — это „машина для поддержания господства одного класса над другим“³. Основная задача государства заключается в том, чтобы „держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“⁴. Следовательно, говоря о Византийской империи, мы не можем рассматривать государство как „защитника экономически слабого“ или видеть в нем „хранителя цивилизации“, но должны выяснить классовую природу этого государства.

Из учения классиков марксизма-ленинизма о государстве следует далее, что характер феодального государства и его деятельность в значительной степени определяются классовой борьбой в обществе и прежде всего классовой борьбой крестьянства. Именно обуздание крестьянства являлось главной задачей всякого феодального государства. Ясно поэтому, что крестьянские движения были той силой, которая оказывала существенное влияние на политику феодального государства: их размах, характер и т. д. определяли как силу наступления феодального государства на крестьян, так и меру его уступок крестьянству.

Буржуазные византинисты не были способны понять, что „история есть ряд эпизодов классовой борьбы“⁵. Они пренебрегали историей классовой борьбы и, в частности, историей классовой борьбы в Византии. Идеализируя императоров Македонской династии, они не хотели видеть и изучать крестьянские восстания, которые происходили в то время, и уж во всяком случае не связывали этих восстаний с аграрной политикой императоров X в.

В советской исторической науке классовая борьба византийского крестьянства X в. еще не была подвергнута специальному анализу. Лишь М. В. Левченко в „Истории Византии“ остановился на характеристике некоторых фактов из истории борьбы византийского крестьянства X в., но и то лишь в самой общей форме, насколько позволяли это сделать задачи книги.

¹ Н. Grégoire. „Byzantion“, t. XVI, 1944, p. 553.

² М. В. Левченко. „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 328; З. В. Удальцова. „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 352; Б. Т. Горянов. Г. А. Острогорский и его труды по истории Византии. „Вопросы истории“, 1945, № 3—4.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 441.

⁴ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 604.

⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 138.

Нам уже приходилось останавливаться на характеристике отдельных крестьянских движений в правление императоров Македонской династии¹. Задача настоящей статьи состоит в том, чтобы дать общую характеристику крестьянских движений в Византии X в. и поставить в этой связи вопрос о классовой природе и сущности политики византийского государства.

Непосредственные производители в византийской деревне X в.

В Византии X в. сохранилось значительное количество крестьян, не находившихся в состоянии личной зависимости. Однако этих крестьян вряд ли можно назвать свободными: они обязаны были разнообразными государственными повинностями и были прикреплены к земле. По данным Зонары, относящимся к правлению императора Никифора Фоки, византийское сельское население, обязанное государственными податями², состояло из стратиотов (которые, в свою очередь, подразделялись на ряд категорий), лиц, обязанных обслуживать ведомство дрёма (*ταῖς δρομικαῖς στρατείαις ἐγγράφοντες*) и, наконец, „бедняков“ (*ἄποροι*).

Стратиоты были, как правило, мелкими землевладельцами. Их главной повинностью была военная служба. Стратиоты должны были являться в войско с собственным вооружением³: жития Филарета Милостивого и Евстратия Авгарского, например, повествуют о наказаниях, которые ждали стратиота-всадника, осмелившегося явиться в поход без коня. Впрочем, из „Книги церемоний“ мы узнаем, что некоторые стратиоты получали коней от государства или от других жителей своей фемы⁴. Стратиотов было много в Опсикии: жители этой фемы характеризуются в житии Филофея Опсикянина как опытные в военном деле⁵. В Галатии, где важной отраслью хозяйства было кочевое скотоводство, крестьяне также были вооружены и несли военную службу⁶. Аналогичные известия встречаются в трактатах по военному делу; из последних видно, что в восточных фемах империи жили крестьяне (они называются здесь *οἰκοφύλακες*), которые были вооружены копьями, ездили верхом и участвовали в войнах с арабами; однако вооружение их было крайне бедным: они вступали в бой с обнаженной головой, а иные были даже босы⁷.

Военная служба была основной, но не единственной повинностью стратиотов: по свидетельству уже цитированной „Тактики Льва“, стратиоты обязаны были платить государственную денежную подать (*δημόσιον τέλος*).

Положение византийских стратиотов было тяжелым, и наши источники нередко говорят о „бедных стратиотах“⁸. В хронике Продолжателя

¹ А. Каждан. Восстание Василия Медной руки. „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 72—83. Для понимания классовой борьбы византийского крестьянства большое значение имеет изучение народных движений в соседних странах и, в частности, в Армении этого времени. См. Б. М. Арутюнян. Крестьянские волнения в Сюнии. „Уч. зап. Ереванск. гос. русск. пед. ин-та“, т. II, 1950, стр. 161—182.

² Zonaras Epitome, ed. L. Dindorf, v. IV, 1871, p. 82. 15—23.

³ Leonis Tactica, IV, 1.

⁴ Constantini Porphyrogeneti, De cerimoniis, Bonn, p. 658. 6—8.

⁵ Migne. Patrologia graeca, t. CXXXVI, col. 144. B.

⁶ L. Petit. „Revue de l'Orient chrétien“, VIII, 1903, p. 170. 27.

⁷ De velitatione bellica (apud Leo Diaconus. Historiae, Bonn, 1828), p. 236. 13—16.

⁸ C. Sathas—E. Legrand. Les exploits de Digénis Acritas, Paris, 1875, стр. 1523.

Феофана рассказывается о стратиоте, после смерти которого остались вдова и „нищие дети“¹. Новелла Романа II говорит о стратиотах, впавших в крайнюю бедность и лишенных возможности выполнять стратиотскую повинность (*στρατιωτικὸν βάρος*)².

Обязанность обслуживать ведомство дрома, т. е. выполнять барщины, связанные с перевозкой императорских послов и императорской почты, возлагалась на так называемых экскуссатов дрома³, которые, повидимому, были освобождены от других повинностей. Кроме того, существовали еще экскуссаты иного типа. В „Книге церемоний“ рассказывается об экскуссатах из деревни Тември в феме Опсикий, которые находились в ведении императорского стольничьего и обязаны были ловить рыбу — повидимому, для императорского стола⁴. Возможно, что к этой категории были близки и просодиарии (обязанные рентой натурой?), которые упоминаются в некоторых актах.

Последнюю категорию государственных крестьян составляли государственные парики, выполнявшие денежные или иные повинности.

Все категории государственных крестьян были прикреплены к земле. Однако тяжесть обложения и военной службы нередко заставляла их покидать родные деревни. Инструкция для сборщиков податей X в. — так называемый „Трактат об обложении“ — предусматривает некоторые случаи, в которых признается необходимым уменьшать тяжелую поземельную подать в целях предотвращения бегства крестьян. Из актов X в. мы узнаем, что стратиоты, просодиарии, экскуссаты дрома и государственные парики уходили со своих земель и скрывались во владениях архонтов и церквей⁵.

В источниках сохранилось много известий о бегстве стратиотов. В новелле Романа II тщательно регламентируются наказания за укрыительство беглых стратиотов: при этом император указывает, что наказанию подлежит тот, кто принимает в своих владениях зажиточного стратиота; если же будет обнаружено, что бежал и поселился на чужой земле разоренный стратиот, наказанию должен быть подвергнут виновник его разорения и бегства⁶. В Житии Павла Латрского рассказывается о десяти моряках-стратиотах, которые по приказу начальника фемы были схвачены и закованы в цепи, за то, что бежали „от общей литургии“⁷. Несколько неопределенное известие о бегстве из войска содержится в одном из писем патриарха Николая Мистика⁸.

В византийской деревне X в. еще сохранились развитые общинные отношения. Новелла Романа II рассматривает крестьянскую землю, как входящую в состав общины (*ὄμιλος*), указывая, что при отчуждении этой земли приходится отрезать надел от общин⁹. Тот же термин (*ὄμιλος*) встречается и в новеллах других императоров X в. Акты X и даже последующих веков, относящиеся к району Солуни, свидетельствуют о существовании здесь общих угодий, на которых всем соседям раз-

¹ Theophanes Continuatus, p. 93. 15.

² С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, Lips., 1857, p. 286. 24.

³ G. Rouillard—P. Collomp. *Actes de Lavra*, Paris. 1937, № 28.29.

⁴ Const. Porph. *De cerim.*, p. 488. 18.

⁵ Александр Лаврский. 'Αδωτικὸς Στοά. „Византийский временник“, т. V, 1898, стр. 488. 2.

⁶ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, p. 286. 22.

⁷ H. Delehaye. *Analecta Bollandiana*, XI, 1892, p. 63. 19.

⁸ Migne. *Patr. gr.*, t. CXI, col. 276. B.

⁹ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, p. 283. 20.

решалось собирать каштаны и хворост, пасти скот и косить сено¹. Пира (XXXVII, 2) также говорит о существовании общих пастбищ. Наконец, „Трактат об обложении“ отмечает наличие общих земель деревни².

Итак, мы можем отметить, что в Византии X в. существовало значительное количество крестьян-общинников, которые не находились в личной зависимости, но зато обязаны были выполнять определенные повинности по отношению к государству. Эти крестьяне были прикреплены к своей общине и не могли отказаться от выполнения возложенных на них повинностей.

Вторая категория непосредственных производителей византийской деревни X в. — феодально-зависимые крестьяне. Феодальная зависимость встречается здесь в разных формах. Так, в одном из писем Николоя Мистика рассказывает о деревне, которая обязана была платить натуральную ренту (зерном) одной из церквей³. Новелла Романа Лекапина свидетельствует о том, что знать подчиняла себе деревни и заставляла их жителей выполнять барщины (*ἀγγαρίαι*)⁴. В более поздней новелле прямо говорится, что феодалы, подчиняя себе крестьянскую общину, превращают ее в собственный проастиий, т. е. в зависимое поселение⁵.

В других случаях насилие феодала обращается не против целой деревни, но против отдельного лица. Новелла Константина Багрянородного отмечает случаи превращения стратиотов в частновладельческих крестьян: тот, кто был уличен в подобном преступлении против стратиота, должен был, согласно этой новелле, уплатить денежный штраф, половину которого получал сам стратиот⁶.

Наконец, феодально-зависимыми крестьянами становились и вольноотпущенники, которым их владельцы жаловали так называемые „легата“, т. е. небольшие наделы земли⁷.

Таким образом, можно видеть, что положение феодально-зависимого крестьянства в Византии X в. не было единообразным: в его среде

¹ G. Rouillard — P. Collomp. Actes de Lavra, № 3.28, № 19.31. L. Petit. Actes de Chilandar, „Византийский временник“, XVII, 1911, Приложение, № 2.53.

² F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, S. 115.36. В некоторых областях Византии мы встречаем даже пережитки родовых отношений и остатки большой семьи, в Житии Филарета Милостивого сохранена картина пафлагонской большой семьи, состоящей из трех, если не из четырех поколений и насчитывающей около 30 человек. (А. А. Васильев. ИРАИК, IX, 1900, стр. 76. 29 и 141. 15). Повидимому, большая семья существовала и в Галатии (L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VIII, 1903, p. 173. 14). О наличии в Византии пережитков родовых отношений свидетельствует и то обстоятельство, что при построении войска рекомендовалось братьев и родственников включать в один отряд, ставя их вместе и во время похода, и в бою (Leonis Tactica, IV, 39; Ю. Кулаковский. Стратегикон императора Никифора. „Записки АН“, сер. VIII, т. VIII, 1908, ч. 9, стр. 12. 13). Наконец о совместном земельном владении родственников говорят известные постановления императоров X в. (С. Е. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, p. 238. 11).

³ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 260. В.

⁴ С. Е. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 247. 5.

⁵ Ibid., III, 310.

⁶ Ibid., III, 266. 14.

⁷ Об отпуске рабов на волю в X в. см. в житиях L. Petit. „Revue de L'Orient chrétien“, VII, 1902, p. 557. 31; Migne. Patrologia graeca, CXX, col. 100. D. Ср. также грамоту 897 г. — G. Rouillard — P. Collomp, Actes de Lavra, № 1.19. Очень яркое свидетельство от середины XI в. — В. Бенешевич. Завещание византийского боярина. ЖМНП, 1907, № 5, стр. 224, 228—229. См. также А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI веков. „Уч. зап. Тульск. гос. под. ин-та“, вып. 2, 1951, стр. 74 и сл.

имелись различные категории зависимых людей. С этим обстоятельством связано и наличие различных терминов для обозначения феодально-зависимых крестьян. В актах этого времени уже встречается термин *προσκαθημένος* в несомненном значении „зависимый крестьянин“¹. Указанная новелла Константина Багрянородного именует зависимого крестьянина париком. Возможно, что в этом же значении употреблялся и термин *ἀρῶται*; в житии Георгия Амастридского перечисляются три категории византийского крестьянства: стратиоты, *γεωργοί* и *ἀρῶται*². Если допустить, что термин *γεωργοί* обозначает государственных париков, то термином *ἀρῶται* должны быть в этом памятнике обозначены какие-то крестьяне, отличающиеся от них по своему положению, т. е., скорее всего, лично-зависимые; но, конечно, это только предположение.

О положении проскафименов и париков X в. имеется мало сведений. Однако из известного постановления магистра Косьмы ясно, что церковные парики могли уходить с земель церкви, причем епископ обязан был выдать им материал их строений³. Это известие подтверждается одним письмом Михаила Пселла, относящимся к концу XI в., из которого видно, что частновладельческие парики еще и в это время пользовались свободой перехода⁴. Владение парика рассматривалось в юридических памятниках начала XI в. как его условная собственность (Пира, XV, 2).

Количество феодально-зависимых крестьян в X в. было сравнительно невелико, и крупным собственникам нередко приходилось применять на своих землях труд наемных батраков: мистив, эргатов или фетов. Из одной новеллы X в. видно, что господская земля обрабатывалась в основном париками и фетами⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что рабство как уклад продолжало сохраняться в Византии вплоть до XI в.⁶ Рабский труд находил себе применение как в ремесле, так и в сельском хозяйстве. И „Трактат об обложении“, и новелла Романа Лекапина (934) говорят о рабах, живущих в проастиях, т. е. поместьях⁷. Хроника Скилицы-Кедрина повествует о том, что военнопленные, захваченные во время похода Никифора Фоки на Крит, были посланы работать на поля⁸.

Источником рабства являлась в первую очередь война: хроники X в. постоянно говорят о захвате пленных, которые, по словам так называемой „Тактики Льва“ (X, 4), либо подлежали обмену на попавших в плен византийцев, либо же продавались в рабство. Яркую картину торговли военнопленными рисует новелла императора Иоанна Цимисхия, из которой мы узнаем, что стратиоты, захватившие рабов в ходе сражения, либо продавали их тут же на месте, либо же отвозили в особые эмпории, служившие, следовательно, специальными рынками для продажи рабов. Покупателями рабов являлись прежде всего архонты, которые специально направляли своих слуг в войско,

¹ G. Rouillard—P. Collomp. Actes de Lavra, № 2. 22.

² В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II, СПб., 1893, стр. 23. 4—6

³ Ф. Успенский—В. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1927, стр. XXXV.

⁴ C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, 1876, p. 381. 4—5.

⁵ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, 266. 24.

⁶ А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „Уч. зап. Тульск. гос. пед. ин-та“, вып. 2, 1951, стр. 65 и сл.

⁷ F. Dölger. Beiträge zur Geschichte d. byzantinischen Finanzverwaltung, München, 1927, S. 115. 40; C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 247. 3.

⁸ Cedrenus. Compendium historiarum, Bonn, 1839, II, p. 341. 13.

в надежде купить рабов по более дешевой цене. Купленных военнопленных архонты отсылали в свои поместья¹.

Византийцы покупали рабов и у иностранцев: вплоть до X в. крупную роль в работорговле играли венецианцы². Кроме того, византийцы покупали рабов у русских, болгар, венгров и арабов.

Положение рабов было крайне тяжелым. Из жития Андрея Юродивого мы узнаем о жестокости некоего константинопольского вельможи, который обрекал своих рабов на голод и жажду, лишал хитонов и обуви, подвергал бичеванию³. Рабы не считались субъектами права: они не могли иметь законную семью (до новеллы Алексея Комнина, изданной в 1095 г.), не могли давать свидетельские показания на суде. Повидимому, в это время еще оставалось в силе постановление Эклоги (XVII, 49), освобождавшее господина от ответственности за убийство раба, если оно было совершено во время „обычного“ наказания раба ремнями или палками.

Число рабов было значительным. Во владении некоторых богачей могли находиться тысячи рабов⁴. Жития IX—X вв. нередко упоминают рабов, что несомненно свидетельствует о распространении рабства.

Жестокая эксплуатация рабов породила протест с их стороны. Возмущение рабов прежде всего выражалось в бегстве, о котором часто говорят источники. Новеллы императора Льва VI подчеркивают массовый характер бегства рабов и в связи с этим запрещают беглому рабу стеновиться монахом⁵. В новелле Константина Багрянородного детально рассматривается вопрос о размерах той суммы, которую господин бежавшего раба обязан был выплатить лицам, содействовавшим ему в возвращении беглого⁶.

Хроники сообщают об открытых возмущениях рабов, которые имели место в конце IX в. В хронике псевдо-Симеона сохранились выдержки из антифотианского памфлета, в котором говорится о возмущении императорских рабов, требовавших увеличения выдачи им хлеба⁷. Несколько позднее произошло восстание сельских рабов некоего Асилеона, близкого родственника императора Василия I. Рабы, вооружившись мечами, убили своего господина, с жестокостью которого они больше не могли мириться. Восстание рабов было безжалостно подавлено, а участники его преданы смертной казни⁸. Известий о восстаниях рабов в X в., насколько нам известно, не сохранилось, однако Пира (XXVIII, 6 и XLII, 17) рассказывает о восстании рабов в начале XI в. Восставшие рабы, руководимые сыном патрикия Ваасания, заняли остров Газуру. После подавления восстания рабы были переданы тем рабовладельцам, владения которых пострадали от нападений восставших.

Таким образом, сельское население Византии было чрезвычайно разнородным: здесь существовали государственные крестьяне нескольких категорий, различные типы феодально-зависимых крестьян, рабы

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 302. 9—32.

² См. об этом G. L. F. Tafel—G. M. Thomas. *Urkunden z. älteren Handels- u. Staatsgeschichte der Republik Venedig*, Bd. I, S. 5 и 20—21, а также И. Иванов. *Български старини из Македония*, София, 1931, стр. 306.

³ Migne. *Patr. gr.*, t. CXI, 725. B.

⁴ Ср. М. В. Левченко. *История Византии*, стр. 151.

⁵ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 82. 4 и др.

⁶ *Ibid.*, III, p. 280. 3—17.

⁷ *Theoph. Cont.*, p. 673. 16.

⁸ *Ibid.*, p. 839. 18.

и, наконец, батраки. Большое разнообразие категорий зависимого населения характерно как раз для периода незавершенности в развитии феодальных отношений.

Структура господствующего класса

Многообразие форм эксплуатации непосредственных производителей в Византии соответствовала и сложность структуры господствующего класса. В последнем можно выделить две основные прослойки. Первую из них составляли столичные чиновники, вельможи, архонты, которые в значительной степени существовали за счет императорских „щедрот“ и в силу этого были заинтересованы в сохранении централизованной ренты, которую уплачивали государственные крестьяне¹.

Сравнительно широкое распространение централизованной ренты в Византии X в. связано с незавершенностью здесь процесса феодализации. Поскольку в обстановке славянских вторжений крестьянская община укрепилась, поскольку в то же время феодальная система хозяйства была еще сравнительно слабо развита, постольку господствующий класс византийского общества мог осуществлять эксплуатацию непосредственных производителей только в форме централизованного насилия. Это централизованное насилие необходимо было именно для того, чтобы преодолеть упорное сопротивление крестьянства попыткам его подчинения в процессе феодализации. И. В. Сталин указывает, что надстройка является „величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис...“² Это гениальное положение И. В. Сталина целиком применимо и к истории Византии рассматриваемого периода, когда византийское государство выполняло задачу активного содействия в оформлении и укреплении нового феодального базиса, подчиняя и закрепощая крестьянство. Сломить сопротивление общины было не под силу отдельному феодалу — эту задачу могло выполнить лишь централизованное государство.

С незавершенностью процесса феодализации тесно связано то обстоятельство, что чиновная знать Константинополя не предстает перед нами как родовитая знать — процесс ее консолидации еще далеко не закончен. Состав этой знати пополнялся за счет верхушки торгово-ремесленных кругов, имевших возможность купить чин, богатых клириков, отличившихся стратиотов и др. В византийской литературе конца X — начала XI вв. содержится немало насмешек над подобными „выскачками“. Например, в одной из эпиграмм Симеона Логофета рассказывается о некоем Дисинии, который в молодости был вынужден зарабатывать себе на хлеб тем, что ставил клистиры больным в странноприимных домах, а затем сделался магистром и стратигом³.

Тяжесть централизованной ренты, взимание которой сопровождалось к тому же всевозможными злоупотреблениями, взяточничеством и вымогательством, порождала среди налогоплательщиков ненависть к сборщикам податей. Эта ненависть отразилась в отдельных местах

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, т. IV, 1948, стр. 68.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 7.

³ В. Г. Васильевский. Два надгробных стихотворения Симеона Логофета. „Византийский временник“, т. III, 1896, стр. 578.

некоторых агиографических памятников, — в житиях Георгия Амастридского, Филарета Милостивого, Георгия Декаполита, Феоклита, Марии Новой; о сборщиках податей с осуждением говорит и поэт конца X в. Иоанн Геометр¹. Из византийских памятников X в. можно видеть, что для крестьянина сборщики податей, эти жалкие людишки, подвергавшие побоям стратиотов и крестьян и извлекавшие для себя из крови бедняков таланты золота², — были наиболее ненавистными представителями господствующего класса. Иначе говоря, поскольку в Византии закрепощение крестьянства приняло централизованные формы, протест против закрепощения приобретал характер протеста против взимания централизованной ренты.

Вторая группировка господствующего класса Византийской империи — это провинциальная феодальная знать. Уже А. Гфрёрер обратил внимание на то, что влиятельная родовитая знать появляется в Византии только в середине IX в. и усиливается в следующем столетии³. Именно в это время повышается значение таких знатных родов, как Дуки, Аргиры, Фоки, Куркуасы, Склиры, Малейны и пр., по большей части происходившие из Каппадокии, Харсианы и других восточных областей. По мере укрепления феодального способа производства и складывания поместного аппарата принуждения, владения некоторых из них превращаются в своеобразные государства, а из числа своих „людей“ они имеют возможность набирать настоящие армии.

Насколько большим влиянием пользовалась уже в середине IX в. каппадокийская знать, показывает сравнение двух житий: Феодоры Солунской и Ирины. Феодора Солунская, дочь человека не бедного, обладавшего рабами, вступив в монастырь, выполняет там сперва самую черную работу: ходит за покупками, приносит дрова и т. п. Иное дело — Ирина, дочь знатного каппадокийского феодала: она прибывает в Константинополь с невиданным торжеством, ее встречает многочисленная родня — члены синклита, патрикии и пр. После того, как ее не удалось выдать замуж за императора Михаила III, она постриглась в монахини и уже к двадцати годам стала игуменьей большого монастыря Хрисоваланта⁴.

В провинциях местная знать постепенно вытесняет представителей центрального аппарата. В этой связи чрезвычайно любопытно выражение, которое употребляет, характеризуя влияние знати в провинциях, император Лев VI в 84-й новелле. Он лицемерно утверждает, что в Константинополе императорские чиновники в состоянии установить справедливость, и противопоставляет этому положение в остальной стране, „которая лишена всякой помощи“⁵, — в ней, следовательно, влияние центрального государственного аппарата идет на убыль. Рост провинциальной феодальной знати, ее консолидация как замкнутой „родовитой“ группировки отразились и в „Тактике Льва“ (конец IX в.), автор которой во многом сохраняет архаичные представления о знатности. Так, он утверждает: „Подобно тому, как животных мы разделяем на благородных и худородных (εὐγενῆ καὶ δυσγενῆ) по их поступкам

¹ Migne. Patr. gr., t. CVI, col. 257. A.

² De velitatione bellica, p. 239. 23.

³ A. Fr. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, Graz, 1873, Bd. II, S. 488. Совершенно ошибочным является утверждение R. Guillaud (La noblesse de race à Byzance, „Byzantinoslavica“, IX, 1948, p. 307 sq), будто в Византии постоянно существовала родовитая знать.

⁴ Ел. Арсений. Житие Феодоры Солунской, Юрьев, 1899, стр. 14; Acta Sanctorum (AASS), Juli VI, 607. F et 610. F.

⁵ C. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 180. 20.

и повадкам, так точно и благородство людей надо определять не по предкам, но по собственным их делам и подвигам" (II, 22). Стратиги, говорится далее в „Тактике“, „прославляются не родовитостью (μή ἀπο τοῦ γένους), но своей собственной добродетелью“ (II, 26). Но в других местах он выдвигает противоположный принцип, рекомендуя (IV, 42), „если возможно“, назначать все-таки военных командиров из числа богатых и знатных. Такая двойственность характерна именно для периода консолидации знати и в соответствии с этим — ломки старых представлений о государстве.

Еще более отчетливое свидетельство торжества новых отношений мы находим в новелле императора Василия II, изданной в 996 г. Император указывает, что появились такие знатные роды, которые уже в течение 70, а то и 100 лет сохраняют выдающееся положение¹. Сам Василий, правда, еще стоит на старых позициях, пытается трактовать это явление как исключительное, но с несомненностью можно утверждать, что его новелла отражает укрепление и консолидацию провинциальной знати.

Провинциальная знать — после того, как византийское централизованное государство в основном выполнило свою задачу подчинения и закрепощения свободных крестьян-общинников — перестала нуждаться в таком дорогостоящем аппарате принуждения. Начинает складываться новый аппарат принуждения — в форме феодальной иерархии, являющейся, по выражению Маркса и Энгельса, „ассоциацией, направленной против поработенного, производящего класса“². Данные о складывании феодальной иерархии в Византии чрезвычайно скудны, однако они все же существуют.

Насколько нам известно, возникновение в Византии элементов личной зависимости вассального типа относится ко времени правления императора Михаила II, который потребовал от синклитиков письменной присяги в том, что они будут верны его жене и детям после его смерти³. Рассказывающий об этом хронист (Продолжатель Феофана), живший в X в., все еще неодобрительно отзываясь об этой попытке установить такого рода отношения — даже между императором и подданными: по мнению хрониста, Михаил II стремился овладеть не только настоящим, но и будущим, тогда как на самом деле будущее зависит не от синклитиков, но от божией десницы. Таким образом, в глазах Продолжателя Феофана, личные отношения нового типа являются противоречащими божественной воле. Точка зрения хрониста в данном случае свидетельствует о недавнем появлении этого вида „зависимости“. Отношения вассалитета в X в. несомненно существовали. Хроники рассказывают о восстании знатного каппадокийского феодала Андроника Дуки (906—907), который поднял мятеж со своими сыновьями, родственниками и „людьми“ (ἄνθρωποι)⁴, — под последним термином необходимо понимать вассалов Андроника. Новелла императора Константина Багрянородного позволяет предположить существование в середине X в. схоляриев, находившихся в зависимости от лиц, более знатных (προσταβίας δυνατωτέρων δ. φεουδούμενοι)⁵, — эту зависимость также надо считать вассалитетом. Когда, наконец, Лев Диакон рассказывает о том, что Иоанн Цимисхий раздавал земли мелким соседним

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal, Jus Graeco-Romanum, III, p. 309. 20.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 14.

³ Theoph. Conth., p. 78. 19.

⁴ Ibid., p. 867. 5.

⁵ С. E. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum, III, p. 255. 10.

землевладельцам¹, то что же может обозначать этот факт, как не субинфеодацию?

В связи с появлением элементов феодальной иерархии развивается и представление о феодальной юрисдикции, сформулированное совершенно отчетливо в житии Феоклита: „Господин является учителем всякой добродетели и наставником тех, кто находится под его властью (οἱ ὑπο τὴν αὐτοῦ χεῖρα τελοῦντες) независимо от того, рабы они или свободные“². К этому следует, наконец, добавить, что в рассматриваемый период создается феодальная армия тяжеловооруженных катафрактов, сменивших ополчение крестьян. Стратиготы с середины X в. постепенно начинают превращаться в замкнутое сословие рыцарей, — этот процесс получил свое завершение в XI в.

Таким образом, существо изменений, происшедших в характере политического господства правящего класса Византии в X в., сводится к следующему. Централизованное византийское государство, опиравшееся на большой бюрократический аппарат и взимавшее централизованную ренту, в основном уже к концу IX в. выполнило свою задачу, сломив открытое сопротивление крестьянской общины и подавив восстания Фомы Славянина и Хрисохира. Однако оно не уничтожило и не могло уничтожить крестьянского сопротивления вообще, оно лишь ввело его в более ограниченные и узкие рамки. Это, разумеется, не сделало менее ненавистным для крестьян ни самое государство, ни взимаемую им централизованную ренту. Но эксплуатация крестьянства в условиях укрепления феодальной собственности на землю могла быть осуществлена непосредственно самими феодалами. В связи с этим появляется группировка господствующего класса Византии, стремящаяся освободиться от дорогостоящего централизованного государства и создать государство-поместье, объединенные между собой системой вассалитета. Эта группировка, к которой принадлежала по преимуществу провинциальная знать, вела, по существу, борьбу за ренту с константинопольским чиновничеством; подобно последнему, она являлась феодальной группировкой, эксплуатировавшей крестьянство. В отдельных случаях представители провинциальной знати старались использовать народное недовольство в своих целях.

Крестьянские движения X в.

X в. — век активного наступления феодалов на крестьянскую общину — не знает таких грандиозных движений, как восстание Фомы Славянина. Крестьянские движения сплошь и рядом ограничиваются пределами отдельной деревни, и во всяком случае, не выходят за рамки отдельной фемы. Движения, имевшие место в отдельных деревнях, разумеется, не отмечаются в хрониках и в большинстве своем остаются для нас неизвестными. Лишь агеографические памятники оставили сведения о двух выступлениях крестьян в X в. Одно из них, описанное в житии Павла Латрского, происходило в районе Милета; о другом, охватившем несколько деревень в районе Спарты, рассказывается в житии Никона Метахоите³.

¹ Leo Diaconi Historia, Bonn, 1828, p. 99. 19.

² N. Vées. „Византийское обозрение“, II, 1916. Приложение № 2, стр. 45. 23—25.

³ См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агеографии, М., 1917, стр. 221.

Более массовый характер носило движение апелатов, известное по эпосу о Дигенисе Акрите.

Один из замечательнейших памятников средневекового эпоса — византийское сказание о Дигенисе Акрите — дошел до нас в поздних переделках, возникших не ранее XIV в. Поэтому в течение долгого времени оставался спорным вопрос о датировке этого эпоса: значительная часть буржуазных ученых (А. Хатцис, Н. Йорга) относила составление этого памятника к XII в. А. Грегуар, который первоначально правильно считал, что эпос о Дигенисе был составлен в середине X в.¹, в последнее время совершенно неосновательно стал относить зарождение эпоса к VIII—IX вв.²

Нам представляется несомненным, что сказание о Дигенисе Акрите возникло в X в.: об этом свидетельствует вся обстановка эпоса, переносищая нас в эпоху византийского наступления на востоке, когда византийские войска, преодолевая сопротивление арабов, вышли к Евфрату. Эпос о Дигенисе Акрите возник в восточных областях империи, в Каппадокии, где стратиги становились почти совершенно самостоятельными, а власть императоров была слаба.

Для историков-марксистов первостепенное значение имеет вопрос о социальной природе эпоса. Этот вопрос совершенно неправильно ставится и разрешается в западноевропейской буржуазной литературе. В изображении буржуазных византистов (Г. Шрайнер, А. Грегуар) Дигенис Акрит оказывается героем, в котором будто бы воплотил свои идеалы византийский народ; он выступает защитником семьи, веры, отечества³, наконец, защитником „бедных стратиотов“⁴.

Иначе решают этот вопрос советские историки. Сравнивая сказание о Дигенисе с „Давидом Сасунским“, А. В. Банк указала на народный характер армянского эпоса в отличие от феодального характера византийского⁵. В рецензии на книгу А. Грегуара мы также старались подчеркнуть, что эпос о Дигенисе возник в аристократической феодальной среде⁶.

В недавнее время это положение было подвергнуто сомнению М. Я. Сюзюмовым, который вновь стал настаивать на народном характере византийского эпоса, не приводя, впрочем, в защиту своего взгляда каких-либо доказательств⁷. С мнением М. Я. Сюзюмова трудно согласиться: в эпосе о Дигенисе подчеркивается знатное происхождение героя (ἐξ εὐγενῶν τῆς ῥίζης); Дигенис живет в роскошном поместье (οἶκος), устроенном на берегу Евфрата и утопающем в садах; его окружает там толпа слуг: поваров, пекарей, виночерпиев и пр. Обращается Дигенис со своими слугами отнюдь не так, как следовало

¹ H. Grégoire. Le tombeau et la date de Digénis Acritas. „Byzantion“, VI, 1931, p. 486 sq.; Autours de Digénis Acritas. „Byzantion“, VII, 1932, p. 288; Byzantská epopeje, „Slavia“, XI, 1932, str. 462.

² H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ἀκρίτης, New York, 1942, p. 35.

³ H. Schreiner. Die Helden der mittelgriechischen Volksdichtung als Wahrer des Volkstums und Retter des Vaterlands. „Известия на Българския археологически институт“, IX, 1935, s. 211.

⁴ H. Grégoire. 'Ο Διγενής Ἀκρίτης, p. 113—114.

⁵ А. В. Банк. Дигенис Акрит византийского эпоса и Давид Сасунский в кн.: „Давид Сасунский“. Юбилейный сборник, посвященный тысячелетию эпоса, Ереван, 1939, стр. 146.

⁶ А. П. Каждан. Рецензия на книгу А. Грегуара. „Изв. АН СССР“, серия истории и философии, т. V, 1948, № 2, стр. 214.

⁷ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, т. IV, 1948, стр. 78, прим. 62.

бы ожидать от героя народного эпоса, — он расправляется с ними, как подлинный феодал: без всякого оттенка осуждения в эпосе рассказывается о жестокой и несправедливой расправе Дигениса со своим поваром, которому „герой“ одним ударом выбивает глаз¹.

В эпосе о Дигенисе мы находим далее рассказ о любовных приключениях византийского рыцаря — рассказ, в котором Дигенис выступает в очень непривлекательном виде. Однажды в пустынной местности, недалеко от арабской границы, Дигенис встретил дочь арабского эмира, обманутую и покинутую своим женихом-византийцем. В первый момент Дигенис, охваченный „благородным“ рыцарским порывом, обещает разыскать обманщика-жениха и заставить его выполнить свое обещание, но затем, во время поисков Дигениса охватывает страсть к этой девушке и он овладевает ею, несмотря на ее сопротивление, — поступок, которого нельзя ожидать от героя народного эпоса, но который отнюдь не оскорблял нравственности византийского феодала.

Наконец, в эпосе содержатся прямые указания на то, как именно создавались песни о подвигах византийских витязей: сам Дигенис, вернувшись домой после своих побед, берет цитру и слагает былинку о своих подвигах²; поют военные песни и агурь, „отроки“ феодалов³. Из этих военных песен и сложился эпос о византийском витязе, эпос, героями которого являются феодалы и в котором народ не играет почти никакой роли.

Впрочем, последнее положение не совсем точно: народ представлен в эпосе апелатами.

Самое слово апелаты (*ὑπέλκται*) означает „воры“, „разбойники“ и может быть поставлено в один ряд с такими терминами, как *latrones*, *scamatae* и другими многочисленными названиями, которыми господствующие классы обозначали представителей трудящихся, поднимавших возмущение против несправедливости существующих порядков и создававших вооруженные отряды⁴. Конкретные данные эпоса рисуют нам апелатов живущими в горах⁵, в укромных потаенных местах, куда вода доставляется специальными подносчиками (*ὑδροφόροι*)⁶. Их место обитания эпос называет разбойничьим притоном (*λῆστανρχεῖον*), и оно кажется автору эпоса „чужим и ужасным“⁷. В эпосе прямо говорится о том, что апелаты выступают против архонтов⁸, т. е. против феодальной знати; рассказывается, как отряд апелатов во главе со старцем Филопапой верхами⁹ спускается с гор и нападает на Дигениса.

Отношение автора эпоса к апелатам резко отрицательное: он изображает их трусами и хвастунами, повествуя, как юноша Дигенис проникает в убежище апелатов, легко расправляется с ними, избивает их кулаками и дубинкой; в другом месте рассказывается, как герой обращает в позорное бегство целый отряд апелатов и побеждает девушку-воительницу Максимо, которую апелаты призвали себе на помощь. Такое отношение к апелатам вполне естественно для феодального

¹ C. Sathas — E. Legrand. *Les exploits de Digénis Acritas*, Paris, 1875, стк. 1460—1462.

² *Ibid.*, стк. 2105—2107. Ср. стк. 1986—1987.

³ Там же, стк. 679.

⁴ Const. Porphyr. (*De cerim.*, 696.4) употребляет гермин „апелаты“ в значении „легководруженные воины“ (Ср. комментарий И. Рейске, стр. 820—821).

⁵ C. Sathas — E. Legrand. *Op. cit.*, стк. 2004.

⁶ *Ibid.*, стк. 1053 и сл.

⁷ *Ibid.*, стк. 1060

⁸ *Ibid.*, стк. 1078

⁹ *Ibid.*, стк. 2020

эпоса, герой которого, знатный византийский рыцарь, является непримиримым противником „разбойников“. Совершенно иначе рассказывают о взаимоотношениях Дигениса с „разбойниками“ народные греческие песни более позднего времени: в народных песнях Хилиопаппа (т. е. Филопаппа эпоса) выступает сватом Дигениса, а после неудачного сватовства дает Дигенису совет, как увести полюбившуюся герою девушку.

Эпос о Дигенисе Акрите, сложившийся в X в., свидетельствует, таким образом, о существовании в горных областях на востоке империи, в феме Каппадокия, отрядов апелатов, скрывавшихся в укромных местах и нападавших на архонтов.

Источники отмечают ряд народных движений в правление императора Романа Лекапина.

В 920—921 гг. волнения прокатились по Южной Италии, население которой страдало от притеснений со стороны греческих динатов, получивших здесь, по данным жития св. Нила, прозвище грабителей¹. Положение крестьянства ухудшилось еще и в результате того, что стратиг Калабрии Иоанн Музалон увеличил подати для уплаты дани арабам². Повидимому, это обстоятельство и послужило толчком, вызвавшим восстание.

В источниках об этом восстании сохранились лишь скудные и противоречивые сведения. Житие Илии Спилеота повествует о том, что „Визалон“ (т. е. Музалон) замышляя поднять в Южной Италии восстание против императора, рассчитывая привлечь на свою сторону италийское население (ἔθνος)³; однако он был убит собственными сторонниками⁴.

Совершенно по-иному рассказывает об этом событии хроника Скилиды. По свидетельству этой хроники, в самом начале правления Романа Лекапина стратиг Калабрии патрикий Иоанн Музалон был убит местными жителями (τῶν ἐγγυφίων), которые не смогли больше переносить жестокость его правления⁵.

Возмущение против Музалона произошло, повидимому, в 920 г.⁶ Оно было исползовано итальянской знатью: Луп Протоспафарий рассказывает, что в апреле 921 г. в битве при Асколи погиб византийский стратиг Урсилеон, а вся Апулия была захвачена Ландульфом Капуанским⁷. Вскоре, однако, между Ландульфом и византийцами был заключен мир, и Ландульф убедил вождей восстания вернуться в византийские владения⁸. Впоследствии местная знать ходатайствовала перед патриархом Николаем Мистиком о назначении Ландульфа стратигом⁹.

¹ См. об этом М. Брун. Византийцы в Южной Италии в IX и X вв., Одесса, 1883, стр. 12—43.

² J. Gay. L'Italie Meridionale et l'empire byzantin, Paris, 1904, p. 202 sq.

³ Обычно этот термин переводится как „язычники“, т. е. арабы — J. Gay. Op. cit., p. 203. Однако нам думается, что наш перевод является более верным. В сочинении Константина Багрянородного „О фемах“, как и в иных памятниках, термином ἔθνη обозначаются не язычники-арабы, но племена Малой Азии, Балкан и Италии.

⁴ AASS, Sept. III, 870. D.

⁵ Cedrenus, II, p. 355.5.

⁶ А. А. Васильев. Византия и арабы, ч. 2, СПб., 1902, стр. 217.

⁷ Lupi Protospatarii Chronicon, a. 921. Ср. Chronica S. Benedicti (MGH SS, v. III), a. 921; М. Брун (Византийцы в Южной Италии в IX и X вв., стр. 43) произвольно отождествляет Урсилеона с Музалоном.

⁸ Cedr., II. 355—356.

⁹ Migne. Patr. gr., t. CXI, col. 285 sq.

Таким образом, несмотря на неясность отдельных деталей, мы можем констатировать, что восстание 920—921 гг. было направлено против византийского владычества. Местная знать стремилась в собственных интересах использовать недовольство народа тяжестью податного гнета, и на первых порах, повидимому, Иоанну Музалону удалось привлечь на свою сторону широкие массы. Однако вскоре крестьянство убедилось, что переворот Музалона не принес облегчения, — это вызвало возмущение, направленное на этот раз против самого Музалона. Убийство Музалона испугало феодалов Калабрии и Апулии, которые стали искать помощи у беневентских правителей, а затем поспешили заключить мир с Византией.

После заключения мира волнения в Калабрии не прекратились. Хроники ничего не рассказывают об этих волнениях, но свидетельство о них сохранилось в „Книге церемоний“. Там рассказывается, что император Роман I Лекапин посылал подарки королю Италии Гуго (926—947) и его графам, среди которых особенно выделен маркиз, владевший землями, соседними с фемой Лангобардия. Отвозивший эти подарки посол, протоспафарий Епифаний должен был просить у Гуго помощи против восставших (*τοὺς ἀποστάτους*), которые овладели замками стратига Лангобардия¹.

Характер этого восстания, происходившего между 926 и 944 гг., и его результаты не известны.

В 922 г. или несколько позднее вспыхнуло восстание в одной из восточных областей империи — в Халдии. Это восстание было возглавлено „халдом“ Адрианом и армянином Татцаком (или Цанцом), за которыми стоял Варда Воила, представитель известного малоазийского рода Воил, являвшийся тогда стратигом Халдии. О Татцаке хроники сообщают, что он был весьма богат.

На первый взгляд это движение может показаться чисто феодальным бунтом, однако хроники прямо указывают, что в нем принимали участие убогие и незнатные (*πεινυροὶ καὶ ἄστυοι*). Восставшие захватили крепость Пайпер (Пайперте), после чего против них были двинуты войска, во главе с лучшим византийским полководцем того времени — Иоанном Куркуасом, которому удалось нанести поражение участникам восстания. Однако после победы Куркуас ограничился лишь тем, что лишил глаз и имущества вождей восстания, а основную массу участников, если можно верить хронистам, отпустил на свободу².

Около 932 г. одно за другим произошли два восстания крестьян фемы Опсикий, возглавленные стратигом Василием из Македонии, принявшим имя Константина Дуки³. Ближайшим толчком к восстанию послужило ухудшение положения крестьянства в результате неурожая и голодных лет, наступивших после наредкость морозной зимы 927—928 гг. Ухудшение положения крестьянства облегчало проникновение феодалов в деревню и захват ими крестьянской земли: поэтому ближайшим последствием голода явился, как это отмечает новелла Романа Лекапина от 934 г., массовый сгон крестьян с земли, скупка крестьянских земель по баснословно дешевым ценам и т. д.

Первая вспышка восстания была подавлена сравнительно легко. Василий был схвачен, отправлен в Константинополь и приговорен

¹ Const. Porphir. De cerim., p. 661—662.

² Theoph. Cont., p. 404, p. 896; S. Runciman (Emperor Lecapenus and his reign), p. 70 f. относит это восстание к 923 г.

³ Подробности см. А. К а ж д а н. Восстание Василия Медной руки, „Византийский Временник“, т. IV, стр. 80 и сл.

городским епархом к отсечению руки, что и было исполнено. Вернувшись после этого в Опсикий, Василий вновь собрал вокруг себя толпу „нищих“ (τῶν ἀγυρτεύοντων πολλούς) и поднял новое восстание, которое наш источник — Симеон Логофет называет „великим восстанием против государства ромеев“.

Восставшие захватили крепость Платея Петра, в которой, по словам хрониста, хранились различные съестные припасы, — иначе говоря, эта крепость была хранилищем продуктов, собранных в качестве натуральных податей с крестьянства. Укрепившись в крепости, восставшие стали совершать рейды по окрестностям, нападая, повидимому, на чиновников и феодалов.

По приказу Романа Лекапина против восставших были двинуты войска, которым удалось захватить в плен Василия и некоторых из его сторонников. Василий был сожжен на Амастрианской площади в Константинополе. Жестокая расправа с вождем восставших, совершенная к тому же в самой столице империи, свидетельствует, что „великое восстание“ серьезно испугало правительство Романа Лекапина.

В 934 г. вспыхнуло восстание славян в Пелопоннесе. История этого восстания была предметом изучения ряда исследователей. Сравнительно недавно о нем писал М. А. Шангин¹.

Восстание славянских племен милингов и езеритов было вызвано стремлением византийских властей обложить их высокими податями и заставить принять архонта, назначаемого стратигом Пелопоннеса. Относительно хода этого восстания известно, что сначала стратигу Криниту удалось подчинить славян и наложить на них подать бóльшую, нежели они платили раньше; однако в конце 934 г. славяне добились уменьшения подати до тех размеров, в которых она взималась до Кринита.

После смерти Романа Лекапина источники отмечают лишь одно движение, о котором мы можем говорить с большей или меньшей уверенностью как о народном, крестьянском; это — восстание 970 г. в Каппадокии². Остальные же возмущения — во всяком случае, в изображении источников — предстают перед нами только как феодальные бунты.

Вопрос о восстании 970 г. чрезвычайно сложен. Общепринято представление о том, что и это движение также являлось лишь феодальным мятежом, возглавленным опальным вельможей Вардой Фокой. Однако, при этом упускается из виду, что в среде сторонников Варды Фоки имелась особая группировка, руководимая крестьянином Симеоном Виноградарем.

История восстания Симеона Виноградаря освещается в двух дошедших до нас источниках: в проникнутой аристократическим духом хронике Скилицы, опирающейся на известия современников, и в „Истории“ Льва Диакона, писавшего в конце X в.³

Анализируя эти известия, мы можем видеть, что Лев Диакон и Скилица передают две различные версии событий. Только в одном

¹ М. А. Шангин. Письма Арефы — новый источник о политических событиях в Византии 931—934 гг. „Византийский временник“, т. I, 1947, стр. 247.

² В процессе работы над историей этого восстания я получил важные советы от М. В. Левченко и П. О. Карышковского (в частности в вопросе о датировке восстания); пользуюсь случаем, чтобы выразить им глубокую благодарность.

³ Характеристика этих историков дана в работе М. Я. Сюзюмова. „Об источниках Льва Диакона и Скилицы“ („Византийское обозрение“, II, 1916). Отдельные положения М. Я. Сюзюмова нуждаются в настоящее время в пересмотре.

случае мы находим буквальное совпадение: оба автора рассказывают, что оставленный всеми Варда Фока взмолился словами псалма: Δίχσον, κύριε, τοὺς ἀδικούντας με¹. В остальном же названные источники значительно отличаются друг от друга. Так, рассказ Льва Диакона содержит чрезвычайно подробные письма императора и Варды Склира к Варде Фоке, отсутствующие в хронике Скилицы. Лев Диакон называет имя епископа Абидоса Стефана², тогда как Скилице это имя неизвестно³. С другой стороны, хроника Скилицы в конце рассказа о восстании вводит второстепенный эпизод с Константином Харонитом, которого нет у Льва Диакона. Лев Диакон объясняет фамильное имя братьев Феодора и Никифора Парсакутинов их происхождением из Парсакуты⁴, Скилица производит его от имени их отца Парсакутина⁵; имеются расхождения и в описании хода восстания, в наименовании крепости, в которую бежали последние отряды восставших, и т. д.

Особенно существенно расхождение обеих версий в рассказе о судьбах Льва Куропалата. Лев Диакон рассказывает о его аресте, и о том, что он был лишен глаз⁶, Скилица сообщает, что Цимисхий отдал тайный приказ сохранить зрение Льву Куропалату⁷.

Чрезвычайно важным является также противоречие в показаниях источников по вопросу о происхождении Симеона Виноградаря, но к этому вопросу мы вернемся позднее.

Все эти противоречия и расхождения свидетельствуют о том, что изложение истории восстания 970 г. у Скилицы и Льва Диакона восходит к двум различным версиям.

Толчком к началу народного восстания 970 г. послужило возмущение Варды Фоки. Это был представитель знатнейшего малоазийского феодального рода Фок, который приобрел чрезвычайно большое значение в середине X в. Отцом Варды Фоки был Лев Куропалат, брат императора Никифора Фоки. Варда Фока носил звание патрикия и был назначен дукой фемы Халдия.

После переворота Иоанна Цимисхия Фоки были лишены имений и власти. Льва Куропалата новый император приказал выслать вместе с его сыном Никифором на остров Лесбос, а Варде Фоке был отведен для жительства малоазийский город Амасия. Не желая примириться с этим, Варда Фока в 970 г. вместе с двумя своими родственниками — Феодором и Никифором Парсакутинами⁸ — бежал из Амасии и тайно направился в Кесарию Каппадокийскую, рассчитывая возглавить феодальный бунт против Иоанна Цимисхия.

О дальнейших событиях источники рассказывают весьма глухо. Скилица говорит, что в Каппадокии Варда собрал немалое войско (ἐταρχικόν οὐκ ὀλίγον), экзархами которого стали Парсакутины и Симеон Виноградарь⁹.

В этом известии многое нуждается в объяснении. Прежде всего следует выяснить, кто такой Симеон Виноградарь, тем более, что источники рассказывают о нем по-разному. Скилица лаконично

¹ Leo Diac., p. 121. 3, Cedr., II, 390.15.

² Leo Diac., p. 114.2.

³ Cedr., II, 389.5.

⁴ Leo Diac., p. 112.7.

⁵ Cedr., II, 388.23.

⁶ Leo Diac., p. 114.15.

⁷ Cedr., II, 389.15.

⁸ Leo Diac., p. 112.5—8.

⁹ Cedr., II, 388.22—24.

замечает, что Симеон был патрикием¹; совершенно иначе и гораздо подробнее рассказывает он ем Лев Диакон. „Симеон, — читаем мы в его „Истории“, — который был крестьянином (γεωργός), занимавшимся виноградарством, получил по своей профессии прозвище Виноградарь (Ἀμπελᾶς); это был человек низкого и незнатного происхождения, который, однако, не уступал в мужестве и силе никому из наиболее славных мужей“².

Противоречие между Львом Диаконом и Скилицей, думается нам, должно быть разрешено следующим образом: Скилица в силу своей аристократической тенденции стремится затушевать роль народных масс в событиях своего времени; фальсифицируя историческую действительность, он старается уничтожить все, что говорит об участии народа в восстании 970 г. и с этой целью превращает крестьянина Симеона в патрикия.

При этом обращает на себя внимание еще одно обстоятельство: Симеон — единственный из руководителей восстания, которому Лев Диакон дает более или менее подробную характеристику. Это объясняется скорее всего тем, что Симеон играл в восстании 970 г. особую роль.

Из известий Льва Диакона следует, что Симеон не был в числе спутников Варды, бежавших с ним из Амасии, что он соединился с Вардой Фокой и Парсакутинами только в Каппадокии. Иначе говоря, Симеон в момент прибытия Варды в Кесарию уже находился в Каппадокии и, скорее всего, был каппадокийцем, местным жителем.

Далее возникает вопрос, почему Варда Фока направился именно в Каппадокию. Нам думается, что это может быть объяснено только тем, что здесь, в Каппадокии, антиправительственное движение уже развернулось к тому моменту, когда Варда Фока прибыл в Кесарию. Эта гипотеза подтверждается следующими соображениями: во-первых, назначение крестьянина-виноградаря Симеона экзархом в войске Варды Фоки могло состояться только в том случае, если за ним стояла сила, т. е. если он возглавлял какое-то антиправительственное народное движение; во-вторых, если бы Варда Фока по прибытии в Кесарию не примкнул к уже развернувшемуся движению, но попытался поднять его „на чистом месте“, он и Парсакутины были бы неминуемо схвачены императорскими чиновниками, ибо их бегство из Амасии, разумеется, не могло не привлечь к себе пристального внимания. Действительно, одновременная попытка Льва Куропалата организовать заговор и поднять Македонию против Иоанна Цимисхия была пресечена в самом начале³.

Итак, в 970 г., когда Варга Фока бежал из Амасии и тайно прибыл в Кесарию, Каппадокия была уже охвачена движением, во главе которого стоял крестьянин-виноградарь Симеон.

Объединившись с Симеоном, Варда Фока стал собирать войско. К восставшим присоединилось, как мы уже знаем из сообщения Скилицы, немалое количество народа; то же подтверждает и Лев Диакон⁴. Тот факт, что в армии Варды Фоки и Симеона значительную роль играли народные массы, принимавшие активное участие в восстании, подтверждается следующим свидетельством Льва Диакона: когда противники восставших стали засылать в лагерь Варды лазутчиков, по-

¹ Cedr., II, 388.24.

² Leo Diac., p. 113.11—14.

³ Ibid., p. 114; Cedr., II, 389.

⁴ Ibid., p. 114.22.

следние облачались в нищенское платье (*εις ἐπιπούντων στήμα*)¹. Этот факт может быть объяснен только преобладанием в лагере восставших бедноты, которая стягивалась под знамена Симеона.

Далее, важные указания на этот счет содержатся в письме Иоанна Цимисхия к Варде Фоке, которое приводит Лев Диакон. Это письмо, если даже оно и сочинено Львом Диаконем, несомненно отражает представление современников о восстании и может быть привлечено для его характеристики. В этом письме Лев Диакон резко, хотя и риторично, подчеркивает участие в восстании двух социальных сил. „Восстание, — обращается император к Варде, — мы считаем не столько делом, задуманным тобою, сколько результатом безумия и варварства твоих соратников“². Такое противопоставление могло иметь место только в случае резкой неоднородности состава восставших; именно это обстоятельство давало возможность Льву Диакону противопоставлять интересы Варды и его соратников.

Сказанное подтверждается наконец и самым ходом восстания, тем, что восставшие обратились в первую очередь против поместий (*οἰκίαι*) малоазийских феодалов, подвергая их разграблению и сожжению³.

Таким образом, восстание 970 г. было, как и многие средневековые движения этого периода, сложным по своему характеру явлением: наряду с феодалами, родственниками и приверженцами Варды Фоки, в нем участвовали и крестьяне, руководимые своим вождем Симеоном Виноградарем. Созданное из двух различных элементов, войско Варды Фоки и Симеона оставалось разнородным, и участники восстания преследовали различные цели. Феодалская верхушка стремилась к захвату власти: вскоре после начала восстания Варда был провозглашен своими сторонниками императором⁴ и стал щедро раздавать феодалам из своего окружения пышные титулы и обещания наград⁵. Народные же массы выступали против феодалов и громили их поместья.

Для подавления восстания было двинуто войско во главе с лучшим полководцем императора Вардой Склиром, который в течение долгого времени не решался перейти к открытым военным действиям, но старался посулами переманить на свою сторону вождей восстания. После того как ему удалось это сделать (на сторону императора перешел даже Симеон Виноградарь), он без большого труда сломил сопротивление остальных.

Разумеется, собранные нами факты немногочисленны: известия о большинстве крестьянских выступлений бесследно пропали, ибо они не были отмечены в византийских хрониках, повествующих о дворцовых переворотах и заговорах, но, как правило, умалчивающих о народных движениях. Нам остается почти совершенно неизвестной та упорная повседневная борьба крестьянства, которую оно вело против наступления феодалов. Отметим все же одну грамоту императора Льва VI, в которой говорится о расследовании протеста соседей монастыря Иоанна Колову против превращения их в монастырских париков: именно этого упорно добивались монахи путем подделки документов⁶.

Известия о выступлениях такого рода в гораздо большем количестве содержатся в памятниках XI—XII вв., которые говорят о поджогах

¹ Leo Diac., p. 120.3.

² Ibid., p. 115. 2—4.

³ Ibid., p. 114.24—25.

⁴ Ibid., p. 113. 19.

⁵ Ibid., p. 113. 20—22.

⁶ Порфирий. История Афона, т. III, ч. 1, стр. 295—297.

монастырских строений, борьбе париков с притязаниями феодалов на общинные земли и т. д.

Тем не менее, несмотря на скудость данных, мы можем сделать некоторые выводы. Прежде всего ясно видно, что крестьянские движения были наиболее интенсивными в правление Романа Лекапина. Быть может, было бы справедливо выделить два периода в царствовании этого императора, на которые приходится вспышки крестьянских движений. Первый период — это начало 20-х годов X в., второй — начало 30-х годов.

Далее, крестьянские движения в основном вспыхивают на окраинах Византийской империи (Южная Италия, славянизированный Пелопоннес, населенная армянами фема Халдия, фема Каппадокия с чрезвычайно смешанным населением — здесь жили армяне, арабы, исавры и пр.). Движения эти часто носят сепаратистский характер. Они несомненно связаны с протестом против гнета империи отдельных входивших в ее состав племен и народов, имевших свою экономическую базу и свои издавна сложившиеся языки.

Затем факты показывают, что восстания в значительной степени были направлены против податного гнета. В соответствии с этим крестьяне в некоторых случаях вступали во временный и непрочный союз с той частью феодалов, которая боролась против централизованного государства. В условиях незавершенности развития феодальных отношений крестьяне в силу неразвитости, ограниченности своего политического мышления не могли понять, что феодал-единоплеменник, апеллирующий вдобавок к племенным традициям, является не менее, если не более опасным врагом, чем приезжающий из Константинополя сборщик податей. Ограниченность политического кругозора крестьянства давала возможность провинциальной знати использовать силу крестьянского сопротивления в собственных корыстных интересах, — в борьбе против столичного чиновничества, державшегося по старому за централизованную ренту, за старые формы управления.

Наконец, в ряде крестьянских движений (движение апелатов, восстание деревень близ Милета или близ Спарты) мы видим и иные черты: крестьяне нападают на феодалов, сжигают феодальные поместья. Здесь крестьяне уже не вступают в „союз“ с провинциальной знатью, — но, к сожалению, именно о таких движениях хроники хранят упорное молчание.

Вопрос об идеологии крестьянских движений в Византии X в. почти совершенно не освещен в известных нам источниках. Можно предполагать, что в среде византийского крестьянства после разгрома Тефрики продолжали сохраняться традиции павликианского учения, тем более, что сходные с павликианством „еретические“ движения широко распространяются как раз в это время в областях, соседних с Византийской империей. Наиболее известными среди них были ересь богомилов в Болгарии и ересь тондракидов в Армении. Социальное учение их являлось выражением протеста против господствующего класса, против податей и барщин, против чиновничества и церкви.

Аграрная политика императоров Македонской династии

Одной из серьезных ошибок буржуазных византинистов, допущенных при характеристике аграрной политики императоров X в., было молчаливое признание факта существования единой политики императоров Македонской династии, направленной в защиту крестьянской

общины или же „общего блага“ (некоторые попытки разграничить политику отдельных императоров X в. сделаны только в цитированной выше работе Э. Баха). Эта ошибка связана с тем, что в буржуазной византистике до сих пор не был и не мог быть сделан анализ классовых корней византийского государства на определенных этапах его развития и не было выяснено, интересы каких социальных групп получали выражение в политике того или иного императора. Буржуазная византистика в силу своей идеалистической методологии склонна объяснять политическую деятельность того или иного императора его личными качествами, его „силой“ или „нерешительностью“, исходя из того примитивного и ложного допущения, что „сильный“ император успешно отстаивает интересы „общего блага“ и „цивилизации“, тогда как император „нерешительный“ оказывается не в состоянии сопротивляться действиям „дурных сил“¹.

Отвергая теорию защиты „общего блага“, рассматривая императоров не как произвольных творцов исторического процесса, но как руководителей аппарата принуждения, призванного „держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“², мы естественно должны в первую очередь выяснить, интересы каких социальных сил они отражали. С самого начала можно видеть, что эта проблема является достаточно сложной применительно к Византии X в., ибо здесь в этот период боролись, по крайней мере, две группы против господствующего класса. Поэтому для того, чтобы понять византийское аграрное законодательство X в., нельзя рассматривать его как единообразное, но необходимо выяснить особенности аграрной политики императоров X в. на каждом ее этапе.

В настоящей статье мы остановимся на аграрной политике трех императоров Македонской династии — Романа Лекапина (919—944), Никифора Фоки (963—969) и Иоанна Цимисхия (969—976); их аграрная политика может быть выяснена с наибольшей четкостью.

Роман Лекапин своими новеллами 922 и 934 гг. положил начало аграрному законодательству Македонской династии. Содержание этих новелл общеизвестно: в них устанавливалось право предпочтения (*πρῶτης*) для крестьян („убогих“) при покупке земель. Этим правом должны были пользоваться в первую очередь члены больших семей (*ἀπὸ συγγενείας*), независимо от того, владеют они общим или разделенным имуществом; далее, лица, обладавшие общим имуществом в результате совместной покупки, и, наконец, соседи, разделявшиеся в свою очередь на несколько категорий³; некоторые права могли иметь и жители соседних деревень⁴.

Прежде чем переходить к анализу причин и характера законодательства Романа I, необходимо обратить внимание на то, что право предпочтения не было и не могло быть создано Романом Лекапином — оно существовало как одна из норм „обычного права“ и было порождением самой спедифики большой семьи и сельской общины, каждая из которых представляла собою некоторое экономическое и административное единство. О наличии определенных прав, вытекающих из факта близости, соседства, свидетельствуют еще некоторые памятники

¹ См. особенно S. Runciman. *Emperor Romanus Lecapenus and his reign*. p. 10.

² И. Сталин. *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 604.

³ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 238.. 11—17 и 21—24.

⁴ *Ibid.*, III, p. 246. 6.

IX в., как CXIV новелла Льва VI¹ или житие Григория Декаполита². Таким образом, значение законодательства Романа состоит в том, что он придал обычаю силу закона, тем более, что обычай этот, как правило, не соблюдался феодалами, захватывавшими крестьянские земли.

Новеллы Романа, укреплявшие общину, несомненно ограничивали несколько возможности феодалов в присвоении крестьянских земель. Однако трудно сказать, в какой мере это ограничение возможностей феодалов стало реальным. Во всяком случае, акты монастыря св. Андрея, исследованные Г. Острогорским³, показывают, что динаты еще в X в. „научились“ не только обходить право близости (соседства), но и использовать его в своих интересах, выступая в качестве „соседей“. Повторное издание новелл при Романе само является известным свидетельством того, что ему не удалось приостановить натиска феодалов на общину.

Чтобы понять причины, породившие аграрное законодательство Романа Лекапина, необходимо учесть два обстоятельства.

Во-первых, появление новелл Романа несомненно было связано с новым подъемом народного движения в его царствование. Новелла 922 г. была издана непосредственно после восстания в Апулии и Калабрии (а также, повидимому, и восстания в Халдии); новелла 934 г. последовала за кризисом начала 30-х годов. Она отнюдь не была проявлением заботы Романа о крестьянах, попавших в бедственное положение в результате неурожая 928 г., как утверждают в один голос буржуазные ученые, — она была вызвана восстанием Василия из Македонии в 932 г. и пелопоннесских славян в 934 г. Повидимому, эти новеллы были задуманы как некоторые уступки недовольному крестьянству, иначе говоря, они были вырваны у правительства крестьянским движением.

Во-вторых, аграрная политика Романа Лекапина вовсе не означала на деле реального улучшения положения крестьянства. Демагогически изображая себя в новеллах защитником униженных и бедных, Роман в то же время увеличивал бремя податей и жестоко выколачивал налоги из тех самых „убогих“, спасителем которых изображает его буржуазная историческая традиция. Об этом свидетельствует чрезвычайно выразительная характеристика Романа, содержащаяся в хронике Продолжателя Феофана. Хронист рассказывает, что Константин VII, преемник Романа на императорском престоле, „слышал о несправедливостях и поборах, которым подвергались при его тесте Романе (Лекапине) несчастные и почтенные „убогие“ со стороны стратигов и протонотариев, воинов и всадников, и он послал благочестивых и почтенных мужей, чтобы облегчить бремя податей, взимаемых с несчастных бедняков“⁴. Из известия Продолжателя Феофана видно, что Роман Лекапин, с одной стороны, запрещал феодалам расхищать крестьянские земли и превращать тем самым плательщиков государственных податей в частновладельческих, личнозависимых крестьян, с другой — еще туже завинчивал податной пресс.

Из всего этого можно сделать следующий вывод: Роман Лекапин оказался вынужденным под давлением крестьянских движений несколько

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 220. 29.

² F. Dvornik. *La vie de S. Grégoire le Décapolite et les Slaves macédoniens au IX-e siècle*, Paris, 1926, p. 63. 22—24.

³ G. Ostrogorsky. *The peasant's pre-emption right*. „*Journal of Roman Studies*“, XXXVII, 1947.

* *Theoph. Cont.* p. 443.

облегчить положение крестьянства. С этой целью он признал законом существовавший уже обычай предпочтения. Имела ли эта уступка реальное значение для крестьянства, — этот вопрос остается, по меньшей мере, спорным: во всяком случае, ясно, что новеллы Романа Лекапина не могли помешать развитию крупной феодальной собственности. Далее, если Роман и шел на уступки крестьянству и жертвовал интересами провинциальной знати, он не только сохранял централизованную ренту-налог, но и увеличивал податной гнет. Этому полностью соответствует его политика по отношению к монастырям, выдачи которым систематически возрастали.

Таким образом, оказывается, что политика Романа Лекапина была направлена отнюдь не в защиту „младшей братии“ или „общего блага“ — он защищал в первую очередь интересы той части господствующего класса, которая была заинтересована в централизованной ренте-налоге. Разумеется, ради ее выгод ему иной раз приходилось жертвовать интересами провинциальной феодальной знати, — но борьба между этими группировками не была порождена принципиальными противоречиями: это была борьба за долю в феодальной ренте, за право грабить крестьянина.

Политика императора Никифора Фоки также ни в коей мере не может быть оценена как политика, направленная якобы на защиту интересов крестьянства: в новелле 967 г. он ограничил право предпочтения византийских крестьян, а с другой стороны — установил сорокалетнюю давность, которая делала законным присвоение династами крестьянских земель (при условии *bona fides*)¹. В то же время Никифор увеличил и податное бремя: хронисты говорят об установлении Никифором новых податей и об увеличении старых, о тяжелых денежных и натуральных поборах².

Переход к энергичному наступлению на крестьянство в правление Никифора Фоки и увеличение нормы эксплуатации стало возможным, главным образом, благодаря дальнейшему развитию и укреплению феодального способа производства. К середине X в. в Византии складывается довольно многочисленная прослойка мелких феодалов, обладавших значительными земельными наделами и служивших в войске в качестве тяжело вооруженных всадников-катафрактов. Оформление их как особой социальной группировки было завершено при Никифоре, который в одной из своих новелл установил новый, гораздо более высокий минимум стратиотского надела (увеличив прежний втрое)³: тем самым стратиоты были как бы отделены, резко противопоставлены крестьянству, к которому они принадлежали прежде; они образовали своего рода византийское рыцарство⁴. Это тяжело вооруженное, феодальное по своему существу войско Никифора и обеспечило его победы в войнах с арабами. В то же время это войско могло быть использовано для борьбы с крестьянством и, во всяком случае, для его утраты.

Итак, социальной опорой Никифора Фоки являлись мелкие рыцари-стратиоты. В то же время против него выступали другие группировки господствующего класса: крупные феодалы типа Иоанна Цимисхия⁵,

¹ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 298.

² *Zon.*, IV, 81. 15.

³ С. Е. Zachariae von Lingenthal. *Op. cit.*, III, p. 299—300.

⁴ Ср. P. Charanis. *On the Social Structure of the Later Roman Empire*. „Byzantion“, XVII, 1945, p. 52, n. 52.

⁵ Следует отметить, что Никифор пришел к власти в союзе с Иоанном Цимисхием, и разрыв между ними наступил позднее.

богатая церковь во главе с патриархом Полиевктом и значительная часть синклитиков, т. е. константинопольского чиновничества. Борьбу, которую вел Никифор против этих группировок и, в частности, ограничение им церковного землевладения¹, не следует рассматривать ни как защиту неимущих, ни как защиту общего блага, — это была политика, продиктованная интересами определенной группировки внутри правящего класса.

Иоанн Цимисхий был ставленником крупных феодалов и сам принадлежал к одному из наиболее знатных родов — к Куркуасам. Его политика благоприятствовала укреплению позиций феодальной знати. Он щедро раздавал податные льготы², делал большие уступки церкви и, в частности, допустил участие патриарха в назначении епископов³. Применяя войско катафрактов, он в то же время стремился к распространению системы вассалитета; это должно было содействовать объединению интересов мелких и крупных феодалов и созданию объединенного дворянства. Иоанн Цимисхий не препятствовал росту крупного землевладения — при нем на восточных границах империи стали складываться почти самостоятельные княжества, подобные владениям Василия Нофа. Ища поддержки константинопольской знати, он увеличил рог, выдаваемую синклитикам⁴ и т. д. Расцвет феодальной знати и политический кризис Византийской империи в малолетство Василия II был, по существу, подготовлен политикой Иоанна Цимисхия.

Таким образом, ни один из трех византийских императоров X в., аграрная политика которых была нами рассмотрена, не являлся выразителем интересов „младшей братии“ — все они были представителями различных группировок класса феодалов. Социальными интересами представляемых ими групп, а не заботой о крестьянстве определялась их политика. Однако сопротивление со стороны крестьянства заставляло феодалов ограничивать свои аппетиты: при этом, как показывает пример Романа Лекапина, каждая феодальная группировка старалась сделать крестьянство незначительные уступки за счет другой группировки. Этим объясняется то обстоятельство, что некоторые византийские императоры X в., заинтересованные в централизованной ренте, готовы были ограничить натиск феодалов на крестьянскую общину. С другой стороны, крестьянское сопротивление обуславливало изменение форм политического господства правящего феодального класса и, в частности, складывание отношений вассалитета.

Подводя итоги, мы могли бы сказать, что развитие в Византии феодального способа производства и наступление феодалов на общину порождает сопротивление крестьянства, последнее же в свою очередь оказывает чрезвычайно существенное влияние и на политику византийского государства.

Настоящая краткая статья не может, разумеется, разрешить всех проблем, связанных с классовой борьбой в византийской деревне X в. Задачи ее гораздо более скромны: она должна показать, что в настоящее время невозможно рассматривать аграрную политику императора Македонской династии по-старому, что для понимания этой политики необходимо учитывать как классовую борьбу византийских крестьян, так и борьбу внутри самого класса феодалов.

¹ С. E. Zachariae von Lingenthal. *Jus Graeco-Romanum*, III, p. 292 sq.

² Leo Diac., p. 100. 7.

³ См. об этом А. Gfrörer. *Byzantinische Geschichten*, II, p. 525—527.

⁴ Leo Diac., p. 100. 8.

А. С. СТЕПАНОВ

ТРУД ДУКИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ
БЕРКЛИДЖИ МУСТАФЫ НАЧАЛА XV в.

Важнейшим источником для изучения истории восстания Берклиджи Мустафы, происходившего в начале XV в. в западной части Малой Азии, является сочинение византийского историка XV в. Дуки — „Византийская история“.

В 21-й главе этого сочинения содержится довольно подробный рассказ о восстании¹. Придававший, повидимому, важное значение восстанию Берклиджи Мустафы для судеб Византийской империи, Дука, собирая материал для своего сочинения, предпринял специальное путешествие на остров Хиос (первоначальный очаг восстания — гора Стиларий в области Смирны — был расположен как раз напротив острова) для опроса участников восстания. Дука рассказывает, что во время этой поездки он побывал в монастыре Турлоти, в котором проживал некий монах, участник восстания, друг и единомышленник дервиша Берклиджи².

„Византийская история“ Дуки, несмотря на тенденциозность автора, позволяет восстановить в общих чертах события этого весьма значительного по своему размаху крестьянско-сектантского восстания, которое охватило всю Ионию и Лидию, продолжалось более двух лет и для подавления которого потребовалась мобилизация почти всех воинских сил турецкой империи Мехмета I (1413—1421).

Когда же происходило восстание Берклиджи Мустафы?

К сожалению, Дука не указывает хронологии восстания; однако мы можем установить ее довольно точно косвенным путем, сопоставляя данные о событиях, излагаемых историком в 19-й и 20-й главах своего сочинения, с данными относительно событий, передаваемых им в 21-й главе.

Летом 1413 г. погибает „в каком-то болоте“ сын султана Баязита Илдирима-Мозэ³; брат его — Мехмет становится единодержавным властителем государства. В конце 1414 г. он организует поход в Малую Азию. В следующем году Мехмет отстраивает в Бруссе сожженный Караманом дворец, берет Смирну, подчиняет соседние сельджукские

¹ Ducas Historia Byzantina. Цит. по изд. Migne. Patrologia graeca, t. CLVII, col. 889—893.

² Ibid., col. 893.

³ Migne. Patr. gr., t. CLVII, col. 872. В. Примерно так же рассказывает об этом Франдзи в своем Chronicon Majus (цит. по изд. Migne. Patr. gr., t. CLVI, col. 709), по которому мы даем транскрипцию имен Мозэ и Мехмета.

эмираты, захватывает в плен ионийского владетеля Джинейта¹ и на его место ставит правителем Ионии (область Смирны и Эфеса) некоего Келпаксиса, болгарина-ренегата, сына Александра Шишмана. Таким образом, в течение 1415 г. вся передняя Малая Азия (включая сюда же сельджукские эмираты Ментэше и Кармианский) снова была присоединена к Османской державе. В том же году византийский император Мануил II (1391—1425), пользуясь временной дружбой с Мехметом, предпринял последнюю византийскую завоевательную экспедицию. В марте 1415 г.² византийский флот из многочисленных трирем направляется в Пелопоннес, и Мануил II подчиняет наваррскую Ахайю, т. е. западную часть Мореи³. В марте следующего 1416 г.⁴ император Мануил и султан Мехмет, возвратившиеся из походов (один — из Пелопоннеса, другой — из Малой Азии), встречаются в Галлиполи и пируют на царской триреме⁵. После этого Мануил отбывает в Константинополь, а Мехмет задерживается на некоторое время в Галлиполи, чтобы снарядить здесь значительный (в 30 трирем и бирем) флот против Кикладских островов (по существу — против Венеции) под командой некоего Чалис-бека⁶.

Итак, в марте 1416 г. султана Мехмета уже не было в Ионии. К этому времени как раз и относится начало восстания Берклиджи Мустафы⁷.

К сожалению, Дука не вскрывает причин этого восстания, — о них можно лишь догадываться. Не исключено, что одной из важнейших причин восстания явилось увеличение налогов и крестьянских повинностей, имевшее место после утверждения Мехмета в Малой Азии, в частности, — в Ионии. Рост налогового бремени в значительной мере вызывался фискальными нуждами турецкого государства, — завоевания требовали больших денежных средств. Из некоторых замечаний Дуки (в 25-й и 27-й главах) мы можем заключить о быстром возрастании турецких налогов: если в 1415 г. арендатор Фокейских кварцовых рудников, генуэзец Иоанн Адурно, должен был за право аренды платить Мехмету 2000 золотых номисм в год⁸, в 1421 г. вместо 14000 он должен был уплатить уже 27000⁹. Это значит, что в течение семи лет налоги за аренду рудников возросли вдвое. Мы располагаем также чрезвычайно важными данными о сумме дани, взимаемой турками с пяти вассальных христианских государств — Сербии, Пелопоннеса, Хиоса, Лесбоса и Трапезунта. После отъезда Мехмета II из Константинополя, взятого турецкими войсками, — в Адрианополь, эта дань составляла, по известиям Дуки, приблизительно 41 000 золотых но-

¹ Это турецкое имя дается в транскрипции Дуки, сар. 18, col. 852, С.: „Τζινεΐτ“. Лаоник Халкокондил передает это имя в IV и V книгах „De rebus turcicis“ как „Ζουλαΐττις“. Применяясь, очевидно, к Лаонику и игнорируя его „puncta diaeresis“, читает это имя Ф. И. Успенский: „Джунейд“ („История Византийской империи“, т. III, М., 1948, стр. 765).

² Migne. Patr. gr., t. CLVI, col. 725.

³ Дука рассказывает об этом следующее: „Царь же Мануил, вышедши с весьма многочисленными триремами из Константинополя, спустился до Пелопоннеса и, подчинив (себе) князя Ахайи и сделав (себе) подвластными других потомков, ведущих свой род из Наварры, отбыл в Константинополь, оставив сына своего, Феодора, деспотом всего Пелопоннеса“ (Migne. Patr. gr., t. CLVII, сар. 20, col. 877. С.).

⁴ Ibid., t. CLVI, col. 725.

⁵ Ibid., t. CLVII, сар. 20, col. 877. С—880.

⁶ Ibid., сар. 21, col. 885.

⁷ Имя Берклиджи Мустафы даем в транскрипции Дуки, сар. 21, col. 892.

⁸ Migne. Patr. gr., t. CLVII, сар. 25, col. 949. С.

⁹ Ibid., сар. 27, col. 965. В.

мисм¹; поскольку паритет номисмы составляет 5 руб. 52 коп. золотом, надо считать, что названные государства должны были ежегодно вносить в казну султана 226 тысяч 320 рублей золотом. Конечно, это была по тем временам колоссальная сумма, и выплачивать ее должно было крестьянство. Нам неизвестна численность населения Сербии к 1453 г.; мы не можем, следовательно, определить долю раскладки турецкой дани на каждого сербского крестьянина. Но в 23-й главе своей „Истории“ Дука рисует страшную картину бедствий населения Балканского полуострова в период турецкого завоевания. Он рассказывает, что вследствие массового увода турками в плен христианского населения, „вся Фракия до (самой) Далмации стала пустынной“². Из сообщения Дуки видно, что для раскладки турецкой дани, падавшая на каждого сербского крестьянина, должна была быть громадной.

Что касается турецкого крестьянства, то оно так же жестоко страдало от непосильного налогового бремени: известно, что спустя 150 лет после восстания Берклиджи Мустафы, — в 1566 г., когда появился сборник законов султана Сулеймана II, турецкие крестьяне кроме общих государственных налогов должны были платить различные феодальные повинности и налоги — за недвижимость, за пастбище, за воду, налоги за безбрачие, курение табаку и пр. Но и в начале XV в. положение турецкого крестьянства было крайне тяжелым.

Какова была программа восстания, каков был его ход? Дука сообщает, что вождь восставших, простой и необразованный турецкий дервиш, Берклиджи Мустафа, „кроме жен, провозгласил все общим: и пищу, и одежду, и запряжки, и пашни“³. „Я в твой дом, — говорил он, — как (в) мой, ты же в мой, как (в) твой, — кроме женской (его) части“⁴. Такова была программа, которая в 1416—1418 гг. привлекла к Берклиджи Мустафе „всех крестьян“⁵ Ионии и Лидии (не говоря уже о дервишах). Эта программа носила ярко выраженный антифеодальный характер: острием своим она была направлена против турецких феодалов и, повидимому, зажиточной верхушки турецкого крестьянства. Главными требованиями программы, выдвинутой Берклиджи Мустафой, являлось создание общности имущества, общей собственности на землю и орудия производства, — иными словами — уничтожение социального неравенства. Что касается хода восстания, то на основании известий Дуки, он может быть представлен следующим образом. Центром восстания, как уже говорилось, была гора Стиларий. Здесь же, в теснинах этой горы, жил и Берклиджи. Латинский переводчик и комментатор Дуки — Буллиальд определяет в одном из своих примечаний местоположение горы Стиларий со всей точностью: изучая топографию труда Дуки, летом 1647 г. Буллиальд специально посетил Смирну и ее окрестности. Район Стилария находился, по исчислению Буллиальда, в 10 английских милях к востоку от Хиоса, в 40 от Смирны и в 20 от Старой Фокеи⁶.

Дука не указывает, в какие конкретные формы вылилось восстание Берклиджи Мустафы. Но надо полагать, что оно представляло собой

¹ Ibid., cap. 42, col. 1128. С. D. Дука не определяет точно дань Трапезунта, но можно полагать, что она равнялась примерно дани деспотов Пелопоннеса (территория того и другого государства была приблизительно одинаковой).

² Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 23, col. 920.

³ Ibid., cap. 21, col. 889.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. См. примечание Буллиальда к col. 889.

грозную опасность для турецкого феодального государства: в противном случае султану Мехмету незачем было бы мобилизовывать против Берклиджи почти все воинские силы империи.

Наш источник передает одну любопытную деталь относительно восставших крестьян: их легко можно было узнать по внешнему виду, потому что, рассказывает Дука, „люди Берклиджи Мустафы“ дали зарок: „ни в коем случае не надевать на голову войлока, который (они) называют заркуланом, но проводить жизнь в одном хитоне, с непокрытой (головой) и без сандалий“¹. Хитон делался обычно из того же войлока и являлся их единственной одеждой, — поэтому Дука называет участников восстания „однохитонными“². К середине 1416 г. в теснинах Стилария собралось свыше 6000 „однохитонников“³.

Повидимому, Берклиджи хорошо понимал, что уничтожить турецких феодалов силами одного только ионийско-лидийского турецкого крестьянства, к тому же плохо вооруженного, и дервишей невозможно. Видимо, этим объясняется его стремление привлечь на свою сторону христиан: в свое учение об общности имуществ Берклиджи вводит дополнительный пункт: „Кто из турок сказал бы, что христиане не чтут бога, нечестивец тот“⁴. В связи с подобной политикой вождя восстания находится известие Дуки о том, что последователи Берклиджи при встречах с христианами „принимали и чествовали их, как ангелов божиих“⁵. Идея союза с христианами могла возникнуть у Берклиджи и под впечатлением событий, происходивших в 1417 г. в Галлиполи. Дело в том, что весной этого года весь турецкий флот Чалисбека (мы упоминали о нем выше), возвратившийся из похода на Киклады и стоявший в Галлиполи, был полностью уничтожен незначительным (в составе всего лишь 7 вымпелов) венецианским морским отрядом: при этом три турецкие триремы были потоплены, 27 взято в плен, а сам Чалисбек изрублен⁶. Этот факт в свою очередь навел Берклиджи Мустафу на мысль о том, что „невозможно иначе спастись всем, если не в единомыслии с верой христиан“⁷, и что нужно „присоединиться больше к христианам, чем к туркам“⁸. „Придя к этому заключению, Берклиджи, повидимому, с весны 1417 г. начал отправлять, как рассказывает Дука, „ежедневные“ посольства на Хиос, к византийско-генуэзской знати и „к избранным лицам церковного клира“⁹, т. е. к высшему византийско-латинскому духовенству. Целью этих посольств были, очевидно, поиски союза и помощи. Однако посольства Берклиджи на Хиос к византийско-генуэзским феодалам, как и следовало ожидать, не нашли отклика: учение Берклиджи Мустафы об общности имуществ в такой же степени было опасным для европейских феодалов, как и для турецких, а уступки в вопросах вероисповедания, на которые вождь восставших, не могли, конечно, в глазах этой знати иметь сколько-нибудь существенного значения по сравнению с совершенно неприемлемой для феодалов социально-политической доктриной Берклиджи. Характерно, что автор „Византийской

¹ Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 21, col. 892; ср. col. 889.

² Ibid., col. 889. С.

³ Ibid., col. 892. А.

⁴ Ibid., col. 889. В.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid., col. 888.

⁷ Ibid., col. 889.

⁸ Ibid., col. 892.

⁹ Ibid., col. 889. В

истории“ , представитель высшей византийской знати, эмигрант и династ Дука настойчиво называет учение Берклиджи „фантазией“¹.

Только низшее греческое духовенство, непосредственно связанное с народными массами, откликнулось на призыв Берклиджи и стало на его сторону. К числу примкнувших к Берклиджи принадлежал, в частности, один из старцев-отшельников греческого хиосского монастыря Турлоті, к которому Берклиджи специально послал своих однохитонников, говоря: „и я такой же подвижник, как и ты, и богу, которому ты служишь, тому и я приношу поклонение“² и т. д. Из сообщений Дуки видно, что этот старец из Турлоти развернул своеобразную агитацию в пользу Берклиджи среди крестьян Хиоса. Чтобы склонить их на сторону восставших, он через монахов распространил по Хиосу слух, что Берклиджи — не дервиш и не турок, а христианский монах с острова Самоса, и что когда-то, много лет назад, в одном из монастырей Самоса он подвизался вместе со старцем из монастыря Турлоти: даже и теперь, мол, по ночам „неслышную стопую“ Берклиджи, как по суше, переходит море, приходит в Турлоти и беседует со старцем³.

Дука, однако, не указывает, какие практические результаты имела эта агитация в пользу Берклиджи, ведшаяся на Хиосе из монастыря Турлоти.

Итак, в 1416—1418 гг. восстание Берклиджи охватило всю Ионию и Лидию, и турецкое правительство должно было принять меры к его ликвидации. Не учитывая сил Берклиджи, Мехмет первоначально послал против него местное областное ополчение ионийского санджака во главе с правителем Смирны Келпаксисом, или Шишманом⁴. Однако в непроходимых теснинах Стилария Шишман был окружен восставшими и убит, а его войска отчасти рассеялись, отчасти были перебиты. „Люди (же) Берклиджи, — говорит Дука, — укрепившись в своей надежде на него, воспели его (в гимнах) выше пророка“⁵. Повидимому, эти события происходили в середине 1417 г. Через несколько месяцев (вероятно, в конце 1417 г.) на подавление восстания Берклиджи Мехметом были двинуты уцелевшие резервы войск ионийского санджака и все войска лидийского санджака (во главе с лидийским правителем Али-беком). Однако крестьяне Берклиджи Мустафы в тех же теснинах Стилария перебили и эти войска, а сам Али-бек с немногими уцелевшими едва спасся бегством в Магнезию на Герме, расположенную примерно в 5 географических милях к северо-востоку от Смирны⁶.

В начале 1418 г. для подавления восстания Берклиджи турецкая империя мобилизует почти все свои военные силы: отборные фракийские, свежие вифинские и фригийские войска и, наконец, новые наборы из Лидии и Ионии. Дука не определяет численности этих войск, ограничиваясь общим указанием, что это была „сила великая“⁷. Во главе карательной экспедиции Мехмет поставил своего искуснейшего полководца и вернейшего человека, великого визиря Баязита⁸, — родом

¹ Migne. Patr. gr., t. CLVII, cap. 21, col. 892. D., col. 893.

² Ibid., col. 889. C.

³ Ibid., col. 889. C.—892. A.

⁴ Ibid., col. 892; ср. col. 885.

⁵ Ibid., col. 892.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

албанца, связавшего свою судьбу с судьбой Мехмета с 1402 г.¹ Более того: считая, несомненно, подавление восстания делом чрезвычайной важности, султан послал с карательной экспедицией своего двенадцатилетнего наследника Мурата².

Военные действия против Берклиджи Мустафы Баязит начал с того, что „нещадно вырезал“ в Лидии и Ионии „всех, кто оказывал ему сопротивление“³. Но этим дело не ограничилось: Дука сообщает, что без всякого милосердия истреблялись даже старцы, женщины и дети⁴. Однохитонники отступили к ущельям Стилария; здесь они были окружены и после героической обороны сдались. Берклиджи Мустафа и его ближайшие ученики были схвачены, связаны, доставлены в Эфес и там подвергнуты пыткам. Турецкие фанатики не могли простить Берклиджи Мустафе его „единомыслия с верой христиан“: его распяли на кресте, прикрепили крест к верблюду и в таком виде торжественно возили по улицам города⁵. Всех последователей Берклиджи закололи на его глазах. „И не говорили они (при этом ничего) другого, — сообщает Дука, — кроме: „Тэтэ султан, эрис“, т. е. „Господине отче, ускорь“. И тогда охотно принимали смерть“⁶. Но на этом расправа с повстанцами не закончилась: на обратном пути в Галлиполи Баязит прошел всю Ионию и Лидию и вырезал всех дервишей⁷. Это произошло, повидимому, глубокой осенью 1418 г.

Память о героическом вожде восстания длительное время жила среди угнетенных масс Малой Азии. По словам Дуки, по деревням распространился слух, что Берклиджи не погиб, а спасся и живет в одном из монастырей на острове Самос⁸. Известно, что турецкие крестьяне долго ожидали своего вождя Мустафу.

Необходимо отметить в заключение, что, как мы видели, восстание Берклиджи Мустафы, это крупнейшее народное движение в феодальном турецком государстве, — описывается Дукой крайне тенденциозно. Не программа восставших крестьян интересовала Дуку в восстании Берклиджи: аристократ Дука считал ее „фантазией“ и к народным массам относился с презрением и ненавистью⁹. То обстоятельство, что крестьянское восстание Берклиджи в конечном счете ничего не дало турецкому крепостному крестьянству, династия Дука рассматривал как положительное явление. Для Дуки важно было другое — именно то, что, ослабив политическую мощь турецкой империи, восстание Берклиджи тем самым временно укрепило позиции одряхлевшей Византии, — укрепило настолько, что после смерти Мехмета, летом 1421 г., т. е. через какие-нибудь два с половиной года после восстания Берклиджи, Византия смогла поднять на восстание против Мурата II (1421—1451) его дядю Мустафу и феодала Джинейта, поставив Мурата в крайне затруднительное положение.

Таковы краткие, но важные сведения, которые содержатся в сочинении Дуки о крупном крестьянском восстании 1416—1418 гг. под руководством Берклиджи Мустафы.

¹ Migne. Patr. gr., t. CLII cap. 22, col. 905.

² Ibid., cap. 21, col. 892.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.,

⁷ Ibid., cap. 21, col. 893.

⁸ Ibid.

⁹ „Чернь, — говорит Дука, — грубая и враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение...“ и т. д. (Ibid., cap. 36, col. 1061).

М. В. ЛЕВЧЕНКО

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ДОГОВОРЫ 907 И 911 гг.

Важнейший момент в образовании Киевского государства — соединение новгородского севера и киевского юга в один политический организм нашел отражение в различных преданиях об Олеге, передаваемых источниками. Предания эти дошли до нас, однако, в таком виде, что трудно отделить истину от комбинаций книжника-летописца, который по-своему перекраивал материал, имевшийся в его распоряжении. В этих преданиях сливается воедино деятельность Олега и Игоря, и притом — по-разному. По версии Новгородской первой летописи, у Рюрика — сын Игорь, а при нем воевода — Олег, Игорь — взрослый князь, и действуют они вместе. По возвращении из успешного похода на греков Олег умирает на севере¹. Совсем иначе ход событий передается в „Повести временных лет“. А. Шахматов остроумно объясняет, почему составитель „Повести временных лет“ переделал воеводу Олега в князя, когда вставлял в свой свод найденный им договор с греками. В договоре Олег титуловался „великим князем русским“, и потому летописец сделал его родственником Рюрика, а Игоря обратил в „малолетка“². Обе эти версии — плод книжнической работы.

История Олега сохранилась в „Повести временных лет“ в неопределенно смутном предании. Летописец рассказывает, что новгородский князь Олег спустился по Днепру до Киева и овладел им. Это событие, согласно летописной хронологии, произошло в 882 г., когда Олег, предварительно заняв Смоленск и Любеч, хитростью захватил Киев и убил княживших там нерюриковичей — Аскольда и Дира. Объединение двух важнейших центров по великому водному пути „из варяг в греки“ в руках Олега дало ему возможность подчинить своей власти прочие восточнославянские земли — древлян, северян и радимичей. При этом северян и радимичей Олег отвоевал у хазар. Восточнославянские племена между Днестром и Днепром долго сопротивлялись Олегу и окончательно подчинились только его преемнику Игорю.

Таким образом, если верить „Повести временных лет“, то именно Олег явился объединителем восточнославянских племен. Так быстро и просто, по летописи, произошло событие первостепенной важности — объединение под властью киевского князя почти всех восточнославянских племен. Но не так, конечно, происходило оно на деле.

¹ Новгородская первая летопись младшего извода, п. 30—31, цит. по изд. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, стр. 107—109.

² А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 94—108, 316—321.

Уже давно историческая критика высказала сомнение по поводу достоверности рассказа летописца о подчинении Олегом, в результате трех походов, северян, заселявших огромную территорию, а также древлян и радимичей, упорно отстаивавших свою свободу. Столь же недостоверным надо считать и описание похода Олега из Новгорода в Киев, во время которого он будто бы без сопротивления занимает города, встречающиеся на его пути, в Киеве лишает княжеского престола „узурпаторов“, а на Новгород накладывает дань — факт, который решительно не вяжется с рассказом летописца о завоевании Киева из Новгорода.

Было выдвинуто обоснованное предположение, согласно которому летописец имел слишком скудные сведения о процессе образования русского государства и вышел из этого затруднения, приписав роль объединителя Олегу¹.

Не подлежит, однако, сомнению, что к началу X в. путь „из варяг в греки“ был уже в основном в руках киевских князей и жившие по нему племена и расположенные вдоль него города находились под политическим влиянием Киева: либо имели княжеских посадников, либо были связаны союзами с Киевом. Впрочем, отсутствие упоминаний о Новгороде в договорах Олега заставляет некоторых историков предполагать, что объединение под одной властью Новгорода и Киева совершилось позднее, только при Игоре². Во всяком случае северские центры — Любеч, Чернигов и Переяславль — „Повесть временных лет“ представляет уже в начале X в. (в парафразе Олегова договора) находящимися в политической связи с Киевом.

Утверждение господства киевских князей на пути „из варяг в греки“ сделало возможными частые походы Руси на Каспийское море. Походы эти начинаются в последней четверти IX в., когда Русь во времена Абу-Зейда „ходила на Абесгун“; поход на тот же Абесгун был произведен в 909—910 гг., а в 912—913 гг. Русь страшно опустошила южное побережье Каспийского моря. Вместе с тем в конце IX, начале X в. „Русь“, игравшая уже значительную политическую роль, нападала на византийские владения и самый Константинополь, проникала в Закавказье; в то же время она вела оживленную торговлю в Хазарии, в византийских владениях, в том числе и в столице империи. Связи Киева с Византией развивались, причем характер того интереса к Византии, который проявлялся в Киевской Руси и увеличивался по мере хозяйственных и политических успехов последней, не оставался неизменным. Расширение подвластной территории означало для русских князей увеличение дани, а это давало им возможность содержать большую воинскую силу — дружину. Дань-подать в руках русских князей и дружинников превращалась в товар, который шел главным образом за границу, и прежде всего — в Византию. С течением времени из простой приманки для русских искателей добычи „Царьград... заметно превращался в пункт торговых и культурных связей двух государств: одного — дряхлеющего носителя мировой культуры, другого — молодого, мало искушенного в высоких культурных ценностях, но энергично растущего, неизменно в течение веков влекомого к Царьграду“³.

Мы располагаем документальными данными о том, что после 860 г. между Византией и Русью долгое время существовали мирные и дружественные отношения. Об этом прямо говорит начало договора 911 г.,

¹ М. С. Грушевський. Історія України — Руси, т. I, Львов, 1904, стр. 366.

² А. Е. Пресняков. Лекції по рускій історії, т. I, М., 1938, стр. 79.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, М., 1949, стр. 449.

где мы читаем: „... Мы от рода русского (следует перечень имен послов и гостей), посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его — светлых и великих князей и его великих бояр к вам, Льву, Александру и Константину, великим в боге самодержцам, царям греческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими...“¹

Однако у нас нет оснований для того, чтобы представлять себе эти отношения до похода самого Игоря (941) неизменно дружественными. Константин Порфирородный писал в половине X в.: „Когда ромейский император живет в мире с печенегами, то ни Русь, ни турки не могут совершать враждебных нападений на Ромейскую державу; не могут они требовать от ромеев чрезвычайно больших денег и вещей в уплату за мир, боясь силы, которую император при помощи этого народа может противопоставить им в случае их похода на ромеев. А печенеги, связанные дружбой с императором и побуждаемые им посредством посланий и даров, легко могут нападать на землю русских и турок, брать в рабство их женщин и детей и опустошать их земли“². Б. Д. Греков справедливо указывает, что здесь имеется в виду не один какой-нибудь поход Руси на Византию, а целая система русско-византийских отношений³.

В начале X в. Византия оказалась в очень затруднительном положении. Если в VII—VIII вв. в результате распространения общинных отношений в Византии наблюдался хозяйственный подъем, если условия этого времени способствовали развитию производительных сил, то феодальные порядки, развивавшиеся во второй половине IX и в X вв., наоборот, вели к застою.

Важнейшим фактом аграрных отношений этого времени является обезземеление и порабощение династами свободных крестьян и стратиготов. X в. был временем быстрого роста паразитического монастического землевладения; вместе с тем усиливалась феодализирующаяся знать. Рост могущества этой знати подрывал основы византийского централизованного государства. Македонская династия, пришедшая к власти после того, как революционные движения народных масс (восстание Фомы Славянина, движение павликиан) и реформаторские попытки иконоборцев потерпели поражение, довершила победу реакции.

Византийские династы не ограничивались тем, что подрывали мелкую крестьянскую собственность в своей стране; они стремились использовать начавшееся ослабление Багдадского халифата для экспансии на Восток и одновременно пытались расширить свое влияние на Балканах. Эта изнурительная, никогда не прекращавшаяся борьба, иногда одновременно на два фронта, велась Византией с переменным успехом. В X в. империя, однако, еще сохраняла свою торговую и промышленную гегемонию; благодаря своему экономическому превосходству она продолжала эксплуатировать окружающие народы, оставаясь единственным посредником в торговле Востока с Западной Европой — „золотым мостом“ (К. Маркс) между Европой и Азией. Все это создавало Константинопольную славу города, в котором богатствам нет меры и числа. Но эти богатства были достойным немногих.

¹ Повесть временных лет (по Лаврентьевской летописи), под 6420 г. Цит. перевод по изд. „Повесть временных лет“, М.—Л., 1950, стр. 222.

² Constantini Porphyrogeneti. De administrando imperio, cap. 4, ed. Bonn., 1840, p. 70.

³ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 450.

Византийские порядки тормозили развитие производительных сил и в городе: городской воздух здесь не делал крестьянина свободным.

С организацией, жизнью и бытом византийских торговцев и ремесленников X в. нас знакомит „Книга эпарха“. Ремесленники, по данным этого источника, были объединены в корпорации, но наличие централизованного государственного аппарата лишало средневековую корпоративность в византийском городе столь всеобъемлющего характера, какой она имела на Западе. Это определяло относительную узость задач византийских торгово-ремесленных объединений¹.

Характерной особенностью византийского ремесла X в. было широкое применение рабского труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Раб, как работник и даже хозяин мастерской, постоянно упоминается в „Книге эпарха“². Сохранение рабского труда тормозило развитие техники³. Внутри византийских цехов и между ними не было даже относительного ни правового, ни экономического равенства. Существовали привилегированные цехи, в которых не устанавливалась норма прибыли (вестиопраты, метаксопраты, прандиопраты)⁴. Богатый вельможа, опираясь на поддержку эпарха, мог организовать любое количество эргастерий через своих рабов⁵.

Деятельность византийских цехов находилась под бдительным контролем государства. Особый надзор устанавливался за теми корпорациями, на обязанности которых лежало снабжение столицы продовольствием. Правительство контролировало количество и качество закупаемых товаров, устанавливало цены, по которым товары должны покупаться и продаваться, прибыль, получаемую торговцами скотом, рыбаками, мясниками, хлебниками, содержателями харчевен. За исключением немногих привилегированных цехов, тесно связанных с правящими верхами, в которых не устанавливалась норма прибыли, византийские корпорации представляли собой приниженную массу ремесленников и торговцев, изнывавшую под бременем всевозможных повинностей. При этом правящие верхи Византии подвергали притеснениям и иностранных торговцев. Иностранные купцы (а в столице имелись целые торговые колонии иностранцев — сирийцев, итальянцев, хазар, русских, болгар, евреев) должны были в некоторых случаях продавать свои товары только членам цехов. Иноземные товары должны были быть собраны в одном месте, так чтобы все члены цехов, предварительно собравшись, распределили товар между собой⁶.

Члены цехов могли в контакте с городским эпархом регулировать цены, устанавливая „справедливую цену“ и диктовать ее продавцу. Иногда это приводило к прямому насилию над провинциальными и иностранными купцами, тем более, что иностранный и иногородний купец обязан был распродать свой товар в течение определенного срока. Если же товар оставался нераспроданным, то иностранный купец должен был предоставить эпарху решение вопроса о том, как поступить с этим товаром.

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, М., 1951, стр. 13.

² J. Nicole. *Λόγος του σοφου τῷ Ἐπαρχικῶν βιβλίον*, Genève, 1893, III, 1, 6; VI, 1; VII, 3,5; VIII, 7; XII, 8; XV, 4; XVIII, 1.

³ Ibid., XVIII, 2; Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века, стр. 16.

⁴ *Ἐπαρχικῶν βιβλίον*, VI, 8; XXX, 9.

⁵ Ibid., II, 10; VIII, 13.

⁶ Ibid., V, 2.

Правящие верхи Византии стремились по возможности больше привлечь товаров в столицу и, с другой стороны, следили за тем, чтобы возможно меньше высокосортных товаров (например, лучших сортов шелковых тканей) вывозилось за границу¹. Этими высокосортными товарами распоряжалось само правительство.

Притеснения иностранных торговцев, естественно, должны были вызывать отпор со стороны соседей Византии. Характерно, например, что преследование болгарских торговцев при Льве VI являлось поводом для длительных и ожесточенных войн Болгарии с Византией.

Торговля Византии с Болгарией, поставлявшей в Византию мед, лен, полотняные ткани и выменивавшей их на разрешенные к экспорту худшие сорта шелковых тканей, сирийских материй и других предметов византийского экспорта, была весьма оживленной. Однако, если Василий I заботливо поддерживал дружественные отношения с Болгарией, то его преемник Лев VI резко изменил эту политику. Интриги византийских спекулянтов, захвативших в свои руки торговлю с Болгарией, привели к перенесению болгарской торговли из Константинополя в Фессалонику и обложению болгарских товаров высокими таможенными пошлинами. Это послужило причиной начавшейся в 890 г. войны между Болгарией и Византией. После того, как протест болгарского царя был оставлен без внимания византийским правительством, Симеон начал военные действия, очень удачные для Болгарии. Во время этой войны Лев VI обратился за помощью против болгар к венграм. Соблазненные богатыми подарками, венгры согласились вторгнуться в Болгарию; византийский флот перевез их через Дунай. В борьбе с венграми Симеон потерпел сильное поражение. Собравшись с силами после ухода венгров и заключив союз с печенегами, он летом 892 г. жестоко опустошил Ателькузу, где в то время находились становища венгров, а затем нанес сильное поражение византийским войскам при Болгарофиге. По заключенному в 904 г. миру Византия уступала Болгарии значительную территорию и обязалась платить ежегодную дань. Но и после этого, хотя мир официально не нарушался в течение двадцати лет, Болгария продолжала оставаться для империи грозной силой, — она использовала каждый благоприятный момент для расширения своей территории и создания новых трудностей византийскому правительству².

С этим связаны и другие неудачи византийской политики в правление Льва VI. Сицилия была окончательно потеряна. После отозвания Никифора Фоки византийцев стали теснить и в южной Италии. На восточной малоазийской границе арабы медленно, но упорно продвигались вперед.

Русь, объединенная к началу X в. под властью Киева, вела активную внешнюю политику и не могла не использовать затруднительного положения Константинополя.

И действительно, по словам летописи, русский князь Олег в 907 г., собрав большое ополчение из варягов, ильменских славян, кривичей, древлян, радимичей, северян, хорват, дулебов, тиверцев, чуди и мерян, двинулся походом на Константинополь. Поход, по летописным данным, был предпринят одновременно и морской и сухопутный³. Греки не сумели защититься и после того, как Олег разорил окрестности Константинополя

¹ Ср. М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в X веке, стр. 34.

² В. Н. Златарски. История на първото българско царство, София, 1927, ч. 2, стр. 301.

³ Повесть временных лет, указ. изд. стр. 24.

и „много убийства сотвори около града греком“¹, вынуждены были пойти на невыгодный для них мир.

После этого был заключен мирный договор 907 г., пересказанный летописцем, а затем новый договор 2 сентября 911 г., целиком включенный в летопись.

Эти договоры — единственный надежный источник для изучения похода Олега на Византию. Все остальное повествование летописца об этом походе — книжническая работа по разным источникам: описание зверств, учиненных русскими в окрестностях Византии, взято из славянского перевода „Жития Василия Нового“ и Продолжателя Амартола, которые использованы и для рассказа о походе Игоря. Затем идут легендарные и эпические мотивы, такие, например, как рассказ о ладьях под парусами на суше, о смерти Олега „от своего любимого коня“, предугаданной мудрым кудесником, народный анекдот о „паволочитых“ и „кропниных“ парусах. По словам летописи, удачные действия Олега навели такой страх на греков, что те говорили: „нѣсть се Олег, но святыи Дмитрей, послан на ны от бога“². Речь идет здесь о Дмитрие Солунском, почитание которого было распространено среди южных славян.

Уже одно это обстоятельство наводит на мысль о балканском происхождении источника летописного рассказа³. Это предположение подтверждается сообщением летописи о том, что Олег повесил свой щит на воротах Цареграда: рассказ летописи в данном случае напоминает эпизод из истории войн Византии с Болгарией в начале IX в., когда болгарский хан Крум в 813 г. потребовал водрузить свое копьё на золотых воротах Константинополя⁴.

Невероятной является цифра контрибуции, наложенной на греков, которую Н. Д. Знойко, на основании данных летописи, исчисляет в 1 209 600 золотых солидов⁵. Такой контрибуции Византия никогда не уплачивала.

Историки, признающие реальность похода Олега, видят зерно исторической истины в том, что были какие-то походы Руси на византийские земли, однако, быть может, не на самый Константинополь и не в 907 г. Эти походы были удачными, что и дало повод к разрисовке их народной фантазией, а Византию вынудило к заключению выгодных для Руси договоров⁶.

Если К. Шлецер отрицал подлинность договоров, то все другие русские историки, изучавшие эти договоры, не сомневались в их подлинности. Не вызывало также разногласий то положение, что договоры переведены летописцем с греческого. Со времени исследования Н. А. Лавровского, написанного в 1853 г.⁷, этот вопрос справедливо считается решенным в положительном смысле. Установлено, что летописный текст — несомненный перевод с греческого, притом настолько

¹ Повесть временных лет, стр. 24.

² Там же.

³ Ср. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. „Славянский сборник“, ОГИЗ, 1947, стр. 141.

⁴ The orphan's Chronographia, ed. C. de Boor, 1883, t. I, p. 503.

⁵ Н. Д. Знойко. О посольстве Калокира. ЖМНП, 1907, ч. VIII, новая серия, стр. 137.

⁶ М. С. Грушевский. История Украины — Руси, стр. 385; А. А. Шахматов, Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. „Записки Неофилологического общества“, вып. VIII, Петроград, 1915, стр. 385—400; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 69, 73.

⁷ Н. А. Лавровский. О византийском элементе в языке договоров русских с греками, СПб., 1853.

„подстрочный“, что иногда он непонятен без обратного перевода на греческий язык.

Однако существуют разногласия во взглядах на взаимоотношение договоров между собой и в оценке каждого договора, как известного дипломатического акта международной политики того времени. В русской литературе уже не раз высказывалось мнение о том, что летописные известия 907 г. не есть формальный договор, а только предварительное соглашение, на основании которого был заключен договор 911 г.

Известно, что статьи предполагаемого договора 907 г. совсем не входят в договор 911 г., но появляются снова в договоре 944 г. Содержание договоров изложено в нашей летописи под 907—912 гг., причем под 907 г. даны лишь выдержки из договора, а под 912 г. приводится полный текст. Это породило длительные споры среди ученых, занимавшихся историей древней Руси, о том, существовали ли в тот период один или два договора Руси с Византией. Н. А. Лавровский считал оба договора самостоятельными, причем договор 907 г., по его мнению, был заключен по всем установленным в то время формам. Но этот договор недостаточно полно определял права и обязанности обеих сторон, и потому Олег в 911 г. отправил в Константинополь особых послов для внесения в договор ряда новых условий. В этом новом договоре были повторены и некоторые статьи, включенные в договор 907 г. Но летописец заметил это повторение и ради сокращения пропустил сходные статьи в договоре 911 г.

В 1876 г. С. Гедеонов в своей работе „Варяги и Русь“ пытался дать анализ вопроса о составлении этих договоров и появлении их в славянском переводе. При этом исходным пунктом для него было описание Менандром составления договора Византии с Ираном в 561 г.¹ На основании анализа данных этого источника путем аналогии он заключил, что русские получили: 1) греческий оригинал договора (снабженный императорской подписью), шедшего от византийцев к Руси; 2) греческую копию договора, шедшего от русских к грекам и также написанного по-гречески, 3) болгарские переводы с того и другого. С. Гедеонов полагал также, что составитель „Повести временных лет“ имел в своем распоряжении болгарский перевод того экземпляра Олега договора, который шел от Руси к грекам: летописец внес его целиком в свое повествование².

В. И. Сергеевич³ не находил возможным считать статьи, помещенные летописцем под 907 г., взятыми из действительного договора, а предлагал рассматривать их как известия о мирной сделке, заключенной между Русью и Византией, притом устно, а не письменно. По его мнению, в летописи приведен не полный текст договора 911 г. В первоначальном своем виде он содержал все те статьи, на которые договор Игоря с Византией ссылается словами — „яко же уставлено есть преже“, а также и те, которые находятся в договоре 907 г. Думать же о другом каком-либо договоре после 911 г. нет оснований⁴.

В 1895 г. в „Византийском временнике“ была напечатана статья А. Димитриу „К вопросу о договорах русских с греками“⁵. А. Димитриу

¹ Menandri Protectoris, fragm. II, ed. Fragmenta historicorum graecorum (C. Müller), t. IV, 1851, col. 206 sq.

² С. Гедеонов. Варяги и Русь, СПб., 1876, т. 1, стр. 282.

³ В. Сергеевич. Греческое и русское право в договорах с греками X века. ЖМНП, ч. ССХІХ, 1882, январь, стр. 82—115.

⁴ Там же, стр. 82—92.

⁵ А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками. „Византийский временник“, т. II, вып. 4, 1895, стр. 531—550.

считает, что в 907 г. Олег заключил лишь словесный договор с греками, но формального договора составлено не было. Однако тогда же по почину Византии было решено заключить и формальный договор, для которого послы Олега и отправились в Константинополь. Договор был там действительно написан и притом на двух языках — греческом и славянском. Затем византийский император должен был отправить к Олегу своих послов для вручения последнему хрисовула. Вручение этого хрисовула и должно было означать ратификацию договора. Однако эта ратификация не состоялась вследствие смерти Олега.

Автор принимает дату смерти Олега, приводимую в „Повести временных лет“, и в связи с этим считает, что договор 911 г. должен быть признан несостоявшимся¹. Здесь А. Димитриу забывает одно место из Льва Диакона, на которое указывал еще Вилькен и которое свидетельствует о том, что договор 911 г. был утвержден обеими сторонами². У Льва Диакона есть определенное указание на мирные договоры, заключенные при Олеге. Отвечая на высокомерное послание русского великого князя Святослава, византийский император Иоанн Цимисхий говорит: „Я думаю, ты не забыл катастрофу, постигшую твоего отца, который преступил клятвенные договоры (τὰς ἐνὸρκους σπονδὰς παρὰ φαυλὸν θέρμενος) и с великой силой и тысячью кораблей выступил против царственного града“³. Эти „клятвенные договоры“, которые Игорь, по мнению византийского правительства, нарушил в 941 г., не могли быть не чем иным, как договорами Олега.

А. А. Шахматов в статье „Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря“ приходит к такому выводу о договорах Олега: „Олег заключил с греками только один договор 911 года, и отрывки этого договора были перенесены под 907 год летописцем, имевшим, как ему казалось, основание думать, что договору 911 года предшествовал другой, с ним тождественный, и предположивший, что этот первый договор Олега заключен им под стенами Константинополя“⁴. А. А. Шахматов, к сожалению, не объясняет, зачем летописцу понадобилось искусственно делить единый договор, притом еще так, чтобы под 907 г. поместить основные статьи, регулирующие русско-византийские отношения этого времени, а в договор 911 г. — статьи дополнительные. М. Д. Приселков и В. В. Мавродин объясняют это случайностью: когда Святополк Изяславич предоставил Нестору возможность пользоваться для составления „Повести временных лет“ княжеской казной, где хранились договоры русских с греками, эти последние находились в плохом состоянии. Некоторые из них вовсе не сохранились. Часть договора 911 г. была оторвана от остального текста, и это дало Нестору повод считать оторванный кусок за остаток текста более раннего договора с Византией⁵. Но если бы случайно был оторван кусок договора 911 г. и притом включавший в себя, как мы говорили, наиболее важные статьи, то оставшийся текст неизбежно

¹ А. Димитриу. К вопросу о договорах русских с греками, стр. 545.

² H. Wilcken. Ueber die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. Abh. der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften 1829, S. 94.

³ Leonis Diaconi Historia, lib. VI, cap. 10, ed. Bonn, 1828, p. 106.

⁴ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, стр. 400.

⁵ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам. „Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та“, серия историческая, вып. 8, 1941, стр. 229; В. В. Мавродин. Образование Киевского государства, Л., 1945, стр. 229.

носил бы фрагментарный характер, чего, однако, мы в нем не видим.

Таким образом, разногласия между вышеуказанными историками, из которых ни один не отрицает подлинности договорных статей, помещенных летописью под 907 г., сводятся в сущности лишь к вопросу о том, представляли ли собою эти статьи самостоятельный договор 907 г., или же они были заимствованы из договора 911 г.

Не все ученые одинаково объясняют также историю перевода договоров с греческого на славянский язык. Так как переводы договоров долго считались современными их заключению, то их обычно рассматривали как болгарские переводы (С. Гедеонов и др.). В 20-х годах XX в. В. М. Истрин выдвинул иную точку зрения: он поставил прежде всего вопрос о том, существуют ли прямые данные, из которых было бы видно, что дошедшие до нас переводы договоров были составлены одновременно с заключением последних. Как известно, основанием для такого утверждения служат, во-первых, указания Олега и Игоря договоров о том, что они были написаны „на двух харатях“, и, во-вторых, упомянутое выше описание Менандром заключения договора Византии с персами, из которого следует, что договоры писались на языках обеих договаривающихся сторон. Если в наших договорах сказано, что они написаны „на двух харатях“, то вполне естественно было бы предположить, что одна „харатья“ была греческая, а другая — славянская. В. М. Истрин, однако, высказал сомнение по поводу того, что процедура составления договоров, имевшая место при заключении договоров между Византией и другой страной старой культуры — Персией, обязательно применялась и при составлении договоров Византии с „варварской“, не имевшей своей письменности Русью. В. М. Истрин считал возможным, что две „харатии“, о которых говорят наши договоры, могли быть обе греческими, а русский князь и русские послы пользовались одной из них посредством устного перевода¹. Если это так, то возникает вопрос, когда же в действительности были переведены договоры? — Замеченное уже прежними исследователями отсутствие простоты и удобопонятности договора 911 г., нередко наблюдаемое смещение местоимений „мы“, „наш“ и „вы“, „ваш“ В. М. Истрин объясняет тем, что договор переводился тогда, когда практического значения он уже не имел, когда и переводчик не был непосредственно заинтересован в точности передачи текста, да и читатели договора не были заинтересованы в этом. Отсюда В. М. Истрин приходил к выводу, что перевод сделан в позднее время, во всяком случае, не одновременно с заключением договора и притом или недостаточно внимательным и сведущим переписчиком, или с неисправного греческого оригинала. В. М. Истрин отнес появление переводов к концу первой половины XI в. и приписывал их переводческому кружку русских книжников, который образовался при дворе Ярослава во второй период его княжения².

По мнению В. М. Истрина, в конце первой половины XI в. в этом литературно-переводческом кружке из готовых источников был составлен хронограф, в котором византийская история, написанная главным образом по хронике Георгия Амартола (почему хронограф и назван был „хронографом по великому изложению“, т. е. по изложению Георгия Мниха), была продолжена русской историей, начинавшейся

¹ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века, „Изв. Отд. русского языка и словесности Российской Академии Наук“, т. XXIX, 1924, стр. 383—393.

² Там же, стр. 330.

с 852 г., т. е. с нападения русских на Царьград, и сначала излагавшейся в рамках истории византийской. В этот хронограф попали и наши договоры; по мнению В. М. Истрина, они были переведены тогда же наряду с другими многочисленными памятниками, привезенными теми греками, которые в составе русского клира прибыли по вызову Ярослава в Киев при учреждении русской митрополии в 1037 г. Таким образом, с точки зрения В. М. Истрина, все русско-византийские договоры должны считаться переведенными в одно время, т. е. спустя 100—150 лет после фактического заключения соответствующих дипломатических актов. Язык всех договоров должен признаваться единым языком — литературным русским языком того времени.

Эти взгляды В. М. Истрина были убедительно опровергнуты академиком С. П. Обнорским, который правильно указал на основную методологическую ошибку В. М. Истрина, заключающуюся в том, что последний пытался разрешить вопрос о времени перевода договоров на основе общих исторических и теоретических соображений. Между тем, только лингвистическое исследование текста договоров, — указывал академик С. П. Обнорский, — могло бы дать то или иное разрешение поставленного вопроса¹. Произведенный С. П. Обнорским анализ языковых особенностей летописи не подтвердил гипотезы В. М. Истрина. С. П. Обнорский своим анализом доказал, что язык обоих договоров не одинаков и что договоры 911 и 944 гг. надо рассматривать как два разных памятника, продукты двух одновременных переводов. Перевод договора 911 г., неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит всякого рода грецизмами, страдает частыми нарушениями требований русского синтаксиса. Перевод договора 944 г. совершеннее, более удобопонятен, не так засорен грецизмами, относительно редко грешит в отношении русского синтаксиса. Оба договора отличаются по языку.

В языке договоров, несмотря на то, что они сохранились в позднем списке, много общих архаических черт старшего по бытованию в литературном языке периода, чем конец XI в. „Здесь, — говорит С. П. Обнорский, — достаточно широкое употребление аористических форм, наличие инверсивных, архаическое и относительно выдержанное пользование винительным, не родительным, падежом объекта от одушевленных имен, стройное архаического типа пользование соответствующей системой членных и нечленных форм прилагательных и причастий“².

В то же время С. П. Обнорский устанавливает черты, которые присущи договору 911 г., но которых лишен договор 944 г., — черты, вместе с тем представляющиеся особенно архаическими в общей линии развития литературного языка. Такими чертами С. П. Обнорский считает употребление „иже“ без согласования с определяемым словом, архаическую по структуре форму причастия прошедшего времени и тенденцию к обязательному переводу греческой лексики, которая позднее, по договору 944 г., остается без перевода.

Эти данные, извлекаемые непосредственно из текста договоров, подтверждают гипотезу о том, что появление договоров в переводе с греческого языка на славянский не могло быть ни относительно поздним, ни одновременным, а следовательно оно должно было совпадать со временем действительного заключения соответствующих

¹ С. П. Обнорский. Язык договоров русских с греками. „Язык и мышление“, т. VI—VII, изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 101.

² Там же, стр. 103.

дипломатических актов. С этой точки зрения получает объяснение и разное качество перевода договоров. Становится понятной и причина различия самого языка, на который были переведены, с одной стороны, договор 911 г., а с другой, — все последующие. Отсюда мы можем сделать важный вывод о том, что дошедший до нас перевод договора 911 г. является не только подлинным, но и одновременным его заключению. Договор 911 г. пропитан болгаризмами, но написан все же языком русским. Таким образом, существование русской славянской письменности в начале X в. становится несомненным.

Очевидно, Олеговы договоры составлялись в двух экземплярах: на греческом и славяно-русском языках. Последний экземпляр и дошел до нас в летописи. Он дает совершенно категорический и притом отрицательный для норманистов ответ на кардинальный вопрос о том, каков был язык на Руси в начале X в., — германский или славянский. Сам летописец, который оставил нам предание о начале русского государства, отметив славянское происхождение Руси, пишет, что „словенский языкъ и русский одно есть“¹. Славянский и русский язык — одно потому, очевидно, что Русь не представляла собой чужеземного племени. Иначе сказать, в представлении летописца народность и язык — понятия тождественные. Следовательно, говоря о единстве славянского и русского языков, летописец вместе с тем устанавливает и единство народностей².

Эти данные летописи наносят сокрушительный удар норманистской теории происхождения русского государства.

Подтверждением того, что Русь не представляла собой чужеземного племени, является перечень русских городов, на которые Византия, по сообщению летописца, давала „уклады“ по соглашению 907 г. Здесь фигурируют Киев, Чернигов, Переяславль, Полтеск (Полоцк), Ростов, Любеч: все эти названия русских городов — славянские. Наконец, из сообщения летописца видно, что „мужи“ Олега после заключения мира с Византией (т. е. в том же 907 г.) кланутся славянскими языческими божествами — Перуном и Велесом, а не германскими — Одином и Тором. Имена этих богов летописец дает в своем комментарии к договору; очевидно, он имел на это основание, так как в подлинном тексте договора Игоря также упоминается Перун, причем в том же смысле и в таком же контексте.

Таким образом, договоры Олега дают веский материал, опровергающий норманистскую теорию.

Норманисты пытаются использовать договоры Олега для „доказательства“ своих антинаучных положений; в частности, они ссылаются на имена послов и купцов, упомянутые в договорах. Вопрос об именах послов многократно обсуждался в нашей литературе. С. Гедеонов находил в числе имен послов Олеговых семь славянских, три — скандинавских, четыре имени (Рулав, Руад, Рюар, Актеву) неизвестного происхождения³. Г. М. Барац считал, что среди них имеются еврейские имена⁴. Мы отнюдь не будем отрицать того, что большинство имен, записанных в договоре, звучит не по-славянски и что варяги принимали участие в походах Олега и составлении договоров с греками. Варяги потому могли быть отправлены в Константинополь, что,

¹ Повесть временных лет, стр. 23.

² Д. И. Бага лей. Русская история, т. 1, М., 1914, стр. 167.

³ С. Гедеонов. Варяги и Русь, стр. 289 и сл.

⁴ Г. М. Барац. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией, Киев, 1911.

подобно многим другим своим соотечественникам, они уже бывали там прежде, знали греческий язык, нравы и обычаи Византии. Наличие неславянских имен у „мужей“ Олега доказывает только, что состав древне-русской дружины был разнообразен; в нее входило и известное число норманнских наемников, которые являлись к нам в поисках добычи. Об этом свидетельствуют и скандинавские саги и наша летопись.

Но договоры Олега с греками показывают, что первые дошедшие до нас письменные памятники написаны для славян и на славянском языке.

Это обстоятельство „не устраивает“ норманнистов, и теперь, когда в зарубежной загнивающей буржуазной „науке“ особенно ярко проявляется тенденция всячески принизить историческую роль и значение русского народа, делаются попытки не только отрицать реальность походов Олега на Константинополь, но и подлинность самих договоров. Такую попытку предпринял глава реакционного зарубежного византиноведения, небезызвестный А. Грегуар¹, который заявил, что он не знает никаких достоверных дат русской истории между 860 и 941 гг.

А. Грегуар, в частности, голословно отрицал существование торговых связей Руси с Византией в 907 или в 911 гг.² Совершенно ясно, что все эти фальсификаторские измышления А. Грегуара и других буржуазных историков являются лишь одним из примеров прислужничества исторической „науки“ на Западе ее империалистическим хозяевам. Характерно, что домыслы А. Грегуара были отвергнуты даже буржуазным историком Г. Острогорским, который с полным основанием назвал их „фантастическими“³. Действительно отрицание А. Грегуаром историчности Олега, его похода на Константинополь и т. д. не заслуживает даже рассмотрения: оно объясняется, конечно, не только недостаточным знакомством бельгийского историка с русскими источниками и литературой: фальсификаторские домыслы А. Грегуара, не имеющие ничего общего с наукой, представляют собой откровенную попытку принизить историческое прошлое русского народа.

Отметим, что в своем ответе Г. Острогорскому⁴ А. Грегуар уже не поднимает вопроса о мифичности Олега и о подлинности договора, заключенного в 911 г. Олегом с византийским правительством, но он продолжает вопреки фактам отрицать русский поход на Константинополь в 907 г. А. Грегуар ссылается на то, что в византийских источниках не сохранилось упоминаний о русском нападении на Константинополь около 907 г. Это утверждение А. Грегуара следует, однако, признать фактически необоснованным. Уже давно русские историки, в частности, Ф. И. Успенский, обратили внимание на одно место из хроники Псевдо-Симеона⁵, в котором они справедливо видели косвенные указания о набеге русских на Византию при Олеге.

¹ H. Grégoire. La légende d'Oleg. „Byzantion“, t. XI, 1936, p. 601—604.

² Подробный разбор и критику взглядов А. Грегуара по вопросам истории русско-византийских отношений см. в нашей статье „А. Грегуар и его работы по византиноведению“, „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 240—243.

³ G. Ostrogorsky. L'expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907. „Seminarium Kondakovianum“, t. XI, 1939, p. 47—62, 296—298.

⁴ H. Grégoire. Réponse à l'article de M. Ostrogorsky. „Byzantion“, t. XIV, 1939, p. 379—380.

⁵ Symeoni Magistri De Leone Basilii F., cap. 13, ed. Bonn, 1838, p. 706 sq.

В своем рассказе о появлении Льва Триполийского в византийских водах в 904 г. Псевдо-Симеон, перечисляя ряд географических пунктов, пытается объяснить, как возникли их названия. Однако он не говорит о том, какую связь имеет перечисление этих пунктов с ходом военных действий, с попыткой Льва Триполийского напасть на Константинополь. Только из сообщения Продолжателя Феофана¹ мы узнаем, что здесь идет речь о тех городах и островах, мимо которых проходили арабы, направляясь к острову Самофракия. Далее, за этим „арабским“ списком географических названий у Псевдо-Симеона — и только у него одного — идет перечень географических пунктов (Месемврия..., гора Гэм..., Мидия..., Селимврия..., Македония..., Никополь..., Гиерон..., Фар... Русские, называемые дромитами..., мыс Трикефал..., Раден), которые не имеют никакого отношения к арабам, причем автор, пытаясь и в этом случае объяснить происхождение их наименований, не устанавливает какой-либо связи этих перечисляемых пунктов с историей².

Этот второй список географических названий имеет непосредственное отношение к русским; последние упоминаются в нем и называются Русью-дромитами. Этот список географических названий указывает тот морской путь, которым русские обычно доходили до Константинополя. Как известно, они плыли вдоль болгарского побережья Черного моря. Мыс Гэм, Месемврия, Фарос, Мидия (Салмидессус); Фарос (современный Румели-Фанар), Гиерон (теперешний Анадоли-Кавак) были на прямом пути торговых предприятий и военных походов русских на Константинополь.

Возникает предположение о том, что в источнике, которым пользовался Псевдо-Симеон, речь шла о морском нападении русских на Константинополь. Псевдо-Симеон в данном случае так же, как и в описании похода Льва Триполийского, опустил описание исторических событий, оставив только перечисление географических пунктов и упоминание о Руси.

В последнее время расшифровку сообщения Псевдо-Симеона пытался дать Р. Дженкинс, который предложил следующим образом читать данный текст: „русские, или дромиты, под предводительством вождей, одаренных мудростью или божественным вдохновением, пришли морем, обступили мыс и перешли государственную границу у Месемврии, а сухопутное войско, пройдя через Болгарию и Фракию, достигло Мраморного моря у Селимврии. Суда, идя вдоль берега, повернули в пролив у Фара, прошли Иерон и достигли суши у вифинского побережья у Трикефала. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Селимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Раден“³.

Конечно, Р. Дженкинс читает в источнике гораздо больше того, что в нем в действительности содержится; он и сам признает свою реконструкцию гипотетической. У Псевдо-Симеона мы читаем о Русидромитах: Ρῶς δὲ, οἱ καὶ Δρομίται, φερόντες ἀπὸ Ρῶς τινὸς σφοδροῦ διαδραμοντες ἀπὸ τῆς ἀτῆς τῶν χρησαμένων ἐξ ὑποθηκῆς ἢ θεολυτίας τινὸς καὶ ὑπερσχόντων αὐτοὺς ἐπιπέληνται. Δρομίται δὲ ἀπὸ τοῦ ὄξωος τρέχον αὐτοῖς προσεγγέμετο.

В этом сообщении Псевдо-Симеона о Русидромитах много спорного. Греческий текст не ясен и, очевидно, поврежден.

¹ Theoph. Cont., lib. VI, cap. 20, ed. Bonn, 1838, p. 367.

² Symeoni Magistri, l. c.

³ R. S. H. Jenkins. The supposed Russian Attack on Constantinople in 907; evidence of the Pseudo-Symeon. „Speculum“, July 1949, p. 406.

Р. Дженкинсу не удалось сделать понятным этот явно испорченный греческий текст. Быть может, только внимательное изучение всех сохранившихся рукописей и разночтений данного текста может пролить свет на это загадочное место.

Но игнорировать этот текст также невозможно. Историк стоит перед крайне важным фактом: приблизительно в то же время, к которому относится летописный поход Олега, византийский хронист „неожиданно“ вспоминает о русских и перечисляет географические пункты, через которые обычно проходила Русь, направляясь в Константинополь. Это совпадение нельзя признать случайным. А. Грегуар пытался доказать, что Олеговы договоры на самом деле представляют будто бы договоры Византии с Симеоном Болгарским. С этой целью А. Грегуар прибег к крайне искусственному истолкованию некоторых эпиграфических памятников¹. Он не удовольствовался тем, что объявил „легендой“ факт заключения русским князем Олегом в 911 г. торгового договора с греками. Пытаясь „объяснить“ происхождение этой „легенды“, бельгийский историк не нашел ничего лучшего, как приписать киевским летописцам, которые якобы из болгарских источников знали о торговом договоре между Византией и Болгарией, заключенном при Симеоне (текст договора не сохранился), — переделку титула болгарского министра, подпись которого будто бы стояла под договором, — в имя князя Олега. Не говоря уже о натянутости и абсурдности производимых А. Грегуаром сближений имен в источниках и беспочвенности его гипотез относительно несохранившегося болгарско-византийского договора, следует полностью отвергнуть домыслы А. Грегуара еще и на другом основании. А. Грегуар упускает из виду то обстоятельство, что статьи Олеговых договоров, касающиеся морской торговли, не имеют никакого отношения к Болгарии.

Мы не отрицаем, что поход Олега на Византию мог стоять в определенной связи с событиями на Балканском полуострове, в частности, с болгаро-византийскими войнами при царе Симеоне. Однако характер этой связи в настоящее время остается еще неясным.

Некоторые советские историки, как, например, М. Н. Тихомиров, пытались уточнить этот вопрос, используя данные так называемого „Кембриджского документа“. Мы читаем здесь, что Роман Лекапин послал большие дары „Х-л-гу, царю Руси“, и подстрекнул его напасть на хазар. Хельгу напал на город S-m-b-r-jj (искаженное S-m-k-r-c, по мнению П. К. Коковцева—Тмутаракань)² и взял его, воспользовавшись отсутствием „там начальника, раб Хашмонея“. Тогда Бул-ш-цц (вероятно — титул. — М. Л.)³ Песах напал „на города Романа“, а затем „пошел войной на Хлгу и воевал“ (далее следует пропуск) „и бог подчинил его Песаху“; Хельгу вынужден был отдать все, что он добыл мечом в S-m-b-r-jj и признался, что напал на хазар по наущению Романа. Тогда Песах заставил его выступить против Романа: „И пошел тот против воли и воевал против Кустантины (т. е. Константинополя) на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию (Päras) и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти хазар“⁴.

¹ См. нашу статью „А. Грегуар и его работы по византиноведению“. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 241.

² П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке, Л., 1932, стр. 118, прим. 4.

³ Ср. П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 118, прим. 6.

⁴ П. К. Коковцев. Указ. соч., стр. 120.

Как показывает исследование П. К. Коковцева, в „Кембриджском документе“ в фантастическом сочетании представлены события, относящиеся к разным эпохам; не менее фантастические сведения содержатся здесь и о хазарах. П. К. Коковцев установил, что хотя одним из источников „Кембриджского документа“ послужила „Книга Иосиф-пон“ (конец X в.) и, может быть, некоторые аналогичные источники такой же сомнительной ценности, но главным источником этого документа являлся скорее всего „какой-либо утраченный византийский литературный памятник, может быть, именно то письмо, о котором упоминает, к сожалению, в неясных выражениях, Иехуда бен-Барзилай в конце XI в., и которое по своему содержанию, повидимому, отчасти совпадало с „Кембриджским документом“. В подобном источнике, основанном на народных рассказах, поход князя Олега на императора Романа Лекапина не может и не должен нас поражать более, чем множество аналогичных странностей старой исторической литературы“¹.

Несмотря на фантастичность сочетания и тенденциозность изложения, „Кембриджский документ“ отражает некоторые факты исторической действительности, а именно: 1) поход русских на Черное море и в Персию, 2) поход русского князя Олега на Константинополь, 3) сожжение русского флота (Игоря) византийцами, 4) факт подстрекательства киевского князя византийским императором Романом к захвату Самбарад-Таматархи и захват русскими этого города, 5) борьбу хазар за возвращение своих прежних владений в Северном Причерноморье и их нападения на владения Византии.

М. Н. Тихомиров пытается с помощью этого документа определить хронологию Олегова похода². Он исходит из предпосылки, что сношения между Русью и Болгарией в X в. были более тесными, чем это обычно представляют. Это положение является безусловно правильным. Мы только не понимаем, почему М. Н. Тихомиров считает странным, что поход Олега на Царьград никак не отразился в болгарских исторических памятниках³. Ведь для данного периода почти не сохранилось, как известно, болгарских исторических источников, так как они были уничтожены византийцами в период их 200-летнего хозяйничанья в Болгарии; поэтому ничего странного в этом факте мы не находим.

М. Н. Тихомиров прав, указывая, что движение по великому водному пути „из варяг в греки“ было невозможно без согласия болгар, так как этот путь проходил вдоль берегов их государства. Русские суда, — указывает М. Н. Тихомиров, — доходили до устья Дуная и оттуда шли к Месемврии, как об этом говорит Константин Порфирородный. „От Дуная они доходят до Конопа, от Конопа в Константию на реке Варне, от Вары приходят к реке Дичине — все эти места находятся в Болгарии — от Дичины достигают области Месемврии“⁴. Но попытка М. Н. Тихомирова хронологически связать поход Олега с болгарско-византийскими войнами первой четверти X в. не может быть признана успешной.

Ссылаясь на „Кембриджский документ“, М. Н. Тихомиров пишет: „Время похода Олега на Царьград и время его гибели отнесено

¹ П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X веке, стр. XXXIII, XXXV.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 141 и сл.

³ Там же, стр. 137.

⁴ Там же.

ко времени императора Романа Лекапина. Уже В. А. Пархоменко отметил важность приведенного документа, как датирующего время жизни Олега царствованием Романа¹. Действительно, „Новгородская“ летопись, знающая только об одном походе Олега, датирует его 922 г., но указанный год был весьма знаменателен в истории Византии. Летом 922 г. болгарский царь Симеон осадил Константинополь. После долгой осады византийской столицы был заключен мир между греками и болгарами... 9 сентября 922 г. произошла встреча Симеона с Романом. Болгары тщательно осматривали место встречи, боясь измены или засады. После беседы Симеона и Романа болгарский царь получил богатые дары. Весь приведенный рассказ, — пишет М. Н. Тихомиров, — сильно напоминает рассказ летописи о походе Олега на Царьград. Олег разбивает палаты и сжигает церкви. Олегу выносят отравленное вино и пищу. Олег вешает свой щит на воротах Царьграда в знак победы и заключает мир с греками. Совпадение же похода Олега со временем осады Царьграда царем Симеоном заставляет думать, что летопись не случайно отнесла поход Олега к 922 г. Поход Симеона и его необыкновенная удача, может быть, станут понятны, если мы признаем возможность участия Олега в походе Симеона. Тогда летописная дата похода и еврейское сообщение о смерти Олега во Фракии найдут себе обоснование².

Таким образом, М. Н. Тихомиров считает возможным говорить о совместной осаде Константинополя в 922 г. войсками Симеона и Олега. Однако ближайшее ознакомление с источниками опровергает эту гипотезу М. Н. Тихомирова. Действительно, хотя Новгородская первая летопись относит неудачный поход Игоря на греков к 920 г., а победоносный поход Олега — к 922 г., т. е. ко времени царствования Романа Лекапина, однако это известие летописи основывается, как показал еще А. А. Шахматов, только на искусственной переделке тех же хронологических данных, которые послужили основой и для составителя „Повести временных лет“: оно объясняется явным желанием составителя „Начального свода“ представить поход Олега как блестящую „отместку“ за Игоря, воеводой которого Олег выставляется в том же „Начальном своде“³.

С другой стороны, М. Н. Тихомиров ошибочно полагает, что Симеон осаждал Константинополь в 922 г. В. Н. Златарский установил, что свидание Романа с Симеоном состоялось в 923 г., но тогда не было никакой осады и опустошений. Свидание повело к предварительному, хотя и долго не подтверждаемому, соглашению⁴. Некоторые историки полагают даже, что свидание это состоялось в 924 г.⁵

Наконец, мы располагаем византийскими источниками, в которых русские рисуются в качестве союзников Византии против болгар в 922 г.

¹ В. А. Пархоменко. У истоков русской государственности (VIII—XI в.), Л., 1924, стр. 75—76.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 142—143.

³ А. А. Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря, стр. 386—387. Ср. также В. М. Истрин. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград, „Изв. Отд. русского языка и словесности Имп. Акад. Наук“, т. XXI, 1916, стр. 215 и сл.

⁴ В. Н. Златарски. История на първото българско царство, ч. 2, стр. 465—467.

⁵ Ch. Diehl, в кн. Histoire du moyen âge, t. III (sér. Histoire générale... par M. Glotz), Le monde oriental de 395 à 1081, Paris, 1944, p. 455. S. Runciman. The first Bulgarian Empire, London, 1930, p. 168.

В свете этих фактов предположение о том, будто русские вместе с болгарами осаждали в этом году византийскую столицу, полностью исключается.

В самом деле, в письме к болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., константинопольский патриарх Николай Мистик угрожает Симеону нашествием венгров, печенегов, аланов и русских: императоры, пишет он, не перестанут возбуждать для вашей гибели всякий народ: и венгров, и аланов, и печенегов, и русских и другие скифские племена, пока последние совершенно не истребят болгарский народ¹.

Трудно допустить, чтобы патриарх мог писать такое письмо, если бы русские в том году были союзниками Симеона и осаждали Константинополь. Из этого письма и из других источников видно, что обе боющиеся стороны искали себе союзников среди народов северного Причерноморья. В 922 г., повидимому, намечался союз Руси с Византией против Болгарии.

Таким образом, предположение М. Н. Тихомирова о том, что поход Олега на Византию состоялся в 922 г., не может быть доказано. Этот поход, очевидно, имел место до 911 г., т. е. до заключения договора с Византией. Он не мог состояться в 910 г., так как, по свидетельству источников, в этом году значительный отряд русских сражался на стороне Византии: в 910 г. русские принимают участие в морском походе византийского полководца Имерия против Льва Триполийского, который в 904 г. нанес страшный удар Византии, взяв Фессалонику. В 906 г. Имерий одержал над ним значительную победу; после этого византийское правительство собрало огромный флот в 200 судов с 34 тысячами человек экипажа для нанесения Льву решительного удара и отвоевания Крита. По сообщению Константина Багрянородного, в состав экипажа этого флота входило 700 русских наемников, получивших за участие в походе 100 литр золота².

Если в 910 г. русские уже сражались в византийском флоте, то соглашение об их найме должно быть отнесено к предшествующему времени. Поход же Олега на Византию не мог состояться ранее 907 и 908 гг.: точная хронологическая дата, которой мы располагаем, — 2 сентября 911 г. (дата заключения договора), — не позволяет отодвигать время военных действий слишком далеко назад.

Все эти соображения приводят к выводу, что летописная дата похода — 907 г. — является весьма вероятной.

Как мы уже указывали, описание похода 907 г., данное в летописи, является в значительной степени легендарным, так же, как и указанный там размер дани, наложенной на Византию. Давно уже отмечено, что рассказ летописи под 907 г. представляет собой соединение двух версий об одном и том же событии³. Но самые договорные статьи, помещенные под 907 г. летописцем, не могли быть им сочинены. Невероятно также предположение А. А. Шахматова о том, что статьи соглашения 907 г. могли быть взяты из договора 911 г., что они составляли его интегральную часть. Язык этих договорных статей существенно отличается не только от путаного языка договора 911 г., но

¹ В. Н. Златарски. Писмата на патриарха Николая Мистика, „Сборник за народни умотворения, наука и книжнина“, София, 1890, кн. XII, стр. 150, 155.

² Const. Porphyg. De ceremoniis aulae byzantinae, ed. Bonn, lib. II, cap. 44, p. 654.

³ Г. М. Баранц. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1911, стр. 24.

и от более ясного языка договора 944 г. Он почти свободен от книжных славянизмов (вроде дательного независимого) и от несвойственного русскому языку расположения слов в предложении. Не приходится уже говорить о том, что в этом соглашении употребляется русская денежная единица (гривна), в то время как в договорах 911 и 944 гг. денежный счет ведется на греческие единицы.

Договор 911 был окончательный. Поэтому, если бы вторая половина акта 907 г. входила в него, то она могла бы иметь форму, сходную со статьей 2 договора 944 г. (за исключением явных позднейших дополнений), но никоим образом оригинал не мог состоять из диалога, начало которому полагают послы Олега, как это записано в „Повести временных лет“ под 907 г.

Нельзя думать, что летописец сам разложил окончательную форму договора на его подготовительные и составные части и придал предварительным статьям замечательно удачную конструкцию¹.

Еще менее допустимо, чтобы в конце XI или в начале XII вв. летописец изобрел термин „уклад“, являющийся договорным уникамом. Мы не в состоянии в данный момент объяснить, почему договорные статьи под 907 г. приводятся в извлечении и парафразе летописца, но, несомненно, они имеют в глазах историка достоинство акта, воспроизводящего действительные исторические события и не случайной помещенного под 907 г. Что эта дата не ошибочна, подобно многим другим летописным датам до 941 г., показывает то обстоятельство, что „Повесть временных лет“ приводит правильные имена двух императоров во время нападения Руси 907 г.

Византийское правительство в 907 г. находилось в затруднительном положении: неоконченные переговоры о перемирии с арабами, измена Андроника, начальника пограничной области в Малой Азии (который в 906 г. вместо присоединения к Имерии поднял восстание и захватил крепость Кабалу около Кони) и связанные с этим обстоятельствам осложнения на восточной границе — все это могло быть известным Олегу. Византийское же правительство вследствие указанных обстоятельств оказалось вынужденным пойти на значительные уступки русским.

Считая наиболее вероятным, что русский поход на Константинополь состоялся в 907 г., мы в то же время должны присоединиться к мнению тех исследователей, которые полагают, что в 907 г. было заключено лишь предварительное соглашение, а окончательный мирный договор был оформлен только в 911 г.² Действительно, договор 911 г. определенно говорит о существовании предварительного соглашения, в котором, очевидно, были статьи, записанные летописцем под 907 г. Во введении к договору 911 г. мы читаем: „Наша свѣтлость (Олег) бо ль инѣх хотящи, еже о бозѣ удержати (и) извѣстити такую любовь, бывшую межн хрестьяны и Русью многажды, право судихом, не точью просто словесемъ, и писанием и клятвою твердою, кленшеся оружием своим, такую любовь утвердити и известити по вѣре и по закону нашему“³, т. е. „наша светлость более других желая с божьей помощью удержать и провозгласить такой мир, какой был между христианами и Русью неоднократно, решили на деле упрочить такой мир не только

¹ Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, сентябрь, стр. 292—317.

² А. Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками. „Византийский временник“, т. II, 1895, стр. 543.

³ Повесть временных лет, стр. 26.

прямым словесным обещанием, но и клятвой твердой согласно вере и обычаям нашим". Смысл этого текста такой: Олег и раньше заключил договор с греками, но только словесный; он обещал греческим императорам утвердить этот договор письменным актом, скрепленным присягой и подписями, и теперь выполняет данное обещание. Это ведет нас прямо к договору 907 г., когда было заключено предварительное соглашение, на основании которого в 911 г. был заключен договор уже формальный¹. Летописное „простословесен“ может означать и письменную форму, только не торжественную, не сопровождавшуюся „клятвой“. Обращаем также внимание на заголовок договора 911 г. — „Равно другаго свещания, бывшаго при тѣх же царѣх Лва и Александра“. Слова тех же свидетельствуют, очевидно, что перед договором 911 г. теми же императорами уже был заключен договор с Русью².

А. Е. Пресняков почему-то считает, что заключение предварительного соглашения в 907 г. и окончательного в 911 г. не соответствует дипломатической практике X в. Но мы могли бы указать несколько случаев из истории византийско-болгарских отношений при Симеоне, когда дипломатические переговоры тянулись целыми годами, когда предварительное мирное соглашение отделялось от окончательного длительным промежутком времени.

Если мы обратимся к анализу самих договоров, то легко установим, что под 907 г. летописцем записаны основные статьи, регулирующие русско-византийские торговые отношения, а в договоре 911 г. идут статьи разнообразного содержания, которые мы могли бы назвать дополнительными. Из содержания статей, записанных под 907 г., мы видим, что Русь добилась очень крупных преимуществ: прежде всего русские купцы были освобождены от уплаты обременительных таможенных пошлин³ — десятины со всех товаров, которую они платили раньше, как об этом свидетельствует Ибн-Хордадбег⁴. Очевидно, именно к этому и стремились русские, предпринимая поход на Византию. И они, конечно, были заинтересованы в том, чтобы тогда же достигнуть определенной договоренности с Византией по этому вопросу.

Известно, что Византия очень редко и неохотно предоставляла торговые льготы иностранным купцам. Венецианцы получили право беспошлинной торговли в Византии только в конце XI в., когда Византия находилась в критическом положении и не могла обойтись без военной помощи венецианцев. Получение для русских купцов этой льготы в 907 г. являлось выдающимся успехом Руси.

Но русские купцы не только могли на основании соглашения 907 г. приезжать в Царьград и вести здесь беспошлинную торговлю. Кроме этого, они приобрели и другие выгоды. Русским купцам в течение шести месяцев пребывания в византийской столице выдавалось продовольствие (хлеб, вино, мясо, рыба, овощи). При этом в соглашении 907 г. предусматривалось, что это продовольствие (оно называлось „месячное“ в отличие от того, которое полагалось послам — последнее именовалось „слебное“) купцы должны получать в порядке старшинства тех городов, из которых они прибыли; сперва пришедшие из Киева, затем из Чернигова и из Переяславля и из других городов. Русские

¹ Ср. А. Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками, стр. 543.

² Д. М. Мейчик. Русско-византийские договоры. ЖМНП, новая серия, ч. LIX, 1915, сентябрь, стр. 310.

³ Повесть временных лет, стр. 25: „да творят куплю, яко же имъ надобе, не платяче мыта ни в чем же“.

⁴ M. I. De Goeje. Bibliotheca geogr. arabic., VI, 115, Amsterdam, 1880.

послы и купцы имели право мыться в греческих банях „елико хотят“. Они получали на обратный путь провизию, якоря, веревки, паруса и все необходимое для благополучного возвращения¹.

В то же время Византия выговаривала некоторые условия, гарантирующие ей безопасность от приезжающих в Константинополь русских. Русские купцы должны были останавливаться в предместье города (у церкви св. Мамонта). Там их переписывали поименно греческие чиновники и затем уже впускали в город — без оружия, в одни ворота и притом небольшими партиями по 50 человек. Русские, прибывающие в Константинополь не для торговых целей, не получали „месячного“. Русские послы и купцы обязывались не совершать в византийской столице никаких бесчинств².

Таковы были важнейшие положения, регулировавшие русско-византийские отношения по соглашению 907 г. Именно потому, что эти статьи уже вошли в соглашение 907 г., они не повторяются в тексте договора 911 г., который наш летописец приводит целиком.

Византийское правительство должно было договориться с киевским князем о том, как поступать при возможных столкновениях русских с подданными империи. В связи с этим в 911 г. Олег послал в Константинополь своих „мужей“: они должны были договориться по этому вопросу и окончательно утвердить мир между византийцами и Русью. Была достигнута договоренность о том, что при разборе каждого преступления нужно основываться на достоверных показаниях; в случае, если правдивость свидетельства будет заподозрена, пусть подозреваемая сторона клянется, что свидетельство ложно. „Да егда кленеться по вѣре своей и будеть казнь, яко же явиться согрешенье“³. Далее в договоре следовали статьи: 1) за убийство одинаково наказываются смертью греки и русские; 2) за удар мечом или битье каким-либо другим орудием платят пять литр серебра; если совершивший преступление не имеет средств, то приносит в том присягу и отдает все свое имущество и одежду; 3) за кражу можно убить вора, если он сопротивляется, в случае же, если вор отдается добровольно, то с него берется сумма, в три раза превышающая цену похищенного имущества; 4) грабитель, применяющий насилие, платит втрое против взятого; 5) если греческий корабль будет терпеть бедствие в чужой земле и там окажутся русские, то они обязаны помочь ему добраться домой; 6) если в какой-нибудь стране будут обнаружены русские или греческие невольники, то обе стороны должны их выкупать и отправлять домой; там выкупившим невольника должна быть уплачена компенсация; военнопленные также должны быть возвращены на родину на условиях выкупа; 7) те из русских, которые хотят служить в императорском войске, могут делать это свободно; 8) если русские невольники будут приведены на продажу из какой-либо страны к грекам, а греческие невольники — на Русь, то они выкупаются по цене 20 золотников и отпускаются на родину; 9) если будет украден русский раб, либо убежит, либо насильно будет продан, и если господин раба будет жаловаться, то раб должен быть возвращен Руси. Также купцы русские, потеряв раба, могут искать его по суду и взять обратно. Если же кто не позволит произвести дознание, то будет обвинен в краже; 10) если кто из русских, служащих у императора, умрет, не оставив завещания и не будет у него никого из родных, то имение его отсы-

¹ Повесть временных лет, стр. 24.

² Там же, стр. 25.

³ Там же, стр. 26.

лается „ближним“ на Русь; если перед смертью укажет наследника своего, то имение переходит ему; 11) если имевший на Руси долг явится в греческую землю и не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же¹.

Таким образом, статьи договора 911 г. можно рассматривать как дополнение к соглашению 907 г. В этих статьях речь идет не только об условиях торговли между Византией и Русью. Здесь предусматриваются случаи нарушения обеими сторонами уголовного и гражданского права, обязательства русских возвращать имущество византийцев, потерпевших крушение, обязательство взаимного выкупа и возвращения на родину пленников и беглых рабов. Статья же о взаимной выдаче военнопленных подтверждает наличие военных действий в период, предшествующий договору.

Договорные статьи 907 г. и точно датированный договор 911 г. являются ценнейшим источником по истории Руси начала X в. Русь выступает в этих договорах крупной политической силой, с которой Византия заключает письменный договор на началах равноправия и взаимности. Оба документа свидетельствуют о том, что в X в. торговые сношения с Византией были уже чрезвычайно важными, чем и вызвана была потребность регулировать взаимные отношения договорами. Инициатива в этом отношении, очевидно, исходила от Руси, так как Византия держала в своих руках торговые пути через Черное море и предпочитала диктовать свои условия чужеземным купцам. Но в X в. Киевская Русь была уже достаточно сильна, чтобы заставить Византию договариваться с собой.

Договоры содержат, кроме того, ценные данные о политическом устройстве Киевской Руси в начале X в. Во главе ее стоял старший князь, „а под рукою его“, по городам (Чернигов, Переяславль, Полоцк и Любеч и „прочии города“) — вассальные князья. Договорные статьи 907 г. свидетельствуют о наличии в Киевской Руси классового общества и государства. „Заповѣда Олег дати воем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь и потом даяти уклады на руския грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переаславль, на Полтъск, на Ростов, на Любечъ и на прочаа города; по тѣм бо городомъ седаху велиции князи, под Олгом суще“².

В договоре 911 г. к этому тексту мы имеем существенные дополнения. Представители русской стороны в этом договоре посланы были от „Олга, великого князя рускаго, и от всѣх, иже суть под рукою его, свѣтлых и великих князь и его великих бояр“³. В договоре перед нами выступают русские князья, бояре, послы, купцы. Они имеют частное имущество, вправе распоряжаться им и могут передавать его по завещанию. Договор 911 г. упоминает о письменных завещаниях русских людей, проживавших в Византии. Академик Б. Д. Греков справедливо указывает: „Если здесь можно допустить, что русские люди, жившие в Византии, могли писать завещание не по-русски, а по-гречески, то в договоре 944 года русская письменность подразумевается уже с гораздо большей вероятностью“⁴.

Договоры Олега свидетельствуют о том, что Русь была с соседями не только во враждебных отношениях, но поддерживала с ними и

¹ Повесть временных лет, стр. 26—28.

² Там же, стр. 24.

³ Там же, стр. 25—26.

⁴ Б. Д. Греков. Киевская Русь, стр. 11.

мирные, экономические и культурные связи, которые упрочивали внутреннюю силу и мощь Киевского государства. Из договора 911 г. мы узнаем, что русские уже задолго до заключения договора торговали в Константинополе, нанимались здесь на службу к императорам. Иначе непонятны целые статьи договора, введенные для урегулирования вопроса об имуществе умерших на службе императора русских, запрещение приезжающим творить бесчинства в Константинополе, подробное урегулирование вопроса о рабах, бежавших от Руси к грекам и наоборот. Статьи договора 911 г., устанавливавшие для русских право беспрепятственно наниматься на военную службу к византийским императорам, только подтверждают то, что уже вошло в обычай раньше. Официальное разрешение, данное договором, могло этот обычай лишь расширить. И действительно, с этого времени мы встречаем в источниках упоминания о том, что целые отряды русских нанимались на византийскую военную службу. Так, например, мы видим 700 русских воинов, участвующих в неудачном морском походе Имения в 910—911 гг., причем они получали большее содержание, чем византийские матросы. В 936 г. при Романе Лекапине 415 руссов участвовали в морском походе в Италию против лангобардов.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что договоры Олега не только по языку, но и по содержанию и по характеру являются славянскими, а не германскими, как утверждали норманисты, памятниками. Мы уже упоминали о том, что, заключая договоры с греками, русские князья клянутся славянскими языческими божевами, а не германскими. Такие явления, как отсутствие суровых наказаний, почетное положение женщин, право родовой мести представляют собой явления общеславянские. Сходство болгарских и русских обычаев IX—X вв. подчеркивается одинаковым способом клятвы у обоих народов. Русские, по летописи, „полагают щиты своя и мече свои наги... и прочая оружья, да кленутся о всем“¹. Под 907 г. летописец говорит, что мужи Олега „по Рускому закону кляшася оружьем своим“². А из ответов папы Николая I на вопросы болгарского царя Бориса узнаем о таком же обычае у болгар. „Вы утверждаете, — пишет папа, — что у вас был обычай всякий раз, когда вы собирались связать кого-либо клятвой по какому-нибудь делу, класть перед собой меч, им и клялись“³.

Далее из договоров мы узнаем, что русскими князьями выдавались своим послам и „гостям“, отправлявшимся в Византию, печати (быть может в виде перстней), служившие знаками отличия и достоинства. Существование подобных печатей засвидетельствовано также в сербском законодательстве. Там практиковались два способа вызова в суд: через печати и через грамоты: „властеле вели да сего призываю с книгом судиномь, а прочи с печатком“⁴.

Наконец, и внутреннее содержание договора 911 г., как это давно уже показал С. Геденон, не обнаруживает никакого влияния норманского права, религии, обычаев. Источником его правовых норм служили византийские законы и древнейшая изустная Русская Правда.

¹ Ср. М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами, стр. 139.

² Повесть временных лет, стр. 25.

³ В. Н. Златарский. Клятва у языческих болгар. „Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности“, ч. 1, СПб., 1907, стр. 251—260.

⁴ Законник Стефана Душана, прилож. к кн. Т. Д. Флоринского „Памятники законодательной деятельности Душана“, Киев, 1887, стр. 2.

П. О. КАРЫШКОВСКИЙ

О ХРОНОЛОГИИ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ВОЙНЫ ПРИ СВЯТОСЛАВЕ

Вряд ли приходится доказывать, что для исчерпывающего и всестороннего изучения прошлого необходимо точное определение времени и места минувших событий. Не случайно К. Маркс, изучая всемирную историю, составляет конспекты в форме хронологических выписок. Также и В. И. Ленин указывал на необходимость знания учащимися хронологии для того, чтобы в изучении истории не было верхоглядства¹.

Более пятнадцать лет назад Советское правительство и ЦК ВКП(б) отметили, что „решающим условием прочного усвоения учащимися курса истории является соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий“². Это указание Партии и Правительства прочно усвоено нашей исторической наукой, но все же некоторые отголоски ликвидаторских установок „школы“ Покровского в отношении вспомогательных исторических дисциплин еще и сейчас иногда проявляются в сбивчивости и неряшливости хронологических данных в научной и учебной литературе. Одной из задач советской исторической науки является поэтому установление научно обоснованной и критически проверенной хронологии.

Установлению хронологии событий, связанных с Балканскими войнами Святослава, посвящена немалая литература. Не говоря уже о том, что по этому вопросу высказывались авторы общих трудов или специальных сочинений как по истории взаимоотношений Руси, Болгарии и Византии, так и по истории каждой из этих стран в отдельности, — можно указать и более десятка статей, специально посвященных установлению соответствующих хронологических данных. Однако большинство этих работ, принадлежащих буржуазным ученым, носит формальный характер: исследователи ограничивают свою задачу установлением какой-либо одной изолированной даты, не привлекая, как правило, в пределах своей работы всю совокупность сохранившихся источников. Поэтому почти все существующие работы дают несходную хронологическую канву событий, а это влечет за собой иногда серьезное расхождение в выводах. В самом деле, если ограничиться только основными датами и не касаться частных разногласий, можно указать четыре

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, стр. 442 (изд. 3).

² Из постановления СНК и ЦК ВКП(б) „О преподавании гражданской истории“ от 16 мая 1934 г. Сб. „К изучению истории“, изд. ВПШ при ЦК ВКП(б), 1946, стр. 17.

различные и примерно одинаково распространенные датировки Балканской войны:

1. Первый поход Святослава в Болгарию относится к 967 г., заключение мира с греками — к 971 г.

Так считали, основываясь на летописи, почти все русские ученые до последней четверти прошлого века — Н. М. Карамзин, А. Д. Чертков, С. М. Соловьев, А. Ф. Гильфердинг; особенно подробно развивал этот взгляд Н. П. Ламбин¹. На западе к этой точке зрения примыкали К. Иречек, К. Папарригопуло, Г. Гельцер, в последнее время — Ф. Дельгер и Г. Острогорский². Из болгарских ученых такую датировку встречаем у Г. Д. Баласчева³. Наконец, в советской исторической литературе эта датировка принята И. Лебедевым и В. В. Мавродиным⁴.

2. Первый поход Святослава относится к 967 г., заключение мира — к 972 г.

Так считал, повидимому, А. А. Куник; особенно подробная аргументация была дана его учеником Ф. Ф. Вестбергом⁵. На западе этот взгляд разделяли Ш. Газе и Г. Шлюмберже⁶, в Болгарии — П. Мутафчиев⁷. В советской историографии к этой точке зрения примыкают М. В. Левченко и Н. Л. Рубинштейн⁸.

3. Первый поход Святослава относится к 968 г., заключение мира — к 972 г.

¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. 1, т. 1, СПб., 1842, стр. 97—118; А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава против Болгар и Греков. „Русский историч. сборник“ (РИСБ), т. 6, кн. 3—4, М., 1843, стр. 397—431; С. М. Соловьев. История России, т. 1, кн. 1, СПб., 6/г, стр. 141—152; А. Ф. Гильфердинг. История Сербов и Болгар. Собр. соч., т. 1, СПб., 1868, стр. 139—155; Н. П. Ламбин. О годе смерти Святослава. „Зап. имп. Акад. наук“ (ЗАН), т. 28, 1876, кн. 2, стр. 119—156.

² К. Иречек. История Болгар, Одесса, 1878, стр. 239—244; К. Παπαρριγοπούλος. Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, τὰ ἔκθ. Β', ἐν Ἀθηναῖς 1887, σελ 131—133; 186—188; 191—202; Н. Gelzer. Abriss der Byzantinischen Kaisergeschichte (K. Krumbacher's Geschichte d. Byz. Litteratur, 2 Aufl., München, 1897), S. 286—289; Cambridge Medieval History, v. IV, 1927, p. 72, 207—208, 238—240; F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges des Kais. I. Tzimiskes gegen die Russen, BZ, B. 32, 1932, S. 275—292; G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates, München, 1941, S. 206—209; L. Brehier, Vie et mort de Byzance, P. 1947, pp. 207—209.

³ Г. Д. Баласчев. Болгарите през последните десетгодишници на 10 век, София, 1927, стр. 4—17.

⁴ И. Лебедев. Войны Святослава. „Исторический журнал“, 1938, № 5, стр. 47—61; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, Л., 1945, стр. 267—285.

⁵ А. А. Куник. Заметка о годах смерти в. к. Святослава и Ярослава. ЗАН, т. 28, 1876, кн. 2, стр. 156—164; ср. его же. Замечания на „Каспий“ Б. Дорна, СПб., 1875, Указатель, стр. 637; его же. Известия Ал-Бекри о Руси и славянах, ч. 1, СПб., 1878, стр. 72—73; Ф. Ф. Вестберг. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП, 1908, № 3, стр. 3—7; его же. Ibrahim's Ibn-Jakub's Reisebericht über die Slawenlande, Beiage 14. ЗАН, историко-филологич. отд. (ИФО), 8 серия, т. 3, № 4, 1898, стр. 150—152.

⁶ Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri X e rec. С. В. Nasii, Bonnae, 1828, notae, p. 447, 472—473 и др.; G. Schlumberger. Un empereur byzantin au X siècle, Nicephore Phocas, Paris, 1890, p. 548, 553, 568—574, 735, 738; его же. L'épopée byzantine à la fin du X siècle, I partie. Paris, 1896, p. 50—53, 82, 107, 116—122 etc.

⁷ П. Мутафчиев. История на Българския народ, ч. 1, изд. 2, София, 1943, стр. 269—277.

⁸ М. В. Левченко. История Византии, М.—Л., 1940, стр. 164—165; Н. Л. Рубинштейн. История СССР до конца 18 в., БСЭ, том СССР, История, 1947, стб. 312 и Хронология, стр. II.

За эту датировку выступал В. Г. Васильевский; его точку зрения разделяли Ф. И. Успенский и А. А. Шахматов; подробное изложение соответствующих взглядов дает Н. Знойко¹. Из западноевропейских ученых так считали К. Голф, А. Гфрёрер, в последнее время Дж. Бьюри², из болгарских — В. Н. Златарский³. Наконец, в советской литературе такие даты встречаем в работах Н. С. Державина и С. А. Семенов-Зусера⁴.

4. Первый поход Святослава относится к 968 г., заключение мира — к 971 г.

Эта точка зрения также имела своих защитников — в лице Д. И. Иловайского, М. Грушевского, А. Е. Преснякова⁵, в западноевропейской литературе так считали Дж. Финлей, Г. Влислоцкий и В. Милкович, Ф. Гыбль⁶, в болгарской — Н. П. Благоев⁷. Из советских исследователей такой датировки придерживался М. Д. Приселков⁸.

Следует также отметить, что многие ученые изменяли свои взгляды по этому вопросу. Показательны, например, колебания Г. Герцберга и Ш. Диля⁹ или таких вдумчивых и серьезных исследователей, как академик Б. Д. Греков и проф. М. Н. Тихомиров¹⁰. Наконец,

¹ В. Г. Васильевский. Заметка к статье Н. Ламбина. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 1—17; Ф. И. Успенский. Русь и Византия в 10 в., Одесса, 1888, стр. 22—31; его же. Значение походов Святослава в Болгарию. „Вестник древней истории“ (ВДИ), 1939, № 4, стр. 91—96; А. А. Шахматов. Введение в курс истории русского языка, ч. 1, Петр., 1916, стр. 75—76; Н. Знойко. О посольстве Калокира в Киев. ЖМНП, 1907, № 4, стр. 249—256; его же. О походе Святослава на Восток. ЖМНП, 1908, № 12, стр. 264—271.

² C. Norf. Geschichte Griechenlands vom Beginn des Mittelalters. Allgem. Encyclopädie hrsg. von I. Ersche und I. Gruber, Sect. I, 86 Teil, Lpz., 1868, S. 121; A. F. Gfrörer. Byzantinische Geschichten, B. II, Graz, 1873, S. 531—537; так же Бьюри в примечаниях к переизданной под его редакцией истории Гиббона (E. Gibbon. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire, edited with introduction, notes etc. by J. V. Bury, v. VI, London, 1898, p. 157—161, notes 84, 86, 88).

³ В. Н. Златарский. История на Българската държава през средните векове, т. 1, ч. 2, София, 1918, стр. 567—632 и особенно примечания на стр. 577—578, 582—583, 589, 594—596, 606—607.

⁴ Н. С. Державин. История Болгарии, т. 2, М.—Л., 1946, стр. 12—15; его же. Славяне в древности, М.—Л., 1945, стр. 201—204; С. А. Семенов-Зусер. Князь Святослав, Харків, 1946, стр. 3, 21 и сл., 25—26, 36 и сл., 43 и сл. и ми. др.

⁵ Д. И. Иловайский. История России, т. 1, изд. 2-е, М., 1906, стр. 30—47 и 685—687; М. Грушевский. История Украины—Руси, т. 1, вид. 3, Київ, 1913, стр. 567—572; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. 1, М., 1938, стр. 83—84.

⁶ G. Finlay. History of the Byzantine Empire from 716 to 1057, vol. I (2 ed.), Edinburgh and London, 1856, p. 395—415; Weltgeschichte, hrsg. von H. F. Helmolt, B. V, Südeuropa und Osteuropa, Leipzig—Wien, 1905, S. 328—330, 441—442; F. Hrubl. Dějiny národa Bulharského, díl I, v Praze, 1930, стр. 116—118.

⁷ Н. П. Благоев. Царь Борис II. Годник на Софийския Университет, юридич. факт (ГСУ, ЮФ), кн. 25, 1930, стр. 8—10, 16 и сл.; его же. Критичен поглед върху известията на Лев Дякон за Българите. Македонский Преглед (МПр), т. 6, 1930, кн. 1, стр. 28 и сл., кн. 2, стр. 23 и сл.

⁸ М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения 9—12 вв. ВДИ, 1939, № 3, стр. 102—103; его же. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси, СПб., 1913, стр. 14—16.

⁹ Sp. G. F. Herzberg. Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens, B. I, Gotha, 1876, S. 285—286 и его же. Geschichte der Byzantiner, Berlin, 1883, S. 171—175; также Ch. Diehl. Histoire de l'empire Byzantin, Paris, 1934, p. 102—105 и Ch. Diehl et G. Marçais. Le monde Oriental de 395 à 1081, 2 éd., Paris, 1944, p. 470—473.

¹⁰ В 1937 г. Б. Д. Греков относил смерть Святослава к 972 г. (Феодальные отношения в Киевском государстве, стр. 174—175); в 1939 г. — к 973 г., первый поход — к 967 г., нападение печенегов на Киев — к 968 г., второй поход — к 969 г., выступление Цимисхия против Руси к началу 971 г., мирный договор — к 972 г. (История

Д. Анастасиевич выступил в защиту особой точки зрения: он считает, что последний поход Цимисхия против Руси продолжался более трех лет и закончился только в 974 г.¹

Чтобы оценить все эти противоречивые данные, следует обратиться к первоисточникам.

Наиболее полную датировку событий дает хроника Иоанна Скилицы. По словам хрониста, „на четвертом году своего царствования, в июне 10-го индикта“ император Никифор Фока выступил в поход к северным границам Византии и, после неудачной попытки переговоров с болгарским царем, отправил Калокира к Святославу. Однако руссы выступили в поход и высадились в Болгарии только „в августе 11-го индикта пятого года Никифора“, что вполне понятно и естественно, так как посольство, переговоры и сбор необходимых для дальнего похода сил потребовали некоторого времени. О возвращении Руси на родину хронист прямо не говорит, но тут же добавляет: „и также со временем на шестом году его царствования они опять отправились в поход против Болгарии“². После этого Скилица возвращается к русско-болгарским делам, как они складывались уже после смерти Никифора, случившейся, по данным хрониста, ночью 11 декабря 13-го индикта 6478 г. Рассказ о первых мероприятиях Цимисхия, хронист кратко сообщает об успехах русского оружия, а затем переходит к повествованию о походах Склира против руссов, указывая, что непосредственно после этого он был переброшен в Азию против восставших Фокадов (Cedr., II, p. 383.14—388.19). За рассказом о ликвидации этого мятежа следует заметка о женитьбе императора (ibid., p. 392.17—20), а далее Скилица излагает историю русской войны Цимисхия, которую он определенно относит ко второму году царствования этого императора (ibid., p. 392.20—22). Повествуя о ходе войны, Скилица сообщает еще, что штурм Преславы продолжался два дня (ibid., p. 397.12), что император провел в захваченном городе пасху (ibid., p. 397.16; следует предпочесть рукописное чтение *ἀναστάσεως*) что первое сражение у стен Доростола произошло в день празднования св. Георгия (ibid., p. 400.6—8), что осада города началась некоторое время спустя, но через 65 дней была установлена полная блокада³. Наконец, решающие

СССР, т. 1, стр. 94—96, ср. Киевская Русь, 1939, стр. 234—241). Затем поход Цимисхия против Святослава был отнесен уже к началу 972 г., а прочие даты остались без изменения (Борьба Руси за создание своего государства, 1942, стр. 82—85; то же, 1945, стр. 64—66; Киевская Русь, 1944, стр. 263—269). В 1947 г. акад. Б. Д. Греков относит смерть Святослава опять к 972 г., договор — к 971 г., первый поход — к 968 г., — второй — к 969 г. (История СССР, т. 1, изд. 2-е, стр. 78—80). Однако в 1949 г. Б. Д. Греков возвращается к своим взглядам 1942—1945 гг. (Киевская Русь, 1949, стр. 454—462). Ср. различные даты также в работах М. Н. Тихомирова, например История СССР, т. 1 под ред. В. И. Пичета, ОГИЗ, 1941, стр. 37; его же. Исторические связи южных и восточных славян. Исторический журнал, 1941, № 10/11, стр. 66—67; его же. Исторические связи русского народа с южными славянами. „Славянский сборник“ (Сл. Сб., ОГИЗ, 1947, стр. 143—152).

¹ Д. Н. Анастасиевич. Болгария 973 г. „Byzantinoslavica“ (BSI), t. III, 1, 1931, p. 103 ss.; его же. La chronologie de la guerre russe de Tzimisces „Byzantion“, t. VI, 1, 1931, p. 337 ss.; его же. La date du Typicon de Tzimisces pour le Mont Athos. „Byzantion“, t. IV (1927/28), p. 7—11; его же. Година савеза Фокина с Бугарима против Руса. „Гласник Скопског Научног Друштва“, т. 11, 1931, стр. 51—60 и ряд статей, посвященных выяснению хронологии отдельных источников, причем выводы автора не всегда являются убедительными (см. ниже).

² Georgii Cedreni. Compendium historiarum, t. II, ed. Bonn, 1839, p. 372. 3—17.

³ Cedr., II, p. 400.9—18. Поэтому вряд ли можно согласиться с Д. Анастасиевичем (Die Chronologischen Angaben des Skylitzes, BZ, Bd. 31, 1931, S. 330—332), будто осада города началась только в июле; ср. возражения Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges., BZ, Bd. 32, 1932, S. 291—292.

бои за город начались 20 июля (*ibid.*, p. 405.15—16), а на следующее утро¹ завязалось последнее сражение, продолжавшееся весь день, который Скилица считает днем празднования памяти св. Феодора Стратилата². Некоторые из этих дат сохранились и в передаче Зонары, скудные хронологические данные которого нигде не противоречат в отмеченных пределах сообщениям Скилицы³.

Несмотря на то, что приведенные показания вызывают некоторые сомнения⁴, они все же могут быть истолкованы вполне определенно:

¹ Большинство ученых, основываясь на словах Льва Диакона (p. 152.10—12), относят день последнего сражения к 24 июля (например, Е. Белов. Борьба в. к. Святослава с имп. Иоанном Цимисхием. ЖМНП, 1873, № 12, стр. 185; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 16; G. Schlumberger. L'épopée..., v. 1, p. 140, note; F. Huby. Dějiny národa Bulharského, p. 117; В. Н. Златарски. История на Българската държава..., стр. 620; П. Мутафчиев. Съдбините на средновековния Дръстр. Сб. „Силистра и Досруджа“, кн. 1, София, 1927, стр. 151, также С. А. Семенов-Зусер, Князь Святослав, стр. 49). Другие, ссылаясь на Скилицу, — к 22 июля (например, А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава против Болгар и Греков, РИСБ. т. 6, 1843, кн. 3—4, стр. 425; А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 1, стр. 153; М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. Счч., т. 1, София, 1909, стр. 475; К. Иречек. История Болгар, стр. 243; Н. П. Ламбин. О годе смерти Святослава. ЗАН, т. 28, 1876, кн. 2, стр. 153; также В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, стр. 284). Однако слова Скилицы показывают, что решительная битва была на следующий день после сражения 20 июля: в этот день руссы вышли из города и завязался бой, в котором пал Икмор (*Sedr.*, p. 405.15—406.15); сражение продолжалось до темноты (*ibid.*, p. 406.18), ночью или утром происходил военный совет (*ibid.*, p. 407.1—408.1), а на другой день (*ibid.*, p. 408.1) при заходе солнца (*Leo Diacon.*, p. 152.12) руссы снова выступили из города. Таким образом, 22 число выводится не из слов Скилицы, а является результатом соединения их с показаниями Льва Диакона, который сообщает, будто совет руссов был на другой день после гибели Икмора а еще на следующий день завязался последний бой (*ibid.*, p. 150.21 и 152.10—12). Тем не менее этому показанию нельзя придать значение решающего, так как в 9-й книге Льва все без исключения эпизоды войны с Русью вводятся стереотипными выражениями „на другой день“, „на следующий день“ (*ibid.*, p. 142.1, 143.9, 144.13, 148.23, 150.21, 152.10—12). В этом очень трудно видеть следы использования „дневника военных действий“ (F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges..., S. 288), ибо вся хронология Льва чрезвычайно сбивчива; например, по Скилице между смертью Куркуаса и сражением 20 июля проходит некоторый промежуток времени, в то время как по Льву и это тоже было „на другой день“ (*Sedr.*, II, p. 405.3—22 и *Leo Diacon.*, p. 147.23—149.2). Поэтому и в данном случае Лев, по всей вероятности, хуже сохранил известия общего ему со Скилицей первоисточника, и сообщение хрониста следует не механически соединять со сбивчивыми показаниями Льва о дне последнего сражения, но решительно предпочесть им. Dölger (*ibid.*, S. 291) правильно определяет день последнего сражения как 21 июля, но не указывает для этого оснований и не делает никаких выводов. Что касается существующего огнесения последней битвы к 20 июля (C. Göllner. Les expéditions byzantines contre les Russes sous Jean Tzimiscès. „Revue historique du Sud-Est Européen“ (RHSEE), t. 13, 1936, № 10/12, p. 357—358), то это, очевидно, просто ошибка.

² На этом основании E. de Mouralt (Essai de chronographie byzantine, St.-Pet., 1855, p. 555) и Д. Анастасиевич (Болгария, 973 г., ВЗ, Bd. 31, 1931, p. 329—333; „Byzantion“, t. VI, 1. 1931, p. 337—341, а также в статье Les indications chronologiques de Yahya. Mélanges... Ch. Diehl, t. 1, 1930, p. 1—5) пытались отнести день последнего сражения к одному из дней празднования этого святого (8 июня и 8 февраля). Однако взгляды их не выдерживают критики (см. замечания В. Г. Васильевского о „Труды“, т. IV, стр. 16 и F. Dölger. Die Chronologie des grossen Feldzuges..., S. 289—290).

³ Zonarae Epitome Historiarum libri XIII—XVIII, ed. Bonn, 1897, t. III, p. 501. 15—16, 513.17—18, 519.8—10, 527.5—9, 531.14—16, 533.7—9.

⁴ Главное затруднение представляет вопрос о том, каким образом исчисляются Лев и Скилица годы царствования императоров, т. е. со дня ли фактического вступления на престол (как считают Дельгер и большинство ученых) или от начала первого календарного и индиктного года, приходящегося на новое царствование (Анастасиевич, Гутшмид). К сожалению, „История“ Льва, ввиду малого количества

так как Никифор Фока был коронован 16 августа 6-го индикта 6471 г., то июль 10-го индикта на четвертом году его царствования может быть только июлем 967 г., август же 11-го индикта (т. е. 968 г.) делится пополам между пятым и шестым годами Никифора; поэтому указание на пятый год царствования позволяет отнести наше событие Руси к первой половине месяда¹. Из этого вытекает, что второй поход Руси на Дунай должен был произойти до половины августа следующего 969 г.²

содержащихся в ней дат, не дает возможности определить способ исчисления этим историком „царских лет“. Что касается Скилицы, то и у него лишь немногие даты могут быть проверены. В частности, пятая из дат, разобранных Дельгером (op. cit., VZ, Bd. 32, 1932, S. 279), произвольно скомбинирована последним из двух совершенно разных известий (Ced r., II, p. 363.8—9 и 363.19, между тем, как последнее указание надо отнести к p. 361.14—15). В самом деле, соединение указаний на второй год правления Никифора и на октябрь девятого индикта не дает смысла при любом способе исчисления „царских лет“. Однако результаты проверки остальных дат показывают, что невозможно согласиться и с Анастасиевичем, по крайней мере, по отношению к Скилице. Первая, вторая и третья даты хрониста (p. 323.23—24; 332.4—5; 337.13—14) могут быть истолкованы применительно к обеим системам счета (относительно двух первых в этом согласны и Dölger. Op. cit., S. 278—279 и Анастасиевич. Царский год в Византии, „Seminarium Kondakovianum“ (SK), т. 11, 1940, стр. 187—188), а третью каждый из них с одинаковым успехом истолковывает в свою пользу). Четвертая дата (Ced r., II, p. 361.14—15) допускает истолкование только в пользу точки зрения Дельгера (op. cit., S. 279) (Ср. и Анастасиевича, *ibid.*, p. 188—189), но и то лишь в том случае, если считать годы Никифора с момента его провозглашения императором 2 июля 963 г. Шестая дата (Ced r., II, p. 372.3—4) может быть применена к обоим способам исчисления (ср. Dölger, S. 279; Анастасиевич, стр. 189—190), седьмая (Ced r., II, p. 372.13—14) может быть истолкована только по способу Анастасиевича (там же). Дельгер находит выход в исправлении индикта, а это приводит к перенесению первого появления Руси в Болгарии на 967 г. (Dölger, S. 280; ср. также S. Runciman. A History of the First Bulgarian Empire, London, 1930, App. XII, p. 304). Анастасиевич решительно возражает против такого перенесения (там же, стр. 190—192) и с точки зрения общего хода событий с ним нельзя не согласиться. Но Анастасиевич не замечает (как, впрочем, и Дельгер), что если принять за начало царствования Никифора день его коронации (16 августа), то и эта дата приведена по способу Дельгера. Однако в таком случае неувязку пришлось бы признать в четвертой дате, где июль 7-го индикта оказался бы уже не на втором, а на первом году правления Никифора; ошибку в индикте предположить здесь нельзя, так как дата похода в Киликию подтверждается другими источниками. Быть может, выход надо видеть в том, что четвертая и седьмая даты Скилицы восходят к его двум первоисточникам (см. М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. „Византийское обозрение“, т. 2, вып. 1, 1916, стр. 112 и сл.), из которых один исчислял годы правления с момента провозглашения, а другой — со дня коронации. Трудность положения увеличивается тем, что почти невозможно объективно определить, следует ли начинать счет лет Никифора Фоки со 2 июля или с 16 августа: если считать его соправителем малолетних сыновей Романа — то со дня коронации, а если вполне самостоятельным правителем — то со дня провозглашения; естественно, что враждебный Фокадам источник Скилицы предпочитал первый способ, а благожелательный настроенный — второй. Однако даже и не принимая такого объяснения, можно заметить, что поскольку Василий и Константин никогда не были официально отстранены от правления, счет лет Никифора следует начинать с 16 августа и соответственно признать испорченной четвертую, но никак не седьмую дату. Наконец, восьмая дата у Дельгера и девятая у Анастасиевича вообще не поддаются проверке (ср. Dölger, S. 279—280, Анастасиевич, стр. 193 и Ced r., II, p. 372.16 sq. и 657.4 sq.; для предпочтения рукописного индикта в первом из этих случаев, как это делает Дельгер, мы все же не усматриваем оснований).

¹ Так принимает В. Н. Златарски (История на Българската държава..., стр. 577—578, прим.); иначе — Ф. Дельгер и С. Рэнсимен, с чем, как было показано, нельзя согласиться.

² Дельгер относит его к 968 г., но эту точку зрения принять невозможно: Повесть временных лет (Лавр. лет., ПСРЛ, т. 1, вып. 1, изд. 2-е, Л., 1926, стб. 67.20 и сл.; Ипат. лет., ПСРЛ, т. 2, вып. 1, изд. 3-е, Пгр., 1923, стб. 56.19 и сл.) знает о присутствии Святослава летом 969 г. на Руси, где 11 июля умерла Ольга. Таким образом, пришлось бы, следуя Дельгеру, допустить, будто Святослав дважды возвращался на Русь, для чего нет никаких оснований.

Битвы Склира с руссами и усмирение Фокадов вряд ли можно, не искажая текста и смысла событий, вынести за пределы 970 г.; указание на второй год царствования Цимисхия также может относиться только к 971 г.¹

Известия Льва Диакона почти лишены в этой части точных хронологических указаний и поэтому могут быть согласованы с датами Скилицы. Историк добавляет, впрочем, что Преслава была взята в великую пятницу, а время последней битвы под Доростолом определяет как „шестой день седмицы и 24-й месяца июля“ (Leo Diacon., p. 134. 21—25 и 152.11—12)². Другим и притом более важным противоречием является указание на время свадьбы Цимисхия и Феодоры: „Стоял ноябрь во втором году его владычества, когда брачный совершался пир“ (ibid., p. 127.8—9). Это, безусловно, может означать только одно — именно, что Лев относит поход Цимисхия против Руси к весне 972 г.³ Поэтому до тех пор, пока рассматривали Льва как современника, очевидца и чуть ли не участника событий, многие ученые, преодолевая порой значительные затруднения, растягивали войну с Русью до 972 г.⁴ Если учесть, однако, что и Лев является писателем несамостоятельным, причем Скилица лучше использовал общий ему со Львом первоисточник⁵, то станет очевидным, что показания Льва могли бы заслуживать предпочтения перед данными хрониста только в том случае, если бы они подтверждались остальными источниками. Однако последние подтверждают, напротив, данные Скилицы.

При осведомленности и точности арабского хрониста Яхьи Антиохийского в области хронологии его известия приобретают особое значение. К сожалению, Яхья описывает нашествие Руси и взятие Доростола в виде сплошного рассказа, который отнесен у него к 357 г. хиджры (7 декабря 967—24 ноября 968 гг.), так что остается неясным, относится ли эта дата к первому или ко второму появлению руссов в Болгарии. Зато сообщения Яхьи о времени последних боев и осады Доростола, вопреки высказывавшимся иногда сомнениям⁶, могут указывать только на 971 г.

¹ Cedr., II, p. 392.21—22; Zon., p. 527.7—9. У Льва указание на второй год ошибочно попало к предшествующему известию о женитбе Цимисхия (Leo Diacon., p. 127.8—9 и 128.1—3; ср. Cedr., II, p. 392.17—20 и Zon., p. 527.5—7). Ср. Н. П. Ламбин. О годе смерти Святослава, стр. 151; Dölger, ibid., S. 283, также Н. Crégoire. La dernière campagne de Jean Tzimiscès contre les russes... „Byzantion“, t. XII, 1937, 1, p. 267—268. Анастасиевич, относя поход также к 971 г., видит в этом месте „Истории“ Льва доказательство верности своего способа исчисления „царских лет“ (ср. Царский год в Византии, SK, т. XI, 1940, стр. 196—197) и его же. Лев Диакон о годе отвоевания Цимисхием Болгарии, SK, т. III, 1929, стр. 1—4.

² Шестой день недели, безусловно, означает пятницу. Ср. В. Г. Васильевский. Василия Охридского неизданное надгробное слово на смерть Ирины. „Византийский временник“, т. 1, 1894, стр. 61—62, прим.; его же. Рецензия на книгу К. Крумбахаера „Михаил Глика“. „Византийский временник“ т. V, 1898, стр. 531—532, прим.

³ Иначе считает Д. Анастасиевич (SK, т. III, 1929, стр. 1—4; BSI, т. 3, в. 1, 1931, стр. 103—109; SK, т. XI, 1940, стр. 196—197), но его объяснение способа исчисления „царских лет“ само покоится на этом же месте „Истории“ Льва и поэтому, разумеется, не может подтвердить правильности такого понимания.

⁴ В. Г. Васильевский. Указ. соч., Труды, т. IV, стр. 5—12; В. Н. Златарски. История на Българията държава. стр. 606—607; G. Schlumberger. L'épopée... , v. 1, p. 82—122.

⁵ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы, стр. 134—166.

⁶ Ф. Ф. Вестберг. Ibrahim's Ibn-Jakub's Reisebericht... ЗАН, ИФО, 8 сер., т. 3, № 4, стр. 151—152; Д. Анастасиевич. Указ. соч. Mélanges... Ch. Diehl, t. 1, 1930, p. 1—5; „Byzantion“ t. VI, 1, 1931, p. 337—342; его же. Die Zahl der Araberzüge der Tzimiskes, BZ, Bd., 30, 1929—1930, S. 401—405.

В самом деле, Яхъя, с одной стороны, относит поход к 360 г. хиджры (4 ноября 970—23 октября 971 г.), а с другой, сообщает, как бы предвосхищая, по остроумному замечанию В. Р. Розена, вопросы В. Г. Васильевского¹: „Послал Джафар ибн-Фалах из Дамаска большое войско под начальством своего раба Футуха на Антиохию в 360 г. И осаждал он ее пять месяцев и не мог ничего ей сделать ни силой, ни хитростью. И был тогда Иоанн Цимисхий в Болгарии, воюя ее. . . И когда вернулся Цимисхий из Болгарии, он пошел войной на страны ислама и перешел Евфрат около Малатии в зу-л-хидже 361 г.“ (13 сентября—11 октября 972 г.)². Со своей стороны армянский летописец Асохик сообщает о походе Цимисхия против руссов сразу после его воцарения, которое он относит к 418 г. армянского летоисчисления (29 марта 969—28 марта 970 г.), и вслед за подавлением восстания Варды Фоки, — а непосредственно примыкающее к рассказу о русской войне известие датировано уже 421 г. (28 марта 972—27 марта 973 г.). Таким образом, и по Асохику война с Русью происходила до марта 972 г., т. е. в 971 г.³

Сложнее обстоит дело с хронологическими показаниями русской летописи. „Повесть временных лет“ относит первый поход Святослава в Болгарию к 6475 г. (счет идет в этом месте мартовскими годами), возвращение на Русь — к 6476 г., смерть Ольги — к 6477 г., распределение волостей между Святославичами и приготовления к новому походу — к 6478 г., поход в Болгарию и войну с греками к 6479 г., зимовку на Белобережье — к зиме того же года, гибель Святослава к 6480 г., а под 6481 г. помещено известие о вокняжении Ярополка (Лавр. лет., стб. 65.14—74.4; Ипат. лет., стб. 54.15—62.29). Признавая достоверность этой хронологии, очень затруднительно согласовать ее с показаниями других источников. Если вспомнить, однако, что хронологическая канва появилась в существующем тексте „Повести“ сравнительно поздно, и первоначально сплошное повествование было искусственно разорвано числами на ряд годовых статей⁴, то становится ясным, что летописные даты отражают только последовательность событий, но никоим образом не дают точной их датировки. Исключения составляют в этом месте только две даты: смерти Ольги — 11 июля 6477 мартовского (969) г. и времени заключения договора Святослава с Цимисхием, указанного в самом тексте последнего: „месяца июля, индикта 14-го, в лето 6479“⁵. Таким образом, и единственный сохранившийся документальный памятник подтверждает хронологию Скилицы.

¹ В. Р. Розен. Император Василий Болгаробойца, СПб., 1883, стр. 182, ср. его же возражения Вестбергу, ЗАН ИФО, 8 сер., т. 3, № 4, стр. 182—185 и замечания В. Г. Васильевского (Труды, т. IV, стр. 12).

² Яхъя (цит. по Розену, указ. соч.), стр. 181.20—24 и 184.1—5, также стр. 177.14—178.3 и 0.62.19—25; ср. комментарии В. Р. Розена, стр. 180 и сл.

³ Всеобщая история Степаноса Таронского (Асохика), пер. Н. Эмина, М., 1864, стр. 127.20—128.11 и сл.; ср. немецкий перевод Гельдера и Буркгардта (Leipzig, 1907), стр. 135.

⁴ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1909, стр. 21—27, 97—133; ср. его же. Киевский начальный свод. Труды Комиссии по истории Академии Наук СССР, вып. 3, 1947, стр. 152—154; его же. Хронология древнейших русских летописных сводов. ЖМНП, 1897, № 4, стр. 463 и сл.; Д. С. Лихачев. Русские летописи, М.—Л., 1947, стр. 84—86; его же. Повесть временных лет, ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 15, 87—91, 110—111; М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР, т. 1, М., 1940, стр. 44—45 и мн. др.

⁵ Поскольку все остальные источники подтверждают летописную дату договора, нет оснований подозревать ее искажение, как это делают И. И. Срезневский (Следы глаголицы в памятниках 10 в. „Изв. имп. Акад. наук“. Отд. русского языка

Итак, согласное показание всех источников, за исключением Льва Диакона, приводит к выводу, что мирный договор между Русью и Византией был заключен в 971 г. Этот вывод находит неожиданное подтверждение и у самого Льва, который сообщает, что день последнего сражения приходился на пятницу 24 июля (Leo Diac., p. 152.11—12). Между тем, 24 июля было пятницей только в 974 г. (в 971 г. это был понедельник, в 972 г. — среда, в 973 г. — четверг). Зная методы обращения Льва Диакона с хронологическими данными, этой путанице не приходится удивляться. У Скилицы нет вовсе указания на день недели, но по общему расчету дней это сражение происходило 21 июля (см. выше) которое приходилось на пятницу именно в 971 г. Поэтому у Льва искажено указание не на день недели¹, а на число месяца. Что касается даты 24 июля, то, если не считать ее вообще случайным искажением, в ней можно, пожалуй, видеть указание на день окончательного заключения мира.

Отправляясь назад от этой даты, определяем время остальных событий последнего года войны: Преслава была взята греками на великую пятницу, которая приходилась в 971 г. на 14 апреля, а так как бои за город продолжались два дня, то Цимисхий подошел к болгарской столице 12 числа (Leo., p. 134.21—25; Cedr., II, p. 397.12—13). Он провел в захваченном городе пасху (16 апреля), а 23-го, в день празднования св. Георгия, уже произошло первое сражение с руссами в 12 милях от Доростола (Cedr., II, p. 397.16, 398.20 sg., 400.6—8). Отсюда следует, что осада города продолжалась три месяца, а вся война — около четырех.

Сложнее определить хронологию событий 970 г. Еще в самом начале своего правления Цимисхий призвал войска из Малой Азии в Европу против Руси (Склир получил распоряжение зимовать в Мисии, т. е., собственно говоря, провести там остаток зимы, ибо его призванию предшествовали переговоры Цимисхия со Святославом, которые и позволили выгадать время, необходимое для переброски войска ср. Cedr., II, p. 384.7—11; Leo Diac., p. 107.13—19)². Сражение при Аркадиополе происходило, по всей вероятности, весной или в начале лета³ и тогда же начался мятеж Фокадов, подавленный к моменту свадьбы императора, отпразднованной в ноябре 970 г., когда Склир

и словесности, т. 7, 1858, стр. 343—347) и А. А. Куник (Заметка о годах смерти в. к. Святослава и Ярослава. ЗАН, т. 28 (1876), кн. 2, стр. 156 и сл.), а в последнее время Б. Д. Греков (Киевская Русь, 1949, стр. 460) и Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, ч. 2, М.—Л., 1950, стр. 118).

¹ Так считает В. Н. Златарский, там же, стр. 620, прим. 2; однако и палеографически скорее возможно искажение числа, чем дня недели, выраженного словесно.

² Leo Diac., p. 111.7—16 является удвоением этого же известия, в чем убеждает также *ibid.*, p. 117.1—11). Ср. также сообщение о Варде и Петре (*ibid.*, p. 108.9—16), — что доказывает ошибочность точки зрения Н. П. Благоева (Критичен поглед... МПР, 1930, кн. 2, стр. 32).

³ А. Д. Чертков относит битву при Аркадиополе к поздней осени 970 г. или даже к началу зимы (Описание войны в. к. Святослава против Болгар и Греков. РИСб, т. 6, кн. 3—4, 1843, стр. 405, сноски). Он ссылается на то место Льва, которое является результатом путаницы (Leo Diac., p. 111.7 sg.), — ср. А. Ф. Гильфердинг. История Сербов и Болгар. Собр. соч., т. 1, 1868, стр. 148—149; В. Г. Васильевский. Труды, т. IV, стр. 14; В. Н. Златарский. История на Българската държава, стр. 604. Ввиду этого следует признать более вероятным мнение ученых, датирующих сражение весной (Н. П. Ламбин. О годе смерти Святослава, ЗАН, т. 28 (1876), кн. 2, стр. 132; G. Schlumberger. L'épopée..., v. 1, p. 53; Н. П. Благоев. Царь Борис II, ГСУ ЮФ, кн. 25, 1930, стр. 23 отд. оттиска.

был снова переведен в Европу¹. В его отсутствие руссы „сделались более надменными и отважными“, т. е. перешли в наступление, „опустошали Македонию и тем весьма много вредили римлянам“ (Leo Diaс., p. 126.10—20)².

Наибольшие затруднения вызывает установление хронологии русско-византийской войны при Никифоре Фоке. Несомненно, во всяком случае, что 11 июля 969 г., в день смерти Ольги, Святослав находился в Киеве (Лавр. лет., стб. 67.20—68.7; Ипат. лет., стб. 56.19—57.1; ср. А. Шахматов. Разыскания, стр. 115—118, 468 и др.), и что еще на шестом году правления Никифора Русь вторично появляется за Дунаем. Отсюда можно заключить, что поход в Болгарию имел место во второй половине июля или в первой половине августа (Cedr., II, p. 372.16—18; Zon., p. 513.13—14); вместе с тем не представляется возможным согласиться, будто второй поход Руси в Болгарию имел место в 970 или даже в 971 гг., как считают многие ученые³. Поскольку у Никифора была в это время достаточная уверенность, что новое появление Руси на Балканах направлено непосредственно против Византии, он отправляет для переговоров в Болгарию Никифора Эротика и Филофея Эвхаетского. Находившиеся при ответном посольстве болгарские царевны успели прибыть в Константинополь незадолго до убийства императора, поход которого, по Льву, был задержан известием о взятии Антиохии, полученным в столице в начале ноября⁴. О русских нападениях накануне гибели Никифора Фоки сообщает и современный памятник — сатирический диалог „Филопатрид“⁵.

¹ О продолжительности мятежа Фокадов вполне убедительными являются замечания Ламбина (там же, стр. 140—146). Возражения Васильевского приводят его к выводу о смерти Ольги в 971 г. — Это мнение не получило признания в науке (Труды, т. IV, стр. 9—12). Ср. также замечания Гильфердинга (там же, стр. 149—150, прим. 4), Гельдера (ук. соч., К. Krumbacher's Gesch. d. Byz. Litt., 2 Aufl., 1897, S. 987), Анастасевича (СК, т. 3. 1929, стр. 3—4), Благоева (МПр, т. 6, 1930, кн. 2, стр. 32—33) и Дельгера (Указ. соч., стр. 280—281, прим. 1).

² По предположению М. Я. Сюзюмова (Об источниках Льва Диакона и Скилицы, стр. 163—164), к этому же времени относится и известие о действиях внука Петра против русских (Leo Diaс., p. 107.19—108.9); нельзя не признать весьма вероятной эту гипотезу.

³ Например, А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава против болгар и греков, стр. 402; Д. И. Багалей. История Льва Диакона как источник для русской истории. „Киевские Университетские известия“, 1878, т. 5, прибавление I, стр. 6; Ф. И. Успенский. Значение походов Святослава в Болгарию. ВДИ, 1939, № 4, стр. 94; Ф. Ф. Вестберг. Указ. соч., ЗАН, ИФО, 8 сер., т. 3, № 4, 1898, стр. 150; С. А. Семенов-Зусер. Князь Святослав, стр. 35—36. Ср. А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., стр. 145—146, прим.; К. Иречек. История Болгар, стр. 241—242; G. Schlumberger. Nicéphore Phocas, 1890, p. 735; В. Н. Златарски. История на Българската държава, стр. 594—596; G. Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates, 1941, S. 206—207. Не вполне ясно, почему акад. Греков относит второй поход к весне 969 г. (Борьба Руси, 1945, стр. 64).

⁴ Скилица не дает в этом случае возможности проконтролировать показания Льва, хронология которого, по обыкновению, очень сбивчива. Во всяком случае, если верить Льву, вечером накануне убийства Никифора Феофан упоминал в разговоре с ним о болгарских царевнах, недавно прибывших в Константинополь (Leo Diaс., p. 86.8—17). С другой стороны, Никифор уже готовился вмешаться в болгарские дела, когда был задержан известием о взятии Антиохии (ibid., p. 82.23—83.4), которое могло быть получено в Константинополе в начале ноября, так как город был занят 28 октября. Поэтому византийское посольство в Болгарию должно было иметь место осенью после второго появления там руссов. Ср. G. Schlumberger. Nicéphore Phocas, p. 736—738; В. Н. Златарски. Там же, стр. 595—597; Д. Н. Анастасевич. ГЛСНД, 1931, стр. 51—60; иначе, но совершенно неосновательно, считают Благоев (МПр, т. 6, 1930, кн. 1, стр. 34—36 и ГСУ ЮФ, кн. 25, 1930, стр. 13—15 отд. оттиска) и Мутафчиев (История на българския народ, т. 1, 1943, стр. 272).

⁵ Philopatris, cap. 29 и 17, цит. по Боннскому изд. Льва Диакона, p. 342.2 и 334.17—18.

Наконец, события, связанные с первым походом Святослава на Балканы, вырисовываются в следующем виде. Поскольку от июля 7-го индикта (964 г.) до октября 9-го индикта (965 г.) Никифор находился в Азии, невозможно относить к тому же 965 г. и его поход к болгарской границе¹. Но так как весной третьего года своего правления (966 г.) император снова возвратился в Азию и был там до декабря, то и в 966 г. поход в Болгарию очень мало вероятен². Ввиду этого нет оснований не предпочесть сбивчивым указаниям Льва, допускающим различные понимания, прямое сообщение Скилицы, относящего конфликт с Болгарией к июлю 10-го индикта на четвертом году царствования Фоки, т. е. к 967 г. (Cedr., II, p. 372.3—4 sq.)³. Тогда посольство Калокира должно было отправиться в конце 967 или даже в начале 968 г., а летом 968 г. Святослав находился уже в Болгарии⁴. При такой последовательности событий получает важное значение и засвидетельствованный очевидцем факт, что 29 июня 968 г. в Константинополе были приняты со всем подобающим почетом болгарские послы⁵. Это может означать лишь то, что если в это время в Болгарии еще и не было руссов, то там уже знали о готовящемся нападении и искали союза с Византией. Однако Никифор, сам содействовавший развязыванию похода, еще надеялся, что выступление Руси

¹ Так считали, вопреки показаниям Скилицы (р. 361.14—15, 361.23—24 и 363.8—9), Муральт (Mouralt. Essai de chronographie byzantine, стр. 543), Гельцер (там же, стр. 986); в последнее время эту точку зрения защищает Рэнсимен, который искусственно разделяет показания Льва Диакона и Скилицы, относящиеся к разрыву с Болгарией, и произвольно конструирует два похода Фоки к болгарской границе (S. Runciman. A History of the First Bulgarian Empire, стр. 203—207, 303—311; ср. Leo Diac., p. 62.11 и Cedr., II, p. 372.3). Эта точка зрения получила, несмотря на свою шаткость, признание Острогорского (Geschichte des byzantinischen Staates, стр. 206). Ср. замечания Анастасиевича (Хронологија изашињања Бориса II и Романа у талаштво на византијски двор. ГЛСНД, т. 2, 1926, стр. 135—137).

² Cedr., II, p. 364.1—13; ср. А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., т. 1, стр. 126; М. С. Дринов. Сч., т. 1, стр. 460—461; Н. Знойко. ЖМНП, 1907, № 4, стр. 249—256; В. Н. Златарски. История на Българската държава, стр. 572—577.

³ Так считал уже Иловайский (История России, стр. 37; ср. G. Schlumberger, Nicéphore Phocas, p. 553; П. Мутафчиев. История, стр. 270; Благоев, ГСУ ЮФ, т. 25, 1930, стр. 10 отд. оттиска. Однако соединять все события в один год, как это делает Дельгер (Die Chronologie des grossen Feldzuges..., стр. 280), не представляется возможным, — см. Н. Знойко. ЖМНП, 1907, № 4, стр. 250—251.

⁴ Н. Знойко. Там же, стр. 249—252.

⁵ Имеется в виду свидетельство Кременского епископа Лиудпранда, посетившего Византию и проведенного в Константинополе лето 968 г. 29 июня Лиудпранд был оскорблен предпочтением, оказанным при дворе послам болгар. (Liudprandi. Opera omnia, ed. II, rec. E. Dümmler, Hannoverae, 1877, стр. 19, p. 144—146). Так как в это время греки официально признавали царский титул Петра и оказывали болгарским послам все надежные почести, это посольство не может быть обращением болгар за помощью, но ему должны были предшествовать переговоры, так как — разумеется, если верить буквальному смыслу слов Льва Диакона — разрыв отношений с Болгарией произошел в весьма оскорбительной для последней форме (Leo Diac., p. 61.13—62.11). Считать такими предварительными переговорами посольство Никифора Эротика, как это делают Благоев и Мутафчиев, также невозможно. Поэтому надо думать, что виденное Лиудпрандом болгарское посольство было в действительности именно первым обращением Петра в Византию и что хронисты сохранили гораздо более достоверную версию о предшествовавшем разрыве отношений между Болгарией и Византией, когда, несмотря на отказ Никифора уплатить обусловленную договором дань и его демонстративный поход к границе Болгарии, дело все же не дошло до публичного оскорбления послов (ср. Cedr., II, p. 372.3—18 и в особенности Zon., p. 512.18—513.14). По всей вероятности, Лев, писавший в разгаре византийско-болгарских войн при Василии II, намеренно изобразил разрыв с болгарями в унизительных для последних красках. Само собою разумеется, совершенно недопустимо в этом случае обращение с источниками в книге Шлюмберге (Nicéphore Phocas, p. 554), еще более сгущающего краски.

будет направлено против болгар и не имел оснований опасаться Святослава¹. Действительно, 20 июля тот же Лиудпранд видел в Константинополе русские корабли, что свидетельствует о мирных отношениях между Русью и Византией², а император Никифор мог в конце июля отправиться снова на Восток, где пробыл до начала следующего года³. Ранней весной 969 г. печенеги осаждают Киев и тем вынуждают русского князя к временному возвращению на родину⁴. Не приходится сомневаться, что это нападение было делом византийской политики, опасавшейся упрочения власти русского князя на Дунае, среди близкого к восточным славянам болгарского населения⁵. Однако дальнейшие события показали, что империя запуталась в собственных политических комбинациях, и осенью 969 г. Никифор стал готовиться к войне с Русью, вести которую пришлось уже его преемнику (Leo Diaс., р. 78.14—79.14).

Таким образом, сравнительное рассмотрение всей совокупности сохранившихся письменных источников позволяет следующим образом определить хронологию русско-византийской войны и связанных с нею событий: разрыв дружественных отношений между Болгарией и Византией и поход Никифора Фоки к болгарской границе относится к весне или лету 967 г., посольство Калокира — к осени 967 или ранней весне 968 г., первый поход Руси в Болгарию — к лету 968 г., нападение печенегов на Киев и возвращение Святослава на Русь — к весне или началу лета 969 г., второй поход Руси — к июлю—августу того же года, война Склира с Русью — к весне или началу лета 970 г., война Цимисхия с Русью — к весне и лету 971 г.; тогда же, в конце июля, был заключен мир. Зимой 971—972 гг. Святослав провел на Белобережье, а ранней весной 972 г. погиб в днепровских порогах.

¹ Поэтому вряд ли вероятно, будто Калокир уже в первый приезд на Русь имел планы захвата власти с помощью Святослава, как это можно было бы вывести из слов Льва (р. 79.9—13). По Скилице, эти планы созревают уже после смерти Никифора (Cedг., II, р. 383.20—384.1), но тогда уже не Святослав и руссы были „руководимы хитрым Калокиром“ (А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава..., стр. 400; А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I, стр. 85; А. Gfröger, Byzantinische Geschichten, т. II, Graz, 1873, стр. 531), а последний был орудием в руках могущественного русского князя.

² Liudprandi. Opera omnia p. 148.31—38.

³ О времени этого похода см. G. Schlumberger. Nicephore Phocas, p. 695 ss.; CMH, v. IV, 1927, p. 146; A. Vasiliev. Histoire de l'empire Byzantin, v. I, Paris, 1932, p. 407—408; Ch. Diehl et G. Marçais. Le monde Oriental de 395 à 1081, 1944, p. 394—395.

* Ср. Гельцер, там же, стр. 987. Большинство ученых принимают 968 г. (А. Ф. Гильфердинг. Собр. соч., стр. 146; К. Иречек. История болгар, стр. 241; G. Schlumberger. Nicephore Phocas, p. 548, 572—574; В. Н. Златарски. История на Българската държава..., стр. 566—588; В. В. Мавродин. Образование древнерусского государства, стр. 272; С. А. Семенов-Зусер. Князь Святослав, стр. 32—36). Однако мартовский 6476 г., к которому „Повесть временных лет“ относит нападение печенегов, окончился 28 февраля 969 г., и в последние месяцы 968 г. уже оставалось слишком мало времени для печенежского нашествия.

⁵ Ср. А. Д. Чертков. Описание войны в. к. Святослава..., стр. 401; Ф. И. Успенский. ВДИ, 1939, № 4, стр. 93—94; Б. Д. Греков. Борьба Руси, стр. 64; его же. Киевская Русь, стр. 457; М. Д. Приселков. Русско-византийские отношения. ВДИ, 1939, № 3, стр. 102; Благоев. ГСУ ЮФ, т. 25, стр. 16 отд. оттиска и мн. др. Златарский необоснованно приписывает инициативу нападения болгарам (там же, стр. 583, прим. 1, 586—588), за ним следует акад. Н. С. Державин (История Болгарии, т. 2, стр. 14). М. Н. Тихомиров говорит о совместном выступлении греков и болгар (СдСб, 1947, стр. 147), но остается неясным, какие это болгары. Наконец, Мутафчиев вообще объявляет печенежское нападение случайностью (Русско-болгарские отношения при Святославе, SK, т. 4, 1931, стр. 86), с чем вряд ли можно согласиться.

Н. П. СОКОЛОВ

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЗАНТИИ И ВЕНЕЦИИ
В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ КОМНИНОВ (1171—1185)**

В настоящей статье дается анализ взаимоотношений Византии и Венеции в последние десять лет правления императора Мануила (1143—1180), в кратковременное „царствование“ Алексея II (1180—1182) и в первые годы пребывания у власти Андроника Комнина (1182—1185). Это было время упадка Византии, канун значительных событий, связанных с четвертым крестовым походом, когда Восточная империя сделалась жертвой экспансионистских устремлений западноевропейских феодалов, венецианской знати, купцов, арматоров и ростовщиков.

Правильное освещение взаимоотношений между Византией и Венецией в указанное время зависит от ответа на два конкретных вопроса: 1) были или нет восстановлены „нормальные“ отношения между Византией и Венецией при императоре Мануиле после событий 1171 г., когда по распоряжению базилевса венецианские купцы и резиденты на всей территории империи были внезапно арестованы, а их деньги, товары и имущество конфискованы, и 2) пострадали или нет венецианцы в момент погрома „латинян“ в Константинополе в 1182 г., когда „отшельник из Инея“, Андроник Комнин, покинув Пафлагонию, оказался на берегах Пропонтиды? Новая и новейшая буржуазная историческая литература — и по истории Венеции, и по истории Византии — отвечает на оба эти вопроса положительно; мы же полагаем, приняв во внимание всю совокупность данных источников, что на эти вопросы следует ответить отрицательно.

Остановимся прежде всего на первом из них.

Интересующие нас взаимоотношения могут быть освещены на основании трех источников: „Истории“ Никиты Акомината и хроник венецианцев, — анонимного автора „Истории венецианских дождей“ и Андрея Дандоло.

Византийский историк, рассказав о бесплодности попыток венецианцев силой принудить Мануила к восстановлению прежнего положения венецианских купцов в империи и к возмещению причиненных им убытков, пишет: „Венецианцы, видя, что войной они не могут добиться ничего хорошего, заключили мирный договор с сицилийским королем, для того чтобы в случае войны он помогал им против ромеев. Император, узнав об этом по слухам, возобновил прежний союз с венецианцами, так как известно, что и малые причины порождают великие изменения и огромные бедствия. Хотя император и не мог добиться их разрыва с королем сицилийским, однако по их просьбе пошел

им навстречу и вернул им положение, подобное положению ромеев, которое они занимали ранее. Он согласился вернуть им все, что из их достояния поступило в государственное казначейство. Однако и сами венецианцы, как опытные купцы, нашли более удобным и выгодным возместить свои потери получением 15 кентенариев золота. Эта сумма не сразу, а в несколько приемов и была им выплачена¹.

Венецианские хронисты, напротив, подчеркивают, что примирение не было достигнуто; восстановление же нормальных отношений с Византией они относят ко времени Андроника.

В „Истории венецианских дождей“ мы читаем: „Венецианцев же он (Андроник) освободил из тюрем, обещав вместе с тем путем ежегодных взносов выплатить и те деньги, что получил Мануил, и таким образом был восстановлен мир. Впрочем, указанные деньги полностью никогда не были выплачены“². В хронике Дандоло соответствующее место выглядит таким образом: „Император же (Андроник) потом, по просьбе дожа, охотно освободил всех захваченных венецианцев и обещал в скором времени возместить нанесенный им ущерб путем ежегодных взносов“³.

Таким образом, мы имеем два прямо противоположных высказывания по интересующему нас вопросу: византийский писатель утверждает одно, венецианские источники сообщают другое.

До середины XIX в. никакого единства в трактовке этого вопроса у историков не существовало: византинисты изображали ход событий, следуя рассказу Никиты Акомината, историки Венеции, даже если они и не были итальянцами, — согласно версии венецианских авторов⁴. Но с середины XIX в. под влиянием исследований Тафеля, Гопфа, Романина и Гейда, изучавших историю Византии и Венеции, их взаимоотношений и историю средиземноморской торговли, буржуазная историография стала отдавать решительное предпочтение показаниям византийца Никиты Акомината. В результате этого создалось известное единство в трактовке интересующего нас вопроса, выработалась схема, своего рода канон в изображении взаимоотношений между Венецией и Византией при последних Комнинах. Схема эта такова.

В 1171 г. император Мануил разгромил венецианские торговые фактории на территории Византийской империи. Венецианцы сначала силой, потом дипломатическим путем пытались восстановить свое прежнее положение в пределах империи. Потеряв надежду на успех, они заключили в 1175 г. договор с Сицилийским королевством, направленный против Византии. Напуганный этим, византийский император вынужден был пойти на сближение с Венецией: он восстановил прежнее положение венецианских купцов и обещал возместить причиненные им в 1171 г. убытки. После этого венецианцы снова в большом числе появились в Константинополе и других городах империи; именно они составляли основной контингент тех „латинян“, которые подверглись страшному погрому в 1182 г., в момент прихода к власти Андроника Комнина.

Этого „канона“ придерживались, например, из византинистов — Гопф, Герцберг, Арменго, Шаландон, Успенский, Йорга; из истори-

¹ Nicetae Choniatae Historia, de Manuele, lib. V, c. 9, p. 222 sq., ed. Bonn.

² Historia ducum Veneticorum. Monumenta Germaniae historica, Scriptorum (MGH SS), v. XIV, p. 92.

³ Andreae Danduli Chronicon. Rerum Italicarum Scriptorum (Muratori, SS), v. XII, col. 309.

⁴ I. F. Le Bret. Staatsgeschichte der Republik Venedig, Riga, 1769, B. I, S. 382.

ков Венеции — Романин, Хэзелит, Браун, Ходгсон, Кречмайер, Баттистелли, Мусатти; из историков, занимавшихся вопросами средиземноморской торговли и морского дела в Италии в средние века, эту точку зрения разделяли Гейд, Гейнен, Шаубе, Манфрони.

Разумеется, указанные авторы, как и многие другие, развивают только что изложенную „схему“, расходясь между собой в деталях, но не изменяя ее существа. Одни — и таких большинство — целиком и полностью следуют версии Никиты Акомината, другие снабжают рассказ различными смягчающими оговорками. Шаландон, например, пишет: „Мануил, чувствуя над собой непосредственную угрозу, открыл вновь переговоры... В результате нового обмена посольствами переговоры, повидимому, закончились заключением мирного договора“¹. При этом одни авторы говорят о заключении мира между Венецией и Византией непосредственно после 1175 г., другие, как, например, тот же Шаландон, относят его к самым последним годам правления Мануила². Одни утверждают, что во время событий 1182 г. пострадали почти исключительно и, во всяком случае, в первую очередь, венецианцы³; другие допускают, что венецианцы пострадали мало, — меньше, чем представители других итальянских городов⁴. Одни излагают события, прямо следуя выбранному источнику; другие „украшают“ изложение более или менее фантастическими подробностями: Арменго, Ходгсон, Браун, например, „обвиняют“ Венецию в том, что она напала на Византию в 1185 г. совместно с королем сицилийским, изображая это нападение как акт мести за погром 1182 г.⁵; Йорга придумал два выступления Мануила против венецианцев и две войны этих последних с ним, очевидно перепутав два царствования и сместив события 1124—1125 гг., имевшие место при Калоиоанне, на время правления Мануила⁶.

Впрочем, делались попытки „примирить“ данные Никиты Акомината с сообщениями венецианских авторов. Известны две такие попытки. Обе они принадлежат французским историкам — Арменго и Шаландону. Арменго допускает и соглашение Венеции с Андроником, заявляя: „Он освободил купцов, которые еще не успели воспользоваться благами трактата, заключенного с Мануилом, и обязался выплатить путем ежегодных взносов сумму возмещения убытков, на которую дал согласие Мануил“⁷. У Шаландона мы читаем: „Вслед за избиением латинян в 1182 г. при Алексее II был заключен новый трактат с Венецией; именно на этот трактат и делает намек Дандоло“⁸.

Однако с Арменго невозможно согласиться хотя бы в силу того, что он совершенно не объясняет, почему же одни венецианцы „смогли воспользоваться благами“ заключенного с Мануилом трактата, а другие не смогли, — не говоря уже о том, что в нашем распоряжении имеются грамоты, из которых видно, что убытки венецианцам причинил

¹ F. Chalandon. Jean II Comnène (1118—1143) et Manuel I Comnène (1143—1180), Paris, 1912, p. 59.

² Ibid., p. 592.

³ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 302, 303.

⁴ А. Васильев. Византия и крестоносцы, Петроград, 1923, стр. 56.

⁵ J. Armingaud. Venise et le Bas-Empire, Paris, 1867, p. 108, H. Brown. Venice, London, 1895, p. 113; M. A. Hodgson. The early history of Venice, London, 1901, p. 293 ss.

⁶ H. Jorga. Histoire de la vie byzantine d'après les sources, v. III, Boucaresst, 1934, p. 35—36, 74—75.

⁷ J. Armingaud. Venise..., p. 107.

⁸ F. Chalandon. Jean II Comnène..., p. 592.

Мануил, а возмещать их согласился Андроник. Мнение же Шаландона должно быть отвергнуто на том основании, что Дандоло ничего не знает о каком-либо избиении венецианцев в 1182 г., он говорит только о событиях 1171 г.; при этом, рассказав о разгроме Константинополя в 1204 г., хронист с удовлетворением отмечает: „Ныне и злодейское преступление Мануила получило должное возмездие“¹.

Таким образом, обе эти попытки согласовать несогласуемое следует признать несостоятельными. Как уже было указано, мы полагаем, что установившаяся в буржуазной исторической литературе точка зрения по вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в интересующий нас период является необоснованной и что в действительности после погрома 1171 г. никакого соглашения с Венецией вплоть до 1182 г. не было, а во время латинского погрома 1182 г. венецианцы не являлись пострадавшей стороной.

Для обоснования выдвинутого нами тезиса необходимо прежде всего пересмотреть установившийся в буржуазной историографии взгляд на вопрос о ценности показаний Никиты Акомината и венецианских источников.

Наиболее серьезным критиком венецианских известий противники венецианцев считают Гейда. Манфрони, например, пишет: „Все наиболее авторитетные критики и среди них в первую очередь Гейд, признают в этом случае правдивость Никиты“². С критики этого „критика“ и надо начать.

Гейд отдает предпочтение известию Никиты Акомината по трем мотивам: во-первых, Никита Акоминат был современником описываемых им событий, а Дандоло писал в XIV в.; во-вторых, Никита Акоминат был близок к императорской канцелярии и мог видеть подлинные документы; в-третьих, Андроник был „националистом“, врагом „латинян“ и уже поэтому не мог договариваться с венецианцами³. Ценность первого соображения значительно снижается, если принять во внимание, что не только Дандоло, но и анонимный автор „Истории венецианских дождей“ высказывает взгляд, несогласный с данными Акомината, — между тем этот автор являлся современником дожа Пьетро Цциани, умершего в 1229 г.⁴ и, следовательно, был младшим современником византийского историка. Второй довод Гейда еще слабее первого, ибо Дандоло, как дожд, не только имел доступ ко всем венецианским архивам, но и положил начало систематическому их собиранию: известные „Белые книги“ возникли по его инициативе. Третье соображение Гейда полностью опровергается документальными данными — частными грамотами, представляющими собой расчеты вознаграждения, причитающегося отдельным венецианским купцам за убытки, понесенные ими в правление императора Мануила и по его вине. В грамоте от ноября 1185 г. мы читаем: „Андроник, император Времантиннопольский в возмещение убытков, которые были в свое время (tunc temporis) причинены венецианцам, прислал в Венецию через наших послов столько золотых перперов, что по определению наших экспертов (secundum quod nostri examinatores existimaverunt) за каждый перпер потерь причитается половина золотого карата и половина венецианского динария“, т. е. около 2,5%⁵. Другая гра-

¹ Andreae Danduli Chronicon, col. 330.

² C. Manfroni. Storia della marina italiana, v. I, Livorno, 1899, p. 258.

³ W. Heyd. Geschichte des Levantehandels. B. I, Stuttgart, 1879, S. 246.

⁴ См. Н. Simonsfeld. Historia ducum Veneticorum. MGHSS, t. XIV, p. 72.

⁵ R. He y n e n. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, Stuttgart, 1905, S. 61.

мота от того же 1185 г. гласит: „В возмещение этих потерь Андроник, император Константинопольский, переслал в Венецию через легатов дожа сто фунтов перперов. Отсюда следует, что каждому за свои потери по расчету, сделанному экспертами (*facta ratione per prudentes viros*), которым было поручено это дело, причитается половина карата и половина венецианского динария за перпер“¹. Еще из одной грамоты видно, что речь идет о возмещении убытков, причиненных не самим Андроником, а Мануилом: „И у тебя было отнято в пределах Романии по распоряжению Мануила императора Константинопольского... и т. д.“².

Приведенные соображения и в особенности документы свидетельствуют скорее в пользу достоверности известий венецианских хронистов, чем показаний византийского историка. „Наиболее авторитетный критик“ в данном случае оказывается несостоятельным. Должно заметить, однако, что в то время, когда Гейд писал свою книгу, приведенные документы покоились еще в венецианских архивах.

Против Акомината говорят далее еще и следующие соображения. Ни „сторонники“ византийского историка, ни „сторонники“ венецианцев не могут представить государственных договорных грамот. Можно было бы предположить, что они потеряны. Но возможно и другое: договорная грамота от Мануила не сохранилась потому, что она и не существовала, а от Андроника — потому, что договор за краткостью бурного правления этого императора остался окончательно неоформленным, хотя и начал выполняться; второе предположение, с нашей точки зрения, более вероятно.

Далее возникает вопрос: если был заключен договор с Мануилом, то почему о нем не упоминается в договоре от 1187 г. с Исааком Ангелом и в договоре от 1198 г. с Алексеем III, хотя договоры с Алексеем I, Калоиоанном, самим Мануилом от 1148 г. названы. На этот вопрос „приверженцы“ Никиты Акомината не могут дать удовлетворительного ответа. Правда, в указанных договорах с Ангелами не говорится и о договоре с Андроником, — но причина этого вполне понятна. Андроник в глазах Ангелов был гнусным узурпатором, а венецианцы были достаточно тактичны, чтобы не настаивать на упоминании его имени: ценность для них представляла не бумага, а деньги.

Таким образом, и в силу этих соображений показания византийского историка не имеют никаких преимуществ по сравнению с известиями венецианских авторов — наоборот, эти соображения говорят скорее за большую достоверность последних.

Если мы далее обратим внимание на самый характер известий Никиты Акомината и венецианцев, то должны будем оказать предпочтение не первому, а второму. В известиях венецианцев упомянуто много имен, приведена масса подробностей. Шесть посольств было направлено в Византию двумя дожами: три — Витале Микьеле II и три — его преемником Себастиано Цциани. Мы знаем имена всех участников этих шести посольств, знаем, чем мотивировалось отправление к Мануилу того или другого из них, знаем ответы византийцев и практические результаты, которые они приносили, зарегистрирована смерть одного из послов во время исполнения дипломатической миссии, знаем, наконец, о впечатлении, которое производили ответы Мануила в Венеции. Венецианцы сообщают далее, что Себастиано Цциани, убедившись

¹ Ibid., p. 62; Documenti del commercio veneziano, ed. della Rocca e Lombardo, vv. I—II, Torino, 1940, № 359 (ниже — Documenti).

² Ibid., № 360; R. Heunen. Op. cit., S. 63.

в бесплодности этой бесконечной дипломатической волокиты, прекратил переговоры с Византией и заключил ряд соглашений с мусульманскими государями¹. Во всех этих известиях чувствуется живая жизнь и живые интересы. Совсем иной характер носят известия византийского историка.

Уже по этим соображениям заслуживали бы предпочтения венецианские источники, но мы настаиваем пока только на равноценности их известий с известиями Акомината.

Наконец, мотивировка действий Мануила — у Никиты — и Андроника — у венецианских авторов с точки зрения верности объяснения психологии действующих лиц, по меньшей мере, одинаково правдоподобна, хотя и в этом смысле преимущество скорее опять на стороне последних.

Чем мотивируется у византийского историка решение Мануила возобновить с венецианцами мирные отношения? Мы видели: боязнью. Этим же мотивируют поведение императора и буржуазные византилисты от Гиббона до Йорги и историки Венеции от Марина до Кречмайера и Мусатти². Основательно ли это соображение? Нам думается, что — нет.

Прежде всего, договор 1175 г. с королем Сицилии не был в действительности договором, заключенным Венецией *ad hoc*, для устрашения Мануила: он являлся продолжением договора от 1154 г., срок действия которого истек как раз к 1175 г. Затем, этот договор не был направлен против Византии; в его политической части речь шла лишь о размежевании „сфер влияния“ в Адриатике, причем за Венецией признавалось побережье от Дубровника до Анконы, а за Сицилийским королевством — остальное побережье к югу от этих пунктов³. Гейд утверждает, что именно этот пункт и был, — правда, косвенно, — направлен против Византии⁴; полагаем — нисколько: он означал только, что если сицилийцы по старой норманнской традиции нападут на Драч или Валлону, то это не будет касаться венецианцев. Понимая малую силу доводов этого „авторитетного критика“, Манфрони попытался подкрепить их соображением, что, кроме договора экономического, был заключен еще тайный политический договор, по которому Венеция вместе с Сицилийским королевством собиралась воевать против Византии⁵. Но, во-первых, в известном договоре 1175 г. есть не только экономическая, но также и политическая часть, а, во-вторых, если второй договор был секретным и до сих пор остается никому неизвестным, то, спрашивается, — откуда о нем узнал Манфрони? Его соображение есть только гипотеза и притом более, чем сомнительная. Шмейдлер в своей книге „Дож и Венецианская коммуна“ делает более серьезное предположение: Мануил мог не знать содержания известного нам договора⁶. Это, конечно, вполне возможно. Вспомним, однако, тогдашнюю международную обстановку. В 1175 г. Мануил находился в одном лагере с сицилийским королем. Вильгельму II, занятому войной с Фридрихом Барбароссой, было пока не до завоеваний на Балканах. Этим, вероятно, и следует объяснить то обстоя-

¹ *Historia ducum Veneticorum*, p. 81.

² Н. Kretschmayer. *Geschichte von Venedig*, B. I. Gotha, 1905, S. 261; E. Musatti. *Storia di Venezia*, v. I, Milano, 1936, p. 80.

³ *Fontes rerum austracarum, Documenta et Acta* (FRA. DA), v. XII, p. 173.

⁴ W. Heyd. *Geschichte des Levantehandels*, B. I, S. 242, 260.

⁵ C. Manfroni. *Storia della marina italiana*, p. 257.

⁶ B. Schmeidler. *Der dux und das Comune Venetarium*, Berlin, 1902, S. 91.

тельство, что Венеция пошла на размежевание сфер влияния в Адриатике, о котором мы только что говорили, — размежевание, совершенно неприемлемое для нее: краеугольным камнем венецианской политики в Адриатическом море было — не допускать ни при каких условиях сосредоточения в одних руках его обоих берегов. Наконец, шестое венецианское посольство в поисках соглашения с Мануилом было отправлено в Византию после заключения договора 1175 г. и вернулось также ни с чем¹. „Испугавшийся“ Мануил был попрежнему непреклонен.

Мотивировка венецианскими авторами поведения Андроника нам кажется психологически более обоснованной. Андроник, по их версии, захватив власть путем насилия, боялся внешних осложнений и сразу пошел на соглашение с республикой на лагунах, как только послы дожа предстали перед ним².

Из всего этого следует, что интересующий нас вопрос не может быть убедительно разрешен в соответствии со свидетельствами Никиты Акомината. Нам думается, что ближе к истине в данном случае показания анонимного автора „Истории венецианских дождей“ и Дандоло.

Обратимся теперь ко второму из поставленных в начале настоящей статьи вопросов, — к документации событий 1182 г.

Кто подвергся расправе константинопольского народа в те дни, когда „латинофильское правительство“ протосеваста Алексея было низвергнуто, а новое — Андроника Комнина — еще не успело взять власти в свои руки? — Наши важнейшие источники — Вильгельм Тирский, Никита Акоминат и Евстафий Солунский — согласно отвечают: „латиняне“. Буржуазные историки нового времени не совсем согласным хором отвечают: „венецианцы, почти одни венецианцы, преимущественно венецианцы“ и т. д.

Так как ни в одном источнике — ни в византийском, ни в венецианском, ни в каком-либо другом — о венецианцах нет ни слова, то спрашивается, — на каком же основании новая и новейшая буржуазная историография видит в „латинянах“ преимущественно венецианцев? Цепь рассуждений буржуазных историков такова. Венецианцы примирились с Мануилом; жадной толпой устремились они в Константинополь и, наверное, среди „шестидесяти тысяч латинян“, находившихся будто бы (по известию Евстафия Солунского) тогда в Константинополе, составляли большинство, — следовательно, венецианцы главным образом и подверглись погрому в роковые дни 1182 г.

Но тут возникает вопрос: чем же все-таки объяснить, что венецианцы, никогда не прощавшие наносимых им обид и особенно материального ущерба, ни слова не говорят об этом? Чувствуя шаткость традиционного воззрения, некоторые исследователи вступили на путь оговорок и компромиссов. Так, Гопф, наткнувшись на грамоту, помещенную в собрании Тафеля и Томаса, из которой видно, что в 1183 г. один венецианец спокойно арендует в Константинополе доходные статьи венецианского патриарха, пишет: „Значит некоторые из венецианцев все-таки остались в Константинополе“³. Гейд, со своей стороны, в связи с той же грамотой и еще одним документом подобного же рода от 1184 г. говорит: „Частные грамоты от 1183 и 1184 гг. показывают нам, что, по крайней мере, отдельные венецианцы сохранили за собой

¹ *Historia ducum Veneticorum*, p. 90.

² *Andreae Danduli Chronicon*, col. 309.

³ К. Н о р f. *Geschichte d. Griechenlands im Mittelalter*, Leipzig, 1868, S. 159, 160.

свое имущество"¹. Другие буржуазные историки прибегают к более „сильному“ средству для доказательства своего тезиса, — к прямой фальсификации. Так, например, Манфрони находит возможным заявить, что в договоре 1187 г. с Исааком Ангелом венецианцы предъявили требование о возмещении убытков, нанесенных им во время событий 1182 г.² Всякому, кто имел дело с этим договором, известно, что в нем идет речь о возмещении убытков, причиненных не Андроником, а Мануилом³.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют утверждать, вопреки воззрениям буржуазных историков, что во время событий 1182 г. венецианцы вовсе не пострадали. Все предшествующие критические замечания по поводу источников, используемых обычно для освещения интересующих нас вопросов, преследовали только одну цель — расчистить почву для документально обоснованных доказательств этой точки зрения. *Argumentum ex silentio*, конечно, слабый аргумент, но и он имеет все же некоторое значение. Мы уже говорили, что источники не называют венецианцев в числе пострадавших, а венецианские источники вообще ничего не сообщают о событиях 1182 г., если не считать довольно смутного упоминания о них в одной частной грамоте⁴. Так, характерно, что Евстафий Солунский в 48-й главе своего сочинения „О взятии Солуни“, раскрывая понятие „латиняне“, которым он оперировал в 28-й, 29-й и 30-й главах своего труда, называет среди пострадавших людей из Пизы, Генуи, Тосканы, Ломбардии, но совершенно не упоминает венецианцев. Это обстоятельство с точки зрения сторонников опровергаемой нами теории является настолько странным, что Тафель счел необходимым дать специальное объяснение по этому поводу. Все дело, оказывается, в том, что „в это время в Константинополе особенно большую роль играли пизанцы“⁵. Конечно, это объяснение совершенно неудовлетворительно. Если пизанцы играли в то время особенно большую роль в византийской столице, то почему же тогда упоминаются генуэзцы, тосканцы и ломбардцы, не игравшие такой роли? Остается еще одно предположение: Евстафий „забыл“ о венецианцах. Это также невероятно, принимая во внимание те чувства, которые Евстафий питал к „земноводной змее, болотной лягушке, морским разбойникам с Адриатики“, как он называет венецианцев в своей речи по поводу освобождения Анконы⁶.

Но помимо этого важного, хотя, разумеется, и недостаточного *argumentum ex silentio*, в пользу высказанного выше предположения говорят прямые показания таких ценных источников, какими являются частные грамоты. Нам кажется, что как ни важны официальные документы, — но и характеризующие повседневную жизнь частные документы отражают реальную действительность не в меньшей степени, а иногда имеют и гораздо большее значение в качестве источника. В конце концов важно выяснить, в каких взаимоотношениях в интере-

¹ W. Heyd. *Geschichte des Levantehandels*, S. 246.

² C. Manfroni. *Storia della marina italiana*, p. 274.

³ FRA. DA, v. XII, p. 207. — „In redditione rerum, que Veneticis ablato fuerunt tunc... domini Manuele Comneno capti fuerunt“.

⁴ Эта грамота была опубликована в кратком изложении на итальянском языке еще Чекетти и 10 лет назад — в полном виде, на латинском языке — издателями названных выше „Документов венецианской торговли“ под № 331. Из нее видно только, что неаполитанский корабль, встретившись в море с венецианским, предупреждает последний, что в Константинополе бьют всех латинян.

⁵ G. L. Tafel. *Comnenen und Normannen*, Ulm, 1852, S. 119.

⁶ *Ibid.*, S. 216, 217.

сущее нас время находились венецианцы и греки, существовали ли тогда между ромеями и „деловыми людьми с лагун“ хозяйственные связи и взаимоотношения или они были прерваны; вопрос же о том, Мануил или Андроник подписали договорную грамоту с Венецией и подписали ли ее вообще, имеет подчиненное значение.

Для выяснения этого вопроса могут быть использованы „Документы венецианской торговли в XI—XIII вв.“, не так давно опубликованные в Турине Рокка и Ломбардо; они состоят из разнообразных частных грамот числом свыше восьмисот, касающихся преимущественно торговых и денежных операций венецианских арматоров, ростовщиков и купцов. Нельзя сказать, чтобы это были совершенно новые документы: некоторые из них полностью или частично были опубликованы ранее, например Чекетти, Баракки, Гейненом¹; но многие, и притом чрезвычайно важные, опубликованы в упомянутом издании впервые.

Что говорят данные этих грамот по занимающему нас вопросу?

Они показывают, — притом совершенно согласно, — что „деловые“ взаимоотношения, торговые связи между Венецией и Византией, разорванные в 1171 г., не были восстановлены в течение более чем десяти лет, — до времени правления Андроника Комнина.

Мы видим прежде всего, что в период с 1171 г. до 1181 г. в городах и портах Византии венецианцами было составлено только два документа, в то время как за предшествующее и последующее десятилетия таких документов имеется большое количество. В период с 1161 г. по 1171 г. венецианскими купцами в византийских городах было составлено 55% общего количества деловых контрактов, — разумеется мы говорим о дошедших до нас и опубликованных документах, — тогда как в изучаемый период — лишь 1%, причем в следующем десятилетии, с 1184 по 1194 г. процент этот опять увеличивается до 28. В 60-х годах в греческих городах и портах было составлено 53 документа, в том числе: в Константинополе — 31, в Альмиро — 12, в Фивах — 5, в Спарте — 2, в Коринфе — 2, на Крите — 1. В 80-х и начале 90-х годов в Константинополе была заключена 21 сделка и в Фивах — 1. В интересующее нас время одна грамота приходится на Константинополь² и три — на Фивы³. Однако если мы повнимательнее отнесемся к константинопольскому документу, то убедимся, что и он должен был быть составлен до знаменитого декрета Мануила 12 марта 1171 г., а фиванские документы представляют собою оригинал и две снятые с него копии, т. е. в сущности один документ.

Впрочем, первое из этих замечаний требует некоторых пояснений: мы полагаем, что издатели поместили константинопольский документ в числе таких, которые относятся ко времени после мартовских событий 1171 г., по очевидному недоразумению, так как этот документ неправильно датирован маем 1171 г. вместо марта того же года. К такому заключению мы приходим на основании следующих соображений. По эдикту Мануила от 1171 г. венецианцы повсюду были арестованы; ими наполнены были не только тюрьмы, но и монастыри, их ловили на море, в портовых городах и в городах внутри страны⁴.

¹ В. Cecchetti. La vita dei veneziani fino al 1200 (Archivio Veneto, v. 2, 1871); Baracchi. Le carte del mille e del millesimo che si conservano nel R. Archivio Notarile di Venezia (Archivio Veneto v. VI—X, XX—XXIII); R. Heunen. Zur Entstehung des Kapitalismus in Venedig, S. 66 ff.

² Documenti, № 241.

³ Ibid., № 273, 274, 275.

⁴ Ibid., № 316, 336, 338, 369, 396 etc.

Проведение этих репрессий потребовало времени и растянулось, несомненно, на недели. В таких условиях совершенно немислимым является составление в Константинополе завещания, которое спокойно регистрируется имеющимися в Константинополе и правильно функционирующими венецианскими властями. В свете сказанного становится ясным, что *madī* интересующего нас документа издателями указано вместо *martis*, или какого-либо иного наименования месяца марта. Эта корректура ставит документ на свое место: делается совершенно понятным, что завещание составлено и засвидетельствовано не в мае, а в марте 1171 г., т. е. до разгрома венецианских факторий в Византийской империи.

Таким образом, мы видим, что за 13 лет венецианцами не было заключено ни одной сделки в Константинополе; была заключена лишь одна сделка — в Фивах, в 1176 г. Все это говорит о том, что сеть венецианских факторий на территории Византии была разрушена и не восстанавливалась до времени императора Андроника. Пронырливый венецианец Сизинуло, к деятельности которого относится фиванский документ, представляет собою исключение.

Нужно, впрочем, заметить, что и деятельность Сизинуло протекала не без препятствий. Торговая компания Сизинуло—Вольтани возникла в 60-х годах XII в., когда Доменико Сизинуло и Витале Вольтани составили товарищество на паях, внося в общее дело по 7 фунтов перперов, т. е. по 500 золотых. Местопребыванием Доменико служил Константинополь, Витале — Фивы. Они направляли товары отсюда *per terram et per ipsos sulfos*, т. е. сухопутьем и по морю, по заливам и проливам Эгейды. В 1171 г. их деятельность была прервана, товарищество потерпело большие убытки. Это видно из грамоты 1179 г., в которой Доменико Сизинуло выражает готовность в месячный срок представить своему компаньону отчет о сумме убытка, причиненного им действиями императора Мануила, по их общему делу¹. При этом Доменико находится не в Константинополе и не в Фивах, а в Венеции.

Торговая венецианская сеть была разрушена весьма основательно и восстанавливалась очень медленно: мы видели, что число венецианских грамот, составленных в греческих городах, в 60-х годах равнялось 53, а в 80-х и 90-х — 22, или соответственно 55 и 28% общего количества грамот, относящихся к этому времени.

Несколько фактов из истории торгового дома Майрано делают картину взаимоотношений Венеции и Византии в интересующее нас время еще более ясной. Дом Романо Майрано вел крупные торговые операции с Константинополем. Здесь находилась его главная контора. Помимо торговых операций, Романо по специальному контракту, заключенному им в 1169 г., арендовал в Константинополе доходные статьи и земли, принадлежавшие патриарху Градо.

12 марта 1171 г. разразилась гроза: последовал упоминавшийся нами уже несколько раз эдикт императора Мануила. Венецианцы искали спасения в бегстве. Майрано был собственником большого корабля, который поражал своими размерами современников, — как греков, так и „латинян“ и гиперболически именовался *Totus Mundus*² (об этом корабле говорит и Никита Акоминат, без достаточных оснований считая его кораблем греческим; упоминает его также Бонкомпаньо, автор по-

¹ Документ был опубликован еще Сачердоти и в цитируемом нами собрании грамот значится под номером 308.

² *Boncompagno Florentino, Liber de obsidione Anconae, Muratori, SS., v. VI, col. 929.*

вестования „Об осаде Анконы“ в 1173 г., где этот корабль фигурирует под именем своего собственника). Майрано, равно как и многие его соотечественники, воспользовались этим кораблем для поспешного бегства. Ускользнув от преследования греческих кораблей, они прибыли к берегам Сирии.

Лишившись позиций в Константинополе, Майрано переносит центр своей деятельности в Александрию. Сохранилась расписка патриарха Градо, выданная Майрано в 1172 г., — в получении от него 125 веронских фунтов в качестве арендной платы по упомянутому выше договору. Размер этой суммы свидетельствует, что Майрано рассчитался за два с половиной года действия договора — с 15 сентября 1168 г. (дата начала действия соглашения указана в нем самом), очевидно, по 12 марта 1171 г. (сумма годовой арендной платы составляла 50 веронских фунтов)¹. После изгнания венецианцев из Константинополя сделка становилась беспредметной, но контрагенты только через год убедились в том, что прежнее положение Венеции в Константинополе в ближайшее время не будет восстановлено, и освободили друг друга от принятых ранее обязательств: с этой целью в январе 1173 г. был составлен новый договор; правда, причина расторжения соглашения в нем не указана, но она ясна для нас совершенно так же, как и для тех, кто подписал договор².

В 70-х и 80-х годах деятельность Майрано разворачивается, как уже было сказано, в Александрии и в сирийских портах. В течение всего этого времени он продолжает расплачиваться со своими кредиторами в Венеции по сделкам, заключенным до 1171 г. — с платежом в Константинополе³. Разумеется, все эти платежи производились не в Константинополе, а в других городах вне пределов Романии, преимущественно — в Венеции. С 1170 по 1184 г. мы не встречаем ни одной сделки Майрано, ни одной его операции, которая бы предусматривала в качестве места платежа Константинополь.

Но в 80-х годах обстановка изменилась: Мануил умер, появились надежды на возвращение „потерянного рая“ на Босфоре. Андроник оказался сговорчивее своего предшественника, и мы видим, как уже в 1183 г. мелкий торговый венецианский люд возобновил в Константинополе свою обычную деятельность. Об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся выше грамоты 1183 и 1184 гг. „Солідные“ фирмы, подобные дому Майрано, особенно не спешили — мир налаживался, но обстановка в Константинополе была напряженной. Майрано снова обосновался в византийской столице только в конце 80-х годов, хотя его операции с греками возобновились уже с 1184 г.

Все эти факты совершенно определенно говорят о том, что деловые связи венецианцев с греческим миром были прерваны в начале 70-х годов и возобновились только со времени Андроника. Это значит, что при императоре Мануиле мирные отношения между Венецией и Византией не были восстановлены, — вопреки свидетельству Никиты Акомината.

Документы, однако, дают возможность и непосредственно придти к такому выводу: в одном из них сохранилось прямое свидетельство того, что в 1181 г., т. е. после смерти Мануила, мир с Византией еще не был заключен, но существовала перспектива вероятного его заключения в недалеком будущем. Мы приведем это место из нашего

¹ Documenti, № 245.

² Ibid., № 249.

³ Ibid., № 252, 267, 280, 329.

документа полностью: „Указанное выше соглашение было заключено в Ривальто, в феврале месяце 1181 г., индикта 15. В соответствии с этим соглашением выше поименованный Якопо и его брат Филиппо обязаны уплатить в Венеции Гвидону Валерессо в течение одного года, после заключения мира между Венецией и императором константинопольским, пятьдесят веронских фунтов“¹.

Нам кажется, что нельзя представить более убедительных данных в пользу достоверности известия венецианского анонимного автора „Истории венецианских дождей“, который пишет: „Дождь заключил (после окончательного провала переговоров с Мануилом) договоры с султаном Каиро (вспомним деятельность дома Майрано в Александрии) и другими мусульманскими государями, и ходили венецианцы во все земли в полной безопасности, свободно совершая свои торговые операции, кроме земель греческих...“²

Установив достоверность венецианской версии изложения событий, касающихся взаимоотношений Византии и Венеции в последние годы правления Мануила, мы проложили тем самым путь к правильному истолкованию событий 1182 г., к решению вопроса о том, пострадали тогда венецианцы или не пострадали и, следовательно, были дальнейшие взаимоотношения обоих государств осложнены этими событиями или не были. Мы уже говорили выше, что в нашем распоряжении нет никаких указаний на то, чтобы события 1182 г. затрагивали интересы Венеции, — скорее наоборот, из источников можно извлечь косвенные доказательства противного. Из приведенных выше фактов и вытекающих из них выводов совершенно очевидно, что венецианцы не могли быть сколько-нибудь серьезно затронуты событиями, происшедшими в 1182 г. в Константинополе: их в роковые для прочих „латинян“ дни в Константинополе не было, за исключением тех, которые еще находились в тюрьмах.

Разумеется, мы не думаем утверждать, что все арестованные в 1171 г. венецианские купцы и резиденты находились в византийских тюрьмах и в 1182 г. Нет сомнения, что некоторые из них по разным причинам получили свободу ранее, — это можно доказать отчасти данными тех же „Документов венецианской торговли“³. Однако из них с еще большей ясностью следует вывод, подтверждающий известия венецианских авторов и в этом отношении: начиная с 1183 г. появляются документы, представляющие собою свидетельские показания купцов, посаженных по распоряжению Мануила в тюрьмы и содержавшихся там долгое время⁴. Можно с большой вероятностью предположить, что до этого времени они не имели возможности дать такие показания, ибо находились вне сферы досягаемости венецианских юридических инстанций. Венецианские дельцы появляются в Константинополе с 1183 г., когда мирные отношения при Андронике были восстановлены, а сидевшие в тюрьмах греческих городов венецианцы получили возможность вернуться к себе на родину.

¹ Documenti, № 348: „Ipsam vero suprascriptam cautionis cartulam quondam tempore percurrente anno domini milesimo centesimo octogesimo primo mense februarii sub indictione quintadecima, Rivoalto, fecerunt scilicet ipse suprascriptus Jacobus et Philippus ejus frater ad eundem Guidonem Valeressum, continente in ea quod postquam pax esset inter imperatorem Constantinopolitanum et Veneciam infra annum unum, ipsi debebunt dare et persolvere suprascripto Guidone Valleresso in Venecia libras denariorum veronensium quinquaginta...“

² Historia ducum Veneticorum, p. 81.

³ Documenti, № 316.

⁴ Ibid., № 336, 338.

Такое истолкование интересующих нас событий делает совершенно излишним всякое насилие над источниками в целях обоснования предвзятой точки зрения. Вместе с тем становится очевидной полная несостоятельность всяких предположений относительно участия Венецианского государства в нападении сицилийского короля на владения Византии в 1185 г. — участия, явившегося будто бы мстостью за погром 1182 г. Такого повода для нападения на Византию у Венеции во всяком случае не было. Еще менее оснований, как это нередко делается в буржуазной исторической литературе, рассматривать в качестве акта мести за те же события 1182 г. четвертый крестовый поход, искусно направленный венецианцами на Константинополь¹.

Все это позволяет считать доказанными, как нам кажется, следующие положения: 1) правильное освещение взаимоотношений между Византией и Венецией в последние годы правления династии Комнинов дает не Никита Акоминат, а венецианские источники; 2) несмотря на все усилия Венеции добиться возвращения своего прежнего положения на Босфоре, потерянного в 1171 г., усилия эти при императоре Мануиле не увенчались успехом, — мир восстановлен не был, торговые связи не возобновлялись и не было никаких надежд на возмещение убытков, причиненных венецианским купцам; 3) перспективы восстановления „нормальных“ отношений с Византией для венецианцев появились только после смерти императора Мануила, при Алексее II; 4) к моменту захвата власти Андроником Комнином венецианцы еще не сумели восстановить своего прежнего положения в Константинополе, и потому события 1182 г. их миновали; 5) только при Андронике Комнине им удалось, наконец, добиться поставленной цели, — заключить мирный договор с Византией и получить обязательство со стороны последней возместить ущерб, причиненный декретом Мануила; 6) неизвестно, было ли обложено это соглашение в форму трактата, но несомненно, что при Андронике началось выполнение его условий, — венецианцы вернулись в города Романии и прежде всего — в Константинополь, где они быстро начали разворачивать свою торговую деятельность и получили первый взнос в счет погашения обязательства по возмещению убытков (в этой связи характерен тот факт, что хотя аристократически настроенные авторы венецианских анналов не могли сочувствовать внутренней политике Андроника, — для них он — узурпатор и убийца, — у них нет тем не менее никаких жалоб на его отношение к Венеции); 7) едва ли венецианцы принимали участие в походе сицилийского короля в пределы Византии в 1185 г.; они должны были с большим вниманием и тревогой следить за успехами Вильгельма II, так как не могли допустить сосредоточения в одних руках обоих берегов Адриатического моря; именно этим объясняется, что при Ангелах, несмотря на договор 1175 г., Венеция приняла на себя далеко идущие обязательства по защите империи против сицилийских авантюристов.

¹ Н. Kretschmayer. Geschichte von Venedig, B. I, S. 276; G. F. Herzberg. Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches, Berlin, 1883, S. 322.

М. А. ЗАБОРОВ

**ПАПСТВО И ЗАХВАТ КОНСТАНТИНОПОЛЯ КРЕСТОНОСЦАМИ
В НАЧАЛЕ XIII в.**

*К вопросу о роли Иннокентия III в перемне направления
четвертого крестового похода*

Четвертый крестовый поход сыграл роковую роль в истории Византии. В результате этого наиболее „выдающегося“ из захватнических предприятий западноевропейских феодалов, именуемых крестовыми походами, значительная часть территории Византийской империи подпала под власть захватчиков. Варварское поведение рыцарей, распаленных видом богатств византийской столицы, обрекло огню и мечу произведения искусства, памятники архитектуры, библиотеки и другие культурные ценности Константинополя. После создания Латинской империи морское и торговое первенство на Леванте окончательно перешло к Венеции. Утверждение господства западноевропейских феодалов привело к дальнейшему порабощению народных масс в захваченных „латинянами“ областях Балканского полуострова и Малой Азии — факт, который новейшая „маршаллизованная“ западноевропейская историография упорно пытается скрыть, рисуя в идиллических тонах положение греческого крестьянства в Латинской империи¹ и приписывая „латинскому“ завоеванию благодетельное влияние на развитие греческих земель².

Инициатором и вдохновителем четвертого крестового похода был папа Иннокентий III. Выяснение его роли в событиях 1199—1204 гг. имеет существенное значение для понимания своеобразной истории этого хищнического предприятия, организованного западноевропейскими феодалами по почину главы католической церкви. В буржуазной историографии этот вопрос на протяжении многих десятилетий подвергался искажениям и заведомым фальсификациям. Подавляющее большинство сочинений историков Запада, начиная от сравнительно старых (П. Риан³, В. Норден⁴, А. Люшер⁵) и кончая новейшими работами

¹ J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée, Paris, 1949, p. 209 ss.

² Ibid., p. 187, 190 ss.

³ P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, Paris, 1875.

⁴ W. Norden. Der vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz, Berlin, 1898; ег о же. Das Papstum und Byzanz, Berlin, 1903.

⁵ A. Luchaire. Innocent III, vol. IV, Paris, 1907.

(Ш. Диль¹, Э. Фараль², Г. Каstellа³, Е. Джекоб⁴, Дж. Клэйтон⁵, Дж. Л. Ла Монт⁶, Ч. Э. Смит⁷), — проникнуты единым стремлением — обелить Иннокентия III, доказать „невиновность“ римского папы в отклонении крестоносцев от первоначальной цели и в захвате христианских городов — Задара (Зары), а затем Константинополя. Беря под защиту Иннокентия III, буржуазные историки Запада утверждают, что „уклонение“ крестоносцев с первоначально намеченного пути произошло независимо от воли папы и вопреки его желанию⁸. Новейшие буржуазные исследователи четвертого крестового похода прибегают к особенно грубым приемам извращения фактов: часто они вообще обходят вопросы о политике и дипломатии Иннокентия III в походе; они заявляют, что папа не играл в нем в какой-либо степени видной роли, что он упустил из своих рук руководство походом⁹, — одним словом, что Иннокентий III не причастен к обстоятельствам, которые привели крестоносцев под стены византийской столицы. Особенно показательными в смысле степени искажения роли Иннокентия III в событиях четвертого крестового похода являются научно-популярный труд Дж. Клэйтона „Папа Иннокентий III и его время“ и работа Ч. Э. Смита „Иннокентий III, защитник церкви“. В изображении обоих американских историков Иннокентий III преследует в крестовом походе цели исключительно духовного характера; он далек от политических расчетов. Стремясь выгородить Иннокентия III, Дж. Клэйтон и Ч. Э. Смит рисуют весь ход событий четвертого крестового похода как провал „истинных“ планов папы. Новейшие защитники римской церкви пытаются таким иезуитским приемом доказать несостоятельность каких бы то ни было подозрений в отношении „чистоты“ папских замыслов в крестовом походе.

В таком же апологетическом духе рассматривается вопрос о роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе в „Истории пап“ упоминавшегося выше швейцарского историка Г. Каstellа и в названных уже статьях Ш. Дильа в IX томе „Всеобщей истории“ и американского историка Дж. Л. Ла Монта¹⁰.

Почти полное единодушие буржуазных историков конца XIX и XX вв. в вопросе о „невиновности“ Иннокентия III в перемене направления четвертого крестового похода¹¹ является наглядным подтверждением

¹ Ch. Diehl. The Fourth Crusade and the Latin empire, in the „Cambridge Medieval history“, vol. IV, Cambridge, 1923, p. 415—431; его же. La quatrième croisade. „Histoire générale“, Histoire du moyen âge, t. IX, 1-ère partie, Paris, 1945, p. 123—138.

² E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité. „Revue historique“, vol. 177, Paris, 1936.

³ G. Castella. Histoire des papes, t. I, Zürich, 1943, p. 213—220, 247—249.

⁴ E. F. Jacob. Innocent III, in the „Cambridge Medieval history“, vol. VI, Cambridge, 1929, p. 1—43.

⁵ J. Clayton. Pope Innocent III and his times, Milwaukee, 1941.

⁶ J. L. La Monte, La papauté et les croisades, „Renaissance“, vol. II—III, New York, 1944—45.

⁷ Ch. E. Smith, Innocent III, Church Defender, Baton Rouge, Louisiana, 1951.

⁸ W. Norden. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz, S. 99; Das Papstum und Byzanz, S. 151; A. Luchaire. Innocent III, vol. IV, p. 75, 97, 116.

⁹ Ch. Diehl. The Fourth Crusade . . . , p. 418.

¹⁰ Ch. Diehl (La quatrième croisade, p. 138) утверждает, что в 1204 г. Иннокентий III якобы лишь „склонился, по своему обыкновению, перед совершившимся фактом“ захвата Константинополя, хотя до этого он будто бы все время выступал против похода на столицу Византии. Срв. J. L. La Monte, La papauté et les croisades, p. 164.

¹¹ Лишь очень немногие из буржуазных историков позволяли себе высказать более или менее робкое сомнение по поводу „невиновности“ Иннокентия III. Рус-

того, что идеологи буржуазии эпохи империализма всегда дорожили союзом с Ватиканом, как одной из наиболее реакционных сил, поддерживающей капиталистический строй.

В настоящее время, когда „все силы мракобесия и реакции поставлены... на службу борьбы против марксизма“¹, когда папство, маскируясь лживыми проповедями о „миротворческой миссии“ католической церкви, провозглашает „крестовый поход“ против коммунизма, освящает и благословляет преступный заговор американско-английских империалистов против сил мира, демократии и социализма, союз реакционных буржуазных историков с Ватиканом особенно упрочился. Оправдание деятельности папства в средние века является одним из лейтмотивов современной медиевистики на Западе. Поэтому решительное и беспощадное разоблачение всех черных дел римской курии, борьба против всех попыток реабилитировать папство выступает в качестве важнейшей задачи марксистско-ленинской медиевистики.

В советской исторической науке сделаны уже первые шаги по разоблачению агрессивной политики папства в XIII в. в Восточной Европе, в частности, по отношению к Руси². В этой связи назрела также необходимость пересмотреть и вопрос о роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе и выяснить действительное влияние римской курии на ход событий, закончившихся разгромом Византии в 1204 г.

С исчерпывающей ясностью позицию Иннокентия III во время четвертого крестового похода определил К. Маркс в своих „Хронологических выписках“, подчеркнув лицемерное, двуличное поведение римского папы. Иннокентий III видел план Дандоло насквозь, — писал К. Маркс, — „именно, он понимал (разрядка наша. — М. З.), что... Дандоло хотел надуть неплатежеспособных западных крестоносцев и использовать их в интересах Венеции для завоеваний“³. И, однако, он „дал свое согласие, — продолжает К. Маркс, — на крестовый поход“⁴. В другом месте, говоря об оправдании Иннокентием III захвата и грабежа византийской столицы западноевропейскими феодалами, К. Маркс замечает: «Папа, выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям „пилигримов“»⁵. Эти важнейшие указания К. Маркса послужили в настоящей работе отправным пунктом при изучении роли Иннокентия III в четвертом крестовом походе.

ский византийист Ф. И. Успенский в своей „Истории крестовых походов“ (СПб., 1901, стр. 117, 122) выдвинул некоторые предположения о причастности Иннокентия III к изменению направления четвертого крестового похода, но затронул этот вопрос очень бегло, не аргументируя своих интересных гипотез данными источников. А. Luchaire (Innocent III, p. 100—101, 106—107, 109, 114 ss.) и E. Faal (Géoffroy de Villehardoin..., p. 543—545, 559—564) отмечают в отдельных случаях двойственность политики Иннокентия III в отношении крестоносцев, однако оправдывают его действия неосновательными ссылками на некие „высшие“ цели, которые папа будто бы преследовал в походе и во имя которых он шел на „вынужденные“ компромиссы.

¹ А. А. Жданов. Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александра „История западноевропейской философии“ 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1947, стр. 41.

² В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.). „Вопросы истории“, 1949, № 5, стр. 52—76; его же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси, М., 1950, стр. 238—277.

³ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 198.

* * *

В сложном переплетении международных отношений, оказавших непосредственное влияние на ход и результаты четвертого крестового похода, наряду с венецианско-византийскими и германо-византийскими противоречиями значительное место занимал антагонизм папства и Византии. В основе его лежала агрессивная политика Иннокентия III, поставившего своей целью установление политического главенства римской курии над феодальным миром Запада и Востока. В планах, которые лелеял Иннокентий III, Византия занимала видное место. Иннокентий III намеревался включить Византию в орбиту папского влияния; идеологическим прикрытием этих захватнических целей Иннокентия III служил вопрос о воссоединении церквей, который папа поднял с первых же дней своего понтификата¹.

Тогда же в 1198 г. Иннокентий III бросил призыв к крестовому походу², который должен был явиться важным средством для осуществления захватнических замыслов снедаемого жаждой всевластия римского владыки. При этом Иннокентий III стремился использовать материальные и военные ресурсы Византии: он рассматривал ее территорию как наиболее удобный плацдарм для наступления против „неверных“. В своем первом послании к Алексею III³ папа выдвигал перед ним требование снарядить войско для освобождения „святой земли“, мотивируя это требование тем, что Алексей III может выступить успешнее, чем кто бы то ни было из других государей, — „как благодаря близости мест, так и изобилию богатств и могуществу“⁴. Возможность использовать Византию в крестовом походе разжигала захватнические аппетиты папы.

Одним из стимулов агрессивной политики Иннокентия III по отношению к Константинополю была, кроме того, продолжавшаяся в его понтификат борьба папства с Германской империей за преобладание в феодальном мире. Штауфены также стремились к захвату Византии. Это стремление ярко проявилось при Фридрихе Барбароссе и особенно — с 90-х годов XII в., когда Генрих VI, этот „каналья чистейшей воды“⁵, создав посредством брака Филиппа Швабского с Ириной, дочерью Исаака II Ангела, формальный предлог для будущих притязаний на византийский престол, потребовал от византийского императора территориальных уступок и в 1197 г. готовился под видом крестового похода выступить против Византии. Борьба за Византию обостряла вражду римской курии и Штауфенов. Византия служила крупным козырем в игре, которую вели эти средневековые „претенденты на мировое господство“.

Укрепление позиций римской курии в Византии было желательно, таким образом, для Иннокентия III, по крайней мере, в трех отношениях: оно расширило бы непосредственную сферу политического влияния римской курии и тем самым содействовало бы ее обогащению путем присвоения богатств и доходов греческой церкви; явилось бы важным шагом к дальнейшему увеличению политического влияния папства на Востоке (крестовый поход) и, наконец, служило бы подспорьем

¹ Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim, ed. St. Baluzius, t. I, Paris, 1682, lib. I, № 353. Ниже в сокращ. Epist. Innoc. III.

² Epist. Innoc. III, lib. I, № 11, 300, 336.

³ Ibid., № 353.

⁴ Ibid.

⁵ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 177.

в борьбе против притязаний Штауфенов. Именно эти интересы папства определили позицию Иннокентия III по отношению к Византии и антивизантийским планам западноевропейских государств во время четвертого крестового похода.

Иннокентий III, организуя крестовый поход, сразу же применил против Византии все ухищрения своей не стеснявшейся в средствах дипломатии.

В 1198 г. Иннокентий III потребовал от Алексея III согласия на церковную унию (на условиях полного подчинения православной церкви римской) и на участие Византии в крестовом походе¹.

Папа воспользовался благоприятной для себя общеполитической обстановкой (феодалы распря Вельфов и Штауфенов в Германии после смерти Генриха VI, внутри- и внешнеполитические осложнения Византии в конце XII в.) для активизации своей антивизантийской политики.

В своем послании к византийскому императору Иннокентий III не ограничился „отеческими“ увещаниями и ссылками на евангелие: он счел нужным для вящей убедительности прибегнуть к прямой, хотя и прикрытой дипломатической формулой угрозе. Зная, что Алексей III опасался возможности возобновления наступательной политики Штауфенов против Константинополя (под предлогом восстановления „законного“ императора, т. е. Исаака II Ангела, свергнутого в 1195 г.), Иннокентий III пригрозил Алексею III в случае, если тот отвергнет выдвинутые им требования, выполнить свой „долг отправления правосудия“ (*non possemus transire... quin nostrum exequeremur officium... justitiam judicandi*)². За этими словами скрывался вполне отчетливый и ясный, — по крайней мере, для того, в чей адрес он был направлен, — намек: папа угрожал выступить в защиту Исаака II Ангела, за которым стояла внушавшая Алексею III опасения тень Филиппа Швабского. Значение этой угрозы выступает особенно явственно в свете последующих событий: характерно, что в 1202 г., когда созреют планы двинуть крестоносцев на Константинополь — и именно под предлогом восстановления на престоле „законных“ правителей, — планы, которые встретят полную поддержку Иннокентия III, — в своем письме к Алексею III он употребит ту же формулу: *justitiam facere*³.

Из этого видно, что задолго до начала четвертого крестового похода Иннокентий III тайно вынашивал, тогда еще, вероятно, лишь в самой общей форме, планы использовать силы Запада против Византии. Только так может быть истолкована его угроза Алексею III.

Мысль об этом не оставляет Иннокентия III и в 1199 г., когда во Франции начались первые приготовления к крестовому походу и когда в связи с этим вопрос о Византии стал приобретать для папы все более серьезное значение. Требования объединения церквей и участия Византии в крестовом походе (Константинополь отклонял эти требования)⁴ раздаются в это время с еще большей настойчивостью⁵. Наступательный тон папской дипломатии резко проявляется во втором послании Иннокентия III к Алексею III, где папа повторяет в новом варианте старую угрозу по адресу императора, заявляя, что найдет средства выступить „как против тебя (Алексея III. — М. Э.), — ибо

¹ Epist. Innoc. III, lib. I, № 353.

² Ibid.

³ Ibid., lib. V, № 122.

⁴ Ibid., lib. II, № 210 (февраль 1199 г.).

⁵ Ibid., № 209, 211 (ноябрь 1199 г.).

ты мог бы, если бы захотел, выполнить то, чего мы требуем, — так и против патриарха и греческой церкви¹. Иннокентий III угрожает императору „сильной бурей“ в случае неповиновения и сулит ему „благодатный покой“, если Алексей III примет его „советы“². Очевидно, и в этой угрозе скрывался намек на возможность использования против Алексея III тех феодальных сил Западной Европы, которые смогут выступить в „защиту“ Исаака II Ангела.

По мере дальнейшего развития событий Иннокентий III стремится привести в исполнение эти в 1198—1199 гг. еще неясные в смысле путей практического осуществления, но достаточно отчетливые по своей агрессивной направленности угрозы.

* * *

Первым шагом Иннокентия III в этом направлении было утверждение 8 мая 1201 г. договора³ крестоносцев с Венецией (об условиях перевозки крестоносного войска венецианским флотом), заключенного в начале апреля 1201 г. Этот договор, представленный обеими сторонами на одобрение папе⁴, неизбежно должен был вызвать у такого проницательного политика, как Иннокентий III, подозрения о подлинных намерениях Венеции по отношению к крестоносцам. В договоре весьма расплывчато формулировалась непосредственная цель предприятия (*ad liberandum terrae sanctae, in illis partibus*)⁵. Те, против кого предпринимался поход, в тексте договора не назывались „неверными“: они фигурировали здесь просто в качестве *hostes*; договор как бы избегал упоминать этих *hostes* под их собственным именем. Самые условия, навязанные крестоносцам венецианской патрицианско-купеческой олигархией, были сформулированы весьма своеобразно.

При рассмотрении *Pacte de polis* бросается в глаза, что участники похода, согласно договору, должны были выплатить сумму в 85 тыс. марок, назначенную в качестве платы за фрахт, независимо от числа их самих. В договоре „предусмотрительно“ отсутствовало условие, регулировавшее размер платы за провоз в соответствии с числом крестоносцев, которые явятся в Венецию. Это обстоятельство не могло остаться незамеченным папой, искусственным в тонкостях юридической казуистики. Между тем именно отсутствие такой оговорки обусловило в известной мере тот факт, что крестоносцы впоследствии оказались в „долгу“ перед Венецией⁶. С другой стороны, наряду со всеми этими „неопределенностями“, *Pacte de polis* содержал одно более чем в категорическом виде сформулированное условие. Это условие касалось того, что будет захвачено крестоносцами силой оружия или иным

¹ Epist. Innoc. III, lib. II, № 211.

² Ibid.

³ Текст договора см. G. L. Tafel und G. M. Thomas. Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz und die Levante, I Theil (814—1205), Wien, 1856, S. 362 ff. Ниже в сокращ. Tafel u. Thomas, Urkunden.

⁴ Villehardouin. La conquête de Constantinople, chap. VI, ed. A. Pauphilet, Historiens et chroniqueurs du moyen âge, Paris, 1938, p. 80—81; Gesta Innocentii III, § 83, Ed. St. Baluzius, Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim, t. I, Paris, 1682.

⁵ По словам Виллардуэна, после составления договора крестоносцам было объявлено, что они „отправятся за море“: „il en iroient en outre mer“. Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 80.

⁶ См. П. Митрофанов. Изменение в направлении IV крестового похода. „Византийский временник“, т. IV, СПб., 1897, стр. 468.

путем (по договору): раздел добычи предусматривался поровну между Венецией и крестоносцами¹. Иннокентий III знал о напряженности отношений между Венецией и Византией: это ни для кого не составляло тайны. Папа понимал всю невыгоду для Венеции содействовать походу против Египта (во время предварительных совещаний баронов-крестоносцев речь шла именно о Египте как конечной цели похода²), с которым республика св. Марка поддерживала оживленные торговые сношения: Иннокентий III еще в 1198 г. запретил венецианцам продавать оружие сарацинам³.

Все это, вместе взятое, не могло не натолкнуть папу на мысль о ловушке, которую дож Энрико Дандоло готовил для крестоносцев, — о том, что дож задумал превратить поход против мусульман в поход против христиан. Мы уже приводили высказывание К. Маркса, по словам которого, „Иннокентий III видел план Дандоло насквозь“, понимал, что дож хотел использовать крестоносцев „в интересах Венеции для завоеваний“⁴.

И тем не менее, Иннокентий III в мае 1201 г. утвердил — и даже „весьма охотно“ (*mult volentiers*)⁵ — договор крестоносцев с Венецией⁶, которая решила „сделать из крестоносной глупости *торговую операцию*“⁷. Иннокентий III приветствовал заключение этого договора: в послании к венецианскому духовенству (об отчислении средств на крестовый поход), написанном тотчас по утверждении договора, Иннокентий III выражает откровенное удовлетворение тем, что его „возлюбленные сыновья, дож Энрико и венецианский народ решились оказать святой земле столь могучую поддержку“⁸. Более того, из текста договора ясно видно, что венецианцы, заключая этот договор, повиновались неоднократным настояниям папы: „... Ad exhortationem... summi pontifici, qui ad hoc saepius nos paterna sollicitatione commovuit“⁹.

¹ Cp. L. Streit. Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzuges gegen Konstantinopel, Anklam, 1877, S. 29.

² Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 80.

³ Epist. Innoc. III, lib. I, № 539 (3 декабря 1198 г.).

⁴ См. выше, стр. 154.

⁵ Villehardouin. La conquête de Constantinople, VI, p. 81.

⁶ По сообщению папского историографа, Иннокентий III в ответ на просьбу крестоносцев и венецианцев утвердить договор, „заключенный между ними для оказания помощи святой земле“, заявил будто бы, что он сделает это, если только будет оговорено, что они „не причинят вреда христианам“ (*Gesta Innoc. III, l. c.*). Оправдательный и тенденциозный характер этого сообщения автора „Деяний Иннокентия III“ очевиден, особенно, если принять во внимание, что аноним нарочито подчеркивает здесь дальновидность папы (*futurorum esset praesagiens*) и, забегая вперед, стремится переложить всю вину за происшедшее позднее на венецианцев, которые, по его словам, отвергли условия папы, „из чего видно, каковы были их намерения“. Искусственность и тенденциозность этого построения „Деяний“ доказывается также почти дословным совпадением его с текстом письма Иннокентия III, отправленного крестоносцам после захвата Задара (*Epist. Innoc. III, lib. V, № 161*). Факт утверждения папой договора засвидетельствован, помимо Виллардуэна, в анонимной хронике *Devastatio Constantinopolitana*, ed. Ch. Hopf, *Chroniques gréco-romanes*, Berlin, 1873, p. 87. Ценность этого свидетельства особенно велика, так как *Devastatio Constantinopolitana* является одним из лучших источников для истории четвертого крестового похода. К тому же автор хроники отличается объективностью в отношении венецианцев, что в данном случае весьма существенно. Сообщение же папского историографа говорит лишь за то, что Иннокентий III, утверждая договор, прибег к обычным для него лицемерным оговоркам.

⁷ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁸ *Archive de l'Orient latin*, t. I, Paris, 1881, p. 388.

⁹ *Tafel u. Thomas. Urkunden*, S. 365.

Санкционировав предприятие Венеции, возможные последствия которого он безусловно предугадывал, папа выступил как активный и сознательный соучастник и покровитель этого предприятия. Иннокентий III в сущности „благословил“ венецианцев на осуществление захватнических замыслов против Византии; с другой стороны, он одобрил превращение крестоносцев в антивизантийское орудие в руках Венеции. Это значит, что уже в самом начале четвертого крестового похода Иннокентий III способствовал дальнейшему разворачиванию событий именно в том направлении, которое они приняли впоследствии, т. е. против Константинополя.

Планы Дандоло, собиравшегося руками крестоносцев упрочить положение венецианцев в Византии и, согласно Никите Хониату, с самого начала наметившего путь на Константинополь¹ (о том же пишет Новгородский летописец: „съ же дужь много брань замышляше на град“²), в известной мере совпадали с политическими интересами Иннокентия III. Его недавние угрозы по адресу византийского императора и скрывавшиеся за ними тайные проекты выполнения „долга отправления правосудия“ теперь получали некоторую реальную основу для своей реализации. Появилась сила, которая при определенных обстоятельствах могла быть использована Иннокентием III для подчинения Византии. Ловкий делец на папском престоле, Иннокентий III не мог упустить такого случая. Он „дал свое согласие на крестовый поход“, правда, лицемерно оговорившись „условием, что крестоносцы в своем походе не будут нападать на христиан“³.

* * *

Вскоре для осуществления папских замыслов представились новые возможности.

Одновременно с Венецией агрессивные планы использования крестоносцев против Византии начали претворяться в жизнь наследником Генриха VI — германским королем Филиппом Швабским и его союзником и агентом — предводителем крестового похода маркизом Бонифацием Монферратским. Последний в конце декабря 1201 г. прибыл ко двору Филиппа Швабского, в Гагенау⁴. Наряду с другими, они обсуждали и вопрос о том, чтобы „вернуть в Константинополь с помощью христианского войска и водворить на престоле Римской империи“⁵ сына Исаака — царевича Алексея. Филипп Швабский мог информировать Бонифация Монферратского о положении дел в Византии и о предполагавшемся бегстве Алексея, о котором он, надо думать, был неплохо осведомлен, так как все время держал связь с бывшим византийским императором. Штауфен переписывался с ним и вел секретные переговоры через своих доверенных лиц. Делать это было нетрудно, так как „всякий желающий имел доступ к Исааку“⁶. Исаак, по словам Никиты Хониата, держал с „латинянами“ „тайные совещания о том,

¹ Nicetae Choniatae Historia, de Alexio Isacii Angeli fr., Ib. III, ed. Bonn, 1835, p. 714.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 49.

³ К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

⁴ I. Fr. Böhmert. Regesta imperii. Die Regesten des Kaiserreiches unter Philipp. Otto IV etc., Stuttgart, Tübingen, 1847, S. 13.

⁵ Gesta Innoc. III, l. c.

⁶ Nic. Chon. Historia, p. 710.

как бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексея“, он „посылал письма к дочери своей Ирине“ и в свою очередь „получал оттуда ответы с наставлениями о том, как ему поступать“¹.

Обсудив возможности направить крестовый поход в сторону Константинополя, Филипп Швабский и Бонифаций Монферратский в начале 1202 г.² приняли меры к тому, чтобы выяснить позицию Иннокентия III и, если удастся, заручиться его поддержкой в этом „деле“: маркиз Монферратский отправился в Рим. Во время переговоров с папой Бонифаций намекнул Иннокентию III на имеющийся проект использования крестоносцев для „восстановления“ на престоле Исаака II, о чем кратко сообщает автор „Деяний Иннокентия III“³.

Из сообщения папского историографа видно, что Иннокентий III категорически отклонил предложения Бонифация Монферратского⁴. Однако достоверность показаний анонима, все произведение которого является панегириком папе, вызывает сильное сомнение. Характерно, что описание переговоров Бонифация Монферратского и папы у него дано очень сжато. Составитель „Деяний“, не желая компрометировать Иннокентия III, явно спешит скрыть факты, одно лишь беглое упоминание о которых могло бы дать повод к заключениям, неблагоприятным для репутации римского первосвященника. Кроме того, нельзя не заметить прямой связи краткого сообщения анонима с текстами писем Иннокентия III, лицемерно, как будет показано ниже, запрещавшего поход на Византию.

Наводит на размышление и другое обстоятельство: принимая Бонифация Монферратского как вождя крестоносцев, Иннокентий III в то же время принимал в его лице уполномоченного короля Филиппа Швабского, отлученного и не признанного папой. Через Бонифация Монферратского Иннокентий III вел переговоры с германским королем о чисто политических делах, связанных с крестовым походом. Ф. И. Успенский справедливо заметил, что, повидимому, „был особенный мотив в этих сношениях, который не был противен и папе“⁵.

Все это говорит скорее в пользу того, что Иннокентий III отнесся к предложениям Штауфена, сделанным через Бонифация Монферратского, не столь уж неблагоприятно, как это пытается показать официальный историограф папы.

В распоряжении историка имеется и прямое документальное свидетельство, показывающее, что Иннокентий III вошел в сделку с Бонифацием Монферратским. Несколько лет спустя, в 1205 г., маркиз Монферратский напомнил папе, что в свое время он (Бонифаций) взял на себя дело царевича Алексея, между прочим, и потому, что „таков был совет“, данный ему „возлюбленным сыном апостольского престола, легатом Петром“ (Капуанским)⁶. Эти слова проливают яркий свет на действительное отношение Иннокентия III к предложениям Бонифация

¹ Nic. Chon. Historia, p. 711.

² Бонифаций Монферратский пробыл при дворе Штауфена около месяца. E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig, t. I, Leipzig, 1873, S. 256.

³ Gesta Innoc. III, § 83: . . . Coepit agere a remotis. . .

⁴ Ibid., § 83, 85.

⁵ Ф. И. Успенский. История крестовых походов, СПб., 1901, стр. 117.

⁶ Сохранилось только ответное письмо Иннокентия III Бонифацию Монферратскому, позволяющее воспроизвести слова последнего, обращенные к папе (Epist. Innoc. III, lib. VIII, № 133). В этом письме говорится: . . . (Quod autem illius adolescentis suscepisti ducatum. . . consilium fuit dilecti filii, Petri. . . apostolicae sedis legati. . .).

Монферратского. Сделка папы с вождем крестоносцев не может вызывать сомнений.

Вскоре в Рим явился бежавший из Византии и высадившийся весной 1202 г.¹ в Италии царевич Алексей. Перед тем, как отправиться в Германию, он посетил Иннокентия III. Принеся папе жалобу на Алексея III, царевич обратился к нему с просьбой о помощи.

Возможно, что царевич сделал папе предложения, подобные тем, с которыми незадолго до этого к нему обратился Бонифаций Монферратский. Руководствуясь наставлениями своего германского тестя (автор Морейской хроники прямо пишет, что обратиться к папе рекомендовал Алексею Филипп Швабский²), он мог при этом изъявить перед Иннокентием III готовность подчинить греческую церковь римской и оказать в дальнейшем поддержку крестоносцам силами Византии, разумеется, на условии содействия папы своему восстановлению на престоле: гипотеза такого рода подтверждается тем, что именно эти предложения (но после свидания с Филиппом Швабским — в более конкретной форме) Алексей сделал несколько позже вождям крестоносцев, о чем говорят все наши источники.

Как реагировал Иннокентий III на обращение к нему византийского царевича?

Сведения об этом мы можем почерпнуть только из письма Иннокентия III к императору Алексею III от 16 ноября 1202 г.³ Но папа не передает Алексею III конкретного содержания и, тем более, — результатов своих переговоров с греческим беглецом. Он только использует факт переговоров для нового и, как мы увидим, крайне двучленного дипломатического шантажирования византийского императора⁴.

Папа заявляет довольно неопределенно, что „мы дали царевичу ответ сообразно с тем, что считали нужным“, и добавляет, что после этого он „покинул нас и, разгневанный, поспешил к своему тестю Филиппу“ (т. е. Филиппу Швабскому)⁵. Буржуазные апологеты папства на основании этих слов единогласно утверждают, что Иннокентий III отклонил предложения царевича. Однако более чем „туманный“ ответ папы на запрос Алексея III не может считаться веским доказательством в пользу этого мнения. Неопределенность сообщения папы Алексею III о результатах переговоров с царевичем свидетельствует скорее об обратном. Добавление о „разгневанном“ состоянии царевича, в котором тот якобы отправился в Германию, сделано с явным умыслом „успокоить“ Алексея III, встревоженного слухами о намерениях кресто-

¹ Эту дату установил, вопреки традиционной — 1201 г. — В. Г. Васильевский. См. нашу статью „Крестовые походы в русской буржуазной историографии“, „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 177. Следует отметить, что E. Faral (Geoffroy de Villehardouin...), p. 548—553), также принимающий 1202 г. как дату побега Алексея, умалчивает о приоритете В. Г. Васильевского в установлении этого факта. Крайне необудительную попытку пересмотреть вопрос и доказать правильность прежней точки зрения предпринял Н. Grégoire. The question of the diversion of the fourth crusade, „Byzantion“, vol. XV, 1940—41. Верную дату приводит В. Николлаев. Хрониката на Жофруа дьо Вилардуэн: завладяването на Цариград, София, 1947, стр. 24.

² Chronique de la conquête de Constantinople et de l'établissement des français en Morée, ed. I. A. C. Buchon, Paris, 1825, p. 42. Ниже в сокращ. Chronique de Morée.

³ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122. Краткое сообщение Gesta Innoc. III, § 82 основано на данных этого письма.

⁴ См. ниже, стр. 168 сл.

⁵ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122:... Cumque nos eidem dedissemus responsum juxta quod vidimus expedire, recessit a nobis et ad... Philippum sororium suum concitus properavit.

носцев, и уверить его в благожелательном отношении папы. В этом искусственном „*concitus properavit*“ явственно виден ловкий прием римского мастера дипломатических интриг.

Чтобы подкрепить свою голословную защиту папы, буржуазные исследователи идут по скользкому пути общих домыслов о причинах отклонения Иннокентием III просьбы Алексея. В частности, они ссылаются на то, что поддержка Алексея привела бы к политическому успеху Штауфенов, что противоречило интересам римской курии. Однако этот довод не является убедительным. Хотя крестоносцы, выступая исполнителями штауфенских планов восстановления на византийском престоле Алексея, косвенно способствовали бы делу Филиппа Швабского, — едва ли папу в 1202 г. могла тревожить мысль об этом. Дела Штауфена в то время были в таком плачевном положении, что даже успех его крестоносного плана был бы не в состоянии существенно изменить неблагоприятную для него конъюнктуру в Германии. Сам Иннокентий III отлично видел бессилie Штауфена¹ и понимал, что в конце концов крестоносные интриги Филиппа Швабского, поскольку они предприняты с целью улучшить его позиции в Германии, являлись только авантюрой. У Иннокентия III не было причин опасаться того, что удача похода на Константинополь ослабит позиции папства в борьбе с Германской империей. Наоборот, поход мог бы способствовать приведению в исполнение давно вынашивавшихся папой планов подчинения греческой церкви и использования Византии для завоевания мусульманского Востока. Выгоды дела, в случае успеха похода, явно превосходили его маловероятные отрицательные для курии последствия, которые так преувеличивают новейшие защитники Иннокентия III. Кроме того, история германской политики Иннокентия III показывает, что папа не являлся принципиальным и непримиримым врагом Филиппа Швабского; изворотливый политик, он в подходящий момент готов был пойти на компромисс со Штауфеном, если это сулило выгоду римской курии: так обстояло дело, например, в 1207 г.²

Таким образом, ни источники, исходящие из папской канцелярии, ни „общие соображения“ не дают оснований утверждать, что Иннокентий III отклонил предложения Алексея. Впрочем, трудно и ожидать от документов, вышедших из папской канцелярии, прямых свидетельств обратного — того, что Иннокентий III принял предложения царевича Алексея. Иннокентий III естественно не мог открыто предать пергаменту свою сделку со штауфенской партией (Филипп Швабский, Бонифаций Монферратский, Алексей). Он не только не мог, не подрывая своего авторитета, дать формального согласия на изменение направления крестового похода, но должен был, сохраняя вид благочестивой невинности, на словах самым решительным образом осудить всякие намерения подобного рода. Повидимому, так он и поступал во время переговоров и с Бонифацием Монферратским и с Алексеем, тем более, что последнего он принял не с глазу на глаз, а „в присутствии многих кардиналов и знатных римлян“³.

Совершенно иные, прямо противоположные тем, которые мы находим в папских источниках, сведения об отношении Иннокентия III к предложениям агентов Филиппа Швабского, в том числе и Алексея, дают хроникеры. Особенно показательными являются данные Новгородской

¹ См., например, *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.*

² *E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig, S. 406 ff.*

³ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.*

летописи. Русский летописец, очевидец захвата Константинополя, имевший возможность беседовать на месте с участниками этого разбойничьего предприятия¹, внес в Новгородскую летопись чрезвычайно интересные сведения о предистории похода. К сожалению, сохранилась только часть его ценнейшего рассказа.

Данные Новгородской летописи не только подтверждают факт переговоров Филиппа Швабского с Иннокентием III („цесарь нѣмьчський посла к папѣ в Рим“²), но и указывают на договоренность, достигнувшую в Риме между уполномоченными Штауфена и Иннокентием III по вопросу о восстановлении царевича Алексея. Русский летописец приводит наставления, с которыми Филипп Швабский и Иннокентий III обратились к крестоносцам. Они рекомендовали им посадить на константинопольский престол Алексея и лишь после этого — идти дальше на Восток: „Такоже посадяче его на прѣстоль, поидете же къ Иерусалиму въ помощь“³. Русский летописец пишет о совместных наставлениях папы и германского короля крестоносцам, о том, как „казалъ имъ цесарь нѣмьчський и папа Римьський“⁴. Новгородский летописец усматривает в походе крестоносцев на Византию результат соглашения Инокентия III и Штауфена.

Близкие к версии Новгородской летописи известия о результатах переговоров, происходивших в 1202 г. в Риме, мы находим и в некоторых западноевропейских хрониках, а также у византийских писателей — Никиты Хониата и Георгия Акрополита.

Монах Альберих пишет в своей хронике, что папа пошел навстречу царевичу: „Он очень хотел, чтобы Алексей был восстановлен крестоносцами в отчих владениях“⁵. Еще более выразительно высказывается автор Морейской хроники, по словам которого, папа был очень обрадован сделанными ему предложениями⁶. Никита Хониат и венецианский хроникер Мартин де Канале прямо связывают последующее обращение царевича Алексея к крестоносцам с указаниями, сделанными ему папой. Никита Хониат пишет, что Иннокентий III снабдил Алексея грамотой, в которой обещал „величайшие выгоды всем соучастникам этой, — как пишет византийский историк, — разбойничьей шайки (т. е. крестоносцам. — М. З.), если они примут Алексея под свое покровительство и возведут его на отцовский престол“⁷. Итальянский хроникер рисует подробную картину переговоров царевича Алексея с Иннокентием III. В ответ на просьбу царевича папа, согласно хронике Мартина де Канале, не только в принципе согласился оказать ему помощь, но и принял конкретные меры для этого: „Лучше всего, — будто бы заявил он, — я пошлю к крестоносцам своего легата, чтобы они оставили путь на Иерусалим, повернули к Константинополю и восстановили царевича в его городе“⁸.

¹ П. М. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе, „Исторические известия“, № III—IV, М., 1916, стр. 56—58.

² Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 47.

⁵ *Chronica Albrici monachi Trium Fontium, Monumenta Germaniae historica, Script. (MGHSS), t. XXIII, p. 880: ... Qui (papa. — М. З.) hoc benigne concessit et bene voluit [ut per eos (crucesignatores. — М. З.) in paternum restitueretur imperium.*

⁶ *Chronique de Morée*, p. 44.

⁷ *Nic. Chon. Historia*, p. 715.

⁸ *La chronaca dei veneziani del maestro Martino da Canale, Archivio storico italiano*, t. VIII, Firenze, 1845, p. 324.

Наконец, рассказ, аналогичный приведенным выше, мы находим и у более позднего византийского писателя—Георгия Акрополита. Последний пишет, что папа, „преклонившись его (царевича Алексея) просьбами, а еще более—обещаниями (они были,—подчеркивает автор,—очень велики), поручил отрока вождям войска с тем, чтобы они, свернув с предстоящего пути, возвели его на отцовский трон и взяли с него издержки, какие будут сделаны в дороге и у Константинополя“¹. Византийский историк недвусмысленно говорит, что крестоносцы действовали в соответствии с „распоряжениями римского перво-священника“².

Все эти сообщения прямо перекликаются с тем письмом Бонифация к папе, в котором маркиз ссылался на совет легата³.

Весь ход событий позволяет предположить, что скорее всего во время переговоров Иннокентий III, уклоняясь от прямого ответа на выдвинутые перед ним предложения, и демонстрируя свою верность идее похода против мусульман, косвенным путем все же дал понять, что не будет мешать планам „совершения правосудия“⁴ с помощью крестоносного войска: поэтому-то, вероятно, Алексей, уразумев должным образом позицию папы, и „поспешил“ в Германию. Характерно, что тотчас по прибытии Алексея ко двору Штауфена, в Венецию к вождям крестоносцев были отправлены германские послы (сентябрь 1202 г.)⁵ с поручением поддержать просьбу царевича перед крестоносцами. Сам Иннокентий III в своем письме Алексею III от 16 ноября 1202 г. в сущности проговаривается, сообщая, что Филипп Швабский после свидания с царевичем „без всякого промедления (*sine qualibet dilatione*) направил послов к вождям христианского войска“⁶. Из этого „без всякого промедления“ можно видеть, что Филипп Швабский должен был быть удовлетворен результатами переговоров царевича с папой. Он не видел в лице Иннокентия III препятствия к осуществлению своих антивизантийских планов и поэтому спешил твердо договориться с крестоносцами.

Так, Иннокентий III, в 1201 г. благословивший венецианцев, в 1202 г. санкционировал антивизантийские замыслы исполнителей штауфенской политики. Каждое действие сил Запада, готовившихся нанести удар Византии, встречало негласное одобрение и поощрение Иннокентия III, который потворствовал осуществлению захватнических планов, созревавших в Италии и в Германии.

* * *

Важным этапом в истории четвертого крестового похода, окончательно определившим перемену его направления, был захват Задара (Зары) (середина ноября 1202 г.). Как известно, решающая роль в этом событии принадлежала Венеции и баронам, возглавлявшим крестоносное ополчение. Однако Иннокентий III, хотя это и замалчивается буржуазной историографией, отнюдь не стоял при этом в стороне. Иннокентий III знал из многих источников о предстоящем походе

¹ *Georgii Acropolitae Historia*, c. 2, ed. A. Heisenberg, Lipsiae, 1903, p. 5.

² *Ibid.*, p. 6.

³ См. выше, стр. 160.

⁴ См. выше, стр. 156.

⁵ W. Norden. *Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zu Byzanz*, S. 37, Anmerk. 3.

⁶ *Epist. Innoc. III*, lib. V, № 122.

против Задара. Его известил об этом, в частности, легат курии при крестоносном войске Петр Капуанский, который, в то время, когда флот крестоносцев бороздил воды Адриатики, направился в Рим: он своевременно (октябрь 1202 г.) и „очень ясно открыл папе злое намерение (pravam intentionem) венецианцев“¹. Иннокентий III тотчас поспешил направить к крестоносцам аббата де Лочедио² с посланием, в котором под угрозой отлучения „запрещал“ нападать на христианские земли, в том числе и на владение принявшего крест венгерского короля — Задар³. На деле, однако, это выступление папы было продиктовано необходимостью поддержать чисто внешним образом свой авторитет как главы католической церкви: по существу Иннокентий III не противодействовал, а способствовал грязному делу Венеции и вождей крестоносцев. Мы располагаем прямыми и заслуживающими полного доверия свидетельствами современников, подтверждающими эту точку зрения.

Хроники Гюнтера Перисского и анонимного автора из Гальберштадта сообщают: в связи с тем, что предложения венецианцев относительно похода против Задара вызвали замешательство в крестоносном ополчении, особенно среди бедняков, которые, „оставив войско, повернули паруса и вернулись во-свояси“⁴, некоторые сеньоры обратились за советом к легату Петру Капуанскому, спрашивая, как им поступать (например, епископ Конрад)⁵; иные снеслись непосредственно с Римом, пытаясь добиться у папы разрешения вернуться домой (под условием выполнить крестоносный обет несколько лет спустя)⁶. Таким образом, Иннокентию III представлялась возможность помешать захвату Задара, пресечь pravam intentionem дожа Дандоло. Он, однако, не собирался воспользоваться этой возможностью. Вернувшийся из Рима посланец крестоносцев передал, что папа настаивает на том, „чтобы все оставались на своем месте“⁷. Легат Петр Капуанский ответил епископу Конраду, что „не будет соответствовать намерениям папы, если войско рассеется, не дойдя до цели паломничества“ и на этом основании рекомендовал Конраду „ни в коем случае не оставлять войска“⁸. Еще более выразительно легат высказал волю римского понтифика в обращении к другим участникам похода: он заявил, что в конце концов простительнее (est eis veniale magis) испустить малое зло великим благим делом (minori malo majus bonum compensare), нежели, оставив крестоносный обет невыполненным, бесславными грешниками вернуться

¹ Gesta Innoc. III, § 85. Возможно также, что папа узнал о подготовке Задарской авантюры и от Бонифация Монферратского, который вторично посетил Рим, вероятно, одновременно с легатом, т. е. в октябре 1202 г. Ср. P. Riant. Op. cit., p. 55—56. Кроме того, в Рим направлялись гонды непосредственно от крестоносцев: Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana, cap. VI, ed. P. Riant, „Exuviae sacrae Constantinopolitanae“, Geneva, 1877, p. 72.

² Gesta Innoc. III, l. c.

³ Ibid.

⁴ Gunth. Paris. Historia Cpolitana VI, p. 71: Multi pauperes... relicto exercitu, versis vestigiis, ad propria regressi sunt...

⁵ Anonymi Halberstadensis Chronicon, cap. I, ed. P. Riant, „Exuviae sacrae Constantinopolitanae“, Geneva, 1877, p. 12: Dominus Conradus episcopus... domini Petri Capuani, apostolicae sedis legati, quid ei foret in tali articulo faciendum consilium requisivit. Ср. Gunth. Paris. Historia Cpolitana, VI, p. 72.

⁶ Gunth. Paris. Historia Cpolitana, l. c.:... Aliqui, Romam petentes, vix a summo pontifice redeundi licentiam impetrare potuerunt, ea tamen conditione prefixa, ut saltem post aliquot annos votum sue peregrinationis exsolvent.

⁷ Ibidem:... Ut in locis suis immoti consistent.

⁸ Anonymi Halberstad. Chron., l. c.

на родину (*quam votum crucis inexpletum relinquere et gressu retrogrado ad suos cum peccato reportare infamiam*¹)“.

Эти факты достаточно красноречиво рисуют действительное отношение Иннокентия III к Задарской авантюре. Ханжески ссылаясь на „конечные“, „высшие“ цели крестового похода, Иннокентий III стремился сохранить крестоносное войско, которое использовалось тем временем фактически с его же благословения для открытого грабежа далматинского города. Прикрываясь формальным запретом крестоносцам нападать на христианские земли, папа на деле прилагал все усилия к тому, чтобы планы Венеции были осуществлены. Об этом ясно говорит его поведение накануне захвата Задара и после этого преступного акта крестоносного воинства.

Папа располагал более действенными средствами для предотвращения удара, подготовленного Дандоло, чем словесные угрозы и запрещения. Задолженность крестоносцев Венеции, которой последняя воспользовалась для того, чтобы в качестве уплаты долга (или ее отсрочки) потребовать от крестоносцев захвата Задара, была сама по себе сравнительно невелика: она составляла всего 34 тыс. марок. Такую сумму вносили в качестве выкупной платы за освобождение из плена даже феодалы средней руки², не говоря уже о более крупных владельцах.

Если бы Иннокентий III искренно хотел избавить „христианские земли“, в том числе и Задар, от неистовства западноевропейских рыцарей, — ему ничего бы не стоило из средств курии возместить Венеции неуплаченную крестоносцами в срок часть взноса. Но папа и не подумал об этом. Отделавшись словесными угрозами, которые — и папа не мог не понимать этого — не оказали никакого влияния на вождей крестоносцев, тем более — на Дандоло³, Иннокентий III, позаботившись предварительно о сохранении крестоносного войска, сознательно предоставил событиям идти своим порядком. Задар был взят и разграблен⁴.

После захвата Задара Иннокентий III продолжал сохранять лицемерную позу защитника „христианских земель“. Получив сообщение о взятии Задара, он разразился показной бранью в адрес крестоносцев, выразил „безмерную скорбь“ по поводу того, что они „уклонились с пути“, пролили „братскую кровь“ и нарушили его запрет „нападать на христианские земли“⁵. Но едва только вопрос был переведен на практическую почву, действительное отношение папы к происшедшему обнаружилось совершенно явственно. Он узнал, что в своих бесчинствах крестоносцы вкупе с венецианцами ограбили в Задаре церкви, разрушили здания и, поделив между собой добычу, произвели настоящий погром⁶. И что же? — Его приговор крестоносцам оказался в высшей степени мягким и снисходительным. Папа увещевает грабителей „не прибавлять греха к греху“ (*ne igitur addatur peccato peccatum*), именно, — „не разрушать Задар... более того, чем он разрушен“ (?!), воздерживаться впредь от подобных проступков, постараться возместить ущерб⁷. Этим ограничиваются практические результаты папского „гнева“.

¹ Gunth. Paris. Historia Cpolitana, l. c.

² Ср. Ф. И. Успенский. История крестовых походов, СПб., 1901, стр. 117.

³ Villehardouin. La conquête de Constantinople, XVII, p. 90.

⁴ Devastatio Constantinopolitana, p. 88: Villam sine misericordiam spoliaverunt.

⁵ Epist. Innoc. III, lib. V, № 161.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

О возможности отлучения он говорит в конце письма в очень сдержанных выражениях.

Поведение Иннокентия III при взятии Задара свидетельствует о том, что политические перспективы, которые открылись в ходе предшествующих переговоров с истинными вершителями судеб крестового предприятия, побудили его сделать еще один шаг к тому, чтобы принести „богоугодные“ цели в жертву более реальным политическим выгодам. Воплощение беззастенчивости и алчности римской курии, Иннокентий III стал активным действующим лицом, фактическим вдохновителем крестового похода в том „новом“ направлении, которое ему сообщило переплетение международных противоречий на Средиземном море. Иннокентий III предоставил крестоносцев в руки Венеции; он способствовал ее торговой операции¹ своим потворством задарской авантюре. Папа уже раньше связал себя с Венецией и штауфенской партией, и его позиция осенью 1202 г. являлась естественным развитием этой политики.

* * *

К тому же папа увидел в захвате Задара новое, более могущественное, чем все богословские доводы и дипломатические уловки, средство воздействия на Алексея III. Судьба Задара должна была показать Алексею III возможную участь Византии и таким путем парализовать всякое сопротивление с его стороны.

К этому времени папа должен был быть уже более чем уверен в том, что поход на Константинополь находится в решающей стадии своей подготовки. Уверенность эту подкрепляла и глубокая тревога, охватившая византийского императора сразу же после побега царевича Алексея: ее сигналом было исполненное беспокойства письмо Алексея III к папе, доставленное в Рим греческими послами еще в октябре 1202 г.², а также посольство в Венецию, потерпевшее, впрочем, неудачу³. В письме Алексея III к папе настойчиво повторяется одна и та же мысль: византийский император на все лады закликает папу — не помогать ни царевичу, ни Штауфену, любыми средствами убедить крестоносцев отказаться от намерений идти на греческую столицу (*ut eos a tali deberemus proposito revocare*)⁴. Создается такое впечатление, что Алексей III отнюдь не питал иллюзий в отношении „бескорыстия“ и „чистоты намерений“ главы католической церкви, что он был убежден в возможности и вероятности сговора папы с силами, враждебными Византии. И он не ошибался: политика Иннокентия III давала весьма серьезные основания для опасений в Константинополе.

В этой связи нельзя не упомянуть о новых дипломатических мерах, предпринятых Штауфеном в курии. К этому времени относятся *Promissa* Филиппа Швабского папе, среди которых мы находим и пункт о подчинении православной церкви Риму в случае, если „всемогущий бог

¹ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 194.

² Письмо Алексея III не сохранилось, но его содержание может быть воспроизведено на основании ответа Иннокентия III от 16 ноября 1202 г. *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122*.

³ P. Riant. *Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat*, p. 54.

⁴ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122*.

отдаст мне или моему зятю греческую империю“¹. Эти обещания должны были еще более укрепить папу в его тайных намерениях.

Ответ Иннокентия III византийскому императору, датированный 16 ноября 1202 г., ясно показывает, что папа был не только в курсе тех переговоров, которые велись в конце 1202 г. по поводу перемены направления крестоносного предприятия, но заранее благословил вождей крестоносцев на поход против Константинополя, заранее договорился с ними о выгодах, которые получит от этого римская церковь. Папа рассказывает Алексею III о поездке царевича в Германию, переговорах его с Филиппом Швабским, о последующих переговорах послов того и другого с крестоносцами и, в особенности, об обещаниях царевича относительно помощи крестовому походу и объединения церквей, — рассказывает как о чем-то очень хорошо ему известном. Тон сообщения папы свидетельствует об удовлетворенности его этими обещаниями. Он специально подчеркивает, что Алексей „во всем (in omnibus et per omnia) готов следовать нашим советам“².

Все это с несомненностью подтверждает, что предводители четвертого крестового похода действовали по согласованию с Иннокентием III.

Письмо папы к Алексею III от 16 ноября 1202 г. может служить образцом вероломной и лживой папской дипломатии. Это письмо явилось в руках папы одним из средств облегчить нападение крестоносцев на Константинополь, усыпив бдительность византийского императора. Оно характерно прежде всего тем, что папа искусно обходит молчанием вопросы, волнующие Алексея III; мы уже отмечали, что Иннокентий III почти ни слова не говорит здесь о том, как он, папа, реагировал на предложения царевича Алексея и тех, кто его поддерживал. Иннокентий III в своем письме к Алексею III избегает какого-либо определенного ответа на просьбы последнего. Он ограничивается туманной и ничего не говорящей фразой о том, что „когда к нам явятся твои послы, мы, обсудив все это в курии, примем решение, которое вполне тебя устроит“ (illud statuemus quod tibi poterit merito complacere)³. Он как бы откладывает окончательное решение вопроса до предполагаемого прибытия послов из Византии.

Не давая ясного ответа на тревожные запросы византийского императора, Иннокентий III в то же время старался убедить Алексея III в том, что будто бы еще можно — и это во власти его, папы, — воспрепятствовать походу крестоносцев на Константинополь, решить дело дипломатическим путем при условии капитуляции византийского императора перед римской курией.

Говоря о грозной опасности, нависшей над Византией, Иннокентий III стремится внушить императору страх, но в то же время рисует положение вещей таким образом, что он сам не потерял еще надежды на то, что Алексей III, поняв грозящую ему опасность с Запада, пойдет на уступки Риму, чтобы избавить Константинополь от участи Задара. С одной стороны, папа напоминает Алексею III о планах Штауфенов, указывая, что Филипп Швабский „без труда сможет, подобно тому, как это намеревался сделать император Генрих (VI), вторгнуться в твою империю“⁴. С другой стороны, касаясь обещаний царевича, Иннокен-

¹ Полный текст *Promissa regis* — см. *Monumenta Germaniae historica, Constitutiones et acta publica imperatorum et regum*, t. II, Hannoverae, 1896, p. 8—9.

² *Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid.*

тий III, хотя и сохраняет коварно-угрожающий тон, но пишет так, словно еще рассчитывает на „благоразумную“ уступчивость со стороны Алексея III, верит в возможность удовлетворения последним папских требований относительно церковной „унии“ и тем самым — мирного разрешения конфликта Запада с Византией. „Многие утверждают, — пишет Иннокентий III, — что мы должны отдать предпочтение такого рода обещанию (царевича Алексея. — М. З.), ибо греческая церковь не подчиняется апостольскому престолу“¹. Он лицемерно заявляет Алексею III, что позаботился о том, чтобы проявить свою любовь к нему на деле (*nos dilectionem quam ad te habemus in opere demonstrare curavimus*) и на этом „основании“ уговаривает и Алексея III ответить ему не словами, а делом (*operibus et non verbis studeas respondere*)².

Но все это со стороны папы было лишь коварной игрой. Он не верил в уступчивость Алексея III, который даже в своем последнем „униженном“ письме (от середины 1202 г.)³ не считал возможным хотя бы обмолвиться о каких-либо уступках Риму. Папа уже сговорился с теми, от кого непосредственно зависело дальнейшее течение крестового похода. Его угрозы и требования о подчинении Алексея III теперь уже не были рассчитаны на какой-либо реальный эффект в смысле уступок со стороны последнего. Папа стремился лишь ввести в заблуждение византийского императора — и тем самым облегчить предприятие крестоносцев против Византии.

Именно с этой целью Иннокентий III в своем письме к Алексею III умышленно представлял положение таким образом, что будто от него, папы, зависит всё, — зная, что на самом деле судьба Константинополя целиком в руках тех феодальных сил Запада, в сделку с которыми он вступил. Так, папа пишет Алексею III, что вожди крестоносцев в ответ на предложения послов Филиппа Швабского о помощи царевичу, будто бы заявили, что они „не могут и не должны“ в столь важном деле действовать без нашего совета и соизволения: по словам Иннокентия III, они будто бы изъявили намерение „посоветоваться с нами“ (*nos consulere volebant*) и для этого направили в Рим легата Петра Капуанского⁴.

Ложь папы, однако, без труда изобличается показаниями хроники Виллардуэна⁵ (который ничего не говорит о том, что бароны пытались получить через посредство Петра Капуанского санкцию папы на поход против Константинополя) и „Деяний Иннокентия III“, а также данными других писем самого Иннокентия III. В действительности, легат отправился в Рим в октябре 1202 г., чтобы довести до сведения папы „задарский проект“, и притом — после оскорблений, нанесенных ему венецианцами⁶.

В заключение своего лживого письма Иннокентий III, принимая позу доброжелателя Византии, с обычной цветистостью слога рекомендовал Алексею III быть „благоразумным“ и всеми силами стараться „потушить огонь, пока он еще в отдалении, а не поддерживать его, чтобы он как-нибудь не смог перекинуться в твои земли (*id deberes studiosissime procurare, ut ignem in remotis partibus extingueres, non*

¹ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² Ibid.

³ См. выше, стр. 167.

⁴ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

⁵ Villehardouin. La conquête de Constantinople, XV, p. 88.

⁶ Gesta Innoc. III, § 85. Cp. Epist. Innoc. III, lib. VII, № 18.

nutrires, ne usque ad partes tuas posset aliquatenus pervenire)¹. Как будто и в самом деле какие-либо действия Алексея III могли заставить папу „потушить огонь“ и отказаться от поддержки крестового похода против Византии!

* * *

После взятия Задара уполномоченные Штауфена и царевича Алексея продолжали вести дипломатические переговоры с вождями крестоносцев, зазимовавших в Далмации. Эти переговоры закончились в феврале 1203 г. подписанием соглашений о походе на Константинополь². В числе условий этих соглашений фигурировали два, особенно соответствовавшие интересам Иннокентия III. Царевич Алексей обязался в случае успеха снарядить десяти тысячный отряд для отвоевания „святой земли“ и подчинить греческую церковь Риму. Это было именно то, чего папа давно добивался от Алексея III: участие Византии в крестовом походе и „объединение церквей“.

В свете сказанного выше сама собой напрашивается мысль, что эти условия, по крайней мере в общих чертах, были согласованы с папой во время предшествующих переговоров: о них и шла, вероятно, речь во время пребывания в Риме Бонифация Монферратского и царевича Алексея. Эти условия были ценой, за которую папа тайно благословил преступные замыслы вождей похода и тех, кто стоял за ними. Не случайно среди хроникеров XIII в. было широко распространено мнение о том, что захват крестоносцами Константинополя — дело Иннокентия III.

Мы уже приводили выше ту своеобразную версию о предистории захвата Константинополя, которую дает Новгородская летопись. Русский летописец не допускает мысли о том, что папа санкционировал разграбление Константинополя: наоборот, по его рассказу, Иннокентий III и Штауфен увещевали крестоносцев „нѣ воевати на Цесарьградъ“³ — „пакости не деите Грѣчьской земли“⁴. Разграбление Константинополя летописец рассматривает как „зло“, которое „фрязи... и вси воеводы их“ (крестоносцев) „учиниша Цесарю-граду“ вопреки наказаниям германского короля и папы⁵. Такое представление у автора „новгородского сказания“ о четвертом крестовом походе легко объясняется тем, что свои сведения он почерпал, вероятнее всего, от участников похода⁶, которые могли ему сообщить о лицемерных папских „запрещениях“ нападать на христианские земли⁷. Однако у новгородского летописца не вызывает сомнения самый факт „папина велѣния“⁸ восстановить Алексея на византийском престоле.

Новгородская летопись показывает активную роль Иннокентия III в перемене направления крестового похода — в его отклонении на Константинополь. Ту же мысль проводят и другие современные хроникеры.

Кельнский анналист, объясняя причины похода на Константинополь, указывает, что крестоносцы „направились туда с Алексеем для под-

¹ Epist. Innoc. III, lib. V, № 122.

² P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 60—78.

³ Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 47.

⁶ См. выше, стр. 163.

⁷ См. выше, стр. 165.

⁸ Новгородская летопись, указ. изд., стр. 46.

чинения восточной церкви римской¹, прямо намекая этим на роль Иннокентия III. Бурхардт из Уршперга (Германия), сообщая о том, что крестоносцы направились к берегам Греции, говорит: „Многие утверждали, что это было сделано с совета и по воле папы“². Автор Морейской хроники идет еще дальше, заставляя легата папы убеждать крестоносцев в том, что гораздо более важно покончить со схизмой, „объединить“ греков с франками, „чем без всякой надежды идти в Сирию“³. Итальянский хроникер Созомен из Пистории прямо пишет, что, получив обещания от Алексея подчинить греческую церковь римской, крестоносцы „с согласия папы Иннокентия повернули флот для отвоевания Алексею Константинопольской империи“⁴.

Даже явно пропагандистский настроенный Гюнтер Перисский дважды отмечает ненависть Иннокентия III к Константинополю и полагает, что папа „очень хотел, чтобы этот город был завоеван католическим народом, но не надеялся на это, считая, что Константинополь располагает одним только рыбацким флотом, более многочисленным, чем все суда крестоносцев“⁵.

Все эти данные помогают выявить действительное отношение Иннокентия III к антивизантийским планам руководителей похода в связи с его уже явно изменившимся в конце 1202 г. направлением.

Ценные сведения о политике Иннокентия III в четвертом крестовом походе содержит также папская переписка. Несмотря на стремление Иннокентия III как можно тщательнее замести следы всего, что могло его компрометировать, в письмах папы нетрудно все же обнаружить данные, раскрывающие его подлинные намерения.

В этом смысле весьма характерна комедия, разыгранная папой по поводу „прощения“ крестоносцев после захвата Задара. Опасность потери влияния на массу рядовых участников похода, являвшихся до сих пор слепым орудием в руках вождей⁶ и начавших выразить недовольство „уклонением с пути“ (многие — до тысячи человек — самовольно оставили лагерь под Задаром и на собственный страх и риск отправились в Сирию⁷), побудила Бонифация Монферратского и других баронов, направивших осенью 1202 г. крестоносный флот к далматинским берегам, обратиться в Рим. Нужно было „оправдаться“ перед крестоносным войском и получить задним числом, если не официальную санкцию Рима на захват христианского города (Задара), то хотя бы

¹ *Annales Colonienses maximi*, MGHSS, t. XVII, p. 810: Ad subdendam Orientalem Ecclesiam Romanae cum eo (Alexio) diriguntur...

² *Burchardi Urspergensis Chronicon*, MGHSS, t. XXIII, p. 369: Attamen navigio tendunt in Graeciam, quod multi assererant de consilio et auctoritate domni papae factum fuisse.

³ *Chronique de Morée*, p. 44—46.

⁴ *Sozomeni Pistoriensis Historia*, ed. *Rerum Italicarum Scriptores*, t. I, Florentiae, 1748, p. 83: ... His intellectis, de Innocentii pontificis consensu ad imperium Constantinopolitanum illi recuperandum... classem moverunt.

⁵ *Gunth. Paris. Historia Cpolitana VIII*, p. 78: Oderat igitur eam (urbem)... et optabat, si fieri posset, eam a gente catholica expugnari... hoc autem per nostros fieri non sperabat, dicens eandem urbem plus in solis navibus piscatorum abundare, quam illos in toto navigio.

⁶ Хроника Робера де Клари, отражающая точку зрения рядового рыцарства (см. С. Klimke. *Die Quellen zur Geschichte des vierten Kreuzzuges*, Breslau, 1875, S. 6) показывает, что масса крестоносцев ничего не знала о закулисных переговорах по поводу изменения направления похода: Robert de Clary. *La conquête de Constantinople*, ed. A. Pauphilet, *Historiens et chroniqueurs du moyen âge*, Paris, 1938, p. 21.

⁷ *Villehardouin. La conquête de Constantinople*, XXI, p. 94.

формальное „прощение“ папы. Это могло бы предотвратить дальнейший распад войска, признаки которого были налицо.

Из лагеря крестоносцев в Рим была послана депутация (епископ Нивелон Суассонский и др.)¹. Послы, изложив папе обстоятельства захвата Задара, представили различные оправдательные соображения² и постарались „уверить“ папу в готовности крестоносцев следовать в „святую землю“³. Конечно, Иннокентий III отлично понимал цену этих „оправданий“ уполномоченных крестоносцев, ничего, повидимому, не подозревавших о подлинной роли в событиях осени 1202 г. римского первосвященника, от которого они ожидали „прощения“. Однако папа, сам способствовавший гибели Задара, не мог не разыграть очередной комедии. Этого требовали соображения престижа.

Послов ожидал весьма суровый прием⁴. Папа потребовал клятвы от крестоносцев в том, что отныне они во всем будут повиноваться апостольскому престолу, и только под этим условием согласился простить „прегрешения“ крестоносцев. Папа отправил к крестоносцам своих нунциев с письмом⁵, в котором „милостиво“ сообщил им о своем решении и, стремясь скрыть собственное участие в заговоре, первой жертвой которого пал Задар, поспешил признать в качестве извиняющего обстоятельства то, что разрушители Задара действовали не по своей воле, а лишь подчиняясь необходимости (*necessitate coacti*).

Для соблюдения видимости приличия Иннокентий III произнес все же отлучение над венецианцами, при этом, однако, с характерной оговоркой: отлучение венецианцев не должно помешать крестоносцам в дальнейшем пользоваться их флотом⁶. Эта оговорка практически сводила к нулю последствия отлучения: глава католической церкви разрешал „освободителям гроба господня“ пользоваться услугами отлученных от церкви. Само собой разумеется, папа не упустил случая пролить по поводу своего „разрешения“ крокодиловы слезы: он позволял крестоносцам во исполнение ранее подписанного договора плыть с венецианцами (*permittimus... vobis cum ipsis... navigio transeatis*) и поддерживать с ними общение (*communicantes eisdem*), но предписывал делать это *cum dolore et amaritudine cordis*⁷. Понимая, впрочем, что вменить в обязанность одну лишь *amaritudinem cordis* недостаточно, чтобы в глазах рядовых участников похода оправдать это, более чем странное „разрешение“, Иннокентий III прибегает, как и обычно в подобных случаях, к богословско-юридической софистике. Так, папа указывает на то, что отлучение, которому подвергнут глава семьи и хозяин дома, не означает запрета для членов его семьи разделять с ним кров и поддерживать общение: папа при этом сравнивает Даноло с главой семейства, венецианские корабли — с домом, крестоносцев — с членами семьи и на этом „основании“ заранее отпускает им их грехи (*et excusabilis (es? — М.З.) fueritis apud Deum*)⁸. При

¹ Уполномоченные крестоносцев прибыли в Рим в начале 1203 г. *Epist. Innoc. III, lib. V, № 162.*

² Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, XXII, p. 95.

³ Anonimi Halberstad. *Chron.*, I, p. 13.

⁴ Спустя два года Иннокентий III писал епископу Нивелону Суассонскому: *Quam difficiles in receptione fuerimus... te credimus meminisse. Epist. Innoc. III, lib. VI, № 232.*

⁵ *Epist. Innoc. III, lib. V, № 162.*

⁶ *Ibid.*, lib. VI, № 102.

⁷ *Ibid.*

⁸ *Ibid.*

этом Иннокентий III, снова ссылаясь на „высшие цели“, призывает крестоносцев действовать с осторожностью, набраться терпенья и „переносить многое“ (*multa pro tempore dissimulare ac tolerare curetis*), пока эта конечная цель не будет достигнута: небезынтересно и то, что самая эта конечная цель сформулирована папой в высшей степени неопределенно: *donec ad locum perveneritis destinatum*¹.

С двусмысленной позицией папы, формально отлучившего венецианцев, фактически же согласившегося сохранить зависимость крестоносцев от дожа, хорошо гармонирует и то, что хотя клятва крестоносцев папе содержала в себе обязательство впредь не нападать на земли христиан, однако в ней имелась оговорка, которой можно было легко воспользоваться для оправдания нарушения этого обязательства, — именно: Иннокентий III предписывал крестоносцам не наносить вреда христианам, „разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу, или же представится какая-либо другая справедливая или необходимая причина, по которой вы сочтете нужным действовать иначе“². Слова, в высшей степени примечательные для двуличной политики Иннокентия III! — Запрещая (на словах) нападать на христианские земли, на деле Иннокентий III не только оставлял крестоносцам „лазейку“ именно для такого нападения³, но прямо подстрекал их к этому! Клятва, затребованная им у крестоносцев, содержала в себе не что иное, как прямое подстрекательство к нападению на Византию. Восстановление „законного“ императора и подчинение греческой церкви римской вполне могли послужить той *iusta sive necessaria causa*, ссылаясь на которую, крестоносцы, по выражению Никиты Хониата, „рассчитывали прикрыть благонамеренностью свое разбойниче предприятие против римлян и дать ему благовидную наружность“⁴.

Если к этому добавить еще, что в момент переговоров с послами крестоносцев Иннокентий III уже был осведомлен о соглашении, заключенном под Задаром⁵ и, следовательно, „простила“ крестоносцев за захват Задара в тот самый момент, когда твердо знал, что бароны готовятся к нападению на Константинополь, — то станут вполне ясными дипломатические приемы этого римского понтифика, чистота моральных принципов которого столь усердно прославляется буржуазной историографией.

Политические выгоды Рима были соблюдены, приличия — также: Венеция подвергнута отлучению, но дело, начатое ею с фактического одобрения папы, могло продолжаться к полному удовлетворению appetitus римской курии. В этой связи чрезвычайно интересно мнение французского хроникера, который считал, что крестоносцы „заслужили

¹ Epist. Innoc. III, liv. VI, № 102.

² Ibid., lib. V, № 162: . . . Nisi forsani illi vestrum iter nequiter impedirent, vel alia iusta sive necessaria causa forsani occurreret, propter quam aliud agere . . . valeretur.

³ Характерно, что впоследствии Бонифаций Монферратский, объясняя папе причины захвата крестоносцами Константинополя, употребит выражение самого папы: по словам маркиза Монферратского, „прирожденное коварство греков с помощью огня, хитрости и отравы часто чинило препятствия нашему походу“ (*innata Graecorum malitia . . . igne, dolo et toxico iter vestrum . . . saepe . . . nequiter impedit*). Epist. Innoc. III, lib. VIII, № 133. См. выше, стр. 160, прим. 6.

⁴ Nic. Chon. Historia, p. 715.

⁵ P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 82; E. Fara, Geoffroy de Villehardouin . . . , p. 561.

снятие отлучения тем, что взяли на себя помощь сыну византийского императора“¹.

„Прощение“ крестоносцев явилось очередным актом прямого участия Иннокентия III в подготовке войны против Византии с целью подчинения последней Риму.

* * *

В дальнейшем дипломатия Иннокентия III становится еще более двуличной. Получив в конце марта 1203 г.² известия о завершении приготовлений крестоносцев к выполнению задарского договора, Иннокентий III срочно разыгрывает новый фарс³: к крестоносцам направляются нунции с письмами, в которых папа занимает как будто бы категорически отрицательную позицию по отношению к каким бы то ни было попыткам напасть на Византийскую империю. Угрожая анафемой, Иннокентий III на словах решительно запрещает крестоносцам „захватывать или грабить владения греков“ под какими-либо предлогами, будь то неподчинение Греческой империи папскому престолу или „узурпация“ Алексея III⁴; папа заявляет, что „не дело крестоносцев судить о грехах“ Алексея III и его приближенных⁵, и побуждает крестоносцев идти на помощь „святой земле“, не давая увлечь себя „произволу случая и мнимой необходимости“⁶.

Однако почти в то же время, т. е. тогда, когда дело уже близилось к развязке, папа дает в своем роде чрезвычайно драгоценный и весьма любопытный для историка практический совет крестоносцам: силой отбирать в греческих землях продовольствие и другие припасы, если император откажется предоставить их добровольно. Иннокентий III так буквально и пишет: „Можете... (конечно, „со страхом Божиим!“—*М. З.*) в этом случае захватывать припасы силою (путем грабежа!)“⁷. Весьма выразительно, хотя и смягчая несколько форму папского разрешения на грабеж, пишет об этом же хронист Гюнтер Перисский: „Папа разрешил им брать бесплатно съестные припасы“ (в Византии)⁸. Хотя Гюнтер с целью несколько сгладить впечатление от своих слов отмечает, что папа разрешил грабить „с умеренностью“ (*moderate*), однако истинный облик Иннокентия III выступает из этих слов хрониста тем более ярко, что Гюнтер безусловно симпатизирует папе.

Для характеристики позиции папы в момент, когда крестоносное войско приближалось к своей цели, весьма показательным является еще один документ: письмо Иннокентия III к легату Петру Капуанскому, написанное в конце апреля 1203 г.⁹ Оно представляет собою

¹ *Anonymi Laudunensis Chronicon, Recueil des historiens des Gaules et de la France, t. XVIII, p. 712: ... De qua (excommunicatione. — М. З.) absolvi meruerunt per subsidium quod filio imperatori Constantinopolitani impenderent.*

² *P. Riant. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Montferrat, p. 79.*

³ *Gesta Innoc. III, § 93: ... Coepit vehementissime dubitare quod in tanto negotio esset agendum. Cp. Gunth. Paris. Historia Spolitana, cap. VIII, p. 77.*

⁴ *Epist. Innoc. III, lib. VI, № 101: Nullus itaque vestrum temere blandiatur quod terram Graecorum occupare sibi liceat vel praedari, tanquam minus sit apostolicae sedi subjecta, et quod (Alexius) imperator... imperium usurpavit.*

⁵ *Ibid.*

⁶ *Ibid.*

⁷ *Ibid.: ... Possitis... cum timore Domini... ad necessitatem tantum ea (victualia. — М. З.) accipere laesione.*

⁸ *Gunth. Paris. Historia Spolitana, VIII, p. 78: Permittebat eis ut de maritimis locis Romaniae... cibos inemptos, id est absque pretio, moderate tollerent...*

⁹ *Epist. Innoc. III, lib. VI, № 48.*

ответ на несохранившееся письмо легата к папе, в котором кардинал Петр Капуанский, выражая свои опасения, запрашивал Иннокентия III, как ему поступать в случае, если венецианцы откажутся принять условия „прощения“, которые папа выдвинул, подвергая их отлучению за захват Задара (в числе этих условий фигурировал и отказ от похода против „христианских земель“!), и крестоносцы решатся двинуться на Константинополь. Иннокентий III в своем ответном послании ограничился только одним кратким, но примечательным по своему цинизму советом: „Если франки захотят следовать вероломству венецианцев, то поступай, — пишет он своему легату, — предусмотрительно и согласно внушению, которым удостоит тебя бог“¹. Папа вполне полагается на не раз оправдавшие его ожидания дипломатические таланты своего легата. Он сохраняет за ним полную свободу действий, ни словом не упоминая о своем запрещении нападать на „христианские земли“. Иначе говоря, Иннокентий III молчаливо поощряет захват Константинополя. *Cum tacent — clamant!*

В этой связи заслуживает внимания также тот факт, что позднее, накануне решительного штурма Константинополя, — об этом правдиво рассказывает Робер де Клари, — духовенство, оправдывая захват византийской столицы как „богоугодное“ и вполне „правое“ дело (*li évesque et li cleric de l'ost parlèrent ensamble, et jugièrent que la bataille estait droiturière*), отпускало грехи крестоносцам именем бога и папы (*li évesque... assolvient de par Dieu et de par l'Apostole*²). И оно могло смело сослаться на волю папы: Иннокентий III на самом деле „благословил“ предприятие крестоносцев.

* * *

12 апреля 1204 г. Константинополь пал жертвой западных захватчиков.

Теперь уже Иннокентий III не мог оставаться в тени: показательная ложь и осуждение крестоносцев в условиях, когда Константинополь находился в их руках, могли только причинить ущерб интересам Рима. После захвата Византии Иннокентий III сбросил маску. Он не скрывал своего торжества (*gaudemus!*) по поводу того, что империя греков „справедливым божеским судом перешла к латинянам“ (*justo Dei judicio... a Graecis transtulit ad Latinos*)³, и не замедлил объявить совершившееся „чудом Божиим“ (*divinum miraculum*). По меткому выражению К. Маркса, „папа, выразив для приличия свое негодование, дает в конце концов отпущение этому скотству и гнусностям „пилигримов““⁴.

Теперь, когда действительная цель похода была достигнута, Иннокентий III всеми силами стал стремиться к тому, чтобы не упустить своей доли в разделе империи. Он поспешил примириться с венецианцами: с Дандоло было снято отлучение⁵. Переписка папы с вождями крестоносцев как в момент пребывания крестоносного войска под Константинополем, так и после взятия города⁶, ведется в сугубо

¹ Epist. Innoc. III, lib. VI, № 48: *Cum Francis autem, si sequi voluerint perfidiam Venetorum, ... provide facias quod tibi Deus dignabitur inspirare.*

² Robert de Clary. *La conquête de Constantinople*, LXXII—LXXIII, p. 50.

³ Epist. Innoc. III, lib. VII, № 153, 154.

⁴ К. Маркс. *Хронологические выписки*. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 198.

⁵ Epist. Innoc. III, lib. VII, № 18, 207.

⁶ Tafel u. Thomas. *Urkunden*, S. 426—444, 502—569.

деловом тоне. Политические цели Иннокентия III, которые он преследовал, оказывая тайное покровительство планам венецианцев и вождей крестоносцев во время похода, выступают в этой переписке чрезвычайно рельефно. Папа не перестает напоминать вождям похода об их обещаниях, о том, что их наипервейшей обязанностью является забота о подчинении греческой церкви римской: выполнив ее, они заслужат себе прощение — и тем вернее, чем скорее греческая церковь будет подчинена римской, как „дочь — матери, члены — голове, часть — целому“. Папа упорно твердит об одном и том же: „Мы желаем, чтобы константинопольская церковь вашими стараниями возвратилась к преданному почитанию апостольского престола“ и чтобы затем было продолжено дело крестового похода¹. Папа торопит Бонифация Монферратского, Балдуина Фландрского, Людовика Блуасского, дожа Дандоло, всех баронов и рыцарей, епископов и клириков, требуя, чтобы они добивались от императора и патриарха скорейшей посылки в Рим специальных уполномоченных с грамотами о признании римской церкви в качестве верховной и главенствующей². Чувствуется, что папа — с полным основанием — считает себя участником совершившегося „справедливого божьего суда“ — и требует „заслуженной платы“.

* * *

Как видно из изложенного, политика и дипломатия Иннокентия III сыграли свою роль в истории четвертого крестового похода. Преследуя определенные политические цели, Иннокентий III тайно покровительствовал антивизантийским планам „латинян“ и по существу с самого начала был прямым вдохновителем похода на Константинополь. Об этом свидетельствует как переписка папы, так и большое число современных хроник.

Более или менее сходные объяснения событий 1202—1204 гг. дают Новгородская летопись, „История“ Никиты Хониата, многие западноевропейские хроники (немецкие, французские и итальянские). Все они показывают, что папа с готовностью дал свое согласие на поход в Константинополь под условием подчинения греческой православной церкви Риму и использования сил Византии для продолжения завоеваний на мусульманском Востоке. Совпадение данных значительного числа современных летописцев, писавших независимо друг от друга, невозможно считать случайным. Безусловно, они выражали общественное мнение своего времени, которое с полным основанием признавало Иннокентия III одним из главных инициаторов крестового похода на Константинополь.

Ценность известий хроникеров Запада велика особенно потому, что, высказывая свое мнение, они отнюдь не порицают Иннокентия III, — наоборот: хроникеры защищают и оправдывают все дела католической церкви и ее главы. Они считают совершившееся по воле папы делом богоугодным и благочестивым, а поведение римского первосвященника не вызывает в их глазах никакого осуждения. Именно поэтому они и высказывают свой взгляд столь откровенно. Сам Иннокентий III старался сделать все, чтобы отклонить подозрения относительно его соучастия в захвате Константинополя, однако все его попытки в этом

¹ Epist. Innoc. III, lib. VI, № 230, 231, 232.

² Ibid., lib. VII, № 18.

направлении не имели успеха. Даже церковникам казуистика Иннокентия III не внушала доверия. Летописи указывают на него, как на одного из главных „творцов“ своеобразных судеб четвертого крестового похода.

Совершенно ясно, какую цену перед лицом проанализированных выше показаний хроникеров могут иметь фальсифицированные данные папского эпистолярия и тех немногих летописцев, которые примыкают к папской версии событий.

Ясна и очевидна также несостоятельность легенды, созданной буржуазными апологетами папства, о непричастности Иннокентия III к захвату крестоносцами Константинополя.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

НОВЫЙ ПАМЯТНИК
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ МИНИАТЮРЫ XIII в.

В ленинградской Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина хранится интереснейшая греческая рукопись, обычно относимая к XII в. Это „Четвероевангелие“ и „Деяния и послания Апостолов“ (греч. 101, размер 0,24×0,185). Рукопись, распадающаяся на два тома, происходит из монастыря св. Афанасия на Афоне. Уже Монфоко¹ и Мюра² датировали ее XII в. Эту датировку приняли также арх. Амфилохий³, Н. П. Кондаков⁴, фон Соден⁵, Грегори⁶, А. И. Пападопуло-Керамевс, И. А. Бычков, Г. Ф. Церетели, В. Н. Бенешевич и Н. П. Попов⁷. Казалось бы, что мнение столь большого числа филологов и палеографов является окончательным. Между тем, в свете анализа миниатюр (рис. 1—11), несомненно одновременных с письмом манускрипта, эта ранняя датировка оказывается несостоятельной. Мы имеем здесь столь часто встречающийся в науке о византийском искусстве случай, когда взгляды палеографов резко расходятся с суждениями историков искусства. В действительности ленинградская рукопись была выполнена в конце XIII в. Ее миниатюры освещают тот этап в развитии византийской художественной культуры, когда последняя вступила в полосу нового подъема после долгих десятилетий застоя, вызванного падением Константинополя и разгромом его крестоносцами.

Миниатюры и заставки распределяются в ленинградской рукописи следующим образом:

¹ B. de Montfaucon. *Bibliotheca Coisliniana*, p. II, Parisii MDCCXV, pp. 249—250, MCXCVI.

² E. de Muralt. *Catalogue des manuscrits grecs de la Bibliothèque Impériale Publique, St.-Pét.*, 1864, p. 56—57.

³ Арх. Амфилохий. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях, М., 1870, стр. 27—31.

⁴ Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей, Одесса, 1876, стр. 255.

⁵ H. von Soden. *Die Schriften des Neuen Testaments*, I₂, Berlin, 1907, S. 1147—1160.

⁶ C. R. Gregory. *Textkritik des Neuen Testaments*, I, Leipzig, 1909, S. 179—180.

⁷ В Публичной библиотеке хранятся подробные рукописные описания Cod. Leningr. gr. 101, выполненные А. И. Пападопуло-Керамевсом (на новогреческом языке) и В. Н. Бенешевичем. А. И. Пападопуло-Керамевс датировал рукопись XII—XIII вв., все остальные — XII в. (Свое мнение о времени возникновения ленинградского манускрипта И. А. Бычков, Г. Ф. Церетели и Н. П. Попов любезно сообщили мне в устной форме). Ср. E. Colwell a. H. Willoughby. *The Four Gospels of Karahissar*, Chicago, 1936, I, p. 9, 106, 188, II, p. 29, 31, 34—35; В. Лазарев. История византийской живописи, М., 1947—1948, т. I, стр. 167, т. II, табл. 257—260.

1) ЧЕТВЕРОВЕАНГЕЛИЕ

лл. 5—9 — Каноны обычного типа, довольно посредственной работы.
 л. 10 об. — сидящий евангелист Матфей (рис. 1); на его коленях лежит раскрытое евангелие; справа стоит стол с письменными принадлежностями, слева возвышается простое здание, перекрытое двухскатной крышей; над евангелистом изображен в голубом овале восседающий Христос; вокруг Христа — четыре символа евангелистов (ангел, орел, лев и бык; около каждого из них имеются надписи: Μτ Ἰδ Μρ и Δ). Над венцом Христа подписано ΙC ΧC, по сторонам венца Матфея — ὁ ἄγ Ματθῆος, на лежащем на его коленях Евангелии — Β... γε... (сокращенный текст 1-го стиха главы I евангелия от Матфея — Βιβλος τῆς γενεαλογίας...). Палитра яркая и пестрая. Преобладают лиловые, красные, синие и коричневые цвета.

л. 11 — заставка.

л. 50 об. — сидящий евангелист Марк, позади которого стоит апостол Петр (рис. 2)¹; Марк придерживает правой рукой свиток, лежащий на налойчике; слева и справа два повернутых под углом здания, соединенных сплошной стеной. Над фигурами надпись: Πέτρος ὁ ἄγ Μάρκος. Колорит строится на сочетании блеклозеленых, синих, красных и розовато-коричневых цветов.

л. 51 — заставка.

л. 76 об. — сидящий евангелист Лука, перед которым стоит благословляющий апостол Павел (рис. 3)². Лука пишет евангелие, лежащее на его коленях; слева возвышается здание, от которого вправо тянется стена. Над фигурами надпись: ὁ ἄγ Λουκάς Παῦλος. На евангелии весьма произвольно сокращенные слова:

ἐπί	χρισ
περ	νατα
πολ	
επε	σθι

(сокращенный текст 1-го стиха главы I евангелия от Луки: Ἐπειδὴ περ πολλοὶ ἐπεχείρησαν ἀνατάξασθαι...).

л. 77 — заставка.

л. 116 об. — сидящий евангелист Иоанн Богослов (рис. 4); на его коленях лежит евангелие; подле евангелиста сидит на низкой скамеечке Прохор, поддерживающий полуоткрытое евангелие, в которое он вписывает первые слова (εὐ α...)³; на

¹ Для иконографического типа ср. л. 88 об. евангелия XIV в. в афинской Национальной библиотеке (№ 151). См. P. Buberl. Die Miniaturhandschriften der Nationalbibliothek in Athen. Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien, philosophisch-historische Klasse, 1917 (60), 2 Abh., S. 23—25, табл. XXXI—89.

² Для иконографического типа ср. л. 105 об. евангелия XII в. в иерусалимской Патриаршей библиотеке (Γάφου 56) и л. 143 об. евангелия XIV в. в афинской Национальной библиотеке (№ 151). См. W. H. P. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem, Cambridge, Mass., 1931, p. 87, табл. XXX и P. Buberl. Op. cit., S. 24—25.

³ Обычно диктующий Иоанн изображается стоящим, но иногда его фигура дается и сидящей. См. л. 158 евангелия XIV в. в афинской Национальной библиотеке (№ 71). Ср. P. Buberl. Op. cit., S. 23, табл. XXIX—81.

втором плане виднеются стена и две колонны, между которыми перекинут *velum*. Над фигурами подпись: ὁ ἅγ' Ἰωάννης ὁ Θεολόγος Πρόχορος. На евангелии надпись: ἐν ἀρχῇ ἡ ὁ λόγος αἰ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεὸν καὶ (сокращенный текст 1-го стиха главы I евангелия от Иоанна: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς...). Колористическая гамма, пестрая и яркая, построена на сочетании лиловых, голубых, красных и розовато-коричневых тонов.

- л. 117 — заставка с полуфигурой Пантократора в медальоне и фигурой Иоанна в инициале.

2) АПОСТОЛ

- л. 1 об. — Сидящий евангелист Лука, пишущий Деяния апостольские (рис. 5); справа стоит столик с наложником, с которого свешивается свиток, описанный неразборчивым текстом; на втором плане возвышается здание с тянущейся от него вправо стеной. Над фигурой надпись: ὁ ἅγ' Λουκάς. На лежащем на коленях Луки кодексе надпись: τὸν μὲν πρῶτον Λόγον (сокращенный текст 1-го стиха главы I Деяний св. Апостолов: Τὸν μὲν πρῶτον λόγον...). Среди красок преобладают блеклозеленые, голубые, красные и розовато-коричневые цвета.
- л. 2 — заставка.
- л. 34 — стоящий апостол Иаков, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 6); правой рукой Иаков благословляет, в левой держит свиток со словами своего Послания: Ἰάκωβος θῦ καὶ κῦ ἰῦ χῦ δοῦλος (сокращенный текст 1-го стиха главы I Соборного послания апостола Иакова: Ἰάκωβος θεοῦ καὶ κυρίου Ἰησοῦ Χριστοῦ δοῦλος ...) По сторонам нимба подпись ὁ ἅγ' Ἰάκωβος. Сочетание розовато-красных и синих цветов.
- л. 38 — стоящий апостол Петр, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 7); правой рукой Петр благословляет, в левой держит свиток со словами своего Послания: Πέτρος ἀπόστολος ἰῦ χῦ ἐκλεκτοῖς Παρεπιδημοῖς (1-й стих главы I Первого соборного послания апостола Петра). По сторонам нимба подпись: ὁ ἅγ' Πέτρος¹. Сочетание блеклозеленых и голубых цветов.
- л. 44 — стоящий евангелист Иоанн Богослов, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 9); правой рукой Иоанн благословляет, в левой держит свиток со следующими словами: ὁ ἦν ἀπ' ἀρχῆς ὁ ἀκηκόαυ. ὁ ἔω (сокращенный текст 1-го стиха главы I Первого соборного послания апостола Иоанна: ὁ ἦν ἀπ' ἀρχῆς ὁ ἀκηκόαμεν, ὁ ἔωρακαμεν...). По сторонам нимба подпись: ὁ ἅγ' ἰῶ ὁ Θεολόγος. Сочетание розовато-красных и серовато-зеленых цветов.
- л. 49 — стоящий апостол Иуда, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки (рис. 10); правая рука приподнята,

¹ Для типа Петра ср. л. 182 об. евангелия раннего XIV в. в венской Национальной библиотеке (theol. gr., 300). См. P. Buberl u. H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften. 2. — Die Handschr. d. X—XVIII Jahrh., S. 67, табл. XXXI—4 (в серии „Beschreibendes Verzeichnis der illuminierten Handschriften in Oesterreich. Der ganzen Reihe B. VIII: die illuminierten Handschriften und Inkunabeln der Nationalbibliothek in Wien. B. IV, Die byzantinischen Handschriften, Leipzig, 1937).

левая держит свиток с начальными словами Послания Иуды: ἰὸδ χυῖ ἰὺ δοῦλο ἀδελφ δε (сокращенный текст 1-го стиха главы I Соборного послания апостола Иуды: Ἰούδας, δοῦλος Ἰησοῦ Χριστοῦ, ἀδελφός δέ...). По сторонам нимба подпись: ὁ ἄγ Ἰούδας. Сочетание фиолетовых и голубых цветов.

- л. 51 — стоящий апостол Павел, фигура которого обрамлена аркой, входящей в состав заставки: правая поднятая рука приложена к груди, левая держит свиток с осыпавшимися почти целиком начальными словами Послания Павла к Римлянам: Παῦλος δοῦλος Χριστοῦ Ἰησοῦ... По сторонам нимба подпись: ὁ ἄγ Παῦλος. Сочетание голубых и лиловых цветов.

Все миниатюры настолько близки друг к другу по стилю, что нет основания сомневаться в их принадлежности одному мастеру. Лишь фигура стоящего Иоанна Богослова обнаруживает менее опытную руку, в силу чего ее хочется приписать другому художнику. Орнамент современен письму и миниатюрам; отсюда с неизбежностью вытекает одновременность написания рукописи и возникновения ее декора.

Не надо обладать особо искусственным глазом, чтобы сразу же понять невозможность относить миниатюры ленинградского манускрипта к XII в. По своему стилю они решительно выпадают из рамок искусства времени Комнинов. Когда византийский художник XII в. изображает евангелистов, он делает предельно плоскими и сами фигуры, и окружающую их обстановку¹. Фигуры обычно даются в профильном положении; их движения стереотипны и застылы, одеяния ложатся сухими, тонкими складками, подвергнутыми сильнейшей линейной стилизации. Столь же плоско трактуются сведенные к нескольким стандартным типам кулисы и мебель. Их положение в пространстве остается не только неясным, но обычно они так скомпонованы, что кажутся расположенными в пределах одной, весьма неглубокой пространственной зоны. Всюду господствует каллиграфически тонкая линия. В этом искусстве настолько сильно сказываются восточные черты, что пережитки иллюзионизма македонской эпохи почти сходят на нет.

Нечто совсем иное мы находим в миниатюрах ленинградского манускрипта. Фигуры евангелистов свободно развернуты в пространстве (рис. 1—5). Они даны в трехчетвертном повороте, широкие одеяния ниспадают живописными складками, концы плащей образуют острые углы, либо беспокойные зигзагообразные линии. Такая трактовка приводит к тому, что фигуры приобретают совсем несвойственный образам XII в. объем. Столь же объемный характер получают и все предметы обстановки — столы, сидения, подножия. Последние проецируются уже не в одной плоскости, а оказываются расставленными в пространстве. Большому усложнению подвергаются архитектурные кулисы. Помимо традиционных домиков с двухскатными крышами они включают в себя и портики с колоннами, и изогнутые стены, и стены с перспективно намеченными карнизами, и столбы с колоннами, и перекинутый между ними эффектный красный *velum*. При этом все архитектурные элементы становятся весомыми и трехмерными: прежние условные постройки, легкие и плоские, превращаются в здания вполне реального типа. Наконец, меняется и манера письма. Сухая, каллиграфическая разделка формы уступает место широким живописным

¹ Наиболее типичные примеры см. в ст. A. Friend. The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts. Art Studies 1927 (5), рис. 144—147, 173—184.

приемам; особенно свободно написаны складки одеяний и лица, в которых умело использованы сочные блики. Все эти новые стилистические черты сближают эти произведения с памятниками XIV в., когда в византийском искусстве победило то направление, которое мы условно называем „Палеологовским Ренессансом“.

При всей пространственности миниатюр ленинградской рукописи, уподобляющихся иллюзионистическим картинам, в них все же нет строгой пространственной координации между фигурами и предметами. При разглядывании миниатюр невольно создается такое впечатление, что их автор позаимствовал из каких-то старых рукописей отдельные формы, но не сумел осмыслить до конца их пространственное значение. В этом плане особенно интересна миниатюра с евангелистом Лукой и апостолом Павлом (л. 76, об., рис. 3). Позади столика стоит Павел. Однако миниатюрист не хочет прикрывать его ног ножками столика, поэтому он приподымает столик, и последний оказывается как бы висящим в воздухе. Столь же неясно положение сидения по отношению к подножию и подножия — по отношению к столику. Аналогичные нарушения элементарной пространственной согласованности наблюдаются и на миниатюрах с апостолом Лукой (л. 1 об., рис. 5) и апостолом Марком со стоящим позади него Петром (л. 50 об., рис. 2). Более функционально решены пространственные задачи на миниатюрах с апостолом Матфеем (л. 10 об., рис. 1) и апостолом Иоанном Богословом с сидящим перед ним Прохором (л. 116 об., рис. 4). Но и здесь один предмет как бы налезает на другой, и между ними нет достаточных пространственных интервалов. При этом на всех миниатюрах предметы даются в обратной перспективе, и каждый из них взят со своей точки зрения. Все это приводит к тому, что художнику не удается, несмотря на подчеркнутую пространственность отдельных форм, вызвать у зрителя впечатление единства пространственной среды. Последняя строится не путем использования центральной перспективы с единой точкой схода линий, а на основе разрозненных перспективных фрагментов, каждый из которых ведет как бы самостоятельное существование¹. Подобное понимание пространства типично для византийской живописи, но особенно характерно оно для живописи палеологовского времени, когда старые эллинистические пережитки, в первую очередь, — античного перспективного мышления, широко проникли в греческую миниатюру, фреску и иконопись. Даже в XIV в. византийцы не сумели создать научно обоснованную перспективную систему и византийское искусство не дошло до той стадии развития, которая завершилась в Италии реформой Брунеллески и Мазаччо.

Если миниатюры ленинградской рукописи по всем своим стилистическим признакам тяготеют к памятникам палеологовского круга, то остается еще решить один существенный вопрос — о времени их возникновения. Имеем ли мы здесь работу раннепалеологовского периода, т. е. последней трети XIII в., или произведение „зрелой“ палеологовской эпохи, т. е. XIV в. Вопрос этот может быть решен лишь на основе сопоставления миниатюр ленинградской рукописи с родственными им миниатюрами какого-либо точно датированного греческого манускрипта. К счастью, такой манускрипт имеется. Это — евангелие от

¹ Ср. E. Panofsky. Die Perspektive als „symbolische Form“. Vorträge der Bibliothek Warburg, 1924—1925, Leipzig, 1927, S. 273, 274, 277; M. Bunim. Space in Medieval Painting and the Forerunners of Perspective, New York, 1940, p. 99—101, 127—128.

1285 г., хранящееся в Британском музее (Burney 20, рис. 12, 13)¹. По стилю миниатюр оно настолько близко к нашей рукописи, что можно без особого труда уточнить примерную дату ее исполнения.

Лондонское евангелие украшено изображениями четырех сидящих евангелистов, данных на фоне довольно сложных архитектурных кулисс. На этих четырех миниатюрах и типы сочно написанных лиц, и свободная живописная трактовка широких одеяний, и характер складок, и объемные формы зданий, и их орнаментика, и общая пространственность композиций (на миниатюре с евангелистом Марком, рис. 13, художник даже сделал попытку представить правую стену с дверью в ракурсе)² в такой мере схожи с тем, что мы находим на миниатюрах ленинградского кодекса, что сам собою напрашивается вывод о принадлежности обеих рукописей к одной школе. Вероятно, ленинградский и лондонский манускрипты были выполнены в одной мастерской. Стиль миниатюр, весьма передовой для 80-х годов XIII в., говорит о том, что эта мастерская была столичным скрипторием. Провинция вряд ли смогла бы выдвинуть столь совершенные художественные решения на столь раннем этапе развития.

Существует целая группа византийских лицевых рукописей XIII в., близких по стилю к ленинградскому и лондонскому манускриптам. Это, прежде всего, евангелие в Ивере на Афоне (№ 5), украшенное изображениями четырех евангелистов и развитого евангельского цикла³.

¹ Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей, Одесса, 1876, стр. 254; O. M. Dalton. Byzantine Art and Archaeology, Oxford, 1911, p. 476; J. Tikkaneen. Studien über die Farbengebung in der mittelalterlichen Buchmalerei, Helsingfors, 1933, S. 196—197 (в серии, издаваемой „Societas scientiarum Fennica Commentationes Humanarum Litterarum“, t. V, 1); В. Лазарев. История византийской живописи. М., 1947—1948, I, стр. 166, II, табл. 256.

² Это едва ли не единственный пример в византийской миниатюре изображения боковой стены с дверью в сильном перспективном сокращении. Если бы византийские художники продолжили свои эксперименты в этом же направлении, то они, несомненно, пришли бы к той же форме ящикообразного интерьера, которая получила такое широкое распространение в тречентистской живописи.

³ G. Millet. Quelques représentations byzantines de la salutation angélique. Bulletin de correspondance hellénique, 1894 (XVIII), p. 458; его же. L'art byzantin, p. 236 (В „Histoire de l'art depuis les premiers temps chrétiens jusqu'à nos jours publ. sous la direction d'André Michel“. I, Paris, 1905); Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских, стр. XVIII (в „Трудах восьмого археологического съезда в Москве“, 1890, СПб., 1892); S. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, II, Cambridge, 1900, p. 1; Н. Кондаков. Памятники христианского искусства на Афоне, СПб., 1902, стр. 288—291; C. R. Gregory. Textkritik des Neuen Testaments. Leipzig, 1909, S. 235, № 990; G. Millet. Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV—XV et XVI siècles d'après les monuments de Mistra, de la Macédoine et du Mont Athos. Paris, 1916. Index s. v. Athos, Iviron, p. 736; O. Wulff. Altchristliche und byzantinische Kunst, II, Berlin — Neubabelsberg, 1914, S. 535; Д. Айналов. Византийская живопись XIV в. Пггр., 1917, стр. 96; Н. Brockhaus. Die Kunst in den Athosklöstern. 2-е Aufl., Leipzig, 1924, S. 170, 186—188, 217—222; H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei, Wien, 1926, S. 32; F. Perilla. Le mont Athos. Salonique, 1927, p. 142; V. Lasareff. Duccio and Thirteenth Century Greek Icons. Burlington Magazine, 1931 (LIX); p. 159; 'Α. Ευγγόπουλος. Ἱστορημένα Εὐαγγέλια Μονῆς Ἰβήρων Ἀγ. Ὁρους, Ἀθήναι, 1932, p. 7, табл. 12—57; K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination in the Period of the Latin Conquest. Gazette des Beaux Arts, 1944, p. 202—203; Mönchsland Athos. Hrsg. v. F. Dölger. München, 1943, S. 198—201; В. Лазарев. Указ. соч., стр. 164—165. — Большинство исследователей (кроме Милле, Д. В. Айналова, меня и Вейдмана) датировали Cod. Ivir. 5 XII в., что привело к совершенно неверному определению места этой рукописи в истории византийского искусства. Как показал Кейнгопулос, на миниатюре с евангелистом Иоанном на месте выскобленных греческих надписей помещены латинские, из чего следует, что Иверский кодекс находился некоторое время в руках какого-то западного

Относимое обычно к XII в., оно в действительности является памятником зрелого XIII в., на что указывают его довольно четко выраженные „палеологовские“ черты, дающие о себе знать в пространственности композиционных построений, в усложнении архитектурных кулисс, в усилении движения, в свободной трактовке развешающихся одежд. Типы евангелистов буквально повторяются в евангелии из парижской Национальной библиотеки (gr. 54), также содержащем обширный евангельский цикл¹. Более грубое и небрежное исполнение миниатюр этого кодекса не позволяет закрывать глаза на его большую стилистическую близость к Иверскому манускрипту. В эту же группу следует включить и богато иллюстрированную Книгу Иова в иерусалимской Патриаршей библиотеке (Αγίου Τζφου 5; вырезанная из этой рукописи миниатюра, с изображением Иова и Христа, попала в ленинградскую Публичную библиотеку, греч. 382)², а также такие манускрипты, как евангелие № 118, евангелие № 71 и евангелие № 80, хранящиеся в афинской Национальной библиотеке³, Хрисовул Андроника Палеолога от 1293 г. в Византийском музее в Афинах (№ 1)⁴, евангелие в Библиотеке Принстонского университета (из Андреевского скита, 753)⁵

прелата или крестоносца. Но этот факт ничего не дает для датировки рукописи, которую Вейдман, без достаточных оснований, относит к эпохе латинского владычества на Востоке.

¹ J. Labarte. Histoire des arts industriels, III. Paris, 1865, p. 76; H. Bordier. Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale, Paris, 1883, p. 227—231; Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей, стр. 244—245; Н. Покровский. Евангелие в памятниках иконографии..., стр. XX—XXI; G. Millet. Iconographie de l'évangile. Index s. v. Paris, p. 745—746; H. Gerstinger. Die griechische Buchmalerei, S. 38; A. Grabar. La peinture religieuse en Bulgarie. Paris, 1928, p. 170; H. Oumont. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1929, p. 47—48, табл. XC—XCVI; J. Tikkanen. Studien über die Farbengebung..., S. 196—197; K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination..., p. 203—205; В. Лазарев. Duccio and Thirteenth Century Greek Icons, p. 165—166. Парижский манускрипт, по своей иконографии очень близкий к Иверскому кодексу, содержит параллельный греческий и латинский текст. Но отсюда преждевременно делать вывод о возникновении манускрипта в Италии. Он мог быть исполнен и на Востоке, в окружении какого-либо латинского прелата или крестоносца. Точки соприкосновения в стиле с Томичевой Псалтирью в Историческом музее и с сербской Псалтирью в Мюнхенской библиотеке склоняют к тому, чтобы принять гипотезу Милле о принадлежности парижской рукописи к македонской школе.

² W. H. P. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem, p. 113—120, табл. LVI—LXIII. Иерусалимская рукопись обнаруживает все признаки стиля, типичные для зрелого XIII в. Вырезанный из нее лист, хранящийся в Публичной библиотеке, имеет пометку чернилами, что он происходит из Иерусалима. Этот лист идет, как фрагмент отеческих творений, с толкованиями на полях (греч. 382). Нет никакого сомнения, что он принадлежит к Иерусалимской рукописи.

³ P. Buberl. Die Miniaturhandschriften der Nationalbibliothek in Athen, S. 21, 23—24, табл. XXX, XXIX—80, 81 и XXVIII—77; A. Delatte. Les manuscrits à miniatures et à ornements des bibliothèques d'Athènes, p. 2, табл. I (в серии, издаваемой Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège, fasc. XXXIV, Liège—Paris, 1926); K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination, p. 197—198. — Буберль относит Cod. Athen. 71 и 118 к XIV в., что представляется мне слишком поздней датировкой.

⁴ Σωτηρίου, Οδηγός Βυζαντινού Μουσείου. Ἀθήνη, 1924, p. 85, табл. 6; A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin, Paris, 1936, p. 111, 272, табл. XXVI—2.

⁵ C. R. Gregory. Textkritik des Neuen Testaments, S. 1155, № 1530; S. de Ricci—W. J. Wilson. Census of Medieval and Renaissance Manuscripts in the USA and Canada, I. New York, 1935, p. 865, 2; K. W. Clark. A Descriptive Catalogue of Greek New Testament Manuscripts in America, 1937, p. 63; A. M. Friend. Заметка в „The Princeton University Library Chronicle“, 1942 (III), p. 133 и табл.; K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination, p. 201—202.

и евангелие из Филофеева монастыря (№ 5)¹. Все эти манускрипты представляют примерно один этап развития, хотя и вышли из разных мастерских. Данный этап несомненно совпадает со временем возникновения ленинградского и лондонского кодексов, т. е. с 80—90-ми годами XIII в.

У нас имеется теперь возможность установить *terminus post quem* для всей затронутой здесь группы рукописей. Последняя не могла быть выполнена ранее 60—70-х годов XIII в., когда из дворцового скриптория императора Михаила Палеолога было выпущено несколько точно датированных лицевых манускриптов (Новый завет от 1269 г. в парижской Национальной библиотеке, Coislin 200²; написанный около 1265 г. Новый завет в собрании Рокфеллера Мак-Кормик в Чикаго, cod. 2400³; евангелие из Карахиссара в ленинградской Публичной библиотеке, греч. 105, вероятно входившее в состав приданого Евдокии Палеолог, которая вышла замуж в 1282 г. за Великого Комнина Иоанна Трапезундского⁴; фрагменты евангелия от Матфея в афинском Византийском музее, Ms. 820⁵, Нового завета с псалтырью в парижской Национальной библиотеке, suppl. gr. 1335⁶, Нового завета с псалтырью в Лавре на Афоне, В 26⁷, евангелия в Британском музее, Add. Ms. 11836⁸). Хотя все эти рукописи были выполнены в Константинополе, и притом в дворцовом скриптории, стиль их почти целиком коренится в позднекомниновских традициях. Совсем плоские фигуры лишены моделировки, главным средством художественного выражения является линия, силуэты предельно упрощены, архитектурные и пейзажные фоны сведены к нескольким стандартным типам. Авторы миниатюр этих рукописей не ставят никаких новых художественных проблем, довольствуясь тем, что они получили в наследие от мастеров XII в.

¹ S. Lambros. *Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos*, I, p. 151; K. Weitzmann. *Constantinopolitan Book Illumination*..., p. 205—206. Повидимому к этой же группе принадлежит евангелие из библиотеки Пирпонта Моргана (Ms. 340). См. S. de Ricci a. W. J. Wilson. *Op. cit.*, II, p. 1430, № 340; K. W. Clark. *Op. cit.*, p. 149; The Walters Art Gallery. *Early Christian and Byzantine Art. An Exhibition held at the Baltimore Museum of Art. Baltimore, 1947*, p. 142, № 721, табл. СII.

² Berger de Xuyvrey. *Notice d'un manuscrit grec du XIII-e siècle. Bibliothèque de l'Ecole des Chartres*, 1863, XXIV, p. 97—118; H. Bordier. *Op. cit.*, p. 226; H. Willoughby. *Codex 2400 and its Miniatures. Art Bulletin*, 1933, p. 18—19.

³ E. Goodspeed, D. Riddle a. H. Willoughby. *The Rockefeller Mc Cormick New Testament, I—III, Chicago, 1932*; H. Willoughby. *Codex 2400 and its Miniatures. Art Bulletin* 1933, p. 1—74; Id. *Vagrant Folios from Family 2400 in the Freer Library of Philadelphia. „Byzantion“*, 1940—1941 (XV), p. 126—132.

⁴ Арх. Амфилохий. О миниатюрах и украшениях в греческих рукописях, стр. 32—51; Н. Кондаков. *История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей*, стр. 255; Н. Покровский. *Евангелие в памятниках иконографии*..., стр. XIX—XX; G. Millet. *Iconographie de l'évangile. Index s. v. St-Petersbourg*, p. 750; E. C. Colwell a. H. R. Willoughby. *The Four Gospels of Karahissar, I—II, Chicago, 1936* (ср. рецензию Dölger'a в *Byzantinische Zeitschrift*, 1937, S. 390—394).

⁵ Α. Ευγγέπουλος. *Σπαράγματα ιστοριμένου Ευαγγελίου, Δελτίον τῆς χριστιανικῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας*, 1923, p. 3—16; H. Willoughby. *Codex 2400 and its Miniatures. Art Bulletin*, 1933, p. 63, рис. 64—74.

⁶ H. Willoughby. *Op. cit.*, p. 13, рис. 12, 13, 16, 61—63.

⁷ H. Brockhaus. *Die Kunst in den Athosklöstern*, S. 204—205; G. Millet et S. Der Nersessian. *Le psautier armenien illustré. Revue des études arméniennes*, 1929 (IX), p. 165, 178—179, табл. XV; H. Willoughby. *The Rockefeller Mc Cormick New Testament, III*, p. 296; Id. *Codex 2400 and its Miniatures. Art Bulletin*, 1933, p. 19. Дата—1086 г.—не определяет времени возникновения манускрипта, так как она скопирована с более ранней рукописи.

⁸ H. Willoughby. *Op. cit.*, p. 65.

Если в такой консервативной манере работали в царьградской придворной мастерской, то нет решительно никаких оснований датировать затронутую нами группу манускриптов, включая и ленинградский и лондонский кодексы, эпохой 60—70-х годов XIII в. Эта группа рукописей могла возникнуть лишь в более позднее время, т. е. на протяжении последней четверти XIII в. Правильность данного предположения доказывает один мало известный памятник грузинской миниатюры, бросающий яркий свет на всю проблему раннепалеологовского искусства.

Этим памятником является так называемое Моквское евангелие, вывезенное в 1921 г. меньшевиками за границу и возвращенное в 1945 г. Советским правительством грузинскому народу (оно хранится теперь в Государственном музее Грузии)¹. Рукопись была переписана и иллюстрирована в 1300 г. в Мокви, по заказу архиепископа Даниила Моквского, портрет которого помещен в конце манускрипта: Даниил преклонил колени перед стоящей богоматерью, держащей на левой руке младенца. Моквское евангелие богато разукрашено. Оно имеет 152 миниатюры (рис. 14—16) и 531 инициал. Миниатюры, заключенные в простые рамочки, разбросаны в тексте. Нарядные, тщательно выполненные инициалы выделяются своими крупными размерами. Этот интереснейший грузинский памятник неопровержимо свидетельствует о своеобразном характере искусства, непосредственно предшествовавшего мозаикам Кахриэ-Джами (около 1303 г.)² и об очень раннем проникновении передовой „палеологовской“ струи в Грузию. Автор миниатюр, повидимому, прошел выучку в Константинополе, где соприкоснулся с кругом новых художественных идей. Он работает в манере, очень близкой к манере того мастера, который разукрасил Иверский кодекс (№ 5). Его изящные фигурки написаны легко и свободно; они одеты в широкие одеяния с развевающимися концами, их движения разнообразны и непринужденны; архитектурные и пейзажные фоны сделались не только более естественными, но и более сложными. Точно датированное Моквское евангелие позволяет относить Иверский кодекс и всю группу близких к нему по стилю рукописей к 90-м годам XIII в. Тем самым мы получаем лишний аргумент против чрезмерно ранних датировок Вейцмана, склонного рассматривать большинство из затронутых нами рукописей как произведения, созданные еще в эпоху латинского владычества на Востоке³.

Если 60-е годы XIII в. являются для датировки интересующих нас манускриптов *terminus post quem*, то первое десятилетие XIV в. следует трактовать уже как *terminus ante quem*. Те точно датированные памятники, которые возникли в это время (как, например, евангелие

¹ Н. Кондаков и Д. Бакрадзе. Опись памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890, стр. 76—79; И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. IV. СПб., 1891, стр. 110—111; Ф. Жордания. Хроника и другие материалы, II, Тифлис, 1897, стр. 172—173 (на грузинском языке); Ш. Амирашашили. Убиси. Материалы по истории грузинской стеновой живописи, Тифлис, 1929, рис. 5 на стр. 33; Р. Шмерлинг. Образцы декоративного убранства грузинских рукописей, Тбилиси, 1940, стр. 60—63, рис. 7—9, табл. XXIII; Ш. Амирашашили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 207—208.

² Ф. И. Шмидт и Пирс открыли на здании в сцене „Чудо в Кане Галилейской“ арабскую надпись с датой 1303.

³ Подробную критику неоднократно мною цитированной статьи Вейцмана о константинопольской книжной иллюстрации в период латинского владычества я дал во II (XXVII) томе „Византийского временника“, стр. 367—373.

от 1301 г. в афонском монастыре Пантократора¹, мозаики Кахриэ-Джами, времени около 1303 г., евангелие от 1304 г. в Ватопеде² и др.)³, явно говорят о более зрелых решениях, освещающих следующий этап развития, по сравнению с которым изученная нами фаза представляется несколько архаической. Первое десятилетие XIV в. было для византийского искусства временем перерождения раннепалеологовского стиля в зрелый палеологовский, который продержался примерно до 50-х годов XIV в.

Основное историко-художественное значение ленинградской рукописи и всех затронутых в связи с ней манускриптов заключается в том, что они убедительно доказывают сложение палеологовского стиля уже на протяжении XIII в. — точнее на протяжении последней его четверти. Но этот стиль, именуемый нами раннепалеологовским, имеет ряд таких черт, которые заставляют отводить ему особое место. По сравнению со зрелым палеологовским стилем он скромнее, строже, статичнее. Изображаемые художниками фигуры еще сохраняют известную тяжело-весность, одеяния, даже когда они развеваются, еще не образуют беспокойного нагромождения складок; лица написаны хотя и живописно, но еще довольно сдержанно; архитектурные кулисы, при всем их усложнении, лишены еще динамизма позднейших построений, в которых получают преобладание кривые и изогнутые линии; пространственный момент еще не подчеркнут в такой мере, как в памятниках XIV в. Все находится *in statu nascendi*, и развитие протекает весьма равномерно — в направлении количественного накопления новых черт, незаметно переходящих в новое качество.

Раннепалеологовское искусство нашло живой отклик в Италии, где оно во многом определило стиль одного из выдающихся живописцев — Дуччо. Именно он проявил наибольшую чуткость к тому, что интересовало современных ему константинопольских художников и что он сумел творчески использовать в своих собственных целях — создания самого реалистического варианта *maniera greca*.

Оживление, наблюдаемое в византийском искусстве XIII в., не представляет местного и притом изолированного явления. Оно характерно для большинства западноевропейских стран, а также для Сербии, Грузии и Армении. Оно знаменует начало кризиса средневекового мировоззрения. Это процесс огромного размаха, процесс, который очень скоро приобрел сильнейшую инерцию. Но пути развития западноевропейского и византийского искусства были различными. В Западной Европе, особенно в Италии, рост реалистических течений был теснейшим образом связан с обращением к природе, с пристальным и любовным ее изучением. Использование античного наследия обычно помогало западным мастерам понять природу и познать ее внутренние закономерности. Нечто совсем иное находим мы в Византии. Здесь консервативный

¹ H. Brockhaus. Die Kunst in den Athosklöstern, S. 235; S. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, I, p. 97; M. Vogel u. V. Gardthausen. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909, S. 135—136; K. Weitzmann. Constantinopolitan Book Illumination. . . , p. 213.

Евангелие из монастыря Пантократора было написано Феодором Агиопетритес.

² H. Brockhaus. Op. cit., S. 235; S. Eustratiades a. Arcadios. Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mount Athos, Cambridge, 1924, p. 173; K. Weitzmann. Op. cit., p. 213.

³ Ранним XIV в. я склонен датировать и Cod. Vind. theol. gr. 300, который Геретингер и Буберль датируют серединой XIV в. См. P. Buberl u. H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften, S. 63—67, табл. XXXI—XXXII.

традиционализм так глубоко проник в сознание греков, что они были не в силах порвать со старым и смело выйти на широкий реалистический путь. Поэтому, когда византийцы стремились создать что-либо новое, они неизменно опирались на старое. Так было в X в., в эпоху сложения македонского неоклассицизма, когда обращение к позднеантичным рукописям явилось одним из источников нового стиля; так было и в XIII в., когда зародился „Палеологовский Ренессанс“, истоки которого восходят к тем же старым манускриптам. Не из природы, а из проникнутых эллинистическим духом памятников черпали византийцы творческие импульсы. Они пользовались готовыми формулами, отстоявшимися приемами, веками державшимися композиционными и иконографическими типами. Они видоизменяли их и освежали, но никогда не решались сдать их в архив истории, как это сделал Джотто. Вот почему на всем палеологовском искусстве лежит печать такого глубокого ретроспективизма. Как оно ни значительно, ему все же недостает той принципиальной новизны, которую принесло с собой искусство готики и проторенессанса.

Когда крестоносцы захватили в 1204 г. Царьград и подвергли величайшему унижению греческий народ, умы лучших византийских патриотов обратились к прошлому. Никея сделалась новой столицей и местом горестного изгнания. Здесь родилась и окрепла идея нового подъема эллинства. В этих условиях обращение к старым традициям, сознательно противопоставлявшимся ненавистой латинской культуре, было не только естественным, но в какой-то мере и неизбежным. Такое культивирование эллинского прошлого помогло византийцам отстоять независимость их идеологии. О пробуждении в Никее интереса к эллинской древности свидетельствует ряд фактов. Так, например, уже в XIII в. про Никею рассказывали, что „по обилию ученых людей она представлялась древними Афинами“, что она была „дивным и многожеланным источником учености“¹. В Никее писали на утонченном, перегруженном античными реминисценциями языке (Николай Месарит). Никейские императоры были воспитаны в идеях эллинизма и классической литературы, о чем свидетельствует хотя бы одно из писем Феодора II Ласкаря, в котором мастерски описывается глубокое впечатление от созерцания античных памятников Пергама². В Никее стягивали старые рукописи; в поисках за ними ездил, по поручению Иоанна Батаца, на Балканский полуостров известный Никифор Влемид³. Когда столица была перенесена в 1261 г. из Никей обратно в Константинополь, этот интерес к старым манускриптам не ослаб, а усилился. Какие рукописи привлекли к себе в первую очередь внимание в Никее и в Константинополе? Ответ на этот вопрос дают манускрипты XIII в. Они ясно показывают, что в это время были популярны не только кодексы X в., но и более старые рукописи.

Уже проф. Милле обратил внимание на использование в Cod. Ivir. 5 и Cod. Paris. gr. 54 очень старых прототипов, близких к парижскому кодексу Григория Назианзина (gr. 510, 880—886 гг.)⁴. Внимательный стилистический анализ этих рукописей, и, особенно, ленинградского манускрипта позволяет сделать более далеко идущие выводы. Так,

¹ Gregorii Cyprii Sermo, res suas continens. Migne. Patrologia graeca, t. CXLII, col. 22.

² Theodori Duceae Lascaris. Epistulae LXXX. Ed. N. Festa, Firenze, 1898, p. 107.

³ А. Васильев. Латинское владычество на Востоке, Птгр., 1923, стр. 34.

⁴ G. Millet. Iconographie de l'évangile, p. 645.

например, в *Cod. Ivir. 5*, на л. 330 об., в сцене „Лепта вдовицы“, представлено на втором плане здание, увенчанное конхой. Эта совсем необычная для позднего византийского искусства форма встречается на л. 78 *Cod. Paris gr. 510*, восходящего к старой александрийской редакции¹. Весьма пространственная трактовка города в том же кодексе, на л. 403, в сцене „Вход в Иерусалим“, несомненно навеяна ранними образцами (ср. л. 409 об. *Cod. Paris gr. 510*)². Изогнутая стена и стоящая на высоком постаменте колонна позади евангелиста Иоанна на л. 116 об. ленинградской рукописи (рис. 4) напоминают старые эллинистические мотивы, фигурирующие и в Ватиканском свитке Иисуса Навина VII в. (*Palat. gr. 431*)³, и в парижском кодексе Григория (л. 104, 409 об., 452)⁴, и в парижской псалтири X в. (*gr. 139*, л. 1 об.)⁵, и в замечательном евангелии X в. из афонского монастыря Ставро-Никиты (№ 43, л. 13)⁶. Пространственно трактованное здание с более низкой боковой пристройкой позади евангелиста Луки на л. 1 об. (рис. 5) — излюбленный архитектурный мотив на страницах парижского кодекса Григория (напр., лл. 67 об., 332 об. и др.)⁷. Здание с портиком позади евангелиста Луки на л. 76 об. (рис. 3) представляет вольную переработку того же типа постройки на одной из миниатюр *Cod. Paris gr. 510* (л. 174 об.)⁸. Можно было бы без труда продолжить эти аналогии и показать, что и мотивы драпировок, и предметы обстановки, и характер ракурсов на миниатюрах как ленинградской рукописи, так и примыкающих к ней манускриптов восходят если не к более старым кодексам, то, во всяком случае, к неоклассическим образцам македонской эпохи⁹. Мы сознательно остановились на архитектурных типах, так как они наиболее показательны и по-своему наиболее объективны при выяснении исторических корней стиля. Во всяком случае совершенно ясно, что мастера раннепалеологовского времени интересовались теми лицевыми рукописями, которые были ближе всего по духу их собственным творческим устремлениям и которые помогали им реализовать то, к чему они стремились. А стремились они к более реалистическому искусству. Их привлекало решение пространственных проблем. Им хотелось дать более объемную трактовку фигуры. И здесь они черпали живые творческие импульсы из не иссякавшего никогда на византийской почве источника. Этим источником был эллинизм. Обратившись к нему, мастера XIII в. обрели новые силы, позволившие им заложить основы для стиля „Палеологовского Ренессанса“. Они приспособили заимствованное из старых рукописей к задачам своего времени, они облегчили все формы и сделали их более хрупкими и вытянутыми; они никогда не ограничивались простым копированием старых кодексов. И все-таки использование и на этом заключительном этапе в развитии византийского искусства старых образцов сделалось фатальным: оно задержало весь художественный процесс, последний не приобрел того широкого размаха, который позволил бы преодолеть косный

¹ H. O m o n t. *Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale*, табл. XXIX.

² *Ibid.*, табл. LIV.

³ *Il rotolo di Giosuè... riprodotto a cura della Biblioteca Vaticana*, Milano, 1905, табл. XI.

⁴ H. O m o n t. *Op. cit.*, табл. XXXI, LIV, LX.

⁵ *Ibid.*, табл. I.

⁶ A. M. F r i e n d. *The Portraits of the Evangelists*, табл. VIII.

⁷ H. O m o n t. *Op. cit.*, табл. XXV, XLVII.

⁸ *Ibid.*, табл. XXXVII.

⁹ Например, A. M. F r i e n d. *The Portraits of the Evangelists*, табл. VIII, IX, X.

традиционализм и вместо ретроспективных и утонченных формул утвердить живое и бесхитрое отношение к природе.

Здесь Византия лишняя раз расплачивалась за отсталость своего социально-экономического развития. Робкие ростки реализма не переросли в ее искусстве в мощное реалистическое движение, как это произошло в Италии, где выдвинулся новый класс и где быстро стала складываться новая, передовая по тому времени буржуазная идеология. В Византии же старая феодальная знать сохранила господствующее положение и в XIV в., благодаря чему традиционные формы художественного мышления не получили столь же радикального обновления, как в Италии. Этим и объясняется глубоко компромиссный характер всего „Палеологовского Ренессанса“, в котором груз прошлого в такой мере довлел над сознанием художников, что мешал им выйти на широкий путь реалистического развития.

Рис. 1

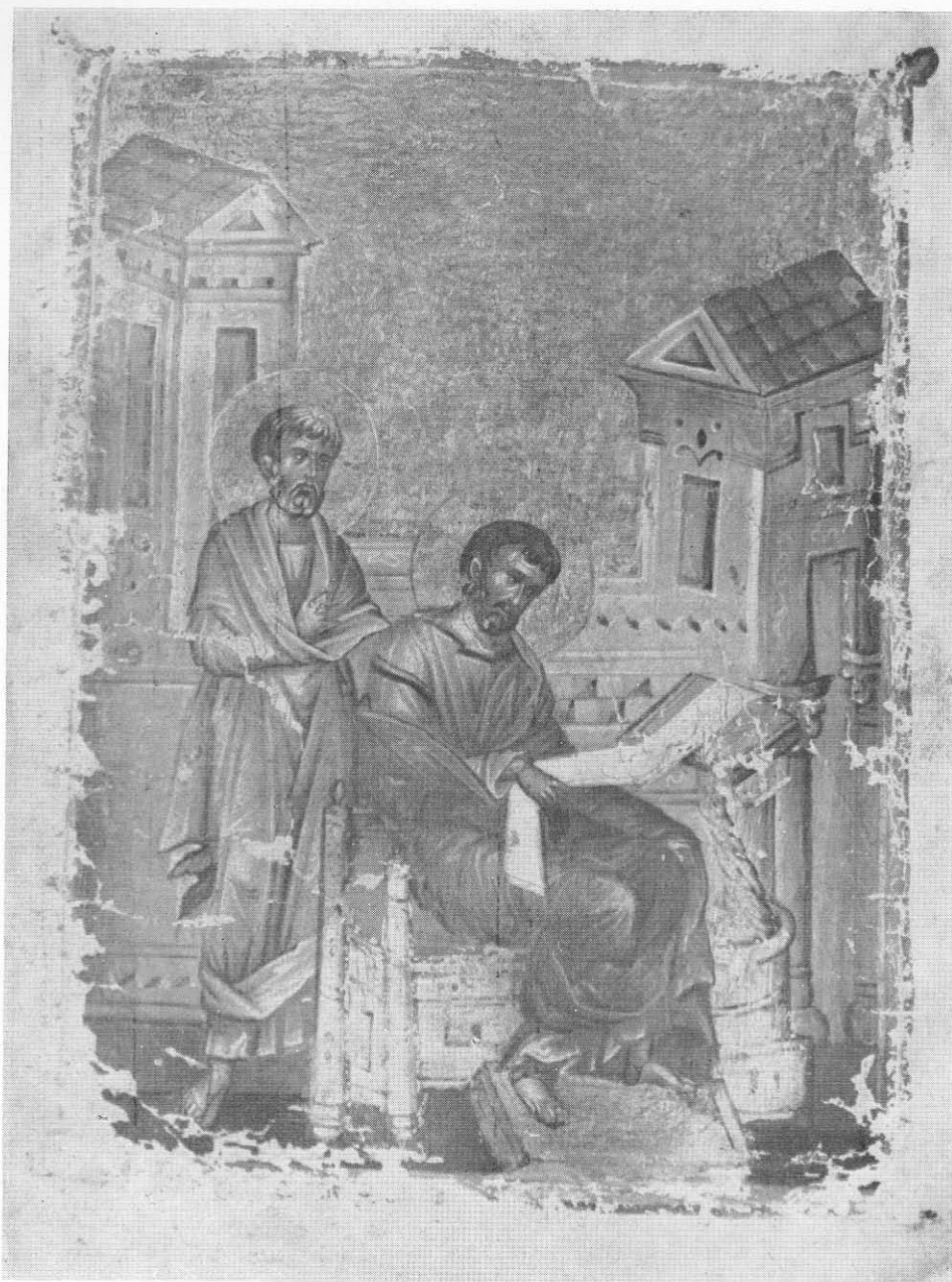

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

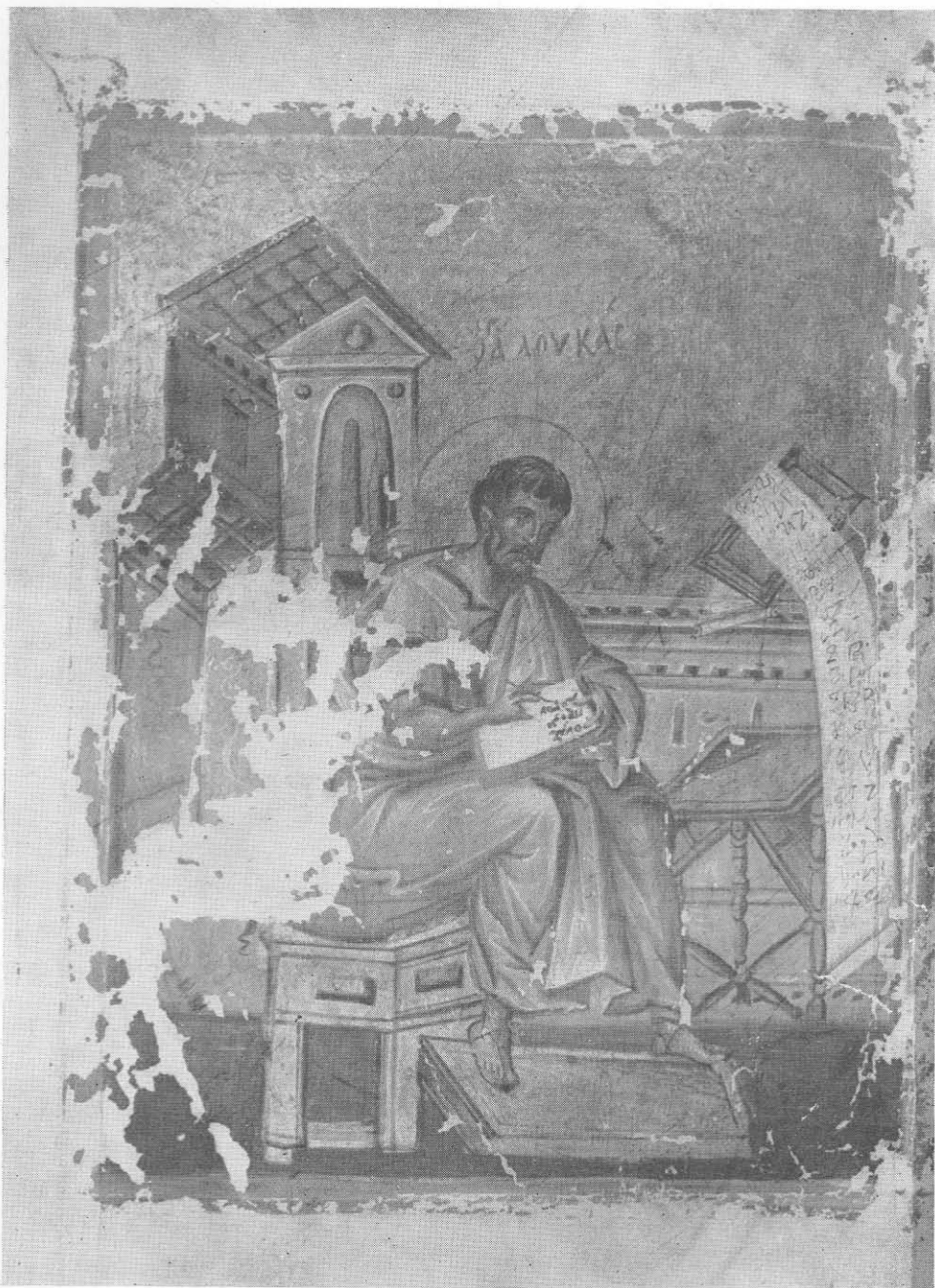

Рис. 5

ΚΑΘΟΛΙΚΗΣ ΠΟΛΙΤΙΚΩΝ ΒΑΦΕΙΣ ΥΠΟΙ ΕΛΛΗΝ

†

αίω μισθὸ καὶ κῦβερτοῦ δούλο. τὰς δ' αὖτ' ἀφ' ἡμῶν ἡμεῖς ἔργη
 διασορῶ. χαίρειν. πάντα χαρῆν ἡγήσασθε ἀδελφοί μου. ὅτι
 τῶν φρασμῶν πῶρ' ἠδ' ὅτι περὶ κίλαιο. ἡν ἄσκησθε ὅτι το
 δοκίμοι καὶ μὴ τῆς πίστεως καὶ πῶρ' ἄθροισμα ἡσσομεν. ἢ
 δ' ἄλλο μοι ἔργη πῶρ' ἔργη. ἴνα ἡ περὶ εἰσοὶ καὶ ὄρκοι
 ροι

✠ ΕΠΙΤΑΦΙΑΣ ΠΕΤΡΟΥ :

Ἐπειὸς ἀποστόλου ἰσχυρῶς λέγοντος πρὸς τὸν Μιχαίου· διὰ
 αὐτοῦ εἶπεν πρὸς γερμανίαν καὶ κοινότητα δολίαν ἀπίαν
 καὶ ἐπιθυμίαν καὶ πτωχὸν γράσαντι φῶς πρὸς ἐνδοξασίαν πῶς
 εἰς τὸ πτωχὸν καὶ ἐν πτωχῶν αἰμασίῳ ἰσχυρῶς χάριτος ἔμελλεν
 εἰρηρῆσθαι φωνῆσαι ὅτι ἰσχυρῶς ὁ θεὸς καὶ πτωχῶν ὑμῶν
 ἰσχυρῶς

ἡ ἰσχυρῶς εἰς κθ π α ἄσππ π π ε καὶ π π α

Рис. 7

Рис. 8

ΕΠΙΣΚΟΠΟΛΙΚΗ ΚΑΙ ΠΑΠΟΙΣ

οὐδ' ἀσχητὸν ἔμελλε ἀδελφὸς δ' ἐπιφύου κηρὸς ἐν θῶπυι
 ἡ γὰρ κληρονομία καὶ ἔχεται κληρονομία κληρονομία ἔχου
 ἡμεῖς κληρονομία καὶ ἔχεται κληρονομία ἡμεῖς κληρονομία
 σὺν αὐτοῖς κληρονομία κληρονομία κληρονομία κληρονομία
 κληρονομία κληρονομία κληρονομία κληρονομία κληρονομία

Рис. 10

ΜΕΠΙΣΧΑΤΩΝ ΕΠΙΣΤΟΛΗ ΠΡΟΣ ΡΩΜΑΙΟΥΣ :

Π αἰμαδύμοι ἰσχυροὶ καὶ κλοῦσάσασα ἀφ' ἁρισμῶσσι
 λαβῆσιον· ἡ δὲ γὰρ ὁ πηγάμιτοδὶ ἡν ἡρωφητοῦ
 αἰτοῦ ὁ γράφαισ ἄλαιο· ποθρὶ τῷ κλοῦ αἰτοῦ· ποθρὶ
 μεθ' αἰτα ἁθρ ματοσ δαδ κα τῶσ κω· τοῦ ὀρισθρ ἄ
 κλοῦ τοῦ ἁθρ δινά με· κα τῶσ γρ ἄ μωσὶσ ὁ δὲ γρ ἁσιν

Рис. 11

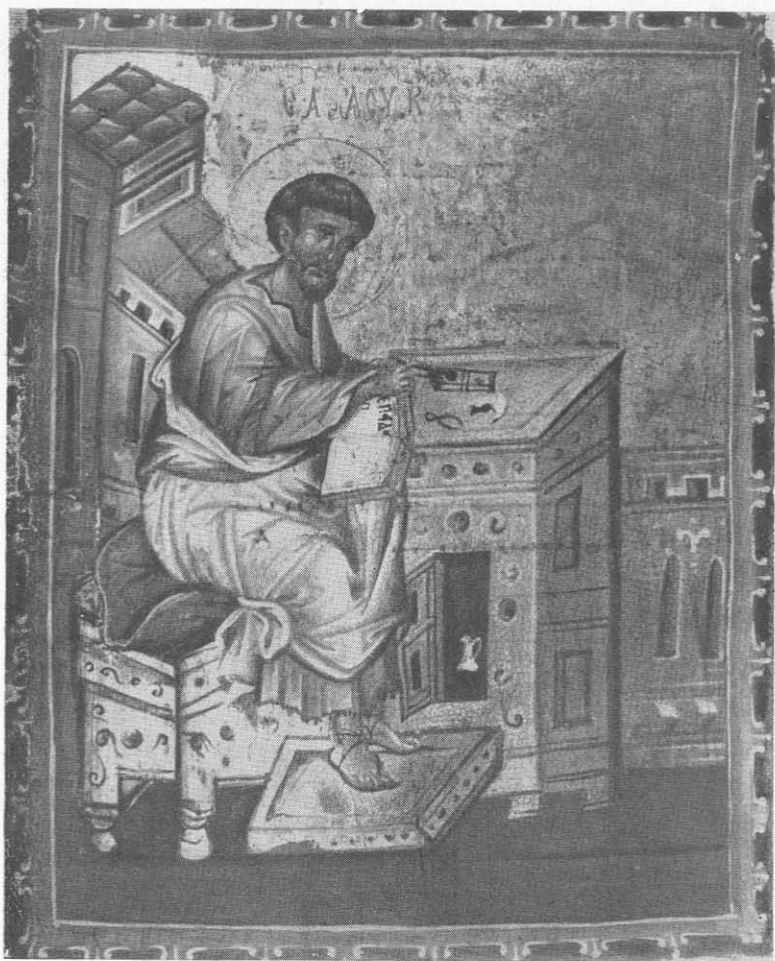

Рис. 12

Рис. 13

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

А. В. БАНК

ВОСТОЧНЫЙ СОСУД С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ

*(К истории культурных взаимоотношений Византии и Египта
в XIII—XIV вв.)*

Советские исследователи впервые поставили вопрос об условности и по существу неправильности определения художественных (и иных историко-культурных) явлений средневековья по вероисповедным или династическим признакам¹, как это делает буржуазная наука, которая говорит, например, о существовании христианского и мусульманского искусства, рассматривая то и другое в качестве совершенно изолированных явлений². Конечно, было бы неверно отрицать огромное значение религиозной идеологии для средневекового общества, когда во всех областях умственной деятельности верховное господство принадлежало богословию, а „догматы церкви были одновременно и политическими аксиомами“³. Однако анализ форм и строительной техники памятников архитектуры и особенностей ее декорации, исследование различного рода изделий художественной промышленности показывают, что развитие искусства происходило по некоторым общим законам, что оно определялось в конечном счете социально-экономическими условиями жизни общества, что в сходной социальной среде, вне зависимости от господствовавшей там или здесь религии, наблюдались сходные явления и в области искусства. Конкретное исследование отдельных вещественных памятников убедительно вскрывает ту роль, которую играли различные народы в развитии так называемого сасанидского, сельджукского, так же, как и византийского искусства. Вещественные памятники представляют большой интерес и для характеристики культурных взаимосвязей различных народов.

В составе богатейших собраний Отдела Востока Государственного Эрмитажа одно из наиболее значительных мест занимает так называемая мусульманская бронза. Хотя для большинства памятников этого

¹ И. А. Орбели. Мусульманские изразцы, Государственный Эрмитаж, 1923; его же. О классовых корнях некоторых традиций исторической науки. „Сообщения ГАИМК“, 1931, № 1; его же. Проблема сельджукского искусства. „Труды III международного конгресса по иранскому искусству и археологии“, М.—Л., 1938. Сборник „Памятники эпохи Руставели“, Л., 1938 (статьи И. А. Орбели, А. Ю. Якубовского, М. М. Дьяконова, А. В. Банк) и др.

² См., например, E. Kühnel. Kunst und Kultur der arabischen Welt, Heidelberg—Berlin—Magdeburg, 1943; G. Migéon. Manuel d'art musulman, I—II, Paris, 1927, и др.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

рода обозначение их термином „мусульманские“ имеет известное „формальное“ основание [поскольку встречающиеся на них имена (заказчиков или мастеров) говорят об их принадлежности „мусульманской“ среде], но следует отметить, что и в этой группе произведений художественной промышленности имеются образцы, связанные с иной, „христианской“ средой.

Мы имеем здесь в виду бронзовый тазик, хранящийся в Отделе Востока под инв. № ЕГ-728. Этот тазик украшен орнаментальными мотивами, в стилистическом и техническом отношении обычными для большой группы памятников „мусульманской бронзы“. Однако среди этого декоративного убранства имеется не только привычная в такого рода произведениях арабская надпись, но и привлекающая наше особое внимание надпись, сделанная греческими буквами (рис. 1)¹.

Скупые данные инвентаря сообщают, что тазик в числе других бронзовых восточных сосудов приобретен в 1901 г. у некоего Филиппо из Тегерана² и происходит, по словам продавца, из Керманшаха.

По бортику тастика нанесен рисунок в виде гирлянды из листьев. Основную поверхность в верхней части занимает обитая стилизованным растительным орнаментом арабская надпись, разбитая на шесть отрезков; между ними расположено шесть медальонов, в которых изображены, чередуясь: в трех — стилизованные утки (по шести в каждом круге), в трех других — стилизованный растительный орнамент. На дне снаружи — вписанный в круг декоративный узор в форме как бы шестиконечной звезды, образованной пересекающимися кругами (рис. 2); поверхность „звезды“ заполнена растительным орнаментом, а промежутки между ее концами — шестилепестковыми розетками, окаймленными летящими утками. На дне внутри — стайка плавающих рыбок.

Интересующая нас надпись помещается на фоне растительного орнамента в узеньком поясе между арабской надписью и кругом, в который вписана звезда. Она разбита на два отрезка (разделенных завитками растительного орнамента), причем каждый из этих отрезков окаймлен с обеих сторон изображением четырехконечного (со слегка расширяющимися концами) креста в медальоне. Текст надписи следующий: ⊕ ΟΝΟΝΑΤΗΜΑΝ ⊕ ΟΥΝΛΟΠΕΓΕ ⊕ (рис. 3—4).

Нет никаких оснований предполагать, что надпись нанесена на сосуд в позднейшее время: по своему техническому выполнению она ничем не отличается от других элементов декорировки сосуда; она не нарушает и композиционного единства в убранстве чаши. Единственным моментом, вызывающим сомнение, является разрыв на довольно большом расстоянии имени ΜΑΝ | ΟΥΝΛΟ | ; однако это, по свидетельству Л. Т. Гювальяна, часто наблюдается в арабских надписях.

Переходя к вопросу о времени и месте изготовления интересующего нас предмета, необходимо сразу же отвести попытки отнесения его

¹ Диаметр чашки по краю — 16,5 см, диаметр брюшка — 18,5 см, высота — 8,5 см. В нижней части сосуда имеется пробоина, переходящая в вертикальную трещину; вторая трещина, идущая в горизонтальном направлении, задевает пояс греческой надписи. В декорировке чашки можно лишь с трудом рассмотреть остатки инкрустации серебром (например, столь распространенной на предметах, относящихся к данному периоду).

² Ф. Зарре, рассказывая о пополнении восточных коллекций Берлинского музея, упоминает о румыне Филиппо, который объездил весь Передний Восток, вплоть до Афганистана, Туркестана и Индии и доставил в музей хорошее пополнение. F. Sarré, Zuwachs der Islamischen Abteilung, „Berichte aus den Preussischen Kunstsammlungen“. XLIV, № 5—6, 1923, S. 35. Возможно, что речь идет об одном и том же лице.

к иранскому кругу памятников: на нем легко обнаружить декоративные элементы, обычные для сиро-египетской группы XIII—XIV вв. Значительное место, занимаемое в убранстве сосуда арабской надписью, представляет одно из оснований для датировки его XIV в.¹, тогда как для украшения бронзовых предметов предшествующего периода (вплоть до конца XIII в.) характерно наличие множества фигур людей и животных. Широко распространен в первой половине XIV в. и мотив стилизованных уток, появляющийся впервые во второй половине XIII в.

Возникновение этого мотива принято связывать со временем правления султана Калауна (1279—1290)², имя которого в переводе значит „утка“. Мало убедительной представляется попытка некоторых ученых³ толковать это изображение как герб; помимо указанного соображения в пользу этого нет никаких данных. Обращаясь к опубликованному материалу, можно заметить, что изображение уток, подобное нашему, правда, в менее стилизованной форме, встречается уже в период, предшествующий Калауну, а именно — на чаше, датированной 50-ми годами XIII в.⁴, а значительное распространение этот мотив получает в первой половине XIV в., при его преемнике Мелик-ан-Насире. Так, например, стилизованные утки окружают розетку на чаше из собрания Британского музея (сходной с нашей и по общим композиционным принципам разбивки поверхности стенок — см. St. Lane-Poole. *Op. cit.*, рис. 87), изготовленной для эмира Мелик-ан-Насира (правил с 1293 г. с перерывами до 1341 г.), на бронзовых предметах Каирского музея⁵ и на многих вещах из собрания Эрмитажа⁶.

Большинство этих предметов, приведенных нами в качестве аналогий, украшено надписями, указывающими на их принадлежность к так называемому Мамлюкскому кругу.

Еще более распространено на вещах этого типа изображение подобной же шести-или восьмилепестковой розетки, иногда в качестве центрального медальона⁷, иногда в виде самостоятельного элемента. Существует мнение, согласно которому этот мотив считается гербом „быть может, какого-нибудь ведомства“ (L. Mayer. *Saracenic Heraldry*, стр. 19, 29; табл. на стр. 8), однако это мнение едва ли обосновано.

Значительно труднее найти аналогию орнаментальной композиции, покрывающей нижнюю часть сосуда: единственной изданной аналогией является упомянутая выше чаша, датируемая более ранним временем (1250—1257; см. Martin. *Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient*, табл. 23): здесь применен тот же принцип разбивки поверхности в виде звезды, но не шестиконечной, как в рассматриваемом тазике, а восьмиконечной, вписанной в круг, причем концы ее, пересекая друг друга, сами образуют меньшие круги; аналогичным образом расположены и розетки между концами звезды. Но на экземпляре собрания Зарре имеется иное орнаментальное заполнение этой звезды: особенно резко отличается верхний пояс декорировки сосуда, где представлены характерные

¹ St. Lane-Poole. *The art of the Saracens in Egypt*, London, 1886, p. 158.

² M. Van Berchem. *Notes d'archéologie arabe*. „*Journal asiatique*“, 10 série, t. III, 1904, p. 74.

³ L. Mayer. *Saracenic Heraldry*, Oxford, 1933, p. 7, tabl. XIV — представленная на этой таблице птица совсем не походит на утку, напоминая скорее орла

⁴ G. Migeon. *Manuel d'art musulman*, t. II, рис. 245—6; T. R. Martin. *Ältere Kupferarbeiten aus dem Orient*, Stockholm, 1902, Taf. 3.

⁵ G. Wiet. *Catalogue général du musée Arabe du Caire. Objets en cuivre*, Caire, 1935, tabl. VI, XXXII и др.

⁶ Инв. № EG 761, 763, 764 и др.

⁷ *Sammlung F. Sarre. Erzeugnisse islamischer Kunst*, t. I, Berlin, 1906, Abb. 25—30.

для XIII в. фигурные изображения. Выше говорилось уже и об иной трактовке уток.

Таким образом, беглый обзор декоративных элементов, украшающих рассматриваемый памятник, приводит к выводу, что мы имеем дело скорее всего с предметом, изготовленным в египетских мастерских первой половины XIV в.¹

Содержание арабской надписи, установленное Л. Т. Гюзальяном, и анализ ее, произведенный им же, подтвердили высказанную нами гипотезу о происхождении и датировке сосуда.

Если для тех или иных деталей орнаментального убранства чаши можно найти большее или меньшее количество аналогий, то мы не могли бы привести ни одного опубликованного памятника из состава так называемой „мусульманской бронзы“, на котором была бы греческая „христианская“ надпись.

В рассматриваемой связи следует упомянуть еще о двух бронзовых сосудах, хранящихся в Эрмитаже. Мы имеем в виду два тазика, близких по форме тому, который является предметом нашего изучения. Оба тазика значатся по инвентарю Отдела Востока под №№ ЕГ 753 и ЕГ 755. Они приобретены в 1904 г. у Л. С. Вельяминовой-Зерновой. Первый из них несколько больших размеров (диам. 20,3 см) и украшен инкрустацией серебром и чернью; его орнаментация также включает медальоны с изображением стилизованных уток, окружающих шестилепестковые розетки, которые чередуются с медальонами с изображением растительных побегов, окружающих такие же розетки. Арабская надпись упоминает одного из эмиров египетского султана XIV в. (рис. 5).

Второй сосуд (ЕГ 755) сохранил богатую инкрустацию золотом и серебром. По бортику — арабская надпись, чередующаяся с изображением бегущих животных; растительный орнамент и группы животных между мелкими розетками представлены у края снаружи. На стенках в шести медальонах изображены, чередуясь, шестиконечные звездочки и утки, терзаемые хищными птицами. В отрезках фриза — арабская надпись и растительный орнамент (рис. 6). На дне внутри — стайка плавающих рыб.

На обоих сосудах на дне снаружи выгравированы греческие христианские монограммы. Их техническое исполнение отличается от техники основного декоративного убранства чаш², а расположение никак не связано с основной композицией и скорее нарушает последнюю.

На сосуде ЕГ 753 выгравированы буквы ω и несколько ниже $\bar{\eta}$ (титла которого перечеркнута, как крест, рис. 7), повидимому, обозначающие имя и сан владельца: $\text{I}\omega\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma \mu\eta\tau\rho\text{p}\acute{o}\lambda\iota\tau\eta\varsigma$ (Иоанн митрополит); на сосуде ЕГ 755 — трижды повторены расположенные на поле щитов буквы $\bar{\kappa}\epsilon$ (титлы которых, несколько заворачиваясь кверху, также перечеркнуты крестом, рис. 8), которые следует читать, как слово $\kappa\upsilon\rho\iota\epsilon$ (господин, господи).

Трудно сказать, где и кем именно были поставлены эти знаки; возможно, что это было сделано и вне Египта: форма щита и характер

¹ Известное распространение имела в свое время точка зрения, трактовавшая изображение стайки рыб, имеющееся на дне нашего сосуда, как специфически египетский мотив (St. Lane-Poole. The Art of the Saracens in Egypt, p. 154—155); однако обзор восточных памятников, происходящих из различных районов, в частности из Ирана, приводит к выводу, что этот мотив не может служить точкой опоры для определения места изготовления вещи.

² Быть может, розетка на дне внутри чаши ЕГ 753 нанесена одновременно с монограммой; ее исполнение, как бы „елочкой“, близко последней.

написанных букв не дают оснований считать, что время их нанесения выходит за пределы XIV в.¹; но все же в обоих случаях нет органической связи с основным убранством сосудов, а следовательно, нет и полной аналогии нашей чаше.

Известен бронзовый сосуд, богато украшенный инкрустацией серебром, имеющий, наряду с арабской, еще и надпись на старофранцузском языке: это чаша XIV в., изготовленная для кипрского короля Гюга IV Лузиньяна², на которой представлены обычные для „мусульманских“ памятников (рис. 9) сцены звериного гона и знаки зодиака, в сочетании с изображениями христианских святых и гербами семьи Лузиньянов и города Иерусалима³. Этот сосуд, однако, трудно определить как чисто восточную вещь и по характеру орнаментации и по содержанию повторяющейся арабской надписи, говорящей об изготовлении предмета для Гюга Лузиньяна.

Быть может, другая, более поздняя чаша XV в., на которой арабская надпись сочетается с латинской (С. Enlart. *L'art gotique et la renaissance en Chypre*, p. 755—756) была изготовлена в Италии. Примечательна стилистически далеко не однородная группа памятников, на которой элементы восточной „мусульманской“ тематики и орнаментации сочетаются с христианскими изображениями: таковы — знаменитое „Кашгарское“ блюдо Эрмитажа⁴ или чаша из частного собрания в Брюсселе⁵, датированная серединой XIII в., с надписью, упоминающей титул султана Египта и Дамаска, и изображениями евангельских сцен и святых; таков подсвечник XIII в. из музея Декоративных искусств в Париже (G. Migeon. *Manuel d'art musulman*, v. II, рис. 239) работы некоего Давуда, сына Саламы из Мосула, который изготовил и другие вещи, отнюдь не предназначенные для „христианской“ среды⁶;

¹ Имеющаяся в нашем распоряжении литература по греческой эпиграфике рассматриваемого периода не дает оснований для более точного определения времени и места нанесения монограмм; мы руководствуемся в данном случае не столько собственными наблюдениями, сколько соображениями таких авторитетных специалистов, как Л. А. Маудуевич. Пользуемся случаем для того, чтобы принести ему благодарность за это указание.

² С. Enlart. *L'art gotique et la renaissance en Chypre*, t. II. Заметка Н. R. d'Allemagne, p. 743—756; tabl. XXXV.

³ Как известно, семья Лузиньянов в XIV в. была представлена двумя линиями — кипрской и армянской. В сложном переплете взаимоотношений членов этой фамилии, связанной с Францией, Кипром, Иерусалимом и Арменией, своеобразно проявляется и тот круг не только политических, но и культурных взаимосвязей Запада и Востока, который характерен для рассматриваемого периода и получил свое отражение, в частности, в вещественных памятниках.

Для нас представляет особый интерес еще один из членов этой семьи, а именно принцесса Изабелла (носившая второе имя Марии или Маргариты) Лузиньян. Изабеллу Лузиньян — жену морейского деспота Мануила (1348—1380), сына Иоанна VI Кантакузина, считали до недавнего времени представительницей кипрского дома Лузиньянов (см. D. A. Zakythinos. *Une princesse française à la cour de Mistra au XIV siècle*, Isabelle de Lusignan Cantacuzène. „Revue des études grecques“, v. XLIX, janvier — mars 1936, p. 62—76). St. Binon (Guy d'Arménie et Guy de Chypre, Isabelle de Lusignan à la cour de Mistra, „Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves“, v. V, Bruxelles, 1937, Mélanges Emile Boisacq, p. 125—142) путем сопоставления византийских и старофранцузских источников убедительно доказывает, что Изабелла является представительницей армянской линии Лузиньянов. Таким образом, в центре владений морейского деспота — Мистре мы можем искать сочетание не только элементов византийской и западной культуры, но и, быть может, черт армянской культуры.

⁴ А. Ю. Якубовский. Кашгарское блюдо XII—XIII вв. „Памятники эпохи Руставели“, М. — Л., 1938, стр. 209—216, табл. 23—27.

⁵ G. Migeon. *Exposition des arts musulmans*, Paris, 1903, tabl. 11—12.

⁶ M. van Berchem. *Notes d'archéologie arabe*. „Journal asiatique“, v. III, 1904, p. 23.

таков кувшин XIII в. из собрания Кехлина и др. Здесь не место подробно останавливаться на анализе этих весьма интересных памятников, лишний раз подтверждающих отсутствие резкой грани между „христианским“ и „мусульманским“ миром и общность вкусов знатных закавказчиков. Большинство предметов данной группы, вероятнее всего, сиромесопотамского происхождения и, к тому же, более раннего времени, чем рассматриваемый нами памятник.

Несмотря на краткость интересующей нас надписи на Эрмитажной чаше, ее последнее слово, которое читается как „πεπής“, остается неясным. Слово πεπής можно понимать либо как фамилию Мануила, либо, как это было предложено проф. П. В. Ернштедтом, как коптский артикль π перед словом ἐπίσκοπος. Таким образом, надпись может быть переведена либо: „во имя (или „от имени“) Мануила епископа“, либо „во имя („от имени“) Мануила Пеписа“. Против первого понимания слова имеются два возражения: одно — это отсутствие аббревиатуры после буквы σ; второе — это написание η вместо ι после второго π. Известно, правда, что в средневековом греческом языке, особенно позднего периода, буквы ι и η постоянно заменяют друг друга, но все же в данном столь распространенном слове подобная замена вызывает некоторое сомнение. В этой короткой надписи имеются и прямые ошибки: именно в слове ὀνόματι¹ вместо ι также стоит η (что снова указывает на так называемый иотаизм средневекового греческого языка) и, видимо, вместо ω написано ο в слове Μανουήλω.

Все это, так же как разбивка имени Μανουήλ на две далеко отстоящие и разделенные крестом части, указывает на то, что надпись писалась человеком, плохо знакомым с греческим языком (подобных ошибок в арабской надписи Л. Т. Гюзальяном не обнаружено).

К сожалению, ни для одного, ни для другого варианта в толковании надписи нам не удалось найти вполне убедительных данных, которые бы позволили отождествить Мануила нашей надписи с каким-либо известным историческим лицом.

Так или иначе, при любом понимании надписи нет достаточных оснований исключать рассматриваемый памятник из „христианской“ египетской, т. е. коптской среды. При этом следует отметить, что если считать надпись греческой, то в этом случае она является едва ли не наиболее поздним эпиграфическим памятником, засвидетельствованным на территории Египта. По крайней мере, в своде христианских греческих надписей из Египта, изданных Гюставом Лефевюром², нет ни одной надписи моложе середины XII в., причем наиболее поздние из них происходят из мест, расположенных к югу от Ассуана. „Во всяком, случае, — пишет автор, — если на коптском языке продолжали, как говорят, объясняться в некоторых редких общинах еще в XII в., то греческий исчез в Египте полностью, не оставив там никакого следа“³.

Памятники коптской письменности периода позднего средневековья известны также не в столь большом числе: так, Амелино считал опубликованный им текст о мученичестве Иоанна Пханиджойт, относящийся к началу XIII в., „последним произведением, написанным на

¹ Об употреблении слова ὀνόματι в языке евангелия и позднее см. Merlies, "Όνομα et ἐν ὀνόματι. „Revue des études grecques“, t. 47, 1937, p. 180—204.

² G. Lefebvre. Recueil des inscriptions grecques chrétiennes d'Egypte, Le Caire, 1907.

³ Ibid., Avant-propos, p. XII.

языке христианского Египта¹. До нас дошли ткани XIII в., имеющие коптские надписи — иногда наряду с арабскими, ряд двуязычных (арабских и коптских) и чисто коптских рукописей, преимущественно, — евангелия.

Если скудны данные для характеристики греческой и коптской письменности XIII—XIV вв., то, пожалуй, еще меньшими сведениями мы располагаем для поздних „христианских“ вещественных памятников в Египте. Весьма вероятно, впрочем, что это объясняется порочной методологией буржуазной науки: исследователи истории мусульманского Египта, занимаясь „мусульманскими“ памятниками, не знают материала, характеризующего „христианскую“ среду; исследователи коптского искусства понимают его лишь как искусство „христианское“, без должного учета как древнеегипетских традиций, так и черт, связывающих его с так называемым „мусульманским“ искусством.

Большой интерес представляют некоторые фрагменты глиняных сосудов, найденных и, по всей вероятности, изготовленных в Египте. Мы имеем в виду, в частности, обломок сосуда, украшенного люстровой росписью с изображением Христа-Пантократора² (из Музея арабского искусства в Каире), найденный в Фустате и относящийся, по словам издателя, к XI—XII вв. Не менее интересен другой фрагмент из того же музея с изображением композиции „Снятие со креста“, выполненный в XIV в. в технике подглазурной росписи³.

Издатели первого фрагмента отмечают его уникальность и упоминают о другом образце XIV в., на котором имеется надпись — „сделано для благоденствующей церкви“. Г. Виет в примечании (где указан и номер этого последнего фрагмента — 9198) указывает, что речь идет не о церкви, а о монастыре Калайа (Aly Bey Bahgat. Op. cit., p. 65).

К сожалению, в нашем распоряжении имеются лишь таблицы к базельскому изданию египетской керамики без текста, а текст каирского издания настолько скуп (причем археологические данные в нем отсутствуют полностью), что сказать что-либо большее об этих замечательных памятниках египетской керамики представляется затруднительным.

Несмотря на отсутствие достаточно близких аналогий в византийской керамике, несмотря также на специфически восточную технику фрагмента с изображением Пантократора (рис. 10), можно констатировать в нем черты, характерные для византийской иконографии периода XI—XII вв. (при некоторых отличиях, как, например, отсутствие характерных прядей волос на лбу), которые своеобразно сочетаются с элементами растительного орнамента, обычными для ближневосточной керамики.

Еще более высокими художественными качествами обладает фрагмент с изображением „Снятия со креста“ (рис. 11); заслуживает внимания как совершенство самой композиции, вписанной в круг, так и выразительность отдельных лиц с попыткой эмоциональной их передачи, быть может, отражающей те явления в области византийского

¹ E. Amélineau. Un document copte du XIII siècle. „Journal asiatique“, serie VIII, v. IX, 2 (1887), p. 113—190.

² Aly Bey Bahgat et Felix Massoul. La céramique musulmane de l'Égypte (publ. du Musée Arabe du Caire), Le Caire, 1930, t. XXXII, 2, p. 64—65; Musée de l'art arabe du Caire. La céramique égyptienne de l'époque musulmane, Bâle, 1922, tabl. 46.

³ La céramique égyptienne... , tabl. 123.

искусства, которые типичны для времени Палеологов. Для поздней иконографии характерно изображение по сторонам креста плачущих ангелов.

Более широко вошли в научный обиход десять частей деревянных кедровых дверей с резными изображениями орнаментальных растительных узоров на четырех пластинах и евангельских сцен („Благовещения“, „Рождества Христова“, „Крещения“, „Вознесения“ и др.) — на остальных. Эти створки, ныне хранящиеся в Британском музее¹, происходят из коптской церкви в Каире; обычно они датируются XIII в.

Если О. М. Далтон прав в трактовке орнаментальных пластин и заполняющих верхнюю часть створок орнаментальных деталей (он считает их „заимствованными из сарацинского искусства“)², то трудно согласиться с ним в оценке самих евангельских сцен, будто бы „сходных в основном с обычными византийскими изображениями“. Ни основные композиционные принципы — сплошного заполнения пространства (своего рода боязнь пустого пространства), ни трактовка отдельных фигур, ни их типология не вяжутся с нашими представлениями о византийском искусстве не только центра, но и провинции. Нет здесь общих черт и с другими приведенными выше „христианскими“ памятниками, связанными с территорией Египта. Скорее можно говорить о стилистических, да и типологических чертах, свойственных сиро-месопотамским памятникам (см. выше) XII—XIII вв., в известной мере продолжающим старые традиции восточнохристианского искусства.

В числе христианских памятников Египта этого времени следует отметить двуязычное (коптское и арабское) четвероевангелие, хранящееся в Патриаршей библиотеке в Каире под № 96 (ser. 5), датированное соответственной записью — 1291 г.³ На заглавной странице рукописи имеется изображение креста, сохранились также миниатюры, представляющие евангелистов Марка, Луку и Иоанна; первая страница евангелия от Иоанна имеет орнаментальное обрамление.

Если в изображениях евангелистов трудно усмотреть особые отступления от обычной византийской схемы в этих, быть может, несколько архаизирующих образах (рис. 12), то характер орнаментального обрамления (рис. 13) никак не заимствован из византийских рукописей и вполне укладывается по подбору используемых элементов в круг восточных памятников⁴. Таким образом, и здесь можно говорить о мирном сосуществовании на страницах одной рукописи элементов, воспринимаемых как чисто „христианские“, с другими, казалось бы, присущими „мусульманским“ памятникам.

Исключительный интерес для характеристики коптского искусства позднего времени представляет убранство монастырей Вади-Натрун (расположенных в долине, на грани Ливийской пустыни)⁵. Резные деревянные двери и другие детали деревянной декоративной отделки, орнаментация росписей или штукатурных украшений ничем не отличаются от тех, которые применяются в то же время в „мусульманской“ среде. Христи-

¹ O. M. Dalton. *Catalogue of Early Christian Antiquities*, London, 1901, № 986, tabl. XXXIV, XXXV.

² O. M. Dalton. *Byzantine Art and Archaeology*, Oxford, 1911, p. 163, рис. 95.

³ Marcus Simaika Pasha. *Catalogue of the Coptic and Arabic Manuscripts in the Coptic Museum, the Patriarchate, the Principal Churches of Cairo and Alexandria and the Monasteries of Egypt*, vol. II, fasc. I, Cairo, 1942, tabl. X sq.

⁴ Обрезанное справа орнаментальное заполнение, как бы в виде гирлянд, напоминает армянские миниатюры.

⁵ Hugh G. E. White. *The Monasteries of the Wadi'n Natrun, Part III. The Architecture and Archaeology* (ed. Walter Hauser), New York, 1933.

анская тематика росписей, иконографически близкая современному византийскому искусству, отражает дальнейшее развитие местного египетского стиля, вырабатывавшегося в течение веков. Более внимательное изучение этих памятников несомненно дало бы богатейший материал для характеристики феодального — „христианского“ и „мусульманского“ — искусства Египта и, быть может, позволило бы в этом искусстве господствующего класса вскрыть и народную струю.

Таковы те, пока немногие памятники, которые нам удалось в настоящее время привлечь для характеристики „христианской“ среды в „мусульманском“ Египте.

Несмотря на свою малочисленность, рассмотренные предметы, как мы видим, представляют стилистически отнюдь не однородную группу. Повидимому, различные источники питали это позднее „христианское“ искусство Египта. Однако для нас здесь важно, с одной стороны, выявить самый факт существования этих поздних „христианских“ памятников и, с другой, — отметить наличие в них (в той или иной мере, в том или ином проявлении — будь то техника, иконография или стиль) элементов искусства, обычно определяемых как „мусульманские“. Весьма существенно показать всю порочность методологии буржуазной науки, рассматривающей те и другие памятники изолированно.

Возвращаясь к предмету настоящей публикации, необходимо выяснить вопрос о том, каковы же те реальные исторические условия, при которых была создана чаша, являющаяся предметом нашего изучения. Являлась ли она собственностью египетского епископа, или была предназначена для человека из византийской среды? Ответить на этот вопрос с абсолютной уверенностью пока не представляется возможным.

Хотя предположение об изготовлении интересующей нас чаши для владельца-христианина (быть может, и для епископа), проживавшего в Египте, не лишено вероятности, но вместе с тем возникает и другая гипотеза — о возможности бытования подобного сосуда в византийской среде.

На это предположение нас натолкнул, в частности, текст византийского историка XIII в. Георгия Пахимера, который описывает следующий случай, имевший место в Константинополе в конце XIII в. (именно — в 1279 г.) в царствование Михаила Палеолога: „Приходилось в церкви, — рассказывает Пахимер, — торжественно справлять праздник (Введение во храм, 21 ноября) в тот самый день, когда император пришел к соглашению через посредство Иосифа с церковью. И были принесены туда, по обычаю, для благословения чаши со зрелой пшеницей и с плодами; а из них лучшее... отбиралось для императора. Таких медных чаш было принесено с разных сторон множество, и среди них была одна, которая красотой превосходила другие и была достойна того, чтобы быть преподнесенной царю. Была же эта чаша украшена египетскими письменами; ибо существовала, как говорят, у египтян привычка вместо каких-либо украшений, делать надписи и на одеждах, и на окнах, и на всяческих сосудах. Случилось же, что та надпись воздавала хвалу имени проклятого Мухамета, или, как говорят иначе, Моамефа. Написанное кругом чаши, оно не осталось незамеченным обвинителями“...¹ Далее говорится о том, что получив

¹ Georgii Pachimeris de Michaelae Palaeologo lib. VI, c. 12, ed. Bonn, 1835, p. 453—454: „... συνήθες μὲν οὖν ἦν περιφανῶς τελεῖσθαι τῇ ἐκκλησίᾳ τὴν τῆς ὑπαπαντῆς εὐαγγέλιον,

донесение, император захотел убедиться в его правильности и послал своего служителя при опочивальне, Василия Василика, который знает письмо агарян; тот, прочитав надпись, удостоверил, что донесение соответствует истине; тогда император отверг чашу.

Текст Пахимера, таким образом, дает нам свидетельство о бытовании египетских вещей, несомненно близких анализируемому нами предмету, в придворных кругах Константинополя конца XIII в.¹ Этот факт не является случайным: следует принять во внимание оживившиеся в 60—70-х годах XIII в. политические и торговые взаимоотношения между мамлюкским Египтом и Византией, когда, как известно, Константинополь был своего рода посредником между Египтом и Золотой Ордой². Источники говорят о пребывании египетских послов в столице Византии и, наоборот, о византийских послах в Египте. Именно в этот период в Константинополе была построена мечеть, для которой султан Бейбарс отправил „ценные цыновки, золоченые подсвечники, украшенные вышивкой завесы, светильники, ковры, алоэ, амбру, мускус и розовую воду“³.

Таковы некоторые данные письменных источников, устанавливающие для более раннего периода факты бытования в Константинополе египетских вещей. Нет оснований исключать возможность подобных случаев и для последующих десятилетий.

М. Канар в своей статье „Le traité de 1281 entre Michel Paléologue et le sultan Qalâ'un“⁴ приводит интересные сведения из „документов, сохраненных Калкашанди, египетским писателем XIV—XV вв. и автором канцелярского руководства в четырнадцати томах“⁵. Как бы ни понимать этот материал — договор ли это или нарративный источник⁶ — для нас важна фиксация продолжающихся и при Калауне дипломатических и торговых взаимоотношений между Византией и Египтом.

ἄτε καὶ ἐκείνην τυχόντος παρ' Ἰωσήφ του κρατουτος τῆς συχωρήσεως ἦν δὲ καὶ ἐφθῶ σίτω συναμάμα καρποῖς ὁπορῶν ποικιλομένηας τὰς τῶν ἐκπομάτων πλατείας εἰς ευλογίαν προτίθεσθαι, ὡν ὡς ἀπαρχὴ τις ἢ κρείττων τῷ βασιλεῖ προσήγγετο ἐπιδόριος. ἐπεὶ δ' εἰκόσ τὰς χαλκῆς ἐκείνας πλατείας ὑποδοχὰς πλείστας οὐσας ἔξωθεν ἐρανίζεσθαι, συν ταῖς ἄλλαις ἦν, μία δοκοῦσα καὶ προτιθεῖν τῷ κάλλει καὶ ἀξία τῷ βασιλεῖ προσάγεσθαι, ἢ δὴ καὶ γράμμασιν Αἰγυπτίοις ἢς ποικίλασσι τισιν ἔνεσκευαστο· εἰδιστὰι γάρ, ὡς ἐλέγετο, Αἰγυπτίσις αὐτ' ἄλλων τινῶν ποικιλιμάτων ἔν τε πέπλοις καὶ φοραγωγαῖς καὶ σκεῦεσι παντοίοις τοῖς γουρμασι χρῆσθαι. ἔτυχον δὲ τὰ γράμματα τοῦ καταράτου Μαχουμέτ, ταῦτόν δ' εἰπεῖν καὶ Μωάμεδ, ὄνομα εἶρειν εἰς ἔπαυτον. τοῦτο κύκλω τῇ πλατεῖα ἐγγεγραμμένον τοὺς κατηγοροῦντας οὕκ ἔλαθε..”

¹ Следует отметить, что при раскопках Херсонеса обнаружено много египетских предметов, подтверждающих письменные свидетельства о связях Египта с Крымом в XIII в.; таков бронзовый калемдан с арабской надписью, ряд фрагментов стеклянных сосудов со следами надписей, гербом в виде бокала и др. См. „Известия Императорской Археологической комиссии“, вып. 16, 1905, рис. 43; Отчет Имп. Археологической комиссии за 1904 г., рис. 97^b и др.

² Об этом см. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М. — Л., 1950, стр. 83, 92, а также: Ф. И. Успенский. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. „Византийский временник“, т. XXIV, 1923—1926, стр. 1—16; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 126, 189—190 и др.

³ Свидетельство Макризи, приведенное у E. Quatremère. Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines, t. II, Paris, 1811. Mémoires sur l'état du christianisme sous les deux dynasties Mamlouks, p. 222—223.

⁴ См. „Byzantion“, t. X, 2, 1935, p. 669—680.

⁵ Ibid., p. 669.

⁶ Рецензия F. Dölger в „Byzantinische Zeitschrift“, 1937/2, S. 467. Со статьей M. Canard. Un traité entre Byzance et l'Égypte au XIII siècle et les relations diplomatiques de Michel VIII Paléologue avec les sultans Mamlûks Baibars et Qalâ'un, „Mélanges Gaudefroy Demombynes“, Le Caire, 1937 — нам не удалось ознакомиться.

Остается разрешить еще один вопрос: каковы же были условия существования христиан в Египте XIII—XIV вв.

Известно, что при султани Бейбарсе наблюдалась известная веротерпимость и положение христиан несколько улучшилось, — быть может, это было обусловлено до некоторой степени оживлением политических связей с Византией.

По сведениям Макризи¹ и по данным других источников, Михаил Палеолог в письме к Бейбарсу просил его дать патриарха христианам-мелькитам. В ответ на это Бейбарс направляет в Константинополь в 661 г. некоего Рашида, возведенного в звание патриарха; его сопровождали несколько епископов и эмир Фарис-ад-дин-Акуш. Акуш возвращается с подарками императора. После этого наступает некоторое охлаждение, связанное с задержкой послов Бейбарса в Константинополе.

Положение христиан при Мелик-ан-Насире в начале XIV в. было также относительно благополучно. Некоторые крупные должностные лица, находившиеся при дворе султана, были выходцами из христиан. Однако в ряде письменных источников отражено резкое ухудшение положения христиан, имевшее место, повидимому, во втором десятилетии XIV в.

Источники² говорят о массовом закрытии и ограблении христианских церквей в стране, о таких формах преследования христиан, как, например, принуждение их носить особые синие чалмы, или ездить на лошади, опустив обе ноги на одну сторону.

Тем не менее, в этот вопрос, как видно из каталога патриархов Абул-Баракат-ибн-Кубра, вмешивается византийский император „Ласкарь“ (имя, видимо, ставшее нарицательным в арабских источниках начиная с XIII в.), который направляет в Египет посла с целью улучшения положения христиан. В результате принятых им мер были открыты некоторые христианские храмы — в старом Каире и в других местах³.

Скудные данные о положении христианской церкви в начале XIV в. не дают, таким образом, оснований считать вероятным, что в этот период мог быть изготовлен парадно украшенный сосуд для коптского епископа. Более правдоподобно, что изучаемая чаша была предназначена в качестве дара одному из лиц, сопровождавших византийское посольство. Интересно, что Иоанн Кантакузин в своей „Истории“⁴ подробно описывает, как в 1348 г. „император направил посольство к султану Египта, Сирии и Иудеи (имеется в виду Мелик-Насир-Хасан. — А. Б.) относительно местных христиан. Послы же были: Мануил Сергопул из граждан Византии и Иерусалимский патриарх Лазарь, которого нужно было установлением султана восстановить на престоле⁵, так как иначе, говорится далее, нельзя было назначать епископов

¹ J. Maspéro. Histoire des patriarches d'Alexandrie, Paris, 1923, Appendice III; E. Tisserant et G. Wiet. Le Catalogue patriarchal d'Abou'l Barakat ibn Koubr, p. 359, 381.

² Ibid, p. 378.

³ Ibid.

⁴ Cantacuzenus. Historia, lib. IV, cap. 14, ed. Bonn, 1832, t. III, p. 90—99.

⁵ Ibid., p. 90: „Βασιλεὺς δὲ καὶ πρὸς τὸν Αἰγύπτου καὶ Συρίας καὶ Ἰουδαίας Σουλτάν ὑπὲρ τῶν ἐκεῖνι Χριστιανῶν πρεσβείαν ἐποίητο. πρεσβευταὶ δὲ ἦσαν ἐκ τε τῶν Βυζαντίου πολιτῶν ὁ Σργόπουλος Μανουὴλ καὶ ὁ τῶν Ἱεροσολύμων πατριάρχης Λάζαρος, ὃν ἔδει προστάγματι Σουλτάν εἰς τὸν θρόνον ἀποκαταστήναι. ἄλλως γὰρ οὐκ ἔξεστιν οὐδένα τῶν κατὰ τὰς πόλεις ἐπισκόπων, αἱ δουλεύουσι τοῖς τοῖς βαρβάραις, οὕτω συγκεχωρηκὸς τοῦ Θεοῦ διὰ τὸ πολλὰ ἡμᾶς τοὺς καλουμένους ὀπὸ Χριστοῦ αὐτῷ προσκεχρουέναι καὶ προσκρούειν ἄχρι νῦν

в городах, поработанных „этими варварами“. Султан, как следует из дальнейшего, весьма благосклонно принимает послов, выполняет просьбу императора, восстанавливает на патриаршем престоле Лазаря и т. д.¹

Прозвище византийского посла Мануила — *Σεργόπουλος* (Сергопул) не позволяет нам отождествить его с Мануилом изучаемой чаши, если понимать слово *πετής* как фамилию; нельзя его также считать епископом, поскольку Кантакузин называет его гражданином (*ἐκ τῶν πολιτῶν*) города Византии. И все же сама собою напрашивается гипотеза — не мог ли быть этот посол Мануил тем лицом, для которого предназначалась чаша: и дата посольства (40-е годы XIV в.), и остальные условия дают основание для подобного предположения.

Наставать на этой гипотезе, конечно, трудно, но предполагать возможность изготовления изученного в настоящей статье бронзового сосуда для какого-либо участника византийских посольств первой половины XIV в. представляется вполне вероятным.

Как видно из предшествующего изложения, изучение египетской чаши с греческой надписью позволяет поставить ряд интересных вопросов, имеющих существенное значение для характеристики политических и культурных взаимоотношений Византии и Египта.

Внимательно присматриваясь к вещественным памятникам, как к документам эпохи, можно значительно полнее представить себе ход ряда исторических событий.

Л. Т. ГЮЗАЛЬЯН

ПРИЛОЖЕНИЕ К СТАТЬЕ А. В. БАНК „ВОСТОЧНЫЙ СОСУД С ГРЕЧЕСКОЙ НАДПИСЬЮ“

Сосуд, изучению которого посвящена предшествующая статья, с первого взгляда производит впечатление обычного сиро-египетского тазика или чаши (*تاسي* — *тас*) XIV в., с той лишь разницей, что в отличие от большинства таких же предметов, он богаче орнаментирован. В этом отношении изучаемый сосуд может быть поставлен в один ряд с группой богато орнаментированных тазиков, один из которых, принадлежащий Британскому музею, упомянут выше. Однако и в этой группе рассматриваемый тазик занимает особое положение. В убранстве сосудов можно отметить две отличительные черты: индивидуальные мотивы в орнаментах и инкрустацию не только серебром, но и золотом. Рассматриваемый же сосуд был инкрустирован одним лишь серебром, едва сохранившиеся следы которого можно разглядеть при внимательном осмотре покрывающих его узоров, в отношении же подбора сюжетов он не представляет ничего необычного. Поэтому, говоря о богатстве его убранства, мы имеем в виду только размеры орнаментированной на нем поверхности.

На подобных сосудах орнамент обычно покрывает с наружной стороны только борт и стенки, и с внутренней — середину дна. На рассматриваемом же экземпляре сверх того орнаментировано и все дно снаружи, так что на поверхности его не оставлено свободного места. Орнаменты, в число которых входят и надписи, ни в отношении художественности, ни по технике исполнения и мастерства ничего

¹ M. Canard. Une lettre du sultan Malik Nasir Hasan à Jean VI Cantacuzène. „Annales de l'Institut d'Etudes orientales“, Alger, 3, 1937, p. 27—52.

выдающегося не представляют. Ценность сосуда как исторического памятника заключается в его греческой надписи, которая ставит его в число немногих предметов явно мусульманского круга, являвшихся, однако, принадлежностью лиц христианского вероисповедания, а в данном случае, — как разъясняется выше, — возможно также и лица духовного сана.

Если поверхностный осмотр сосуда не выявляет особых отличительных черт, то более детальное рассмотрение может помочь выяснению некоторых обстоятельств его возникновения.

Форма сосуда в этом отношении ничего дать не может: она настолько типична, что останавливаться на ней бесполезно. Рассмотрению подлежит только орнамент.

По борту сосуда, захватывая частью и верхний край стенки, тянется обычная на подобных предметах замкнутая ветвь, с расходящимися в обе стороны попарно расположенными листьями. Под нею широкий пояс, занимающий большую часть стенок. Он состоит как бы из шести звеньев замкнутой цепи, округлые края которых, не затянутые, а положенные свободно на соседние, образуют вместе с ними в местах сцепления шесть кругов, разделяющие пояс соответственно на шесть отрезков. В кругах размещены попеременно: или пережиточный мамлюкский геральдический мотив в виде шести летающих уток, или стилизованный куст. Отрезки пояса во всю высоту заполнены арабской надписью. Схема этого главного орнаментального пояса строго традиционна, и для составных частей ее можно привести многочисленные аналогии. На дне сосуда, снаружи, сложный рисунок из шести перекрывающих друг друга кругов образует подобие крупной розетки, фон которой заполнен растительными побегами, шестилепестковыми розетками и фигурами летающих уток, подобных тем, которые изображены в кругах широкого пояса на стенках. Как в схеме рисунка (круги), так и в количестве их (шесть) соблюдена традиция, в заполняющих же фон деталях орнамента нет ничего, что выходило бы из круга обычных мотивов на подобных сосудах. Наконец, на внутренней стороне дна, — обычные фигуры плавающих рыб, от которых сохранились лишь контуры, без каких-либо следов несомненно существовавшей инкрустации из серебра.

Таким образом, все рассмотренные орнаменты и способ их размещения на сосуде являются самыми обычными и соответствующими выработавшейся традиции. Остается лишь поясок на расширенной части сосуда, на сгибе, который служит переходом от стенок ко дну. Согласно традиции, он должен представлять сплошную ленту, или — состоять (так же, как и расположенный над ним широкий пояс) из подобия шести звеньев замкнутой цепи, образующих в местах сцепления шесть соразмерных им кружков. На самом деле поясок представляет сплошную ленту, в которую вписано четыре кружка, диаметр которых таким образом оказался меньше общей высоты пояса. Этим нарушена не только обычная схема пояска, но и общая композиция орнаментов, схема которых на стенках и на дне сосуда кратна шести. Кружки в пояске расставлены симметрично, поэтому положение их не на месте в отношении общей композиции орнаментов резко бросается в глаза. В двух случаях они оказываются правее ближайших к ним кругов верхнего пояса, в двух остальных — левее, и при этом не на равном расстоянии.

Причина столь необычной схемы пояска становится понятной, как только мы обратимся к греческой надписи. Несмотря на то, что эта

надпись состоит из трех слов, она разделена на две совершенно равные в отношении количества знаков части, так что даже имя владельца *Μαρουήλ* оказалось разделенным пополам. Помещена надпись в двух диаметрально противоположных отрезках пояска, которые замыкаются упомянутыми уже четырьмя кружками. Здесь сказался прием нанесения надписей, несвойственный греческим мастерам, но совершенно обязательный в арабской эпиграфике на средневековых изделиях, в частности на сиро-египетских бронзовых изделиях XIV в. Надписи на последних вписываются в готовую орнаментальную схему занимаемых ими поясов и располагаются в них равномерно, в строгой симметрии. В подавляющем большинстве случаев надписи оказываются разбитыми на отдельные отрезки пояса, разделенные друг от друга кругами, что неизменно влечет за собою и членение слов. Части слов, не уместяющихся полностью в одном отрезке пояса, переносятся по необходимости в следующий. В зависимости от того, сколько места по схеме орнамента оставлено для надписи, последняя может быть короче или длиннее. Этим и объясняется, что на совершенно однотипных предметах, несущих на себе имя одного и того же владельца, титулатура последнего может быть в одном случае более полной, в другом — более сокращенной. Когда же в арабских надписях встречаются стихи, то они часто, как и на данном предмете (о чем речь будет ниже), оказываются недописанными.

Мастер, привыкший располагать надписи на поверхности сосудов равномерно, не мог допустить, чтобы греческая надпись помещалась на одной лишь стороне тастика, и разбил ее на две части. Если бы размеры надписи разрешили это, он разделил бы ее на шесть отрезков и сохранил бы единство композиции. Почему он не расчленил надпись на три части, по одному слову в каждой, что больше бы гармонировало со всей орнаментацией, — для нас остается непонятным. Но, вписав надпись, мастер не мог не замкнуть отрезки ее кружками, согласно существовавшему у арабских ремесленников обыкновению. Поэтому кружки оказались вписанными в пояс, представлявший первоначально сплошную ленту, и помещены не на тех местах, где им надлежало бы быть, если бы пояс представлял собой замкнутую цепь. Из этого следует, что кружки первоначально не входили в намерения мастера. Вписав кружки, мастер изобразил в них обычную шестилепестковую розетку, подобную той, которая повторена в кругах на наружной стороне дна. Однако потом он загладил этот рисунок и заменил розетки равноконечным крестом. Следы первоначальной розетки легко прослеживаются при внимательном разглядывании кружков; об этом особенно ясно можно судить по сердцевине розетки, совершенно неуместной на перекладине креста и перекрытой, так же как и лепестки, новым рисунком (рис. 14). При перекрытии одного рисунка другим мастеру пришлось больше углубиться в металл. Этим и объясняется то, что кружки с крестом так резко бросаются в глаза не только необычностью, но и резкостью своего изображения.

Предположение, что замена одного изображения другим могла быть произведена в более позднее время, вовсе отпадает, так как при нанесении пунктира на кресте был использован тот же пуансон, которым пользовались при исполнении листьев на борту сосуда и розеток на его дне. То обстоятельство, что обычное изображение розетки было заменено необычным и в своем роде единственным изображением креста, свидетельствует о том, что последнее не было

результатом случайного выбора — оно связано с личностью владельца предмета. Крест в кружках не оставляет сомнения в том, что владелец предмета исповедывал христианскую веру.

В связи с тем, что имя владельца упоминается только в греческой надписи, может возникнуть предположение, что последняя была нанесена позднее на вполне законченный уже сосуд. Однако и это предположение отпадает, как только мы обращаемся к технике исполнения орнаментов. В этом отношении греческая надпись ничем не отличается от остальных орнаментов. Она исполнена на обычном для таких поясков растительном фоне, который в качестве самостоятельного орнамента повторяется и в двух остающихся отрезках пояска. Хотя подобно всем арабским надписям на бронзовых изделиях и, в частности, подобно надписи на стенках рассматриваемого сосуда, греческая надпись изобразительно как бы наложена на растительный фон, — тем не менее, даже тщательное рассмотрение не обнаруживает позднейшего перекрытия растительного орнамента надписью. Таким образом, надпись и растительный фон выполнены одновременно. Надпись не оставляет сомнения в том, что исполнивший ее мастер не был знаком с греческим письмом. Об этом свидетельствуют как общий характер надписи, так и несоразмерность ее знаков, — некоторые из них непомерно увеличены. Если бы последние два знака в обеих половинах надписи не были слиты в лигатуру, можно было бы предположить, что надпись намеренно была растянута, чтоб заполнить отведенные для нее отрезки пояска. Если бы надпись была нанесена позднее на вполне законченный сосуд, то нужно полагать, что это было бы поручено более искусственному в греческом письме человеку.

Выше мы отмечали типичность рассматриваемого сосуда в отношении его формы и орнаментов. Если принять во внимание, что в состав последних входит пережиточный, как отмечалось, геральдический мотив, указывающий на какую-то связь сосуда с мамлюкским родом, и что арабская надпись, как увидим ниже, содержит стихи, обращенные к некоему властителю, то станет совершенно очевидным, что сосуд был сделан или в придворных мастерских или в частных мастерских, обслуживавших потребности мамлюкского двора.

В ходе наших рассуждений мы пришли к заключению, что в сосуд, до выхода его из мастерской, были внесены изменения в виде четырехкратно повторенного креста. Чем объяснить эти изменения? — Дело представляется следующим образом.

При мамлюкском дворе возник вопрос о преподнесении лицу христианского вероисповедания приличествующего подарка, причем дело это не терпело особых отлагательств. Выбор пал на почти законченный обработкой сосуд, имевший те преимущества, что он был достаточно наряден и в то же время не имел персонального назначения (иначе имя и титул будущего владельца занимали бы на нем подобающее им место). Повидимому, на сосуде, когда он был избран для подарка, оставался не орнаментированным только поясок, который и был использован для вписания в него греческой надписи с именем одаряемого.

Начертав эту надпись, мастер ограничил занимаемые ею отрезки пояска обычными в таких случаях кружками с розетками, будучи вынужден, как указывалось выше, вписать их в готовую уже схему сплошного пояска. Однако потом ему пришлось, по требованию заказчика, т. е. двора, заменить в кружках розетку крестом, перекрыв прежнее изображение новым.

Предполагать, что сосуд с самого начала был задуман в том виде, в каком вышел из мастерской, нет оснований. Если бы дело обстояло таким образом, то схема пояска на сгибе сосуда не была бы так грубо нарушена и орнамент в кружках не оказался бы замененным в ходе работы изображением креста. Между тем, эти обстоятельства свидетельствуют также и о поспешности, с которой выполнялся заказ.

Выбор подарка указывает на высокое положение лица, которому он был преподнесен. Подобные предметы предназначались либо для мамлюкского двора непосредственно, либо для приближенных к нему лиц высоких рангов. Сосуд с геральдическим мотивом правящего рода и со стихами, обращенными к властителю, не мог быть преподнесен иноземцу и иноверцу, не пользовавшемуся достаточно высоким положением. Поэтому владелец сосуда не мог не быть носителем высокого звания. Если личность этого владельца остается для нас неизвестной, то определение времени его деятельности не представляет трудностей. Отмеченные выше орнаментальные мотивы с пережиточным геральдическим знаком, техника их выполнения, в известной степени также и характер арабской надписи, могут служить достаточным основанием отнести сосуд к периоду царствования Мелика ан-Насира, или несколько позднее, точнее ко второй четверти XIV в.

Арабская надпись представляет отрывок (неполных две строки) благопожелательного поэтического произведения, который встречается в том же или более полном виде (в три строки) и на других бронзовых сиро-египетских сосудах мусульманского круга, относящихся в основном к XIV в. Наиболее полную форму отрывка с небольшими расхождениями приводит М. Ланчи¹ и такую же форму мы встречаем на неизданных пока бронзовых предметах Эрмитажного собрания. Тот же Ланчи приводит и более краткий вариант, равный отрывку на рассматриваемом нами сосуде². Этот же вариант мы находим и у Лэн-Пуля, у которого однако стихи стоят не в том порядке, в каком они помещены на рассматриваемом сосуде³. Между тем, начертание надписи на последнем исключает иной порядок чтения, что подтверждается также отсутствием во второй строке рифмующего окончания, которое ниже восстанавливается. В таком чтении стихи приобретают по смыслу больше последовательности.

Текст:

لا زلت يا مالكي ما دمت في دعة * وانت من كل هم خالي البالي
ولا برحت مدا الايام في سعة * با نعم و مسترات [و افضالي]

Перевод:

Да не прекратишь ты, о мой Властитель, пребывать в покое, будучи свободным от всяких забот,
И да не перестанешь ты на протяжении всех дней (своих) жить в довольстве, при милостях, радостях [и изобилии]. . .

¹ M. Lanci. Trattato delle simboliche rappresentanze arabiche e della varia generazione de Musulmani caratteri, II, Parigi, 1846, p. 93.

² Ibid., p. 110, 207.

³ St. Lane-Poole. The Art of the Saracens in Egypt, London, 1886, p. 193.

Рис. 1. Общий вид чаши с греческой надписью

Рис. 2. Чаша с греческой надписью со стороны дна

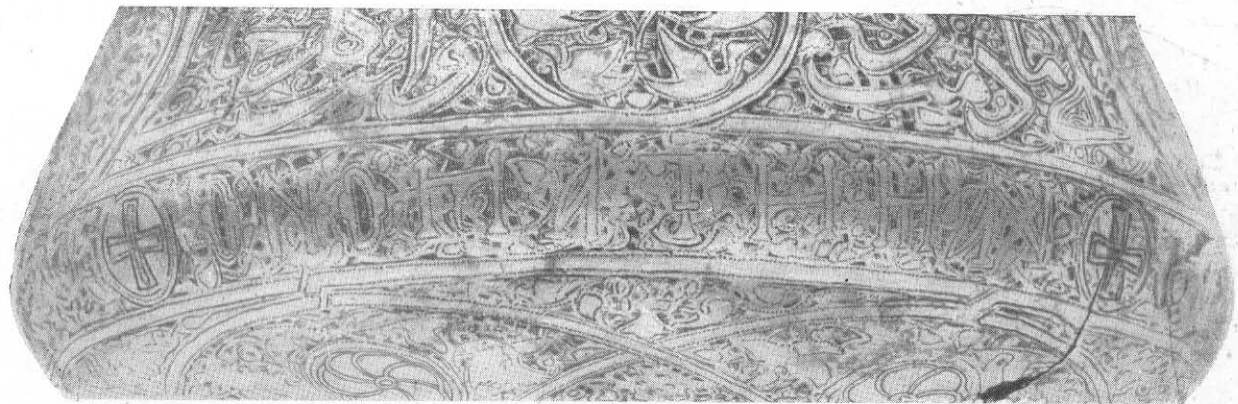

Рис. 3. Греческая надпись на чаше (деталь)

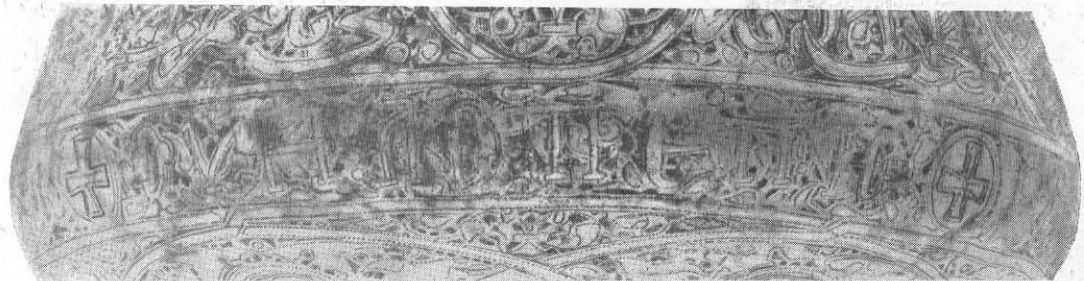

Рис. 4. Греческая надпись на чаше (деталь)

Рис. 5. Восточный сосуд с греческим клеймом с именем Иоанна

Рис. 6. Восточный сосуд с греческими клеймами с упоминанием „господи“

Рис. 7. Греческое клеймо на восточном сосуде

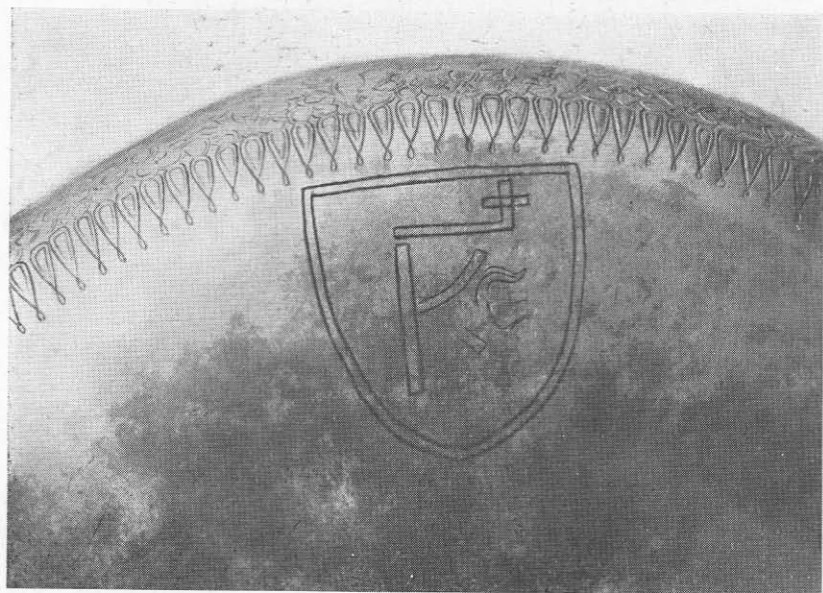

Рис. 8. Греческое клеймо на восточном сосуде

Рис. 9. Чаша кипрского короля Гюга IV Лузиньяна

Рис. 10. Обломок глиняного сосуда с изображением Христа.
Найден в Фустате (Египет)

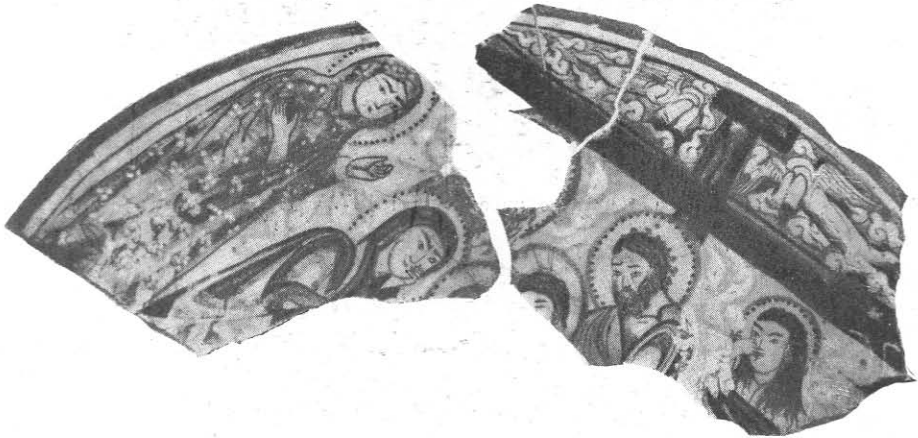
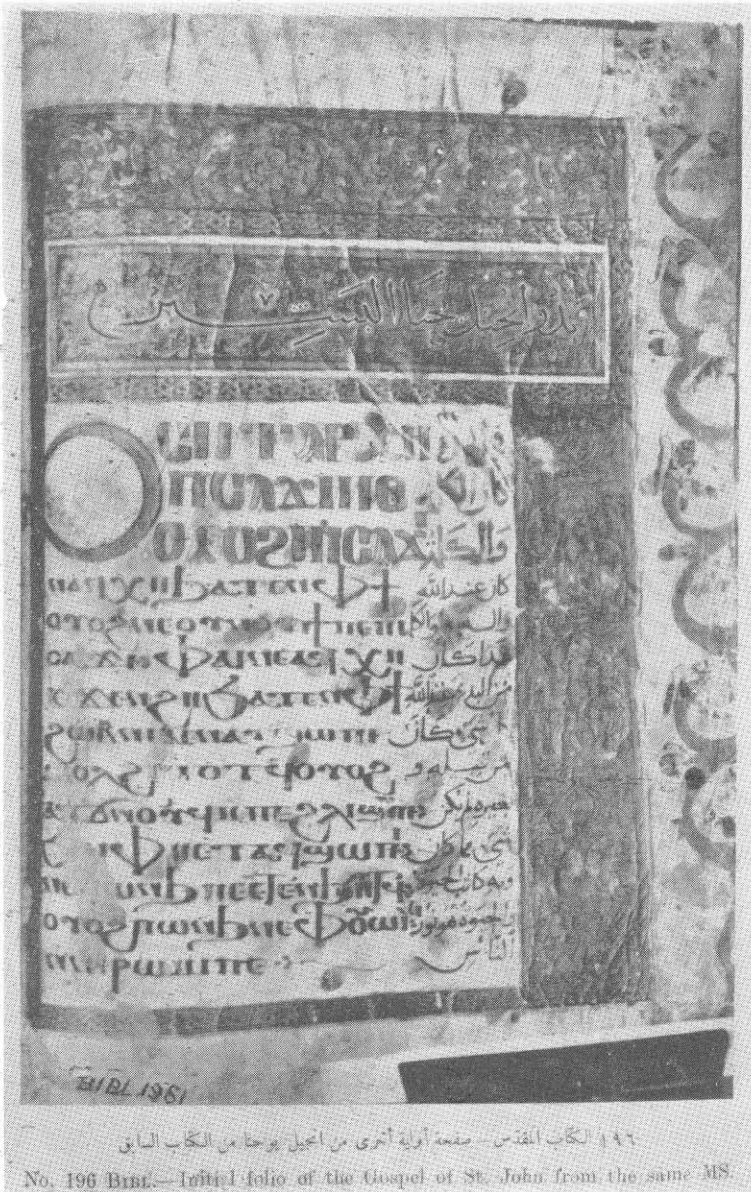

Рис. 11. Обломок глиняного сосуда с изображением „снятия со креста“.
Найден в Египте

Рис. 12. Миниатюра двуязычного евангелия (коптского и арабского) XIII в. Евангелист Марк

196 BVI. — Initial folio of the Gospel of St. John from the same MS.

Рис. 13. Заглавная страница двуязычного евангелия (коптского и арабского). XIII в.

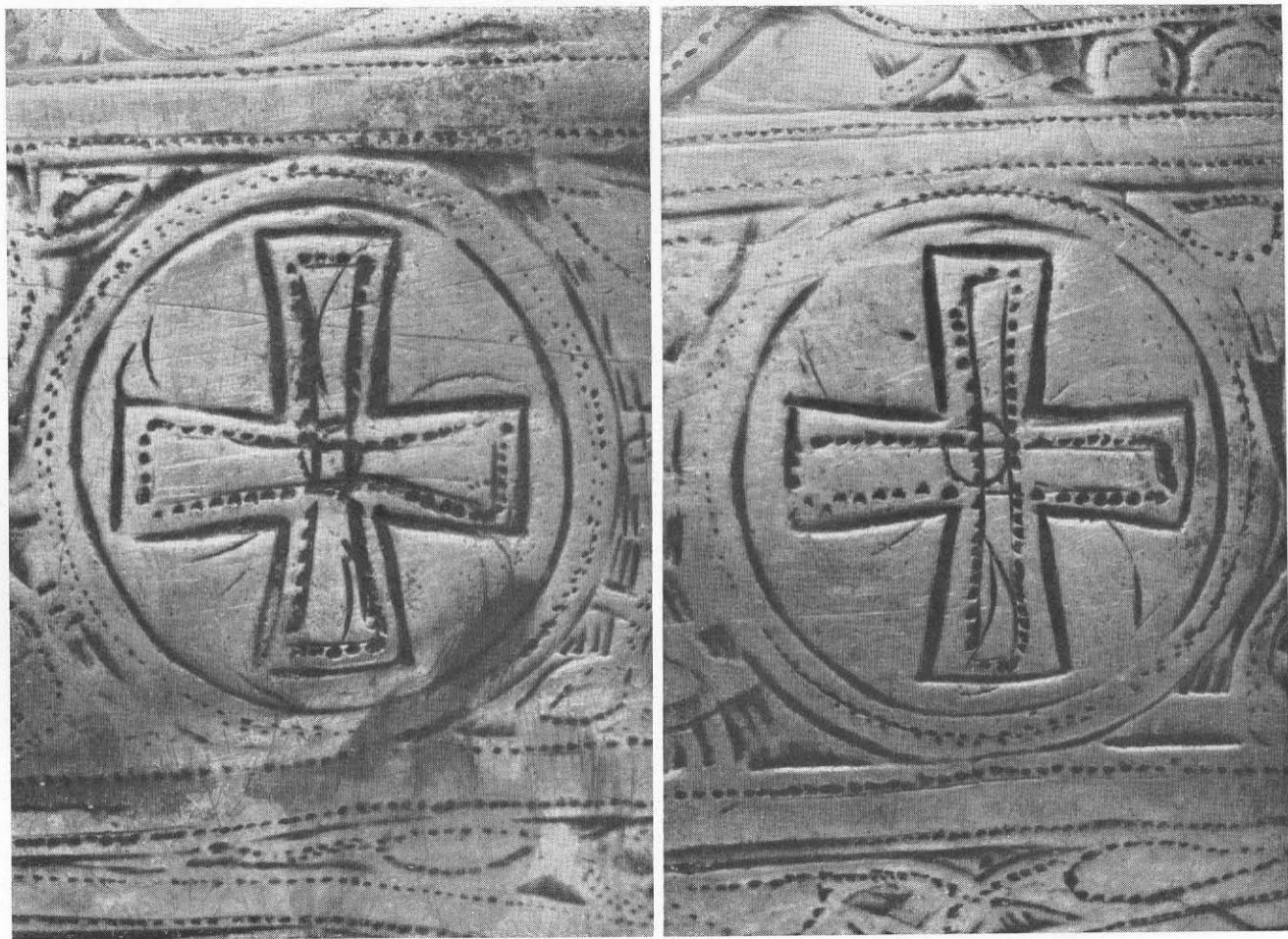

Рис. 14. Два вписанных в поясок кружка с изображением креста поверх первоначального рисунка розетки (увеличено)

К. Н. АФАНАСЬЕВ

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ХРАМА СВ. СОФИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Купол храма св. Софии в Константинополе (532—557) как в архитектурно-художественном, так и в техническом отношении является наиболее существенной и эффектной частью сооружения. Именно на куполе было сосредоточено все внимание зодчего. Это обстоятельство бесспорно дает нам основание при анализе построения архитектурной формы храма прежде всего обратить внимание именно на его купол. В куполе можно видеть исходную геометрическую форму, которая в последующем построении предопределила меру всех других частей сооружения.

Следуя естественному процессу строительства, мы начнем наше построение с плана и обратим внимание, прежде всего, на горизонтальную проекцию купола в плане сооружения.

Купол в плане очень близок к кругу. Имеющиеся отклонения, помимо вполне закономерных строительных „допусков“, должны быть объяснены многократными разрушениями и перестройкой купола, а также разного рода деформациями, которым подверглось сооружение за длительный срок его существования. По замыслу же купол сферический и в плане очерчивается окружностью.¹

Основание купола лежит на „кольце“, образованном смыкающимися грандиозными парусами-пандативами, передающими тяжесть купола на столбы. Диаметр этого „кольца“ равен 31,36 м.²

Если же принять во внимание размеры карнизика, идущего по этому кольцу и имеющего вынос, равный примерно 25 см, то мы получим диаметр „светового кольца“, диаметр как бы парящей над головой молящихся сферы, равный $31,34 - 2 \cdot 0,25 = 30,84$ м.

¹ Принятие теории Милле об эллиптическом основании купола храма св. Софии (G. Millet. La coupole primitive de st. Sophie. „Revue de Philologie et d'Histoire“, II, 1923) несколько осложнило бы наше рассуждение, однако не вошло бы с ним в противоречие, так как малый диаметр первоначального купола св. Софии, по теории Милле, все же приравнивался бы к диаметру сферического купола, принятого нами за исходный размер всех наших последующих построений.

² См. K. J. Conant. The First Dome of St. Sophia and its Rebuilding. „American Journal of Archaeology“, XLIII, 1939. Подробная таблица размеров купола храма Софии, а также пролетов всех четырех подружных арок приведена у E. Swift (Hagia Sophia, New York, 1940, p. 159), где размер диаметра первоначального купола храма указан равным 31,36 м. В настоящее время в результате полученных деформаций и перестроек купол имеет диаметр, равный в направлении восток—запад 31,24 м и в направлении север—юг 33,04 м

Небезинтересно сравнить купол храма св. Софии с куполами хотя бы некоторых других византийских храмов. Легко убедиться, например, в том, что купол храма св. Сергия и св. Вакха (527), или, точнее, диаметр окружности, вписанной в восьмиугольную сердцевину храма, равен примерно 15,40 м. Храм св. Ирины (740), расположенный в непосредственной близости от храма св. Софии, имеет диаметр купола его „светового кольца“, равный также 15,40 м.

Если сопоставить эти размеры с греческим олимпийским футом (πούς), равным 303 мм¹, то окажется, что диаметр купола св. Софии приравнялся к ста футам, купол храма св. Сергия и св. Вакха, а также и храма св. Ирины — к пятидесяти футам. Среди других византийских храмов можно встретить множество примеров такого размера диаметра главного купола, который выражен в округлом числе того же фута.

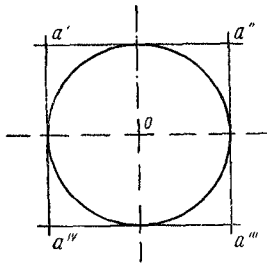

Рис. 1.

Например, диаметр купола церкви св. Андрея „в Суде“ VI в. (Каджа Мустафа-паша Джами) равен 20 греч. фут. (6,16 м), диаметр купола церкви св. апостолов Петра и Марка IX в. (Аттик Джами) — 15 греч. фут. (4,6 м), диаметр купола церкви Марии Панохранты монастыря Липса X в. (Фенари-Исса) — 12 греч. фут. (3,7 м), церкви Спасителя Пантеопта XI в. (Эски Имарет Меджиди) — 15 греч. фут. (4,6 м), церкви св. Иоанна в Труле XII в. (Ахмет паша-Меджиди) — 12 греч. фут. (3,7 м)² и т. п. Очевидно, в византийском храмостроительстве существовала устойчивая традиция, следуя которой, зодчий, приступавший к возведению храма, сравнивал его предполагаемые размеры с размерами уже существующих храмов, ориентируясь при этом на размер основного элемента сооружения — центрального купола.

Построение плана св. Софии Константинопольской мы начнем с квадрата ($a^I a^{II} a^{III} a^{IV}$), имеющего сторону, равную диаметру опорного кольца купола и описанного около круга, являющегося его горизонтальной пресекцией (рис. 1). Совершенно очевидно, что этому построению должно предшествовать определение как продольной, так и поперечной оси храма, должным образом ориентированных по странам света.

Границы всего храма, его длина и ширина определяются при помощи полудиagonали уже построенного нами квадрата ($o a^{II}$) и ($o a^{IV}$) (рис. 2) и с помощью диагоналей полуквадрата ($a^I a^{VI}$) и ($a^V a^{III}$). Если полудиagonаль ($o a^{II}$) мы повернем вокруг точки a^{II} , то сможем определить точку b^V , расположенную на внутренней стороне восточной стены храма (так же определяется положение и точки b^{VI}). Если же диагональ полуквадрата $a^I a^{VI}$ мы повернем около точки a^{VI} , то сможем определить точку b^{VIII} , расположенную на внутренней стороне северной стены храма. Это последнее построение есть не что иное как отношения так называемого „золотого сечения“, так как

$$\frac{b^{VIII} a^{III}}{a^{IV} a^{III}} = \frac{a^{IV} a^{III}}{b^{VIII} a^{IV}}.$$

¹ Размеры греческого фута, равного 0,30828 м, взяты нами из справочных таблиц, приложенных к комментариям, составленным В. П. Зубовым к десяти книгам о зодчестве Альберта (М., 1937, стр. 757). Те же размеры указаны и в других справочных изданиях.

² Эти данные, основанные на масштабном измерении чертежей, равно как и наименования памятников, приводятся у J. Ebersolt, A. Thiers. Les églises byzantines de Constantinople, Paris, 1913; A. Millingen. Byzantine Churches in Constantinople, London, 1912.

Подобное построение не является чем-то неповторимым и свойственным лишь одному храму св. Софии; мы можем его проследить и в плане других византийских храмов. Множественность примеров подобного рода делает их характерными для рабочего метода византийского зодчего.

Центры полукуполов храма св. Софии, имеющих тот же диаметр, что и главный купол (его опорное кольцо), размещены один от другого ($o^I o^{II}$) на расстоянии, равном диагонали половины подкупольного квадрата ($o^I o^{II} = a^I a^{VI}$) (рис. 3).

Южная и северная грани центрального звена плана несколько раздвинуты за пределы подкупольного квадрата, так что его ширина

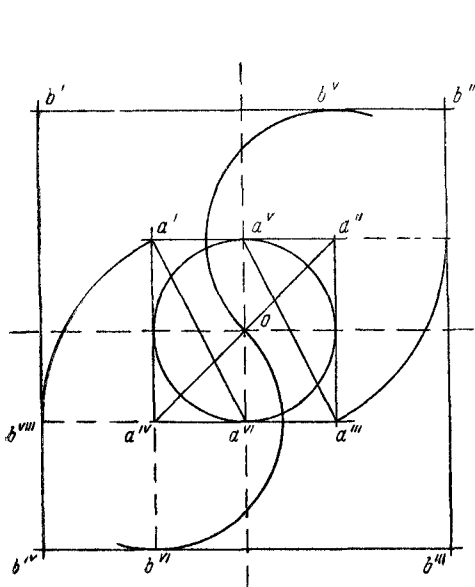

Рис. 2.

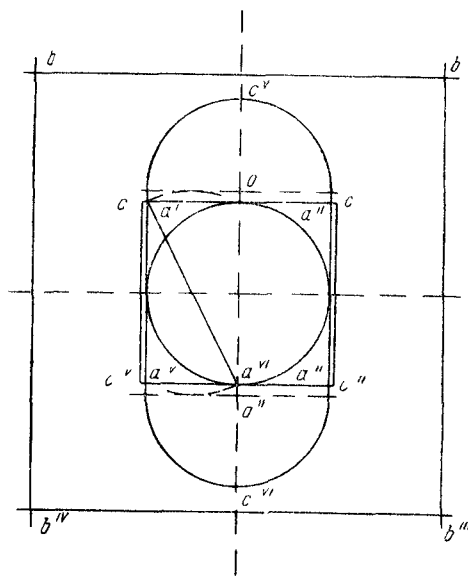

Рис. 3.

($c^I c^{II}$) оказалась равной половине общей длины всей подкупольной части плана ($c^I c^{II} = \frac{1}{2} c^V c^{VI}$; рис. 3). Следует заметить, что центральное звено храма ($c^I c^{II} c^{III} c^{IV}$) тем самым получает почти точно такое же отношение сторон, что и основной контур всего храма в целом ($b^I b^{II} b^{III} b^{IV}$; рис. 3), но повернуто своей большей стороной в поперечном, по отношению к продольной оси храма, направлении.

Алтарный проем в восточной части храма ($e^V e^{VI}$) и равный ему проем с запада, в котором разместился центральный вход, определены размером стороны квадрата ($e^I e^{II} e^{III} e^{IV}$), вписанного в полуокружие, которое представляет собой горизонтальную проекцию восточного или, соответственно, западного полукупола (рис. 4).

Большой размер центрального звена боковых нефов ($f^V f^{VI}$) приравнен, как мы видим на рис. 4, к стороне квадрата ($f^I f^{II} f^{III} f^{IV}$), вписанного в окружность, соответствующую горизонтальной проекции центрального купола, или, что то же самое, приравнен к половине диагонали подкупольного квадрата ($\frac{1}{2} a^I a^{III} = f^I f^{IV} = f^V f^{VI}$).

Восточные и западные звенья малых нефов по длине приравнены к $\frac{1}{4}$ части всей длины храма (на рис. 5 обозначены буквой А). Тем самым, попутно оказалась установленной толщина пилонов-контрфорсов (на рис. 5 обозначены буквой б).

Продольные, сквозные на всем протяжении храма части боковых нефов (равно и проемы в пилонах-контрфорсах) с внутренней стороны ограничены прямыми ($g^I g^I$ и $g^{II} g^{II}$), касательными к окружности, описанной вокруг подкупольного квадрата ($a^I a^{II} a^{III} a^{IV}$; рис. 5). Этот прием впоследствии получил широкое распространение как в византийской, так и в русской архитектуре и часто использовался для определения размеров центральных четырех столбов, несущих главный купол храма. С внешней стороны эти продольные, сквозные на всем протяжении храма части боковых нефов ограничены прямыми ($h^I h^I$ и $h^{II} h^{II}$), положение которых устанавливается при помощи радиуса большого купола

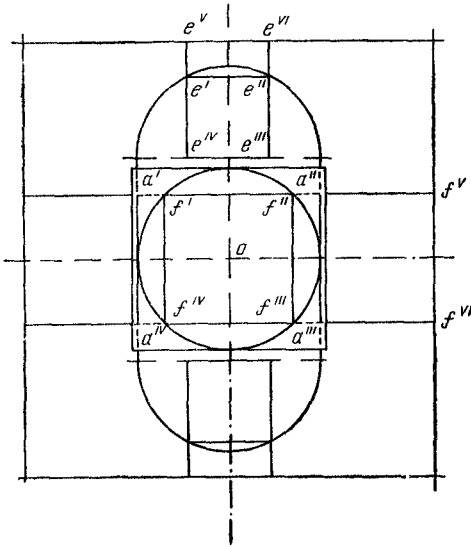

Рис. 4.

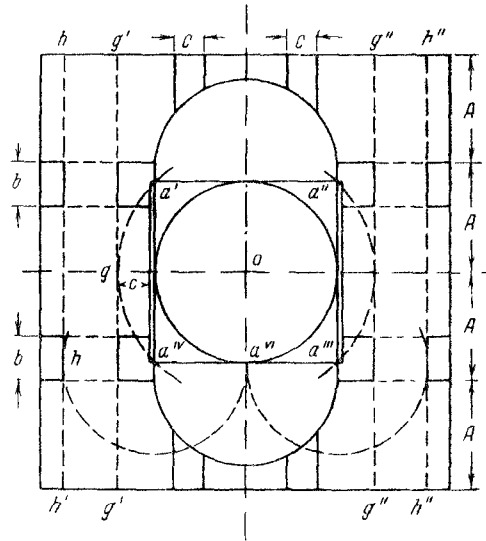

Рис. 5.

или полустороны подкупольного квадрата (см. рис. 5, где расстояние ha^{IV} приравнено к $a^{IV}a^{VI}$).

Четыре малые конхи, род экседр, перекрытые полукуполами, соответственно полуциркульные в плане, описываются из центров $o^{III} o^{IV} o^V o^{VI}$ радиусом, приравненным к размеру паруса в его горизонтальной проекции (рис. 6). Центры расположены на хордах, равных их диаметру.

Алтарная абсида очерчена тем же радиусом, что и четыре конхи. Глубина ее определяется положением вершины равностороннего треугольника (a^I к a^{II} ; рис. 6).

Толщина стен (l) как внутренних, так и наружных обусловлена (как видно на рис. 6) двойным циркульным построением из точек S^I и S^{II} радиусами, в сумме равными большому размеру центрального звена боковых нефов, при меньшем радиусе, равном ширине их продольной сквозной части. (Это построение может быть принято лишь условно, так как оно должно быть проверено при помощи натуральных обмеров.)

Боковые нефы храма по ширине (d) приравнены к половине ширины центрального нефа ($2d$; рис. 6). Причем, в связи с точным соответствием этому отношению наружные, северная и южная стены храма в местах, где стена не несет никакой нагрузки от перекрытий, сделаны тоньше. Тем самым малые нефы, правда, незначительно, но все же

выходят местами за границы установленных нами на рис. 2 основных соотношений храма, определивших все четыре его наружных стены.

Ширина храма, соответствующая относительно толстым стенам (l), обозначена на рис. 7 буквой m , ширина же, соответствующая стенам, имеющим меньшую толщину, обозначена буквой m' . И тот, и другой размеры, как мы видим, соответствуют различным построениям.

Положение столбов, поддерживающих свод малых нефов храма в продольном направлении, уже определилось прямыми $g^1 g^1$ и $h^1 h^1$ (рис. 5). В поперечном же направлении положение этих столбов (колонн) в среднем звене малых нефов определяется приведенным нами циркульным построением из точки S^1 (рис. 6 и рис. 7), повторенным соответственно четыре раза.

Крайние восточные и западные столбы малых нефов расположены так, что расстояние их от стен равно разнице между общей длиной и шириной храма (рис. 7). Другая же пара столбов крайних звеньев малых нефов отстоит от только что упомянутых нами столбов на расстояние, равное большому радиусу двойного циркульного построения, которое приведено нами на рис. 6 и обозначено на рис. 7 буквой r'' .

Оба нартекса (или паперти) по своему большому размеру приравнены удвоенному диаметру купола, или, — что то же самое, — удвоенной стороне подкупольного квадрата (рис. 7). Ширина его определяется тем же размером (стороной квадрата), отложенным от его западной границы (см. построение на рис. 7). Полная же ширина нартекса, без учета имеющихся на западной его стороне пилястров, приравнивается к ширине средней части малых нефов.

Оба нартекса в сумме равны по ширине проему западной входной арки храма, в которой размещен центральный вход. Полная же ширина первого, меньшего нартекса равна радиусу конх храма, или, — что то же самое, — размеру паруса главного купола в его горизонтальной проекции.

Если пренебречь построением отдельных второстепенных деталей (таких, как проемы дверей и окон), то имеется полное основание утверждать, что с помощью простейших геометрических методов мы можем последовательно, исходя из размеров главного купола, определить все размеры храма в плане.

Весьма вероятно, что дальнейшая работа над соразмерностями в плане храма св. Софии позволит еще более упростить и уточнить приведенные нами закономерности.

Теперь обратимся к построению разреза, к определению размеров храма по вертикали. При начертании плана мы пользовались такого рода геометрическими построениями, которые в том или ином виде воспроизводились, или могли быть воспроизведенными, на выравненной площадке, при разбивке сооружения в натуре. Производи же,

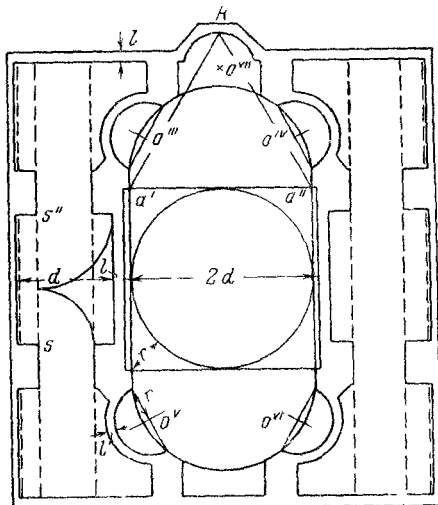

Рис. 6.

при возведении стен и сводов, какие бы то ни было построения в пространстве крайне затруднительно. Исходя из этого, чисто практического соображения, мы должны при построении разреза сооружения отдать предпочтение упрощенным методам построения и не злоупотреблять иррациональными соотношениями.

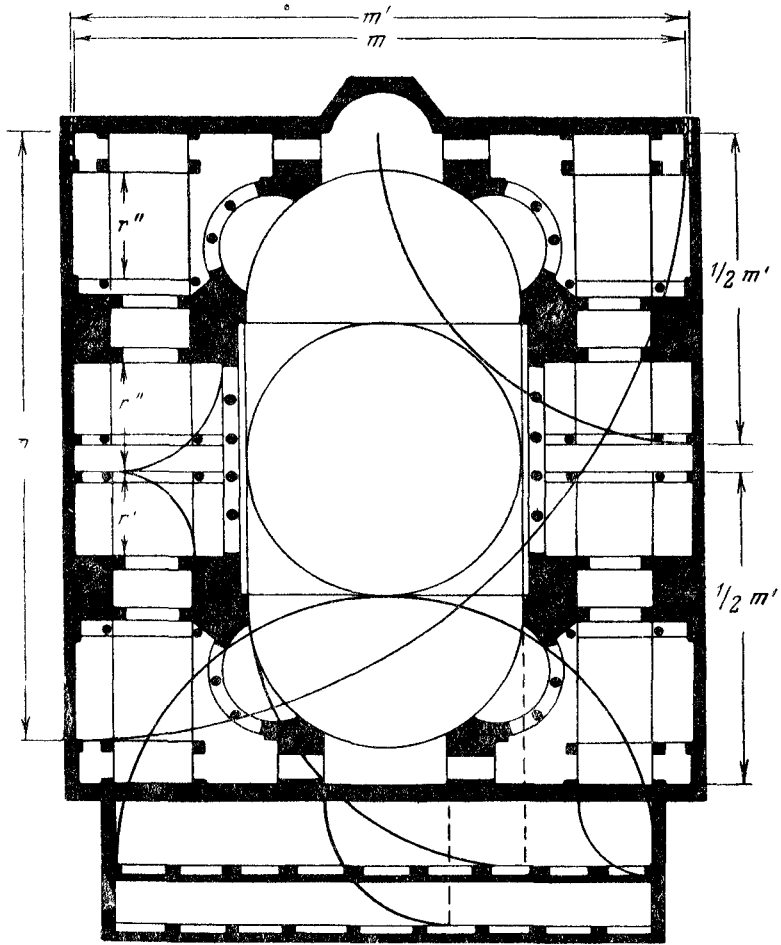

Рис. 7.

При составлении плана сооружения, его разбивке и закладке фундаментов происходит „рождение“ постройки, как говорит Барбаро, комментируя Витрувия¹. Изображение же фасада или внутреннего вида здания, показывающее высоту сооружения, соответствует уже росту родившегося в виде плана сооружения; оно должно отвечать плану, ибо вещь рождающаяся и вещь растущая суть одно и то же.

Это суждение означает, что при построении вертикальных размеров сооружения приходится искать им соответствия в размерностях плана.

¹ Десять книг об архитектуре Витрувия с комментарием Даниеле Барбаро. Изд. Всес. академии архитектуры, М., 1938, стр. 29—30.

Первоначальный купол св. Софии утрачен. Купол, существующий в настоящее время, имеет уже другую форму. Поэтому судить о полной высоте храма и соответствии этой высоты плану сооружения следует в том случае, когда встанут вопросы его реконструкции. Здесь же мы ограничимся сопоставлением высоты основания главного купола (а не полной его высоты) с размерами в плане того пространства, которое он перекрывает.

Как мы и предполагали, это соотношение является простейшим, отнюдь не иррациональным, и легко поддающимся элементарному расчету. Оно равно отношению $4:3$ — соотношению катетов в простейшем целочисленном прямоугольном треугольнике.

Определение высоты, на которой расположено основание главного купола, в известной мере предопределяет и общую высоту храма¹.

Вторым важнейшим размером в разрезе храма является высота, на которой покоятся пяты подпружных арок, основание восточного и западного полукуполов, а также полукуполов, перекрывающих малые абсиды (или конхи), и основания алтарного и соответственно входного сводов. Все эти арки и своды расположены на одной и той же высоте. Определить эту высоту — значит указать все основные размеры храма по высоте в его центральной части.

Как мы видим на рис. 8, пяты подпружных арок (а равно и других чересчисленных сводов и полукуполов) покоятся на высоте, которая отнесется к их пролету, как $3:4$. Эти цифры имеют в данном случае ту особенность, что обуславливают отношение полной высоты арки к ее проему, равное $5:4$. Быть может, эта своеобразная особенность явилась причиной широкого использования этого отношения при конструировании арок как до, так и после эпохи строительства храма св. Софии.

Двухъярусная структура продольных малых нефов получила свое архитектурное выражение в виде двух карнизных тяг, опоясывающих храм изнутри. Положение верхнего карниза определяется отношением, в котором он членит полную высоту храма, взятую до основания главного купола. Это отношение равно $5:4$ (рис. 9). Промежуточный карниз, в свою очередь, членит высоту, на которой расположен верхний карниз, в отношении $4:3$.

Эти немногие соотношения определяют собой все главные размеры сооружения по высоте.

Необходимо еще отметить, что пяты сводов, перекрывающих нартексы, расположены на высоте, равной соответственно полной ширине одного и другого нартекса (рис. 9).

Хоры, расположенные над нартексом, перекрыты таким образом, что полная высота помещения до шалыги свода равна его ширине (рис. 9).

¹ Сравнивая такой метод простейших кратных сопоставлений размеров плана и высоты сооружения с теми трудностями, которые возникают при иррациональных отношениях, полезно вспомнить случай, связанный с историей возведения Миланского собора. Его разрез построен в своей основе на соотношении высоты и стороны равностороннего треугольника, т. е. на иррациональном соотношении. Необходимость исчислить высоту сооружения заставила строителей обратиться за специальной помощью математика, который лишь после кропотливого изучения проблемы предложил свое, в достаточной мере удобное решение (см. E. Panofsky. An Explanation on Stornaloco's formula. „Art Bulletin“, 1945, vol. 27). Этот пример, хотя и относится к иной исторической эпохе, уместен в данном случае просто потому, что для той и другой эпохи расчет иррациональных размеров представлял одни и те же трудности.

Из этого анализа ясно, что высота всех помещений храма сопоставляется непосредственно, без всяких промежуточных геометрических построений, с размерностями плана.

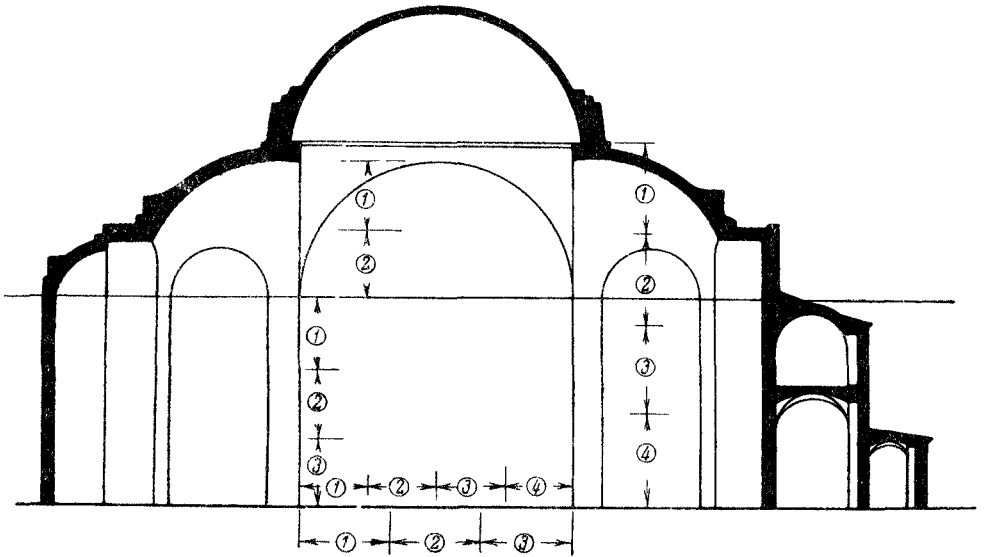

Рис. 8.

Таким способом мы можем исчерпывающим образом построить, следуя определенным методологическим предпосылкам, основные размеры храма св. Софии.

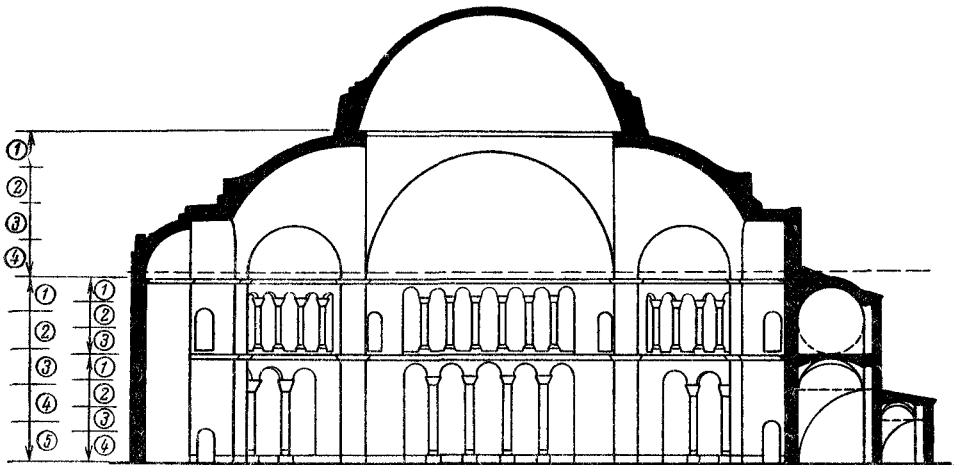

Рис. 9.

Истоки византийского искусства теряются в так называемом „древнехристианском“, которое исследователи правильно рассматривают как последний этап в развитии собственно античного искусства. Поэтому нельзя, разрабатывая методологию геометрического построения архитектурной формы в византийской архитектуре, пройти мимо свидетельства Витрувия, который говорит (1.2.2): „Ихнография есть надле-

жащее и последовательное применение циркуля и линейки для получения очертаний плана на поверхности земли"; „орфография же есть вертикальное изображение фасада и картина внешнего вида будущего здания“. И далее (1.2.4): „... соразмерность есть стройная гармония отдельных членов самого сооружения и соответствие отдельных частей и всего целого одной определенной части, принятой за исходную“.

Основываясь на этих строках Витрувия, мы не без основания полагаем, что в своей работе занимались ихнографией и орфографией храма св. Софии, принимая за исходную часть диаметр его купола. В этой работе мы не пытались объяснить причины использования зодчим тех или иных соотношений. Чтобы решить подобную задачу, необходимо, не ограничиваясь одним, хотя бы и важнейшим храмом, изучить и провести всесторонний анализ ряда византийских памятников и не только византийских, но и множества иных сооружений эллинистического мира, в котором крепко держались традиции греческой образованности и искусства.

Эта статья является попыткой осветить чрезвычайно важный, но, к сожалению, запущенный раздел теории архитектуры, ибо вопросам геометрического построения архитектурной формы уделяется по сей день слишком мало внимания. А между тем подобный анализ памятников архитектуры может послужить источником новых сведений по истории искусства и средневековой культуры.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О БОРЬБЕ ДЕМОВ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

(Критический обзор)

Вопрос о роли и значении цирковых партий в Византии имеет чрезвычайно большое значение, ибо в борьбе цирковых партий и демов отражалась острая классовая борьба, протекавшая в Византии в V—VII вв., т. е. в то время, когда старая рабовладельческая система отношений с боем уступала место новой общественно-экономической формации. Буржуазные историки, которые рассматривали отдельные явления истории Византии вне общей связи с экономическими и социальными проблемами, не могли решить вопроса о цирковых партиях и демах, и, в частности, выяснить социальный смысл движения демов на рубеже VI и VII вв.

От ошибочного представления А. Рамбо о демах, как об организациях чисто спортивного характера¹, наука освободилась благодаря исследованию Ф. И. Успенского². Русский ученый первый указал на неправильность взгляда А. Рамбо и привел данные, доказывавшие, что демы имели характер народной организации.

Главные положения Ф. И. Успенского стали исходными для исследования С. Манойловича, труд которого „Народ Константинополя в период от 400 до 800 гг.“ хотя и появился еще в 1904 г., но более широкую известность получил лишь много лет спустя, когда на страницах журнала „Byzantion“ был опубликован его французский перевод³.

Главная часть работы С. Манойловича посвящена анализу отдельных сведений источников о демах, их истолкованию и полемике с авторами, занимавшимися до него этими вопросами. Вызывает, однако, удивление, что труд Ф. И. Успенского упомянут в исследовании лишь трижды: один раз по случайному поводу (стр. 671) и дважды с полемической целью (стр. 628 и 651).

Работе С. Манойловича предпослано введение; следующая за ним первая глава „Ипподром, демы и демоты“ содержит доказательство того, что демы являлись корпорациями, в которые было организовано городское население. Демотами называли тех из членов демов, которые носили оружие и в некоторых случаях участвовали в защите

¹ A. Rambaud. De byzantino hippodromo et circensibus factionibus, Paris, 1870.

² Ф. И. Успенский. Партии цирка и димы в Константинополе. „Византийский временник“, т. I, 1894, стр. 1—16.

³ S. Manoulovitch. Le peuple de Constantinople de 400 à 800 après J. c., „Byzantion“, t. XI, 2, 1936, pp. 617—716.

городов от нападения внешних врагов. Автор справедливо опровергает неправильный взгляд А. Рамбо на демы, как чисто спортивные организации, в чем он следует упомянутой статье Ф. И. Успенского, хотя и не дает на нее ссылок.

Вторая глава „Объединение вооруженного народа для отражения нападения Завергана в 558—559 гг.“ посвящена рассмотрению этого эпизода и специально — анализу выражения хроники Феофана ἐδημιόβετε¹. С. Манойлович полагает, что это выражение означает „записать в состав демов“, т. е. в состав кадров городской милиции (стр. 628).

В третьей главе автор приводит другие данные, свидетельствующие об участии народа в войнах, и отвечает на вопрос, „когда был впервые вооружен народ“, т. е. демоты. Ответ этот гласит — в 378 г., при императоре Валенте (стр. 633).

В четвертой главе автор устанавливает, что „партии (τὰ μέρη) демоса находятся в связи с ипподромом, но тем не менее составляют в действительности народ Константинополя, с его социальными и политическими стремлениями“ (стр. 634). Зрители ипподрома не произвольно примыкают к партии того или другого цвета, а включаются в эти группы по признаку профессии или класса (стр. 643). Необходимо сразу же оговорить, что социальные категории для С. Манойловича совершенно неясны, — он не может их определить с необходимой точностью.

В пятой главе автор приходит к выводу, что „голубые и зеленые населяют разные кварталы и разные части окрестностей Константинополя. Зеленые происходят из низших классов, голубые из высших“ (стр. 644). С. Манойлович попытался поставить вопрос о социальном различии партий венетов и прасинов, однако данное им решение этого вопроса не выдерживает никакой критики. Разделение, предложенное С. Манойловичем, примитивно, строится на случайных признаках и не соответствует действительному положению голубых и зеленых. Автор неоднократно возвращается к вопросу о месте жительства этих групп, считая это обстоятельство важным моментом для определения их классовой принадлежности, однако он несомненно переоценивает значение топографического признака.

В следующей, шестой главе автор связывает вопрос о константинопольском „народе“ с вопросом о православии и монофизитстве (стр. 664—665). Переоценка религиозного момента здесь очевидна.

В седьмой главе автор уделяет главное внимание вопросу о демократизации театра и его связи с народом, а также вопросу о материальных расходах, которые требовались от населения на содержание театра.

Автор указывает на различие между характером театра и составом его посетителей греко-римского времени и позднейшего христианского, т. е. византийского периода (стр. 665—670). Далее С. Манойлович указывает, что не весь народ был организован в демы, что в городах было достаточное количество неорганизованного населения (стр. 671). „Народ имеет значительное влияние на крупные политические изменения, проявляет свою волю и вызывает революцию“, — утверждает С. Манойлович в восьмой главе (стр. 673). Он дает анализ ряда исторических событий, указывая всякий раз на участие в них венетов или прасинов. Рассматривая события, связанные с падением императора Маврикия, он останавливается на роли демов. Но никак нельзя

¹ Theoph. Chronogr. ed. C. de Boor, I, p. 233.

согласиться с его трактовкой событий времени Константина V, где источник упоминает лишь об участии в этих событиях *δουλοῦ*а, но не демонов.

В девятой главе автор утверждает, что „константинопольский народ был конституционной силой империи“ (стр. 687), что ему принадлежало право смещать и назначать императора (стр. 688). Император не имел полной свободы действий, он должен был считаться с общественным мнением и, следовательно, был в „контакте со своим народом“ (стр. 716). На самом деле никаких „конституционных прав“ константинопольское население не имело, как и права назначать и смещать императора. Но в борьбе за свои интересы народ объединялся и наступал на класс эксплуататоров.

Подводя итоги, С. Манойлович утверждает, что народ городов восточных провинций и Константинополя был наследником эллинистических традиций (стр. 710).

По мнению автора, вены и прасины представляют не только две различные социальные группировки, но и „топографические“ понятия (стр. 712). В согласии с Ф. И. Успенским автор указывает, что в X в. значение демонов невелико — это лишь остатки их прежнего величия (стр. 713).

„Конституционные права“ народа, по мнению автора, не подлежат сомнению, как и то, что к концу VII в. они были укреплены рядом формальностей и церемоний (стр. 716).

Поставив вопрос о социальном характере демонов, С. Манойлович оказался не в состоянии разрешить эту важную проблему, сведя в конечном счете социальные различия цирковых партий к топографическим. Одна из основных проблем социальной истории ранней Византии не получила разрешения в связи с методологической ограниченностью автора.

Статья И. Янсенса¹, помещенная в том же номере „Byzantion“, что и перевод работы С. Манойловича, озаглавлена „Вены и прасины при Маврикии, Фоке и Ираклии“. Автор находится под влиянием упомянутой работы С. Манойловича и лишь комментирует основные положения последнего. Анализ участия демонов в тех или иных событиях подменяется в статье И. Янсенса поверхностным описанием их действий. Если у С. Манойловича имеется некоторый интерес и внимание к социальным вопросам, то в работе И. Янсенса его совсем нет. Приводимые автором объяснения событий наивны, а ряд явлений остается без всякого объяснения. Так, например, причины и смысл обострения борьбы демонов в конце VI и начале VII вв. остались необъясненными. Решение этого вопроса возможно лишь на основе изучения основных проблем социально-экономической истории и классовой борьбы этого времени.

В связи с работой И. Янсенса встал вопрос о том, к какой партии принадлежал и чьей поддержкой пользовался император Маврикий. И. Янсенса считала, что это были прасины. Ф. Дельгер полагал, что Маврикий был связан с голубыми². А. Грегуар также занимался вопросом о политических и религиозных взглядах Маврикия, которого он считал монофизитом и „зеленым“³. Фоку А. Грегуар рассматривал,

¹ Janssens. Les Bleues et les Verts sous Maurice, Phocas et Heraclius. „Byzantion“, t. XI, 1936, p. 499—536.

² F. Dölger. „Byzantinische Zeitschrift“, B. XXXVIII, 1938, S. 526—527.

³ H. Grégoire. Maurice le Marcioniste, empereur arménien et „vert“. „Byzantion“, t. XIII, 1938, p. 395—396.

как сторонника голубых, тогда как хорошо известно, что именно Фоку поддержали при его выдвижении на престол прасины.

Таким образом и в этом отношении статья И. Янсенса в основных своих положениях не выдерживает критики: взгляды автора не обоснованы данными источниками.

Ф. Дворник в статье, рассматривающей положение цирковых партий, „их развитие и подавление“¹, утверждает, что в ранней Византийской империи народ имел большие возможности высказывать свое мнение по поводу вступления на престол того или другого императора; мнение народа выражали якобы цирковые партии. Значительное место, по мнению автора, занимал в государстве сенат, оказывая влияние на все дела. Вселенские соборы Дворник рассматривает, как клерикальный сенат, который пользуется большей независимостью, чем гражданский сенат (стр. 121).

В остальных вопросах Ф. Дворник не является оригинальным, утверждая, в частности, что голубые были аристократическим консервативным элементом, а зеленые, которых поддерживали ремесленники и крестьяне, составляли демократию (стр. 124). Такая точка зрения является более примитивной и поверхностной, чем взгляд С. Манойловича, правильно считавшего, что в состав дема входили разнородные социальные элементы.

Ф. Дворник, как и его предшественники, связывает цирковые партии с различными религиозными течениями, которые брали верх, в зависимости от победы той или иной партии (стр. 125).

Не оригинальна в работе Ф. Дворника и характеристика взаимоотношений византийских императоров с партиями цирка; эти отношения он ставит в прямую зависимость от религиозных симпатий императоров. Маврикия он связывает с венетами (стр. 128). При Ираклии, по его мнению, борьба партий затихает, что Ф. Дворник готов объяснить то ли объединением всех сил перед общей опасностью, то ли тем, что Ираклий, „солдат на троне“, привел цирковые партии к повиновению (стр. 129). По мнению автора, значение цирковых партий с этого времени было утрачено, а связь Константа II (642—668) с партиями уже не имели прежнего значения.

Некоторые основания имеются и для высказанного в статье предположения, что Лев III Исавр покончил с политической организацией демов (стр. 131, 133). Положения партий в последующее время Ф. Дворник уже не затрагивает.

Совершенно на иной и единственно научной методологической основе вопрос о демах разрабатывается лишь историками-марксистами, для которых несомненным является классовый характер борьбы демов. Исследования советских ученых поставили и по-новому разрешили проблему, которая в течение многих десятилетий не находила правильного решения.

Статья покойного профессора А. П. Дьяконова „Византийские димы и факции (τὰ μέρη) в V—VII вв.“ была опубликована в 1945 г. в „Византийском сборнике“.

Как показал А. П. Дьяконов, центром организации демов являлись кварталы — гейтонии, причем демоты, составлявшие сравнительно небольшую часть населения, противопоставлялись византийскими авторами неорганизованной массе (ὄχλος) (стр. 156—157).

¹ F. Dvornik. The circus parties in Byzantium, their evolution and their suppression. „Byzantina — Metabyzantina“, t. I, 1, New York, 1946.

Подробно останавливается А. П. Дьяконов на вопросе о зачислении новых членов в демы, отмечая существование известий о списках (хартии, представленные императору Маврикию в 602 г.), включавших только военнообязанных демотов¹. А. П. Дьяконов переходит далее к вопросу о старейшинах демов (стр. 158), указывает, что демы были подчинены епарху и ночному епарху (стр. 160), отмечает связь демов с местным культом, первоначально с языческим храмом, а позднее — с христианским (стр. 162).

А. П. Дьяконов освещает также вопрос о корнях организации демов. По его мнению, византийские демы представляли собою учреждение, непосредственно развившееся из античных и эллинистических демов, т. е. территориальных общин (стр. 150).

Во второй части работы А. П. Дьяконов останавливается на рассмотрении происхождения и организации факций (*τὰ μέρη*), т. е. цирковых партий. По мнению автора, эти спортивные организации, на которых лежала материальная забота об ипподроме и ристаниях, „возникли на ипподроме“, ибо само их наименование (*τὰ μέρη*) обозначает участки амфитеатра (стр. 179). При этом А. П. Дьяконов высказывает предположение, что система четырех факций (прасины, венеты, русии и левки) возникла в Антиохии (стр. 181). Это представление об искусственном введении системы четырех факций в столице противоречит известиям о распространенности этой организации и ее тесной связи с кварталами.

Факции, будучи спортивными организациями, объединяли в то же время демы и представляли собою единственные широкие объединения демов. Поэтому они были использованы демами для политической борьбы (стр. 187).

Справедливо А. П. Дьяконов придает большое значение социальному составу демов и факций. А. П. Дьяконов исходит из распределения факций по кварталам, примыкая в этом вопросе к С. Манойловичу и лишь уточняя его отдельные выводы (стр. 190, прим. 2). Он приходит к заключению, что гейтонии венетов находились в старом городе и его предместьях, а гейтонии прасинов — за стеной старого города, в городе Константина. На основании этого А. П. Дьяконов считает возможным утверждать, что гейтонии венетов были населены „старыми византийцами“, землевладельцами, аристократами и их „клиентами“. В городе Константина население было новое: здесь, где располагались главные рынки и многочисленные эргастерии, преобладающее население составляли „купцы и рабочие“ (стр. 190, 195—последний термин, разумеется, неудачен).

А. П. Дьяконов, критикуя С. Манойловича, показывает, что венетов нельзя отождествлять с „высшими классами“, а прасинов — с „низшими“ (стр. 145 и 192): состав каждой факции был сложным и в пределах одной и той же факции имели место социальные противоречия.

А. П. Дьяконов стремится, далее, выяснить экономические, политические и религиозные противоречия, которые существовали между представителями верхушки обеих факций, после чего переходит к характеристике междоусобий факций и восстаний демов. При этом, отвергая положение С. Манойловича, он правильно указывает, что все движения демов не могут быть сведены под одну рубрику борьбы „низших

¹ Немногочисленность имен в этих списках (1500 прасинов и 900 венетов) может быть отнесена не за счет вооруженной части демов — демотов; возможно, что эти списки включали лишь состоятельную верхушку демов.

„классов“ (прасинов) против „высших классов“ (венетов) (стр. 203). Особое внимание А. П. Дьяконов уделяет совместным выступлениям рядовых членов демов против правительства, против господствующих классов (стр. 206—207). В заключение А. П. Дьяконов останавливается на характеристике отношения отдельных императоров V—VII вв. к факциям.

Богатая содержанием, статья А. П. Дьяконова внесла много нового в вопрос о факциях и демах. Но нельзя согласиться с тем, что А. П. Дьяконов характеризует политический строй Византийской империи как „своеобразное сочетание трех конституционных факторов: монархии, аристократии... собрания димов“ (стр. 171); он говорит в то же время и о „конституционной силе“ демов. А. П. Дьяконов утверждает даже, что византийские императоры видели в демах источник своей власти (стр. 174). Таким образом, государству дается неправильная чисто формальная, юридическая характеристика.

Экономические и политические противоречия между факциями и в пределах их не были вскрыты А. П. Дьяконовым с достаточной ясностью (стр. 199—200); не удалось ему показать и классовые корни идеологической борьбы между православием и монофизитством (стр. 200—201): разумеется, проблема борьбы между православием и монофизитством не исчерпывается противопоставлением „греческих“ провинций „восточным“.

Чисто внешние поводы, которые А. П. Дьяконов указывает в качестве причин восстаний демов (стр. 212—213), не дают представления о подлинных социальных противоречиях, породивших эту ожесточенную борьбу. Наконец, А. П. Дьяконов переоценил роль столицы в политической жизни страны и придал чрезмерно большое значение ориентации императоров на венетов или прасинов. На самом же деле направление политики византийских императоров зависело не от ориентации на ту или иную цирковую партию, не от склонности императора к монофизитству или диофизитству, а от совокупности экономических, социальных и политических причин.

М. В. Левченко, привлекая некоторые новые материалы, развил основные положения статьи А. П. Дьяконова¹. Интересна четкая характеристика, данная М. В. Левченко борьбе демов и цирковых партий, которая была „сложна и многообразна“. „Основной линией борьбы“ М. В. Левченко считает борьбу „между народными массами и распадавшейся на две группы верхушкой общества“ (стр. 176). М. В. Левченко указывает на известную политическую роль партий венетов в конце VII в.

Вопрос о характере движения демов был по-новому поставлен пишущей эти строки в монографии „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.“ (1946), в которой развита мысль о том, что в рассматриваемый период имел место кризис рабовладельческой системы производства в Византии, разрушались основные устои прежней общественной жизни. Происходившее в это время движение демов было сильно тем, что к нему присоединялись восставшие городские низы, колоны, рабы, которые спланивались в наиболее острые моменты классовой борьбы и совместно выступали против эксплуататоров. Автор монографии „Византия и Иран“ применила на конкретном историческом материале гениально сформулированное И. В. Сталиным положение, что „изменения производственных

¹ М. В. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. „Византийский временник“, т. I, 1947, стр. 164—183.

отношений и переход от старых производственных отношений к новым“ происходят „обычно путем революционного свержения старых производственных отношений и утверждения новых“¹.

Н. В. Пиулевская

„ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО“ СОВРЕМЕННОГО БУРЖУАЗНОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

Обзор сборника *Byzantium, An Introduction to East Rome Civilization*, edited by Norman H. Baynes and W. St. L. B. Moss, Oxford, At the Clarendon Press, 1948.

В зарубежной исторической литературе можно наблюдать резко возрастающий с конца XIX в. интерес к проблемам византиноведения. При этом установившиеся в современном буржуазном византиноведении воззрения коренным образом отличаются от старых взглядов Гиббона в том отношении, что византийское государство уже не подвергается осуждению с позиций либерального антиклерикализма, но наоборот — всячески идеализируется. Так, например, французский историк Л. Брейе в самом начале своей книги „Жизнь и гибель Византии“ прежде всего подчеркивает огромное значение этого государства, состоящее, по его мнению, в том, что оно спасло античную цивилизацию и защитило Европу от варварских вторжений с востока².

Этот интерес к истории Византийской империи и ее идеализация объясняются рядом причин социально-политического порядка. В советской историографии давно уже было отмечено, что интерес к проблемам византиноведения в буржуазной исторической науке теснейшим образом связан с нарастанием реакционности буржуазной историографии эпохи империализма, в связи с чем Византия стала привлекать внимание идеологов господствующего класса как сильное централизованное государство, располагавшее значительными возможностями для подавления сопротивления трудящихся масс³. Повышение интереса к истории Византии в буржуазной медиэвистике происходило параллельно тому, как в историографии античности внимание историков переключалось с Афинской демократической республики на эпоху эл-

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме. Вопросы ленинизма, 11 изд., стр. 561.

² L. Bréhier. *Vie et mort de Byzance*, Paris, 1947, p. 1. Критический разбор воззрений Л. Брейе см. у З. В. Удальцовой, „Византийский временник“, т. II, 1949, стр. 337 и сл.

³ З. В. Удальцова. Рецензия на книгу Л. Брейе, „Византийский временник“, т. II, 1949; М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. „Уч. зап. Свердл. гос. пед. ин-та“, VI, 1949; А. П. Каждан. Рецензия на работу Д. Ангелова. „Византийский временник“, т. III, 1950.

Начало идеализации византийского политического строя было положено французским публицистом А. Пайаром в книге, вышедшей в свет вскоре после Парижской коммуны. Пайар подчеркивал неизменность тех политических принципов, на которых строилась византийская государственность и которые он видел в сочетании монархического принципа с „суверенностью народа (!), выражавшейся в голо-совании или одобрении“ (A. Paillard. *Histoire de la transmission du pouvoir impérial à Rome et à Constantinople*, Paris, 1875, p. 331 ss.). Политический смысл концепции А. Пайара — идеализацию режима Наполеона III — правильно вскрыл еще русский историк П. В. Безобразов в рецензии на книгу В. М. Грибовского „Народ и власть в Византийском государстве“, ЖМНП, ч. 319, 1898, стр. 425.

линизма и на Позднюю Римскую империю. Обе эти тенденции в буржуазной историографии знаменовали собою усиление ее реакционности.

К этому обстоятельству следует добавить некоторые дополнительные моменты. Византийское государство рассматривается в современной буржуазной историографии, следующей в основном концепции Дм. Бьюри, как государство, продолжившее традиции Римской империи, как государство, правители которого сумели преодолеть кризис, охвативший империю в III в. (исключение составляет концепция А. Тойнби, видящего в византийском „абсолютизме“ результат политических событий VII—VIII вв., христианскую реакцию на арабские вторжения). Всячески подчеркивая сохранение в Византии старых порядков, старой экономики и старых общественных отношений, римского права и античных традиций, буржуазная историография старается представить исторический процесс протекающим без катаклизмов и революций, путем медленного и постепенного развития отдельных общественных институтов.

Немалую роль в усилении интереса буржуазных историков к проблемам византиноведения сыграло, по откровенному и циничному признанию А. Грегуара, пристальное внимание правительств капиталистических стран и в первую очередь — США к проливам, которые А. Грегуар призывает „защитить“ от новой опасности с востока¹. Иначе говоря, интерес к истории Византии стимулируется в настоящее время потребностями американской агрессии.

Наконец, в самое последнее время американские историки стали очень решительно выступать против той концепции, которая в течение длительного времени служила краеугольным камнем всех построений их западноевропейских коллег в области истории средневековья — здесь имеется в виду теория европоцентризма, т. е. представление о том, что Западная Европа всегда была центром исторического развития. Особенно резкой критике европоцентризм подвергся в недавно вышедшей работе американского профессора Дж. Ла Монта „Средневековый мир“, автор которой утверждает, что средневековая история, подобно античной, имела свой центр „не в западной Европе, но в бассейне Средиземного моря“. По мнению Ла Монта, последовательно проведенному в его книге, до середины XI в. Римская империя с ее столицей Константинополем оставалась главнейшим государством Европы, оказывавшим определяющее влияние на судьбы Западной и Восточной Европы. Историю средних веков в соответствии с этими соображениями он считает периодом „трансмутации“ римской цивилизации и ее упадка и определяет хронологические рамки средневековья временем от основания Константинополя до его падения в 1453 г.²

Теория, развиваемая Ла Монтом, преследует две цели: во-первых, автор ее стремится показать, что никакого падения Римской империи не было, что империя в качестве решающего исторического фактора продолжала существовать на протяжении всего средневековья — тем самым он отрицает революционный характер перехода от античности к средним векам; во-вторых, Ла Монт стремится подчеркнуть, что история Западной Европы того времени является второстепенным участком истории, а сами западноевропейские государства были тогда отсталой и далекой периферией. Эта теория Ла Монта,

¹ H. Grégoire. „Byzantion“, t. XVI, 1944, p. 545. См. об этом М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 245.

² J. L. La Monte. The World of the Middle Ages, New York, 1949, p. 3 f.

несомненно, порождена не столько изучением фактического материала, сколько современной политической ситуацией, когда западноевропейские государства оттеснены на задний план.

Для возросшего интереса к истории Византии чрезвычайно характерным является выпуск специального сборника „Византия“ (Оксфорд, 1948), представляющего, по замыслу его авторов, введение в историю восточно-римской цивилизации. Редакторами этого сборника были Норман Бэйнс и Г. Ст. Мосс, которые привлекли к участию в нем виднейших буржуазных византинистов.

Сборник „Византия“ состоит из следующих разделов:

1. Обширное введение, написанное Н. Бэйнзом (стр. XV—XXXI).
2. „Очерк истории Византийской империи“, распадающийся на два раздела. Первый из них, охватывающий время от основания Константинополя до четвертого крестового похода (стр. 1—32), написан Г. Ст. Моссом, второй (стр. 33—50), посвященный истории конца империи, — Ш. Дилем.
3. „Экономическая жизнь Византийской империи: население, сельское хозяйство, промышленность, торговля“ (стр. 51—70) (А. Андреадис).
4. „Общественные финансы: монетная система, общественные расходы, бюджет, общественные доходы“ (стр. 71—85) (А. Андреадис).
5. „Византийская церковь“ (стр. 86—135) (А. Грегуар).
6. „Византийское монашество“ (стр. 136—165) (И. Делеэй).
7. „Византийское искусство“ (стр. 166—199) (Ш. Диль).
8. „Византийское просвещение“ (стр. 200—220) (Дж. Бэклер).
9. „Византийская литература“ (стр. 221—251) (Ф. Маршалл).
10. „Греческий язык византийского периода“ (стр. 252—267) (Р. Докинс).
11. „Император и имперская администрация“ (стр. 268—307) (В. Энслин).
12. „Византия и ислам“ (стр. 308—325) (А. Васильев).
13. „Византийское наследие в юго-восточной Европе“ (стр. 326—337) (У. Миллер).
14. „Византия и славяне“ (стр. 338—368) (С. Рэнсимен).
15. „Византийское наследие в России“ (стр. 369—391) (барон Мейендорф и Н. Бэйнс).

К сборнику приложена обширная библиография работ по византиноведению на западноевропейских языках, игнорирующая, однако, русские, болгарские, греческие исследования и, в частности, труды советских византинистов. К книге приложено также большое количество фотографий с памятников византийского искусства.

Авторы сборника выступают с определенной, отчетливо выраженной концепцией. Они рассматривают Византийскую империю как средоточие стабильности среди бурлящего водоворота трех континентов (Мосс, стр. 19). Историческую роль Византии они видят в сохранении античной цивилизации и распространении ее среди варварских народов (Рэнсимен, стр. 333).

Особенно подробно эти воззрения развиты Н. Бэйнзом во введении к сборнику. Н. Бэйнс исходит из того, что Римская империя не погибла, но лишь трансформировалась, превратившись в Византийскую. Это превращение заключалось в создании империи с христианской столицей в качестве ее центра, опирающейся в то же время на эллинистические традиции (стр. XVII—XVIII).

Подобная точка зрения не отличается новизной: она высказывалась в общем виде в ряде работ современных буржуазных византинистов

(А. Гейзенберг, Г. Острогорский и др.)¹. Однако Н. Бэйнз стремится конкретизировать это положение, и его аргументация как нельзя лучше показывает беспомощность этой идеалистической концепции. По мнению Н. Бэйнза, Византийская империя явилась созданием Константина и других императоров — „сверхчеловеков“ (supermen) IV в. При этом он приписывает колоссальную роль в деятельности Константина легендарному „видению“, якобы явившемуся ему накануне битвы у Мульвийского моста². Это видение, по мнению Н. Бэйнза, показало Константину „величие христианского бога“ и открыло ему „величественную картину будущего“, которое императоры были в силах создать, коль скоро они были бы воодушевлены христианством и великими традициями прошлого (стр. XVIII—XIX). Твердая уверенность византийских императоров в том, что они являются правителями „божией милостью“, и сознание ими христианского долга позволили им, по словам Н. Бэйнза, спасти империю в трудных условиях кризиса и сохранить ее на протяжении тысячелетия (стр. XXI).

Развивая ту же идеалистическую и, более того, — чисто клерикальную точку зрения, А. Грегуар утверждает, что религиозный мистицизм христианства поддержал политические учреждения в условиях тяжелого экономического и социального кризиса III—IV вв. и содействовал перестройке их по восточному образцу (стр. 89). В соответствии с этим и А. Грегуар определяет Византию как Римскую империю в ее христианской форме (стр. 86).

Если Н. Бэйнз и А. Грегуар выдвигают на первый план влияние религии и рассматривают Византийскую империю как христианизированную Римскую, то взгляды Г. Ст. Мосса отличаются, мы бы сказали, некоторой стыдливостью: он еще не решился полностью принять эту открыто реакционную точку зрения. Г. Ст. Мосс пытается подчеркнуть, что история Византии лишь формально может рассматриваться как история поздней Римской империи: „ромей“ конца Византии, по его мнению, не сохранили от своих римских предков ничего, кроме имени (стр. 1). Однако и Г. Ст. Мосс весьма далек от материалистического объяснения исторических явлений. Он, правда, называет переход империи на новые пути „революцией“ (стр. 3), но эту „революцию“ видит в двух мероприятиях Константина: в основании Константинополя и признании христианства. Следует вообще отметить, что Г. Ст. Мосс пользуется термином „революция“ крайне широко (стр. 9, 13, 15 и т. д.), называя „революцией“ всякий дворцовый переворот и, по существу, лишая таким образом этот термин присущего ему вполне определенного значения. Наряду с этой „революцией“ Г. Ст. Мосс выдвигает еще ряд причин, которые, по его мнению, в условиях кризиса IV—V вв. обеспечили сохранение Византии. При этом на первое место Г. Ст. Мосс ставит чисто политические причины: он полагает, что нашествие германцев и гуннов задело лишь часть Византийской империи; они явились для нее хотя и опасными, но все же не роковыми врагами.

¹ A. Heisenberg. Staat u. Gesellschaft des byzantinischen Reiches. „Kultur der Gegenwart“, 2 Aufl., Leipzig, 1923, S. 364; Г. Острогорский. Отношения церкви и государства в Византии. „Seminarium Kondakovianum“, IV, 1931, стр. 122.

² Признание реальности „видения“ Константина накануне битвы у Мульвийского моста, приписывание этому „видению“ огромной исторической роли, роли толчка, „преобразовавшего мир“, характерно для ряда работ современных буржуазных авторов. См. об этом — А. П. К а ж д а н Проблемы поздней Римской империи в современной буржуазной литературе. „Вестник Древней истории“ (ВДИ) 1950, № 1, стр. 171.

Что же касается восточных границ Византии, то им не угрожала большая опасность, ибо Персия в это время сама находилась под угрозой вторжения гуннов (стр. 5—6). Далее, Г. Ст. Мосс подчеркивает, что еще более разительным был контраст между Западом и Востоком в экономической области: восточные области превосходили Запад в экономическом отношении.

На первый взгляд может показаться, что Г. Ст. Мосс интересуется экономическими проблемами и пытается объяснить историческое развитие экономическими причинами, однако на самом деле это не так. Дело в том, что, подчеркнув экономическое различие между Западом и Востоком и экономическое преобладание Востока, Г. Ст. Мосс далее объясняет экономический упадок Запада не внутренним развитием западных областей, но... варварскими вторжениями: варварские вторжения, по его словам, разрушили западные города, уничтожили провинциальное управление, а вандалский флот положил предел морской торговле в западном Средиземноморье (стр. 6). Следовательно, Г. Ст. Мосс сводит различие судеб Востока и Запада в конечном счете к случайностям политической истории, к направлению варварских вторжений; самое экономическое развитие у него определяется политическими факторами.

Не говоря уже о методологической порочности этой идеалистической концепции, в самой аргументации Мосса имеются существенные погрешности. Пытаясь объяснить сохранение Восточной Римской империи в IV—V вв. направленностью варварских вторжений на Запад, он упускает из виду такие общеизвестные факты, как то, что варвары прежде всего обрушились на восточную половину Римской империи и что Константинополь раньше, чем Рим, увидел у своих стен войска вестготов. На самом деле, как показали советские историки, сохранение византийского рабовладельческого государства в IV—V вв. было обусловлено социально-экономическими причинами, в частности, экономической мощью восточных провинций империи и несколько меньшим развитием здесь рабовладельческого строя. Эти причины сделали кризис IV—V вв. на Востоке менее острым и позволили Византии уцелеть, а в VI в. даже стать оплотом рабовладельческой реакции¹.

Итак, общие воззрения авторов сборника „Византия“ на историю Византийской империи сводятся к следующему: Римская империя не погибла, но была лишь перенесена в новый центр, в Константинополь. Под влиянием мудрой политики императоров VI в. она была преобразована в христианскую империю, а христианский мистицизм содействовал ее укреплению. Эта концепция носит откровенно идеалистический, клерикальный характер; она сводит историю человеческого общества к эволюции идей и прежде всего религиозных представлений, а также к деятельности „сверхчеловеков“. Робкие попытки Мосса выяснить экономические и политические особенности исторического развития Византийской империи еще резче подчеркивают беспомощность современной буржуазной исторической науки: экономику он сводит к политике, а политику представляет как нагромождение случайностей, ибо сохранение Византии он объясняет направлением варварских вторжений. Да и новые пути империи, в конце концов, по мнению Мосса, были определены религиозными мероприятиями Константина.

Идеализация Византии составляет важнейшую особенность всех статей сборника. Трактую Византию как единственное средневековое

¹ См. „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 8 и сл.

европейское государство в полном смысле этого слова, А. Андреадис рисует совершенно искаженную картину византийской экономики. Он преувеличивает численность городского населения, насчитывая несколько миллионов городских жителей (стр. 53), изображает византийское земледелие в цветущем состоянии (стр. 60), утверждая вопреки ясным данным источников, что голодовки здесь в отличие от Западной Европы не имели якобы серьезного значения (стр. 53). Несомненной модернизацией проникнуты его представления о наличии в Византии широко развитой торговли и огромного торгового флота (стр. 64). Следует вспомнить, что даже некоторые буржуазные историки подчеркивали то обстоятельство, что сами византийцы сравнительно мало занимались торговыми операциями, хотя Константинополь и был центром, в который съезжались арабские, болгарские, венецианские и русские купцы¹. Характерно, что западноевропейских наблюдателей поражало в Константинополе прежде всего большое количество рыболовных судов². Об известной слабости и неразвитости византийской торговли свидетельствует существование здесь вплоть до XII в. берегового права³.

Советские ученые убедительно показали, что невозможно говорить о принципиальной разнице между экономикой деревни средневековой Западной Европы и экономикой византийской деревни, получившей яркое отражение в „Земледельческом законе“⁴. Кроме того, не следует забывать, что Византия была огромной страной, различные районы которой отличались друг от друга по своим природным условиям и хозяйственным занятиям жителей; в некоторых из них, чрезвычайно отсталых, продолжало сохраняться кочевое скотоводство. В Византии повсеместно сохранялись примитивные формы сельскохозяйственной техники (ручная мельница, полукошечное земледелие, примитивный легкий плуг без колес). В тесной связи с этим стоит и плохое питание византийского крестьянства (ячменный хлеб, печеный в золе)⁵, и очень частые голодовки, и неумение бороться с засухой или саранчой. Учитывая все эти факты, которыми пренебрегает А. Андреадис, мы не можем согласиться с его изображением византийской экономики, якобы носившей цветущий характер.

Подчеркивая процветание византийской экономики V—XII вв., А. Андреадис ставит вопрос о его причинах. Прежде всего он утверждает, что этим обстоятельством Византия обязана своему населению, ибо жители империи были „добрыми отцами семей, проникшимися деловым духом и любящими ремесло и торговлю“ (стр. 68). Второй причиной он считает то обстоятельство, что государство принимало решительные меры против уменьшения народонаселения, защищало

¹ W. Heyd. *Histoire du commerce du Levant au moyen âge*, v. 1—2, Leipzig, 1885—1886 (перепечатано Paris, 1936); Ch. Macri. *L'organisation de l'économie urbaine dans Byzance*, Paris, 1925 (ср. также рецензию F. L. Ganshof. „Byzantion“, IV, 1927—1928, p. 659); E. Sabbe. *L'importation des tissus orientaux en Europe occidentale au haut moyen âge*. „Revue belge de philologie et d'histoire“ XIV, 1935, p. 1281. В недавно вышедшей статье L. Brehier (*La marine de Byzance*, „Byzantion“, XIX, 1949, p. 1) явно преувеличивает значение византийского „господства на море“.

² Guntheri Parisiensis *Historia Constantinopolitana*, VIII, ed. P. Riant, „*Euxiviae sacrae Constantinopolitanae*“, Genevae, 1877, p. 78.

³ Nic. Chon., p. 423. II.

⁴ Е. Э. Липшиц. *Византийское крестьянство и славянская колонизация*. „Византийский сборник“, М.—Л., 1945; М. Я. Сюзюмов. *Проблемы иконоборчества в Византии*. „Ученые записки Свердл. гос. пед. ин-та“, IV, 1948.

⁵ Gregoras, I, 379, 7.

мелких собственников и покровительствовало развитию промышленности и торговли. „Непрерывный рост богатства, — фарисейски утверждает А. Андреадис, — был обусловлен совместными действиями правительства и народа“ (стр. 68). К этому он еще присоединяет выгодное географическое положение империи (стр. 72 и др.).

Таким образом можно видеть, что А. Андреадис сводит причины постулируемого им без достаточных оснований экономического процветания Византийской империи почти целиком к деятельности правительства, выступающего в его изображении отнюдь не в качестве защитника интересов господствующего класса, но якобы действующего совместно со всем народом. Политический смысл концепции А. Андреадиса заключается, следовательно, в прославлении классового мира и сотрудничества классов. Эта политическая подоплека концепции А. Андреадиса еще более отчетливо выступает там, где он трактует проблемы социальной истории Византии.

Социальную историю Византийской империи А. Андреадис разбивает на три этапа. Первый этап характеризуется концентрацией земельной собственности (стр. 55). Вторым этапом (начиная с VIII в.) — это время распространения мелкой поземельной собственности. Характеризуя этот период, А. Андреадис стремится подчеркнуть два обстоятельства, выдвинутые современным буржуазным византиноведением в противовес теориям русских византистов конца XIX в.: во-первых, он утверждает, что распространение мелкой поземельной собственности не означало уничтожения крупного землевладения, — происходило лишь уменьшение числа поместий, т. е. что эти изменения не носили качественного характера, но были лишь изменениями чисто количественными; во-вторых, он решительно, протестует против какой бы то ни было связи этого процесса с расселением славян на территории Византийской империи.

Уменьшение же числа крупных поместий обусловлено, по мнению А. Андреадиса, двоякого рода факторами: вторжениями варваров и жестокими действиями администрации при Фоке и Юстиниане II (стр. 56—57).

Это утверждение Андреадиса показательно во многих отношениях. Прежде всего, стремясь вычеркнуть славян из истории Византии, он все же оказывается вынужденным признать их роль, ибо, спрашивается, кто такие были те „варвары“, которые вторглись в империю, как не славяне? Советский ученый А. П. Дьяконов очень хорошо показал на материале сирийских источников, что вторжения славян еще в VI в. приводили к разделу крупных поместий и улучшению положения византийского крестьянства¹; еще более серьезный удар крупной рабовладельческой собственности был нанесен славянскими вторжениями VII в. Разумеется, Византии приходилось переживать не одни только нашествия славянских народов: в VII в. восточные провинции подверглись нашествию арабов².

Далее, подобно Н. Бэйнзу, А. Андреадис старается „объяснить“ историческое развитие Византии деятельностью императоров. Он и не думает о том, чтобы выяснить, интересы каких группировок отражали Фока и Юстиниан II, проводя конфискацию земель у крупных собственников — эти императоры выступают в его изображении как лица, совершенно независимые от каких бы то ни было классовых

¹ А. П. Дьяконов. Известия Иоанна Эфесского и сирийских писателей о славянах. ВДИ, 1946, № 1.

² См. Н. В. Пигулевская. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке перед арабским завоеванием. „Вестник ЛГУ“, 1948, № 4.

интересов. В связи с этим картина, нарисованная А. Андреадисом, оказывается лишенной самого главного — характеристики тех внутренних сил, борьба которых лежала в основе исторического развития Византии, носила революционный характер и была направлена против крупной рабовладельческой собственности. Да это и не удивительно, ибо буржуазные историки стараются не замечать подлинно революционные движения народных масс, предпочитая именовать „революцией“ основание Константинополя или признание христианства религией, равноправной с язычеством.

Советская историческая наука рассматривает период VI—VIII вв. как время коренной ломки общественных отношений в Византийской империи. Эта коренная ломка происходила как в результате революционного движения народных масс, так и в результате вторжений славян, арабов и других народов на территорию Византии. Однако плоды победы народных масс были присвоены новой феодальной знатью.

Третий этап в социальной истории Византии характеризуется А. Андреадисом как „возвращение (разрядка наша. — А. К.) к системе крупных поместий“, начало которого он относит к IX—X вв. Самая трактовка процессов IX—X вв., как возвращения к старому, находится в теснейшей связи с представлением о Византийской империи как о прямом продолжении Римского государства: А. Андреадис вынужден лишь — в отличие от совершенно антиисторической концепции Н. Бэйнза — допустить некоторый перерыв, связанный с временным распространением мелкой собственности, обусловленный, по его мнению, варварскими набегами и политикой „дурных“ императоров. Однако от существа концепции Н. Бэйнза А. Андреадис не отказывается. Коренной ошибкой А. Андреадиса в трактовке этого вопроса является игнорирование им того обстоятельства, что крупная собственность, которая складывается в IX—X вв., не является старой рабовладельческой собственностью, что она основана уже на новых принципах, что в поместьях IX—X вв. появляется и все более укрепляется новая форма эксплуатации непосредственных производителей — феодальный способ производства. Поэтому говорить о возвращении к системе крупных поместий не приходится — поместья IX—X вв. носили иной, феодальный характер.

А. Андреадис пренебрег самой основной и самой трудной проблемой в истории византийских социальных отношений — проблемой становления византийского феодализма. Эта проблема не находит себе места в работе буржуазного экономиста, который не в состоянии разобраться в специфике способов производства и форм собственности, который готов всякое крупное землевладение считать феодальным и в то же время всякую собственность — частной, ибо феодализм для него — лишь политическое и при том вневременное явление, а не социально-экономическая формация, не историческая категория.

Далее, А. Андреадис приступает к детальному рассмотрению причин роста крупного землевладения в Византии в IX—X вв.¹ Он начинает с утверждения, что рост цен при императоре Феофиле привел к образованию крупных капиталов в руках отдельных лиц; это были крупные земельные собственники, не исчезнувшие, согласно его теории, и в предыдущий период и использовавшие теперь рост цен на сельскохозяйственные продукты; „чиновники, которые находились

¹ Этот вопрос был уже предметом изучения Андреадиса в некоторых статьях. См., например, A. Andreadès. *Floraison et décadence de la petite propriété dans l'Empire byzantin*. „Melanges offerts à Ernest Mahaim“, Paris, 1935.

в фаворе или просто обладали эластичной совестью“; наконец, просто „частные лица“ (?). Это положение А. Андреадиса чрезвычайно путанно. Прежде всего, нельзя понять, кого собственно он разумеет под последней категорией „частных лиц“. Далее, остается совершенно непонятной связь между ростом цен при Феофиле и обогащением чиновников: византийские чиновники умели обогащаться независимо от того, возрастала стоимость денег или падала. Но самое главное состоит в том, что рост цен никак не может привести к образованию крупных капиталов — последние образуются, как указывал К. Маркс, лишь в результате экспроприации непосредственных производителей¹.

Но проследим дальнейший ход рассуждений А. Андреадиса. Образовавшиеся в результате роста цен крупные капиталы не могли быть применены в торговле, ремесле или использованы для ростовщических операций, так как государственный контроль препятствовал употреблению денежных средств на эти цели (стр. 57). Оставалась единственная область — сельское хозяйство.

И это рассуждение А. Андреадиса является порочным. Прежде всего, А. Андреадис противоречит сам себе. Он отказался от представления Ж. Николя и его современников о роли государственного контроля как силы, ограничивающей развитие торговли и ремесла; наоборот, он в духе Г. Миквица подчеркивает положительную роль государственного контроля и его плодотворное влияние на ремесло и торговлю (стр. 65 и сл.). Поэтому даже с точки зрения А. Андреадиса — государственный контроль не мог помешать обогащению торговцев — да и на самом деле он не мешал этому. Далее, рост цен на сельскохозяйственные продукты — если бы он действительно имел место — должен был в первую очередь улучшить положение крестьянина и содействовать росту цен на землю. К тому же реальные размеры денежных податей должны были бы сократиться. Но А. Андреадис в полном противоречии с собственной схемой говорит далее об ухудшении положения крестьянства, подавленного бременем податей (стр. 58).

Итак, можно видеть, что А. Андреадис крайне упрощает процессы, протекавшие в IX и X вв., изображая их как чисто экономические и пренебрегая прямым внеэкономическим насилием со стороны феодалов, захватывавших земли крестьянских общин и присваивавших общинные права. Да и самые экономические процессы освещены им совершенно неверно. Все эти пороки в концепции А. Андреадиса обусловлены в конечном счете тем, что в силу своей буржуазной ограниченности он не понимает феодального характера сложившейся в это время собственности, трактуя феодализм лишь как политическую категорию. Та собственность, с которой оперирует А. Андреадис, — эта единственно понятная для буржуазного экономиста и юриста собственность — частная собственность капиталистического общества, которую он возводит в абсолют, рассматривая как собственность вечную и присущую всем временам и народам. „Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы“, — писал В. И. Ленин².

В заключение А. Андреадис останавливается на рассмотрении причин экономического упадка Византии. При этом он высказывает одну любопытную мысль, отмечая, что византийские купцы и предприниматели, использовавшие старые методы торговли, не выдержали кон-

¹ См. К. Маркс. Капитал, т. I, 1949, стр. 721.

² В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137.

куренции с их более молодыми итальянскими соперниками (стр. 69). Однако эта мысль о специфике торговли, введенная очень робко, повисает в воздухе, ибо А. Андреадис не раскрывает отличий в „старых“ и „новых“ методах византийских и итальянских купцов, не показывает конкретных особенностей византийской и итальянской торговли. Кроме того, взаимоотношения между византийцами и купцами Венеции и Генуи не могут быть сведены к простому экономическому соперничеству: борьба осложнялась тем, что многие византийские феодалы были связаны с генуэзскими и венецианскими купцами, которым они продавали хлеб (в XIII в.) и проникновению которых в Византию они поэтому покровительствовали — вопреки интересам византийского ремесла и торговли. Вследствие этого протекционизм сделался лозунгом нарождавшихся буржуазных элементов византийского общества, тогда как феодальные круги выступали, наоборот, за сближение с Западом.

Но и высказав эту любопытную мысль об экономическом превосходстве купцов Венеции и Генуи, А. Андреадис затем оставляет ее, стараясь объяснить экономический упадок империи чисто политическими причинами. Он утверждает, что „экономический упадок империи был прежде всего результатом действий внешних врагов“ (стр. 70); к этому он присоединяет еще то обстоятельство, что в середине XI в. византийские императоры потеряли возможность защищать мелких собственников — как будто они когда-либо их защищали! Внутренние причины экономического упадка („старые методы“) остаются совершенно невыясненными и отступают на второй план перед внешне-политическими неудачами.

Итак, А. Андреадис, следуя концепции, развитой Н. Бэйнзом, рассматривает византийское государство как продолжение Римской империи, допуская, правда, кратковременный перерыв в существовании последнего. В связи с этим он совершенно игнорирует вопрос о специфике византийской экономики и социальных отношений, вопрос о генезисе и особенностях византийского феодализма. Изменения, или точнее сказать, колебания в социальных отношениях империи — так как действительных изменений он не видит, — А. Андреадис объясняет чисто политическими причинами; сводя экономику к политике, он оказывается не в состоянии понять причин упадка Византии.

Уже во Введении к рассматриваемому сборнику огромное место уделено императору и императорской администрации. Из факта сохранения в Византии римских традиций Н. Бэйнз выводит фантастическое заключение о том, что правители Византийской империи сохраняли сознание долга, лежащего на них, и обязательств, которые они имеют по отношению к подданным. Их долгом, по его утверждению, являлось сохранение унаследованной ими цивилизации (стр. XVIII — XIX). В связи с этим Н. Бэйнз возражает против попыток изображать византийских императоров как разукрашенных кукол — по его мнению, именно император руководил судом, гражданской администрацией и военным делом (стр. XXII). Далее, Н. Бэйнз утверждает, что и византийская администрация при всех ее недостатках сыграла положительную роль и была — наряду с армией — той силой, которая обеспечивала долгое существование империи (стр. XXIV).

Идеализация византийской административной системы и императорской власти получила свое дальнейшее развитие у А. Андреадиса и В. Энслина. А. Андреадис считает, что византийская податная система обладала известными недостатками, но все же была терпимой и, главное, превосходила как римскую, так и средневековые финансовые

системы (стр. 83—84). С таким положением трудно согласиться. А. Андреадис обходит в своей работе такие факты, как жестокость податных сборщиков, — между тем конкретные картины их „деятельности“ ярко нарисованы кипрским архиепископом Николаем Музалом, Феофилактом Болгарским и Михаилом Акоминатом; он пренебрегает многочисленными известиями житий (Филарета Милостивого, Марии Новой и др.), изображающих податного сборщика как наиболее ненавистного представителя господствующего класса. Плифон справедливо видел в тяжести византийского податного обложения одно из наиболее серьезных зол современной ему действительности.

Та же совершенно не оправданная идеализация византийской администрации пронизывает и работу В. Энслина. По его словам, византийцы требовали от императоров „филантропии“, „любви ко всем“ (стр. 278). Вслед за Н. Бэйнзом В. Энслин подчеркивает, что византийская бюрократическая машина при всей ее дороговизне была той силой, которая спасла государство в период самых тяжелых кризисов (стр. 294). В. Энслин подчеркивает прекрасное обучение византийских чиновников (стр. 293) и рисует администрацию, как цепь, протянутую между императором и подданными (стр. 294). Впрочем, и ему приходится отмечать и бремя податей, и взяточничество, и некоторые иные пороки византийских чиновников.

Идеализация византийской императорской власти и администрации, изображение императоров и бюрократической машины в качестве сил, осознавших якобы свой „долг“ хранителей античной цивилизации, игнорирование классовых корней византийского государства, — все это глубоко порочные черты концепции современных буржуазных византистов. Эта идеализация теснейшим образом связана с политической программой империалистической буржуазии, которая пытается удержать „в узде“ трудящиеся массы с помощью открытой диктатуры: в связи с этим идеологи буржуазии превозносят государства с „твердым режимом“ и утверждают, что для спасения цивилизации в период кризисов необходимо создание мощной бюрократической машины и армии, — даже если их содержание тяжелым бременем ложится на плечи трудящихся масс.

С идеализацией административного аппарата теснейшим образом связана и апология византийской церкви. Уже Н. Бэйнз во Введении трактует византийскую церковь как „народную“, способную вызвать энтузиазм масс; он видит в ней одну из тех сил, которые сохранили Византийскую империю и вместе с ней — античную цивилизацию (стр. XXV). Ту же „теорию“ развивает А. Грегуар. А. Грегуар выступает вслед за Г. Острогорским против старой теории цезарепапизма и старается показать, что византийская церковь была более свободной, нежели римская (стр. 123). Он идеализирует византийских церковных деятелей, например, Фотия и Николая Мистика (стр. 109—112). Особенно большое место в соответствии с тенденциями современного буржуазного византиноведения А. Грегуар уделяет мистицизму, развившемуся в Византии в форме исихазма. „Вместо того, чтобы издеваться над учением Паламы, — торжественно провозглашает А. Грегуар, — следуя сарказмам Варлаама, Вольтера и Гиббона, не лучше ли выразить удивление перед глубиной христианского чувства, которое воодушевляло византийский народ вплоть до самого конца“ (стр. 116). С такой трактовкой исихазма совпадают и утверждения Ш. Диль относительно связи между этим учением и движением зилотов: Ш. Диль даже называет исихазм „демократией в рясе“ (стр. 43).

Однако такая трактовка исихазма совершенно неправильна: на самом деле Палама являлся противником зилотов и ставленником Иоанна Кантакузина. Советские историки Б. Т. Горянов, В. Н. Лазарев и другие показали, что исихазм был глубоко реакционным учением, и прав Д. Ангелов, который утверждает, что проповедь исихастами молчания, смирения и терпения была наруку эксплуататорской верхушке, феодалам¹.

Идеализация церкви и реакционных идеологических движений присуща и другим статьям сборника. И. Делеэй рисует картину трогательной заботы монахов о странниках и больных (стр. 154) и утверждает, что монахи были любимы народом (стр. 163) — хотя он не может не знать „Чудес св. бессребрянников“, где рассказывается о вражде крестьян к монахам и об угрозе крестьян сжечь монастырские амбары. Среди монастырских уставов также можно найти такие, которые рисуют отнюдь не идиллическую картину взаимоотношений между монахами и крестьянством: таков, например, устав богородичного монастыря близ Эна, где говорится о поджогах крестьянами монастырских зданий и об обязанности крестьян возмещать нанесенные монастырю убытки. Точно так же из актов монастыря Лемвиотиссы мы узнаем о вооруженной борьбе крестьян против монастыря, об отстаивании ими своих прав и земель. Русские византилисты (А. Ф. Вишнякова, И. И. Соколов, Б. Т. Горянов) не один раз указывали, что именно монастыри в первую очередь экспроприровали мелких собственников.

И Н. Бэйнз, и А. Грегуар, и авторы других статей утверждают, что византийское искусство и литература были церковными по своему характеру — и в то же время они совершенно игнорируют многочисленные памятники светского и антицерковного характера. С другой стороны, в статьях о литературе и искусстве постоянно выдвигается тезис о том, что Византия сохранила античное наследие (стр. 221, 225 и др.). Так, Ф. Маршалл рассматривает историю византийской литературы исключительно в ее отношении к античной; поэтому литературное оживление IX в. он объясняет исключительно возрождением интереса к античному наследию (стр. 224). Не приходится говорить о том, что социальные корни идеологических явлений совершенно не интересуют авторов сборника: исходя из своих идеалистических позиций, они рассматривают развитие культуры только в плане филиации идей. В результате этого история византийской литературы превращается в сухое перечисление случайно выбранных имен, сопровождающееся краткими характеристиками, сплошь и рядом ошибочными.

Каким образом освещается в сборнике история славянских народов, и прежде всего русского народа, и их связей с Византийской империей? — Эти разделы, как и следовало ожидать, полны грубых ошибок и сознательных искажений фактов. Совершенно неправильно изображает С. Рэнсимен общественные отношения и хозяйственный строй славян VI в. Анты и склавины не были „кочевыми скотоводами“ (стр. 338), но, как показывают письменные источники и археологические памятники, тщательно изученные в работах советских археологов, — перешли уже в это время к оседлому земледелию. Глубоко порочным является рассуждение С. Рэнсимена о „демократической природе славянина“, которая якобы препятствует славянам объединяться и самим создавать государство: С. Рэнсимен пытается ссылками на особую „природу“ славян „обосновать“ чисто клеветническое утверждение о том, что славяне якобы

¹ Д. Ангелов. История на Византия, ч. II, София, 1948, стр. 122.

вынуждены были ждать внешнего стимула для создания государственных объединений (стр. 340) и что славянские государства были основаны не славянами, но франками, болгарами или шведскими авантюристами (стр. 355 и др.).

Антинаучная норманистская теория, которую развивает С. Рэнсимен, безапелляционно поддерживается и в других статьях (Мейендорф и Н. Бэйнз, стр. 369), авторы которых совершенно игнорируют ту критику норманистской теории, которая на огромном фактическом материале письменных и археологических памятников была дана в трудах советских историков (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и многие другие). Все эти рассуждения о невозможности для славян самостоятельно создать государственные объединения не имеют ничего общего с наукой: все они продиктованы определенными политическими мотивами. Авторы сборника стараются принизить роль славян и особенно роль России в истории средневековья, объявить славян народом, по „природе“ своей предназначенным к повиновению, и т. д. Тесно связано с этим стремление буржуазных историков, участвующих в сборнике, принизить русскую культуру и вывести ее целиком из Византии (стр. 372 и сл.).

Таким образом, история славяно-византийских и русско-византийских отношений в сборнике полностью фальсифицирована, при этом авторы сборника, не говоря ничего нового, лишь повторяют старые измышления Г. Вернадского и других, — измышления, которые были подвергнуты не раз суровой научной критике на страницах советской исторической печати.

В сборнике нередко встречаются фактические ошибки, несмотря на то, что авторы его излагают в основном общеизвестные факты и занимаются преимущественно теоретическими рассуждениями. А. Грегуар (стр. 113) поместил патриарха Сергия II в начало X в. Ф. Маршалл не только дает совершенно неправильную оценку значения Льва Диакона, не учитывая труда М. Я. Сюзюмова¹, но и совершает чисто фактическую ошибку, утверждая, будто бы „История“ Льва Диакона доходит только до 975 г. (стр. 231). Р. Докинс выводит слово *defendere* из латинского *defendere*, обнаруживает этим незнание работы П. А. Яковенко, показавшего, что значение греческого термина было совсем иным (стр. 267)². Совершенно произвольна трактовка А. Грегуаром правления Михаила Пьяницы как блестящего периода (стр. 117)³. Многие вопросы освещаются с удивительной неполнотой, — например, вопрос о восстании зилотов.

Подводя итоги, можно сказать, что сборник „Византия“ отражает крайний упадок и глубокую реакционность современного американского и западноевропейского буржуазного византиноведения. Сведения исторического процесса к политической истории и к истории идей, выпячивание на первый план в истории Византийской империи роли церкви, идеализация византийского государства, отрицание коренных перемен в структуре византийского общества и подчеркивание сохранения римских традиций, игнорирование классовой борьбы, классового характера государства, отрицание революционного перехода от антич-

¹ М. Я. Сюзюмов. Об источниках Льва Диакона и Скилицы. „Византийское обозрение“, II, М, 1916.

² П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии, Юрьев, 1908, стр. 35 и сл.

³ См. подробную критику этих воззрений А. Грегуара, проводившихся в его предыдущих работах, у М. В. Левченко. А. Грегуар и его работы по византиноведению, „Византийский временник“, т. III, 1950, стр. 232.

ности к средневековью, — таковы наиболее существенные методологические пороки сборника. Особо следует отметить подчеркнуто пренебрежительное отношение к истории славян и к славянской культуре, отрицание ее самобытности, — тенденция, с головой выдающая политический облик современных буржуазных византинистов.

В целом сборник „Византия“ показывает, что современное буржуазное византиноведение, открыто ставшее на службу американо-английским империалистам, как и вся буржуазная историческая наука, переживает глубочайший кризис.

А. П. Каждан

ВОПРОСЫ ПАВЛИКИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

За последнее пятнадцатилетие на Западе появилось несколько работ, посвященных вопросам павликианского движения. Некоторые из них принадлежат бельгийскому реакционному историку А. Грегуару¹. Вслед за его статьями была опубликована книга английского византолога С. Рэнсимена о средневековом манихействе², в которой имеется специальная глава о павликианском движении.

Остановимся прежде всего на работах А. Грегуара, оказавших значительное влияние на последующих буржуазных исследователей павликианства. Эти работы являются ярким показателем глубокого упадка современного буржуазного византиноведения.

Первые две статьи А. Грегуара о павликианском движении представляют собой доклады, прочитанные в Бельгийской академии наук, третья — краткую заметку в журнале „Byzantion“, четвертая — заметку в сборнике, посвященном Г. Шлюмберже. Все эти работы А. Грегуара носят сугубо источниковедческий характер: свою задачу автор ограничил только формальным рассмотрением источников, относящихся к истории павликианского движения. О концепции павликианства можно составить себе представление лишь по некоторым его полемическим замечаниям. Однако и в плане чисто источниковедческого анализа названные статьи и заметки А. Грегуара оставляют самое безотрадное впечатление, знаменуя крупный шаг назад по сравнению даже с тем, что было сделано буржуазными византинистами многие десятилетия назад.

Отметив в вводном параграфе первой статьи связи павликиан с маркионитами и указав, что „credo“ и „динамизм“ (?! — Е. Л.) павликиан находят свое продолжение у богомилов, вальденсов, альбигойцев, Грегуар начинает свою статью со следующего утверждения: вопрос о павликианах разработан значительно хуже, чем о названных им других еретических движениях. Вину за эту слабую разработку истории павликианского движения А. Грегуар полностью возлагает на английского византиниста Бьюри, переиздавшего в конце XIX — начале XX вв.

¹ H. Grégoire. Sources de l'histoire des pauliciens; его же. Sur l'origine des pauliciens, „Bulletin de la classe des lettres de l'Académie royale de Belgique“, 1936, p. 98—114, 224—226; его же. Autour des pauliciens, „Byzantion“ XI, 1936, p. 610—614; Pour l'histoire des églises pauliciennes, „Orientalia Christiania periodica“, 1947, t. XIII, p. 509—514.

² S. Runciman. The medieval Manichee, Cambridge, 1947.

известный труд Гиббона „История упадка и гибели Римской империи“ и посвятившего павликианству специальное примечание. А. Грегуар считает, что Бьюри, которого он называет „радикальным и наивным рационалистом“, „имел мало вкуса к религиозным вопросам“ — он трактовал их, по мнению А. Грегуара, „слишком поверхностно“. Уже это „критическое“ вступление поражает читателя одной своей особенностью: Грегуар здесь бросает упреки по адресу того буржуазного ученого, который вслед за Гиббоном счел необходимым обратить внимание на социальную значимость павликианского движения, правда, не вдаваясь в углубленное исследование. Но именно это обстоятельство и заставляет А. Грегуара отрицательно оценить взгляды Бьюри на павликианство: какие бы то ни было попытки связать изучение этой „ереси“ с социальными проблемами представляются А. Грегуару „поверхностной“ трактовкой религиозных вопросов. Сам он рассматривает павликианство как чисто религиозное движение — и в этом, в первую очередь, состоит тот регресс, который знаменуют собой его работы по сравнению со взглядами буржуазного историка XIX в.

Бьюри, — продолжает далее А. Грегуар, стремясь полностью отмежеваться от своего предшественника, стоявшего на более верном пути, — был введен в заблуждение некоторыми гиперкритическими или псевдокритическими работами Тер-Мкртчяна и Фридриха. Именно поэтому он якобы увел византинистов от объективного рассмотрения вопроса о павликианах. Сам Грегуар обещает дать новое решение этого вопроса, следуя, как он говорит, „доброму“ старому методу пересмотра подлинных источников.

Как же А. Грегуар, являющийся одним из столпов современной реакционной буржуазной историографии, осуществляет на деле этот „пересмотр“?

Его работы содержат в себе, как уже было указано, серьезные недостатки и не только по существу трактовки самого павликианства, но и с чисто источниковедческой точки зрения: факт, тем менее извинительный, что Грегуар, как мы отметили, в своей статье ставит специально источниковедческие задачи.

В самом деле: обратимся ко второму параграфу его статьи, озаглавленному „Перечисление источников“. Читателя, ожидающего найти здесь перечень всех источников, откуда можно почерпнуть сведения о павликианском движении, ждет разочарование. А. Грегуар утверждает, что существуют следующие источники, трактующие о павликианах (если не считать некоторых данных в византийских и арабских хрониках и нескольких упоминаний о павликианах в армянской литературе):

1. История павликиан с 668 по 886 г. (приблизительно) с предположенными ей извлечениями из разных авторов о манихеях и с последующим опровержением трех ошибок павликиан (о двух богах, о богородице, о тайной вечере). Эта история, имеющая заголовок с посвятельной надписью архиепископу Болгарии, была составлена автором, именующим себя Петром Сицилийцем, на втором году царствования Василия и Константина (т. е. в 869 г.). Автор ее провел девять месяцев в павликианской столице Тефрике, нынешнем Диврике, или Диврихе, ведя переговоры об обмене пленных.

2. Труд патриарха Фотия о том же предмете, по структуре, на первый взгляд, аналогичный указанному.

3. Краткий полуисторический, полудогматический трактат, приписываемый некоему Петру Игумену.

4. Глава из хроники Георгия Монаха [(опубликованной в последней трети IX в.), почти буквально совпадающая с первыми главами Фотия и трактатом Петра Игумена.

5. Девятая глава в „Паноплии“ Евфимия Зигабена (времени Алексея Комнина), явно родственная трудам Петра Сицилийца и Фотия.

6. Формулы отречения, одна из которых (манихейско-павликианская) рассматривалась Бринкманом, Меллером, Кюмоном как „фотиевский“ документ.

Таковы источники, которые содержат, по мнению Грегуара, сведения о павликианском движении. Однако на самом деле эти источники далеко не исчерпывают наличного материала. А. Грегуаром странным образом опущены такие источники, как биография патриарха Никифора, написанная Игнатием, а также антирретики Никифора. Эти источники дают возможность частью дополнить, а частью и по-новому поставить вопрос об отношении павликиан к иконоборцам; они позволяют также уточнить вопрос о том, какими материалами могли пользоваться позднейшие византийские авторы, писавшие о павликианах. А. Грегуар не счел нужным сказать о них ни одного слова — исследовательский „прием“, весьма характерный для современной буржуазной науки.

Для выяснения идеологии павликианского движения важное значение имеют далее тексты, изданные А. Май и представляющие собой диспуты манихеев с православными (некоторые из этих текстов отнесены издателем к VI в.¹): общеизвестен тот факт, что византийские писатели не проводили резкой грани между манихеями и павликианами, считая последних прямыми преемниками первых, и часто называли их манихеями. Для исследования истории павликианского движения в VIII в. необходимо затем привлечение диалогов Иоанна Дамаскина с манихеями. Непонятно, наконец, почему А. Грегуар не счел нужным упомянуть в своей источниковедческой работе о важной публикации формул отречения, осуществленной Фикером, среди которых была впервые приведена специально павликианская формула. Содержащийся в ней перечень вождей павликиан, обрывающийся на имени Сергия и не упоминающий ни о Карбеасе, ни о Хризохире, дает основание датировать ее серединой IX в. или немногим позже того. Не упомянул Грегуар и о некоторых важных современных событиях агиографических текстах².

Таким образом, следует признать, что самый обзор источников, данный Грегуаром, страдает существенными недостатками.

Далее Грегуар переходит к рассмотрению взаимоотношений названных им текстов, в частности, — к вопросу о соотношении трактата Петра Игумена с дошедшей до нас версией хроники Георгия Монаха.

Центральной проблемой, говорит он, является вопрос о взаимоотношении первой книги Фотия с исторической частью труда Петра Сицилийца. Первые издатели текста решали его различно: одни считали, что Петр списал у Фотия, другие — что Фотий заимствовал все у Петра. Сторонники последней точки зрения обратили внимание на тот факт, что хотя в трактате Фотия нет всех тех сведений, которые имеются у Петра Сицилийца, однако он начинает свое изложение с десяти глав, отсутствующих у последнего. Отсюда возникла гипотеза, по которой Фотий и Петр заимствовали свои данные из одного

¹ См. настоящий том „Византийского временника“, стр. 51.

² См., например, „Сказание о 42 аморийских мучениках“, изд. Васильевским и Никитиным, „Зап. Имп. Акад. Наук“, VIII серия, 1905, № 2.

общего источника, и это-то обстоятельство определило сходство содержания сочинений того и другого автора.

Новым моментом явилось открытие трактата Петра Игумена. Тер-Мкртчян усмотрел в этом трактате, продолжает Грегуар, первоначальный, единственно автентичный источник. И так как этот источник не содержит значительной доли тех фактов, которые приводит Петр Сицилийец, то Тер-Мкртчян объявил все данные Петра Сицилийца позднейшей фальшивкой, сфабрикованной во времена Комнинов. Подобным же образом Тер-Мкртчян считал автентичными лишь первые параграфы сочинения Фотия, данные которых совпадают с известиями, содержащимися в тексте Петра Игумена. Сочинение Петра Игумена послужило источником и для Георгия Монаха. Нельзя не заметить, что, перечисляя дальше имена исследователей, изучавших вопрос об источниках по истории павликианского движения (Фридрих, издавший текст эскуриальской версии Георгия Монаха, которую издатель считал первоисточником для Петра Игумена, де Боор, Меллер, Бьюри), Грегуар допускает существенный пробел, не упомянув важной публикации армянских источников, осуществленной Конибиером¹, — публикации, которой автор ее предпослал обширное исследование, затрагивающее и интересующий Грегуара вопрос.

Далее Грегуар переходит к исследованию двух вопросов: 1) о взаимоотношении эпитомы — краткого трактата, приписываемого Петру Игумену (и встречающегося, по словам А. Грегуара, вновь у Георгия Монаха и в первой книге Фотия), с трудом Петра Сицилийца и 2) о взаимоотношении между трактатами Фотия и Петра Сицилийца. Разбор этих вопросов составляет главную часть статьи Грегуара.

Первый вопрос, по мнению Грегуара, может быть решен лишь в том смысле, что эпитома представляет собой экскерпт из труда Петра Сицилийца. Это ясно видно, говорит Грегуар, из сопоставления перечней павликианских общин в обоих источниках, число которых в первом источнике (т. е. в эпитоме) — шесть, во втором (т. е. у Петра Сицилийца) — семь. При этом Грегуар обращает внимание на цитату, приводимую Петром Сицилийцем из письма вождя павликиан Сергия, цитату, где устанавливается связь между общинами (церквями) павликиан и общинами, упоминаемыми в посланиях апостола Павла. Поскольку число семь и локализация общин лучше согласуются с данными апостольских посланий, то число шесть следует рассматривать как искаженную в эпитоме передачу версии Петра Сицилийца. (Одновременно и по тем же основаниям А. Грегуар отвергает приоритет эскуриальской версии Георгия Монаха, где число и локализация церквей совпадают с данными эпитомы и отчасти расходятся с данными Петра Сицилийца.) В доказательство своей точки зрения Грегуар указывает далее, что эпитома не содержит почти никаких сведений сверх тех, которые имеются у Петра Сицилийца. Следовательно, говорит он, эта эпитома, являющаяся далеко не оригинальным документом, представляет собой дурно сделанное резюме из Петра Сицилийца и притом сделанное не им самим. Если же у Петра Сицилийца отсутствуют некоторые детали, которые есть в эпитоме, то это объясняется, по его мнению, тем, что в единственной имеющейся рукописи трактата Петра Сицилийца до нас дошли не все входившие в его состав книги.

Однако при таком решении вопроса вызывает недоумение один, не замеченный А. Грегуаром факт. Дело в том, что в тексте Георгия

¹ Conybear e. The key of truth, 1898.

Монаха (и только в нем) встречается правильное топонимическое название одной из павликианских общин. Жители этого поселения именуются и в изданном де Боором тексте Георгия Монаха и в эскуриальской версии Георгия *κοινοχωρίται*. В тексте же Петра Сицилийца этот термин превращен в бранную кличку, образованную по созвучию слов *κοινοχωρίται* с *κυνοχωρίται*. Ее бранный смысл с полной откровенностью раскрывает Петр Сицилиец, говоря в другом месте о „*τοὺς κατοικοῦντας κύναις τὴν τοῦ κύναις χώραν*“, т. е. о „живущих в собачьем поселении псах“¹.

Чтобы принять гипотезу А. Грегуара, нужно было бы предположить, что Георгий Монах, небрежно эксцерпировавший, как говорит А. Грегуар, готовый текст Петра, отбросил бранную кличку и самостоятельно восстановил ее первоначальный, не дискредитирующий павликиан и правильный термин (кстати сказать, отражающий в некоторой степени социальный характер павликианской общины). Однако такое предположение немыслимо: оно никак не вяжется с общей установкой весьма тенденциозного, написанного с позиций ортодоксального православия труда Георгия Монаха, возникшего к тому же в период ожесточенной полемики, в период борьбы и гонений, предпринятых византийским правительством против павликиан. Скорее можно предполагать, что бранные эпитеты возникли как раз при вторичной обработке текста.

Бросается в глаза также и полная необоснованность предположения Грегуара о том, что все сведения о павликианах были собраны византийскими писателями лишь один единственный раз и именно Петром Сицилийцем, а затем лишь всячески эксцерпировались и переписывались. Против такого предположения говорит ряд соображений и прежде всего — неиспользованное Грегуаром известие Игнатия о том, что уже патриарх Никифор написал обстоятельный труд о павликианах и представил его Михаилу I. Этим трудом могли, естественно, располагать позднейшие писатели и в частности Георгий Монах, широко использовавший в своей истории другой труд Никифора — Бrevиарий.

Учитывая, что в распоряжении более ранних авторов, писавших о павликианах, не было, вероятно, писем Сергия (цитируемых Петром Сицилийцем), можно думать, что расхождение в числе церквей и в их локализации объясняется различием тех источников, которыми располагали, с одной стороны, Георгий Монах, с другой — Петр Сицилиец. Мы уже говорили, что А. Грегуар как раз и обосновывает это расхождение цитатой из Сергия. Притом первая, не упомянутая у Георгия Монаха и названная у Петра Сицилийца церковь, именно — Коринфская, принадлежит к тем, которые взяты лишь из апостольских Деяний, и не идентифицируется ни с какой реальной павликианской общиной, что отмечает и сам Грегуар. Георгий Монах перечисляет, очевидно, только существовавшие общины, Петр Сицилиец же приводит письмо Сергия, в котором число общин „подгоняется“ под число, имеющееся в послании апостола Павла.

Все это доказывает, что вопрос решается далеко не так просто, как утверждает А. Грегуар. Выдвигаемая им точка зрения представляет собой простую гипотезу и притом — весьма сомнительную.

¹ В своей последней статье Грегуар отмечает бранный смысл этого названия у Петра Сицилийца, но и тут он не находит нужным упомянуть об эскуриальской версии Георгия Монаха, сохранившей это наименование в неяскаженной форме Ср. выше, стр. 63.

Однако А. Грегуар считает, что первый вопрос им решен. Исходя из этого предположения, он „решает“ и второй вопрос — о происхождении трактата Фотия.

Трактат Фотия состоит из десяти глав, воспроизводящих эпитому, и из восемнадцати глав, представляющих собой текст Петра. Автор этой амальгамы, говорит А. Грегуар, совершенно не отдавал себе отчета в том, что первый переписанный им текст является простым резюме второго. Он понял это лишь позднее, в процессе работы и, дав сначала перечень шести церквей по эпитоме, предпочел затем пожертвовать фрагментом из Сергия, где упоминается о семи церквях с включением Коринфской.

Трудно, говорит А. Грегуар, допустить, чтобы патриарх Фотий мог быть автором столь низкого рода литературы. По мнению Грегуара, этот трактат принадлежит не Фотию, а кому-то другому, подделавшему Фотия после 932 г. Грегуар приходит к такому выводу по следующим соображениям: Псевдо-Фотий при упоминании о Мелитене делает вставку слова τότε — „тогда“: [Παραγίνονται δὲ ἐν Μελιτηνῇ πόλει τῆς β' Ἀρμενίας πολιτείας οὕσαν τότε τῶν μισοχριστῶν (Σαρακηνῶν)], т. е. указывает, что „Мелитена, город второй Армении (где они находились), тогда принадлежала сарацинам“. Фотий-дипломат (если бы это был он), сочиняя свой труд в 872 г. или немного позже, Фотий, который „присутствовал при триумфах Михаила III после его победы над мелитенским эмиром Омаром (863)“, не мог не знать, — пишет Грегуар, — что „крепость на Евфрате прочно оставалась в руках векового врага“¹. Он заключает: „Автор трактата мог писать только после 932 г. и даже спустя долгое время после этой даты, и его приемы, как эта ошибка, так и другие — напоминают всецело технику (если так можно выразиться) какого-либо Симеона Метафраста“ (о каких именно других промахах идет речь, Грегуар, впрочем, ничего не говорит).

Таким образом, вывод Грегуара базируется на одном только факте наличия слова τότε в тексте рукописи Фотия.

Между тем известно, что рукопись, содержащая трактат Фотия (т. е. Cod. Pal. 216), относится не к IX, а к X в., т. е. безусловно представляет собой не оригинал, а копию. Не проще ли было бы предположить поэтому, что эта предельно краткая, состоящая из одного слова глосса была внесена переписчиком ради простого пояснения читателям и вместе с тем, чтобы напомнить об изменившейся в благоприятную сторону для Византии ситуации на Востоке? С другой стороны, в пользу происхождения оригинала (а не рукописной копии) в IX в. и именно во времена, предшествующие разрушению Тефрики, говорит то, что изложение обрывается на событиях жизни Хризохира: здесь не упоминается ни о смерти Хризохира (872), ни о разрушении Тефрики Василием I, т. е. о фактах, о которых автор, писавший при Константине Багрянородном, никак не стал бы умалчивать.

Грегуар сам понимает, что тут имеется какая-то неувязка. Однако, не имея достаточных аргументов для преодоления этой неувязки, он разделяется с ней самым неожиданным образом, выдвигая гипотезу о... лени компилятора. (?! — Е. Л.) Почему, спрашивает Грегуар, если автор писал в X в., он не пожелал ничего знать о смерти Хризохира и конце Тефрики? — Прежде всего из-за лени, потому, что он не хотел осложнять своей задачи, эксцерпируя сведения об эпиллоге

¹ Мелитена была взята Романом Лекапином в 934 г. Ср. Honigmann. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. 1935, S. 70.

павликианской драмы из других источников, а также, без сомнения, и по той причине, что он с этих пор стал выдавать себя за современника Фотия.

С подобной аргументацией, разумеется, трудно спорить вследствие ее абсурдности. Предложенное А. Грегуаром решение вопроса, согласно которому первая книга Фотия есть фальшивка, не может быть признано обоснованным. Любопытно, что только Фотий дает в этой книге правильную дату смерти Сергия-Тихика—835 г., а не 795 г. — дату, которую приводит Петр Сицилиец, не замечая противоречия в своей хронологии, вытекающего из его предшествующего изложения¹.

Как совместить весьма важное исправление автором трактата этой даты с гипотезой А. Грегуара о лени компилятора — этот вопрос приходится оставить на совести бельгийского византиниста. Кроме того, следует указать и на то, что автор трактата нигде не копирует Петра Сицилийца буквально, а везде излагает его по-своему, местами кое-что опуская (как, например, приведенное место о семи церквях), а местами добавляя полемические фразы.

Следует, таким образом, признать, что второй вопрос, поставленный А. Грегуаром², остался фактически так же нерешенным, как и первый: нагромождение произвольных гипотез, конечно, не может быть решением вопроса.

Вторая заметка А. Грегуара посвящена наблюдениям над рукописью Петра Сицилийца, сделанным Меркати. На основании помещенных в заголовке труда Петра слов — „того же Петра“, а также принимая во внимание, что текст двух предшествующих страниц (79 и 80) представляет собою повторение конца эпитомы, А. Грегуар пытается подтвердить свой вывод об эпитоме как лишь об экстракте из Петра Сицилийца. Однако в своей первой статье А. Грегуар, как уже указывалось, утверждал, что эпитома была сделана не самим Петром. Следовательно, наличие слов *τοῦ αὐτοῦ Πέτρου* скорее говорит против этого вывода А. Грегуара.

Заметка в „Byzantion“ вкратце повторяет выводы рассмотренной выше статьи, не внося в них ничего нового. Четвертая статья посвящена вопросам топонимики.

Гипотеза А. Грегуара, содержащая, как было показано, много спорных, недостаточно аргументированных, а порой и вовсе неверных положений, была некритически воспринята на Западе многими исследователями, в частности, С. Рэнсименом. В отличие от А. Грегуара, ставившего перед собой одни лишь задачи источниковедческого характера и намеренно отгородившегося в названных работах от всей проблематики, связанной с историей павликианского движения, Рэнсимен в своей книге о средневековых манихейских сектах сделал попытку дать общий обзор средневековых „дуалистических“ еретических движений, уделив значительное место и ереси павликиан.

При этом автор стремился дать в своей работе, как он сам говорит во вводной главе, не только очерк средневековых дуалистических течений, но и выяснить, насколько правильно можно их обозначить как манихейские, а также установить степень связи этих течений друг

¹ Ср. выше, стр. 58.

² См. Б. Мелiorанский. Рец. на кн. А. А. Васильева. Византия и арабы. „Византийский временник“, т. X, вып. 3—4, 1903, стр. 511.

Отметим, попутно, что Грегуару осталась, повидимому, неизвестной интересная гипотеза Б. Мелiorанского, согласно которой вопрос о взаимоотношении текстов Петра Сицилийца и Фотия решается совершенно иначе.

с другом. В первых шести главах книги характеризуются в последовательном порядке гностические течения (маркионитство, манихейство, монتانнизм, адопционизм и мессалианство), затем — более подробно — павликианство и далее — учения богомилов, патаренов и катаров. Последняя глава носит обобщающий характер; в ней автор делает вывод о „дуалистической традиции“ в средние века. Кроме того, книга содержит несколько кратких дополнений, два из которых относятся к интересующей нас в данной связи теме: первое из них озаглавлено „Греческие источники павликианского движения“, второе содержит перечень „еретических течений VIII в.“

Как и статьи А. Грегуара, исследование С. Рэнсимена носит на себе глубокий отпечаток того маразма, в котором находится ныне буржуазное византиноведение. Глава, посвященная павликианству, может служить особенно наглядным примером крайней беспомощности этого буржуазного ученого, не способного — не говорим уже — решить, но даже поставить кардинальных вопросов, имеющих действительно важное значение для уяснения истории павликианского движения.

Главу о павликианах С. Рэнсимен начинает с рассмотрения вопроса о возникновении христианства в Армении. Он обращает внимание на раннее появление здесь ересей, в частности адопционистов, гностиков, маркионитов, архонтиков, манихеев и особенно важных, по его мнению, течений борборитов и мессалиан. Однако С. Рэнсимен не пытается выяснить реальные исторические условия возникновения и распространения рассматриваемых им движений. Он ограничивается лишь констатацией фактов, излагая их при этом крайне примитивно. Способ изложения содержания интересующего его „еретического“ учения удивительно напоминает приемы, к которым прибегали раннехристианские (Епифаний Кипрский) и средневековые византийские писатели (Иоанн Дамаскин).

С. Рэнсимен не исследует описываемых им фактов, не дает их научного анализа. Сообщая сведения об учении павликиан, он даже не задается вопросом о социально-экономических и политических причинах, вызвавших к жизни павликианство и обусловивших своеобразие этого учения. При этом, связывая павликианство с другими „еретическими“ учениями, С. Рэнсимен не выходит за пределы рассмотрения одних лишь идей. Идеи у него существуют сами по себе и сами же, вне всякой связи с общественными отношениями, их создавшими, порождают другие идеи.

Разделяя методологические пороки, свойственные всем буржуазным историкам, откровенный идеалист С. Рэнсимен, изучая „ереси“ с позиций ошибочной, антинаучной теории филиации идей, не смог, разумеется, выяснить причины, породившие „еретические“ движения, в частности движение павликиан. Он был вынужден признать свою полную несостоятельность при попытке объяснения исторических фактов: словно подписывая самому себе *testamentum paupertatis*, Рэнсимен констатирует, что „легче описать ересь, чем вскрыть ее происхождение“. Само собой разумеется, сделать последнее не только трудно, но и просто невозможно, если изучать идеи вне исторической среды, в отрыве от общественно-экономических условий, из которых они выростали: именно так рассматривает павликианство Рэнсимен.

Основным недостатком работы С. Рэнсимена и является изучение им еретических движений вне острой классовой борьбы, их породившей: Рэнсимен не делает ни малейшей попытки поставить вопрос о социальной природе этих движений, дать анализ социально-экономических

условий, вызвавших их появление, выяснить вопрос о том, идеологию каких общественных групп они отражали.

Порочная методология Рэнсимена обусловила существенные пробелы и ошибки фактического характера, имеющиеся в его работе.

Излагая историю павликианского движения, Рэнсимен наряду с греческими пользуется и армянскими источниками, впервые введенными в научный оборот Карапетом Тер-Мкртчяном и Конибиером. Но из греческих источников он следует изложению одного лишь Петра Сицилийца с некоторыми дополнениями, почерпнутыми в византийских хрониках. Им вовсе не привлекаются и даже не упоминаются, казалось бы, прямо относящиеся к его работе: диалоги с манихеем Иоанна Дамаскина, диалоги с манихеями — Павла с Фотином, Иоанна — с манихеем, содержащиеся в Cod. Sinait., 383 (IX в.); сочинение Никиты Византийца о манихеях (содержащееся в ватиканском кодексе № 680, изд. Май и относимое им к VI в.); формулы отречения; труды Никифора; недостаточно используются византийские хроники, в частности хроника Феофана, отчего очерк истории движения страдает неполнотой (например, в части изложения событий в Константинополе в начале IX в.), и т. д.

Вследствие недостаточного использования источников изложение учения павликиан, данное у С. Рэнсимена, страдает существенными пробелами. Игнорирование данных Никифора привело к тому, что в работе остался вовсе не освещенным и даже не поставленным вопрос об отношениях павликиан с иконоборцами. В части топонимики большим пробелом является недостаточное использование хроники Георгия Монаха и, в частности, ее эскуриальской версии, что ведет Рэнсимена к прямым ошибкам: следуя рассказу Петра Сицилийца, Рэнсимен, например, упоминает о никогда не существовавшем *Synopolis'e*, — в то время как в действительности речь идет о сельском поселении, именованномся *Κολοχώριον*.

Имеются в работе и другие ошибки. Так, например, на стр. 37, устанавливая локализацию Мананали, Рэнсимен говорит, что Мананали — округ на верхнем Евфрате на запад от Эрзерума; Конибиер же, локализацию которого принимает С. Рэнсимен, как он сам указывает в предисловии, относит Мананали на восток от Эрзерума¹.

Таким образом, работы Грегуара и Рэнсимена свидетельствуют о полной неспособности современной буржуазной науки, вследствие глубокой порочности ее методологии, дать решение важных исторических проблем, связанных с историей средневековых ересей.

Только марксистский метод исторического исследования открывает широчайшие возможности для подлинно-научного разрешения коренных проблем истории Византии. Известно, что именно благодаря применению научной марксистской методологии Энгельс сумел блестяще проанализировать и выяснить социальные корни еретических движений в средневековой Германии и других странах Европы.

Советские историки, руководствуясь основополагающими указаниями классиков марксизма, работают над изучением социальной природы и идеологии еретических движений, в том числе и движения павликиан.

Е. Э. Липшиц

¹Ср. Conybeare. The key of truth, p. 139. „Mananali now Thegmann, lies due south-east of Erzeroum, twelve hours or more by the public road, and six or seven by mountain path...“ и т. д. Ср. Runciman, Op. cit., p. 37: „Mananali which is a canton on the upper Euphrates, just west of Erzeroum“.

КРИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР АКТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКИХ КОНГРЕССОВ

В буржуазной исторической науке византиноведение всегда занимало особое место. Без преувеличения можно сказать, что нет ни одной исторической дисциплины, которая так открыто использовалась бы буржуазией для „теоретического“ обоснования ее политических целей. Так, во Франции византиноведы, начиная еще с XVII в., усиленно занимались пропагандой колониальной экспансии Франции в Африке и на Ближнем Востоке. Четвертый крестовый поход и основанная „крестоносными болванами“ (Маркс) Латинская империя, в которой видную роль играли представители знатных феодальных родов Франции, со времени Дюканжа (1610—1688) не сходят со страниц многочисленных монографий и журнальных статей. Уже этот автор глоссариев греческого и латинского языков средневековья издал сочинение Виллардуэна о завоевании Константинополя франками и венецианцами. Основная идея этого сочинения заключалась в оправдании захватов французских крестоносцев в Византии. Через несколько лет тот же Дюканж написал „Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français“ — труд, положивший в известном смысле начало „историческому обоснованию“ колониальных притязаний французской буржуазии на Ближнем Востоке. При этом характерно, что уже здесь господство „латинян“ на Балканском полуострове изображалось благодетельным для славянского населения. Таким образом, создавались „идейные предпосылки“ для последующих измышлений буржуазных ученых о неспособности славян к самостоятельной политической жизни, о том, что славяне якобы получали „культурные навыки“ от западных завоевателей — носителей „цивилизации“.

Современное реакционное буржуазное византиноведение, возглавляемое врагом Страны социализма и стран народной демократии — Грегуаром, открыто поставило себя на службу англо-американскому агрессивному блоку.

Время от времени буржуазные византинисты собираются на свои международные конгрессы, в списках участников которых на первом месте можно видеть дипломатов, представителей Ватикана, кардиналов, епископов католической церкви, английских, французских и немецких графов и баронов, наконец, американских миллиардеров, бросающих щедрые подачки на расходы по созыву и проведению конгрессов и на издание их актов. При UNESCO Организации объединенных наций, которая по сути дела „является теперь не столько всемирной организацией, сколько организацией для американцев, действующей на потребу американским агрессорам“¹, существует международная комиссия по изучению Византии — факт, подчеркивающий подлинный характер современного византиноведения в США и в Западной Европе, где на американские доллары создаются византиноведческие институты, издаются специальные журналы, в том числе „Byzantion“ (во главе которого стоит упоминавшийся выше Грегуар). Вся эта „деятельность“ ничего общего не имеет с наукой: византиноведение на Западе представляет одно из средств пропаганды американских империалистов.

¹ И. В. Сталин. Беседа с корреспондентом „Правды“, Госполитиздат, 1951, стр. 11—12.

Нашей задачей в настоящем обзоре является осветить работу двух последних „международных“ конгрессов византинистов.

* * *

Незадолго до второй мировой войны в столице фашистской Италии собрался пятый „международный“ конгресс византинистов. Реакционная политическая направленность буржуазного византиноведения Запада ярко иллюстрируется как составом участников конгресса, так и всем ходом его работы. „Высоким патроном“ конгресса считался король Италии и „император Эфиопии“ Виктор-Эммануил III, председателем конгресса — министр просвещения фашистского правительства. На открытии конгресса присутствовал дипломатический корпус, представители фашистского сената и фашистского парламента. Концерты средневековой византийской музыки, приемы в Ватикане, приветствия членов фашистского правительства, пожелания участников конгресса о превращении столицы „новой Италии“ в международный центр византийских исследований — все это ярко показывает реакционное политическое лицо конгресса. Впрочем, внешнему „блеску“ конгресса ни в какой степени не соответствуют научные достижения буржуазных византинистов, итоги которых должны были быть отражены в многочисленных докладах, прочитанных участниками конгресса.

В первой части актов конгресса помещено 40 докладов по разделу истории, 35 — по филологии, 16 — по праву; во второй части напечатано 60 отчетов о докладах по археологии и истории византийского искусства, 14 — по вопросам литургики и музыки и хроника конгресса¹. Среди этого обширного материала читатель напрасно стал бы искать итогов исследований, посвященных центральным проблемам социально-экономической, политической и культурной истории Византии. В подавляющем большинстве напечатанные в этих объемистых томах отчеты представляют собой сообщения о трудах, посвященных мелочным, второстепенным вопросам византийской истории. Изучение социально-экономической истории Византии, классовой борьбы народных масс, общественно-политической идеологии угнетенных классов — все эти важнейшие проблемы, исследование которых стоит в центре внимания советских византинистов, остаются почти совершенно вне поля зрения современных реакционных византинистов Западной Европы и США.

Из докладов, посвященных изучению различных вопросов общественно-экономического строя Византии, можно лишь отметить доклады Р. Кантарелла, венгерского буржуазного византиниста Е. Дарко, Де-Доминичис, Н. Йорга, В. Мошина, Ж. Руйяр (отметим, впрочем, что авторы и этих докладов занимаются главным образом источниковедческим анализом актового материала).

Доклад Р. Кантарелла² дает описание и характеристику актов, содержащихся в рукописи № 105 библиотеки Мессинского университета и издаваемых в *Archivio Storico Siciliano*. Эти акты относятся к первой половине XIV в. и имеют известное значение для изучения средневековой Италии, особенно — монастырского землевладения этого периода.

¹ *Atti del V Congresso internazionale di studi bizantini*. Roma 20—26 settembre 1936. *Studi bizantini e neoellenici*, volume quinto. I. *Storia — filologia — diritto*, p. 740. Roma, 1939. II. *Archeologia et storia dell'arte — Liturgia e musica — Chronaca del congresso*, p. 618, Roma, 1940.

² R. Cantarella. *Nuovi documenti greci sui monasteri greci di Sicilia nel secolo XIV*. *Atti del V congresso*, I, p. 70—78.

Однако автор оставляет в стороне исследование этой проблемы. Он переносит центр тяжести на вопрос о культурной роли монастырей, считая их центрами греческой культуры в Италии, средоточием зародышей гуманизма и „возрождения“. Вывод о „дивилитарской“ роли итальянских монастырей совершенно не соответствует действительности. Советская историческая наука разоблачила реакционную роль католической церкви, которая являлась „наивысшим обобщением и санкцией... феодального строя“¹ и которая на всем протяжении своей истории, душила зачатки новой культуры. Автора занимают главным образом мельчайшие детали в организации монастырского управления, детали, касающиеся функций руководителей монастырей, мелкие хронологические подробности. Поэтому собранный им большой документальный материал остается по существу неразработанным и нуждается в серьезном пересмотре и исследовании.

В небольшой заметке венгерского византиста Е. Дарко о „милитаризации“ Византийской империи² сделана попытка пересмотреть вопрос о характере фемного устройства. Корни фемного устройства автор ищет еще в эллинистическую эпоху, в военной организации, созданной в империи Александра Македонского, и далее — в административных реформах, проведенных в Западной Римской империи при Диоклетиане и Константине. Уже в эдикте императора Септимия Севера Дарко усматривает начало порядка, при котором командирам и воинам пограничных областей (*limitaneis ducibus et militibus*) предоставлялись земельные участки, — он видит в них зародыш стратиотских участков Византии. Автор считает, что этот порядок продолжал существовать до конца Западной Римской империи и дожил до ранневизантийского периода. В „доказательство“ этого тезиса Дарко ссылается на одну новеллу Феодосия, по которой категорически запрещалось приобретать такие воинские участки³, отчуждать, закладывать, вообще превращать их в предмет гражданского частного права. Не говоря уже о недостаточности такого рода „доказательства“, необходимо подчеркнуть, что все изучение фемного устройства и связанной с ним системы стратиотских участков ведется Дарко на неправильной методологической основе. Его ошибкой является параллельный анализ несопоставимых социальных категорий Западной Римской империи II—III вв. н. э. и Византийской империи VII—IX вв. Как и большинство буржуазных византистов, Дарко не учитывает глубоких изменений, происшедших в социальном строе Византийской империи в результате вторжений славян и народных движений VI—VII вв., заставлявших императоров перестраивать областную администрацию в сторону большей централизации власти в руках областных правителей. Пренебрежение исследованием этих явлений приводит Дарко к повторению глубоко ошибочного вывода буржуазных историков, приписывавших все благодеяния фемного строя преобразовательной деятельности „великого“ императора Ираклия. Наконец, основную причину организации фемного строя Дарко ошибочно ищет не во внутренних условиях феодализирующейся империи, а во внешних условиях существования Византии — в необходимости усилить оборону империи в сложной обстановке военных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

² E. Darko. La militarizzazione dell'Impero bizantino. Atti del V congresso, I, p. 88—99.

³ *Leges novellae ad Theodosium pertinentes*, ed. Meyer, Berolini, 1905, nov. XXIV, p. 61—63.

столкновений VII—IX вв.: эта точка зрения является следствием порочной методологии исследования данного вопроса в трудах буржуазных историков.

Доклады В. Мошина¹ и Ж. Руйяр² были посвящены описанию некоторых рукописных собраний афонских монастырей. Полный текст сообщения В. Мошина уже появлялся в печати на русском языке³. Французская византистка Ж. Руйяр, много работавшая над изданием актов Лавры, сделала на конгрессе сообщение о выходе в свет первого тома собрания этих актов, охватывающего период до 1204 г., т. е. до латинского завоевания, а также о подготовляемом ею в сотрудничестве с П. Колломп издании второго тома, в котором будут собраны акты эпохи Палеологов (1261—1453).

Румынский историк Н. Йорга в своем докладе⁴ указал, что история Византии у большинства историков ограничивается историей ее столицы, в то время как жизнь провинциальных центров обычно остается вне внимания исследователей. Н. Йорга сделал в своем докладе попытку определить круг задач, стоящих перед историками в изучении жизни многочисленных городов империи. Однако, как и остальные труды Йорги, эта работа очень поверхностна, отличается скороспелыми выводами, не основанными на глубоком изучении источников. В его докладе чувствуется влияние французской школы византистов, особенно Ш. Диля, учеником которого считал себя Йорга.

К докладу Н. Йорги примыкает заметка Де-Доминичис по поводу „regiones suburbicariae“⁵, в которой автор пересматривает данные *Notitia dignitatum et administrationum omnium*, постановления Никейского собора, данные кодекса Феодосия и других источников для определения характера управления пригородными районами городов в позднеримское и ранневизантийское время.

Из докладов, затрагивающих вопросы внутривизантийской истории Византии, отметим доклад греческого историка М. Дендиаса, который представил конгрессу итоги своей работы о государственном устройстве Византии, преимущественно в X в.⁶ Эта работа состоит из двух частей: в первой рассматривается вопрос о роли императора в организации исполнительной власти в Византии X в., вторая посвящена изучению вопроса о государственных чиновниках и их юридическом положении (преимущественно в X в.). Тема работы Дендиаса, несомненно, представляет большой интерес. Изучение внутренней истории Византии в период правления Македонской династии (867—1056), когда отчетливо выявляются основные линии развития византийского феодализма, имеет первостепенное значение для понимания своеобразия византийского феодализма. Изучение внутренней политики императоров Македонской династии важно еще и потому, что буржуазные византилисты

¹ V. Mošin. Quelques chrysobulles grecs rédigés dans les monastères slaves de l'Athos. Atti..., p. 225—226.

² G. Rouillard. Les actes de Lavra à l'époque des Paléologues. Ibid., p. 300—310.

³ В. Мошин. К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии. Юбилейный сборник Русского археологического общества в Югославии, Белград, 1936, стр. 93—109.

⁴ N. Iorga. La vie de province dans l'Empire byzantin. Atti... p. 188—207. Ср. „Revue historique du sud-est européen“, v. XIV, 1937, p. 1—25.

⁵ De Dominicis. Les „regiones suburbicariae“ nell'ordinamento del basso Impero. Atti..., p. 110—121.

⁶ M. Dendias. Etudes sur le gouvernement et l'administration à Byzance. Atti..., p. 122—145.

Запада и дореволюционные русские византилисты, особенно В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский, идеализировали их аграрную политику, изображая ее как „меры в защиту мелкого крестьянского землевладения“, как заботу о „меньшей братии“. Только советские византилисты (М. В. Левченко, З. В. Удальцова, А. П. Каждан и др.) разоблачили эту антинаучную теорию, показав, что аграрная политика императоров Македонской династии определялась интересами господствующего класса.

Однако работа, предпринятая Дендиасом, велась им в отрыве от изучения общественно-экономического строя и классовой борьбы в Византии в правление Македонской династии. Эти вопросы, без решения которых невозможно прийти к правильным выводам, остаются в работе Дендиаса нерассмотренными, — в этом ярко сказывается пренебрежение к социально-экономической проблематике и изучению классовой борьбы, являющееся одним из основных пороков буржуазной историографии. Поэтому работа Дендиаса по существу представляет крайне поверхностное исследование форм государственного устройства, взятых вне их связи с теми социальными силами, интересам которых служило византийское государство. Известно, что Македонская династия, подавившая народные движения, в том числе широкое антифеодалное движение павликиан, своей законодательной деятельностью стремилась закрепить восстанавливаемые ею порядки, господствовавшие в Византии до начала иконоборчества. Императоры этой династии восстановили реакционное юстиниановское законодательство, издали Прохирон, в котором были объединены выдержки из *Corpus juris civilis*, составили новое руководство обычного права — Эпанагогу (886). По приказанию Льва VI были составлены Василики — компиляция и сводка юридических работ, изданных в правление Юстиниана. В 1045 г. при Константине Мономахе была основана константинопольская юридическая школа: ее задачей являлась подготовка юристов и чиновников, которые должны были проводить в жизнь реакционную политику императоров Македонской династии. Но социальный смысл внутренней политики Македонской династии не интересует Дендиаса.

Рассуждения Дендиаса в первой части его работы посвящены вопросу о роли императора, о его взаимоотношениях с сенатом, как органом, ограничивающим власть императора. Сенат, являвшийся собранием высшей военной и гражданской знати, действительно играл большую роль при Македонской династии. Но причин усиления роли сената автор не мог объяснить, так как прошел мимо такого решающего фактора во внутренней истории Византии этого периода, как возвышение земельной феодальной аристократии, начинающей занимать все более видное место при византийском дворе.

Вторая часть работы Дендиаса посвящена анализу деятельности византийских высших чиновников, причем изучение самой чиновничьей иерархии ведется автором главным образом на основе данных „Клиторологии“ Филофея: последние неоднократно привлекались к исследованиям, — автор лишь сводит воедино выводы, добытые его многочисленными предшественниками, интересовавшимися этим вопросом.

В целом исследование Дендиаса, построенное исключительно на формально-юридическом толковании привлекаемых им источников, лишь один раз подтверждает полную неспособность буржуазной науки осмыслить действительно крупные проблемы византийской истории.

В ряде докладов на конгрессе трактовались вопросы византийской внешней политики. Из них некоторый интерес представляет доклад польского историка И. Свенцицкого о мирных договорах Руси и Болгарии с Византией¹. Вслед за болгарскими историками (Д. Ангелов, А. Бурмов и др.) Свенцицкий опровергает традиционное представление о том, что первый договор Болгарии с Византией был заключен Аспарухом в 679 г. Как известно, 679 г. долго считался начальной датой истории Первого Болгарского царства. Автор убедительно показывает, что первый договор Болгарии с Византией был заключен в 634 г. болгарским ханом Кувратом. Этот вывод позволяет говорить о более раннем происхождении болгарского государства, чем это было принято считать до сих пор. Сообщения Свенцицкого о внешних сношениях Руси и Византии не содержат каких-либо новых сведений по этому вопросу.

Истории грузино-византийских отношений был посвящен доклад Беридзе². В докладе Беридзе проводится обычная для буржуазных историков антинаучная теория, согласно которой византийская культура будто бы являлась единственным источником культуры грузинского народа, — теория, отрицающая самобытный характер древней грузинской культуры; как известно, на самом деле последняя не только не уступала, но во многих отношениях и превосходила культуру Византии. Но Беридзе нет дела до исторических фактов. Прокопий и Пселл, по его мнению, — обычные образцы для грузинских историков; Антоний Чкондикели в начале XIII в. составил воинский устав, лишь переделав византийский оригинал. Даже замечательный эпос грузинского народа „Витязь в тигровой шкуре“ Шота Руставели представляется космополиту Беридзе лишь перепевом византийских сюжетов. Грузинские и армянские историки в советское время разоблачили в своих трудах антинаучную теорию византийского влияния, как фактора, оказавшего якобы решающее воздействие на развитие культуры народов Закавказья. Грузинский народ, как и другие народы братских советских союзных республик, переживает полосу подлинного расцвета своей культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Реакционные утверждения белоэмигрантов типа Беридзе об „определяющей“ роли византийской культуры в формировании грузинской, армянской и других культур народов СССР являются антинаучными, космополитическими бреднями, не имеющими ничего общего с подлинной историей культуры народов.

Антинаучные взгляды Да Коста Луйе³ (ее статья уже печаталась в „Byzantion“), встретившие одобрение Грегуара, получили достойный отпор в работе советской исследовательницы Е. Э. Липшиц⁴, убедительно показавшей значение выводов акад. В. Г. Васильевского в вопросе о взаимоотношениях Руси и Византии в IX в. и подкрепившей эти выводы новыми данными источников. Е. Э. Липшиц, длительное время изучавшая историю византийской культуры IX в., сопоставив стихотворные произведения Игнатия с другими источниками, установила связь Игнатия с Иоанном Грамматиком; она показала также ошибочность взгляда

¹ I. Swienickij. Die Friedensverträge der Bulgaren und der Russen mit Byzanz. Atti..., p. 322—326.

² Ch. Beridze. Byzance et le Caucase, Atti..., p. 11—24.

³ G. Da Costa Louillet. Y eut-il des invasions russes dans l'Empire byzantine avant 860? Atti..., p. 85.

⁴ Е. Э. Липшиц о походе Руси на Византию ранее 842 г. „Исторические записки“, т. 26, 1948, стр. 312—331.

Да Коста Луйе, которая пыталась отнести житие Георгия Амастридского к числу переработок Симеона Метафраста. На сессии Отделения истории и философии АН СССР в 1946 г. академик Б. Д. Греков отметил, что работа Ж. Да Коста Луйе наглядно показывает антинаучную сущность современного буржуазного византиноведения, недостаточно углубленно изучающего источники, подходящего к источникам с предвзятой „норманистской“ точки зрения, и указал, что большой заслугой советской ученой Е. Э. Липшиц является то, что она опровергла антинаучные выводы ученицы Грегуара — Ж. Да Коста Луйе.

Работа Канара, профессора Алжирского университета, доложенная им на конгрессе¹, посвящена анализу двух неизданных документов, относящихся к Варде Склиру и извлеченных автором из четырнадцатитомного руководства для правительственных канцелярий, составленного главным секретарем канцелярии мамлюков Калкашанди, жившим в XIV—XV вв. Руководство Калкашанди было издано лишь в 1918 г., вследствие чего оно не могло быть привлечено к исследованию историками, изучавшими время Василия II Болгаробойцы — Розеном и Шлюмберже, как и арабистом Амедроза. Канар дает переводы документов, расширяющих наши представления о связях Варды Склира с мусульманскими правителями Багдада. Первый из этих документов — договор, заключенный в 986 г. между Вардой Склиром, который в документе называется императором Рума, с Шамшамом-ад-Даула, представителем аббасидского халифа в Багдаде Аль-Тай-Лила. Второй документ представляет собой письмо к Варде Склиру, отправленное военачальником Аббасидов Абуль-Фаварис-аль-Турки-аль-Муизи. Оба документа содержат некоторые новые сведения об условиях, на которых Варда Склир рассчитывал получить помощь от аббасидского халифата, в том числе за счет уступки части территории Византийской империи.

Остальной материал докладов конгресса, изложенный в историческом разделе „Актів V конгресса“, не заслуживает специального рассмотрения. Это — незначительные сообщения на второстепенные темы, как, например, о свадьбе дочери деспота Фомы Палеолога с итальянским вельможей Караччиоло (W. Ensslin, p. 166—175), о том, был ли город Исса разрушен готами (G. Novak, p. 239—251), о развитии императорской идеи в свете византийского церемониала коронавания (G. Ostrogorsky, p. 299), о дате собора в Аквилее (I. Zeiller, p. 327—332) и т. п.

Давая общую оценку исторического раздела актов V конгресса, нужно прежде всего отметить, что в напечатанных в нем докладах не поставлено ни одной крупной проблемы византийской истории. Даже в тех работах, где привлекались заслуживающие внимания источники, позволяющие характеризовать различные стороны социально-экономической жизни того или иного периода, — эти источники не делались основой для обобщающих выводов, которые бы проливали новый свет на то или иное явление общественно-экономического развития Византии.

Еще в большей степени сказанное относится к разделу филологии. Из 35 докладов, помещенных в этом отделе, заслуживают некоторого внимания лишь доклады о Георгии Схоларии, как философе², и о „гуманизме“ Иоанна Италя³.

¹ M. Canard. Deux documents arabes sur Bardas Skleros. Atti. . . , p. 55—69.

² M. Jugie. Georges Scholarios, professeur de philosophie, Ibid., p. 482—494.

³ I. Dujscev L'Umanesimo di Giovanni Italo. Ibid., p. 432—436.

Весь остальной материал состоит из мелочных заметок формально-филологического характера, посвященных анализу морфологии, лексики, иноязычных элементов у того или иного автора, топонимике у тех или иных византийских писателей и т. д.

Большинство статей в отделе права посвящено анализу отдельных элементов церковного, канонического права, постановлений различных вселенских соборов, дисциплинарных уставов византийских монастырей. В статье Германа о развитии в Византии дарений в пользу церквей и монастырей¹ автор приходит к выводу, что с течением времени императорская власть превращала добровольные пожертвования в налоги, взимаемые в пользу церквей и монастырей в принудительном порядке и поступавшие в распоряжение соответствующих церковных округов, при чем императоры строго регламентировали порядок расходования фонда, образуемого из взносов этого налога, известного под именем каноникон.

Французский историк П. Коллинэ в своей статье о политике Юстиниана I по отношению к колонам² поставил перед собой задачу опровергнуть вывод Фюстель де Куланжа о том, что Юстиниан проводил суровую политику по отношению к колонам, приравнивая их к рабам, сближая социально-правовое положение колонов с положением рабов³. По мнению Коллинэ, точка зрения Ф. де Куланжа господствует в исторической науке потому, что историки, занимавшиеся этим вопросом, не дифференцировали отношения Юстиниана к адскрипциям, с одной стороны, и к колонам — с другой, не сопоставляли различий в правовом положении этих категорий зависимых людей по юстиниановскому законодательству. К адскрипциям, говорит Коллинэ, Юстиниан, действительно, относился крайне сурово. Но как объясняет французский историк мотивы подобного отношения? Юстиниан, заявляет он, защищал колонов высших разрядов (*coloni inquilini*) от последствий дурного законодательства, не испытывая никакого сожаления по отношению к адскрипциям. Это чувство, продолжает автор, станет понятным, если мы обратим внимание на происхождение адскрипциев⁴. Это — мелкие земледельцы, которые коммендируются крупным землевладельцам, теряют свободу, которые, по словам Сальвиана, являются „рассудительными, расчетливыми людьми, приобретают владения у знатных, скрываясь там, как в убежище“. Такие люди, утверждает Коллинэ, даже если они спасались от преследований со стороны *exatores*, могли вызывать у Юстиниана лишь презрение. Борьба с увеличением числа адскрипциев, защита „настоящих колонов“, борьба против знати — таковы, по мнению Коллинэ, основные линии внутренней политики Юстиниана.

На самом деле нет ничего более ошибочного, чем эта оценка характера законодательства Юстиниана. Впрочем взгляды Коллинэ на Юстиниана не являются каким-либо исключением в буржуазной историографии: большинство буржуазных историков, следуя выводам Диля, наиболее видного апологета Юстиниана, видят в нем самодержца,

¹ E. S. J. Herman. Zum kirchlichen Beneficialwesen im byzantinischen Recht. Atti..., p. 657—671.

² P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons. Atti..., p. 600—611.

³ F. de Coulanges. Recherches sur quelques problèmes d'histoire, 3-ème ed., Paris, 1913, p. 1—186.

⁴ P. Collinet. La politique de Justinien à l'égard des colons, p. 605—606.

боровшегося за крепкую монархическую власть вообще, за устойчивость христианской религии, освящавшей эту власть, и т. д. и т. п. Для историка-марксиста Юстиниан — „душитель революционного движения угнетенных масс“, а его правление — время „кратковременного торжества рабовладельческой реакции“, „последняя отчаянная попытка рабовладельческого мира взять реванш и подавить революционное движение народных масс“¹. Юстиниан был беспощадным душителем народных движений, в которых наряду с рабами принимали участие и колонны.

Из правового отдела актов V конгресса заслуживает быть отмеченным еще доклад румынского историка Корои². Эта работа отличается обстоятельностью: на 5—10 строк текста каждой из 33 страниц статьи приходится вся остальная страница, заполненная сносками на издания папирусов, других источников и на обширную литературу. Основными источниками автора являлись два папируса, № 472 и 486, изданные в 1903 г. в Лондоне в III части „The Oxyrhynchus Papyri“.

На основании этих и других источников автор изучает деятельность постоянных провинциальных судов, возникших после исчезновения основанных по реформе Диоклетиана *conventus*. Исследование ведется автором путем анализа частного процесса о праве собственности. Этот анализ позволяет ему установить ряд новых деталей в вопросах о порядке гражданского судопроизводства, о судостроительстве городских *dikastiria ordinaria* и *extraordinaria*, о деятельности судебных чиновников — *juridici* и *archidicasti*, о функциях областных судов. Исследование Корои устанавливает некоторые новые подробности, касающиеся правового положения рабов в гражданском процессе.

На конгрессе было сделано сообщение профессора Варшавского университета Тадеуша Зелинского о плане подготовки международного издания собрания сочинений писателей греко-римского церковного и гражданского права³.

Шестой том „*Studi bizantini e neoellenici*“ содержит вторую часть актов V международного конгресса.

Эта часть состоит из разделов: 1) Археология и история искусства, 2) Литургика и музыка и 3) Хроника конгресса.

Критический обзор всего материала, содержащегося в этом томе, явится делом специалистов по истории византийского искусства.

Здесь необходимо остановиться на одном любопытном факте, отмеченном в хронике конгресса и иллюстрирующем одичание нравов в расхваливаемом буржуазным учеными мире так называемой „западной культуры“. Пятый византиноведческий конгресс принял специальное постановление, направленное против подделывателей предметов древнего искусства, которые занимаются подделками с целью продажи своих „произведений“ музеям, и против воров, расхищающих музейные ценности. Надо полагать, что такие кражи являются весьма

¹ Э. В. Удадьцова. Вступительная статья к книге „Прокопий из Кесарии. Война с готами“ (перев. С. П. Кондратьева), М., 1950, стр. 7.

² Т. Н. Сорої. *Procès de Sarapion et de Dionysia au temps d'Hadrien. Atti...*, p. 612—645.

³ Th. Zielinski. *Projet de la création d'un „Corpus scriptorum juris graeco-romani tam canonici quam civilis“*, *Atti...*, p. 735—740.

частыми, если для борьбы с ними понадобилось специальное постановление ученого конгресса.

* * *

В 1939 г. в Алжире должен был состояться VI международный конгресс византистов. Конгрессу предшествовало издание кратких рефератов тех докладов, которые входили в план его работ, — под названием „Resumés et Communications du VI Congrès international d'études byzantines“. Вторая мировая война помешала осуществить созыв этого конгресса.

Лишь в 1948 г. состоялись, один за другим, два конгресса — в конце июля 1948 г. — VI конгресс (в Париже) и в начале августа того же года — VII конгресс (в Брюсселе). За отсутствием в нашем распоряжении актов VI конгресса мы можем составить себе самое суммарное представление о его работе лишь по хронике, опубликованной в „Revue des études byzantines“¹. Автор хроникальной заметки Лоран не перечисляет докладов, зачитанных на конгрессе, за исключением докладов, сделанных членами Institut français d'études byzantines и в основном посвященных церковной истории. Интересно отметить, что на VI конгрессе возник вопрос об организации Международного комитета по изучению Византии при UNESCO Организации объединенных наций. Как мы уже упоминали, такая организация была создана, но в нее вошли лишь представители капиталистических стран. Византисты СССР и стран народной демократии не вошли в эту организацию, поставившую себя целиком на службу американскому империализму. Таким образом, в области науки ученые маршаллизованных стран под „руководством“ дипломированных лакеев империалистов США ведут такую же раскольническую линию, как и их господа — американские империалисты — в области мировой политики. Загнивающее буржуазное реакционное византиноведение полностью встало на путь прислужничества американским поджигателям войны, перестало иметь что-либо общее с наукой. Только передовое византиноведение СССР и стран народной демократии, ученые которых знакомятся у советских византистов с опытом их научно-исследовательской работы, основанной на самом передовом марксистско-ленинском методе исторического исследования, является воплощением дальнейшего прогресса в изучении истории Византии.

Переходим к обзору деятельности VII конгресса византистов, происходившего, как уже сказано, в 1948 г. в Брюсселе. Акты этого конгресса печатались в XIX томе журнала „Byzantion“, вышедшем в свет в 1949 г.

Отметим в первую очередь две работы, относящиеся к вопросам о происхождении и истории первого крестового похода — Хараниса² и английского дипломата-византиста Рэнсимена³. Автор первой работы выдвигает новую точку зрения в вопросе о причинах первого крестового похода, вернее — его внешнеполитической предистории. Харанис

¹ „Revue des études byzantines“, v. VI, 2-ème fascicule. Chronique. I. Les VI et VII Congrès internationaux d'études byzantines, Bucarest, 1948, p. 291—294.

² P. Charanis, Byzantium, the West and the origin of the first crusade. „Byzantion“, XIX, 1949, p. 17—36.

³ S. Runciman. The first crusader's journey across the Balkan peninsula, ibid., p. 207—221.

связывает поворот во внешней политике византийских императоров (в сторону поисков военной помощи на Западе для борьбы против турок-сельджуков) с битвой при Манцикерте 1071 г., закончившейся разгромом византийской армии и захватом Малой Азии турками-сельджуками. Харанис отмечает попытки Византии уже в этом же году получить военную помощь от норманнов: эти попытки он усматривает в переговорах о браке одного из императорских сыновей с дочерью Роберта Гвискара. Далее Харанис рассматривает различные, выдвигавшиеся в историографии теории по вопросу о роли Алексея I Комнина в организации первого крестового похода. В этом историографическом экскурсе Харанис отмечает, что большинство историков присоединилось к точке зрения Ригана, отрицавшего факт обращения Алексея I к Урбану II с просьбой об организации крестового похода. И действительно, совсем недавно Г. А. Острогорский считал большой заслугой Ф. Шаландона установление последним не только отсутствия какою бы то ни было обращения Алексея I к папе, но и полной неожиданности крестового похода для Алексея I¹. Опровержению этого взгляда и посвящена работа Хараниса.

Доказательство правильности своей точки зрения Харанис ищет в непривлекавшемся для изучения истории первого крестового похода источнике — хронике Феодора Скутариота, значение которой уже подчеркивалось венгерским историком Г. Моравчиком². Скутариот подробно останавливается на причинах, побудивших Алексея I искать военной помощи Запада, и дополняет в этом отношении известия западной хроники Бернольда.

Тот факт, что историк царствования Алексея I, его дочь — Анна Комнина умалчивает о переговорах Алексея I с папой Урбаном II, Харанис объясняет ее стремлением умышленно обойти молчанием эти переговоры, чтобы не давать повода к возведению на отца обвинений во вторжении западных крестоносцев, причинивших во время своего прохождения через территорию Византии большие бедствия населению.

Тексты источников не позволяют сомневаться в том, что Алексей I действительно искал помощи Запада, применяя обычное традиционное оружие византийской дипломатии — обещание унии с католической церковью; однако вопрос о времени его обращения на Запад остается спорным. В своей статье Харанис совершенно неверно рисует роль папского престола в организации первого крестового похода. Урбан II в изображении Хараниса представляется идеальным главою церкви, пекущимся об ее интересах, ставящим на службу этим интересам всю свою деятельность, заботящимся лишь о возвращении заблудшей дочери — византийской церкви — в лоно римской церкви.

Историки-марксисты давно разоблачили легенду об „идеальных“ целях папства в крестовых походах, усвоенную буржуазной историографией еще от феодально-католических историков и фальсифицирующую историю этих военно-колониционных предприятий; советские историки показали, что папство в данном случае, как и во всей своей деятельности, лишь выполняло социальный заказ господствующей

¹ G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates*, München, 1940, S. 225, n. 2.

² G. Moravcsik, *Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. „Byzantinoturcica“, I, Budapest, 1942, S. 329 ff.

щего класса западных феодальных государств. Этого не может и не хочет понять буржуазный историк Харанис.

Автор второй работы, относящейся к истории первого крестового похода, — Рэнсимен, указывая на недостаток сведений в византийских источниках, восстанавливает шаг за шагом путь крестоносных ополчений через Балканский полуостров, используя данные западных хронистов — Фульшера Шартрского, Альберта Ахенского, Раймонда Ажилевского и анонимного автора хроники *Gesta Francorum*.

В числе докладов, сделанных на VII конгрессе по вопросам внешней политики Византии, следует отметить работы Губера¹, Никерсон² и Острогорского³.

Работа Губера посвящена обзору дипломатических отношений Хосрова II и византийского императора Маврикия. Особенно занимает автора период дружественных взаимоотношений между Византией и Ираном при Маврикии. Губер устанавливает ряд новых хронологических и топографических деталей из истории византино-иранских отношений. Однако следует отметить, что в изучении взаимоотношений Византии и Ирана, как и во многих других разделах истории Византии, приоритет бесспорно принадлежит советскому византиноведению. Достаточно назвать хотя бы монографию члена-корреспондента АН СССР Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI—VII веков“, вышедшую в свет в 1946 г., и ее же работу „Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв.“⁴, работу академика Я. А. Манандяна „Маршруты персидских походов императора Ираклия“⁵ и др., коренным образом отличающиеся от сочинений буржуазных историков исключительным вниманием к анализу общественно-экономического строя как Византии, так и Ирана.

М. Никерсон в своей статье, основываясь на недостаточно использованных *Lignages d'Outremer* и других источниках, характеризует обстановку создания в Бейруте сеньории (в результате первого крестового похода), выясняет генеалогию фамилии Бланшбар, описывает время правления в Бейруте ряда представителей этой фамилии до конца XII в. и в заключение излагает историю Бейрута от 1166 до 1205 г.

Острогорский, основываясь на одном акте, изданном в собрании актов Лавры⁶, приводит сообщение о сербском посольстве в Византию в конце X в.; это посольство до сих пор не было известно по другим источникам.

Небольшие сообщения Куртуа⁷, и Гийян⁸ посвящены отдельным вопросам административного устройства Византийской империи. Автор первого из этих сообщений, возражая Бьюри и Штейну, считавшим,

¹ P. Goubert, *Les rapports de Khosrau II, roi des rois sassanides, avec l'empereur Maurice*. „Bizantion“ XIX, 1949, p. 79—111.

² M. E. Nickerson. *The seignury of Beirut in the twelfth century and the Brisebarre family of Beirut-Blanchegarde*, *ibid.*, p. 141—185.

³ G. Ostrogorsky. *Une ambassade serbe auprès de l'empereur Basile II*, *ibid.*, p. 187—194.

⁴ См. „Византийский временник“, т. I, 1947.

⁵ См. „Византийский временник“, т. II, 1949.

⁶ G. Rouillard et P. Collomp. *Actes de Lavra*, v. I, Paris, 1937, № 12.

⁷ Ch. Courtois. *Exconsul. Observations sur l'Histoire du consulat à l'époque byzantine*. „Bizantion“, XIX, 1949, p. 37—38.

⁸ R. Guillard. *Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le grand connetable*, *ibid.*, p. 100—111.

что консулат при Юстиниане I был ликвидирован, утверждает, что это звание продолжало существовать и в более поздние времена, во всяком случае, до VII в. Следует, однако, указать, что хотя термины „консул“ и „экс-консул“ встречаются в некоторых актах VI—VII вв., но это звание давно потеряло свое прежнее значение, и неслучайно в фастах Восточно-Римской империи последнее упоминание имени консула (Fl. Anicius Faustus Albinus Basilius Iunior) встречается в 541 г., а в Западно-Римской империи (Fl. Decius Paulinus Iunior) — в 534 г. Краткое сообщение Гийян посвящено характеристике изменений, которые претерпел термин „великий контоставл“ в поздней Византии, когда он получил свое прежнее значение — правителя царских конюшен. Наконец, Шевченко в своем сообщении публикует перевод письма протасикрита Леона Вардалия императору Андронику II от 1337 г., анализ которого дает ему возможность установить некоторые детали судоустройства в поздней Византии. Ценность всех этих сообщений, и без того касающихся очень узких проблем византийского государственного управления, еще более снижается тем, что исследование затрагиваемых в них вопросов ведется в полном отрыве от изучения базы всяких административных реформ — изменений в социально-экономическом строе страны.

Остальной материал, содержащийся в томе, посвященном актам VII конгресса, не заслуживает даже простого перечисления. Это — мелкие заметки, посвященные ничтожным фактам или явлениям, не имеющим никакого значения для изучения истории Византии. Чтобы убедиться в этом, достаточно назвать сообщения об „историческом“ значении перенесения останков св. Лазаря с Кипра в Византию (Долли), о новой системе чтения надписей на византийских плитах (Мамбури), о неизданном гимне Льва Магистра (Миони), о новой „гипотезе“ происхождения иконостаса (Паче).

Весь том заканчивается двумя библиографическими обзорами. Первый обзор, составленный Дельвуа (р. 315—370), посвящен византийским памятникам в Греции, второй, автором которого является Розенбаум (р. 371—416), носит название „Bericht über Veröffentlichungen zur frühchristlichen und byzantinischen Kunstgeschichte aus dem Jahren 1939—1949 in Deutschland“.

Мы перечислили, за небольшими исключениями, все материалы XIX тома журнала „Byzantion“, в котором печатались акты VII „международного“ конгресса византистов. Если даже сравнить их с актами V конгресса, которые, как мы видели, свидетельствуют об упадке буржуазного византиноведения, то все же отличие будет весьма разительным. Без всякого преувеличения можно сказать, что на наших глазах происходит дальнейшее вырождение буржуазного византиноведения, как и всей буржуазной исторической науки в целом. Буржуазные ученые стремятся придать византиноведению характер ведущей дисциплины, имеющей первостепенное „международное“ значение. Но эти попытки не могут скрыть внутренней бессодержательности и антинаучного характера их „исследований“. Реакционные буржуазные византилисты безоговорочно поставили свою научную деятельность в услужение американским поджигателям войны. Будущее византиноведения, его подлинный расцвет принадлежит только советской исторической науке, основанной на передовом, единственно научном марксистско-ленинском методе исторического исследования.

Б. Т. Горянов

II. РЕЦЕНЗИИ

В. Н. ЛАЗАРЕВ. ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Т. I, текст, стр. 455 + 49 табл. Т. II, атлас, 350 табл.
Изд. „Искусство“, М., 1947—1948.

Одна из задач, стоящих в настоящее время перед советским византиноведением и, в частности, перед историками византийской культуры, состоит в том, чтобы выявить специфику византийского искусства и основные этапы его эволюции, исходя из особенностей исторического развития породившего его общества; определить своеобразие путей развития искусства в различных областях империи с учетом вклада многих народов в создание византийской живописи; оценить значение этого важнейшего явления средневековой художественной культуры как мощного фактора идеологического воздействия.

Выход в свет двухтомного труда В. Н. Лазарева, посвященного истории византийской живописи, является событием в области византиноведения и советского искусствознания в целом.

Книга состоит из тома текста (со включением 49 табл.), снабженного обильными примечаниями (по каждой главе), предметным, именным и иконографическим указателями, и второго тома — атласа, содержащего 350 таблиц. Само исследование после краткого предисловия подразделено на девять глав: три вводные (I. Основы византийского искусства, II. Византийская эстетика, III. Позднеантичное искусство и истоки христианского спиритуализма) и шесть глав, рассматривающих в хронологическом порядке основные этапы развития византийской живописи (эпоха Юстиниана и VII век; эпоха иконоборчества; македонской династии; эпоха Дук, Комнинов и Ангелов; XIII век; XIV век и последние десятилетия византийской живописи).

Труд В. Н. Лазарева представляет наиболее полное исследование из числа всех известных до настоящего времени обзоров византийской живописи. Все изложение свидетельствует о едва ли не исчерпывающем знании материала, в большинстве случаев исследованного автором из первых рук. Обширнейший критический аппарат, максимальное использование литературы, исключительная полнота в подборе иллюстраций являются отличительными чертами работы В. Н. Лазарева. Будучи мастером тонкого художественного анализа, автор пишет ясным, хорошим языком, не злоупотребляя специальными терминами и туманными формулировками. Им впервые поставлена и в известной мере разрешена проблема специфики византийской живописи, ее стилистической сущности. В работе дается, наконец, новая, гораздо более детальная и обоснованная периодизация истории византийской живописи.

Являясь специалистом в области истории не только византийского, но и западноевропейского искусства, В. Н. Лазарев дает интересный анализ значения византийского искусства в его соприкосновении с художественными культурами других стран. Это достигается в значительной степени благодаря тому, что автором охвачены и объединены по „стилистическим группам“ все виды византийской живописи — монументальной, иконописи и миниатюры — в противоположность обычному изолированному их рассмотрению.

Труд В. Н. Лазарева, обладающий большими достоинствами, не отвечает, однако, ряду требований марксистско-ленинской науки. Среди них наиболее существенным представляется отсутствие подлинно исторического объяснения специфических черт византийского искусства и его развития и особенностей в различные периоды, на разных

территориях империи. Вводные главы и отдельные замечания, разбросанные по соответствующим остальным главам, не дают достаточно глубокого разъяснения художественных явлений и их идейной значимости. Правильно характеризуя общий процесс эволюции, стилистические особенности искусства отдельных этапов, прослеживая сходные явления художественной идеологии у разных народов, В. Н. Лазарев чрезвычайно редко раскрывает причины этих явлений, часто ограничиваясь указаниями на их общие стилистические корни.

Если развитие искусства на всем протяжении книги рассматривается в динамике, то исторический процесс в целом представлен статично. В постановке ряда вопросов византийской истории (например, в противопоставлении императоров их социальной базе — крупному землевладению — стр. 13, в преувеличении значения централизации империи — стр. 17, 18, 74, в неверном определении социального содержания иконоборчества, в характеристике „палеологовского возрождения“ и т. д.) автор находится под влиянием чуждых марксистско-ленинской науке исторических концепций, противоречащих результатам исследований советских ученых. В некоторых главах (например, в VI и VII) полностью отсутствует характеристика исторической обстановки, и развитие искусства поэтому повисает в воздухе.

Вторым крупнейшим недостатком исследования является чересчур одностороннее толкование византийской живописи в связи с несколько неопределенным пониманием автором „христианского Востока“. Сведение всего многообразия Византии к Константинополю (и вдобавок к Константинополю придворно-аристократическому) представляется неверным и обедняющим специфику исторического процесса. Притом, хотя несомненной и весьма значительной заслугой В. Н. Лазарева является исследование собственно константинопольского искусства, самое заглавие книги обязывало его дать анализ и иных художественных направлений (некоторые оговорки в предисловии, на стр. 5 все же не снимают с автора этой обязанности). Понятие „христианского Востока“, постоянно встречающееся на страницах книги (причем явления, относимые автором к „христианскому Востоку“, иногда далеко выходят за границы собственно „Востока“) в противопоставлении столице, оказывается чем-то расплывчатым и порой утрачивающим конкретность.

Отмечая общие недочеты рецензируемого труда, следует выразить сожаление по поводу того, что В. Н. Лазарев ограничивается рассмотрением только памятников живописи. При всей закономерности самой постановки темы, изложение в некоторых случаях весьма выиграло бы от кратких ссылок на данные, касающиеся других видов искусства. Общеизвестно ведущее значение в эпоху средневековья архитектуры; весьма распространено в Византии было также и прикладное искусство. Выводы автора во многих случаях нашли бы себе подтверждение при сопоставлении произведений византийской живописи с другими памятниками искусства.

Что касается таблиц, приведенных в книге, то единственным серьезным недостатком в их подборе является связанный с указанным уже односторонним подходом автора к византийской живописи сознательный отказ (за крайне немногочисленными исключениями) от привлечения тех иллюстраций, которые, по мнению автора, не могут быть отнесены к „константинопольской школе“; между тем, бесспорно, не только в сопоставлении, но и особенно в противопоставлении отчетливее выявилось бы и своеобразие самого столичного направления живописи.

Переходя к критике рецензируемого труда по разделам, хотелось бы прежде всего выразить сожаление по поводу отсутствия в нем историографического обзора. Несмотря на то, что автор привлекает с исчерпывающей полнотой литературу по отдельным проблемам, располагая ее в хронологической последовательности, не взирая на то, что В. Н. Лазарев всегда отчетливо выражает свое согласие или несогласие с существующими точками зрения по различным вопросам и часто вступает в острую полемику с теми или иными авторами — советский читатель в праве требовать от подобного исследования критической сводки литературы по истории византийской живописи в целом. Такой обзор способствовал бы одновременно и более четкому выявлению идейных позиций самого автора и, несомненно, помог бы ему отказаться от ряда ошибочных взглядов.

В первой главе, названной „Основы византийского искусства“, проводится разграничение между „народным восточно-христианским“ и византийским искусством (стр. 12), определяются специфика византийского искусства и его идейная направленность, а также социальные носители этого искусства; здесь же дается справедливая критика ошибочных взглядов тех историков искусства, которые анализируют произведения византийских художников, выдвигая на первый план „эллинистические черты, являющиеся как бы основным критерием качества суждения“ (стр. 12), а также понимания Византии, как механического соединения „эллинизма“ и „Востока“. Интересной является выдвигаемая здесь впервые и развиваемая в дальнейшем автором мысль о том, что константинопольские влияния „простираются преимущественно на те территории, где выработался общественный строй, более или менее близкий его (Константинополя. — А. Б.) собственной государственной (точнее было бы сказать социально-экономической. — А. Б.) структуре... Гораздо медленнее просачиваются они в народную толщу“ (стр. 21).

Уже в этой первой главе ощущаются те дефекты построения, о которых говорилось выше. Ограничивая Византию „берегами Босфора“ (стр. 12), рисуя византийское искусство как „продукт большого города, придворного общества, централизованной государственной церкви“ (стр. 12), В. Н. Лазарев „исключает возможность параллельного, как на Западе, сосуществования ряда стилей и художественных направлений“ (стр. 18). Между тем, ему самому в дальнейшем приходится отмечать своеобразие художественной культуры не только Сирии или Египта, относительно кратковременно входивших в состав Византии (стр. 61), но и Равенны, Фессалоники (стр. 56—61), различных греческих центров и пр. Автор несомненно прав, устанавливая своеобразие путей развития различных художественных центров; его заслугой является, например, выделение памятников Равенны из сферы константинопольского искусства. Но нельзя согласиться с полным отождествлением искусства Византии и ее столицы, нельзя тем более, что это „византийское искусство“ противопоставляется автором „народному восточно-христианскому искусству“ (стр. 12, 22 и др.). Если бы это последнее было отчетливо дифференцировано, расчленено на свои слагаемые, а не было бы охарактеризовано столь обобщенно, то, может быть, и можно было бы согласиться с наличием особого константинопольского искусства. Следует указать, между прочим, на часто неудачное применение понятия „национального“ по отношению к этому „восточно-христианскому“ искусству (стр. 12, 21, 22 и др.).

В своей весьма суммарной характеристике византийского общества В. Н. Лазарев не дает четкого разграничения различных этапов развития Византии; он не уделяет должного внимания вопросам социально-экономического развития византийского государства и не подчеркивает в достаточной степени роли народных масс в истории Византии. Вопросы об особенностях кризиса рабовладельческой системы в Восточно-Римской империи, о роли восстаний рабов, колонов, городской бедноты и вторжений „варваров“, о гибели рабовладельческого общества на Востоке даже не ставятся автором, хотя решение этих коренных проблем имеет большое значение для определения характера византийского искусства, особенно в период V—VII вв.

Во второй главе книги, основанной по преимуществу на высказываниях византийских церковных писателей и отчасти на общей характеристике художественных памятников, автор пытается воссоздать основы византийской эстетики.

Естественно, задача исследователя здесь состоит в том, чтобы выявить наиболее характерные общие черты, свойственные религиозному мирозерцанию средневековой Византии. Тем не менее нельзя рассматривать эстетические представления на протяжении всего тысячелетнего существования Византии, как нечто неизменное. Для подтверждения своего взгляда на спиритуалистический характер византийской эстетики автор пользуется источниками от IV до XIII в., однако он не привлекает при этом тех источников, которые (особенно на последнем этапе существования империи) отражают пусть слабую, но все же иную струю в развитии византийской эстетики.

Наиболее удачными страницами этой главы можно считать те, где дается противопоставление византийского храма греческому (стр. 27), рисуется идеологическое значение убранства храма (стр. 28) и определяются общие черты „классического“ стиля византийской живописи (стр. 30, 32—33). Однако в целом эта глава вызывает ряд серьезных возражений и, может быть, поэтому она (наряду со следующей главой) подвергалась особо резкой критике Г. А. Недошивина¹. Основным недостатком первых двух глав является то, что автор нигде не дает социального осмысления отмечаемых им явлений. Сложность развития феодального общества в Византии, отразившаяся в идеологии, здесь не выявлена. Недостаточно четко проведена мысль К. Маркса о том, что „в каждую эпоху мысли господствующего класса суть господствующие мысли“². В. Н. Лазарев приписывает спиритуалистические идеалы всем византийцам (стр. 27), но такое обобщение является, конечно, неверным.

В основу разрешения проблем, поставленных в этой главе, и прежде всего для определения идеологии византийского общества на различных этапах его развития, необходимо было положить замечательное высказывание И. В. Сталина об активном воздействии надстроечных явлений на экономический базис общества: „Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю доконать и ликвидировать старый базис и старые классы.“

¹ Г. А. Недошивин. „Искусство“, 1951, № 1, стр. 81—87.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 36.

Иначе и не может быть. Надстройка для того и создаётся базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой её служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла своё качество и перестала быть надстройкой¹.

История ранней Византии дает один из ярких примеров роли надстройки в борьбе против „старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой“. В ряду этих надстроечных явлений большая роль принадлежит и искусству. В. Н. Лазарев недостаточно отчетливо проследивает ее в своем исследовании. Однако совершенно неправ Г. А. Недошивин², считающий пользование „критериями античного искусства“ более прогрессивным, чем выявление сущности собственно средневекового, феодального по своему содержанию искусства, призванного „помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы“.

Советские византилисты, выявляя особенности истории Византии, устанавливают ту большую тормозящую роль, которую играли пережитки рабовладельческого строя в развитии феодальных отношений в Византии. Эти пережитки в полной мере ощутимы во всех надстроечных явлениях, начиная от государства и кончая искусством. Бесспорно значение Византии как передатчика античного наследия, но бесспорно и то, что копирование античных образцов не способствовало творческому развитию, а отражало идеологию отмиравших общественных групп. В. Н. Лазарев прав в этой исторической трактовке явлений, он правильно проследивает их на ряде этапов развития византийского искусства, но объясняет их недостаточно глубоко. Вопрос о том, в чем заключались прогрессивные черты средневековой культуры и искусства, в частности, еще в должной мере не разработан.

В третьей главе книги В. Н. Лазарева дается суммарная характеристика позднеантичного искусства (причем автор делает сознательный акцент на том его течении, которое отражало новое мировоззрение, стр. 37) и источников христианского спиритуализма. Некоторые вопросы, вызывающие недоумение во второй главе, здесь получают свое разрешение: мы имеем в виду тот перелом в развитии римского искусства, который автор связывает исключительно со „спиритуализацией“; нам представлялось бы более правильным объяснять эти новые черты процессом „варваризации“.

Так отрыв линии развития христианского искусства от всего развития римской художественной культуры, намечавшийся во второй главе книги, здесь автором ликвидируется. Характеризуя, в частности, новое мировоззрение, отраженное в позднеримских скульптурных портретах, В. Н. Лазарев совершенно правильно полемизирует с теми авторами (в частности, со Стржиговским), которые видели во всех этих памятниках „ряд перекрещивающихся восточных влияний, якобы определивших их стиль“ (стр. 37). Верно и тонко он характеризует также итальянские памятники IV—VI вв., возражая против огульного отрицания значения Рима и вскрывая местные черты в искусстве

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, 1950, стр. 7.

² „Искусство“, 1951, № 1, стр. 81.

Рима и Равенны (стр. 43—44). Однако в том и другом случае автор, правильно констатируя явления, недостаточно глубоко их объясняет. Нарастание „суховатого линейного стиля“, тенденции к абстрактности и т. п., думается, не случайно появляются на тех территориях, где процесс „варваризации“ шел более интенсивно. Удачно отмечен автором „рецидив античности в IV в., когда торжествующее христианство почти целиком переняло изобразительный аппарат античности“ (стр. 39) и дальше: „... но с того момента, как стала складываться централизованная церковь, она не смогла уже, в целях пропаганды своих идей, отказаться от такого могущественного средства, как антропоморфическое искусство... (стр. 41)... церковь поработает художника, ограничивает его творчество вполне определенными рамками... в картинах на евангельские и библейские сюжеты и в портретах многочисленных святых она усматривает могущественное средство пропаганды христианских идей“ и т. д. (стр. 42). На этих страницах В. Н. Лазарев подходит к раскрытию значения искусства, как мощного фактора идеологического воздействия в руках церкви, однако он все же недооценивает использования его господствующим классом в целом.

Резкие возражения вызывает в этой главе та суммарная характеристика „христианского Востока“, о которой говорилось в начале рецензии. Что такое тот „подлинно стихийный геометризм, который лежал в основании народного и восточного искусства“ (стр. 37)? Какого именно Востока и когда? — Быть может, здесь имеются в виду кочевники, о которых говорится на стр. 39? Почему „Антиохия с особенной яркостью воплотила в своем искусстве своеобразные идеалы арамейских народностей“ (стр. 45) и почему этим арамейцам свойственна „исконная склонность к догматическому образу мышления“ (стр. 46), — остается неясным. Ошибочно приписывает автор восточным народам и другие „извечные“ качества. Здесь исчезает специфика разных народов, разных исторических этапов, различных классовых групп. Нельзя согласиться, например, с тем, что в Сирии не существовало „того резкого разрыва между антикизирующим городским искусством и местным народным искусством, который наблюдался в Египте. В той же Антиохии процветало искусство, тысячами нитей связанное с народным искусством Сирии“ (стр. 46). Последнее бесспорно, но эти тысячи нитей существовали и в Египте и в самой Византии; тем не менее, раскопки в Антиохии (на которые ссылается сам автор в примечании 38 и правильно отмечает, что они принадлежат искусству, культивировавшемуся высшими классами) подтверждают наличие в Сирии искусства, в котором сохранялись эллинистические традиции. В ряде центров „христианского Востока“, так же как в пределах собственно Византии, в полном созвучии с той ломкой общественных отношений, которая в разных формах протекала на Востоке и на Западе, существовали различные художественные направления, существовал поэтому и „разрыв между городским и местным народным искусством“.

В силу всего вышеизложенного, вновь хочется усомниться в столь резком противопоставлении В. Н. Лазаревым мнимого единства Византии художественному многообразию средневековой Западной Европы (стр. 17, 18), разумеется только не Западной Европе после XV в. (стр. 18).

Обзор собственно истории византийской живописи начинается с четвертой главы, названной „Эпоха Юстиниана и VII век (527—726)“. Уже для этого раннего периода В. Н. Лазарев дает убедительное противопоставление группы памятников столичной живописи (к кото-

рой он относит, помимо мозаик церкви Успения в Никее, фрагмент из константинопольской церкви Николая в Фанаре и ранние фрески в Санта-Мария-Антиква в Риме, а также рукописи так называемого Венского Диоскорида и Свиток Иисуса Навина) мозаикам церквей в Салониках, на острове Кипре, на Синае, и, наконец, Равенны и Паренцо. Автор справедливо подчеркивает значение местных мастеров во всех этих центрах, отмечая роль сирийских образцов для равеннских памятников, но, опять-таки, не указывает исторических корней этих явлений, обмолвившись лишь одной фразой: „Одичавший Запад не был подготовлен для органической переработки константинопольских влияний. Искусство столицы было для него слишком рафинированным“ (стр. 62).

Едва ли не самой неудачной в книге является глава, посвященная эпохе иконоборчества. Основная причина этого состоит в том, что автор не дает анализа социально-экономической обстановки эпохи. Работы советских византистов (Е. Э. Липшиц и др.) убедительно вскрывают факты использования руководителями иконоборчества широких народных движений (хотя и менее крайних по своей программе, чем павликянство). Толкование иконоборчества как „чисто придворной партии“ (стр. 64) нельзя признать правильным. Сам же автор несколько выше (стр. 63) говорит о том, что „уже в эпоху раннего христианства иконоборческие течения получили широкое распространение как на Востоке, в широких народных массах, так и на Западе, в кругах высшего духовенства. В Малой Азии эти иконоборческие течения никогда не исчезали, продолжая держаться в общинах монтанистов и новициан, а также в многочисленной секте павликян“. Нельзя исходить из того, что „поклоняться этому богу (которого никто не мог изобразить. — А. Б.) и верить в него могли лишь интеллектуалистически настроенные верхи, а не широкие народные массы“. История иудаизма и ислама едва ли подтверждает подобную точку зрения. Не разделяя воззрения Г. А. Недошивина, согласно которому побуждения иконоборцев „не имели ничего общего со стремлением к последовательности философско-теологического идеализма“¹, считая необходимым полностью раскрыть эту сторону явления, поскольку речь идет об искусстве в основном религиозном, мы полагаем, что толкование социального смысла иконоборчества дано В. Н. Лазаревым не только односторонне, но и неверно². Не отражено ли некоторое противоречие его построения в том, что им самим еще в 1930 г. в статье, посвященной Хлудовской псалтири, впервые было отмечено проникновение народной струи в искусство, которое явилось известного рода отражением иконоборчества?

В. Н. Лазарев, в сущности, первый расчленил так называемое „Второе Возрождение“ византийского искусства на ряд исторических

¹ Г. А. Недошивин, стр. 84.

² Следует, вместе с тем, возразить и Г. А. Недошивину, утверждающему, что „художественная жизнь эпохи иконоборчества носит характер эллинистически-римского романтизма, резко выступившего против программы законченно-феодальной эстетики“ (Г. А. Недошивин, стр. 84). Неудачен здесь не только термин „романтизм“ (термин, который не следовало бы применять, чтобы не путать читателя), но и сущность постановки вопроса. Едва ли принципы иконоборцев в сфере религиозного искусства носили антифеодальный характер. Трудно говорить о законченно феодальной эстетике в этот период. Заметим попутно, что рецензент весьма неточно приписывает В. Н. Лазареву точку зрения о „неизобразительном“ характере искусства: речь идет не обо всяком искусстве, но, как видно из текста (В. Н. Лазарев, стр. 18—19), лишь об искусстве религиозном.

этапов. Ему удалось это сделать не только благодаря включению в исследование недавно открытых мозаик константинопольской св. Софии, но и в значительной мере вследствие того, что никто до него не привлекал в таком числе образцы книжной миниатюры и иконописи. Первый период этого „второго византийского Возрождения“ освещен в главе VI, носящей название „Македонская династия“; в пределах этого времени также намечаются два этапа — так называемый неоклассицизм конца IX—X вв. и направление, зарождающееся в конце X в. с усилением элементов спиритуализма. Противопоставление этих двух течений, да и, в известной мере, их толкование, не вызывает особых возражений. Дело здесь не в эстетических оценках самого исследователя, якобы стоящего на позициях средневекового автора (как полагает Г. А. Недошивин¹), а в понимании им, как историком эпохи, явлений искусства, т. е. в данном случае того, в какой мере надстройка способствовала или препятствовала укреплению базиса. Упрекнуть автора следует, как нам представляется, в другом. Говоря о „решающем переломе, логическим следствием которого была выработка классического византийского стиля“ (стр. 74), рассказывая далее о сложении строгой системы росписи христианских храмов (стр. 76—77) и т. д. и т. п., В. Н. Лазарев нигде не указывает, что все эти явления имеют место в период формирования византийского феодализма во всем его своеобразии; ретроспективное искусство, о котором идет здесь речь, вероятно, отражало идеологию не просто „узких кругов просвещенных любителей и знатоков“ (стр. 82), а тех слоев общества, которые были опорой неизжитого до конца рабовладельческого уклада внутри феодальной формации. Недостаточное количество дошедших памятников не позволяет утверждать, но, может быть, можно поставить вопрос о том, не развивались ли упомянутые выше художественные течения не столько сменяя друг друга, сколько во взаимной борьбе? Обязательно ли придерживаться мнения об едином константинопольском художественном направлении? В какой мере, например, можно связать с периодом „неоклассицизма“ возникновение системы росписи в церкви Неа Василия I?

Рассматриваемый в этой главе период представляется тем временем, когда византийское искусство достигает особой силы идеологического воздействия, когда весь комплекс убранства христианского храма призван был к тому, чтобы укреплять в сознании масс идею незыблемости феодального строя. Может быть, именно в этой связи легче объяснить „переход в наступление“ искусства византийской столицы, о котором говорит автор (стр. 95), и вскрыть причины того, почему „отныне образцы столичного искусства превращаются в своеобразные стандарты, которым стремятся изо всех сил подражать в провинции“ (стр. 95).

Жаль, что в этой главе не подчеркнута отраженная в росписях „небесная иерархия“ в связи с земной византийской системой придворных чинов, не выявлена роль культа „святых воинов“ и другие черты, свидетельствующие о своеобразном переносе земных образов в представления о небе. Возможно, что автор, делая упор на форме в полемической антитезе, несколько отходит от вопросов иконографии, но это обедняет данную главу и частично препятствует ее правильному восприятию.

Одним из наиболее удачных надо признать тот раздел рассматриваемой главы, где дается сравнительный анализ относящихся к одному

¹ Г. А. Недошивин, стр. 82.

и тому же времени мозаик св. Софии в Салониках и св. Софии в Константинополе; думается, однако, и здесь отличие определялось не только разницей между столицей и провинцией. Что касается характеристики этих „провинциальных“ черт, о которых не раз высказывается автор, то следует признать правоту Г. А. Недошивина¹, указывающего на несколько презрительную квалификацию в изложении автора многих, весьма важных художественных явлений („провинциальное искусство нередко кажется жалким и беспомощным“, стр. 88; „раскраска древнейших армянских рукописей отличается примитивной пестротой“... стр. 100). О каппадокийских фресках первой половины X в. автор говорит так: „... стиль отличается большой примитивностью. Таким было восточно-христианское искусство, когда оно не соприкасалось с художественной культурой Византии“ (стр. 97).

Трудно предъявлять автору такого обширного исследования требование объяснить причины распространения византийских художественных вкусов в тех или иных странах — это повлекло бы за собой необходимость глубокого изучения истории всех этих народов. Но, несомненно, ответ на этот вопрос, так же как и объяснение неспособности к восприятию романским Западом (стр. 102) „чисто византийских форм“ следует искать во всей совокупности конкретных исторических условий каждой страны.

Можно только согласиться с автором, когда он говорит о принципиально родственных чертах живописи южной Италии, памятников восточной и центральной Франции — и живописью Каппадокии (стр. 103); однако едва ли здесь следует искать элементы прямого воздействия византийского искусства — речь может идти лишь об общей стадии развития, о силе народного искусства.

Жаль, что автор никак не разработал вопрос о роли славянства в складывании специфических черт того художественного направления, которое представлено мозаиками церкви Хозиос Лукас в Фокиде. Требовало бы большего обоснования отрицание В. Н. Лазаревым точки зрения, принятой в науке, о работе константинопольских мастеров в Неа Мони на Хиосе.

Седьмая глава, посвященная „эпохе Дук, Комнинов и Ангелов“ (1057—1204), расчленяется на две основные части: первую, объясняющую столичные памятники, и вторую, рисующую памятники „отдельных провинциальных областей и национальных школ, нередко выступающих в XI веке как крупные, самостоятельные художественные центры“ (стр. 106). Особое место в этом первом разделе автор уделяет книжной миниатюре (впервые привлекаемой в таком большом количестве), блестящий расцвет которой он усматривает в третьей четверти XI в., прослеживая в дальнейшем (с начала XII в.) намечающиеся черты упадка. Интересна и, вероятно, правильна его мысль об экспансии столичного искусства через средство легко перевозимых рукописей (стр. 105), но все же спорно и, как кажется, преувеличено представление автора о миниатюре как о „ведущей области художественного творчества“ к концу XI в., „поскольку в ней с наибольшей ясностью получили выражение основные черты византийского стиля“ (стр. 105). Думается, что это — „абerrация“, объясняющаяся относительным богатством дошедших до нас рукописей, в противоположность единичным монументальным памятникам. Такое воззрение противоречит всем представлениям об XI—XII вв. как об эпохе господства монумент-

¹ Г. А. Недошивин, стр. 85.

тального стиля, гармоничного единства всех видов пространственных искусств.

Ничем не объяснено автором замечаемое им „резкое снижение качества“ (стр. 112 и сл.) миниатюры в XII в.; такая трактовка упадка противоречит его собственным воззрениям на существо византийской живописи, поскольку, как пишет В. Н. Лазарев, „в своем целом стиль миниатюр XII века знаменует высшую точку в развитии отвлеченных тенденций византийской живописи“ (стр. 113). Разве спиритуализм не связан с отвлеченностью?

Говоря о широком воздействии Византии на искусство различных областей и народов, В. Н. Лазарев правильно отмечает, что „как всегда, эти влияния оседали довольно поверхностным слоем, захватывая в круг своего притяжения лишь искусство придворных и церковных центров. Наряду с ним, продолжали держаться в широких народных массах старые восточные (только почему и какие именно восточные? — А. Б.) традиции, восходившие своими корнями к эпохе язычества и раннего христианства“ (стр. 105). Далее он справедливо отмечает своеобразие искусства Солуни, указывает на особенности живописи Афона, Каппадокии и т. п. (стр. 127—130, 132). Почему же тогда в начальных главах исследования говорилось о невозможности „существования ряда стилей и художественных направлений“ (стр. 18)? Они несомненно были и, может быть, сосуществовали и в пределах самого Константинополя.

Как уже отмечалось выше, трудно требовать от автора всестороннего, конкретно-исторического осмысления истории всех тех народов, на искусство которых оказала то или иное воздействие византийская живопись. Он обязан был это сделать в отношении к основной теме своего исследования — Византии, но ограничил свои задачи в этом смысле по отношению к другим странам. Может быть, ошибкой построения является лишь то, что иногда автор отходит от своей основной линии, говоря не только о распространении деятельности византийских мастеров, но и об особенностях искусства самой Армении, древней Руси и др. Эти отступления вызывают законное желание со стороны читателя более глубокого исторического осмысления явлений. Следует объяснить, почему сила воздействия искусства Византии в Грузии была значительнее, чем в Армении, почему она более ощутима в Сицилии, чем в северной Италии, и т. д. и т. п. (Отметим, попутно, что грузинский астрономический трактат не имеет ничего общего с Византией, стр. 135.)

Неоднократно обращаясь к искусству древней Руси и ранее (на стр. 93, 119, 123 и др.), отмечая, что „уже в XI веке началась кристаллизация национального русского стиля“ (стр. 94), В. Н. Лазарев на стр. 138—144 дает довольно подробную характеристику искусства Киева и Новгорода. Однако, выходя за пределы своей задачи — вскрыть значение византийского искусства для древней Руси, он утверждает, что „в своем целом русские росписи XII века тяготеют к памятникам западной части Византийской империи (особенно к памятникам Афона и славянских стран)“ (стр. 138). В этом разделе автор все же явно преувеличивает значение различного рода влияний на формирование русского искусства Киева и Новгорода.

Особое место в книге занимает вопрос о художественных связях Византии и Италии, связях, имеющих глубокие исторические корни. К тому же автор — крупный специалист по истории итальянского искусства. Поэтому особо убедительны страницы (144—156), рисующие распространение византийского искусства в Италии. Более пятнадцати лет

назад В. Н. Лазаревым были написаны статьи, посвященные мозаикам Чефалу и сицилийской живописи после XII в. Им первым было отброшено безоговорочное включение сицилийских и ранних венецианских памятников в сферу византийского искусства и доказано, что „история „экспансии“ византийского искусства в Италии — это история последовательного видоизменения абстрактных византийских форм в сторону усиления реалистических акцентов“ (стр. 144). Требовало бы некоторого уточнения, почему мозаики Чефалу, датируемые несколькими годами позднее, чем Марторана, являются исходным, еще чисто византийским памятником (что доказано автором), тогда как в более раннем памятнике (Марторана) работы „такие художники, для которых греческие образцы превратились в готовые академические формулы“ (стр. 146—147).

Значительный интерес представляют также страницы, посвященные адриатической школе во главе с Венецией. Здесь еще отчетливее, чем на материалах Сицилии, автор путем тонкого художественного анализа убедительно опровергает обычную ошибочную трактовку мозаик XII—XIII вв., как типичного образца византийского стиля (стр. 149—155).

Лучшей главой книги является восьмая, посвященная XIII в. В противоположность буржуазным исследователям во главе с Н. П. Кондаковым, В. Н. Лазарев ставит „главный акцент на XIII, а не на XIV веке“ (стр. 157). План этой главы несколько сложнее, чем предыдущей. Это объясняется особенностями самой эпохи, а также характером памятников и тем, на каких территориях они сохранились. Если последняя часть этого раздела (стр. 189—207) отведена, как и в седьмой главе, „экспансии византийского искусства в XIII веке“ (стр. 189) по преимуществу в страны Западной Европы, главным образом, в Италию, то первая часть главы дает яркую картину интенсивного развития искусства не столько в самой Византии, сколько в ряде стран, связанных с нею в культурном отношении. Автор показывает, что в это время... „в Сербии, Болгарии, Грузии и Армении создаются интереснейшие памятники миниатюры и монументальной живописи, свидетельствующие об интенсивной художественной жизни“ (стр. 158). Анализу специфических черт искусства всех этих народов, в связи с вопросом о судьбах византийской живописи, автор уделяет значительное место (стр. 172—189).

Некоторые противоречия, отмеченные Г. А. Недошивиным¹, здесь действительно имеются: они проявляются в освещении тех „движущих сил, которые решительно не имеют ничего общего с западными влияниями“ (В. Н. Лазарев, стр. 157). Быть может, в известной мере их можно отнести за счет случайности сохранившихся памятников. Думается, тем не менее, что если бы В. Н. Лазарев глубже изучил корни прогрессивного направления в искусстве XIII в., привлекая аналогичные явления из области литературы, философии и пр., то это направление не показалось бы незакономерным на византийской почве. Бесспорно правильно предположение В. Н. Лазарева о развитии неоэллинистического движения в Никее (а, может быть, и в других центрах) в связи с ненавистным для византийцев хозяйничанием „латинян“ в Константинополе. Вполне возможно, что оно легло в основу передового искусства после восстановления империи (стр. 159). Но, очевидно, что главную роль в выработке нового стиля сыграла художественная культура тех самых народов (прежде всего, народов Сербии и Македонии), о расцвете искусства которых говорит и сам автор: „В XIII веке Македония и Сербия начинают играть крупную роль в качестве

¹ Г. А. Недошивин, стр. 85.

самостоятельных художественных школ, куда нередко переносится центр тяжести развития“ (стр. 170; см. также стр. 172).

Едва ли не лучшими страницами главы являются те (160—161), на которых определяются с большой четкостью различия между искусством XII и XIII вв., как в отношении стиля, так и иконографии. Весьма убедительно и ярко дана характеристика сосуществующих передового и архаизирующего направлений на различных территориях, не только в Византии, но и в Сербии, Македонии, а также в Грузии и пр. Эти разные тенденции прослеживаются автором и в миниатюрах и в иконописи. Диалектическое развитие, рождение нового через борьбу противоположных течений, тот факт, что западные влияния не играли какой-либо роли в выработке нового стиля, — показаны с большей убедительностью. „Рукописи и иконы XIII века ясно показывают, — говорит В. Н. Лазарев, — что зрелый палеологовский стиль уходит своими корнями в XIII век. Однако они же свидетельствуют одновременно еще об одном крайне важном факте — о факте параллельного сосуществования в XIII веке архаизирующих и передовых течений. Первые восходят к традициям XII века, вторые в своем непрерывном нарастании приводят к образованию нового стиля XIV века“ (стр. 168).

Более детального изучения требует, однако, вопрос о том, какие общественные круги Сербии ориентировались в большей степени на Запад (стр. 174—178), какие — на Византию и, наконец, в чем выражается уже намеченная В. Н. Лазаревым специфика сербского искусства.

Автор допускает ошибку, когда он утверждает, что „в своем художественном развитии Болгария всегда отставала от Сербии, чья живопись играла на Балканах ведущую роль“ (стр. 178). Если это верно для рассматриваемого периода, когда возросла и политическая роль Сербии, то нельзя сказать того же о более раннем периоде, когда значение Болгарии было иным.

История искусства средневековой Грузии, так же как Армении, должна быть предметом специальных исследований. Начало подобным работам уже положено книгой Ш. Я. Амиранашвили¹. Вполне закономерно поэтому, что В. Н. Лазарев рассматривает в рецензируемой книге лишь те явления, которые существенны для понимания истории византийской живописи. Хотелось бы только, чтобы автор не прибегал к оценочным характеристикам, воспринимаемым читателем так, словно они содержат в себе оттенок презрительности, как, например: ряд грузинских рукописей „представляет типичный пример местного ориентализирующего стиля, базирующегося на примитивном, плоскостном рисунке и пестрой, грубоватой раскраске“ (стр. 185); или при характеристике рукописей центральной Армении: „Совершенно плоские фигуры исполнены, как правило, крайне беспомощно“ (стр. 187) и т. п.

Как уже упоминалось выше, необычным для обзоров византийской живописи является широкое использование западноевропейских памятников. Автором очень интересно обрисовано и мало известное (за исключением узко специальных работ) распространение византийского искусства в Германии, особенно в Вестфалии и Саксонии, где оно, так же как в Италии, подрывало основы романского стиля (стр. 190) и предшествовало возникновению готики.

Для историков западноевропейского искусства должны представлять большой интерес страницы (стр. 191—207), отведенные связям Византии и Италии: „Если в немецкой живописи XIII века византийское искусство

¹ Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, т. I, М., 1950.

было решающим фактором развития, — пишет В. Н. Лазарев, — для Италии этого же времени оно явилось тем фундаментом, на котором покоилась вся художественная культура дученто“ (стр. 191). Не будучи специалистом в данной области, мы не беремся судить, не преувеличено ли подобное утверждение. Анализ, даваемый автором на последующих страницах, достаточно аргументирован: им прослеживаются судьбы греческих мастерских в Сицилии вплоть до XIV в., когда „национально-итальянские черты получают полное преобладание“ (стр. 193); он говорит об особенностях росписей южной Италии, питавшихся „образцами народного искусства“ (стр. 194) и рассматривает роль Венеции, как „крупного рессадника византизирующего искусства в Италию“ (стр. 194). Хорошо знакомые историкам торговые связи итальянских портовых городов (Пизы, Лукки, Генуи и др.) с Востоком здесь находят подтверждение в менее известных связях художественных.

Значение Византии для живописи Лукки было освещено В. Н. Лазаревым в специальной статье уже более 20 лет назад. Несколько позднее он занимался изучением исторических корней своеобразного искусства Пизы, определив при этом особую роль восточнохристианских источников. Весь раздел поэтому имеет прочную исследовательскую базу.

Тонко разграничены автором элементы византийского стиля, в разной степени трансформируемые итальянскими художниками. „Новшества византийской иконографии XIII века, — говорит он, — должны были, конечно, в первую голову привлекать к себе внимание итальянских мастеров, поскольку они наиболее соответствовали их собственным творческим исканиям“ (стр. 198). Далее, оценивая творчество Дуччо, он отмечает: „Никто среди итальянских мастеров так тонко не понял своеобразный дух византийской живописи, как Дуччо. Но, усвоив дух, он решительно пошел по пути его преодоления, стремясь выработать свой собственный, все более отходивший от греческого трансцендентализма стиль. Строго говоря, Дуччо наносит Византии смертельный удар“ (стр. 201). Эти отрывки приводятся как примеры того, насколько правильно В. Н. Лазарев ставит вопрос о значении Византии для развития другой художественной культуры, для Италии. Приведенные примеры можно было бы умножить (см., например, анализ творчества Каваллини на стр. 202—203 и Джотто на стр. 206—207). Весьма убедительна и обобщающая характеристика: „К началу XIV века Византия окончательно сыграла свою роль. Она расшатала изобразительный аппарат романского стиля, дав итальянцам новую, более точную, легкую и органическую систему пропорций. Но когда итальянцы захотели сделать несколько шагов вперед в направлении развития реалистического стиля, унаследованная ими от Византии система оказалась внезапно устаревшей и несостоятельной. На языке ее художественных форм уже нельзя было выразить те идеалы, которые выдвинули в живописи Каваллини и Джотто. Поэтому пути развития Италии и Византии с начала XIV века резко расходятся“ (стр. 206). Так определяется в ее диалектическом развитии роль Византии для искусства Италии. Хотелось бы пожелать В. Н. Лазареву подобной же глубины анализа исторического значения византийской живописи и для художественной культуры других народов.

В заключительной главе книги рассматриваются „четырнадцатый век и последние десятилетия византийской живописи“. Эта глава в большей мере, чем все другие, носит полемический характер. Выступая, с одной стороны, против недооценки искусства этого периода, автор, с другой

стороны, предостерегает от преувеличения его значения. Продолжая резкую критику взглядов Д. В. Айналова по вопросу о западных влияниях на византийскую живопись XIV в., В. Н. Лазарев всячески опровергает широко привившуюся в буржуазной науке теорию Г. Милле о Македонской и Критской школах. В противовес Милле автор выдвигает тезис о синтезирующем значении Константинопольской школы и обоснованно устанавливает наличие двух этапов в развитии византийской живописи XIV в.¹: первый, охватывающий первую треть века, „отличается подчеркнутой живописностью“ (стр. 224); он проходит под знаком расцвета „неоэллинизма“ с его своеобразными „гуманистическими“ тенденциями; второй, заключающий вторую половину XIV в. и первую половину XV в., характеризуется „более идеалистическим стилем“ (стр. 225), с повышенной графичностью и сухостью. Первую фазу В. Н. Лазарев считает „порождением нового светского духа“ (стр. 225), возникшим на столичной почве, где работали „тончайшие неоэллинисты“; вторая, по его мнению, отражала настроения исихазма, как „неприкрытой реакции“ (стр. 225).

Разделение византийского искусства времени Палеологов на два этапа является значительным достижением В. Н. Лазарева, так же, как заслугой его является опровержение теории Милле. Однако ряд положений этого раздела книги вызывает возражения. Прежде всего не удовлетворяет объяснение причин так называемого „палеологовского возрождения“, как бы ни ограничивать понимание этого слова. В предшествующей главе автор обрисовал едва ли не повсеместное распространение передового, рождавшегося в борьбе направления в искусстве XIII в. Не подлежит сомнению, что корни этого оживления следует искать не в узких рамках творчества „неоэллинистов“, а в условиях общественного бытия более широких социальных кругов (ведь сам же автор говорил на стр. 158—159 о формировании греческого национального самосознания). Жизнь византийского города последних веков существования империи все еще недостаточно изучена, но автору следовало бы все же вспомнить о более чем семилетней гражданской войне в Фессалонике — о так называемом восстании зилотов. Распространившиеся в ряде городов (в Адрианополе, Гераклее, Фессалонике) в 40-х гг. XIV в. народные движения, сопровождавшиеся захватом власти и созданием республики, движения, в программу которых включались требования, направленные против церкви, городской знати и крупных землевладельцев, являются ярким свидетельством зарождения в поздней Византии таких явлений, которые расшатывали феодальные отношения. — Слов нет, „палеологовское возрождение“, это не итальянское возрождение, но это нечто в принципе ему родственное, не успевшее развиться в силу ряда внутренних и внешних причин. Думается, что дальнейшее изучение советскими историками интересующего нас периода подтвердит предположение о том, что социальными носителями нового стиля начала XIV в. были передовые, относительно демократические слои общества.

Если истолкование автором неоэллинизма X—XI вв. как явления реакционного, тормозившего формирование феодальной идеологии, заслуживает всяческой поддержки, то едва ли можно согласиться с его

¹ Этот взгляд получил уже развитие в докладе В. Н. Лазарева на сессии Отделения истории и философии АН СССР (ноябрь 1947 г.). См. Пригласительный билет и тезисы докладов сессии отделения 27—28 ноября, посвященной вопросам византиноведения, стр. 21—22. В. Н. Л а з а р е в. Византийская культура XIV в. и проблема ренессанса.

воззрением на палеологовский „гуманизм“, как „полный ретроспективизма и глубокой внутренней обреченности“ (стр. 209). Непоследовательны тогда и его собственные слова о „новом, светском духе“, непонятно и его вытеснение стилем, отражающим „реакцию“.

Исходя из своей, несколько предвзятой точки зрения на социальные корни искусства первой половины XIV в., автор не только слишком лаконичен в характеристике „гуманистических“ тенденций в Византии (предоставив ей в сущности лишь половину 224 стр.), но даже не останавливается на той новой эстетике, ярким выразителем которой в XIV в. был Мануил Фил, а в XV в. — Иоанн Евгеник. Мало сказать, что Фил был „автором изящных, написанных в подражание Филострату эфрасис“ (стр. 224); многие из эпиграмм поэта посвящены современным ему произведениям искусства, в некоторых он ценит прежде всего близость к жизни, выразительность образа, красоту природы: „Без чистого золота и драгоценных камней, обыкновенными красками художник придает жизнь фигурам, как будто живым существам“, — говорит Фил.

Нельзя, конечно, утверждать, что индивидуальная личность художника начинает играть в византийском искусстве такую же роль, как в итальянском, но все же нельзя и не придавать никакого значения появлению в это время подписей художников, как это делает автор (стр. 211).

Прекрасно выявляя черты нового стиля (стр. 210), противопоставляя его тому реакционному графическому стилю, который слагается ко второй половине XIV в., автор говорит о том, что „Феофан — первый и одновременно последний подлинно индивидуальный мастер византийского искусства“ (стр. 220); хочется добавить — единственный из известных нам.

Не вяжутся, наконец, в нашем представлении „две характернейших для данного времени тенденции — ретроспективизм и интерес к портрету“ (стр. 222). Отмечая „подчеркнуто индивидуальные“ формы портретов (стр. 223) и доказывая эту мысль на достаточном количестве образцов, В. Н. Лазарев не делает из этого необходимых выводов. Разве в этих „подчеркнуто индивидуальных“ портретах не проявляется интерес к личности? Разве это не есть пример нового отношения к действительности? В этой связи, может быть, и „ретроспективизм“ предстал бы в ином свете: оказалось бы, что если здесь и имело место использование форм прошлого (пожалуй, все же, преувеличенное автором), то в интересах ведущего, нового.

Вполне справедливо суждение автора о „процессе кристаллизации национальных школ, постепенно освобождающихся от византийского влияния“ (стр. 211) и правилен путь, который он намечает для выявления специфики различных художественных центров столь суженной в это время империи. Пожалуй, несколько недооценена (особенно в свете ограниченного числа сохранившихся от этой эпохи памятников) Мистра, недостаточно освещены и ее исторические судьбы, что способствовало бы объяснению и некоторых особенностей византийского искусства того времени.

Переходя к оценке характеристики искусства сербского, болгарского, народов Кавказа и древней Руси, следует помнить, что автор ограничивает себя задачей „проследить судьбу византийского наследия на территории древней Руси и стран христианского Востока, а отнюдь не историю живописи самих этих стран, обычно выходящих на вполне самостоятельные пути национального развития“

(стр. 246). Однако же и здесь, как и в предшествующих главах, автор напрасно прибегает к отрицательным оценочным характеристикам, будь то сербское искусство, которое, по его словам, „никогда не подымается до того высокого качественного уровня, который типичен для чисто византийских памятников“ (стр. 239), или болгарская живопись, для которой типичны „жесткость письма и однообразие художественных приемов“ (стр. 241).

Более глубоко прослеживает В. Н. Лазарев судьбы русского искусства, вышедшего в этот период „на вполне самостоятельный путь художественного развития“ и сумевшего органически усвоить „все то лучшее, что было заложено в великом византийском наследии“ (стр. 242). Автор отмечает большой демократизм русского искусства по сравнению с византийским, его жизнерадостность и умение использовать „эллинистическую сердцевину“ византийских форм в том новом художественном мире, который явился „глубоко оригинальным творением русского народа“ (стр. 243). Далее В. Н. Лазарев резко возражает против и поныне существующей точки зрения о принадлежности вологодских фресок и росписей Феодора Стратилата — Феофану Греку и устанавливает процесс „руссификации“ творений учеников Феофана (стр. 244—245). Особое место в изложении отведено вопросу о распространении палеологовского искусства на московской почве.

Заключительные страницы книги посвящены судьбам византийской живописи в Италии. Здесь вновь уточняется вопрос о значении искусства Византии: „Если в XIII веке византийское искусство являлось передовым фактором в истории итальянской живописи, в XIV веке — после художественной реформы Джотто — оно окончательно сыграло свою роль. Подражание византийским образцам означало для эпохи дученто подражание наиболее передовой манере письма этого времени. Поэтому в византизирующем стиле работали все крупнейшие мастера XIII века. В XIV веке этот стиль становится архаическим пережитком, импонирующим лишь самым отсталым и консервативным вкусам“ (стр. 252). Далее прослеживается сложение итало-греческой школы XIV—XV вв., которую автор отчетливо отделяет от более поздней, формирующейся в XVI в. итало-критской.

Подводя итоги, следует выяснить, можно ли считать книгу В. Н. Лазарева методологически разрешающей все проблемы истории византийской живописи? — Не подлежит сомнению, что на долю последующих исследователей выпадает в этом плане еще большая работа. Ряд вопросов здесь еще только намечен, другие ожидают своего разрешения.

„История византийской живописи“ при всей серьезности ее методологических недостатков представляет значительный шаг вперед по сравнению с тем, что сделано буржуазной наукой; подбор и группировка фактов приводят автора во многих случаях к исторически верным выводам; анализ памятников искусства убедительно вскрывает те стороны исторического процесса, которые порой еще не известны из других источников. Однако поскольку книга не удовлетворяет ряду существенных требований советской науки, перед В. Н. Лазаревым стоит задача, использовав свой многолетний труд, продолжить исследование истории византийского искусства под углом зрения его идейно-художественного значения, на основе марксистско-ленинской методологии. Эта задача стоит и перед другими советскими исследователями истории византийской культуры.

А. В. Банк

М. Я. СЮЗУМОВ. КНИГА ЭПАРХА

„Ученые записки Свердловского государственного педагогического института“,
вып. VI, Свердловск, 1949, 115 стр.

„Книга эпарха“ — сборник уставов константинопольских цехов — представляет собою один из важнейших источников по экономической истории Византийской империи в X в. и наиболее важный источник по истории византийского города. Она была впервые издана (по-гречески) в 1893 г. и являлась с тех пор предметом изучения многочисленных русских и зарубежных буржуазных исследователей; однако до последнего времени „Книга эпарха“ ни разу не переводилась на русский язык.

М. Я. Сюзумов издал в „Ученых записках Свердловского пед-института“ перевод „Книги эпарха“, снабженный подробным комментарием и краткой вводной статьей. Это издание предназначено для студентов старших курсов, работающих в спецсеминаре по истории Византии; задачей издания является приучить студента разбираться в трудном тексте источника, критически его анализировать. Эта задача во многом определила характер и перевода и комментария. В переводе издатель, как он сам говорит в предисловии, старался сохранить нечеткость греческого текста, разъяснение которого он давал в комментарии. При этом и в комментарии он стремился (хотя этот принцип и не всегда выдерживается) не навязывать студентам догматически своего мнения, но подводить к нему путем критики неправильных воззрений. Свою точку зрения автор всегда подкрепляет большим или меньшим количеством фактического материала.

Из сказанного ясно, что главную трудность для автора представил именно комментарий, который и является основной частью книги: именно в нем должна была проявиться научная эрудиция автора, его умение решать сложные и спорные проблемы византийской истории.

Комментарий построен на основании привлечения всей основной исторической литературы, относящейся к данной теме, и значительного количества источников. Однако источники использованы очень неравномерно.

В большинстве случаев М. Я. Сюзумов опирается на юридические тексты (новеллы Льва VI, Пиру и др.), в том числе и такие, возможность использования которых нам представляется весьма спорной, например, „Василики“, — перевод законодательства Юстиниана (в выборках). Из нарративных источников наиболее основательно использованы произведения Скилицы и Льва Диякона, которым в свое время было посвящено одно из первых исследований автора. К сочинениям других историков автор обращается совершенно недостаточно: он мог бы почерпнуть гораздо больший материал в хрониках Симеона Логофета и Продолжателя Феофана (отметим, между прочим, что самостоятельной хроники Феоодосия Мелитинского, на которого автор ссылается на стр. 50, никогда не существовало — это лишь одна из многочисленных редакций хроники Симеона Логофета)¹. Совершенно не использованы Иоанн Камениата, у которого имеются интереснейшие данные о торговле, и анонимный автор „Жития Евфимия“. Не привлечена византийская художественная литература (эпос о Дигенесе). Кое-что можно было бы почерпнуть и из монастырских уставов, хотя

¹ Ср. „Изв. АН СССР“. Серия истории и философии, 1949, № 4, стр. 376.

они и относятся к несколько более позднему времени (XI—XII вв.), Кроме того, можно было бы использовать и немногочисленные акты X—XI вв.

Однако, приводя этот список источников, которые следовало бы использовать в дополнение к упомянутым М. Я. Сюзюмовым, следует отметить, что в них можно найти лишь некоторые детали, позволяющие несколько уточнить те или иные представления об отдельных частных сторонах экономики и быта византийского города. Во многих случаях исследователям приходится ограничиваться лишь тем материалом, который имеется в „Книге епарха“.

На основании использованного материала М. Я. Сюзюмов сделал ряд интересных наблюдений и важных выводов. Отметим его критику взгляда Лопеса на архонтов и им самим предложенное объяснение этого термина (стр. 44), а также терминов „трапезит“ (стр. 55) и „дом“, характеристику отношений метаксопратов и катартариив (стр. 65 и сл.), характеристику мастерской мыловара, эксплуатирующего наемный труд (стр. 87).

Правильно отмечает М. Я. Сюзюмов влияние торгово-ремесленных кругов на политику правительства Льва VI (стр. 95) — дополнительно можно было бы сослаться еще на новеллы 80, 81 и 83 этого императора. Толкование большинства терминов убедительно и, хотя оно часто строится на логических рассуждениях (ввиду недостатка источников), — тем не менее, является в должной мере осторожным.

Однако в комментариях М. Я. Сюзюмова содержатся иной раз спорные, необусловленные истолкования терминов, которые даются автором без необходимых оговорок. Таково, например, истолкование термина „эклект“ (стр. 72—73): предложенное М. Я. Сюзюмовым объяснение этого термина как „выбранный“, т. е. ученик, не менее искусственно, чем те, которые М. Я. Сюзюмовым были справедливо отвергнуты. В других случаях автор допускает просто неправильные объяснения. Так, вопреки тексту хроники Продолжателя Феофана, видимо, ускользнувшему от его внимания, М. Я. Сюзюмов выдвигает произвольное предположение о наличии симпонов для каждого цеха (стр. 34 и 100). Говоря о технике мукомольного дела (стр. 97), автор с удивлением отмечает, что „Книга епарха“ упоминает жернова, приводимые в движение животными. Однако в византийских актах, монастырских уставах, житиях и некоторых других памятниках упоминаются не только жернова такого типа, но и „ручные мельницы“. Автор не использовал очень интересное известие жития Афанасия Афонского об изобретении *μηχανή* для замешивания теста: эта *μηχανή* приводилась в движение быками.

Недостаток источников вынуждает автора нередко прибегать к неверному приему: он ссылается на памятники, относящиеся к V в. или даже к истории других стран. Указанные выше недостатки комментария все же ни в коей мере не могут повлиять на положительную оценку этой важнейшей части работы.

Но если комментарий в основном удался автору, то на введении лежит печать спешки и в силу этого — незавершенности. Слишком бегло охарактеризована эпоха, когда была создана „Книга епарха“: по существу автор ограничивается поверхностной характеристикой Льва VI, с которой к тому же нельзя согласиться. М. Я. Сюзюмов, повидимому, исходя из напрасного опасения навязать студенту априорное решение проблемы, не дает во введении анализа социально-экономических отношений эпохи и расстановки классовых сил, характеристики положения народных масс, социальной структуры города

и других важных явлений. Между тем, по нашему мнению, это нужно было сделать, и М. Я. Сюзюмов, как позволяют судить отдельные его замечания, разбросанные в комментарии, вполне мог это сделать. Недостаточной следует признать беглую характеристику взглядов буржуазных исследователей, данную автором во введении — хотя в комментарии он опять-таки постоянно полемизирует с буржуазными историками по ряду конкретных вопросов.

Работе М. Я. Сюзюмова присуща некоторая неаккуратность, в известной мере усугубляющаяся невнимательностью редактора. Последний не является, очевидно, специалистом в предмете, которому посвящена книга.

Отметим важнейшие ляпсусы автора.

Прежде всего, автор небрежно отнесся к хронологии событий. На стр. 7 автор указывает, что новеллы Льва VI были изданы до 898 г. Немногим ниже он замечает: „после смерти Стилиана издание новелл почти (подчеркнуто нами. — А. К. и М. Э.) прекратилось“. Если издание новелл почти прекратилось, значит оно все же продолжалось, иначе говоря, часть новелл была издана после смерти Стилиана. Но так как Стилиан умер в 899 г. (он умер на полгода раньше своей дочери Зои, а она была еще жива в 899 г. во время составления „Клиторология“ Филофея), то, следовательно, приходится принять, что часть новелл была издана после 899 г. Получается противоречие (издание новелл закончилось до 898 г., и в то же время часть новелл издана после 899 г.). Оно тем более бросается в глаза, что ведь новеллы адресованы либо Стилиану, либо умершему еще до него патриарху Стефану. Как могли эти новеллы появиться после смерти Стилиана?

На самом деле, новеллы Льва VI были, повидимому, составлены до провозглашения Стилиана василеопатором, что имело место, согласно В. Грюмелю, в 888—889 гг.

Другая хронологическая путаница имеется на стр. 80, где автор, говоря о событиях, происходивших не позднее 893 г. (до первой войны с болгарями), называет Зауцеса „всесильным отцом жены императора Зои“. Но Зоя стала женой императора только в 898 г., а в 893 г. была жива еще первая жена Льва VI — Феофано. Самое удивительное заключается в том, что на стр. 7 автор правильно указывает на 898 г., как дату заключения второго брака Льва VI. При этом на стр. 7 М. Я. Сюзюмов говорит о Стилиане, а на стр. 80 о Зауцесе, не поясняя, что это — одно и то же лицо.

На стр. 41 М. Я. Сюзюмов, исходя из упоминания в уставе слова „император“ во множественном числе, делает вывод, что устав был составлен после 911 г., когда соправителем был провозглашен Константин; он, видимо, забывает, что и до 911 г. Лев не был единственным императором, но разделял власть с Александром.

На стр. 7 автор говорит о существовании 113 новелл Льва VI, а на стр. 10 он упоминает 114-ю его новеллу.

Автор не придерживается единообразной транскрипции: наряду с „вофром“ и „символографом“ у него встречается „табулярий“; на одной и той же странице (38) мы найдем „Энхейридион“ и „Прохирон“. „Манкип“ (стр. 97) вдруг превращается в „манципа“ (стр. 99). Особенно режет слух „Ателлейат“ вместо традиционного „Атталиат“.

Очень неаккуратно даны библиографические указания. На стр. 101 автор цитирует: „Лев Диякон § 6“, забывая указать книгу. Названия журналов и книг нередко сокращаются до неузнаваемости.

В заключение можно пожелать, чтобы автор переделал введение, исправил отдельные недочеты в комментарии и издал свою книгу большим тиражом, дабы сделать ее доступной во всех пединститутах и университетах: она несомненно принесет большую пользу студентам, работающим в спецсеминарах по истории Византии.

А. П. Каждан и М. А. Заборов

В. НИКОЛАЕВ. СЛАВЯНОБЪЛГАРСКИЯТ ФАКТОР В ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НА КИЕВСКА РУСИЯ

Българска Академия на науките, София, 1949, 168 стр.

Вопрос о русско-болгарских связях в X в. в последние годы являлся предметом пристального изучения как советских, так и болгарских ученых. При этом традиционное представление о вражде между двумя славянскими народами в X в., о войнах между ними, о том, что Святослав якобы являлся послушным орудием в руках византийских императоров, натравивших его на Болгарию, — все эти устаревшие взгляды подверглись пересмотру. Уже М. Г. Попруженко пришел к выводу, что между Святославом и болгарским царем Борисом II шли переговоры о заключении русско-болгарского соглашения и союза, переговоры, крайне напугавшие византийское правительство, что Святослав после взятия Преславы не посягнул на сокровища болгарского царя, что русский князь и его дружина с исключительным уважением относились к болгарскому царю и его семье¹.

Совершенно по-новому вопрос о русско-болгарских связях в X в. был поставлен в работе М. Н. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами“. Автор этой работы подчеркнул древность экономических и культурных связей между Болгарией и Русью, установил наличие политических связей между Болгарией и Русью уже в первой половине X в. и доказал, что во время походов Святослава между Болгарией и Россией был заключен союз². К аналогичным выводам совсем недавно пришел и П. О. Карышковский³.

Пересмотру традиционных представлений о русско-болгарских связях в X в. посвящена также рецензируемая книга В. Николаева. Она состоит из 13 основных глав, которым предпосланы предисловие и введение и которые завершаются резюме на русском и французском языках.

Ценный материал собран В. Николаевым в главе „Книжовни и други культурни връзки между Дунавска България и Киевска Русия“ (стр. 139—160). Используя труды советских ученых, автор правильно указывает на существование старинных хозяйственных и культурных связей между населением Поднепровья и областей по Нижнему Дунаю.

¹ М. Г. Попруженко. България и Киевска Русия. Списание Родина, София, год 1, 1939, кн. 3, стр. 28.

² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами. „Славянский сборник“, ОГИЗ, 1947, стр. 132—152.

³ П. О. Карышковский. К вопросу о политических взаимоотношениях Византии, Болгарии и Киевской Руси в 967—971 гг., кандидатская диссертация, 1951.

Автор устанавливает сходство между русской и болгарской керамикой; он привлекает важный эпиграфический материал, проливающий свет на связь между болгарской и русской письменностью. В. Николаев высказывает предположение, что в школах, организованных Владимиром, в качестве учителей использовались болгарские монахи. Все эти факты лишней раз свидетельствуют о дружественных отношениях между восточными и южными славянами в X в.

Исходя из правильного представления о наличии в X в. интенсивных хозяйственных и культурных связей между Киевской Русью и Болгарией, В. Николаев, однако, положил в основу своей книги ложную мысль о том, что христианство было принято русскими не от греков (византийцев), но именно от болгар. Стремясь доказать это неверное положение, В. Николаев в сущности развивает гипотезу М. Д. Приселкова, который впервые поставил вопрос о заключении киевским князем Владимиром соглашения с болгарским царем Самуилом; по этому соглашению, полагал М. Д. Приселков, в Киеве была установлена церковная иерархия, зависящая от Охридского патриархата. Установление этого соглашения М. Д. Приселков относил к 990 г., т. е. ко времени до перехода византийского императора Василия II к решительному наступлению против Западной Болгарии, ко времени подъема Западно-болгарского царства Самуила¹.

Гипотеза М. Д. Приселкова не была принята большинством исследователей, указавших, что она опирается на совершенно недостаточное количество фактов: в частности, нет никаких данных о переговорах между Владимиром и Самуилом. Кроме того, оппоненты М. Д. Приселкова указывали, что создание новой (Киевской) иерархии вряд ли могло быть делом Охридского патриархата, ибо только Константинопольская и Римская церкви претендовали в то время на право создавать новые иерархии.

Пытаясь в рецензируемой работе возродить гипотезу М. Д. Приселкова, В. Николаев столкнулся, естественно, с большими трудностями.

Общезвестно, что в русских летописях крещение Руси прямо и недвусмысленно приписывается византийцам. Для доказательства своей гипотезы В. Николаев должен был опровергнуть это утверждение летописцев. С этой целью В. Николаев в источниковедческом разделе своей работы стремится доказать, что древнейшие летописи и предания (в частности, „Сказание об испытании вер“), — наши важнейшие источники по вопросу о „крещении Руси“, представляют собой будто бы позднюю греческую или русскую грекофильскую переработку: поздние „интерполяторы“, по его мнению, умышленно сфальсифицировали ту часть „Повести временных лет“, в которой рассказывается о „крещении Руси“, — в прогрессеческом духе; с другой стороны, руководствуясь „болгароненавистничеством“, присущим византийской церкви, они старались очернить ненавистных грекам болгар и искоренить в сознании киевских славян память о русско-болгарских связях и о принятии христианства Киевской Русью из Болгарии.

Хотя в источниковедческом разделе, занимающем значительную часть рецензируемой работы, автор и проявил основательное знание материала, подверг детальному анализу большое количество памятников на славянских языках, а также греческих, латинских и некоторых восточных текстов, однако В. Николаеву не удалось все же опровергнуть

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв., СПб., 1913, стр. 55.

летописного известия о принятии христианства на Руси при Владимире от греков.

Действительно, никакие комбинации не могут уничтожить многочисленных фактов, свидетельствующих о том, что между Василием II и Владимиром существовало соглашение: действительность его проявилась как во время похода русских дружин против восставшего в Малой Азии Варды Фоки, так и во время совместного русско-византийского похода против хазарского наместника в Крыму. Вполне естественно, что это политическое соглашение должно было найти свое идеологическое закрепление — именно эту роль (в плане русско-византийских отношений) сыграло крещение 988 г.

Самое „болгароненавистничество“, якобы открытое В. Николаевым (одна из глав его книги называется „Болгарофобия в „Сказании об испытании вер““), представляется крайне сомнительным: оно чрезвычайно плохо вяжется с фактами широкого проникновения болгарской литературы на Русь. Аргументация, которую приводит В. Николаев в защиту своей теории, представляется нам весьма шаткой. Ни в коей мере нельзя, например, согласиться с фантастическим утверждением В. Николаева, будто бы летописец умышленно смешивает дунайских и волжских болгар, чтобы создать у читателя впечатление, что дунайские болгары также являлись мусульманами (стр. 34). Совершенно произвольно утверждение В. Николаева, что в „Сказании об испытании вер“ речь идет о дунайских, а не о волжских болгарах и что, следовательно, дунайские болгары также присылали в Киев своих проповедников (стр. 40—41).

Таким образом, аргументы, выдвинутые В. Николаевым в защиту гипотезы М. Д. Приселкова, отнюдь не могут быть признаны убедительными.

Чувствуя шаткость своих источниковедческих построений, В. Николаев, с целью подтвердить свои выводы, подходит к вопросу во второй части книги с другой стороны. Он указывает что русские были христианским народом еще до крещения 988 г., и считает, что это последнее коснулось лишь небольшой части киевского населения. В. Николаев собрал значительный материал, на основании которого пытается доказать, что христианство было распространено на Руси еще до 988 г.

В этой связи особенно интересны данные буллы папы Иоанна XIII от 972 г., в которой Русь и Болгария ставятся в церковном отношении в один ряд как страны, где богослужение совершается на славянском языке, тогда как, по мнению папы, оно должно повсеместно совершаться на каком-либо из „священных“ языков, в частности, на латинском.

Однако эти факты В. Николаев истолковывает совершенно неправильно. Разумеется, проникновение христианства на Русь было процессом длительным. Памятники византийской агиографии, исследованные В. Г. Васильевским, показывают наиболее ранние этапы этого процесса, относящегося, по видимому, ко времени до образования Болгарской архиепископии. Патриарх Фотий также свидетельствует о том, что христианство проникло на Русь еще в IX в. Всем хорошо известно, что княгиня Ольга приняла христианство. Однако христианская церковь на Руси получила официальную санкцию лишь после принятия христианства Владимиром. При этом, разумеется, последний факт отнюдь не означал завершения процесса христианизации Руси — язычество сохранялось на Руси чрезвычайно долго: в частности, оно

служило идеологической формой, в которую облакался протест феодально-зависимых крестьян.

Таким образом, доказывая наличие христианства на Руси до 988 г., В. Николаев „открывает“ общеизвестные истины; в то же время его попытка объявить крещение Руси событием, не связанным с определенным годом (его „нельзя считать конкретным историческим событием“, стр. 164), является абсолютно неверной; не приходится отрицать, что крещение 988 г. в качестве официального акта имело большое политическое значение.

Стремясь в обоснование своей точки зрения принизить политическое значение крещения 988 г., В. Николаев обращается к „аргументации“, почерпнутой из норманистской теории: он объявляет, что это крещение было крещением языческой норманнской верхушки русского общества.

Подобный реверанс перед норманистской теорией, отвергнутой в советской исторической науке и привлекаемой буржуазными историками для доказательства „неспособности“ славянских народов самостоятельно создать государство, свидетельствует, что В. Николаев, хотя он и прокламирует свое стремление использовать достижения советской исторической науки, остается подчас в плену идей, враждебных славянским народам.

Следует признать совершенно недопустимым, что В. Николаев некритически использует сочинение фашистского писателя Г. Коха „Охрида и Византия в борьбе за христианизацию древней Руси“, заимствуя из него, в частности, утверждение, будто бы при дворе князя Владимира существовала латино-германская партия киевских варягов (!) (стр. 58).

Влияние норманистской теории проступает и в других местах работы: автор говорит о норманнском происхождении Святослава (стр. 101), указывает, что варяжское происхождение Владимира (?) якобы благотворно влияло на его нравственность (стр. 53) и т. п.

Хочется пожелать, чтобы болгарские историки как можно скорее изжили влияние норманистской теории, которое еще заметно в их работах.

Крупной методологической ошибкой В. Николаева является преувеличение значения христианства, которое автор считает едва ли не главным и единственным фактором культурного развития Днепровской Руси. К тому же В. Николаев не рассматривает христианство как надстройку над определенным базисом; он не выясняет тех классовых сил, которым оно призвано было служить, не показывает, интересы какого класса оно защищало, — он видит в христианстве исключительно фактор „культурного“ порядка.

Все это свидетельствует о том, что автор не справился с поставленной перед ним задачей. Не изжитое еще преклонение перед норманистской теорией заставило его исказить подлинную картину болгаро-русских отношений X в., хотя отдельные собранные им факты несомненно заслуживают внимания. К тому же увлеченный болгарским национализмом, В. Николаев стремился вывести всю культуру Киевской Руси из Болгарии. Он, наконец, вступил на путь идеализма, преувеличив значение христианства и не вскрыв его классовой роли. Все это показывает, что В. Николаев еще недостаточно овладел методологией советской исторической науки — методологией марксизма-ленинизма.

А. Ф. Вишнякова

A. HADJINIKOLAOU-MARAVA. RECHERCHES SUR LA VIE DES ESCLAVES DANS LE MONDE BYZANTIN

Athènes, 1950, 118 p.

А. ХАДЖИНИКОЛАУ-МАРАВА. ИССЛЕДОВАНИЯ О ПОЛОЖЕНИИ РАБОВ В ВИЗАНТИИ

Афины, 1950, 218 стр.

Небольшая книга греческой византистки Анны Хаджиниколау-Маравы посвящена весьма важному вопросу социально-экономической истории Византии, которым много занимались советские византисты¹ и который, насколько нам известно, до сих пор почти не ставился в буржуазной исторической науке, — вопросу о положении рабов в Византии. Как же ставит и как решает этот вопрос буржуазная исследовательница, ученица Ф. Кукулеса, автора ряда работ по бытовой истории византийского общества?

Во введении к книге А. Хаджиниколау старается создать у читателей впечатление, что она будто бы связывает положение рабов с экономическим развитием общества, с экономическим прогрессом (*progrès matériel*). Впрочем, в этом вопросе для автора единственным авторитетом остаются древнегреческие философы, и она ограничивается тем, что приводит известную фразу Аристотеля об орудиях-автоматах, делающих ненужным рабство (стр. 8). Но пусть не думает читатель, что даже такой робкий „материализм“ может быть положен в основу исследования, появившегося в фашистской Греции 1950 г.! На деле, работа А. Хаджиниколау — от начала и до конца — проникнута обычным для современной буржуазной исторической науки, самым вульгарным идеализмом. Это видно хотя бы из того, что исследование начинается главой, посвященной церкви и государству в Византии, так как автор считает своей основной задачей характеристику взглядов церкви на рабство.

В ряде мест книги А. Хаджиниколау говорит о том, что все изменения в положении рабов были порождены влиянием церкви; в частности, она утверждает, будто тезис о равенстве людей был якобы создан богословием и оттуда именно проник в право (стр. 24).

Известный рескрипт императора Антонина (138—161), декларативно запрещающий „сверх меры и без причины“ свирепствовать над рабами, рассматривается автором также как результат влияния христианства (стр. 63). Важнейшим противоречием византийского общества А. Хаджиниколау считает то обстоятельство, что христианство провозгласило равенство людей перед богом, а рабство тем не менее продолжало существовать! (стр. 12).

Идеализируя церковь, А. Хаджиниколау старается показать, что христианство выступало против рабства; она утверждает, что религиозные чувства были „шокированы“ фактом существования рабства. Но это утверждение ни в коей мере не соответствует действительности.

¹ См., например, Е. Э. Липшиц. Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX вв. „Вестник Древней истории“, 1939, № 1, стр. 364; Н. В. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V—VI вв. „Труды Института востоковедения“, т. 31, 1940; М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „Ученые записки Свердл. ин-та“, вып. 4, 1948, стр. 64; его же. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 13—15.

Маркс писал, что „социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество“¹.

За все время своего существования византийская церковь никогда не выступала с идеями социального равенства, — ее учение имело в виду лишь равенство мистическое. „В нашем мире, — писал Феодор Студит (IX в.), — существует рабство, так же как и брак; но в будущем (загробном) мире упразднится и то и другое, и все будут, как ангелы“. Мало того, мы можем отметить боевые выступления церкви в защиту рабства. В середине IV века появилась секта, которая из религиозных соображений выступала против рабства, убеждая рабов бросить своих господ. Собрался церковный Гангрский поместный собор, который предал анафеме лиц, принципиально выступавших против рабства. Эта анафема воспроизводилась во всех последующих книгах по церковному праву. Вспомним положение канониста Зонары (XII в.): „Апостол Павел . . . заповедывал рабам своим господам повиноваться . . ., но Евстафий и его последователи учили всему наоборот и убеждали рабов оставлять своих господ . . . Подобных лиц собор, следуя апостольским правилам, предает за такое учение анафеме“. То же самое мы находим и у других канонистов — Вальсамона, Аристина. В XIV веке канонист Властарь писал: „3-е правило Гангрского собора считает крайне безрассудным убеждать раба под предлогом благочестия презирать господина и не с усердием покоряться ему и служить. Посему, выражая справедливое негодование, предает анафеме учителя безумия“. Как видно, отношение византийской церкви к институту рабства совершенно определенное — рабство защищалось всеми средствами церковного воздействия. Византийская церковь чтит некоторых святых, которые „чудесно“ помогали обращающимся к ним господам разыскивать беглых рабов. О „чудесной“ помощи святых в розыске рабов писал и Евстафий Солунский и авторы житий святых. Почему же А. Хаджиниколау, — если уж она поставила своей задачей подробно изучить отношения церкви к рабству, — не сделала выводов из этих данных? Не знать этих фактов А. Хаджиниколау не могла.

Правда, проповедники (особенно Иоанн Златоуст) часто призывали господ мягче обращаться с рабами; они считали проявлением благочестия освобождение рабов по завещанию или при поступлении в монастырь — однако тут же они убеждали рабов покорно и честно служить хозяевам (εὐλαβῶς καὶ ἀδούλως ὑπηρετεῖν τοῖς δεσπόταις)², т. е. на деле поддерживали институт рабства. Нигде никаких канонических постановлений византийской церкви, направленных против рабства как института, не было. Об этом А. Хаджиниколау могла бы узнать даже из трудов буржуазных авторов³.

Вторая часть исследования называется „Класс рабов в Византии“ и подразделяется на главы, посвященные упадку античного рабства и появлению византийского рабства; византийскому рабству; упадку византийского рабства и появлению средиземноморского рабства; правовому положению рабов; частной жизни рабов; источникам рабства и формам освобождения рабов на свободу.

На первый взгляд может показаться, что А. Хаджиниколау пытается проследить эволюцию рабства в Византии, однако она не определяет

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 173.

² Слова Фотия — Migne. Patrol. gr., t. CIV, col. 213.

³ W. L. Westermann. „Sklaverei“, in Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, Supplementband, VI, 1935, col. 1068.

даже основных понятий, связанных с этой проблемой: мы тщетно искали бы у автора попытки дать четкое определение терминов „античный раб“ и „византийский раб“. Остается совсем неясным, почему византийского раба XII—XV вв. нужно называть „средиземноморским“, а не „византийским“. А. Хаджиниколау ограничивается тем, что слово „ойкет“ (поздних документов) переводит французским словом *serf*. Иначе говоря, сложный вопрос об исчезновении института рабства в условиях завершения процесса феодализации, в условиях утверждения зрелых форм феодализма автор обходит, удовольствовавшись простым переименованием „ойкета“ в „серва“. Разрешить этот вопрос возможно только на основе марксистского учения о феодализме.

Не приходится говорить, что понимание феодализма автором является просто сумбурным. Достаточно указать, что в политике Комнинов, направленной на ограничение рабства („антирабовладельческий“ характер политики Комнинов устанавливается на основании единственного факта — эдикта 1095 г., разрешавшего рабам вступать в законный церковный брак), А. Хаджиниколау видит не что иное, как антифеодальные тенденции! (стр. 51). Очевидно, она считает, что феодализм как раз и заключался в сохранении системы рабства.

Не понимая существа феодальной системы производства, не видя ее отличий от рабовладельческой системы, А. Хаджиниколау не делает никаких попыток провести разграничение между рабом и феодально-зависимым крестьянином — париком. Чрезвычайно путано излагает она также вопрос о пекулии. Из Пирры мы можем вывести, что в XI веке вопросы, связанные с пекулием, были в центре внимания судебной практики, а „Книга епарха“ показывает, что в X веке рабам предоставлялась значительная самостоятельность в ведении дел. Автор же считает, что институт пекулия мало-помалу пришел к „первоначальному состоянию“, — т. е. пекулий стал вновь составляться из маленькой суммы денег, предназначенной для торговых целей, или же из вещей, отданных в пользование рабу, и инициатива, предоставленная рабу в управлении пекулием, должна была уменьшаться по мере того, как приходил в упадок „старинный и солидный институт рабства“ (стр. 39). Выходит, что с исчезновением рабства инициативность работника падает! Разумеется, автор не в состоянии подтвердить фактами этот фантастический и совершенно антиисторичный тезис.

Суждения автора относительно роли рабов в производстве крайне поверхностны. Рабы, — утверждает А. Хаджиниколау, — только предмет роскоши и излишеств, тогда как сельскохозяйственных рабов в Византии почти совершенно не было (стр. 37). По ее мнению, в „последостиниановский период“ в „домах“ знати совсем не было и рабов-ремесленников (*nous ne rencontrons plus les esclaves spécialistes*); впрочем, приводимые автором несколько ниже выдержки из источников опровергают этот вывод. А. Хаджиниколау допускает, что раб мог быть управляющим господского имения, и ссылается в доказательство этого на „Книгу епарха“ (стр. 38). Но по „Книге епарха“ применение рабского труда далеко выходит за рамки использования их только в этой роли¹.

Автор крайне идеализирует взаимоотношения господ и рабов, приводя в доказательство ряд трафаретных сообщений агиографии о милостивых отношениях „святых“ к рабам. Зверства же господ оправдываются

¹ См. об этом М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. „Византийский временник“, т. IV, М. 1951, стр. 13—15.

пошлым соображением: „трудно ожидать хороших отношений при тогдашнем уровне морали“ (стр. 81).

Особенно характерны для современного буржуазного историка рассуждения о чувствах рабов, которые они якобы испытывали к своим господам.

Все византийские источники единодушно свидетельствуют, что рабы — враги господ. Но А. Хаджиниколау „затрудняется“ дать ответ на этот вопрос: „Трудно сказать на этот счет что-либо определенное“ (стр. 81), пишет она, принимая позу объективного исследователя, колеблющегося перед разноречивыми фактами. И вслед за тем она приводит ряд примеров „преданности“ рабов господам.

Конечно, единичные примеры „рабской преданности“ можно отыскать, но если автор пишет главу о „классе рабов“, не следует сводить вопрос к единичным примерам.

Само собою разумеется, что А. Хаджиниколау старательно обходит известия о революционных выступлениях рабов, о мятежных настроениях среди рабов государственных мастерских, об участии рабов в больших восстаниях (например, в восстании Фомы Славянина). Автор не принимает в расчет материалы гражданского и церковного законодательства, которые свидетельствуют о крайне острых классовых противоречиях между рабами и господами. В законодательных памятниках часто разбирается вопрос о том, как поступать с рабами, ищущими в церкви убежища от жестокости господ. При этом законодатели подчеркивают, что рабов, которые явились в храм с оружием в руках, церковь должна беспощадно отвергать, предавая их в руки властей. Ясно, что в данном случае имелись в виду вооруженные выступления рабов. Прохирон устанавливает, что рабы, замышляющие выступление против господина, должны быть сожжены живыми. Все эти и другие материалы разрушают ту идиллическую картину отношений рабов и господ, которую рисует А. Хаджиниколау.

Касаясь вопроса о подходе автора к источникам, следует прежде всего указать, что А. Хаджиниколау весьма невнимательно использует тексты документов. Например, на стр. 46 она утверждает, что катартарий (простой чистильщик шелка-сырца) „не мог быть ни рабом, ни бедняком“. Но в „Книге епарха“ говорится совсем другое: катартариев-рабов и катартариев-бедняков не допускали к коллективным закупкам сырца от иностранных купцов. Если бы автор обратил внимание на ст. 3 той же главы, то убедился бы, что среди катартариев были и рабы.

Говоря о рабах церкви, автор ссылается на 12-ю новеллу Льва VI о предоставлении церкви дохода с 1100 эргастерий. Но при чем тут рабы?

Далее, ряд фактов свидетельствует о крайне поверхностном знакомстве автора с источниками. Так, на стр. 62, указав на то, что Лев VI подтвердил запрет принимать свидетельство рабов на суде, автор прибавляет: „Арменопул (XIV век! — М. С.) пошел даже дальше, отрицая право выступать свидетелями на суде за лицами, имущество которых было ниже 50 золотых“. Выходит, что беднота была лишена этого права только в XIV в.! Между тем ничего нового в этом отношении Арменопул не сделал. Запрещение беднякам выступать в качестве свидетелей на суде, установленное еще в Дигестах (Dig., 48,2,10), повторялось затем в различных памятниках византийского права IX—XI вв.: Прохироне (XXVII, 22 и 23), Василиках (XXI, 1,27) и Пире (30,11).

При этом нужно отметить, что А. Хаджиниколау фактически оправдывает лишение бедняков права быть свидетелями. Она утверждает: „Очевидно византийцы считались с тем, что свобода совести без экономической свободы — пустое слово!“ (стр. 62).

Автор привлек к своему „исследованию“ ограниченный круг источников и литературы. В частности, русская литература оказалась недоступной для А. Хаджиниколау. Папирусы знакомы ей лишь из вторых рук (по статье Таубеншлага). Даже Corpus Juris Юстиниана используется не по подлиннику, а по французскому переводу.

В заключение мы можем сказать, что книга А. Хаджиниколау представляет тенденциозный подбор данных о рабах в Византии, имеющий целью „обосновать“ на материале византийской истории концепцию А. Валлона, который объяснял упадок рабства воздействием христианской морали. Работа А. Хаджиниколау, идеалистическая по своей методологии и в значительной мере компилятивная, не дает ничего нового для понимания природы византийского рабства. А. Хаджиниколау ни словом не обмолвилась о наличии марксистской научной теории относительно причин упадка рабства, но по всему видно, что целью ее работы было противопоставить марксистской теории свою идеалистическую, эволюционистскую. Однако попытка объяснить замену рабства феодальными формами эксплуатации в Византии, минуя вопрос о нерентабельности рабского труда, минуя вопрос о революционных движениях рабов, оказалась, как мы видим, несостоятельной. Только на основе марксистско-ленинской методологии, углубленно анализируя вопрос о генолизе, расцвете и спадке византийского феодализма, можно дать ясное представление о судьбах рабства в Византии.

М. Я. Сюзюмов

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ЛАТИНСКОЙ ИМПЕРИИ

Латинская империя — государство, основанное западноевропейскими крестоносцами на территории Византии, неоднократно служила уже предметом изучения историков. В настоящее время можно считать твердо установленным, что это феодальное королевство держалось исключительно жесточайшим угнетением и терроризированием населения, подпавшего под власть главным образом французских рыцарей и венецианских торговцев. И хотя факты, свидетельствующие о грабительской сущности этой недолговечной империи, хорошо известны, — не вызывает большого удивления появление в современной буржуазной историографии работ, основное содержание которых сводится к возвеличению и реабилитации политики государств крестоносцев, и прежде всего — Латинской империи. В самом деле, в то время, когда империалистический мир предпринимает попытки развязать новую мировую войну, в которой он ищет спасения от неминуемого краха, когда милитаристы США и их приспешники осуществляют кровавую агрессию против Кореи и организуют вооруженные провокации, шпионаж и диверсии против ряда других миролюбивых демократических стран, — реакционные буржуазные историки США, Англии, Франции не могут не откликнуться на призыв империалистов мобилизовать все идеологические средства для одурманивания народов, сопротивляющихся военному угару, для оправдания агрессии. Естественно поэтому,

что и агрессивные походы феодального дворянства давно минувших веков получают в писаниях этих историков своеобразное „истолкование“, смысл которого заключается в том, чтобы на исторических примерах доказать благодетельность иностранной оккупации и воспеть „гуманизм“ колонизаторов.

В этом отношении показательны две недавно вышедшие книги по истории Латинской империи. Одна из них принадлежит американскому историку, профессору Калифорнийского университета П. Топпину. Книга Топпина представляет собою перевод на английский язык феодальной конституции Ахейского (или Морейского) принципата — так называемых „Романских ассиз“, записи феодальных обычаев французских рыцарей вассального „латинского“ княжества в Греции. Этот перевод сопровождается обширными комментариями и введением, в которых и раскрывается „концепция“ автора¹. Другая книга написана Ж. Лоньоном, хранителем библиотеки Французского института; в ней излагается фальсифицированная автором история четвертого крестового похода и государств, основанных крестоносцами на территории Византии². Обе эти книги проникнуты стремлением, характерным для современной буржуазной историографии: показать положительное значение феодализма как политической системы, обеспечивавшей, якобы, прочный государственный порядок и „повиновение властям“, — условия, столь же желанные, сколь и мало достижимые для буржуазии наших дней.

Участовавшие в четвертом крестовом походе французские феодалы, эти „искатели приключений“³, жаждавшие обогащения, изображаются Лоньоном как пилигримы, охваченные религиозным экстазом и отклонившиеся от намеченной ими цели — освобождения „гроба господня“ — лишь под нажимом коварных венецианцев. Даже некоторые реакционные западные историки не могут отрицать, что тайные и явные организаторы и руководители четвертого крестового похода с самого начала намечали его целью завоевание Константинополя; уже давно было установлено, что предводитель крестоносцев Бонифаций Монферратский участвовал в выработке планов Филиппа Швабского и являлся прямым проводником его политики. Тем не менее, Лоньон предпочитает придерживаться „теории случайностей“, отклонявших, якобы, „честных“ крестоносцев все далее и далее от цели, к которой они ревностно стремились. Как известно, эта теория была выдвинута еще историком четвертого крестового похода — Жоффруа Виллардуэном, пытавшимся оправдать захваты крестоносцев. Несмотря на давно доказанную недостоверность сообщений Виллардуэна, Лоньон продолжает отстаивать его точку зрения. Вместе с тем Лоньон пытается обелить и папство. Всячески подчеркивая, что Иннокентий III противился организации экспедиции крестоносцев против Задара (Зары), он вынужден все же признать, что, несмотря на нарушение крестоносцами запретов папы, Иннокентий III принял их извинения после того, как Задар был захвачен и разграблен. Эту двуличную политику Иннокентия III Лоньон оправдывает стремлением папы „сохранить

¹ P. W. Topping. Feudal institutions as revealed in the Assizes of Romania the law code of Frankish Greece, Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press, 1949, 192 p.

² J. Longnon. L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée, Paris, 1949, 363 p.

³ См. К. Маркс. Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 201.

целостность крестоносного войска". Однако все эти ухищрения не могут скрыть активной роли папства в организации захвата Константинополя, и приводимые самим Лоньоном факты свидетельствуют против Иннокентия III. Папа, для виду гневавшийся на крестоносных разбойников, на самом деле желал лишь, чтобы Константинополь был взят ими, но — „без пролития крови христиан“; против самого захвата столицы Византийской империи папа ничего не имел, поскольку подчинение Византии Западу должно было привести, согласно ожиданиям папы, к распространению на нее и соседние с нею страны власти Рима. Лоньон вынужден признать и участие папского легата в отклонении похода от его первоначальной цели на Константинополь, и деятельную поддержку крестоносцев находившимися при их войске епископами, которые давали крестоносцам отпущение грехов за избиение христиан и открыто заявляли перед штурмом Константинополя в 1204 г., что „эта битва справедлива“¹. Будучи избран императором, Балдуин I обратился к Иннокентию III за поддержкой; последний принял „Латинскую империю“ под свое покровительство и предписал всем христианам защищать ее и оказывать Балдуину всяческое содействие. Эти и многие другие, сознательно опущенные Лоньоном факты неопровержимо доказывают деятельное участие папы в грабительском походе западноевропейских феодалов.

К прямой фальсификации прибегает Лоньон при описании захвата крестоносцами столицы Византийской империи. Этот захват, сопровождавшийся, как известно, неслыханным ограблением Константинополя, разрушением города и насилиями над его жителями, изображается Лоньоном в виде великого подвига крестоносного рыцарства. Описывая это событие в патетических тонах, он старается всячески преуменьшить размеры злодеяний, совершенных крестоносцами. Командиры крестоносного войска, пишет он, под страхом строжайших наказаний запретили бесчинства в городе, так что те насилия и грабежи, которые все же имели место, были учинены лишь недисциплинированной частью крестоносного воинства и несколько „омрачили победу крестоносцев, вызвав негодование папы, когда ему стало об этом известно“². Лоньон голословно утверждает, что рассказы восточных и византийских историков, а также и Новгородской летописи о разгроме и разграблении Константинополя „преувеличены“, — не смущаясь даже тем, что описание этих событий в Новгородской летописи представляет собой, как известно, сообщение очевидца. Преувеличенным считает Лоньон, повидимому, и сообщение об этом неприятном для французских колонизаторов событии, содержащееся в хронике Виллардуэна, которому в остальном он безоговорочно следует; между тем, это сообщение также принадлежит очевидцу. Таким образом, захват крестоносцами Константинополя, по Лоньону, — „великая“ победа французского оружия, а варварское разрушение и опустошение города — лишь незначительный эпизод, к тому же раздутый современными писателями, не оценившими колоссального „благодетельного“ значения завоевания Византии „крестоносными болванами“³.

Описанию этих „благодетельных“ последствий французской агрессии для населения Византийской империи и посвящена большая часть

¹ J. Longnon. L'empire latin... , p. 34.

² Ibid., p. 47.

³ См. К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 196—197.

книги Лоньона, равно как и сочинение Топпинга. Нет нужды напоминать, насколько непрочными и недолговечными оказались феодальные государства, основанные крестоносцами на территории Византии. Бесконечные междоусобицы французских феодалов, соперничество между ними и венецианцами, предоставившими „крестоносным остополам *пустой императорский титул и бремя власти*, которую невозможно было реализовать“, и удержавшими для себя „*действительные выгоды* предприятия“¹, а главное — упорное сопротивление населения империи чужеземным захватчикам — обусловили быстрый распад и окончательное крушение Латинской империи. Эти хорошо известные факты не мешают Топпингу утверждать, что „устойчивое и сильное государство“, основанное французскими рыцарями „в завоеванной стране с цивилизацией гораздо более древней, чем западноевропейская, является поразительным доказательством практичности и применимости феодальной системы политической и социальной организации“². Пусть Византия была носительницей более древней и более высокой культуры, — Топпинг готов с этим согласиться, хотя, как мы увидим, Лоньон склонен отрицать и это, — завоеватели, как утверждают оба автора, обладали средством, которое повергло эту цивилизацию к их ногам, а именно: феодальной системой.

И Лоньон и Топпинг игнорируют то обстоятельство, что феодализм существовал в Византии еще до четвертого крестового похода. Вместо того, чтобы показать историческое своеобразие византийских феодальных порядков, имевших свои отличия от западноевропейских, эти авторы изображают дело так, что якобы лишь „франками“ были принесены с Запада в готовом виде феодальные институты, причем эти феодальные институты, по их мнению, облегчили жизнь византийского населения, заменив деспотический произвол византийской бюрократии феодальной законностью. Во „введении“ в Византию западноевропейского феодализма, понимаемого обоими авторами, разумеется, лишь как система политических отношений, и заключалась, с их точки зрения, „культурная миссия“ крестоносных разбойников. Авторы рецензируемых книг, подобно многим другим буржуазным ученым, склонны считать феодализм специфически западноевропейским явлением, „вкладом“ господствующего класса средневековой Европы в историю человечества.

Топпинг подробно останавливается на описании „преимуществ“ феодализма перед другими формами общественного устройства. Особое внимание он уделяет вассалитету, „тесной и высоко почетной связи между двумя лицами, обязавшимися соблюдать взаимную верность и лояльность“³. Система вассальных отношений, достигшая значительной стройности в Латинской империи, рассматривается Топпингом как главный источник „прочности“ последней. Действительно, система военно-служилой иерархии, перенесенная крестоносцами из Западной Европы на Восток, получила в созданных ими здесь государствах свое классическое выражение⁴. Однако Лоньону и Топпингу не следовало бы забывать, что эта система могла утвердиться в покоренных ими странах только в результате безжалостного подавления всякого

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 199.

² P. W. Topping. Feudal institutions. . . , p. 8.

³ Ibid., p. 103.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, ОГИЗ, Госполитиздат, 1948, стр. 484.

противодействия со стороны местного населения и благодаря наличию здесь уже давно сложившихся отношений феодальной эксплуатации. Кроме того, как известно, стройность этой системы, преувеличиваемая Лоньоном, не мешала „латинским“ феодалам находиться в состоянии непрерывной войны друг с другом.

Топпинг и Лоньон совершенно извращают вопрос о положении народных масс Византийской империи под властью крестоносцев. Признавая, что в Латинской империи не произошло смещения греков с французами, Топпинг вместе с тем утверждает, что „была достигнута высокая степень сотрудничества и взаимной терпимости рас“, причем главная заслуга в достижении этого благоденствия приписывается „мудрому правлению“ „латинских“ феодалов¹. Однако сам же Топпинг приводит рассказ итальянского хрониста Марино Санудо, показывающий, какова была действительная цель похода западных рыцарей на Византию. При дворе ахейского князя Жоффруа II Виллардуэна (родственника историка четвертого крестового похода), пишет этот хронист, „постоянно находилось 80 рыцарей в золотых шпорах, которым князь давал все, что они требовали, помимо их регулярного жалования. Поэтому к нему стекались рыцари из Франции, из Бургундии и, сверх всего, из Шампани. Некоторые прибывали сюда поразвлечься, другие — оплатить свои долги, чтобы избежать кары за те преступления, которые они совершили на родине“. Вот этим-то грабителям, задолжавшим кутилам и искателям приключений Топпинг и приписывает „мудрую политику“ по отношению к населению захваченной ими Византийской империи.

Прелести „сотрудничества“ между крестоносными разбойниками и жертвами их насилий приводят в восхищение и Лоньона. Казалось бы, гражданину Франции, лишь недавно пережившей тяжесть гитлеровской оккупации, должно быть хорошо известно, как живет народу под гнетом иноземных захватчиков. Тем не менее, Лоньон, активный сотрудник и секретарь редакции парижского „Journal des savants“ в годы немецкого хозяйничанья во Франции, — не только утверждает, что „местное население осталось под властью французских феодалов в прежнем положении“, но допускает даже следующее заявление, представляющее собой вопиющее извращение истины: „крестьяне и горожане, — пишет он, — выиграли от перемены правителей, ибо они более не подвергались вымогательствам со стороны властей и насилиям местных тиранов и могли спокойно отдаваться своим занятиям“. „Умеренность и терпимость, проявленные завоевателями, — продолжает Лоньон, который, умолчав о разгроме Константинополя, проявил такую же „скромность“ и при описании захвата крестоносцами Афин, в свою очередь подвергшихся разграблению, — привлекли на их сторону местных жителей, облегчили завоевание и обеспечили в дальнейшем как покорность населения, так и процветание страны“².

Чтобы понять циничность этого рассуждения, достаточно вспомнить слова Виллардуэна, который — при всех его недостатках — был все же более правдив, чем его соотечественник семь веков спустя. После того, как французские феодалы получили поместья, захваченные в Греции, пишет Виллардуэн, „каждый из них стал творить зло на своей территории, а в большей степени, другие в меньшей, и греки

¹ P. W. Topping Feudal institutions... p. 8.

² J. Longnon. L'empire latin... p. 74.

начали испытывать к ним ненависть и затаили в сердцах своих злобу¹. Известно, что уже в 1205 г. Греция была охвачена восстанием против крестоносцев, которое поставило под угрозу их господство в завоеванных землях. Однако Лоньона не смущают все эти факты. Сообщив о восстании, он вновь твердит, что положение подданных крестоносных рыцарей „не изменилось; лишь феодальная иерархия заменила византийскую администрацию с выгодой для греков“². В Константинополе, богатейшем городе того времени, обращенном западноевропейскими рыцарями в развалины, греческое население, по словам Лоньона, „терпеливо относилось“ к „латинянам“, господство которых было „весьма мягким“ (*assez douce*), „умеренным и гуманным“³.

Переходя к описанию положения в Ахейском принципате, Лоньон снова и снова без устали повторяет свое насковзь фальшивое утверждение о том, что, народу под „латинским“ игом жилось, якобы, хорошо и вольготно. Греки сохранили, по его словам, свои прежние порядки, обычаи и законы. Более того, оказывается, „крестьяне постепенно сблизились со своими сеньерами, а последние — с ними. И те, и другие понимали, что их интересы солидарны“. Лоньон полагает даже, что произошло не только сближение, но и „смешение двух рас“⁴. „Романские ассизы“ могут дать наглядное представление о действительном характере „сближения“ порабожденного народа с захватчиками и о „солидарности их интересов“. Крепостной крестьянин подлежал суду лишь его собственного господина (ст. 186); без разрешения сеньора он не мог жениться или выдать замуж свою дочь (ст. 174); наследником крепостного считался его господин, который мог и просто отобрать у него все имущество (ст. 185 и 197). Последнее из указанных прав ахейских феодалов является свидетельством неограниченного господства крестоносцев над порабоженным населением Греции: в Западной Европе в XIII в. феодалы были в этом отношении несколько ограничены, они обязаны были оставить крепостному хотя бы его орудия производства (*waipagium*). Для „Романских ассиз“ вообще характерна трактовка крепостных как имущества, принадлежности феода (ст. 107 и др.). Фактически крепостного можно было даже убить; убийца должен был лишь предоставить господину убитого крестьянина другого серва в качестве замены (ст. 151). Такое бесправное положение греческих крестьян под властью французских феодалов на деле низводило их до рабского состояния, тогда как в других феодальных странах помещики обладали неполной собственностью на работников производства, которых они все же не могли убить и которые обладали единоличной собственностью на орудия производства и на свое частное хозяйство⁵. Особенно приниженное положение ахейского крестьянства объясняется, несомненно жестоким режимом, установленным французскими феодалами в завоеванной ими стране. „Романские ассизы“ свидетельствуют вместе с тем о сопротивлении крестьянства феодальному угнетению. Крестьяне бежали от помещиков (ст. 203) и открыто выступали против них, отказывая в повиновении, несмотря на жесточайшие кары, грозившие им (ст. 219).

¹ Villehardouin. La conquête de Constantinople, LXVII, ed. A. Pauphilet, Historiens et chroniqueurs du moyen âge, Paris, 1938, p. 141: *ains comença chascuns à faire mal en sa terra, li uns plus et li autre moins; et li d'istrieu les comencièrent à haïr et à porter mauvais cuer...*

² J. Longnon. L'empire latin..., p. 134.

³ Ibid., pp. 142, 143.

⁴ Ibid., pp. 209, 212.

⁵ См. И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 556.

„Благоденствие“, принесенное крестоносцами византийскому населению, было таково, что широкие массы поработенных „латинянами“ жителей поднимались на активную борьбу против захватчиков.

Лоньон, естественно, проходит мимо всех этих фактов и всячески восхваляет „сотрудничество“ между французскими феодалами и отдельными представителями господствующего класса Византии, изменившими своему народу; при этом Лоньон выдает этих ренегатов за выразителей настроений всего византийского населения. Изображая население Византии, подпавшее под власть крестоносцев, пассивной массой, послушно шедшей как за византийскими господами, так и за сменившими их „франками“, Лоньон отрицает наличие у византийских крестьян и горожан каких-либо признаков патриотизма, — чувства, настолько же чуждого современным империалистам и их идеологам, насколько и ненавистного им. При этом Лоньон игнорирует тот факт, что „Никея сделалась центром греческого патриотизма“¹, и что борьба народных масс против захватчиков привела к развалу и падению Латинской империи.

Обращаясь к вопросу о „взаимодействии молодой, любознательной и открытой для всего мира западной цивилизации“ с цивилизацией византийской, Лоньон стремится преуменьшить влияние Византии на Запад и, наоборот, доказать „глубокое влияние“ культуры, носителями которой были французские авантюристы, на „облагодетельствованную“ ими Византию. Что уничтожение колоссальных культурных ценностей, разграбление богатств Византии и безудержное угнетение ее населения были „великими благами“, принесенными феодальными разбойниками, должно, по мнению Лоньона, явствовать из всей его книги, венчаемой таким выводом: „Воспоминания о блистательном правлении в Греции французских шевалье, которое доставило этой стране долгие годы процветания и мира, продолжительное время не могли исчезнуть из памяти греков“². — Комментари, как говорится, излишни.

Предназначенные для широкого читателя, рецензируемые книги, при всей их кажущейся академичности, представляют собою попытку бессовестно фальсифицировать историю грязного захватнического предприятия французских феодалов, чьи подвиги не дают покоя нынешним американским и западноевропейским колонизаторам. Единодушие, с которым извращают исторические факты американский и французский историки, наглядно свидетельствует об одном и том же мутном источнике „вдохновения“ авторов обеих фальшивок. Тот и другой искажают историю в интересах империалистов, стремящихся любой ценой потушить ненависть народов к агрессии и иностранным оккупантам, подавить их стремление сохранить национальную независимость и суверенитет.

А. Я. Гуревич

¹ К. Маркс. Хронологические выписки, Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 206.

² J. Longnon. L'empire latin... , p. 356—357.

ХРОНИКА

ПЯТАЯ ВИЗАНТИНОВЕДЧЕСКАЯ СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ АН СССР

6—8 декабря 1950 г. в Москве состоялась очередная, пятая византиноведческая сессия Отделения истории и философии Академии Наук СССР. Время, протекшее с момента предшествующей византиноведческой сессии 1947 г., в развитии всей советской исторической науки, в том числе и византиноведения, отмечено важными сдвигами: это были годы коренной перестройки научно-исследовательской работы на основе постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Неоценимым вкладом в марксистско-ленинскую теорию явились труды И. В. Сталина по вопросам языкознания, которые выдвинули перед исторической наукой в целом и перед византиноведением, в частности, новые задачи, дали глубокое и исчерпывающее разъяснение многих проблем, крайне существенных для правильной разработки и понимания истории Византии. Пятая византиноведческая сессия подвела первые итоги работ, проведенных нашими византинистами за истекшее трехлетие.

Сессия носила тематический характер: в отличие от предыдущих, пятая сессия была в основном посвящена одной крупной проблеме — истории народных движений и классовой борьбы в Византии, — проблеме, изучению которой советские византинисты всегда уделяли большое внимание и которая занимала особенно видное место в исследованиях, проведенных в 1948—1950 гг. В повестке дня сессии стояли также вопросы истории русско-византийских отношений и истории византийской культуры.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения истории и философии АН СССР Б. Д. Греков. Он отметил достижения советских византинистов, но указал в то же время, что они должны более интенсивно разрабатывать основные вопросы истории Византии. Б. Д. Греков подчеркнул большое значение работ советских ученых — историков Византии — для историков стран народной демократии Балканского полуострова и пожелал успехов работе сессии.

Академик Е. А. Косминский в своем вступительном слове подытожил работу советских византинистов за истекшие 3 года и обрисовал задачи, стоящие перед византиноведением. Е. А. Косминский отметил значительность проблем, поставленных советскими византинистами, которые широко развернули изучение византийской истории на основе марксистско-ленинской методологии. Он перечислил достижения советского византиноведения и вместе с тем, напомнив об ошибках, еще недавно имевших место в работе отдельных византинистов и в I томе „Византийского временника“, указал на необходимость до конца и

полностью преодолеть эти ошибки. Остановившись на очередных задачах советского византиноведения, Е. А. Косминский подчеркнул важность изучения истории Византии не только для медиевистов, но и для историков других специальностей, в первую очередь — для историков народов СССР, так как история Византии неразрывно переплетается с прошлым нашей Родины, особенно с историей русского народа, а также народов Армении и Грузии. Отметив, что Византия играла ведущую роль в культурной жизни раннего средневековья, Е. А. Косминский разоблачил искажающую историческую действительность трактовку этого вопроса в буржуазной историографии, которая выдвигает на первый план исключительно или почти исключительно влияние византийской культуры на культуру других народов. Вопреки фальсификаторским утверждениям буржуазных ученых, советскими византинистами все более выясняется, — указывает Е. А. Косминский, — влияние славянских народов и народов Востока на развитие Византии и ее культуру. Е. А. Косминский призвал к решительному разоблачению различных фальсификаций и извращений истории Византии в буржуазной науке, в особенности в трудах американских „ученых“ и пресмыкающейся перед американским империализмом „маршаллизированной“ западноевропейской историографии. Советские ученые, — говорит Е. А. Косминский, — обязаны дать решительный и беспощадный отпор всякого рода извращениям исторической истины. В этой связи Е. А. Косминский особенно подчеркнул, что разработка истории Византии на основе марксистско-ленинской, единственно научной методологии является одной из актуальных задач советской медиевистики. Систематическое и глубокое изучение экономической, социальной, политической и культурной истории Византии, истории народных масс византийского феодального общества, их борьбы против эксплуататорских классов, изучение специфики византийского города, все еще остающегося белым пятном в истории Византии, вскрытие подлинных движущих сил византийской истории — таковы важнейшие задачи, стоящие перед советским византиноведением. В заключение Е. А. Косминский остановился на некоторых организационных вопросах, в частности, на необходимости укрепления научных связей и сотрудничества византинистов Москвы и Ленинграда с учеными Армении и Грузии, издания ценнейших источников по истории Византии, хранящихся в Матендаране, и систематических переводов на русский язык трудов советских армянских историков, работающих в области средневековой истории.

Е. А. Косминский обратился с приветствием к профессору М. В. Левченко в связи с исполнившимся 60-летием со дня его рождения. Он отметил большие научные заслуги М. В. Левченко, явившегося автором первой марксистской „Истории Византии“ и многочисленных исследований в области социально-экономической, политической и культурной истории ранней Византии. Юбиляра тепло приветствовал Б. Д. Греков, оттенивший значение работ М. В. Левченко для изучения истории народов Балканского полуострова. С краткими поздравлениями к М. В. Левченко обратились Е. Э. Липшиц (от ленинградских византинистов) и Э. В. Удадьдова (от византинистов Москвы), а также аспиранты ЛГУ.

На утреннем заседании 6 декабря 1950 г. доктор исторических наук М. В. Левченко (Ленинград) сделал доклад на тему „Труды И. В. Сталина по вопросам языкознания и задачи советского византиноведения“¹.

¹ См. „Византийский временник“, т. IV, 1951, стр. 3—10.

М. В. Левченко прежде всего указал на значение гениальных сталинских работ по вопросам языкознания для развития советской науки о языке. И. В. Сталин с предельной ясностью и исчерпывающей глубиной дал правильную ориентировку языковедам: он вывел языкознание из того тупика, в который его загнали безответственные „ученики“ Марра, чуждые интересам подлинной науки. Докладчик показал далее исключительно важное значение новых работ И. В. Сталина для всех работников науки и, в первую очередь, для историков. М. В. Левченко подробно остановился на задачах, которые труды И. В. Сталина ставят перед советскими византинистами.

В свете гениального сталинского учения о соотношении базиса и надстройки советские византинисты должны исследовать политические, правовые, религиозные и другие „надстроечные“ явления византийского общества. Замечательная характеристика, данная И. В. Сталиным империям рабского и средневекового периода и применимая также к Восточно-Римской империи, требует от советских византинистов глубокого изучения истории отдельных племен и народов, входивших в состав Византийской империи. Работы И. В. Сталина указывают советским ученым единственно правильный путь для преодоления марксистских ошибок в вопросах этногенеза.

М. В. Левченко подверг критике недостатки в работе советских византинистов. Он указал, что они еще не сделали всех необходимых выводов из постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. М. В. Левченко отметил, в частности, что недостаточно развернута критика и самокритика, отсутствуют широкие творческие дискуссии. М. В. Левченко указал, что для исправления всех этих недостатков советским византинистам необходимо глубоко овладеть теорией марксизма-ленинизма. Докладчик призвал к внимательному изучению работ И. В. Сталина по языкознанию, которые должны лечь в основу исследований по истории Византии.

Вечернее заседание 6 декабря 1950 г. было посвящено обсуждению доклада кандидата исторических наук М. Я. Сюзюмова (Свердловск) на тему „Народные движения городского населения Византии в IV веке“. М. Я. Сюзюмов не ограничился характеристикой городских движений IV в.: он поставил своей задачей выяснить вопрос о причинах относительной устойчивости рабовладельческого строя в Восточно-Римской империи. М. Я. Сюзюмов считает, что временную победу рабовладельческой реакции в IV—VI вв. нельзя объяснить одним только наличием в Византии экономически мощных городов и развитых торговых связей: необходимо определить ту социальную силу, которая могла быть использована классом рабовладельцев в эпоху кризиса в качестве своей опоры. По мысли М. Я. Сюзюмова, такой социальной опорой рабовладельцев Византии в IV в. явились городской люмпен-пролетариат и ремесленники, заинтересованные, по мнению докладчика, в сохранении рабовладельческих форм эксплуатации и самой Восточно-Римской империи. Докладчик полагает, что эти слои городского населения не только не являлись союзниками рабов во время рабских восстаний и вторжения „варваров“, но оказывали поддержку рабовладельческому государству. Волнения плебса в IV в. вызывались лишь недовольством „злоупотреблениями“ чиновников и куриалов и не были направлены против основ самого рабовладельческого строя. М. Я. Сюзюмов утверждает, что движения городского населения в IV в. объективно имели реакционный характер, что городские „низы“ выступали в защиту рабовладельческого строя, что все свободное городское население

Византии могло стать реальной силой в руках реакции. В этой связи М. Я. Сюзюмов подробно остановился на тех методах социальной демагогии, к которым прибегала рабовладельческая знать для того, чтобы привлечь на свою сторону люмпен-пролетариат и ремесленников.

В заключение М. Я. Сюзюмов рассмотрел предисторию цирковых партий V—VI вв. — будущих „венетов“ и „прасинов“, возникновение которых он относит уже к IV в. и связывает с борьбой двух группировок внутри господствующего класса: константинопольской бюрократической знати и местной рабовладельческой аристократии — куриалов.

Выступившие в прениях доктор исторических наук М. В. Левченко и канд. исторических наук Э. В. Удальцова выразили несогласие с основными положениями докладчика. Наибольшие возражения вызвал тезис М. Я. Сюзюмова о „реакционном“ характере выступлений городских масс в IV в. Возражения носили тем более обоснованный характер, что в докладе не было дано конкретного описания выступлений горожан под реакционными лозунгами: были приведены лишь единичные факты участия горожан в защите городов от варваров. М. В. Левченко отметил отсутствие в докладе необходимого разграничения люмпен-пролетариата и ремесленников: отношение к рабовладельческому государству люмпен-пролетариата, с одной стороны, и ремесленников — с другой, было далеко не одинаковым. Если праздная „чернь“ существовала на подачки рабовладельцев, то ремесленники жестоко страдали в условиях кризиса рабовладельческой системы производства и были враждебны существующему порядку. М. В. Левченко привел ряд фактов, свидетельствующих о ненависти городского населения к византийскому рабовладельческому государству, указав, в частности, на то обстоятельство, что города восточных провинций Империи приветствовали персидских завоевателей. Э. В. Удальцова отметила, что в изображении М. Я. Сюзюмова город IV в. выступает как бы незатронутым кризисом рабовладельческой системы, и городские массы в силу этого оказываются опорой рабовладельческой реакции. Ссылаясь на данные исследований Н. В. Пигулевской, М. В. Левченко, А. П. Дьяконова, А. Д. Дмитрева и других советских историков, Э. В. Удальцова показала, что городские „низы“ не только не были противниками рабов и варваров, но в ряде случаев (в Северной Африке, на Балканском полуострове) поддерживали восстания рабов и наступление „варварских“ племен. М. В. Левченко и Э. В. Удальцова отметили в качестве недостатка доклада М. Я. Сюзюмова отсутствие в нем анализа вопроса о роли рабов в городских движениях IV в. Они показали, что движение городской ремесленной бедноты носило революционный характер: сливаясь с восстаниями рабов, колоннов и варваров, эти движения расшатывали рабовладельческий строй, а не укрепляли его.

Академик Е. А. Косминский резюмировал прения по докладу М. Я. Сюзюмова. Он отметил важность проблем, затронутых в докладе, и указал, что возражения докладчику, касающиеся вопроса о роли городских движений IV в. в процессе гибели рабовладельческого строя Восточно-Римской империи, вызваны, в известной мере, неправильной формулировкой названия доклада: М. Я. Сюзюмов рассматривает в своем докладе не самостоятельные движения народных масс, а лишь выступления городского люмпен-пролетариата, являвшегося простым орудием в борьбе внутри господствующего класса рабовладельцев. Этот люмпен-пролетариат больших восточно-римских городов, не занимавшийся производительным трудом и живший за счет

эксплуатации рабов и общинников, мог в какой-то степени поддерживать рабовладельческое государство; однако люмпен-пролетариат нельзя отождествлять с народными массами. Народные массы, т. е. в данном случае трудовые слои городского населения — ремесленники, страдавшие от тяжелого кризиса, занимали в отношении рабовладельческого государства враждебную позицию. Е. А. Косминский обратил внимание на необходимость изучения вопроса о движениях городских рабов, которым докладчик совершенно не уделил места. Е. А. Косминский отметил внутреннюю противоречивость и неубедительность концепции доклада М. Я. Сюзюмова: показывая, что выступления городских масс использовались в интересах укрепления рабовладельческого строя, докладчик рассматривает их в качестве реакционных, упуская из виду, что в то же время борьба внутри города подрывала рабовладельческий строй.

Обсуждение доклада М. Я. Сюзюмова показало, что история ранне-византийского города еще далеко не изучена. Существенную помощь в ее разработке могло бы оказать творческое сотрудничество специалистов по древней истории, к стати сказать, отсутствовавших на сессии, и византинистов.

На утреннем заседании 7 декабря 1950 г. с докладом на тему „Народные движения в Византии в VI в. по произведениям Прокопия Кесарийского“ выступила Э. В. Удальцова (Москва). Докладчица на основании большого фактического материала, собранного ею путем скрупулезного анализа исторических сочинений Прокопия, нарисовала широкую картину восстаний рабов в Византии в VI в., конкретно показав наличие союза между рабами, свободными бедняками, колонатами и проследив прямую связь восстаний рабов с „варварскими“ вторжениями. Докладчица подвергла особенно внимательному изучению войны готов в Италии под руководством Тотилы и Тейи против византийцев и движение под руководством Стотзы в Северной Африке. Докладчица трактовала эти движения как широкие народно-освободительные войны, вызванные попыткой реставрации рабовладельческих отношений при Юстиниане, направленные против рабовладельческого строя и нанесшие ему сильный удар. Анализируя социально-политические взгляды Прокопия, Э. В. Удальцова пришла к выводу, что они выражали идеологию оппозиционно настроенной части сенаторской аристократии. Докладчица подвергла суровой критике лженаучные построения буржуазных византологов, идеализирующих правление Юстиниана, и убедительно показала подлинный реакционный характер его политики, направленной на восстановление рабовладельческих порядков в захваченных на Западе областях и на подавление восстаний рабов и бедноты.

Доклад Э. В. Удальцовой вызвал оживленное обсуждение. М. Я. Сюзюмов, стремясь свести проблему задержки гибели рабовладельческого строя в Византии единственно к вопросу об особом месте города в ее истории, снова повторил тезис о свободном населении города как основной социальной опоре рабовладельческой реакции. М. Я. Сюзюмов пытался также отвергнуть предложенную докладчицей интерпретацию политических взглядов Прокопия, считая византийского историка выразителем идеологии новой феодализирующейся знати. Однако точка зрения М. Я. Сюзюмова не встретила поддержки со стороны остальных участников обсуждения доклада Э. В. Удальцовой, подчеркнувших, что в докладе дано правильное в методологическом отношении и подтвержденное большим фактическим материалом марксистское решение

вопроса о революционном характере крушения рабовладельческого строя в Византии и о роли рабов в сломе византийской государственной машины.

М. В. Левченко, возражая М. Я. Сюзюмову, обратил внимание на то, что византийское государство широко использовало в своих вооруженных силах свободное население окраинных провинций — иллирийцев, исавров, армян. Знать и даже зажиточное свободное крестьянство этих областей, а отнюдь не городская беднота, оказывали известную поддержку рабовладельческой Византийской империи. А. В. Банк (Ленинград) отметил, что археологический материал дает возможность проследить резкое различие между античным и византийским ремеслом VI в. Ремесленники VI в. не были ремесленниками античного типа и не могли уже хотя бы в силу этого обстоятельства составлять опоры гибнущего рабовладельческого общества, как полагает М. Я. Сюзюмов. Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев, Е. Э. Липшиц и др. остановились на вопросе о составе сенаторской знати в эпоху Юстиниана, отметив ее неоднородность: наряду с рабовладельческой аристократией в нее входила и новая „варварская“ знать. И. К. Кусикьян и А. П. Каждан подчеркнули убедительность трактовки в докладе З. В. Удальцовой мировоззрения Прокопия. А. П. Каждан отметил большой интерес и важность конкретного анализа вопроса об участии рабов в народных движениях VI в. в докладе З. В. Удальцовой. Он указал также, что работа З. В. Удальцовой помогает разоблачению фальсификаторских теорий А. Грегуара и других западноевропейских буржуазных византинистов, превозносящих правление Юстиниана.

В заключительном слове З. В. Удальцова подробно остановилась на высказываниях И. В. Сталина о революции рабов и в связи с этим — на вопросе об особенностях процесса гибели рабовладельческого строя в Византии. По мнению З. В. Удальцовой, гегемоном в революционном перевороте VI—VII вв. выступила феодализирующаяся „варварская“ знать и та часть старой, рабовладельческой аристократии, которая вливалась в состав формирующегося класса феодалов. Они воспользовались плодами победы рабов, которые в союзе с колонами, беднотой и „варварами“ разрушили рабовладельческий строй, расчистив путь для развития феодальных отношений в Византии.

В том же утреннем заседании 7 декабря обсуждался доклад канд. исторических наук Е. Э. Липшиц (Ленинград) на тему „Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв. Павликиане и иконоборцы“. Доклад Е. Э. Липшиц был построен на материале законченной ею монографии. Докладчица охарактеризовала VIII—IX вв. как время значительного подъема народных движений в Византии, вызванных развитием феодальных отношений и усилением феодальной эксплуатации. Она изложила историю павликианского движения, начиная с конца VI в. Особое внимание в докладе было уделено VIII—IX вв., когда павликианство получило наиболее широкое распространение, главным образом, в Малой Азии, являясь в этот период самым ярким и значительным по своему размаху антифеодальным движением, принявшим форму богословской ереси. Перейдя к анализу социальной сущности павликианства, докладчица убедительно показала его плебейско-демократический характер: основную массу участников павликианского движения составляли беднейшее крестьянство и рабы, открыто и в замаскированной, религиозно-мистической форме выражавшие свои антифеодальные стремления, ненависть к официальной церкви — опоре господствующего класса, лозунги со-

циального и имущественного равенства. В заключение Е. Э. Липшиц рассмотрела вопрос о связи павликианского движения с иконоборчеством и оттенила принципиальное различие обоих движений: иконоборчество, по мнению Е. Э. Липшиц, отражало интересы военно-землевладельческого сословия; иконоборцы, стремясь лишь к ограничению церковно-монастырского землевладения в собственных интересах, могли являться только временным союзником павликиан.

В прениях по докладу Е. Э. Липшиц выступили М. Я. Сюзюмов, И. К. Кусикьян, Ф. М. Россейкин, член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев и др. Выступавшие в прениях оценили доклад Е. Э. Липшиц как первое марксистское исследование о павликианах, история которых искажена в буржуазной историографии.

Ряд возражений докладчице был сделан М. Я. Сюзюмовым. М. Я. Сюзюмов пытался объяснить религиозный характер павликианского движения отсутствием в восточных областях империи крестьянской общины: по его мнению, религиозная спайка призвана была заменить здесь общину в качестве средства сплочения восставших крестьян, и это обстоятельство обусловило религиозную оболочку движения павликиан. М. Я. Сюзюмов возражал также против концепции иконоборчества, выдвинутой в докладе Е. Э. Липшиц, считая, что иконоборцы не выступали против монастырского землевладения, а требовали конфискации движимого имущества монастырей. По мнению М. Я. Сюзюмова, в VIII в. не могло возникнуть требование секуляризации, так как монастыри в это время уже не являлись крупными земельными собственниками. И. К. Кусикьян указал на необходимость более тесно связать изучение истории павликианства с историей других еретических движений на Востоке, прежде всего, в Армении. Член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев и Ф. М. Россейкин высказали предположение о том, что в павликианском движении принимали участие не только крестьяне, но и городские ремесленники; они указали также на желательность большей систематизации религиозного и философского мировоззрения павликиан. В. Н. Лазарев подчеркнул стремление павликиан к созданию „дешевой церкви“, сближающее павликианство со средневековыми ересями на Западе. Он отметил методологическую правильность постановки в докладе вопроса об отношениях иконоборцев и павликиан.

На вечернем заседании 7 декабря был заслушан доклад проф. М. В. Левченко „Киевская Русь и Византия в X веке“. М. В. Левченко сосредоточил внимание главным образом на анализе вопроса о степени достоверности известий Константина Багрянородного о древней Руси. Эта проблема является весьма существенной, особенно в связи с тем, что сочинение византийского императора „О народах“ служит источником для реакционных фальсификаций буржуазных историков Запада, сторонников лженаучной „норманистской теории“ возникновения Русского государства. М. В. Левченко показал недостоверность сочинения Константина Багрянородного в части, касающейся древней Руси. Докладчик обратил внимание на понижывающую это сочинение идею всемирной монархии: интерес византийского императора был сконцентрирован в основном на тех странах, которые находились некогда под властью Византии и которые сам он намечал в качестве возможного объекта византийской захватнической политики. В силу этой направленности сочинения Константина Багрянородного Киевская Русь не привлекала к себе особого внимания с его стороны, и главы, посвященные Киевской Руси, содержат множество противоречий и фактических ошибок

Анализ сочинения Константина Багрянородного „О народах“, произведенный М. В. Левченко, показал, что известия этого писателя о Руси, до сих пор считавшиеся заслуживающими большого доверия, на самом деле требуют весьма критического отношения. Выступивший в прениях И. К. Кусикьян подтвердил вывод М. В. Левченко о значительной недостоверности многих известий сочинения византийского императора „О народах“. Он указал, что сравнение тех частей этого сочинения, в которых речь идет об Армении, с известиями армянских историков (католикос Иоанн, Фома Арцруни, Асохик) свидетельствует о том, что у „багрянородного историка“ были очень поверхностные сведения об Армении. Е. Э. Гранстрем (Ленинград) высказала пожелание более полно аргументировать тезис о том, что древнейшей формой письменности на Руси была кириллица. П. О. Карышковский (Одесса) уточнил некоторые конкретные факты, упомянутые в докладе М. В. Левченко.

Ф. М. Россейкин, подводя итоги обсуждению доклада М. В. Левченко, подчеркнул ценность выводов докладчика, устанавливающих новый правильный взгляд на трактат Константина Багрянородного и наносящих тем самым удар по псевдонаучным измышлениям норманистов.

На утреннем заседании 8 декабря был заслушан доклад А. П. Каждана (Тула) на тему „Крестьянские движения в Византии в X веке и аграрная политика императоров Македонской династии“. Докладчик охарактеризовал своеобразие аграрных отношений в Византии в X в., когда феодальная система еще находилась в процессе становления, и наряду с эксплуатацией феодально-зависимых крестьян существовала эксплуатация рабов и тяглых свободных крестьян, обязанных платить государственные подати и выполнять государственную барщину. Докладчик обрисовал ряд крестьянских движений X в. (восстания 932, 934, 970 гг. и др.) в Византии, показав, что они были направлены главным образом против налогового гнета (централизованная рента), а также и против феодальной эксплуатации. В этой связи А. П. Каждан проанализировал аграрное законодательство Македонской династии и установил, что: 1) мероприятия византийских императоров X в., направленные на некоторое облегчение положения крестьянства, были вызваны ростом крестьянских движений; 2) аграрная политика Македонской династии не была единой; она отражала борьбу двух, по мнению докладчика, группировок господствующего класса — константинопольской бюрократии, заинтересованной во взимании централизованной ренты, и провинциальных феодалов. Императоры, представлявшие ту или иную из этих группировок, вынужденные под давлением крестьянских восстаний идти на уступки крестьянам, стремились произвести эти уступки за счет враждебной группировки господствующего класса.

В обсуждении доклада А. П. Каждана приняли участие М. Я. Сюзюмов, Э. В. Удальцова, В. Н. Лазарев, И. К. Кусикьян, П. О. Карышковский и М. В. Левченко. Все выступавшие подчеркивали, что А. П. Каждану удалось опровергнуть созданную В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским и старательно культивируемую в современном реакционном буржуазном византиноведении теорию о том, что императоры Македонской династии выступали как защитники интересов крестьянства и ревнители „общего блага“. Участники обсуждения отметили свежесть привлеченного докладчиком материала, характеризующего крестьянские движения X в., и согласились с выдвинутой им новой концепцией о роли и значении этих восстаний в истории Византийской империи. Выступавшие признали также убедительность произведенного

А. П. Кажданом анализа вопросов о структуре господствующего класса, борьбе провинциальной феодальной знати против чиновной константинопольской аристократии, о тесной связи этой борьбы внутри господствующего класса с аграрной политикой Македонской династии и крестьянскими движениями и нашли верными представления докладчика о сдвиге в положении господствующего класса на протяжении IX—X вв. В то же время выступавшие в прениях указали на необходимость исправления и уточнения отдельных вопросов. И. К. Кусикьян высказал пожелание о необходимости специального изучения вопроса о социальных корнях мировоззрения В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского, которых оппонент был склонен сближать с русскими славянофилами середины XIX в. В. Н. Лазарев поставил в упрек докладчику то, что он преувеличивает роль рабского труда в социальных отношениях X в. П. О. Карышковский уточнил датировку восстания Симеона Виноградаря. М. В. Левченко указал на необходимость более четкого выяснения социальной опоры императора Никифора Фоки.

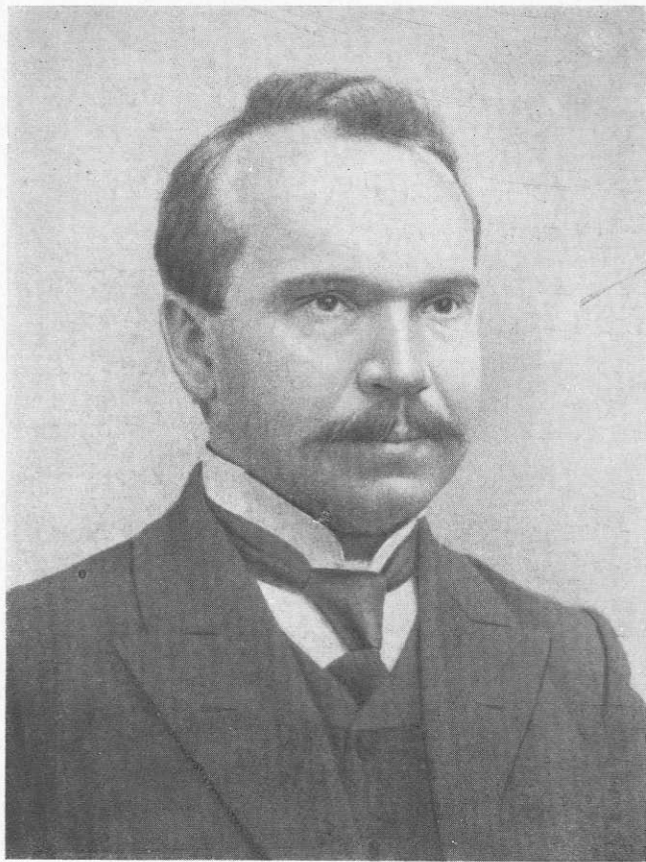
В том же утреннем заседании член-корр. АН СССР В. Н. Лазарев сделал доклад на тему „Новые памятники византийской живописи конца XIV века (Высоцкий чин)“. Подвергнув скрупулезному специальному анализу иконы так называемого деисусного чина (из Серпуховского Высоцкого монастыря), изготовленные в Византии по русскому заказу, сравнив их с иконами прославленного русского живописца Андрея Рублева (из Саввино-Сторожевского монастыря), В. Н. Лазарев показал, что к XV в. центр художественного развития переместился в Москву, где сформировалась ведущая художественная школа всего славянского мира: ее произведения выгодно отличаются от работ константинопольских живописцев конца XIV в. с присущим им манере схематизмом. Доклад В. Н. Лазарева сопровождался показом диапозитивов памятников византийской живописи. В прениях по докладу В. Н. Лазарева выступили О. А. Белоброва (Ленинград) и А. В. Банк (Ленинград), которые, подвергнув критике отдельные положения доклада, в целом дали ему высокую оценку.

Вечернее заседание 8 декабря было посвящено обсуждению доклада Б. Т. Горянова (Москва) на тему „Общественно-политическая идеология низших классов византийского общества по апокрифической литературе“. Доклад Б. Т. Горянова представляет собою главу из подготовленной автором монографии о византийской культуре эпохи Палеологов. Докладчик поставил своей задачей привлечь памятники апокрифической литературы в качестве источника для изучения идеологии трудящихся масс феодального общества Византии, Б. Т. Горянов считает поздневизантийские апокрифы очень ценным источником для изучения этой темы. Перечислив различные типы апокрифов (громники, трепетники и пр.), Б. Т. Горянов утверждал, что они позволяют нарисовать яркую картину тяжелого положения византийских ремесленников и крестьян, свидетельствуют о дифференциации в среде „низших классов“, о классовой борьбе народных масс; апокрифы являются, кроме того, по мысли докладчика, своего рода сельскохозяйственной энциклопедией византийского крестьянина и дают возможность изучить условия хозяйственной жизни деревни. Б. Т. Горянов особенно подробно остановился на „Прениях Азимита с Панагиотом“, в которых содержится злая сатира на латинофилов.

Доклад Б. Т. Горянова подвергся критике. Выступившие в прениях отметили, что докладчик не столько анализировал апокрифы, сколько повторял мысль о необходимости их изучения. Они указали, что в докладе

отсутствует конкретный материал, который бы подтверждал выводы автора, что Б. Т. Горянов не выяснил социальной природы апокрифов и переоценил их значение, не сумел достаточно критически подойти к апокрифам, относящимся к разным историческим периодам, и смешал воедино греческие и славянские памятники апокрифической литературы. Выступившие в прениях высказали мысль о скудости данных апокрифов в качестве источника: материал, содержащийся в том или ином апокрифическом произведении, трудно отнести к определенному периоду времени — во всяком случае, Б. Т. Горянову этого не удалось сделать. В соответствии с этим было указано, что Б. Т. Горянову следовало бы поставить изучение апокрифов в связь с анализом других жанров народной литературы (басни, сказки, эпос), которые дают больше конкретных материалов о народной идеологии. Ф. М. Россейкин высказал мысль о неясности самого термина „апокриф“ и отличия апокрифической литературы от других видов народной литературы. Он подверг сомнению тезис докладчика об апокрифах как о сельскохозяйственной энциклопедии и указал на ошибочность отнесения Б. Т. Горяновым такого памятника как „Прения Азимита с Панагиотом“ к апокрифической литературе. Выступая в заключение прений, М. В. Левченко отметил идеализацию Б. Т. Горяновым византийского государства, недопустимую у советского ученого, который не должен забывать, что К. Маркс называл Византию „худшим государством“.

Закрывая сессию, М. В. Левченко отметил значительные успехи советского византиноведения, наглядно проявившиеся в докладах, обсуждавшихся на пятой византиноведческой сессии. М. В. Левченко особенно выделил выступления молодых византинистов, сделавших на сессии доклады и принявших активное участие в прениях.

Феодор Михайлович
РОССЕЙКИН

Ф. М. РОССЕЙКИН (1879—1951)

31 мая 1951 г. в возрасте 72 лет скончался один из старейших советских византинистов, старший научный сотрудник Института истории АН СССР Феодор Михайлович Россейкин.

Советское византиноведение потеряло в лице Ф. М. Россейкина одного из своих видных представителей, неутомимого исследователя, патриота социалистической Родины, неизменно отстаивавшего приоритет русской науки.

Исследовательские интересы Ф. М. Россейкина с самого начала его научной работы были сосредоточены на изучении того богатого событиями периода истории Византии, который связан с разделением церквей и деятельностью патриарха Фотия. Этому вопросу Ф. М. Россейкин посвятил ряд отдельных статей и обширную монографию „Первое правление Фотия, патриарха константинопольского“, которая вышла в свет в 1915 г. В своей работе Ф. М. Россейкин, пересмотрев источники и использовав новые материалы, подверг критике прежние работы на эту тему, написанные реакционными историками-клерикалами. Эта работа, будучи результатом многолетних трудов Ф. М. Россейкина, явилась вкладом в русское византиноведение, способствовавшим укреплению его неоспоримого приоритета. В том же 1915 г. эта работа Ф. М. Россейкина была защищена им, как магистерская диссертация.

После Великой Октябрьской социалистической революции Ф. М. Россейкин принимал активное участие в строительстве новой школы, являясь (с сентября 1918 г.) членом Постоянного совещания по реформе высшей школы. Одновременно Ф. М. Россейкин работал в качестве директора средней школы в г. Новый Оскол Курской области, где преподавал историю и обществоведение, читал лекции для рабочих и крестьян района.

Переехав в Москву, Ф. М. Россейкин в 1927—1930 гг. деятельно участвовал в работе методических комиссий Московского отдела народного образования и Института методов школьной работы. Одновременно он продолжал исследовательскую работу в области византиноведения, выполняя поручения Русско-византийской комиссии Академии Наук СССР.

В 1943 г., когда при Институте истории АН СССР была образована группа по истории Византии, Ф. М. Россейкин был привлечен к работе в ней.

В Институте истории АН СССР Ф. М. Россейкин принимал самое активное участие в работе сектора истории средних веков, группы по истории Византии и ее органа — „Византийского временника“.

В своих исследованиях, критических обзорах и рецензиях, печатавшихся в „Византийском временнике“, Ф. М. Россейкин вел неутомимую борьбу против фальсификации истории Византии в трудах буржуазных ученых Запада.

Руководя подготовкой группы аспирантов Института истории АН СССР, специализирующихся по истории Византии, Ф. М. Россейкин заботливо растил кадры советских византинистов, всегда уделяя им много внимания и радуясь каждому их успеху в исследовательской работе.

В 1950 г. Ф. М. Россейкин начал большой труд на тему „Византия и Московская Русь“. Смерть помешала ему закончить свою работу.

Все, кто знал Феодора Михайловича, навсегда сохранят светлую память об этом скромном труженике науки, горячо любившем свою Родину и боровшемся до последнего дня за приоритет советской науки.

Б. Т. Горянов

ОГЛАВЛЕНИЕ ПЯТОГО ТОМА

Статьи и исследования

А. Д. Дмитриев. Движение скамаров	3
Э. В. Удадьцова. Народные движения в Северной Африке при Юстиниане.	15
Е. Э. Липшиц. Павликианское движение в Византии в VIII и первой половине IX вв.	49
А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии в X в. и аграрная политика императоров Македонской династии	73
А. С. Степанов. Труд Дуки, как источник по истории восстания Берклиджи Мустафы начала XV в.	99
М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг.	105
П. О. Карышковский. Хронологии русско-византийской войны при Свято-славе	127
Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185)	139
М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.	152
В. Н. Лазарев. Новый памятник константинопольской миниатюры XIII в.	178
А. В. Банк. Восточный сосуд с греческой надписью (К истории культурных взаимоотношений Византии и Египта в XIII—XIV вв.)	191
Л. Т. Гюзальян. Приложение к статье А. В. Банк. „Восточный сосуд с греческой надписью“	202
К. Н. Афанасьев. Геометрический анализ храма св. Софии в Константинополе	207

Критика и библиография

I. Критические статьи

Н. В. Пигулевская. К вопросу о борьбе демонов в ранней Византии (Критический обзор)	216
А. П. Каждан. „Последнее слово“ современного буржуазного византиноведения	222
Е. Э. Липшиц. Вопросы павликианского движения в освещении современной буржуазной историографии	235
Б. Т. Горянов. Критический обзор актов международных византиноведческих конгрессов	244

II. Рецензии

А. В. Банк. В. Н. Лазарев. История византийской живописи. 2 тт. Изд-во „Искусство“. М., 1947—1948	257
А. П. Каждан и М. А. Заборов. М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха. Свердловск, 1949	273
А. Ф. Вишнякова. В. Николаев. Славянобългарският фактор в христианизация на Киевска Русия. София, 1949	276
М. Я. Сюзюмов. A. Hadjinkolaou-Marava. Recherches sur la vie des esclaves dans le Monde Byzantin. Athènes, 1950	280
А. Я. Гуревич. Фальсификация истории Латинской империи	284

Хроника

Пятая византиноведческая сессия Отделения истории и философии АН СССР	291
Ф. М. Россейкин (1879—1951)	301

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *М. А. Заборов*
Технический редактор *Н. П. Аузан*
Корректор *А. В. Ключарев*
Обложка художника *Н. А. Седельникова*

*

РИСО АН СССР № 4926. Т-03624. Издат. № 3387.
Тип. заказ № 264. Подп. к печ. 30/IV 1952 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₁₆. Бум. л. 9,5. Печ. л. 26,03.
Уч.-издат. 27,6. + 14 вклеек. Тираж 2500.

Цена по прейскуранту 1952 г. 17 р. 85 к.

1-я тип. Издательства Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 л., д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
95	23 св.	группы против	группировки
104	11 сн.	t. CLII	CLVII
280	6 св.	Афины, 1950, 218	Афины, 1950, 118

Византийский временник, т. V

17 p. 85 κ.